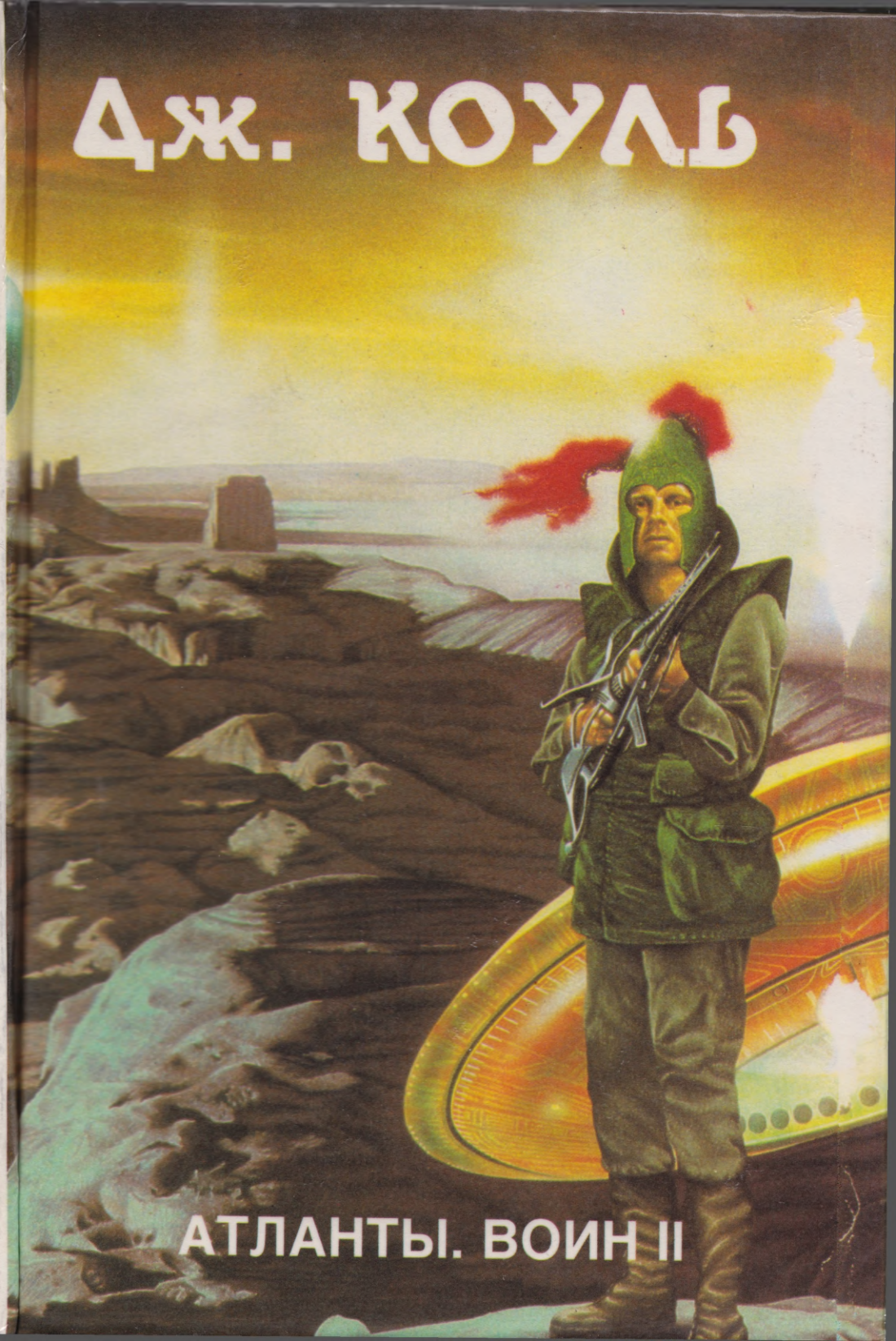
Дж. КОУЛЬ · АТЛАНТЫ. ВОИН II

МВ

Дж. КОУЛЬ

АТЛАНТЫ. ВОИН II

Дж. КОУЛЬ

АТЛАНТЫ. ВОИН II

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

МОСКВА
ТОО «ТРАНСПОРТ»
1995

ISBN 5-85550-031-4

© ТОО «Транспорт»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СКИФСКАЯ САГА

В качестве второй лучшей из областей я, Ахурамазда, создал Гаву, обитель согдийцев. Во вред ей Анхра-Майнью смертоносный произвел несущих гибель скифов.

АВЕСТА. Вендидат 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Черный город

Солнце...

Огромный раскаленный шар висел ровно над головой человека, высасывая последние остатки живительной влаги. Измученный конь медленно переступал копытами по песку. И человека, и животное мучили накопившиеся за три дня непрерывной скачки усталость и раны, но более всего жажда. Жажда...

— Пить!

Губы выдавили это сладкое слово и Скилл очнулся. Пить! Он мог думать лишь об этом. Живительная, серебристо плещущая влага. Он мог думать лишь о ней. Последний раз он и его конь пили два дня назад в оазисе Мазеб. Там-то их и настигли рыжебородые стражники Аримана.

Когда засвистели стрелы, спугнувшие мирных купцов, что остановились напоить верблюдов, Скилл в мгновение ока вскочил на спину Черного Ветра. Левая рука привычным движением выдернула из горита лук, правая — стрелу и один из врагов рухнул с коня, схватившись руками за пробитое горло. Мгновение — раз, два-три — и вторая стрела сбросила наземь еще одного рыжебородого. Затем полетела третья стрела...

Скилл пускал стрелы, а Черный Ветер плясал на крохотном пятачке между пальмами, мешая стражникам целиться. Они были неплохими стрелками, эти рыжебородые, но конь Скилла ускользал от их стрел, словно бестелесый призрак, а лук кочевника продолжал посылать смерть. Ибо Скилл был лучшим лучником среди скифов, а значит и лучшим лучником в подлунном мире, ведь, как известно, ни один народ не может сравниться со скифами в умении стрелять из лука. Скилл пускал стрелы с правой и левой рук, на скаку назад, через голову, свесившись под брюхом коня. Точному полету его тростниковых молний не могли помешать ни ветер, ни свистящие вокруг него стрелы, ни дикие выкрутасы жеребца.

Стражники Аримана поняли это не сразу — лишь тогда, когда Скилл истребил половину вражеского отряда. Возглавлявший погоню жрец выкрикнул приказание, и они поспешно скрылись за длинным глиняным дувалом, окружавшим храм местного идола. Скилл не стал дожидаться, когда враги опомнятся и вновь нападут на него. Он ударил пятками по бокам коня, и Черный Ветер помчался прочь из едва не ставшего ловушкой оазиса, оставляя сзади облако мелкой серой пыли. Выскочив из оазиса на дорогу, ведущую в Согд, скиф обернулся. Шагах в пятистах позади него неслась кавалькада всадников — рыжебородые возобновили преследование.

— Хоу! Вперед, Ветер!

Но жеребец не нуждался в понуканиях. Он прекрасно понимал, что хозяину грозит опасность. Черный Ветер прибавил шаг, его ноги замелькали в стремительном калейдоскопе. Лучший скакун Драгианы, он не имел себе равных в быстроте бега и выносливости.

В ушах Скилла свистел разрываемый скоростью ветер. Земля стелилась под ноги коня. Время от времени скиф оглядывался. Отрыв от преследователей увеличивался все более и более. Когда Черный Ветер достиг каменистого холма, за которым начиналась пустыня Тсакум, всадников уже не было видно. Зоркие глаза скифа смогли различить лишь крохотную полоску пыли, поднятую копытами лошадей рыжебородых, едва виднеющуюся на горизонте. Скилл похлопал скакуна по тяжело опадающему боку.

— Довольно. Поумерь свой пыл. Мы оторвались от них.

Словно пытаясь доказать своему хозяину, что он способен куда на большее, Черный Ветер галопом преодолел холм и сбавил темп, лишь ступив на желтый раскаленный песок Тсакума.

Размеренный бег иноходца продолжался до самых сумерек. Убедившись, что темнота и пыльные смерчи спрятали следы беглецов, Скилл остановил коня и стал готовиться к ночлегу. Вскоре в защищенной от ветра и чужих взоров лощине запылал крохотный костерок из сухих колючек.

Только сейчас, когда зашло жаркое солнце, Скилл почувствовал, как горят раненые плечо и нога. Две вражеские стрелы все же нашли его. Одна должна была пронзить предплечье правой руки, но, встретив на своем пути доспех из ткани хомс, которую делали из грубой шерсти, переплетая ее с волокнами редко встречающейся чрезвычайно прочной синей водоросли, скользнула в сторону, оцарапав кожу. Вторая рана была посерьезней — зазубренное острие пробило кожаный сапог и впилось в икру. В горячке боя Скилл обломил древко и совершенно забыл об оставшемся в ноге наконечнике. Теперь он напомнил о себе.

Раны пылали огнем. Скилл знал, что жар и сильная боль не пройдут еще два-три дня. Стражники Аримана мазали свои стрелы ядом, действие которого к счастью ослабло из-за жары. Лишь это обстоятельство спасло жизнь Скиллу.

Гораздо хуже чувствовал себя Черный Ветер, также раненый двумя стрелами. Его состояние осложнялось тем, что одна из стрел глубоко вонзилась в бок скакуна, затронув крупные кровеносные сосуды. Пораженный участок воспламенился и пульсировал болью. Тяжко страдая, Черный Ветер лежал на песке. Глаза его были мутны, хриплое дыхание свидетельствовало о том, что конь с трудом борется со смертью.

Не мешкая ни секунды, Скилл достал из вьюка небольшой котелок, плеснул в него воды из бурдюка, предусмотрительно набранной в оазисе Мазеб, и поставил котелок на огонь.

Вскоре вода закипела. Скилл вновь обратился к вьюку и

извлек оттуда несколько комочков серого ноздреватого вещества — золы, замешанной на соке хаомы. Сладкий сок редкого растения, дарующий забвение, хаома была универсальным средством от всевозможных болезней, средством, восстанавливающим жизненные силы. В этом волшебном соке воплотилась сила Ахурамазды, великого светлого бога. Сок хаомы, ценившийся вдесятеро дороже золота, был не по карману бедному кочевнику. Но «не богатство — доблесть» — таков был девиз Скилла. Он взял волшебное снадобье с боя, захватив ларец с хаомой во время налета кочевников-киммерийцев на дворец властителя Парсы. Это было несколько лун назад. Драгоценный сок уже не раз выручал Скилла, он поможет ему и сегодня.

Неотрывно глядя на кипящую поверхность воды и присовокупив на всякий случай короткое магическое заклинание, Скилл бросил катышек хаомы в котелок. Почти мгновенно вода окрасилась в оранжевый цвет. Тогда Скилл схватился за горячие дужки полою повидавшего виды халата и поставил котелок на песок. Варево остывало, воин смотрел на яркие блики огня, с тревогой прислушиваясь к тяжелому дыханию Черного Ветра.

Прошло какое-то время. Скилл окунул палец в котелок и решил, что лекарство готово к употреблению. Сделав несколько пассов руками, он поднес котелок к губам коня.

— Ну-ка, дружище, выпей.

Скакун открыл мутные глаза и непонимающе уставился на Скилла. Яд уже достиг его мозга и Черному Ветру было все равно, что утром взойдет солнце; он жаждал легкого забвения. Тогда Скилл ножом разжал зубы коня. Теплая жидкость потекла в глотку. Черный Ветер судорожно вздохнул. По животу и бокам пробежала легкая дрожь. Вскоре взгляд коня стал осмысленным, а жар начал спадать. Скиф удовлетворенно улыбнулся. Не останавливаясь на достигнутом, он оторвал от халата кусок ткани, смочил его раствором хаомы и приложил этот компресс к воспаленной ране. Оставшуюся жидкость он выпил сам и тут же провалился в глубокий, словно песчаный омут, сон.

Утро одарило путешественников двумя новостями. Первая из них была хорошей. Волшебное лекарство излечило Скилла и его скакуна, нейтрализовав действие яда. Жар спал, опухоли исчезли, раны почти затянулись. Живой взгляд коня свидетельствовал о том, что он готов продолжить путь.

Другая новость была черной. Пока они спали, стервятник, посланный Ариманом, проделал дыру в бурдюке с водой. После этого он попытался выклевать глаза Скиллу. Почуяв опасность, кочевник мгновенно проснулся. Птица взвилась в воздух, но, спустя мгновение, рухнула вниз, сбитая беспощадной стрелой. Когда Скилл подскочил к бурдюку, воды в нем оставалось самая малость. О том, чтобы растянуть ее до оазиса Трехгорбый Верблюд, где ждали друзья, не могло идти речи.

Волей-неволей Скиллу приходилось изменить маршрут.

Теперь он держал путь в сторону Красных гор, где по слухам было полным-полно источников с ключевой водой. По слухам, ибо никто не мог похвастаться, что бывал там. Красные горы пользовались дурной славой. Ни один, даже самый отчаянный воин, по доброй воле не отважился б отправиться в эти края. Однажды отряд пришедших с севера черноволосых киммерийцев, распаленных рассказами о сокровищах, что таят Красные горы, отправился через Тсакум на юг и исчез навсегда. Скилл собственными глазами видел, как они выезжали из оазиса Без пальм. Сорок высоких, сильных, уверенных в себе воинов. Ни один из них не вернулся назад. Красные горы поглотили их. Хотя скиф не был суеверным, подобно своим сородичам или другим народам, населявшим восточный континент, он не испытывал особого желания посетить это зловещее место. Но в этот раз у него не было выбора.

Оседлав коня, Скилл поскакал на юг, туда, где в смутной дымке виднелись миражи далеких Красных гор. И вот уже шел третий день пути.

— Пить...

Скилл мотнул головой и очнулся. Воспаленные глаза обежали окрестные барханы. Ничего живого, даже змеи или драконоподобного варана, чья отвратительно теплая кровь могла бы хоть чуть утолить мучительную жажду. Лишь безжизненные песчаные гребни, да комки пустынных лишайников.

Черный Ветер едва переступал ногами. Тяжело вздохнув, Скилл похлопал его по шее, ощутив ладонью иссохшую кожу. Конь вздрогнул, очнулся и затрусил чуть побыстрее. Они взобрались на высокий бархан, и скиф в изумлении открыл рот.

В десяти полетах стрелы от них возвышались стены неведомого города. Сооруженные из густо-черного, неведомого Скиллу камня, они вырастали прямо из песка, и марево плясало причудливый танец, меняя очертания зубов и башен.

— Мираж, — пробормотал Скилл.

Он закрыл глаза, полагая, что наваждение исчезнет, но когда открыл их вновь, город был на прежнем месте. И тогда скиф направил коня вперед.

По мере приближения к черным стенам жеребцом овладевало беспокойство. Если первую треть пути он проделал бодрой рысью, то вскоре перешел на шаг, а затем вообще остановился, не желая следовать дальше. Скиллу пришлось спешиться и повести коня на поводу.

Едва кочевник очутился у подножия стены, как почувствовал, что в его душе растет тяжесть, похожая на необъяснимый страх. От города исходила ощутимая злоба, которую почувствовали сначала конь, а затем и всадник. В полуденный зной черные стены должны были походить на раскаленную печь, но от них веяло ледяной стужей. И тишина. Тишина, несовместимая с местом, где живут люди. Робость коснулась сердца Скилла, но

много повидавший на своем веку воин не был склонен поддаваться панике.

По-прежнему ведя Черного Ветра на поводу, Скилл обошел город, но не обнаружил ни одних ворот. Похоже, их вообще не было, а если они и существовали, то неведомые мастера вделали их в стену столь искусно, что глаз Скилла не смог обнаружить ни малейшего выступа или щелочки.

Как попасть в город? — Это стало бы проблемой для любого путника, но не для Скилла. В зубцах черных стен были проделаны небольшие бойницы для стрельбы из лука. Скиф решил воспользоваться одной из этих бойниц, чтобы взобраться наверх.

Прицепив к оперению стрелы тонкий прочный шнур с небольшой петелькой на конце, Скилл натянул тетиву и выстрелил. Стрела попала в амбразуру и канула за стеной. Скиф начал осторожно тянуть за шнур. Вскоре из-за зубца показалась стрела с свисающей с оперенья петелькой. Кочевник ощерил зубы в довольной улыбке. Он извлек из горита вторую стрелу и снарядил ее точно так же, как и предыдущую. На этот раз он целился много дольше. Наконец пальцы отпустили тетиву. Стрела пролетела точно сквозь петельку, связав оба шнура узлом.

Дело было сделано. Скилл был доволен собой, но не показал виду, хотя прекрасно понимал, что никто в подлинном мире не сможет повторить этот трюк. Выбрав веревку, Скилл закрепил ее за луку седла и причмокнул.

— Хоу, Ветер! Пошел!

Неспешно переступая ногами, конь побрел прочь от стены. Веревка натянулась и повлекла Скилла вверх. Отталкиваясь от стены ногами, постоянно соскальзывающими с идеально отполированной поверхности, скиф поднимался все выше и выше, пока, наконец, не перебрался через каменный зубец.

Тяжело дыша, он поднялся на ноги и осмотрелся. Он находился на боевой площадке стены, перед ним простирался загадочный город — великолепные дворцы и храмы, богатые усадьбы и небольшие домики ремесленников. Белый и пепельный мрамор, красный с прожилками гранит, синеватый базальт. Лишь очень могущественному владыке было по силам доставить такое неисчислимое количество редкого камня в этот отдаленный уголок пустыни.

Красочный, словно из легенды, город поражал своей ирреальностью. Варварски пышное великолепие и запустение. Всеобщее, страшное, таинственное. На чисто выметенных улицах не видно ни одного человека. Ни звуков голоса, ни конского ржанья, ни рева верблюдов. Лишь вязкая тишина.

У стены, привлекая внимание хозяина, зафыркал черный Ветер. Скилл втянул наверх веревку и крикнул коню:

— Обожди меня! Скоро я вернусь с водой.

После этого он бросил шнур на землю и ловко съехал по нему вниз. Проверив на всякий случай, легко ли выходит из ножен аки-

нак, кочевник двинулся вдоль по улице, озираясь по сторонам. Он миновал беломраморную статую, изображающую какого-то жабоподобного идола, черное жерло огромного, уходящего под землю храма. Ни малейшего признака жизни. Скилл решил проверить, обитаемы ли жилища. Выбрав скромный, беленый известью домик, кочевник толкнул рукой легкую дверь.

Чистота и порядок. Идеальные чистота и порядок. Ни небрежно брошенной тряпки, ни пылинки, ни паутины под потолком. Кухонная утварь аккуратно расставлена по полкам, в разделочную доску воткнуты два медных ножа и небольшой топорик. Обеденный зал — стол из тика с крохотной царапиной на тщательно отполированной поверхности, недорогие чистые ковры на полу и на стенах, деревянный ларь, три низенькие скамеечки. Спальная комната — матрас, брошенный прямо на пол, скамейка, ларь, глиняная фигурка закутанного в плащ божка. Все аккуратно и опрятно, словно подчиняясь строгому порядку. Ни малейшего намека на то, что хозяева скрылись бегством или погибли из-за внезапного нашествия или черного мора. Казалось, они вышли ненадолго и скоро вернутся. Но в атмосфере помещения витал некий отголосок вечности, шептавший на ухо Скиллу, что жители покинули этот дом не одну сотню лет назад. Сильно озадаченный увиденным, скиф вышел на улицу и побрел дальше, надеясь найти воду.

Солнце, стоявшее в зените, когда номад ступил на мостовую Черного города, уже спряталось за зубцы стен. Скилл осмотрел несколько десятков домов, поражающий своим великолепием дворец, три посвященных неведомым богам храма, но нигде не нашел ни глотка воды. Не смог он обнаружить и ворот. Создавалось впечатление, что жители проникали в свой город по воздуху или сквозь стены.

— И не пили воды, — пробормотал Скилл, едва ворочая распухшим языком.

Он окончательно выбился из сил и терял сознание от жажды. Злобная аура, исходившая из города, подобно жернову давила на Скилла, пытаясь подчинить волю воина. Любой цивиллизованный человек давно покорился бы этой силе, но только не номад, чьей родиной была дикая Скифия. Тонкий налет цивилизованности, приобретенный им во время скитаний по Мидии, Парсе, Ионии, далеким восточным странам, не мог разрушить истинный пласт души сына степей. Как и всякий скиф, Скилл был отважен, вынослив и неприхотлив. Он полюбил тонкие вина и изящных женщин, но мог обойтись мутной брагой и засаленной бабенкой из кибитки какого-нибудь гирканца. Жизнь научила его разбираться в людях, отличать малейшую фальшь в произнесенной фразе, неискренность, промелькнувшую во взоре внешне доброжелательного собеседника. Боги востока и запада, севера и юга не оказали ни малейшего влияния на сознание безбожника — скифа, верившего лишь в острый меч, выносливого коня и верного друга.

Тяжело ступая отекшими от долгой ходьбы ногами, Скилл вошел в небольшой храм, украшенный фризами со сценами неведомых битв. Это был храм Меча—Веретрагны, бога войны и победителей. Внутри храма царил полный беспорядок, особенно сильно ощущаемый в этом до блеска вычищенном городе. Скиллу невольно подумалось, что здесь сводили счеты рассерженные великаны. Прекрасные мраморные фризы, украшавшие стены святилища изнутри, были безжалостно иссечены, статуя Веретрагны сброшена с постамента и расколота на мелкие кусочки, принесенные в жертву богам военные трофеи: мечи, щиты, доспехи, бронзовые кольца — свалены в кучу и загажены нечистотами.

Скилл нахмурился. Кому понадобилось осквернять храм Веретрагны, бога-война. Подобное кощунство не мог позволить себе ни парс, ни ионянин, ни согдиец, ни даже живущий на далеком севере савромат. Воины всех народов чтили Веретрагну и приносили ему искупительные жертвы.

Размышляя над увиденным, Скилл обошел храм. Внезапно его чуткий слух уловил шорох, исходивший из внутренних покоев, где некогда жили жрецы Веретрагны. Там кто-то был. Скиф бросился бежать по бесчисленной анфиладе залов, уходивших глубоко под землю. Звук, потревоживший его слух, становился все явственней. И, наконец, Скилл обнаружил, откуда он исходит. В огромной подземной зале, тускло освещенной шестью коптящими факелами, висел на стене человек. Голова и лицо его были обриты наголо, иссеченные шрамами руки пронзали огромные медные гвозди, вбитые в деревянные брусья, которые были прикреплены к стене таким образом, что составляли крест. Человек негромко стонал.

Чтобы продлить агонию, мучители распяли его не под палящими лучами солнца, а в прохладной пещере; дабы усилить боль они повесили казнимого всего лишь в локте от падающей с потолка струйки воды, но какие бы усилия он ни прилагал, он не мог бы дотянуться до нее губами.

Вода!

Забыв обо всем на свете Скилл кинулся к живительной влаге и подставил пересохшую глотку под ослепительно чистую струю. С каждым глотком силы возвращались к кочевнику. Он уже напился, но не мог заставить себя оторваться от этого лакомства, чей вкус был слаще вкуса хаомы. Слабый стон вернул его в реальность. Распятый очнулся и с равнодушным удивлением смотрел на пришельца. Скилл зачерпнул горстями воду и поднес ее к губам страдальца. Человек жадно припал к влаге, ладони мгновенно опустели. Скиллу пришлось повторить эту операцию раз двадцать, прежде чем распятый, напившись, откинул голову назад. Некоторое время они смотрели в глаза друг другу, затем распятый спросил:

— Кто ты, чужестранец, и как попал в Призрачный город?

Язык, на котором был задан вопрос, был незнаком Скиллу, но он походил на говор дрангианцев, и скиф понял. С трудом подбирая слова, он сказал:

— О том же я хочу спросить тебя.

Незнакомец мгновение молчал, затем коротко бросил:

— Фарси?

— Да! — обрадовался Скилл. Прожив пять лет среди парсов, магов и мидян, он вполне освоил их язык.

— Ты не парсянин, — констатировал человек, оглядев Скилла.

Действительно, Скилл мало походил на парса. В его лице не было важности, присущей надменным ариям, подбородок и щеки, обычно гладко выбритые, были покрыты грубой сизой щетиной, нечесанная грива спутанных волос волной спадала на широкие плечи. Большинство парсов, любители сладкого и жирной баранины, были склонны к полноте, Скилл же, напротив — сухощав и жилист.

— Ты тоже не парс, — заметил Скилл.

— Я жрец. Жрец Веретрагны!

В измученных глазах вспыхнул огонь, и скиф понял, что перед ним сильный человек, скорее воин, нежели служитель бога.

— Я скиф, — сказал Скилл. — Я спасаюсь от стражников Аримана.

— Из огня да в полымя, — прошептал жрец столь тихо, что Скилл не расслышал его слов.

— Кто обрек тебя на мучительную смерть?

— Ночные люди.

— Кто они? И как проникают в этот город, не имеющий ни одних ворот? С неба? Из-под земли?

— И с неба и из-под земли, — загадочно ответил распятый.

Ответ не удовлетворил Скилла, но он понял, что жрец больше не скажет.

— За что они распяли тебя?

— Они поклоняются Ариману, а я жрец Меча. Ариман не жалует храбрость и воинскую честь. Его интересуют лишь власть и замешанный на сверхъестестве разум. Поэтому он приказал своим слугам казнить меня, и сам выбрал этот мучительный способ казни.

Скилл понимающе кивнул. Да, быть в шаге от цели и при этом не иметь возможности достичь ее. Скилл и сам не раз попадал в схожие ситуации, но судьба была милостива к нему, позволив выйти из них с честью.

— Так Ариман бывает здесь?

— Да, в полнолуние. А те, кто ему поклоняются, каждую седьмую ночь.

Скилл присвистнул.

— Сегодня как раз полнолуние. Надо поторопиться покинуть это симпатичное место. Сейчас я освобожу тебя, наберу воды, и мы уйдем из города.

— Думай о себе, — посоветовал жрец. — Тьма сгущается. Скоро здесь будут слуги Аримана.

— Я скиф! — гордо сказал Скилл. — Я не владею твоей ученостью, но имею понятие о чести. Сначала я освобожу тебя.

— Ты делаешь ошибку. — Жрец шевельнул пробитой рукой и застонал от боли. — Впрочем, поступай как знаешь.

Скилл вытащил из ножен акинак. Используя небольшой стальной кинжал как опору, он просунул клинок акинака между бруском и рукой жреца и стал раскачивать гвоздь. Жрец застонал. Скиф удвоил усилия. Пытка болью продолжалась довольно долго. Наконец, медный гвоздь вылез из бруса и со звоном упал на пол. И тотчас же по зале пролетел легкий вихрь. Словно огромные легкие подземелий выдохнули застоявшийся воздух. Затем вдалеке послышались неясные звуки, напоминающие шарканье сотен ног.

Жрец медленно поднял голову.

— Я же говорил тебе, что Ариман не отпускает свои жертвы. Его слуги узнали о том, что кто-то пытается освободить меня и спешат сюда. Беги. Еще несколько мгновений, и будет поздно.

Скилл заколебался.

— Но мне нужна вода. Мой конь умирает от жажды.

— Беги, — упрямо повторил жрец, вытирая пот окровавленной рукой. — Наступит ночь, и в городе будет много воды. Но на твоем месте я предпочел быть этой ночью подальше от города. Беги!

В противоположном конце залы появились смутные тени. Скилл кивнул жрецу, словно прощаясь, и кинулся прочь. У самого выхода скиф обернулся. Жрец, скособочась, висел на стене. В глазах его, обращенных в сторону приближающихся мучителей, был ужас. И тогда Скилл послал ему смерть. Быструю и милосердную. Тренькнула тетива, и острая стрела пробила жрецу шею точно в том месте, где пульсировала яремная вена. Ток крови прекратился, глаза жреца потухли, и он бессильно обвис.

Быстрые ноги мгновенно вынесли скифа на поверхность. Жрец был прав. Уже стемнело. Вдалеке, в тени храма жабы, как окрестил про себя Скилл храм, украшенный статуей приземистого монстра, плясали огоньки. Дрожа от возбуждения, кочевник перебежал улицу и ловко, словно кошка, взобрался на крышу одной из усадеб.

Едва он успел проделать это, как из храма Веретрагны высыпала толпа странных существ. Похожие на людей, но с матово-белыми лицами и неестественно длинными руками, они что-то бормотали и подслеповато озирались по сторонам. Очевидно, их глаза не могли вынести даже той слабой толики солнечного света, все еще присутствовавшего в вечернем воздухе. Существа были облачены в однотонные халаты малинового, сиреневого и темно-зеленого цветов, головы их покрывали невысокие колпаки, похожие на шлемы. Некоторые сжимали в руках длинные

кривые ножи. Тоненько вереща, подземные жители рассыпались по улице, заглядывая в каждый дом, каждый храм, каждый дворец. Они искали того, кто осмелился проникнуть в их владения и избавил жреца Меча от мучительной смерти.

Затаив дыхание, Скилл наблюдал за тем, как двое псевдолюдей обыскивали дом, на крыше которого скрывался беглец. Работу свою они проделали чрезвычайно усердно, но наверх заглянуть не догадались. Когда их шаги затихли, Скилл со вздохом облегчения ослабил тетиву лука.

Но спустя мгновение, ему пришлось пережить куда более неприятные минуты. В чернеющем небе появились стремительные тени — это были те, что приходят сверху. Сотни летающих существ нависли над городом и стремительно опустились вниз.

Скилл слышал от суеверных эламцев, что летать по воздуху могут демоны. Но небесные гости мало походили на демонов. Обыкновенные с виду люди, чудесным образом летящие по небу. Одежда небесных гостей была чрезвычайно пестрой — яркие, шитые золотом и серебром халаты, ионийские туники, короткие накидки и шаровары. У некоторых были шлемы с высокими огненно-рыжими султанами. Скилл сразу подметил, что к обладателям шлемов все прочие относятся с подчеркнутым уважением.

Оказавшись на улице, небесные гости смешались с подземными псевдолюдьми. В отличие от последних, спустившиеся с неба любили свет. Каждый из них принес с собой светильник, наполненный минеральным маслом. Повешенные на карнизах домов и храмов светильники разом, точно по сигналу, вспыхнули, залив улицы мертвенным светом. Этот свет пришелся не по душе подземным людям, которые, однако, не осмелились протестовать. Прикрывая лицо руками, они спешили в укромные темные уголки и оставались там, пока их глаза не привыкали к столь раздражающим лучам, после чего вновь возвращались на улицу.

Небесные люди любили не только свет, но и воду. Обладатели шлемов разослали своих подчиненных по дворцам и храмам. Внезапно на центральной площади ударил огромный фонтан, несколько других, поменьше, появились пред храмами Жабы, Меча и Закутанного в плащ, а также перед дворцами. Почти в каждом дворе зажурчал выпущенный на волю родник.

Радостно смеясь, небесные гости сбрасывали одежды и прыгали в круглые чаши фонтанов, смывая пыль, осевшую на теле во время полета. Скилл едва сдержал возглас удивления. Все небесные люди оказались женщинами, причем женщинами роскошными, достойными воинов и царей. Высокая грудь, тонкая талия, изящные стройные ноги — Скилл почувствовал томление в чреслах. Нечто похожее испытывали и псевдолюди. Разинув рты, они с вожделением смотрели на женщин, кое-кто посмелее пытались дотронуться до обнаженной площади, но небесные гости со смехом отбрасывали тянущиеся к ним руки — время любви еще не пришло.

Откуда-то — Скилл мог поклясться, что прямо из воздуха — возникли столы, накрытые для пира. Такого великолепия скиф не видел никогда. Даже царский стол в захваченном лихим налетом дворце в Парсе, не шел ни в какое сравнение с пиршеством гостей Черного Города. Сотни блюд из мяса, диковинных рыб и сладкого теста, нежнейшие дыни и персики, прозрачный виноград, политый медом миндаль, кувшины с густым вином. Рот Скилла заполнила кисловатая слюна. Немудрено — он не имел крошки во рту уже три дня.

Ряды столов расставились огромным шестиугольником вокруг фонтана, рядом с которым, спустя мгновение, материализовался круглый стол из цельного среза гигантского дерева. На полированной поверхности его возникли массивный черный трон и огромное блюдо из черненого серебра, явно предназначенное для главного яства.

Жареный на вертеле бык, осетр с соленого озера, гигантский морской кальмар. В голодном воображении Скилла возникали эти и другие не менее аппетитные образы.

И вот в звездном небе появились тени женщин, несущих какую-то темную массу. Через мгновение они опустили свою ношу на блюдо.

— Ну уж нет!

Забывшись, Скилл едва не вскочил на ноги. Несколько псевдолюдей, уловивших в общем гаме выкрик скифа, повернули головы в его сторону; но кочевник не обратил на это никакого внимания. Его взор был устремлен на стол, где, едва шевеля спутанными ногами, лежал Черный Ветер — «гвоздь» ночного пира жителей Черного города.

Надо было выручать коня. Скилл понимал, что он здорово рискует жизнью, но он рисковал ею, да простят мне этот каламбур, всю свою жизнь. А кроме того, спасая Черного Ветра, он спасал себя, так как без коня он не мог выбраться из песков Тсакума. И главное — Черный Ветер был его другом. Вот уже пять лет этот дрангианский скакун носил своего хозяина по опаленным зноем землям восточных стран от Элама до Скифии, деля с ним горести и тревоги. Скилл не привык оставлять в беде друзей.

Но как помочь? Засыпать пирующих стрелами и попытаться воспользоваться паникой и освободить коня? Но у Скилла осталось всего десять стрел, а ночных гостей было в сотни раз больше. Рассчитывать на то, что паника будет продолжительной, было бессмысленно. Крылатые женщины тут же взовьются в воздух и атакуют скифа сверху, а на земле будут поджидать псевдолюди, вооруженные кривыми кинжалами. И ему придется плохо. Нет, нужно было искать другой выход.

Тем временем ночные гости стали рассаживаться за столы. Скилл заторопился. Мягко, словно пустынная кошка, он спрыгнул с крыши и тут же столкнулся с одним из псевдолюдей, зашедших во дворик, чтобы справить естественную нужду. Реакция

дикаря-кочевника была стремительней, нежели движения подземного человека, проведшего жизнь не в сражениях, а в оргиях и кровавых обрядах. Прежде, чем непрошеный гость успел вскрикнуть, на его голову обрушилась рукоять акинака. Псевдочеловек всхлипнул и грузно осел наземь.

Сноровисто стянув с поверженного врага халат, Скилл напялил его на себя. Здесь он сделал еще одно открытие. Подземный житель был покрыт слоем белой краски, под которой кое-где проглядывала черная, как смоль, кожа.

— Эфиоп? — озадаченно пробормотал Скилл. Однако предаваться размышлениям было некогда. Быстро опутав оглушенного шнуром и засунув ему в рот кляп, Скилл закинул безжизненное тело в заросли кустарника. Затем он напялил на голову колпак и придирчиво оглядел себя. Сойдет! Вот только смуглая кожа... Скилл порылся в кармане халата и обнаружил там баночку с белой краской. Это снимало все проблемы. Щедро вымазав лицо и руки, скиф вышел из своего укрытия и присоединился к гостям, которые занимали места, готовясь приступить к пиру.

Он пристроился за одним из столов, где уже сидели с десяток женщин и псевдолюдей. Затем подошли еще несколько гостей, и вскоре все места были заняты. Пирующие разместились таким образом, что каждая гостья оказалась в окружении двух псевдолюдей, а руки каждого подземного жителя касались бархатистой кожи двух красоток. За круглым столом уселись двенадцать девушек в шлемах и двенадцать псевдолюдей, отличавшихся от собратьев более изысканным покроем одежды.

Скилл оказался зажат между двумя симпатичными девицами. Одна из них, с кудрявыми волосами, уделяла все внимание другому соседу, зато та, что сидела по левую руку улыбалась исключительно Скиллу, время от времени игриво подмигивая ему. Не зная, как себя вести, скиф скалил в ответ свои белые зубы и усиленно мигал обоими глазами. И тут небесная странница заговорила.

— Ты, должно быть, новенький?

Слова эти были сказаны на одном из бактрийских наречий, хорошо знакомых Скиллу, поэтому он не замешкался с ответом.

— Да, я посвящен лишь недавно.

Ответ этот вполне удовлетворил собеседницу. Легкая настороженность, которая обычно бывает при первом знакомстве, исчезла. Придвинувшись вплотную к Скиллу, девушка прошептала:

— Тогда этой ночью тебя ожидают много приятных мгновений и неизведанных наслаждений. — Взгляд собеседницы был столь откровенен и многообещающ, что Скилл едва не забыл о той цели, ради которой он оказался за столом. Но не забыл.

— И что же ожидает меня этой ночью?

— Сначала будет пир. Потом праздник, который будет продолжаться до рассвета.

— А что сделают с этим тощим животным? — Скилл кивнул в сторону Черного Ветра, который учуял хозяина, но не мог распознать его среди сотен одинаково белых лиц и оттого волновался.

— Его принесут в жертву Ариману, когда потухнет последняя звезда.

У Скилла чуть отлегло от сердца. В ближайшее время коню ничего не грозило. А на рассвете, когда гости города утомятся от веселья, он найдет способ освободить Черного Ветра и исчезнет из города.

— Хоть бы напоили его перед смертью, — буркнул скиф, заметив, как мучительно косится конь на кувшины с вином.

— Напоить? Зачем? В этой жизни ему осталось прожить всего ночь.

«Это мы еще посмотрим!» — подумал Скилл, а вслух сказал:

— Конечно.

Ему не терпелось узнать, что за странное общество собралось на пир в этом загадочном городе, но он благоразумно воздержался от расспросов, а лишь попросил:

— Я не посвящен во все тонкости предстоящих таинств и буду очень благодарен, если ты возьмешь на себя труд объяснять мне время от времени, что здесь будет происходить.

— Хорошо, — согласилась девушка. Она еще теснее прижалась к Скиллу и сладострастно провела языком по его шее. Прикосновение было влажным и приятным. — Коллегия Посвященных дожидается, когда зажжется седьмая звезда, после чего Великий Посвященный обратится к собравшимся с речью.

Она замолчала и вновь провела языком по шее Скилла. Чувствуя, как низ живота трепещет в сладкой неге, Скилл приподнял голову девушки и впился поцелуем в полные губы. Но крепко сжатые острые зубки не пропустили язык Скилла. Девушка отстранилась и прошептала:

— Еще не время.

Но Скилл видел, что ее приятно волнует такая горячность.

В этот миг один из сидевших за круглым столом псевдолюдей встал со своего места и поднял вверх руку.

— Великий Посвященный, — шепнула девушка.

Дождавшись, когда говор за столами стихнет, псевдочеловек начал говорить.

— Братья и сестры! Повинуясь зову круглой луны, мы собрались здесь на наш священный праздник, чтобы оживить своим присутствием Призрачный город, подаренный нам владыкой тьмы. О, великий Ариман, услышь зов своих детей и снизойди в их преданные сердца...

Великий посвященный говорил еще и еще, но Скилл не слушал. Судя по всему, он влип в пренеприятную историю, попав на

пир слуг Аримана, где возможно — а тщательные приготовления свидетельствовали именно об этом — соизволит появиться и сам владыка тьмы.

— ... В эту славную ночь поднимем наши чаши во славу хозяина, великого Аримана!

Псевдочеловек поднял наполненную до краев чашу и одним махом осушил ее. Скилл присвистнул от удивления. Чего-чего, а пить он умел. Как и все скифы, он мог осушить кувшин крепкого вина и остаться стоять на ногах, но так запросто, одним глотком, огромную чашу... Тем лучше! Они быстрее выйдут из игры. Скилл искоса проследил за тем, как псевдолюди и их подруги вливают в себя кубки вина.

— Почему ты не пьешь?

— Пью...

Взяв чашу, Скилл сделал небольшой глоток. Вино было прохладное и приятное. Терпкий, неведомый кочевнику привкус свидетельствовал о том, что в виноградном напитке присутствуют какие-то добавки.

— Странное вино. — Скилл сделал несколько больших глотков и отставил чашу. — Что в него добавляют?

— Ты не знаешь? — Удивление соседки граничило с подозрением.

— Я же сказал тебе, что посвящен лишь на днях, и мне известны далеко не все секреты слуг Аримана.

— Конечно, конечно. Я не хотела обидеть тебя. Это вино делается из винограда, выращенного на южных склонах Заоблачных гор. Когда оно выстоится в тысячемирритовых дубовых бочках сорок лет, Ариман добавляет в него несколько капель эликсира жизни. Этот напиток продлевает наше земное существование. Мы живем втрое больше против обычных людей. Сам Ариман пьет столетнее вино. И не в полнолуние как мы, а ежедневно. Поэтому он живет вечно.

— Вот как!

Скиллу захотелось продлить свою беспутную жизнь хотя бы на пару лет, и он спешно допил бокал.

— Налей-ка еще!

Девушка выполнила его просьбу, облизав при этом полные губы. Без всякой паузы скиф опрокинул в глотку второй бокал. Блаженное тепло волной прокатилось по телу. Мозг затуманило пеленой и сладкой негой. Вино разожгло аппетит, и кочевник с жадностью набросился на еду. Жаркое из сайгака, баранья лопатка, приготовленные в кислом вине телячьи ребра, филе акулы, сладкие колобки — яства исчезали во рту Скилла с неимоверной быстротой, а в коротких паузах между переменой блюд номад вливал в себя очередную чашу вина. Чудовищный аппетит Скилла вызвал удивление псевдолюдей, его соседей по столу, а летающие женщины почему-то смотрели на Скилла с животным вожделением.

— Я никогда не видела такого едока, — сладострастно шепнула подруга Скилла. — Такое впечатление, что тебя морили голодом с прошлого полнолуния.

— Нет, чуть поменьше, — усмехнулся скиф. — Просто я люблю вкусно поесть.

Тем временем пир продолжался. Псевдолюди и девушки ели и пили. Больше всех пил Великий Посвященный, но и он не мог угнаться за Скиллом, который, набив желудок до отказа, продолжал осушать бокал за бокалом. Вино вливалось в глотку скифа словно в бездонную бочку.

Наконец, Великий Посвященный встал со своего места. По его приказу шесть нэрси подняли со стола блюдо с Черным Ветром и перенесли его в храм Закутанного в плащ. Псевдолюди передвинули черное кресло в центр стола. Затем их вождь хлопнул в ладоши, и все блюда и кувшины растворились в воздухе. Разговоры и чавканье мгновенно стихли. Великий посвященный развел руки в стороны.

— А теперь я возношу нашу мольбу к всесильному Ариману. Прийди к нам, о, великий бог! Мы молим тебя об этом, наш господин!

Несмотря на огромное количество выпитого вина, глаза Скилла остались такими же зоркими, как и прежде. Он заметил, что, взывая к Ариману, жрец поднял руки вверх и незаметно коснулся большого черного перстня, украшавшего его руку.

Ариман появился ниоткуда. Еще мгновение назад трон был пуст, а теперь на нем восседал некто, с ног до головы закутанный в черный плащ. Если это и был трюк, то очень ловкий. Псевдолюди и небесные женщины издали ликующий вопль. Ариман встал с трона и откинул капюшон. Скилл вздрогнул — настолько ужасным оказалось лицо владыки тьмы. Ариман простер пред собой руки.

— Я внял вашей мольбе, дети мои!

Собравшиеся завопили еще громче.

— Я пришел к вам, чтобы дать свободу!

Едва Ариман произнес эти слова, как началось что-то невообразимое. Летающие женщины и псевдолюди повскакали с мест и стали срывать с себя одежды. Скилл не успел опомниться, как лежал на мостовой, а на нем сидела его словоохотливая соседка. Она уже скинула свой хитон и теперь, дрожа от возбуждения, стягивала малиновый халат Скилла.

Через мгновение она упала на кочевника и прильнула губами к его рту. Жадные руки зашарили по мужскому телу, возбуждая чресла.

Столь страстной женщины скиф еще не встречал. Совершенно исключив любовную прелюдию, она немедленно перешла к делу; Скиллу не оставалось ничего иного, как расслабиться и отдаться во власть буйных фантазий своей подруги. Вскоре он застонал от наслаждения, а летающая женщина билась в неисто-

вом экстазе. То же самое происходило и с ее подругами, и с псевдолюдьми, хотя движения последних были вялы. Скилл с удивлением отметил, что в каждой любовной паре наверху была женщина, а псевдочеловек покорно подчинялся ее желаниям.

Внезапно кочевник почувствовал легкую боль в области шеи. Словно укол. В голове слегка помутилось, тело налилось истомой. Язычок девушки мягко вылизывал его кожу от подбородка до соска. Чувство очень приятное, но какое-то странное и неизведанное, а неизведанное могло таить опасность.

Скилл открыл глаза. Голова девушки двигалась взад-вперед, в ее горле урчало от удовольствия. Но что она делает?! Скилл схватил руками коротко остриженную голову и оторвал ее от своей шеи. Его подозрения оправдались. Губы девушки были алы от крови, глаза сверкали хищным блеском. Она нежно улыбнулась, обнажив острые клыки. Сердце Скилла объял липкий ужас. То была нэрси — женщина-вампир. Скиф не раз слышал сказания старых улостов о том, как легкокрылые нэрси нападают на одиноких путников и высасывают из них кровь и жизнь. Тогда скиф смеялся над этими сказками, теперь же они оказались былью. Это была нэрси; у нее не было крыльев, но она летала. Нэрси недоуменно посмотрела на Скилла и вновь потянулась к его шее.

Удар в висок лишил ее сознания. Скилл не собирался расставаться со своей кровью. Прикрываясь бесчувственным телом нэрси, он приподнял голову и огляделся.

Оргия стала совершенно неистовой. Большинство нэрси насытились кровью и оставили ослабевших псевдолюдей. Разжигаемые похотью девушки бросались в объятия подруг и предавались неестественной любви. Ариман бесстрастно наблюдал за этим омерзительным представлением. Внезапно он остановил свой взгляд на Скилле, который отличался от псевдолюдей смуглым цветом кожи. Испугавшись, что бог зла разоблачит его, Скилл поспешил изобразить неистовую страсть.

Какое-то время он предавался вынужденной любви, затем осторожно выглянул из-под нэрси в сторону трона Аримана. Бог, пресытившись похотливым зрелищем, исчез. Настала пора откланяться и Скиллу.

Спихнув с себя нэрси, скиф встал, накинул халат и направился к храму, куда заточили Черного Ветра. Конь узнал хозяина и негромко ржал. Скилл освободил друга от пут и подвел его к фонтану.

— Постой здесь.

Пока конь хватал мягкими губами воду, Скилл сбегал за луком и акинаком, спрятанными в кустах рядом с бесчувственным телом псевдочеловека, который столь любезно одолжил ему свой халат. Теперь ему предстояло подыскать надежное убежище подальше от площади, а утром, когда псевдолюди и нэрси покинут город, он найдет способ переправить скакуна через стену. Скилл переоделся в свою одежду и вернулся к фонтану. Не обра-

щая внимания на то, что Черный Ветер чем-то обеспокоен, Скилл хлопнул скакуна по раздувшемуся от воды животу.

— Напился? Тогда поспешим!

— Поспеши! Поспеши! — донесся сверху насмешливый голосок. Скиф поднял глаза. Над ним парила нэрси, великолепная в своей наготе и ярости. Вскинув лук, Скилл приказал:

— Вниз!

— Ха-ха-ха! — Звонкий голосок всколыхнул тишину. Несколько нэрси прекратили заниматься любовью и недоуменно смотрели на Скилла и прижавшегося к нему Черного Ветра. Скиф понял, что теперь им не стоит рассчитывать на то, чтобы укрыться в городе. Нэрси и псевдолюди отыщут их и растерзают. Номад рассвирепел.

— Пеняй на себя!

Стрела была готова пронзить тугую грудь нэрси, но в последний момент скиф изменил решение и избрал другую цель. Свистящая смерть вонзилась в переносицу Великого Посвященного, который вылез из кучи обнаженных тел и, указывая пальцем в сторону Скилла, разевал рот для крика. Не успело тело псевдочеловека коснуться земли, а новая стрела уже смотрела в грудь нэрси.

— Я не собираюсь тебя больше уговаривать! — заорал скиф. — Вниз!

И нэрси испугалась. Она поняла, что незнакомец не шутит. Девушка поспешно спустилась вниз, Скилл бросил ее в седло и вспрыгнул на круп коня. Поднялся крик. Один из посвященных, размахивая кинжалом, кинулся к кочевнику и тут же рухнул со стрелой в горле. Двумя быстрыми движениями Скилл привязал девушку к Черному Ветру.

— Лети вверх!

— Нет, я не могу!

— А я говорю: лети!

Шея нэрси ощутила прикосновение холодной стали. Скилл почувствовал, как они медленно поднимаются в звездное небо. Сотни обнаженных нэрси взлетали вслед за ними, намереваясь растерзать похитителя и освободить подругу.

Но воин был спокоен. Темнота помогла им, и они уже миновали стену Черного города, а пустыня должна была укрыть их от преследователей.

— Если хочешь жить, лети побыстрее! — велел скиф пленнице, обернувшись и обнаружив, что нэрси настигают беглецов.

— Я не могу, — простонала девушка. — Мне тяжело.

Ее дыхание было прерывистым. Скилл понял, что девушка не лжет. Тогда он смилостивился.

— Ладно, спускайся вниз.

Сунув акинак в ножны, Скилл извлек лук и выпустил одну за другой две стрелы. Одна из преследовательниц, почти уже дотянувшаяся кинжалом до крупа Черного Ветра, с криком полетела

вниз. Вторая чудом успела увернуться от стрелы, которая лишь оцарапала ей грудь, и, осознав серьезность предупреждения, отстала.

Копыта коня коснулись земли, и он понесся по песку. Нэрси однако пыталась подняться вверх, отчего скакун то и дело спотыкался.

— Расслабься, — велел скиф, тронув плечо девушки наконечником стрелы.

Когда встало солнце, беглецы были далеко от Черного города. Нэрси дрожала под бурнусом Скилла, спасая нежную кожу от лучей солнца, Скилл, прищурившись, всматривался в виднеющуюся вдали цепь гор. То были красные горы, где их ожидали нелегкие испытания, но скиф был уверен в своей удаче как никогда. Его пьянили волшебное вино, целый кувшин которого плескался в бурдюке у правой подпруги Черного Ветра, свобода и прекрасная нэрси, чьи груди упруго вздрагивали от нескромных прикосновений ладони сына степей.

— Совсем забыл спросить. Как тебя зовут, малышка?

— Тента.

— Хоу! Мы еще погуляем, Тента!

И Черный Ветер взбил копытами блеклый песок.

— Хоу!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Красные горы

Оставив Тенту и Черного Ветра у укрытого меж финиковыми пальмами источника, Скилл направился к темнеющим неподалеку каменным глыбам, сплошь покрытым кустарником и редкими деревьями. Необходимо было осмотреться, а если повезет, подстрелить какую-нибудь добычу. Прежде проблема питания не волновала его. Гораздо важнее, чтобы был сыт Черный Ветер, скорость ног которого напрямую зависела от наполненного желудка. Скилл вполне мог довольствоваться куском черствой лепешки и глотком воды или вина. Кусок мяса был в его понимании роскошью, без которой вполне можно было обойтись. Но теперь на его попечении оказалась девушка-нэрси, привыкшая к сытной, более того, изысканной пище.

Тента доставляла Скиллу достаточно много хлопот, но он не мог не признать, что ее общество имело и весьма приятные стороны. Благодаря ей ночи стали куда короче. Кроме того, Скилл использовал нэрси как своеобразного летающего дозорного. Вначале он опасался, что пленница воспользуется первым подходящим моментом и сбежит, но вскоре понял, что Тента не слишком рвется на свободу. Видно, общество Скилла устраивало ее куда больше, чем оргии с псевдолюдьми да обременительная служба Ариману. Убедившись, что нэрси не попытается бежать, скиф развязал ее и предоставил полную свободу действий. Утром и вечером — днем нэрси не летали из-за палящих лучей солнца — она парила в небе, облегчая жизнь Черного Ветра, а заодно обозревая окрестности, так как Скилл опасался погони.

Из рассказов Тенты выяснилось немало интересных подробностей относительно женщин-нэрси и псевдолюдей, которых девушка именовала харуками. Она рассказала Скиллу, что харуки используются Ариманом для разного рода темных дел — убийств, похищения людей, грабежа купеческих караванов. Иной была роль нэрси, которые служили в качестве летающих курьеров, шпионов, а также ублажали гостей Аримана.

Бог зла предстал пред Скиллом почти человеком, в чем-то всемогущим, а в чем-то уязвимым, не чурающимся вполне людских интриг и слабостей. Скилл узнал в частности, что Ариман неравнодушен к совсем юным девушкам, и харуки периодически похищают их по его приказу.

Тента поведала скифу, что стала нэрси не так уж давно. Кем она была раньше, девушка не помнила. Ее воспоминания ограничивались днем, когда рыжебородые слуги Аримана напали на купеческий караван и захватили ее в плен. Тента помнила горячий потный круп коня и крепкие руки, бесцеремонно сбрасывавшие ее на вечерних привалах. Плененная девушка приглянулась

Ариману, а еще больше его гостю — магу Заратустре. Желая угодить магу, Ариман уступил ему Тенту с условием, что тот вернет девушку не позже, чем через луну. Рассказывая о времени, проведенном у мага, Тента с некоторым самодовольством заметила, что Заратустре было жаль расставаться с ней, но он побоялся разгневать Аримана, которому не составляло труда испепелить своего врага взглядом.

— Я сама видела! — горячась говорила она, видя, что Скилл недоверчиво усмехается. — Но маг был не слишком умелым любовником. Ариман оказался куда интереснее. Правда, он не разговаривал со мной, а кроме того ни разу не показал своего лица. Даже любовью он занимался не снимая маски. Мне это очень не нравилось. А в остальном он был ничего...

У Скилла при этих словах появилось какое-то неясное чувство — нечто вроде ревности к Ариману.

— Кто же тебе больше нравится: я или Ариман?

Ответ нэрси польстил ему.

— Ты. Ты человек, и я не боюсь тебя. — Тента хитровато прищурилась. — Ты добрый человек. А Ариман неестественное существо. Даже в минуты наивысшего наслаждения я боялась его.

— Выходит, я отбил любимую у самого Аримана!

— Вряд ли меня можно считать его любимой. У Аримана сотни наложниц, хотя, возможно, он предпочитал меня другим. Я бывала у него не реже пяти раз в луну.

Скилл рассмеялся.

— И как у него хватает сил и времени на такую кучу возлюбленных?

— Время для него ничего не значит. Ариман властен над ним. А сил у него действительно хоть отбавляй. Ведь он бог.

Тента потянулась губами к шее скифа, но тот, памятуя о скверной привычке, бесцеремонно оттолкнул ее в сторону.

— Когда ты перестанешь тянуться к моей глотке?!

— Извини. Но в этом нет моей вины. Хотя, может, и есть. Я могла оставаться просто наложницей Аримана, каких сотни, но мне хотелось летать. Тогда Ариман дал мне Эликсир воздуха, и я выпила его, хотя знала, что искуплением за этот шаг будет вечная жажда крови.

— И вы, нэрси, губите путников, чтобы выпить у них кровь? — с отвращением спросил скиф.

— Не обязательно. Мы можем пить кровь лошадей, верблюдов или быков, но человеческая кровь всех слаще. Если мы не видим крови несколько солнц, то теряем силы и способность летать.

— Мне жаль, — сухо произнес Скилл, отодвигаясь подальше от блестящих глаз нэрси, — но я не собираюсь делиться с тобой своей кровью. Я видел, как ослабли после кровопускания псевдолюди.

— Да, это отнимает силы, — согласилась Тента. — Но таков удел харуков. Они приговорены Ариманом раз в луну утолять нашу жажду. Остальное время мы питаемся кровью животных или путников.

Скилл схватил нэрси за округлый подбородок и предупредил:

— Не вздумай присосаться к шее Черного Ветра!

— Нет, что ты! — Нэрси возмутилась. Впрочем, не очень искренне.

В тот вечер она была менее пылкой, а утром с трудом поднялась в воздух.

К счастью, к концу дня путники достигли отрогов Красных гор. Утомленные дорогой Тента и Черный Ветер остались у родника, а Скилл отправился осматривать окрестности.

Плоскогорье было покрыто порослью диких яблонь и абрикосов, боярышника и барбариса. Но особенно привлекали Скилла небольшие фисташковые рощицы. Именно в зарослях фисташек он рассчитывал подстрелить добычу — дрофу или пару вяхирей, а если повезет — дикого горного кабана, зашедшего полакомиться спелыми орехами. Он брел по россыпи потрескивающих плодов, настороженно оглядываясь по сторонам. Фисташковые заросли служили прибежищем для множества змей, в том числе подлых гюрз, сворачивающихся при появлении человека в серый неприметный комочек.

Слева раздался шорох. Воин насторожился и вскинул лук. Из-за дерева выглянула смешная мордашка мышки-сони, существа забавного и беззащитного. Улыбнувшись, Скилл ослабил тетиву. Крохотная мышка не представляла интереса для охотника — понадобилось бы два десятка подобных сонь, чтобы насытить его и Тенту. Нестоящая добыча, нужно было искать что-нибудь покрупнее.

Он миновал уже половину рощицы, прежде чем заметил шуршащего листвой дикобраза. При виде человека животное распушило иглы, стараясь придать себе грозный вид. Но Скилл знал, что дикобраз — безобиднейшее из существ и это лишь маскарад, чтобы отпугнуть незваного гостя. Не знающая пощады рука послала меткую стрелу, дикобраз повалился на землю. Спустя мгновение охотник сидел на корточках возле добычи и ловко орудовал ножом. А вскоре нежнейшее мясо шипело на углях.

С наслаждением доев четвертый или пятый кусок, скиф откинулся на спину и сыто рыгнул. Нэрси также утолила голод. Она съела сочное сердце, а также несколько яблок, подобранных Скиллом на обратном пути. Кровь дикобраза восстановила ее силы и вернула хорошее настроение. Поблескивая глазами, девушка подползла к Скиллу и, словно ласковая кошка, прижалась к его груди. Скиф приобнял ее за талию. Черный Ветер негромко заржал и ткнул мордой в плечо хозяина.

— Тихо, Ветер! — велел кочевник.

Огонек костра действовал на него умиротворяюще, тело

налилось приятной тяжестью. Отдыхая от жары и изматывающей скачки, Скилл в полудреме слушал негромкий журчащий говорок Тенты, продолжавшей рассказ о своей жизни.

— После того, как я стала нэрси, Ариман отдал меня в обучение Глайге, одной из старших сестер. Ими могут стать лишь те, кто прослужили Хозяину не меньше десяти лет, да и то не все. Глайга обращалась со мной грубо, она ревновала меня к Ариману. Эти дурочки-нэрси все поголовно влюблены в Аримана. Он узнал об этом и наказал ее. Двое стражников били Глайгу бичами в моем присутствии. Она страшно кричала. С тех пор она внешне изменила отношение ко мне, стала внимательной и ласковой, но это лишь внешне. В глубине души, я знаю, она еще больше возненавидела меня. Глайга научила меня управлять телом в полете, владеть копьем и мечом. Меня научили обслужить и ублажать гостей.

Скилл криво улыбнулся.

— И много их было, гостей?

— У Аримана всегда гости. В его замке можно встретить и эллинского архонта, и парсийского сатрапа, и простого земледельца. Ведь слуг Аримана неисчислимое множество. Но наиболее часто к нему приходят маги — черные и белые. Белые величают себя послами Ахурамазды, держатся важно, но на деле все они большие пройдохи и норовят выведать какое-нибудь из заклинаний Аримана. Тот ласков с ними, но не более. И белым магам остается лишь обжираться от пуза редкими яствами, пить волшебное вино да приставать к нэрси. Черные маги — более серьезные ребята. Они служат Ариману, а за это он наделяет их колдовскими чарами. Но стоит им позабыть о том, что они не более, чем слуги Хозяина, и настает расплата. Она бывает разной. Иногда Ариман лишает их волшебного дара и изгоняет, иногда посылает к провинившемуся нэрси с шелковым шнуром. Получив этот подарок, маг понимает, что прогневил Хозяина и должен оставить этот мир. Если маг не хочет уйти из жизни добровольно, с ним расправляются слуги Аримана. Но, прослужив долгие годы Ариману, многие маги возомневают себя достаточно могущественными и пытаются сопротивляться. У некоторых это неплохо получается. Очень много хлопот доставил Ариману Вавилонский маг Кермуз. С помощью колдовства он отразил нападение посланных уничтожить его харуков и нэрси. Вызванный им горный обвал похоронил целый отряд рыжебородых. Ариман потерял многих своих слуг. Тогда он был вынужден поручить это задание дэвам.

— Дэвам? — заинтересовался Скилл. — А что, они действительно существуют?

— А то как же!

— По-моему, это сказки.

— Но ты считал сказками и нэрси, и самого Аримана.

Скиф усмехнулся.

— Ну, допустим, в Аримана я не верю и сейчас. Это какой-то ловкий проходимец, скрывающий под маской угристое лицо.

— Ты похож на задиристого мальчишку. — Нэрси мягко, почти по-матерински улыбнулась, обнажив острые зубки. — Ариман существует. И дэвы. Но я никогда не видела их. Девушки-нэрси рассказывали мне, что дэвы громадные ростом, чрезвычайно сильные и злые. Они порождения Аримана, но Хозяин не доверяет им из-за того, что они слишком своенравны. Будучи на словах преданы Ариману, они нередко пытаются устроить ему какую-нибудь пакость. Их тяготит власть Аримана. Поэтому Хозяин прибегает к их помощи лишь в исключительных случаях. Дэвы одолели Кермуза, но Ариман не получил его голову. Они заявили, что оставят ее себе как талисман, но лично я думаю, что они не убили мага и держат его при себе как оружие против Аримана. А может быть, ему удалось ускользнуть от них.

— Я слышал, — вымолвил скиф, борясь с одолевающей дремотой, — что дэвы живут здесь, в Красных горах.

— Да. Раньше они охраняли Заоблачный замок Аримана, но затем он удалил их подальше от себя и поселил здесь, приказав хватать и убивать всех путников, что рискнут пересечь пустыню и вторгнуться во владения Аримана.

— А как же попадают к нему гости, о которых ты рассказывала?

— С помощью колдовских чар, именуемых световыми окнами.

— Смешно? — пробормотал Скилл.

— Что смешно, — не поняла нэрси.

— Я и в мыслях не имел намерения попасть во владения Аримана, но его рыжебородые и стервятник сделали все, чтобы я направился именно сюда.

— Значит, такова воля Аримана. Он хочет, чтобы ты пришел в его владения. Кстати, ты не рассказывал мне, почему рыжебородые преследуют тебя. Что ты натворил? Чем прогневил Аримана?

— Я и сам толком не знаю, — признался скиф. Он привстал на локте и подпер голову рукой. — Три луны назад отряд кочевников-киммерийцев — я присоединился к нему в землях карманцев — разорил царскую резиденцию в Парсе. Это было славное дело! — Кочевнику было приятно вспомнить о событиях тех дней, глаза его загорелись. — Нас было не более трех десятков, а бессмертных — неисчислимая тьма. Но мы налетели подобно волкам, и бессмертные прозевали наше нападение. Атака была стремительной. Мы ворвались во Дворец прямо по парадной беломраморной лестнице, пересчитав все ее сто одиннадцать ступенек. На конях! Осыпая стражников стрелами! Их луки отвечали нам, но то были парадные, украшенные золотом и серебром луки, годные лишь для дворцовых церемоний, но не для стрельбы. Находившиеся в парадной зале придворные ударились в панику. Киммерийские кривые мечи вдоволь напились кровушки.

Незадолго до этого киммерийцы потеряли, попав в засаду, своего предводителя Гатуга, сына Лимра, и были злы, как черти. Я до сих пор отчетливо вижу, как не знающие пощады клинки обрушиваются на покрытые тиарами головы сановников, и те разлетаются словно переспелые арбузы. Славная была охота! У меня не было жажды мести, поэтому я уделил основное внимание царским сундукам и ларям. Когда мы выбрались из дворца, моя переметная сума была доверху набита золотыми дариками и драгоценными безделушками. Но их, увы, хватило ненадолго. Часть я отдал ушедшим в степи киммерийцам, часть прогулял, остальные истратил во время странствий. Не прошло и трех дней после налета на дворец, как на меня напали стражники Аримана. С тех пор они следовали за мной по пятам и отстали, лишь когда я углубился в пески Тсакуса.

— Они выполнили свою задачу, хотя и не смогли схватить тебя. Теперь ты сам идешь в руки Аримана. Но мне ничего не понятно в этом деле. Ариману совершенно безразлично, что кто-то причинил неприятности парсийскому царю. Он слишком могущественен, чтобы лезть в дела земных владык. Золото не имеет для него никакой притягательной силы. Его люди не стали бы гоняться за тобой из-за двух горстей золотых монет.

— Переметной сумы! — воскликнул, обидевшись, Скилл.

Девушка махнула рукой.

— Какая разница! Замок Аримана доверху набит сокровищами, какие не снились ни одному из царей. А для Аримана они не более, как средство для осуществления его планов. Ты даже не представляешь, сколько у него золота! Сокровища, что заполняют замок в Заоблачных горах, превосходят казну всех земных владык вместе взятых. Аримана интересует не золото, а серый металл, который изредка попадается в глубоких горных ущельях. За каждую крупинку этого металла он готов платить горсть золота. Нет, дело не в золоте и не в царе. Ты имел неосторожность сделать что-то такое, что не на шутку разгневало Аримана. Вспомни, может быть, ты осквернил какую-то статую?

Скилл пожал плечами.

— Вроде бы, нет. Я не верю ни в одного бога, кроме скифского бога-лучника Гойтосира. Но не в моей привычке оскорблять какое-либо божество, если под луной остался хоть один человек, приносящий ему жертвы.

— Может быть, ты взял что-нибудь еще, кроме золота?

— Нет. — Скиф вновь пожал плечами. — Кроме нескольких побрякушек — ничего.

— Покажи мне их.

— Да я их все продал... — Скилл постеснялся сказать, что, едва оторвавшись от парсийской погони, он забрался в придорожный кабак, где и гулял два дня без отдыха, щедро оделяя золотыми украшениями похотливых девок. — Правда, осталось одно, самое дешевое колечко. Никто не захотел купить его.

— Покажи, — потребовала Тента.

Скилл нехотя привстал, дотянулся до вьюка, порылся в нем и извлек на свет крупный перстень из серого металла. На ромбической поверхности перстня было изображено солнце в окружении двенадцати звезд. Нэрси взяла кольцо в руки и в тот же миг с криком отшвырнула его от себя.

— Перстень Аримана!

— Зачем ты выбросила его?! Он должен обладать магической силой!

Скиф вскочил на ноги и направился было в темноту, но нэрси вцепилась в него.

— Не ходи! Перстень Аримана принесет беду!

— Чепуха! — не слишком уверенно заявил Скилл и попытался освободить ногу из объятий нэрси. Но силы ее от отчаяния умножились, и все попытки Скилла вырваться на свободу оказались безуспешны. Если говорить честно, идти в темноту ему хотелось не очень.

— Дэв с ним! Разыщу утром.

Скилл будто бы нехотя опустился на землю. Тента обхватила его теплыми руками, и они затихли в объятиях друг друга. Лишь негромко потрескивал костер да фыркал Черный Ветер. Скиф усмехнулся.

— Ревнует.

Черный Ветер и вправду беспокоился, но отнюдь не из ревности. Конь учуял, что к костру неслышно приблизился кто-то чужой, чей запах был напоен враждебностью.

Существо, столь неприятно пахнущее, притаилось шагах в двадцати от костра в зарослях гигантского злака эриантуса, чьи огромные стебли надежно скрывали соглядатая от сидевших у костра пришельцев. То был низший дэв, одно из порождений Аримана. Совсем еще молодой — ему не было и ста шестидесяти лет — дэв представлял собой существо огромного роста и очень внушительных габаритов. Но среди прочих дэвов, достигавших в высоту десяти локтей и весивших как десять быков, этот казался малюткой. Поэтому он до сих пор ходил в низших и был преисполнен нездорового честолюбия. Звали его Груумин.

Он обходил дозором эту сторону Красных гор, когда заметил небольшой костерок, столь опрометчиво разожженный неосторожными путниками. Вместо того, чтобы сразу бежать к главному дэву и доложить о случившемся, Груумин проявил инициативу и решил последить за незваными гостями.

Дэв был свидетелем размолвки скифа и нэрси. Кольцо, отброшенное Тентой, упало неподалеку от него в заросли павлиньего мака. Кольцо Аримана. Груумин всю свою жизнь мечтал выслужиться перед Хозяином. Лучшей возможности нельзя было придумать.

Стараясь не шуметь, дэв вылез из стеблей эриантуса и пополз к месту, куда упал перстень. И вот тускло поблескивавший

металлический комочек лежит на ладони Груумина. Быстрей назад!

Черный Ветер еще долго фыркал, возмущенно косясь на увлеченного любовью хозяина, а дэв уже был далеко. Он несся по горным отрогам, нырял в ущелья и вскоре достиг дэвовых пещер.

— Ты что? Зачем явился?

Главный дэв по кличке Зеленый Тофис ощерил в недоброй улыбке огромные зубы. Собственно говоря, главного дэва звали просто Тофис, но его шкура, имевшая своеобразный темно-зеленый оттенок, отличалась от окраса других дэвов. Главный дэв ужасно гордился этой особенностью и требовал, чтобы его именовали не иначе как Зеленый Тофис.

— О, мудрый Зеленый Тофис, я обнаружил чужеземцев, вторгшихся во владения дэвов.

Речь дэвов была очень странной. Звериная глотка порождала множество странных, не понятных человеческому слуху звуков. Казалось, невозможно разобраться в этом хаосе шипений и посвистываний, что издал низший дэв, но Зеленый Тофис все отлично понял.

— Кто они? Сколько их? — Судя по заплетающемуся языку, главный дэв уже не раз приложился к кувшину с мутным пивом, что стоял в углу пещеры.

— Их двое. Один из них человек. Его имени я не знаю, но мое чуткое ухо уловило, что он враг Хозяина.

— Враг... Друг... — пьяно процедил Тофис и внезапно рявкнул:

— Он наша добыча! Понял?! И пусть Ариман не суется в дела дэвов? Кто другой?

— Другая, — угодливо поправил низший дэв. — Это женщина-нэрси.

— Нэрси? Женщина? Уж не та ли, что ищет Хозяина? — Толстые губы Тофиса расплылись в ухмылке. — Это хорошо. Значит завтра будет вкусный ужин и развлечения.

— Еще с ними конь.

— Сойдет! Лишний кусок мяса никогда не помешает.

Груумин хихикнул.

— Мы схватим их прямо сейчас?

— Нет. В темноте женщина-нэрси может вырваться из наших лап. Мы нападем на них в полдень. Нэрси — неженки, они боятся солнечных лучей.

— Но не лучше ли захватить их, когда они спят? У мужчины есть лук и меч.

— Ха! С каких это пор дэвы стали бояться мечей?! Что стоят все эти мечи и луки против клыков и когтей ветроподобных дэвов! — Тофис умолк и мутно глянул на Груумина. — Ты, кажется, осмеливаешься давать мне советы?

— Не-е-ет, — проблеял в ответ низший дэв. — Что ты, вели-

кий Зеленый Тофис? Я лишь хотел восхититься великолепным выражением, вырвавшимся из твоих уст. Ветроподобные!

— Да! — Если старший дэв и заподозрил издевку, то решил не придавать этому значения. — Действительно, красиво сказано! Молодец! Ты хорошо справился со своими обязанностями. Завтра на пиру займешь место рядом со мной.

Было большой честью находиться за одним столом со старшими дэвами, а сидеть рядом с Зеленым Тофисом — честью почти неслыханной. В иные времена Груумин был бы вне себя от счастья, но этой ночью он был поглощен мыслями о найденном кольце.

— О, благодарю тебя, великий дэв, — протянул лазутчик, пытаясь изобразить радость.

Но Тофис уже не смотрел на него.

— Проваливай! Ты мешаешь мне думать.

Часто кланяясь, Груумин выскочил из пещеры главного дэва и поспешил к себе. Всего подобных пещер насчитывалось более тридцати и ни одна из них не пустовала. Напротив, в некоторых пещерах жили по трое, четверо, а то и пятеро дэвов. Особенно если речь шла о низших. Груумин миновал пещеры, где жили старшие дэвы, приближенные Зеленого Тофиса, и подошел к своей. Кроме него в ней жили еще три низших дэва, но все они этой ночью были в дозоре, поэтому никто не мог помешать Груумину выполнить задуманное.

Сев на кучу листвы, служившей ему постелью, дэв достал кольцо и начал рассматривать его. Обыкновенный перстень, даже не из золота и без камней. Солнечный диск и двенадцать крохотных звездочек. Непохоже, чтобы это был перстень самого Аримана. Огромный палец дэва потрогал изображение солнца. Ничего не произошло. Тогда Груумин взял соломинку и принялся надавливать ею на каждую зведочку, а после этого вновь коснулся солнца. Никакого эффекта! Разозлившись, дэв швырнул перстень в угол пещеры.

— «По крайней мере невежливо».

Груумин не слышал ничьего голоса, слова появились в тупой голове дэва словно из ничего. Монстр стал озираться по сторонам в поисках дерзкого, что рискнул делать замечания дэву, и увидел...

Было абсолютно темно, но звериные глаза дэва разглядели в одном из углов закутанную в плащ фигуру. Груумин знал, что некоторые существа, в том числе и дэвы, могут перемещаться в пространстве. Он и сам немного владел этим искусством, которое требовало огромной концентрации воли и отнимало столько энергии, что переместившийся долго не мог пошевелить ни ногой, ни рукой. Незнакомец же, судя по всему, чувствовал себя великолепно.

— Ты кто? — взревел было Груумин, но вместо мощного рыка, который должен был потрясти округу, получилось жалкое, недостойное дэва шипение.

Тот же голос просверлил его мозг:

— «Вижу, ты узнал меня».

В этот миг сверкнула молния, отчетливо осветившая фигуру и лицо незнакомца. Это был человек. Но вот лица у него не было. Лишь маска. Маска смерти Аримана.

— «Ты звал меня, и вот я пришел».

Вне себя от страха низший дэв распростерся ниц у ног хозяина.

— «Встань и говори. Откуда у тебя это кольцо?»

Путаясь и сбиваясь, Груумин рассказал могущественному гостю о событиях текущей ночи, не забыв упомянуть о непочтительных замечаниях Зеленого Тофиса в адрес Аримана.

— «Значит, главный дэв рассчитывает завтра неплохо повеселиться?»

— Да.

— «Хорошо. Я почту ваше пиршество своим присутствием. Но никто не должен знать об этом! Хорошенько запомни это! И еще: головой отвечаешь за девушку и коня. Со скифом можете сделать все, что угодно, но не думаю, чтобы он оказался вкусен. Солнце и скудная пища сушат мясо. Если выполнишь все, как я велел, твои услуги не будут забыты».

Сказав это, Ариман исчез, оставив Груумина полным самых радужных надежд.

А вскоре встало солнце...

Его первые лучи разбудили скифа. Он потянулся, затем потряс плечо девушки.

— Пора в дорогу. Приготовь поесть, а я поищу кольцо Аримана.

Скилл видел, что Тента не хочет, чтобы кольцо нашлось, но ничего не сказал. Промолчала и она. Пока девушка готовила нехитрый завтрак из остатков мяса, скиф искал проклятое кольцо. Он обшарил каждый кустик, приподнял каждую травинку, все без толку — кольца не было.

Разозленный, Скилл вернулся к костру.

— Ты его спрятала! — упрекнул он Тенту.

Она недоуменно посмотрела на скифа, затем дразняще скривила губы.

— И не думала! Зачем оно мне?

Кочевник махнул рукой и не стал продолжать этот бесполезный разговор.

Поспешно разделавшись с завтраком и собрав нехитрые пожитки, путники тронулись в дорогу. Скиф восседал на Черном Ветре, а нэрси легко парила в воздухе. Время от времени она спускалась вниз и сообщала Скиллу, какой путь лучше выбрать.

Солнце уже подошло к зениту, когда скиф решил дать передышку приуставшему скакуну. Найдя чистый родничок, которые во множестве пробивали гранит Красных гор, Скилл спрыгнул с Черного Ветра, отпустив его щипать траву, а сам вместе с Тентой улегся в тень высокой поросшей мхом арчи.

— И что только говорят напраслину про эти горы! Какие-то дэвы, чудовища, прочие страсти! Мы уже наполовину миновали их, но не встретили никого опаснее гюрзы. Да, — скиф рассмеялся, — еще был дикобраз, которого я подстрелил вчера вечером.

Тента поежилась, выглядывавшие из-под скифского бурнуса руки покрылись мелкими пупырышками.

— Не говори так, — попросила она. — Ты можешь накликать беду. Поверь мне, в Красных горах есть дэвы, а может быть, и кое-кто пострашнее.

— Ну конечно, — саркастически протянул Скилл, — огро-о-мные волосатые дэвы и...

Скиф осекся на полуслове. Перед ним стояло невесть откуда взявшееся чудовище. Мощное тело было покрыто густыми волосами. Толстые руки играли мускулами. Горящие глаза, расплющенный нос, прижатые к голове острые уши, выпяченная массивная челюсть с частоколом огромных зубов — такое существо могла породить только дикая фантазия Аримана.

Замешательство Скилла длилось мгновение. Чудовище уже протягивало к нему когтистые лапы, но скиф оказался быстрее. Раздался дикий рев. Дэв ухватился за стрелу, торчащую из левого глаза, и пытался вытянуть ее, а затем рухнул на землю. Большего Скилл сделать не успел. Спрятавшиеся в зарослях дэвы дружно набросились на путников. Четыре здоровенных монстра атаковали Скилла, двое поменьше — нэрси, еще несколько бегали по поляне, пытаясь поймать Черного Ветра.

Скилл попытался выхватить акинак, но мощный удар по голове лишил его сознания. Он не чувствовал новых ударов, сыпавшихся на его тело, не видел, как дэвы привязали свою добычу к толстым жердям и торжественно потащили ее к пещерам, провозглашая:

— Будет пир! Будет пир!

При этом низшие дэвы, самые злобные, то и дело пытались лягнуть Скилла ногою или ущипнуть нежную кожу нэрси. Всего этого Скилл уже не видел...

И вдруг его голову охватил ледяной обруч смерти. Скиф пытался вздохнуть, но не мог; он пытался оттолкнуть старуху руками, но они были крепко связаны. Кто-то дернул его за ноги и смерть исчезла, а легкие со всхлипом зачерпнули воздух, разразившийся диким гоготом. Скилл очнулся и открыл глаза. Он лежал совершенно голый около небольшого водопада, острые камни больно впивались в бока. Вокруг стояли низшие дэвы и оглушительно хохотали. Им было приказано привести пленника в чувство, но вместо того, чтобы просто окатить его водой, дэвы послушались подлого совета Груумина и сунули пленника головой в водопад. Теперь они потешались над своей шуткой.

Мучительно кашляя, скиф выплюнул воду. Судя по всему, караван его жизни прибыл на последнюю остановку. Не самый славный конец. Впрочем, погибнуть от рук псевдолюдей или вам-

пирок-нэрси было немногим лучше. Те бы его распяли и высосали кровь, здесь его собирались зажарить. Все приготовления к этому действу были практически закончены. На поляне уже пылали три огромных костра. Как только дрова прогорят и накопится достаточно углей...

Об этом было лучше не думать. Скилл поспешно отвел взгляд в другую сторону и узрел три огромных, вытесанных из крепкого самшита кола, которым была отведена роль вертелов. Колы были обуглены по краям, что свидетельствовало — жареное на костре мясо есть любимейшее блюдо дэвов.

Сглотнув горький комок, Скилл огляделся в поисках Тенты и Черного Ветра. Нэрси нигде не было видно, а верный конь лежал неподалеку, жалобно косясь взглядом в сторону хозяина.

— Бедняга, — прошептал Скилл. — Видно, тебе на роду написано быть съеденным какими-то придурками.

Заметив, что пленник вполне пришел в себя, дэвы схватили его и поставили на ноги. Один из них, самый маленький, хотя и возвышавшийся над Скиллом на добрых две головы, пнул пленника ногой — иди! От этого дружеского шлепка Скилл кубарем покатился по траве, вызвав новый приступ хохота. Затем дэвы, которым надоело возиться с пленником, схватили его за ноги и потащили к врытому в землю высоченному столбу. Мощные руки вздернули скифа к самой верхушке и накрепко привязали к небольшому деревянному хомуту, соединенному цепью с каким-то нехитрым механизмом. Оживленно вереща, дэвы принесли деревянный кол, установив его ровнехонько под ногами пленника. Затем один из монстров освободил цепь: хомут, а вместе с ним и Скилл, медленно поехал вниз, до тех пор, пока Скилл не почувствовал, как обожженное острие неприятно захолодило пятку.

— Ах вы, сволочи! — сорвалось с губ Скилла.

Дэвы собирались устроить спектакль по полному разряду. Сначала они вдоволь насладятся муками Скилла, медленно насаживая его на кол. Тенту и Черного Ветра наверняка заставят «любоваться» этим зрелищем. Затем Скилла отправят поджариваться, а его место займет нэрси. Если только эти толстомясые придурки не придумают для нее что-нибудь похуже. «Итак, — Скилл невольно усмехнулся, — фирменное блюдо — шашлык по-скифски!»

Словно отзываясь на эти мысли, один из дэвов протянул вверх когтистую лапу и пощупал бедро Скилла. На жуткой харе появилось недовольное выражение — слишком тощ.

— Тут тебе не повезло, зубастый! — стараясь казаться веселым, крикнул скиф. Каждый звук отозвался болью в помятых ребрах. Дэв злобно ощерился и ткнул Скилла в пах.

Солнце уже опускалось к горизонту, костры прогорели. Красные горы постепенно принимали багровый мрачный оттенок. Скилл жадно ловил последние лучи последнего солнца.

Дэвы заканчивали приготовления к пиру. Вот четверо из них

с трудом вытащили из пещеры труп убитого Скиллом собрата. Они подтащили мертвеца к одной из больших каменных глыб, служивших чудовищам тронами, и, усадив на нее, закрепили веревками. Мертвый должен был пировать вместе с живыми, празднуя позорную гибель своего обидчика.

Избитое тело скифа страшно болело. «Недолго теперь», — подумал Скилл, уговаривая себя потерпеть. Из пещеры вывели Тенту. Ее бурнус был порван, но в общем цел, что удивило Скилла. Он не знал, да и не мог знать, что Зеленый Тофис приказал оставить Тенту в покое.

— До вечера!

Теперь она должна была наблюдать, как умирает ее любовник. Из зеленых глаз нэрси текли слезы, рождавшие некое смутное чувство даже в звериных душах дэвов.

Зеленый Тофис, еще с утра подогретый здоровенным бочонком ячменного пива, даже растрогался. Хмуря нависающие на глаза брови, он довольно долго молчал, а затем махнул рукой.

— Начинайте!

Один из дэвов взялся за цепь, хомут медленно заскользил вниз.

«Жизнь прошла», — подумал Скилл. Он смотрел в лицо заходящему солнцу и вдруг увидел зеленый луч. Хотя солнце садилось не в море. «Привиделось перед смертью — дорога в иной мир», — решил скиф. И в этот момент плавный ход событий нарушился.

Багровеющие жаром угольков костры вдруг сами по себе вспыхнули ярким огнем. Небо расколола молния, хотя над Красными горами не было ни единого облачка. Мгновенно замолчали вечерние птицы и цикады, затихли шум водопадов и завывания горного ветра. Воздух наполнился озоном и тишиной. Не переносимой, режущей уши тишиной. И появился Ариман. Он возник, как и в Черном городе, из ничего, но на этот раз был не один. Владыку тьмы сопровождали шестеро слуг, одетых в длинные накидки с капюшонами. Лица их были безжизненны, бледные руки сжимали короткие металлические палки.

— Стойте! — негромко воскликнул Ариман.

Дэвы остолбенели. Ошалевший от неожиданности мучитель Скилла выпустил из лап цепь и жертва заскользила навстречу смертельному острию. Скилл что есть сил заорал, пытаясь привлечь к себе внимание. Бог зла повернулся к нему и выбросил вперед руку. Кол, что должен был пронзить Скилла, разлетелся на мелкие щепки. Спустя мгновение кочевник коснулся ногами травы.

Ариман повернул свою бесстрастную маску к Зеленому Тофису.

— Почему ты не доложил мне о пленниках? — В тихом голосе бога была ярость. — Или ты не знал, что я ищу эту нэрси? Или ты не знал, что я хочу вернуть моего коня. Или ты не знал, что мои слуги уже больше трех лун охотятся за этим скифом, стрелком из лука?! Отвечай!

Может быть, Зеленый Тофис и испугался, но вида не подал. Коверкая речь сильным животным акцентом, дэв ответил:

— Я знал обо всем этом, Ариман. Но ты явился незваным гостем на наш пир. Незваным! И потом, это наши пленники, наша добыча, дорого обошедшаяся нам. Человек, которого ты называешь скифом, убил стрелой старого дэва Тургуша. Мы не отдадим тебе свою добычу просто так. Выкуп!

— Выкуп! Выкуп! — подхватили еще несколько старших дэвов.

Ариман сделал несколько стремительных шагов по направлению к Тофису. Полы его черного с золотыми блестками магического плаща развевались.

— Чего же вы хотите? Золота?

— Подавись своим золотом! — грубо ответил Зеленый Тофис. — К чему оно нам? Мы без тени сожаления отдаем тебе все золото, добытое нами. Дэвы хотят то, что ты даришь другим своим слугам. Мы хотим священного вина! Мы хотим кровавого мяса!

— И нэрси! — взвизгнул один из младших дэвов.

— Нэрси? — Ариман хмыкнул. — Ну, хорошо. Вы получите вино. Харуки поделятся с вами захваченными людьми. Я разрешу нэрси, тем, кто захочет, посещать Красные горы. Взамен вы отдадите мне захваченных вами девушку и жеребца. Они по праву принадлежат мне. Скифа можете оставить себе. Он больше не интересует меня. Согласны на такой обмен?

Кто-то из дэвов было ойкнул:

— Согл...

Но Зеленый Тофис молчал. Молчали, глядя на вожака, и остальные дэвы. Над поляной зависла тяжелая пауза. Наконец Тофис процедил:

— Ладно, забирай коня и женщину, но немедленно пришли к нам двух людей. Кровь старого Тургуша требует большой ответной жертвы. И выслушай мой совет, Ариман: никогда не появляйся без приглашения в Красных горах!

Лицо бога налилось яростью.

— Ты угрожаешь мне, Тофис?

— Можешь считать — да!

— В таком случае ты сам решил свою судьбу. — Ариман поднял вверх руку. — Дэвы, до меня дошли известия, что многие из вас выступают против моей власти, призывают взять штурмом Заоблачный замок и скинуть меня с престола Зла. Подобные мысли глупы и безрассудны, ибо еще не родился тот, кто мог бы померяться силой с Ариманом. Мне надоело терпеть ваши выходки, и я объявляю свою волю. Я смещаю Тофиса с поста главного дэва и назначаю на его место... — Ариман сделал паузу и обвел властным взглядом ряды застывших в тревожном, с примесью тайной надежды, ожидании дэвов, — ...дэва Груумина!

Плотина молчания была прорвана. Дэвы дружно загалдели,

обсуждая услышанное. Ариман повернул безжизненное лицо к испуганному таким поворотом событий Груумину, и тот вдруг стал стремительно увеличиваться в размерах. Он становился больше и больше и вскоре на голову возвышался над остальными дэвами. Не веря своим глазам, Груумин ощупал голову стоящего рядом старшего дэва, приставил лапу к груди, показывая, насколько он выше остальных, и радостно засмеялся. И в этот миг раздался крик Зеленого Тофиса.

— Я отказываюсь подчиниться твоей воле, Ариман! Дэвы, хватайте его!

Поднялась суматоха. Призыв Тофиса был воспринят его собратьями неоднозначно. Большинство дэвов смертельно боялись Аримана, но почти все они любили и уважали Зеленого Тофиса и поэтому сначала нерешительно, а затем смелее и смелее стали придвигаться к богу тьмы.

— Хватайте его! — вновь закричал Зеленый Тофис.

Дэвы взревели и дружно бросились на Аримана. Груумин и несколько младших дэвов остались стоять на месте.

«Ну все, конец колдуну!» — решил Скилл, наблюдая за тем, как огромные туши дэвов несутся на Аримана и шестерых его спутников. Но Аримана, казалось, ничуть не смутил подобный поворот событий. Его телохранители стали кругом, выставив перед собой металлические палки, в руках бога возник ослепительно белый луч, который немедленно вонзился в толпу атакующих дэвов. Первым делом яркая полоса устремилась в грудь Тофиса, но тот проворно отпрыгнул в сторону. Луч попал в дэва, бежавшего следом, и тот рухнул навзничь с дымящейся дырой в груди. Затем магическое оружие свалило еще нескольких нападавших, но основная масса добежала до того места, где стоял Ариман. Дэвы тянули когтистые лапы к закутанным в балахоны стражникам, а те бесстрастно выставляли навстречу чудовищам свои палки. Негромкий хлопок, и очередной дэв валился на землю. Вскоре на траве вокруг бога тьмы лежали десятки неподвижных тел.

Видя, что незваных гостей не одолеть прямой атакой, дэвы изменили тактику. Они отбежали назад и стали забрасывать своих врагов камнями. Трое слуг Аримана, сраженные огромными гранитными глыбами, рухнули замертво, по белому полотну балахонов расплылись блекло-розовые пятна. Однако прошло несколько мгновений, и они медленно, словно во сне поднялись с земли. Ариман злобно расхохотался, белый луч вновь заметался по поляне, опустошая ряды дэвов.

Краем глаза Скилл видел, что неподалеку от пещер возникла вторая свалка. Это Груумин крушил черепа тем свои собратьям, что подняли руку на хозяина.

Вырвавшись из рук охранников-дэвов, в воздух взвилась Тента. Забыв о привязанном к столбу Скилле, она яростно атаковала монстра, что готовился метнуть здоровенную каменную глыбу в

бога тьмы. Изловчившись, дэв схватил нэрси за ногу и потянул к своей зубастой пасти. Тента закричала. Сверкнул беспощадный луч, и дэв с воплем упал на траву, придавив ногу нэрси громадой своего тела.

В это мгновение Скилл почувствовал, что веревки, стягивавшие его тело, ослабли. Не устояв на ногах, скиф рухнул лицом в траву. В тот же миг рядом с ним упали лук, акинак и порядком изорванная одежда. Кочевник обернулся. У столба, прижав руку к дымящейся ране в плече, стоял Зеленый Тофис.

— Беги! — И, словно отвечая на безмолвное почему Скилла, добавил:

— Ты враг Аримана, а значит мой друг. Беги отсюда!

— Я не уйду без коня и девушки!

— Это конь Аримана. И девушка тоже принадлежит ему. — Слова давались Тофису с превеликим трудом. — Если ты вновь похитишь их, Ариман не успокоится, пока не поймает тебя. Беги один. Спрячься. Своих друзей вернешь позже...

В столб рядом с дэвом вонзился луч. Зеленый Тофис покачнулся и упал.

Старый дэв был прав. Скиллу следовало подумать прежде всего о собственной шкуре. Черному Ветру и нэрси, попади они к Ариману, не грозила никакая опасность, скифа ожидала смерть. Необходимо было спешить, так как Ариман и Груумин одерживали верх. Большинство взбунтовавшихся дэвов неподвижно лежали на земле, остальные разбегались по пещерам и ущельям.

Скилл натянул на себя доспех, сунул за пояс акинак и бросился вдоль по кромке пропасти подальше от этого места. Не в силах избавиться от искушения поквитаться с Ариманом, он на бегу приладил стрелу, обернулся и выстрелил. То, что произошло дальше, точно было волшебством. Стрела летела в грудь бога, но в последнее мгновение он словно растворился, и она пронзила одного из аримановых слуг. Затем Ариман возник опять и грозно посмотрел на Скилла. Сверкнул луч. Земля под ногами скифа разверзлась и он полетел в пропасть...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Четыре загадки Сфинкса

— ...напали разбойники. Я отчаянно бился с ними, но их было слишком много, и мне пришлось спасаться бегством. И когда дорогу мне вдруг преградила горная река, я, не задумываясь, прыгнул в воду. Быстрое течение принесло меня прямо к вашему селению... — Скилл прервал рассказ и перевел дух.

Он сидел в небольшой глинобитной хижине на окраине арианского селения. На плечи скифа был накинут вытертый декханский халат, а его одеждой занималась дочка хозяина. Она же позаботилась о луке, тщательно просушив его и смазав бараньим салом. Скилл пробежал пальцами по ослабшей тетиве и подумал, что ее придется перетянуть.

Он вновь вспомнил, что приключилось с ним накануне, и на его коже выступил холодный пот. Лишь чудо или горячие мольбы матери спасли ему жизнь минувшей ночью. Когда под ногами разверзлась земля, расколотая лучом Аримана, Скилл подумал, что пришел конец. Впрочем, такой финал комедии жизни устраивал его куда больше, чем перспектива быть рассеянным по горам через желудки людоедов дэвов. Об этом Скилл успел подумать, пока падал вниз, с самодовольством отметив, что сердце не дрожит в предчувствии смерти.

Однако судьба и в этот раз пощадила его — он рухнул не на скалу, а в глубокую горную реку. Падение оглушило Скилла, но ледяная вода мгновенно привела в чувство. Бешено работая руками и ногами, он вылетел на поверхность и подплыл к берегу в надежде найти расщелину или древесный корень, за которые можно бы было уцепиться, а затем выбраться наверх. Но тщетно. Стены каньона были ровны и столь гладки, что казались отполированными. Темнота и водяная взвесь делали их обманчиво расплывчатыми, мешая точно определить расстояние. Вода с огромной скоростью несла Скилла по каменному желобу. Ему пришлось оставить мысль немедленно выбраться из реки и сосредоточить все свои усилия на том, чтобы сделать свое вынужденное плавание как можно более безопасным. Изменчивое течение то и дело швыряло скифа на извилистые стенки каньона. Скилл изо всех сил отталкивался окоченевшими руками от мокрого камня, и река несла его дальше. Это было поистине адское путешествие!

Наконец река сделала резкий поворот и вынесла беглеца на просторы равнины. Стремительный прежде бег ее замедлился. Едва шевеля непослушными конечностями, пловец подгреб к берегу и попытался взобраться наверх, что удалось ему сделать лишь с третьей попытки. Совершенно обессиленный, Скилл рухнул на пожухлую траву и провалился в беспамят-

ство. А звезды равнодушно смотрели на смуглое, избитое водою тело.

Возвращение в реальность было не из приятных. Руки и ноги не слушались. Тело болело так, словно его пропустили через мельничные жернова. В голове шумело. С огромным трудом Скиллу удалось встать на четвереньки, а затем принять вертикальное положение. Он осмотрелся по сторонам и заметил невдалеке макушки крыш небольшого селения. Стены, хозяйственные пристройки и заборы совершенно утопали в тумане. Скиф тяжело вздохнул и, пошатываясь, побрел туда, откуда уже несло запахом свежевыпеченных лепешек. Там было тепло. Там была жизнь.

Солнце подходило к полуденной отметке, когда скиф дополз до крайнего домика. Сил, чтобы позвать хозяев, уже не было. Он распластался на земле и закрыл глаза. Рядом забрехала собака. Сначала враждебно, затем более миролюбиво. Теплый шершавый язык лизнул ухо и шею. Сразу вспомнилась Тента. Послышались легкие зашуги и удивленный девичий голосок, зовущий на помощь. Последнее, что запомнил Скилл — сильные мужские руки, несущие его куда-то вдаль.

Он вновь очнулся, когда уже темнело. Снаружи доносился гомон птиц и собачий лай. Скилл открыл глаза — небольшая комнатушка, простенький ларь, убогая утварь. Но ничего, Скилл не привык к дворцам. Ему случалось бывать в них редко, да и то, после этих посещений дворцы почему-то занимались пожарами.

Первым делом Скилл осмотрел себя. Выглядел он даже несколько лучше, чем ожидал. Тело было сплошь в синяках и ссадинах, болели ребра и разбитое колено, но не было ни одного серьезного перелома, который мог надолго приковать его к постели. Морщась от боли, Скилл перевернулся на живот и встал. Его шатало. Тогда он ухватился руками за идущую под низким потолком балку и осторожно шагнул вперед. В этот миг дверь распахнулась. На пороге стояла миловидная девушка. Она изумленно, даже недоверчиво посмотрела на шатающегося Скилла, затем повернула голову и крикнула:

— Папа, он очнулся!

Папу звали Ораз. Он был крестьянином, ковырял мотыгой землю, исправно отдавая треть урожая царю Ксерксу и десятину Ариману. Так как жил на земле Аримана. Особых достоинств у него не было. Скуповат, глуповат, трусоват, вдобавок некрасивая и сварливая жена, выражение лица которой без всяких слов свидетельствовало, что незваный гость пришелся ей не по душе. Но были и положительные стороны. Ораз был милосерден, традиционно гостеприимен и имел очаровательную дочь. Он предложил гостю отдохнуть в его доме несколько дней, пока не подживут раны. Скилл поначалу не рассчитывал задерживаться в этой деревушке столь долго, ему надо было спешить на выручку Черного Ветра и нэрси, но, заглянув в черные бархатистые глаза

дочери Ораза, он подумал, а почему бы и впрямь не воспользоваться столь любезным приглашением. И остался.

Когда стемнело, Ораз достал кувшинчик дешевого дынного пива и, любопытствуя, стал расспрашивать гостя, что за дела привели его в эти края. Скиф был достаточно умен, чтобы утаить правду — кто мог поручиться, что Ораз той же ночью не побежит с доносом к пекиду[1], а утром не прискачут всадники Аримана — и поэтому врал напропалую. Он сочинил историю о напавших на торговый караван жестоких разбойниках, которых было очень много — «никак не меньше сотни». Повествование получилось столь захватывающим, что даже у Скилла холодела кровь. Он пронзал грабителей «острыми стрелами по шесть человек сразу», бросал их в пропасть, разрывал «на восемь тысяч клочков», но все было напрасно. Он был один, а врагов слишком много.

— Только поэтому я бросился в реку!

Ораз лишь качал головой. Гость был явно склонен приврать. Никаких разбойников в Красных горах отроду не было, да и не могло быть. По слухам, там жили дэвы, но разве мог подобный болтун спастись от дэвов! Хозяин не поверил рассказу гостя, Скиллу того и было нужно.

Три дня он набирался сил, набивая желудок ячменными лепешками и великолепным виноградом, который здесь рос в изобилии, а на четвертый рано утром собрался в дорогу, рассуждая:

— А не то вскружу девчонке голову и придется остаться здесь навсегда.

Следовало расплатиться за гостеприимство и доброту, но Скилл был гол, словно только что вышедший из зиндана вор. Все его имущество составляли лук, доспех и латаный халат. Все остальное пропало вместе с вьюками Черного Ветра, а акинак унесла река.

Пришлось уйти тихо, не прощаясь. Мучимый совестью Скилл уговаривал себя, что когда-нибудь он разбогатеет и вернется в эти края, чтобы расплатиться с гостеприимными хозяевами. А может, даже и женится на симпатичной дочке хозяина. Почему бы и нет?

Еще не встало солнце, а он уже шагал по пыльной дороге, ведшей в Гарду, самый большой город Арианы.

За день ему удалось пройти немного. Сказывалось отсутствие привычки ходить пешком, к тому же болела не до конца зажившая нога. Утомленный дорогой, Скилл прилег под деревом и быстро заснул. И приснился ему странный сон.

Будто идет он по раскаленной пустыне. Огненный ветер, огненное солнце, ноги вязнут в огненном песке. Пустыня нескончаема. Скилл узнает ее. Это Говорящая пустыня. Он никогда не бывал здесь раньше, но уверен, что не ошибся. Это наверняка Говорящая пустыня, ибо все здесь издает звук. Солнечные лучи, шипя, обжигают кожу — зловещее шипение. Ветер поет заунив-

ную песнь смерти, завывая на все лады, словно стая черных волков — с-ууу, у-ууу, а-ууу! Что-то шепчут комки пустынного лишайника, катящиеся по барханам. И поет песок. Пение это напоминает тихий заунывный свист; свист, вгоняющий в тоску. О, как я ненавижу вас, поющие пески...

Скилл вздрогнул и проснулся. Хорошо, что это был лишь сон, но какой жуткий! Он открыл глаза и зажмурился от ярких лучей полуденного солнца. Чертыхаясь и кляня себя за то, что слишком разоспался, скиф привстал и застыл в изумлении, словно соляной столб. Повсюду, куда ни кинь взгляд, простирались угрюмые рыжие барханы. Непостоянные, словно женщины, они волнами сбегали в лощины и бросали друг в друга горстями песка.

— Но этого не может быть! — вырвалось из груди скифа.

Но он знал, что может. Ариман все же победил его. Он не стал марать руки кровью жалкого человечишки, он просто перенес его вглубь самой страшной на свете пустыни, где нет ни оазисов, ни колодцев с солоноватой водой, где не проходят караваны, так как ни один, даже самый отважный купец не рискнет сократить свой путь к городам Мергда, зная, что непременно поплатится за это жизнью; здесь нет даже надежды.

Отказываясь верить в происходящее, Скилл сел на песок и обхватил голову руками. Раздался негромкий вой. Скиф открыл глаза. То пел песок, огромный песчаный холм, высотой в полполета стрелы. Перекатывая барханы, он надвигался на Скилла и угрожающе пел.

Горячие струйки песка засыпали стопы кочевника, мягко шурша, поползли к коленям. Скилл не двигался. Он был обречен и хотел умереть. Быть погребенным песком и умереть быстро, а не сходить долгие часы с ума от солнца и дикой жажды.

И тогда песок отступил. Видимо, Ариман не хотел даровать своему врагу столь легкую смерть. Холм изменил направление своего движения и заструился в сторону, обтекая Скилла. Было странно видеть, как песчинки, словно крохотные разумные существа, обгоняют одна другую и бегут, бегут, бегут к одной лишь им известной цели.

— Вот сволочь! — пробормотал Скилл. — Даже умереть спокойно не дает!

Впрочем, он уже передумал умирать. Он обдумывал сложившуюся ситуацию. Подобные неприятные истории с ним уже случались, бывало и хуже. Хотя нет, хуже не бывало. И в песках Тсакума, и в Черном городе, и в лапах дэвов была хоть крохотная надежда на спасение. Здесь этой надежды не было.

Если верить байкам магов, Говорящая пустыня находилась на краю Солнечных земель. Никому никогда не удавалось пересечь ее, но маг Гутам утверждал, что объехал пустыню на верблюде и что это заняло у него четыре луны. Скилл прикинул в уме. Если Ариман забросил его в центр пустыни, а кочевник почти не сомневался, что бог зла именно так и сделал, то для того, чтобы

выбраться из песков, ему потребуется целая луна. Это в том случае, если ехать на верблюде и иметь воду. Но Скилл не имел ни воды, ни верблюда. Что же делать? Сидеть и ждать чуда? Зарыться головой в песок, торопя спасительное забвение? И слушать, как смеется, торжествуя, Ариман?

Скилл решительно поднялся. Он посмотрел на солнце и определил направление. Он пойдет на запад, в земли арахосов. И, может быть, судьба смилостивится над ним.

Минуло полдня пути. Солнце ушло за барханы, уступив небо луне и звездам. Скилл размеренно шагал по песку. Он отдохнет утром, а ночь надо использовать для ходьбы.

Встало солнце. Скилл улегся на песок и постарался забыть о подступившей жажде. Вскоре он заснул.

Проснулся он с тайной надеждой на то, что дурной сон кончился. Скиф пошарил рукой сбоку от себя и загреб ладонью полную горсть песку. Увы, сон оказался явью, и эта явь продолжалась. Поскребя сухим распухшим языком по обметанному коркой небу, Скилл решительно поднялся и продолжил путь.

Солнце нещадно палило голову. Пески пели свою заунывную песнь. И ни одного живого существа. За день пути Скилл не видел даже мохнатого тарантула, даже ящерку-геккона. Вот бы сейчас повстречать пустынного дракона и напиться его крови. От неловкого шага лук ударил по спине, словно напоминая, что он бесполезен. Отдав Скиллу оружие, Зеленый Тофис забыл вернуть стрелы. Но Скилл был готов убить дракона голыми руками, а затем выпить его теплую, противную, но такую живительную кровь. Скиф невольно усмехнулся — точно о том же он мечтал, очутясь в песках Тсакума.

Ноги полезли вверх. Скиф поднял тяжелую голову. Дорогу ему преграждала огромная песчаная гора. «В прошлый раз, — подумал Скилл, — Черный Ветер взобрался на такой же холм, и мы увидели Черный Город. В прошлый раз...». Оступаясь и с трудом переставляя скользящие ноги, кочевник полез наверх. Вот он достиг вершины, стер капельку липкого пота и...

— Мираж, — сообщил сам себе Скилл, но ноги уже несли его вниз.

Это был типичный мираж — крохотное озерцо в окружении двух десятков финиковых пальм, но ведь и Черный Город поначалу показался миражом.

Скилл бежал быстрее и быстрее, боясь, что мираж исчезнет, а вместе с ним исчезнет и надежда. Ноги заплелись, и скиф покатился по песчаному склону. Проделав несколько лихих кульбитов через голову, Скилл распластался на песке. Холм закончился, мираж не исчез.

Он был шагах в двадцати от Скилла и играл красками реальности. Собрав остаток сил, кочевник пополз к воде. Шаг, еще, еще... Внезапно над Скиллом нависла тень. Тень в Говорящей

пустыне, которая не знала ни капли дождя, могла означать лишь одно — появился еще один мираж, страж первого миража.

Скилл поднял голову.

— Ничего страшного, — шепнул он сам себе, но сердце заледенело от ужаса. Перед ним стояла женщина с телом льва, а лучше сказать — огромный лев с лицом женщины. Статую подобного чудовища Скилл однажды видел на фризе одного из милетских храмов. Эллины называли этого монстра сфинксом.

Сфинкс улыбнулся (улыбнулась?)[1]. Кочевник растянул в ответ губы и сел на отощавший зад. Едва ворочая непослушным языком, он промямлил:

— Хороший сегодня денек, а?

Сфинкс махнул хвостом.

— Да, великолепный. Правда, немного жарковато. Не самое удачное время года для пеших прогулок.

Голос существа был мелодичен и походил на женский.

Не расставаясь с вымученной улыбкой, Скилл заискивающе произнес:

— Мне бы попить...

Сфинкс также продолжал улыбаться.

— Я не возражаю, но есть условие. Если мы договоримся, я не возражаю.

— Какое условие?

— Самое что ни на есть банальное. Ты должен ответить на три моих вопроса. Ответив на первый, ты получишь воду. Сколько пожелаешь. Ответив на второй — еду. Если же ты сумеешь ответить на третий, я верну тебя на то место, откуда ты пришел.

— А если я не отвечу на твои вопросы? — поинтересовался Скилл.

— Тогда ты умрешь.

Кочевник хрипло рассмеялся.

— Ну, это не слишком страшно. За последние десять солнц я должен был умереть по крайней мере шесть раз, не считая прочих мелких неприятностей. Так что, валяй, задавай свои вопросы.

— Ты не совсем понял меня. — Сфинкс улыбнулся, показав ровные белые зубы. — Тебе грозила материальная смерть...

— Куда уж материальней! — пробормотал Скилл. — Очутиться в желудках дэвов!

— ...Я же оставлю твое тело целым и невредимым, но заберу душу.

— Как это?

— Очень просто. Насколько я понимаю, ты очутился здесь по прихоти Аримана.

— Мне тоже так кажется.

— В общем, других здесь и не бывает. Люди боятся песков Говорящей пустыни. Кстати, Говорящей ее называют потому, что ею владею я, большой любитель поговорить.

— Любитель или любительница? — спросил Скилл, у которого были не совсем ясные представления о половой принадлежности Сфинкса. Ведь эллины считали, что сфинкс — она, парсы же полагали, что он обладает мужскими достоинствами.

— Скорее любитель. — Сфинкс повернулся боком и, приподняв ногу, продемонстрировал кочевнику нечто внушительное. — Хотя во мне есть и женское начало. Но мы отвлеклись. Мы с Ариманом большие приятели или, выразимся точнее, — партнеры. Он посылает ко мне людей, зная, что я умираю от скуки и не прочь поболтать с каким-нибудь не в меру прытким магом или сановником. К слову говоря, простой кочевник у меня впервые.

— Я польщен.

— Так вот, Ариман посылает ко мне людей, а я возвращаю ему их тела. А душу оставляю себе. Эта душа будет развлекать меня долгими прохладными ночами.

— Что значит душа? Ее же нет! — воскликнул Скилл.

— Ты неисправимый материалист. У меня однажды был такой. Великолепный экземпляр! Он ухитрился ответить на все мои вопросы и успел удрать раньше, чем я растерзала его своими когтями. Маг Кермуз. Может, слышал о нем?

Скилл кивнул головой.

— Слышал. Но как же уговор? Ведь ты должен был отпустить его, если он разгадает твои загадки!

— Ну, должен... — Сфинкс почувствовал себя неловко и отвел взгляд в сторону. — Ариман попросил, чтобы я не отпускала его. Мне трудно было отказать в подобной просьбе. Хотя, надо признаться, это не совсем по правилам. Но обещаю, с тобой все будет честно. Ты не ответишь на мои вопросы, я оставлю себе твою душу, а тело возвращу Ариману.

— Но, если, как утверждают маги, душа — основная субстанция человека, то как он может существовать без души?

— О, да ты не глуп! — обрадовался сфинкс. — Это приятно. Позволь узнать, откуда кочевник знает такой мудрый термин как субстанция?

Скиф предпочел бы, чтобы собеседник считал его как можно более глупым. Досадуя на непростительную ошибку, он неохотно признался:

— Я общался со многими магами, а кроме того, провел несколько лун в школе натурфилософа Фегора.

— Вот как! Это весьма известный философ. Тебе повезло. И мне. — Очевидно, придя в восторг оттого, что скиф явно превзошел его ожидания, сфинкс несколько раз хлестнула себя по бокам хвостом. — К вопросу о том, как человек может существовать без души... Ты будешь двигаться, пить, есть, спать. Но не будешь думать, чувствовать боль и наслаждение. И ты будешь во всем повиноваться Ариману, а твое холодное сердце будет точить страшная тоска. Человек не испытывает при жизни и сотой доли

той тоски, что будет мучить тебя после того, как душа покинет свою бренную оболочку.

— Живой мертвец! — прошептал Скилл. Он вспомнил странную шестерку, облаченную в балахоны. Их головы и тела крошились под ударами гранитных глыб, но они поднимались вновь и вновь, направляя свои колдовские палки навстречу взбунтовавшимся дэвам.

— Да, живой мертвец. Материализованная тень, не нашедшая пристанища в темных пещерах Тартара. — В этом месте сфинкс немного смутился. — Извини меня за эту не очень уместную метафору. Я так же, как и ты, получила эллинизированное воспитание. Не по своей воле. Проклятые философы Гистиом и Арпамедокл! Их вечно спорящие души не дают мне покоя. Я невольно нахватался от них всяких идиотских побасенок. Ну вот, теперь ты знаешь, что тебя ожидает. Готов ли ты к испытанию?

— А если я откажусь?

— Тогда умрешь здесь, в двух шагах от источника.

— Эх, — выдохнул Скилл, — если бы у меня только были стрелы!

— Не поможет. Меня убьет лишь слово. Тем, кто ответил на три вопроса, я могу задать четвертый. По их желанию. Если они ответят и на четвертый вопрос, я окаменею, а души, захваченные мною, вернутся в свои тела, и те найдут вечный покой. Но, поверь, для подобного случая я храню такую загадку, разгадать которую не смог бы даже сам Ариман.

— Хорошо, — сказал после краткого раздумия Скилл. — Я готов отвечать на твой первый вопрос.

Сфинкс облизнулся.

— Я слышу, как твой язык царапает небо. Не хочешь ли бокал воды?

— Не откажусь.

Монстр хлопнул лапами. В воздухе появилась большая золотая чаша. Она лихо подлетела к водоему, черпнула воды и направилась к скифу. И вот она покачивается у его лица, роняя на песок прозрачные капли. Скилл протянул руку, но поймал лишь пустоту. Чаша исчезла, вода хлынула вниз и мгновенно впиталась в песок. Сфинкс радостно рассмеялся.

— Шутка. Маленькая шутка. — Его лицо приняло жесткое выражение. — Воду ты получишь только после того, как ответишь на первый вопрос. Но я думаю, ты не получишь ее вовсе.

— Думай за себя! — процедил Скилл.

Но сфинкс не обратил на его слова ни малейшего внимания.

— Итак, вопрос первый... Чем пахнет пустыня?

Скилл задумался. Чем может пахнуть пустыня, где нет ни одного растения или животного, где запах исторгает лишь обожженный солнцем песок, переносимый ветром.

— Солнцем и ветром!

— Красивый ответ. — Сфинкс казалась довольной. — Но не совсем верный. Пустыня пахнет еще и смертью.

Он сделал шаг к скифу, намереваясь вытянуть душу.

— Протестую! — завопил Скилл. — Достаточно того, что я назвал две части ответа.

— Хм... — Монстр задумался. — В общем, ты прав. Я допустил оплошность, признав, что пустыня пахнет солнцем и ветром. Я должен был сразу сказать: смертью. Ну что ж, первый раунд ты выиграл. Пей сколько хочешь.

Скифа не пришлось уговаривать, он в тот же миг бросился в озерцо. Стоя по пояс в воде, он глотал живительную влагу, чувствуя, как к нему возвращаются силы.

— Ух! — Скилл нырнул и, шлепая руками, пересек озерцо, чувствуя, как ледяная вода растворяет негой наполненное солнечным жаром тело. — Ух!

Сфинкс дождался, когда гость вылезет на берег, и спросил:

— Ты готов отгадать вторую загадку?

— Пока еще нет. — Скиллу хотелось насладиться блаженством утоленной жажды.

— Напрасно. Тогда я с твоего позволения перекушу.

Он хлопнул лапами, из воздуха появились шикарно сервированный стол и высокое кресло. Ловко, по-человечески устроившись в кресле, сфинкс повязала белую салфетку и начала неторопливо поглощать яства, промежая пищу глотками выдержанного вина.

Скилл почувствовал, как его рот наполняет голодная слюна, а в желудке начинаются спазмы.

— Жаль, что ты не хочешь отобедать со мной, — проговорил сфинкс, вкусно причмокивая.

— Ладно, дэв с тобой! Задавай второй вопрос.

— Чудненько.

Сфинкс поправил салфетку и задумался. Странное то было зрелище — огромная желтая кошка с невинным девичьим лицом и повязанной вокруг шеи салфеткой. Наконец он заговорил.

— Вторая загадка. Когда начинается ночь?

— Когда уходит день! — незамедлительно ответил Скилл.

Сфинкс казалась слегка озадаченной.

— Неплохой ответ. Пожалуй, получше моего: когда загораются звезды. Что поделать? Садись.

Он хлопнул лапами. Появилось второе кресло, количество блюд удвоилось. Скилл не заставил себя ждать и жадно набросился на пищу, время от времени бурча:

— Хорошее мясо. Великолепное вино. Не будешь ли ты так любезен передать мне вот ту тарелочку.

— Отменный аппетит, — заметил сфинкс. — Похоже, тебя не слишком волнует, что вскоре я задам третий вопрос, самый трудный.

— Нет ни одной вещи, которая могла бы испортить мне аппетит.

— Похвально. Ну что ж, — сфинкс повернула голову к западу, в ее глазах заиграли красные отблески, — солнце уже садится. Последнюю загадку я оставлю на завтра. Хочется провести приятный вечер с приятным человеком, а не с его рыдающей душой.

— Моя не зарыдает! — уверенно бросил Скилл.

Сфинкс пожал плечами.

— Другие тоже так думали.

Стол растаял в воздухе.

— Пойдем, я покажу тебе твое ложе.

Скилл прошел вслед за хозяином пустыни в тень финиковых пальм. Меж деревьями были натянуты гамаки.

— Выбирай любой.

Кочевник послушно залез в один из гамаков и попытался заснуть. Но не спалось, может быть, от волнения, может быть, от чего-то иного.

— Наверно, переел, — пробормотал скиф.

Тем временем стемнело. На небе зажглись звезды. В ночном воздухе замелькали неясные тени. Лежавший неподалеку сфинкс что-то забормотал. Скилл заметил, что между пальмами плавают крохотные полупрозрачные облачка, от которых исходило слабое сияние. Несколько подобных облачков по очереди подплывали к скифу, будто желая убедиться, что он спит, после чего стремительно уносились прочь. Однако одно надолго повисло над его головой. Скилл наблюдал за странным образованием сквозь ресницы, а затем резко открыл глаза. Облачко нервно дернулось, словно смутившись, что его застали за столь неблаговидным занятием, как подглядывание, но затем успокоилось и вернулось на прежнее место. Скиф решился нарушить тишину.

— Ты кто? — спросил он негромко. — Душа?

— Да, — тихо ответило облачко. — Я душа философа Арпамедокла. А кто ты?

— Я скиф Скилл, заброшенный в эту пустыню злой волей Аримана. Ты тоже стал жертвой этого злобного бога?

— Нет. Меня отправил сюда громовержец Зевс. Я имел неосторожность поспорить с ним относительно основ бытия и проиграл. Я утверждал, что земля есть плоскость, ограниченная со всех сторон водой. А оказалось, что она — шар.

— В это невозможно поверить, а еще труднее доказать!

— Поверить — да. Но доказать... Для бога это оказалось несложно. Он вознес меня в воздух, и показал страны, лежащие по другую сторону земли. Я видел странных животных с сумками на животе, ледяные континенты, бесконечную гладь океана. Я признал свое поражение, и он отправил меня сюда.

Скилл хотел посочувствовать, но не нашел слов.

— Ты проиграл этому чудовищу?

— Да. Я не отгадал третью загадку. Две первые обычно легкие. Он развлекается, давая жертве надежду. Но третьим вопросом он побеждает ее.

— Какой вопрос он задал тебе?

— Что есть солнце?

— И что ты ответил?

— Огненный шар, испускающий энергию. Он назвал меня ученым дураком и вырвал душу.

— А что надо было ответить?

Облачко снизилось к голове Скилла и заговорщически прошептало:

— Огненный меч Аримана.

— Огненный меч Аримана, — задумчиво повторил Скилл. — Спасибо тебе.

— Не за что. Я буду рад, если ты обведешь эту бездушную тварь вокруг пальца. Прощай, он зовет меня.

Душа Арпамедокла улетела прочь.

Скилл повернулся на бок и приготовился заснуть. Тихое вежливое покашливание заставило его поднять глаза вверх. Над ним висела еще чья-то душа, побольше размером, чем первая, с розовым нимбом.

— Кха-кха! Я вижу, ты не спишь.

— Не сплю, — подтвердил Скилл. — Ты кто?

— Душа. Несчастная душа философа Гистиома.

— Ты проиграл в споре со сфинксом.

— Да. Я не ответил на третий вопрос.

«Интересно, — подумал про себя Скилл. — Они что, все здесь сговорились? Проверю-ка!»

— Чья злая воля закинула тебя в эту пустыню? Владыка Олимпа?

— Увы, нет. Ариман.

— Ариман? Как и меня, — протянул Скилл, невольно проникаясь приязнью к товарищу по несчастью. — За что он тебя?

— Я прогневил его неправильным предсказанием.

— Разве философы предсказывают?

— Вообще-то нет. Но я увлекался магией, — повинилась душа. — Я сказал Ариману, что одна из кобыл родит ему совершенно черного жеребенка, который, когда вырастет, будет самым быстрым скакуном на свете, и что Ариман проездит на нем ровно двадцать пять лет. Жеребенок действительно родился, но не прошло и года, как какой-то негодяй украл его. Ариман заявил мне, что я должен был предсказать эту кражу, а не срок жизни коня, и отправил меня на растерзание сфинксу.

«Вот это да! — подумал Скилл. — Это же про Черного Ветра. Так вот почему Ариман гонялся за мной! Пренеприятно, однако, что я невольно оказался повинен в злосчастьях этого бедняги».

— И ты отгадал две загадки, — сказал кочевник вслух.

— Да. Они были несложны. К тому сфинкс разрешает вольно трактовать ответы. Это развлекает его. Самая трудная третья загадка. На нее не может ответить никто.

— Но сфинкс признался мне, что маг Кермуз ответил и на третий вопрос.

— Я знаю об этом. Но маг Кермуз — один из величайших волшебников на свете. Он знает заоблачную истину, и нет ничего удивительного в том, что он победил сфинкса.

— И что за загадку задал сфинкс тебе? — словно невзначай поинтересовался Скилл.

— Он спросил: что есть солнце?

«Ого!» — усмехнулся Скилл.

— А что ты ответил?

— Огненный лик Ахурамазды.

Скилл молчал. Душа Гистиома забеспокоилась.

— Тебя не интересует, каков был правильный ответ?

— Почему же! Очень интересует. Но мне кажется, ты не скажешь его. Ведь Ариман может наказать тебя!

— Чего не сделаешь для друга! — ухарски воскликнула душа. Она опустилась пониже и шепнула:

— Огненный меч Аримана!

— Вот как... — протянул Скилл, делая вид, что ужасно обрадован этим откровением. — Я искренне благодарю тебя.

— Не стоит. Я буду счастлив, если ты обведешь эту бездушную тварь вокруг пальца. Прощай, он зовет меня.

И душа философа Гистиома унеслась прочь в сторону бормочущего сфинкса.

— А разница-то лишь в нимбах — голубой да розовый, — пробормотал Скилл. — Интересно, прибудет ли еще какой-нибудь посетитель?

Но больше его не беспокоили.

Проснувшись, Скилл обнаружил, что чувствует себя великолепно, как никогда. Вода и обильный ужин вернули ему силы и хорошее настроение. Покинув гамак, он отправился к озерцу и с наслаждением выкупался, после чего облачился в халат и хлопнул в ладоши:

— А ну-ка, столик!

К превеликому удовольствию скифа стол не посмел ослушаться и материализовался у его ног.

— Ого! Для легкого завтрака тут многовато! Я беру себе вот это и это, и еще вино. Остальное можешь забрать.

Стол послушно выполнил приказание, оставив на полированной поверхности лишь кусок осетрины, жаркое из джейрана, пару пресных лепешек, вазу с фруктами и кувшинчик багряного вина.

— Лет пятьдесят! — восторженно воскликнул Скилл, просмаковав первый глоток. — Имея такую жратву, можно застрять здесь подольше.

Сфинкс должно быть любил поспать. К тому моменту, когда она вышла из-за пальм, Скилл покончил с вином, мясом и рыбой, и баловался куском душистой дыни.

— Иди ополосни физиономию! — посоветовал скиф изумленно взирающему на него сфинксу.

— Ты, однако, весьма нахален...

— Наглость — второе счастье. Красивая мысль? Если нравится, бери. Дарю! Задашь какому-нибудь бедолаге умный вопрос: что есть наглость? Или: что есть счастье?

Вино подняло настроение, и Скилл был непрочь поиздеваться над стражем пустыни.

Сфинкс разозлился не на шутку. Голубые глаза засверкали, рот ощерился в злобном оскале.

— Наглец! Пришло время ответить на третий вопрос!

— А куда такая спешка? — с ленцой бросил распоясавшийся гость. — Я не против того, чтобы подзадержаться здесь еще несколько деньков. Хорошая кухня, отличная вода, прохлада... Думаешь, мне хочется тащиться по пыльным дорогам Арианы?!

— Замолчи! Иначе я выну твою душу.

— Эй-эй! — Скиф вытянул вперед руки, словно защищаясь от возможных посягательств. — Мы так не договаривались. Победи, а уж потом вытягивай.

— За этим дело не станет, — процедил сфинкс. Красивые девичьи черты разгладились, придав лицу умиротворенное выражение. Полузакрыв глаза и покачиваясь, словно сомнамбула, сфинкс проговорил:

— Загадка третья, последняя, что есть солнце?

Скилл снисходительно улыбнулся. Его губы уже шевельнулись, готовые выпалить подсказанный душами ответ, но вдруг в сознании отчетливо всплыла фраза: «Я буду счастлив, если ты обведешь эту бездушную тварь вокруг пальца». Кто это сказал? Чья душа? Гистиома или Арпамедокла? «Я буду счастлив, если ты обведешь эту бездушную тварь вокруг пальца ...». На лице скифа появилась гримаса сомнения. Сфинкс радостно улыбнулся.

— Говори!

«Они сказали это оба. Слово в слово, — вдруг понял Скилл. — Здесь что-то нечисто».

— Послушай, — спросил он монстра, — а у тебя есть душа?

— Нет, — ответил сфинкс. — А зачем она мне?

Скиф пожал плечами.

— Ну, не знаю...

Сфинкс разозлился не на шутку.

— Не заговаривай мне зубы! Отвечай! Или у тебя нет ответа? Что есть солнце?

— Жизнь, — вдруг тихо произнес Скилл.

— Что? — переспросил сфинкс, словно не веря услышанному.

— Жизнь! — уже громче повторил кочевник. — Солнце есть жизнь!

— Но почему?

— Это четвертый вопрос, — позволил себе улыбнуться Скилл.

— Почему ты не поверил их советам?!

— От этих грязных душонок веяло трусостью и предательством. Каково твое решение? Солнце есть жизнь!!!

Сфинкс нахмурился, немного помолчал и нехотя признался:

— Твой ответ верен. Ты победил. Я перенесу тебя назад.

— Постой! — протянул Скилл, спеша овладеть положением. — А какова четвертая загадка?

— Зачем тебе это?

— Мне понравилась эта игра. Ты должен задать мне четвертый вопрос!

— Хорошо, — прошептал сфинкс. — Но учти, на него никто не сможет ответить. Ты сам выбрал свою судьбу.

— А я лишь потому и человек, что сам выбираю свою судьбу! Я готов отвечать.

Нездоровый азарт охватил и сфинкса.

— Ну, держись! Что над нами вверх ногами?!

— Ха! — заорал скиф. — Ты готов окаменеть? Ну как, трясутся твои поджилки?!

— Говори! — с ненавистью потребовал сфинкс.

— Трясутся, — констатировал Скилл. Он сделал эффектную паузу и медленно, разрывая слога, произнес:

— Это сидящая на потолке... — Он замолчал и выжидающе посмотрел на сфинкса. По лицу монстра катились крупные капли пота, грудь его бурно вздымалась. — Это сидящая на потолке...

— Стой! — взмолился сфинкс. — Я сделаю все, что ты захочешь.

— Приятно иметь дело с разумным... Тьфу, чуть не сказал, человеком. Что мне требуется? Не так уж много. Прежде всего, стрелы к моему луку. Камышовые, легкие, с трехгранными стальными наконечниками.

В тот же миг у ног Скилла появился колчан, плотно набитый стрелами. Скилл вытащил одну из них, попробовал пальцем острие, похвалил:

— Неплохо! Второе... Акинак с самым прочным в мире клинком. Чтобы стальные клинки стражников Аримана разлетались вдребезги от соприкосновения с ним.

Чтобы выполнить этот заказ сфинксу, потребовалось чуть больше времени, но вскоре великолепный акинак лежал у ног скифа.

Кочевник осмотрел лезвие и покачал головой.

— М-да... И почему я не попал сюда раньше? — Скиф задумался. — Так, теперь осталось совсем немного — новый халат, легкий прочный шлем с шелковой подкладкой, мешок золотых дариков... И еще я хочу получить мою нэрси и Черного Ветра.

Сфинкс смачно хлопнул лапами. Халат, шлем и туго набитый мешочек незамедлительно появились у ног Скилла.

— А конь и девушка?

— Их не могу. Они во власти Аримана.

Внезапно сфинкс застонал.

— Что с тобой? — спросил Скилл.

Зажмурив от боли глаза и скрипя зубами сфинкс ответил:

— Кто-то: Ариман, Ахурамазда или Зевс обнаружили, что я пользуюсь их каналом телепортации. Они пытаются блокировать его энергетическим полем. Советую тебе поторопиться. Еще мгновение, и будет поздно!

Последние слова сфинкс почти кричал. Скилл понял, что хозяин пустыни не притворяется.

— Переноси меня! Скорее, дэв тебя побери! А не то я назову последнее слово.

— Уже, — ответил сфинкс. — Прощай. И да будет Рашна милостив к тебе...

В следующее мгновение Скилл почувствовал, как гигантский вихрь раздирает его на крохотные кусочки и несет куда-то вдаль. Боли не было. Было лишь удивление и сосущая тоска. И еще последние слова сфинкса: «И да будет Рашна милостлив к тебе...». Рашна — весы добра и зла, содеянного за прожитую жизнь. Причем здесь Рашна?

И вспыхнул яркий свет...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Высокий суд

И вспыхнул яркий свет...

Скилл зажмурил глаза и почувствовал, как его частички вновь собираются в единое целое, принимая облик тощего, иссеченного шрамами и невзгодами скифа. Как только образ был завершен до конца, Скилла невежливо уронили на нечто твердое, что при ближайшем рассмотрении оказалось мраморным полом.

— Хорошо, что необъезженные скакуны научили меня падать! — пробормотал скиф, приземляясь на все четыре конечности. Спустя мгновение он стоял на ногах и нащупывал лук. Однако ни лука, ни акинака, ни мешка с золотыми монетами не было. Как, впрочем, халата и прочих предметов одежды. Скилл был в чем мать родила. Чтобы переварить подобное унижение, потребовалось время. Затем Скилл поднял глаза и осмотрелся. Хватило одного взгляда, стремительно обежавшего вокруг, чтобы понять: было бы лучше, если б он остался в оазисе сфинкса. Там был всего один противник, и тот, если честно признаться, порядочная мямля; местное общество было куда серьезнее.

Из огня — в полымя. Да еще в какое полымя! Скилл попал в Чиквату — судилище над душами мертвых. Об этом было нетрудно догадаться, рассмотрев помещение и присутствующую в нем публику.

Сначала о помещении. То была огромная зала, скорей всего подземная, так как судя по утверждениям магов судилище находилось под землей. Не потому ли, что большую часть душ забирает Ариман, столь тяжки людские грехи? Когда-то это была просто огромная пещера. Воля богов и руки непрошедших через Мост возмездия людей преобразили её. Гранитные стены были выровнены и отполированы, сотни изящных мраморных колонн подпирали свод. Меж колоннами стояли драгоценные вазы и священные сосуды. У одной из стен находились два алтаря. На том, что был сделан из белого мрамора, лежали кучкой дрова, готовые в любое мгновение вспыхнуть прозрачным пламенем. То был алтарь солнечного Ахурамазды. Другой алтарь был чернее ночи, около него блеял черный козленок, предназначенный в жертву Ариману.

Меж алтарями стояли большой, покрытый багровой тканью стол и три кресла. То, что в середине, было из чистого золота и украшено бриллиантами и топазами, два прочих — из черненого серебра с голубыми камнями. Опытный взгляд Скилла сразу распознал в этих камнях драгоценную бирюзу, что рождают ручьи северных гор. В особенности поразил его внимание огромный, с кулак, алмаз, вделанный в подголовье золотого кресла.

Еще большее восхищение вызывал потолок, покрытый фресками с изображениями богов, полубогов, сверхъестественных существ и героев. Здесь нашлось место и Ахурамазде, и Ариману, и Митре, и Веретрагне, а также богам Эллады, Финикии, Кемта, Сирии, Этрурии и Кельтии. Вокруг богов мельтешили полубоги и мифические существа: злобные ажи и дэвы, добрые ахуры и язаты; плевал огнем дракон Ажи-Дахака, рядом злобно скалились Двенадцатипастая Лернейская гидра и ужасная морда пса Цербера. Пан, нимфы, священные животные, гномы, тролли, баньши. В одном из углов Скилл заметил скифскую мать Табити. Рядом с ней натягивал тетиву лука священный предок Скиф, а неподалеку стоял покрытый гипертрофированными мускулами Геракл, отец Скифа и непревзойденный герой.

Под сводом, воплотившим труд сотен и неведомо как вознесшихся на высоту полета стрелы художников висели на массивных бронзовых цепях огромные полупрозрачные шары, испускавшие ровный, похожий на лунный свет.

Скилл отвел глаза от потолка и стал изучать собравшихся. Кого здесь только не было! Точнее говоря, здесь были все те, кого вообще не должно было существовать в реальности.

— Дурной сон! — пробормотал Скилл, но к своему великому сожалению он уже был знаком со многими персонажами этого «сна».

Состав Чикваты, загробного суда, был схож с составом суда земного, — судьи, обвинители и защитники, праздная публика. Стол, за которым должны были размещаться судьи, пока пустовал. Возле него суетился облакоподобный дух язат. Из полупрозрачной сферы выскакивали листы пергамента, перья, баночки с красной и черной краской, прочие атрибуты судейского крючкотворства.

Скилл перевел взгляд налево, где у стены было сооружено некое подобие трибуны. Здесь размещались сторонники обвинения: дэвы, ажи, нэрси, третьестепенные злобные духи. Среди прочих выделялся огромной фигурой Груумин. Заметив, что Скилл смотрит в его сторону, дэв ощерил клыки и помахал скифу когтистой лапой.

Точно такая же трибуна находилась с противоположной стороны. Ее занимали те, кто должны были защищать Скилла; ахуры — коренастые невысокие мужички с сухими блеклыми бородками, полупрозрачные духи язаты, добытчики земных недр ривны, драконоборец Траэтона, горделиво сжимавший в руке кривой меч. Все это пестрое сборище оживленно переговаривалось, не обращая на Скилла ни малейшего внимания.

Почтенный суд не спешил, некуда было спешить и Скиллу. На всякий случай он огляделся в поисках возможного пути отступления и обнаружил, что в зале имелось два выхода, но воспользоваться ими для бегства было невозможно, так как возле них маячили закутанные в балахоны фигуры живых мертвецов.

Скилл вздохнул и, прикрыв известное место руками, сел прямо на пол.

Ждать ему пришлось довольно долго. Но вот стража у одних из ворот расступилась, и появились судьи. Впереди шел Митра — высокий дородный старик. Борода и волосы его были выкрашены хной, на голове была митра, увенчанная золотым диском. Еще два изображения солнца были на парчовом халате. Важно прошествовав мимо почтительно замолчавшей публики, Митра сел на золотой трон. Следом появились Сраоши и Рашна. Оба с мутными непроспавшимися физиономиями. Рашна держал в руке небольшие весы. Переговариваясь между собой, они сели по бокам от Митры. Сраоши немедленно пододвинул к себе пергамент, обманул перо и сделал первую запись. Митра в это время лениво рассматривал зал. Вот его взгляд задержался на Скилле, лицо бога приняло гневное выражение.

Мгновение спустя Скилл понял, что рассердило Митру, когда холодные руки двух мертвых стражей оторвали скифа от пола и поставили на ноги — обвиняемому надлежало стоять.

И Митра произнес первое слово. Голос у него был звучный и гулкий, словно шел из глубокого колодца.

— Душа кочевника Скилла! Мы призвали тебя на суд мертвых Чинквату. Мы рассмотрим твои деяния и поступки, а также помыслы, коими ты руководствовался, и вынесем решение: отправится ли твоя душа в веси бесконечного света или же ее ждут врата царства Аримана. Можешь не беспокоиться; высокий суд примет справедливое решение.

Здесь Скилл решился прервать речь судьи.

— Прошу высокий суд простить меня за дерзость, но осмелюсь заметить, что я попал сюда без всяких на то оснований. Я не умер естественной смертью и не был убит; я лишь перемещался через окно света, предоставленное мне сфинксом Говорящей пустыни, после того, как я отгадал три его загадки. Заявляю решительный протест против этого ничем не обоснованного судилища и требую восстановить справедливость! — Скиф еще не ведал, что протестовать ему в этот день придется не один раз.

Подслеповато сощурившись, Митра посмотрел на Скилла и воскликнул:

— Действительно, живой человек! Непорядок! Надо исправить!

Не успел Скилл что-либо возразить, как Митра взмахнул руками. Зала стала стремительно вращаться, физиономии богов, духов и прочей нечисти расплылись в одну гигантскую круговерть. Скиллу вдруг стало легко и свободно, и он воспарил вверх. Под самый свод. И предок Скиф, подмигивая, подавал Скиллу свой лук. Ничего не понимая, скиф попытался помотать головой, но безуспешно. Головы не было. Так же как рук, ног и набитого яствами сфинкса желудка. Скилл озадаченно посмотрел вниз. Двое живых мертвецов волокли прочь из залы его бренное тело.

— Стойте!

Издав тонкий писк, душа Скилла кинулась вниз. Она пыталась разжать стиснутые зубы и нырнуть внутрь, но быстро убедилась, что это невозможно. Грязно ругнувшись, душа оставила тело в покое и направилась к судейскому столу.

— Я протестую!

Митра зевнул и почесал холеную бородку.

— Протест отклоняется.

— Но я был доставлен сюда как человек, а не как душа!

— Правильно, — согласился Митра. — Это и есть непорядок. Мне пришлось исправить его. Мы судим души, а не людей. Не волнуйся. Слуги поместят твое тело в кладовые. После того, как мы вынесем справедливое решение, его либо отдадут Ариману, либо бросят на съедение диким зверям.

— Но я был живой! — никак не могла успокоиться душа.

— Не спорю. Но высокий суд исправил это недоразумение.

— Исправил? Недоразумение? С каких это пор жизнь стала недоразумением?

Вопли души ничуть не тронули Митру. Оставив в покое бороду, он занялся чисткой наманикюренных ногтей. Сраоши тем временем ставил закорючки на лист пергамента, торопясь запечатлеть мудрость великого Митры.

Спорить с этой напыщенной троицей было бесполезно. Скилл понял это и отступился, буркнув:

— Жирная скотина!

— Суд учтет это оскорбление, — бесстрастно заметил Митра и Сраоши быстро начертал на листе еще несколько закорючек. Дождавшись, когда душа Скилла вернется на прежнее место, Митра провозгласил:

— Высокий суд собрался здесь, чтобы решить судьбу души кочевника Скилла. Кто-нибудь имеет замечания по существу дела?

Таковых не оказалось и Митра продолжил:

— Сейчас почтенный секретарь поведает нам о жизни, прожитой кочевником Скиллом, о его делах и помыслах.

После этих слов Митра сел, уступив место оратора Сраоши. Хрипловатый голос бога-секретаря свидетельствовал о буйно проведенной ночи.

— Уважаемый суд! Уважаемые обвинители, защитники, свидетели и просто публика. Сегодня мы рассматриваем дело Скилла. Скилл — кочевник из племени скифов. Двадцать восемь лет от роду. Царского рода. Основатель рода Скилла Скиф, сын Геракла. — Сраоши поднял лицо вверх, словно пытаясь высмотреть на своде изображения упомянутых им героев. Дед Скилла Родоар был провозглашен царем за доблесть и мужество. Отец Скилла Скил был одним из вождей скифского войска в последней войне между парсами и скифами, но позднее был обвинен соплеменниками в пристрастии к эллинским обычаям и убит. Это

послужило поводом к изгнанию тринадцатилетнего Скилла из скифского племени. С тех пор он вел опасную жизнь разбойника...

Душа хотела запротестовать и напомнить, что несколько лун Скилл прослужил наемником у тирана Милета, но, вспомнив о нескольких не слишком благовидных поступках, совершенных им в то буйное время, скромно промолчала.

— ... Пятнадцать лет провел Скилл в непрерывных странствиях и походах. Он побывал в Ионии и Каппадокии, Курдистане, Луристане, Хузистане, Вавилонии, Парсе, Мидии, Гиляне, Мазандеране, Гиркании, Хорезме, Согдиане, Бактрии, Землях южных скифов и саков, в Ариане, Драншиане, Арахозии, Гидросии и Кармании, Кемте и Ливии, Аравии, Фракии, землях македонян и северных эллинов. Все эти годы он разбойничал, грабил и убивал. Он предводительствовал шайками массагетов и карийцев, фракийцев и киммерийцев, участвовал в набегах на Сарды, Тир, Экбатаны, Пергам, Эфес и еще двадцать восемь городов, в разграблении царских сокровищниц в Парсе и Сузах, казны тирана Милета, сатрапов Геллеспонта и Киликии, Сирии и Лидии, многочисленных нападениях на купеческие караваны и храмы. Он заслужил славу неутомимого наездника и не знающего промаха стрелка. Скилл известен как страшный безбожник, не признающий Ахурамазды и Аримана, Зевса и Аполлона, Амона и Ра, Мардука и Тина, и прочих. Но высокий суд считает своим долгом отметить, что все эти годы Скилл не был замечен в излишней жестокости, лжесвидетельстве и клятвоотступничестве, в сожительстве с матерью или дикими животными и прочих богомерзких поступках. — Секретарь перевел дух и оглядел слушателей, пытаясь определить впечатление, произведенное его речью. Но реакция публики вряд ли удовлетворила его. Дэвы откровенно зевали, нэрси перемигивались со старичками-ахурами, заскучавшие язаты растекались мутными лужицами по полу. Поэтому Сраоши поторопился закончить речь.

— Изложив высочайшей публике деяния и помыслы Скилла, я призываю вас решить его судьбу.

На трибунах началась возня. Слушатели кашляли, разминали затекшие мышцы. Митра стукнул ладонями по столу, призывая к тишине, и спросил:

— Имеет ли душа Скилла сказать что-нибудь в свое оправдание?

— Оправдание? — изумилась душа. — Но я пока не услышал ни одного доказательства моей вины. Жизнь скифа Скилла чиста, словно незамаранный лист пергамента. Но я благодарю высокий суд за объективное изложение истории моей жизни. Правда, хочу внести несколько поправок. В выступлении почтенного Сраоши закралась маленькая ошибка. Я никогда не был в Хорезме. Мой отряд действительно направлялся в этот белостенный город, лелея мечту восславить богов в известных своей Красотой хорез-

мийских храмах, но на приграничной реке Алус нас поджидало войско Хорезм-Аблая. Оно помешало нам посетить славящуюся своим благодатным климатом и плодородными землями страну.

— Так, так. — Сраоши заглянул в один из лежавших на столе пергаментов. — Все в общем верно, но при отступлении савроматы, которыми командовал скиф Скилл, убили более ста воинов Хорезм-Аблая. Погиб и сам властитель Хорезма, чье горло пробила стрела с трехгранным стальным наконечником, которые были лишь в горите кочевника Скилла. Душа имеет что-либо возразить?

— Нет... — Душа Скилла хотела пожать плечами, но вовремя вспомнила, что их у нее нет. — Но хочу заметить, что всадники Аблая тоже стреляли, и их стрелы были не менее острые, чем наши. Ну да ладно, все это не столь важно. Второе, более существенное возражение. Я решительно протестую против утверждений, будто скиф Скилл не верит ни в одного бога. Он поклоняется скифскому богу-лучнику Гойтосиру, богу-мечу Веретрагне, а также верит в существование Аримана, дэвов, нэрси, сфинкса, с которыми сталкивался ранее, а также в существование Митры, Сраоши, Рышны, ахуров...

— Довольно! — перебил излияния души секретарь. — Высокий суд не интересует, во что верит душа скифа Скилла, его интересует, во что верил ее хозяин. У суда нет сведений, чтобы Скилл преклонялся Ариману или Веретрагне, а бог-лучник Гойтосир — низшее божество и не заслуживает поклонения.

Душа хотела вспылить, но, вспомнив, что уже имеет одно замечание по поводу оскорбления суда, промолчала.

— Душе нечего больше сказать, — полуутвердительно-полувопросительно заявил Сраоши. Секретарь нагнулся к Митре и быстро перешептался. — Высокий суд переходит к рассмотрению позиций сторон. Слово для обвинения предоставляется богу тьмы Ариману.

По залу прокатился легкий гул. Дэвы, нэрси и прочая нечисть приготовились приветствовать своего повелителя, ахуры и язаты приняли как можно более независимый вид.

На этот раз Ариман не стал материализоваться из воздуха, он вошел в зал подобно обычному человеку. Как и в прошлый раз лицо бога было спрятано под маской. Под оглушительные вопли своих приверженцев Ариман приветствовал собравшихся и стал на небольшом возвышении близ судейского стола. Он бросил взгляд на Митру, чье холеное лицо мгновенно покрылось бисеринками пота. Видно, богу зла пришлось не по нраву, что он должен стоять, в то время как прочие сидят. Ариман щелкнул пальцами. На подиуме появился массивный золотой трон, сплошь усеянный крупными дымчатыми опалами. Ариман сел и запахнул полы плаща. Жалобно заблеявший козленок рухнул под ударом невидимого ножа. Бог зла проследил за тем, как кровь наполнила чашу, а затем обагрила мрамор алтаря. Только после

этого он взглянул на своего врага, точнее на то, что от него осталось.

— Славно! — промолвил бог. — Хотя достаточно было отнять у него лук. Без лука скиф — ничто. Но так даже забавнее. — Желая угодить хозяину, оглушительно захохотал Груумин. Душе показалось, что Ариман поморщился. — Я обвиняю эту душу в следующих преступлениях, совершенных ее хозяином. Пять лет назад толпа кочевников, среди которых был и скиф Скилл, ограбила храм Аримана в Дрангиане. Было похищено много золота и драгоценностей, а также мой конь Черная стрела. Именно этот скакун долгие годы помогал Скиллу уходить безнаказанным от любой погони. Кроме того, четыре луны назад, во время нападения на царский дворец в Парсе, Скилл похитил перстень, который я даровал моему слуге Дарию. Мои стражники преследовали его по пятам, но он сумел ускользнуть, убив многих из них. Скилл осмелился воровским путем пролезть в Черный город и убил там нескольких моих слуг. Затем он направился в Красные горы, где продолжал убивать. На этот раз от его руки пал преданный мне дэв. Это лишь краткий перечень преступлений, совершенных кочевником Скиллом в последнее время. На основании вышеизложенного я предлагаю высокому суду признать Скилла виновным в преступлениях против богов и отдать его душу и тело в мое распоряжение.

Левая трибуна поддержала речь Аримана оглушительным ревом. Одобрительно хлопнули в ладоши и несколько старичков-ахуров. На всякий случай, чтобы не разгневать могущественного Аримана. Бойко вскочил со своего места Сраоши.

— Высокий суд примет твое обвинение к сведению, о великий Ариман!

Ариман величественно кивнул головой и исчез вместе с троном. Судьи с облегчением перевели дух.

— Суд переходит к рассмотрению свидетельских показаний и вызывает первого свидетеля.

В зал вошел рыжебородый человек. Он был сильно напуган, видно, впервые присутствовал на подобном судилище.

— Представься. — Сраоши вновь потянулся к пергаментному листу.

— Мое имя Арбазат. Я сотник в войске Аримана.

— Арбазат, ты видишь перед собой душу кочевника Скилла, за которым ты и твои люди так долго гонялись.

— А-а-а... — протянул стражник. — Но я предпочел бы увидеть перед собой самого скифа, чтобы посчитаться с ним! Он убил двадцать моих людей.

— Боги уже покарали его. Какие сведения ты можешь сообщить суду?

— Какие? — Арбазат нахмурил лоб и пожал плечами. — Мы гонялись за этим проклятым скифом больше трех лун. Пять раз мы настигали его, но он неизменно уходил от погони. После того,

как мы загнали его в пески Тсакума, мой господин велел оставить скифа в покое.

— Как вы должны были поступить со скифом?

— Хозяин приказал избавиться от него. Убить или пленить — безразлично. Мы должны были вернуть перстень и коня.

— Понятно. — Сраоши вновь зашелестел пергаментом. — А скажи мне, Арбазат, не был ли кочевник Скилл замечен в каких-либо богомерзких поступках?

Рыжебородый был явно смущен этим вопросом.

— Не знаю. Я не слышал о нем ничего дурного.

Но Сраоши не успокаивался.

— Высокий суд располагает свидетельствами, что скиф многими месяцами не приносил ни единой жертвы Ариману или Ахурамазде.

— А когда ему было, — простодушно ответил стражник. — Мы преследовали его по пятам. Ему едва хватало времени, чтобы напоить коня и напиться самому.

Ответ Арбазата не удовлетворил ретивого секретаря. Скрывая недовольство, Сраоши сказал:

— Суд принял твои показания к сведению. Ты можешь идти.

Стражник покинул судилище. Минуя душу, он бросил на нее взгляд, в котором читались жалость и ужас.

Сраоши вновь покопался в кусках пергамента, после чего провозгласил:

— Вызывается второй свидетель обвинения!

На возвышение взошел псевдочеловек.

— Твое имя, свидетель?

— Я харук. У харуков нет имен.

— Хорошо. Свидетель харук, что ты можешь сообщить суду относительно скифа по имени Скилл, который пробрался в ваш город во время лунного пира?

— А, этот... — Харук пошарил глазами и нашел душу Скилла. — Он хуже животного и достоин смерти.

— Свидетель, поясни свои слова.

— Этот негодяй пробрался в наш город и убил нашего брата жреца Веретрагны...

— Протестую! — фальцетом завопила душа. — Я...

Но Сраоши мгновенно заткнул рот Скиллу:

— Протест отклоняется. Продолжай, свидетель.

— Он убил нашего брата, а затем осквернил своим присутствием священный пир. При этом он напал на меня и похитил мою одежду. Будучи разоблаченным, он бежал из города с помощью нэрси, убив Великого Посвященного.

— Вот как! — заорал Сраоши. — Этот кощунственный акт походит на надругательство над верой. Не так ли, свидетель?

— Да, именно так, достопочтимый судья. Посвященный брат ничем не угрожал скифу, но тот намеренно направил в него стрелу.

— Очень хорошо, свидетель. У тебя есть еще какие-нибудь замечания?

— Нет.

— Душа имеет замечание! — заявила душа, с трудом заставлявшая себя молчать, слушая столь наглую клевету.

Первым побуждением Сраоши было отказать душе в слове, но это было бы нарушением судебного фарса, поэтому после некоторых колебаний секретарь вымолвил:

— Слово предоставляется душе.

— А не объяснит ли почтенный свидетель, что за жертву они намеревались принести Ариману той ночью?

Харук замялся. Видя его замешательство и чувствуя себя все уверенней Скилл,продолжил:

— Не может? А по-моему, не хочет! Я расскажу почтенному суду и публике, какая жертва была назначена на эту ночь. То был мой конь Черный Ветер! Перед тем, как вызвать Аримана, харуки, не желая отдавать коня, спрятали его в храм Жабы. Я сам был тому свидетелем. Как харуки могут объяснить свои действия?!

— Свидетель не обязан отвечать на вопросы обвиняемого, — начал было Сраоши, но Митра толкнул его локтем: не мешай.

— Я... Мы... — Псевдочеловек был в затруднении. — Это ложь!

— Нет, правда! Это могут подтвердить нэрси, которые, кстати, тоже замешаны в попытке принести в жертву коня Аримана!

Публика возбужденно загудела. Со скамей левой трибуны послышалась ругань. Дэвы щипали нэрси, те визжали и норовили впиться монстрам в горло.

Внезапно раздался оглушительный грохот, сверкнула молния. Все невольно зажмурились, а когда открыли глаза, харука не было. На возвышении лежала лишь кучка пепла.

Присутствующих пробрала невольная дрожь. Лишь душа, которой было совершенно нечего терять, ехидно расхохоталась. Ее звонкий смех потряс залу не меньше, чем гром, посланный Ариманом. Это было в высшей степени неприлично, но судьи не сделали душе никакого замечания. Сраоши лишь заметил сразу севшим голосом:

— Данный вопрос снимается в виду внезапного исчезновения свидетеля.

По знаку Митры служка-язат убрал пыль, и заседание продолжалось. На помосте очутился третий свидетель — нэрси, которую Скилл ранил стрелой. Она говорила кратко и неохотно. Судя по всему ее более всего беспокоила судьба предшественника. Следующим свидетелем был дэв Груумин. Этот чувствовал себя уверенно. Рассказав о пленении Скилла, он красочно описал бунт Зеленого Тофиса, не забывая ежесекундно восклицать:

— Великий Ариман! Могущественный Ариман! Благодаря силе и могуществу Хозяина!

Желая выслужиться перед Ариманом, дэв вылил на скифа

сосуд грязи, обвинив кочевника в противоестественной связи с Черным Ветром, Тофисом и прочими предателями-дэвами, в попытке похитить несметные сокровища Красных гор, в богохульстве и вероотступничестве.

Показания Груумина пришлись по душе судьям. Дэв получил благодарность и награду — большую бутыль священного вина.

— Чтоб тебе подавиться! — пробормотала душа Скилла, которой не разрешили опровергнуть лживые показали дэва.

Последним был вызван сфинкс. Он вел себя очень прилично, дав Скиллу неплохую характеристику. Уходя он словно невзначай приблизился к душе и шепнул:

— Извини. Я не виноват, что ты очутился здесь. Ариман блокировал окно света и направил пространственный канал прямо в Чинквату. Я был бессилен помочь тебе.

— Я не держу на тебя зла, — ответила душа.

Едва сфинкс покинул залу, Сраоши встал со своего места и объявил:

— Высокий суд приглашает представителя защиты светлейшего Ахурамазду.

В противоположность Ариману бог света появился чудесным образом — он вышел прямо из алтарной стены. Тотчас же весело затрещал огонь в беломраморном алтаре. Ахуры и язаты ликующе запели, злобные духи начали демонстративно переговариваться между собой.

Вежливо склонив голову в знак приветствия Ахурамазда взошел на возвышение и взглянул на душу. Скилл в свою очередь с интересом рассматривал бога света.

Ахурамазда был очень высок, гораздо выше обычного человека, но ниже дэва или ажи. «Примерно одного роста с Аримaном» — подумала душа. Сходство меж богами было не только в росте. Лица-маски также походили одно на другое — застывшие, безжизненные, равнодушно-непроницаемые. Только у Аримана личина была черного цвета, маска Ахурамазды имела розоватый оттенок. Одинаковым был и покрой одежды. Похожие плащи, сапоги, шаровары. У бога света они были белого цвета. Голову Ахурамазды венчала массивная пектораль в форме солнечного диска, холеные белые руки были унизаны перстнями.

— Братья!

Ахурамазда сказал первое слово, и душа вздрогнула. То ли оттого, что это обращение показалось ей слишком неуместным пред лицом слушателей, добрую половину которых составляли злобные духи, то ли оттого, что голос бога света удивительно напоминал голос Аримана. Скилл вспомнил историю, услышанную от странствующего мага. Какие-то непонятные силы преследовали этого мага повсюду, и он пытался укрыться от них. Маг рассказал скифу в благодарность за кусок мяса и место у костра, что Ариман и Ахурамазда — родные братья-близнецы, зачатые в противоестественной связи гигантской львицы и великого кол-

дуна мифической земли Атлантиды, которая по уверениям мага исчезла с лика земли сотни веков назад. Львица тогда родила трех детей — братьев-близнецов Ахурамазду и Аримана, а также сфинкса. Беглец утверждал, что слышал это от самого Кермуза. Только сейчас Скилл вспомнил, где раньше слышал имя могущественного волшебника. Скиф не поверил этим россказням, а через день мага не стало. Его нашли мертвым в пустыне. Лицо было перекошено гримасой ужаса, а на песке вокруг тела тянулась гигантская борозда, словно след, оставленный гигантской змеей.

— Братья! Мы разбираем дело кочевника Скилла. Он совершил немало злого, но душе этого человека были не чужды и добрые помыслы. Деньгами, украденными в сокровищницах, он щедро делился с неимущими, он помогал в беде и горе, защищал слабых и убогих. Да, он действительно не верил в богов, но его душе были свойственны высокие порывы. Он заботился о своих друзьях, о своем коне. Захватив в плен нэрси, он не убил ее, а, напротив, отнесся к ней с должным почтением. Если его рука и пускала стрелы, то это было вызвано лишь суровой необходимостью. Ни одно живое существо — ни человек, ни собака — не было убито скифом Скиллом ради развлечения. У него есть лишь один существенный недостаток. Он неариец, он человек-насекомое. Но давайте же будем снисходительны к чужим слабостям. Я считаю, что душа кочевника Скилла не заслужила столь сурового наказания, что предлагает наш брат Ариман. Количество содеянных им злых дел невелико. Думаю, душа Скилла заслуживает того, чтобы отправиться в веси высокого света Гародманы. Надеюсь, высокий суд поддержит мое предложение.

Правая трибуна встретила речь Ахурамазды дружными хлопками, левая — неодобрительным молчанием. Встал Сраоши.

— Итак, мы выслушали обе стороны, а также свидетелей. Высокий суд вправе вынести два решения. Первое — Скилл признается виновным в страшных злодеяниях, как-то: отрицание богов, богоотступничество, богохульство, сожительство с матерью, сожительство с дикими зверями, клятвоотступничество, лжесвидетельство, многократное убийство, надругательство над трупами, воровство, грабеж и прочие, и его душа приговаривается к вечному страданию в царстве Аримана... Ты что-то хочешь сказать, душа? — осведомился секретарь, заметив, что душа делает нетерпеливые движения.

— Маленькое замечание.

— Если только маленькое.

— Насчет сожительства с матерью высокий суд ошибается. Я не мог позволить себе такое.

— Доказательства!

— В тринадцать лет, — душа была разъярена, но старалась говорить громко и отчетливо, — у меня еще не выросли яйца!

Сраоши поперхнулся, старички ахуры осуждающе молчали.

Зато левая сторона разразилась одобряющими воплями. Громче всех орал Груумин.

— Давай, варвар! Так его, сивого козла! Ха-ха! Бе-е-е!

Кулак Митры громко забарабанил по столу, восстанавливая тишину. Постепенно публика успокоилась.

— Секретарь, — сказал бог-председатель елейным голоском, — не забудь добавить к списку преступлений неоднократное оскорбление суда.

Сраоши прокашлялся.

— Да, и оскорбление суда. Всего этого вполне достаточно для того, чтобы передать душу и тело скифа Скилла великому Ариману. Но высокий суд справедлив, и мы не отвергаем возможность другого решения. Если суд найдет, что преступления Скилла уравновешиваются добрыми делами, совершенными им, душа отправится в веси высокого света, а тело будет брошено на съедение собакам.

— Заявляю протест! — завопила душа, памятуя о том, что пределом мечтаний Скилла было окончить свое бренное существование под высоким курганом, политым кровью и вином тризны. — Требую вернуть меня в тело и отпустить на волю!

— Это невыполнимо. Душа, высокий суд требует, чтобы ты молчала, иначе мы будем вынуждены заключить тебя в хрустальную клетку.

Душа пыталась что-то возразить, но Митра закрыл уши руками.

— Объявляю: суд удаляется на совещание!

С этими словами судьи дружно поднялись и по очереди юркнули в небольшую дверь, внезапно появившуюся за алтарем Ахурамазды.

Спектакль подходил к финалу. Душа попыталась огорченно сплюнуть, но без особого успеха. Публика переговаривалась, мало интересуясь исходом дела.

Митра и его подручные объявились довольно скоро. Они вновь заняли свои места за столом. Сраоши развернул лист пергамента и ликующим тоном провозгласил:

— Высокий суд рассмотрел дело души кочевника Скилла. Принимая во внимание прозвучавшие показания и соразмерив соотношение добрых и злых дел, совершенных Скиллом за его жизнь, суд постановил:

Учитывая, что кочевник Скилл совершил в своей жизни ряд богоугодных дел, как-то: помогал бедным и обиженным, был щедр к нищим, честен и справедлив в отношениях с товарищами, не был замечен в предательстве и лжесвидетельствовании, признать его душу достойной для помещения в заоблачные веси. — Пока секретарь говорил, Рашна кидал на одну из чаш своих весов белые камешки, означавшие добрые дела Скилла.

Зал удивленно охнул. Все ожидали иного решения. Душа не была удовлетворена подобным исходом дела, но внутри как-

то полегчало. Однако оказалось, что Сраоши еще не закончил.

— Я повторю: признать душу достойной помещения в заоблачные веси Гародманы. Но учитывая множество дурных поступков, совершенных кочевником Скиллом, суд постановил признать его виновным в отрицании богов, богоотступничестве, богохульстве, сожительстве с дикими животными, клятвоотступничестве, многократном убийстве, надругательстве над трупами и многих других злодеяниях. На основании вышесказанного суд постановляет: приговорить душу кочевника Скилла к вечным мукам в царстве Аримана, а его тело — к вечному услужению Ариману.

Все то время, пока секретарь перечислял мнимые и действительные злодеяния Скилла, Рашна методично бросал на свободную чашу весов черные камушки до тех пор, пока эта чаша не опустилась вниз.

По залу вновь пронесся гул. Встав со своего места, Митра подытожил:

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

— Как это не подлежит! — взвилась душа. — Если вы не хотите слушать моих оправданий, то я уличаю вас в грубом нарушении судебного процесса.

Сраоши хотел возразить, но внезапно Митра остановил его.

— Пусть душа докажет, — велел Митра и тут же отвлекся, поднеся левую руку к уху. Создалось впечатление, что он выслушивал какие-то приказания. Лицо бога приняло озадаченное выражение и он запинаясь вымолвил:

— Соображения души не лишены некоторого смысла. Высокий суд попал в затруднительное положение. Для того, чтобы разрешить возникшее противоречие, суд решил прибегнуть к помощи мудреца Заратустры. Позовите Заратустру!

Маг появился лишь после третьего восклицания Митры. Его вели под руки двое живых мертвецов. Ноги мудреца ступали неверно, судя по всему он был мертвецки пьян.

Так вот каков он, мудрец и маг Заратустра, мнящий себя пророком новой веры! Заратустра был невысок ростом и худ телом. Лицо строгое, аскетичное, чуть опухшее от неумеренных возлияний. В глазах, затуманенных вином, то и дело проскальзывал, словно просыпался, живой огонек.

Заратустру возвели на подиум, суетливо подбежавший Сраоши что-то пошептал ему на ухо. Маг кивнул и начал говорить. На удивление ровно и складно, как подобает пророкам.

— И взойдет солнце, и опустится тьма. И я скажу вам: вот вы судите человека. И я скажу вам: не судите, да не судимы будете. Ведь он человек и он сильный человек. Не обладая многими добродетелями, он обладает одной — мужеством и умением бесстрашно посмотреть в глаза смерти. **Я люблю того, кто не стремится обладать многими добродетелями. Одна добродетель есть**

более добродетель, чем две, потому, что она скорее тот узел, к которому прикрепляется судьба.[1]

Вы хотите казнить его. Нет — говорю я вам. Ибо он человек созидания, человек первобытного хаоса. В нем есть все то, что потеряли мы — вера в коня и друга, вера в лук и сильные руки. Он человек хаоса и я **говорю вам: нужно еще иметь в себе хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду. В нем есть этот хаос!**

Вы говорите: он жестокий и злой. Но в зле сила мира. Ибо добрый человек слаб. Он рожден, чтобы быть слабым, он зачат в пьяной любви, и его жизнь подобна скитающемуся по безводной степи верблюду. Скиф зол, и это прекрасно. **Ибо зло есть лучшая сила человека!**

Вы думаете, он умрет. Нет, он будет жить вечно. Нет смирной овце места ни под землей, ни на небе. Он обратится в хищного льва и еще много хлопот принесет этот лев возжелавшему обуздать его.

Вы говорите: он много пил. Но в вине ли горе. В горе — горькое вино. Вино же несет счастье и забвение, подобное богоданной хаоме. Ибо оно также от бога. И придет пророк и скажет: **Я есмь истинная виноградная лоза!** И поклонитесь вы ему, и скажете: это правда.

Вы обвиняете его в том, что подвержен он гордыне. Что не поклоняется он богам. Вы считаете это злом. Я же добром. Ибо грядет время, и падут боги, и придет черед сверхчеловека. Сверхчеловека, подобного богу, стоящего выше бога. Он похож на тяжелую каплю истины, падающую из грозовой тучи. **Я люблю всех тех, кто походит на тяжелые капли, падающие по одиночке из темных туч, повиснувших над людьми: они возвещают, что приближается молния — и, как пророки, гибнут.**

Смотрите, я предвестник молнии и тяжелая капля из тучи: но эта молния называется сверхчеловек.

Заратустра пьяно качнул головой и замолчал. Потом, словно вспомнив о чем-то неотложном, вдруг двинулся с возвышения к выходу. Под дружное молчание несколько ошалевшей от проповеди публики он прошествовал через всю залу. Ноги мага заплетались, но проходя мимо души Скилла, он вдруг весело подмигнул ей. И душа увидела, что глаза пророка совершенно ясны.

Он ломал комедию, но с какой целью? Пытаясь спасти Скилла или утопить его окончательно?

Впечатление от этой возмутительной, сумбурно-ненормальной, но в то же время завораживающей речи еще долго владело умами слушателей; даже туповатые дэвы, и те хмурили свои волосатые хари, пытаясь представить себя в качестве сверхчеловека. Наконец Митра решился прервать молчание.

— Речь великого пророка Заратустры произвела на высокий суд неизгладимое впечатление. Нам есть над чем подумать перед

тем, как мы примем окончательно решение. Суд вынужден вторично удалиться на совещание.

На этот раз судья отсутствовали всего мгновение. Вскоре они вернулись, и Митра провозгласил:

— Высокий суд столкнулся с серьезной проблемой. Нам никогда не приходилось рассматривать ранее дело, подобное этому. Посовещавшись, мы решили, что душе кочевника Скилла нет места ни в весях Гародманы, ни в подземном мире Аримана. Суд принял во внимание и протест души относительно того, что она попала в Чинквату живым человеком. На основании вышеизложенного мы пришли к следующему решению:

Принимая во внимание, что кочевник Скилл попал на суд вследствие досадного недоразумения и был необоснованно разлучен со своей душой, суд постановляет вернуть душу в тело Скилла и предоставить ей полную свободу действий.

Если сказать, что душа обрадовалась, значит не сказать ничего. Она завизжала, заверещала, заорала, заухала, начала прыгать и скакать по залу. Реакция публики была неоднозначной. Большая часть злых духов была довольна этим решением, так как невольно полюбила дерзкую на язык душу. Поэтому дэвы и нэрси, несмотря на былую вражду со Скиллой, встретили решение суда одобрительным криком. Напротив, ахуры и язаты казались недовольными.

— Безобразие! Нарушение традиций! Своеуправство! Как они посмели отменить первое решение! Ариману надо подать жалобу на суд!

Но их уже никто не слушал. Митра, который, казалось, был не менее других изумлен подобным исходом дела, удалился к себе. За ним последовал Рашна. Лишь Сраоши дожидался, когда душа вернется в тело и будет в состоянии подписать протокол заседания.

Лишь обретя тело, душа поняла, как многое она могла потерять. Избитое и иссеченное, облупленное ветрами и солнцем, но такое родное тело! Пальцы послушно сжались в кулак, затем вернулись в исходное состояние, ноги притопнули. Скилл облегченно вздохнул.

— Вот уж не думал выбраться целым из этой передряги! — заговорщицки подмигнул он Сраоши, подписывая протокол.

Секретарь хмыкнул.

— Благодари Аримана. Не знаю почему, но он приказал отпустить тебя целым и невредимым. Сейчас тебе вернут твои вещи и можешь отправляться на землю.

— А кто укажет мне дорогу?

— Насчет дороги, кочевник, посложнее. Тебе удалось избежать обвинительного приговора, но Ахурамазда и Ариман решили подвергнуть тебя испытанию. Для того, чтобы вернуться на землю, тебе придется преодолеть мост дракона, долину сере

бряных призраков и соблазны Золотого города. Лишь тогда ты вернешься на землю.

Скилл возмутился:

— Но мы так не договаривались!

— Мы много о чем не договаривались. Пойми, это решаю не я. Прощай, кочевник!

Зала завертелась и исчезла.

«Чу́дная привычка обрывать разговор! — подумал Скилл, шлепаясь на подпахивавшую гарью землю. — Интересно, где это я?»

Но найти ответ на этот вопрос он не успел. В спину ударил фонтан огня...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дракон и дракон

Что ж, с чем-чем, а с чувством юмора у высоких судей было все в порядке. Воссоединив душу и тело, они подарили скифу жизнь с таким расчетом, чтобы тут же отнять ее, сохранив таким образом доброе расположение Аримана. Окно света переместило скифа точнехонько перед мордой дракона, который не задумываясь плюнул пламенем в спину внезапно возникшего перед ним человека.

Халат и доспех вспыхнули мгновенно, загорелись и волосы. Скилл с диким криком кинулся к речке, виднеющейся неподалеку. Сотню отделявших от воды шагов он пролетел на едином дыхании и, не задерживаясь сиганул в воду. Речка в этом месте оказалась неглубокой. Барахтаясь на мелководье, скиф с трудом загасил огонь. За спиной послышались рев и топот. Скилл обернулся. К реке спешил многоглавый дракон, не желавший упускать свою добычу.

Еще луну назад Скилл не поверил бы в увиденное, но сегодня он был склонен верить во все, даже в такую нелепицу, будто Земля представляет собой шар, висящий без всякой опоры. К тому же дракон выглядел очень правдоподобно. Вообразите только! Огромная сине-зеленая туша, переваливающаяся на четырех толстых, словно колонны ногах, и увенчанная шестью хищными, выплевывающими пламя головами. Скилл не раздумывал ни мгновение. Путаясь в полах полусгоревшего халата, он бросился бежать по реке, пока не добрался до глубокого места. Как только вода дошла ему до груди, скиф нырнул.

Общепринято мнение, будто кочевники никудышные пловцы, ведь они живут в степях, где слишком мало воды. Все верно. Но Скилл происходил из рода воинственных царских скифов, которые жили на Благодатном острове, окруженном соленым морем. Не в пример другим скифским мальчишкам, знавшим с малолетства лишь лук да коня, Скилл любил море. Должно быть, эту любовь привил ему отец, почитавший все эллинское — вино, веселые праздники, развратных гетер, а также соленое море, которое эллины называли Гостеприимным. Он научил сына плавать и нырять. С годами Скилл делал это все лучше и лучше, побивая в состязаниях своих сверстников эллинов. Это умение не раз выручало его позднее. Пригодилось оно и сейчас.

Глубоко вдохнув, Скилл ушел под воду. Обрывки халата мешали плыть, пришлось избавиться от них. Следом отправился мешок с золотом. Облегчив себя таким образом, скиф усиленно заработал руками. Воздуха хватило на двадцать энергичных гребков. Затем Скилл вынырнул, вдохнул и вновь ушел на дно. Лишь после девятого или десятого погружения, отплыв достаточно

далеко от места, где бушевал дракон, Скилл позволил себе обернуться.

Занятная картина предстала его взору. Разъяренный тем, что упустил верную добычу, дракон что есть сил лупил хвостом по воде, пуская время от времени острые султанчики пламени. Все живое бежало от этой ярости — Скилл чувствовал как его тела то и дело касаются рыбешки, спешащие уплыть подальше от обезумевшего монстра.

Проплыв еще немного и убедившись, что дракон не сможет увидеть его, Скилл вылез на берег. Неподалеку какой-то крестьянин разбивал землю мотыгой. Скиф подошел к нему и сообщил:

— Дракон взбесился.

— Ажи-дахака? — равнодушно переспросил крестьянин. — На него частенько находит.

— И ты так спокойно говоришь об этом?

— А чего волноваться? Если он вдруг решит прогуляться по нашим полям, мы укроемся в городе.

— Ну а если он надумает посетить город?

— Ничего не выйдет. Ариман обвел город магическим кругом. Ажи-дахака не сможет переступить через эту черту.

— А где находится город?

— Вон там за холмами. — Крестьянин указал рукой направление. — Мы зовем его Синий город.

— В Черном я уже побывал. Надеюсь, Синий окажется погостеприимней, — пробормотал Скилл. — Спасибо, приятель.

Скиф было направился прочь, но его остановил окрик:

— Постой! Ты забыл расплатиться со мной!

— Расплатиться? — удивился Скилл. — За что?

— За ответы, которые я тебе дал.

Скилл изумился еще более.

— В ваших краях требуют плату за ответы?

— А то как же! Мудрая мысль дорого стоит!

— Это точно, — не мог не согласиться скиф. — Но я не заметил у тебя обилия умных мыслей.

— Плати! — настаивал крестьянин.

— Видишь ли, — примирительно начал Скилл, — еще несколько мгновений назад я был богат словно лидийский царь Крез до тех пор, пока его не обчистили парсы Куруша. Но, спасаясь от дракона, я был вынужден бросить в воду мой кошель с золотом. У меня не осталось ни одной монетки, чтобы отблагодарить тебя.

— Так ты отказываешься платить?!

— Я бы и рад, но у меня нет денег.

— Отдай мне свой лук!

Скилл начал терять терпение.

— Приятель, твоя наглость переходит всякие границы!

— Ах ты, голодранец! Не хочешь платить, тогда получай!

Подняв над головой мотыгу, крестьянин с криком бросился на скифа. Тот едва успел увернуться, иначе мотыга расколола бы его череп надвое. Скилл сорвал с плеча лук и острая стрела уставилась в грудь нападавшего. Но крестьянин не обратил на эту угрозу никакого внимания и вновь атаковал. Номад разжал пальцы правой руки, но — проклятье! — отсыревшая тетива еле-еле послала стрелу вперед; та лишь оцарапала руку противника. Не дожидаясь более точного удара скиф бросил лук и кинулся бежать, полагая, что острие мотыги вот-вот вонзится ему в спину.

Однако крестьянин и не думал преследовать беглеца. Он посчитал, что незнакомец образумился и оставил свой лук в уплату за полученные советы. Но Скилл придерживался иного мнения. Выхватив из ножен акинак, он двинулся к обидчику.

— Верни мой лук!

— И не подумаю!

В голосе крестьянина звучала столь непогрешимая уверенность в своей правоте, что Скилл на мгновение засомневался. Но лишь на мгновение, ибо лук был для него куда важнее халата или мешка с золотом. Не говоря более ни слова, он напал на крестьянина. Тот оказался неплохим бойцом и поначалу успешно уходил от выпадов Скилла, но вскоре клинок порезал ему правую руку, затем рассек бедро. Хлынула кровь. Движения крестьянина замедлились и скиф без труда покончил с ним, вонзив акинак в живот и круговым движением вывернув наружу все внутренности.

Хрипя, противник рухнул на свежевскопанную землю. Скилл вовсе не хотел, чтобы его обвинили в убийстве. Поэтому он спихнул мертвое тело в воду, предварительно набив халат камнями. Затем он повесил на плечо лук и отправился в город.

Синий город был довольно странным местом. Первое, что сразу бросалось в глаза, это отсутствие стен и вооруженной стражи. Скилл поинтересовался у одного из прохожих:

— Почему город не окружен стенами, подобно другим городам? Почему на улицах не видно вооруженной стражи?

— Нам нечего бояться, чужестранец. Волшебный круг Аримана хранит нас от любых неприятностей. Поэтому нам не нужны ни стены, ни вооруженная стража.

— Но я не видел никакого круга.

— Верно. Он невидим. Когда-то Ариман обвел своим магическим посохом черту, внутри которой и был возведен город. Эта черта навечно предохраняет нас от любых бед.

— Спасибо, — сказал Скилл.

— Не за что, незнакомец. Ты должен мне две серебряные монеты.

Скилл совсем позабыл о мерзком местном обычае требовать плату за каждое слово, каждый жест, каждый шаг. Не вдаваясь в излишние подробности насчет отсутствия денег, скиф двинул горожанина кулаком в челюсть и, когда тот рухнул на землю,

обыскал его. Улов оказался небольшой — три серебряные монетки, возможно полученные за прежние ответы.

Помимо отсутствия стен и стражи Синий город обладал еще одной очень привлекательной с точки зрения скифа особенностью. Скупые до невозможности горожане были крайне беспечны. Они держали свои кошели поверх халатов, и пиршественные чаши прямо у раскрытых окон. Скиф вспомнил воровские навыки, приобретенные во время скитаний по Ионии. Несколько ловких движений и четыре пухлых кошеля нашли пристанище за широкими отворотами сапог скифа. Две украденные серебряные чаши он тут же на улице продал вполцены какому-то барыге. Теперь он был вполне обеспечен и мог подумать об ужине и ночлеге.

Немного поплутав — он не рисковал более вступать в расспросы — Скилл нашел харчевню со странным названием «Лысый конь».

— Надеюсь, здесь не кормят кониной!

С этими словами Скилл опустился по выщербленной лестнице в погребок. Посетителей было немного. Они пили имбирное пиво и поглощали нехитрую, но приятно пахнущую стряпню. У Скилла засосало под ложечкой. Сев за свободный столик, он заорал:

— Эй, хозяин! Большой кусок мяса и кувшин вина. Тоже большой! У меня был трудный день.

По столу покатилась золотая монета.

— Бегу, мой господин! — завопил стоявший за стойкой толстомордый кабатчик.

Ждать и вправду пришлось недолго. Вскоре перед Скиллом стояла здоровенная миска, доверху наполненная кусками жирной баранины.

— А где вино? — грозно спросил Скилл.

Лицо кабатчика расплылось в улыбке.

— Уважаемый господин должен заплатить мне за ответ.

— Сколько? — мысленно помянув всех дэвов, ахуров и иже с ними, спросил Скилл.

— Две серебряных монеты за два ответа.

— Почему два?

— Я ответил на вопрос: сколько. А теперь уважаемый господин должен мне три монеты.

Ворча, Скилл вытряхнул из кошеля требуемую сумму и расплатился, после чего потребовал:

— Вина!

— В моей харчевне нет вина. Здесь подают лишь имбирное пиво.

— Хорошо, тогда пива. Большой кувшин. И смотри, кабатчик, чтоб было холодное и неразбавленное!

— Будет исполнено! — Ловко зажав меж пальцами золотую монетку, кабатчик удалился.

Не дожидаясь пока принесут пиво Скилл впился зубами в кусок мяса. Поначалу он глотал почти не разжевавая, по мере насыщения стал есть медленнее, выбирая куски помягче и посочнее. Мясо оказалось неплохим, а пиво холодным, хотя, право, оно не стоило трех монет, уплаченных за ответы. Утешало лишь, что эти деньги достались даром.

Насытившись, Скилл отодвинул от себя опустевшее блюдо и начал бесцеремонно рассматривать соседей, не забывая при этом прикладываться к кувшину с пивом.

Горожане, сидевшие за ближайшими столиками, не заинтересовали скифа. Это были типичные скряги, готовые удавиться из-за мелкой серебряной монетки. Порядком поношенная одежда их выглядела так, будто ее только вчера достали из пронафталиненного сундука, дважды выстирали и трижды прогладили. Попивая жидкое пиво, скряги искоса поглядывали на Скилла, чей помятый вид не мог не привлечь внимания, но в разговоры не вступали.

Но в харчевне был человек, мало походивший на горожанина. Прямой нос, каштановые волосы, небольшая с проседью бородка — все это выдавало в нем иноземца, скорей всего эллина. Несмотря на почтенный возраст, глаза человека были необычайно живы, что свидетельствовало об остром уме. «Эллин», как мысленно окрестил его скиф, кидал в его сторону заинтересованные взгляды. Наконец он не выдержал и пересел за столик Скилла.

— Не возражаешь.

Фраза звучала как утверждение. Как и Скилл этот человек уже наверняка имел не одну возможность убедиться, что в Синем опасно задавать вопросы.

— Пожалуйста! — радушно ответил Скилл.

— Я вижу ты гость.

— Да, ты не ошибся. Да и ты по-моему тоже.

— Точно! — Человек широко улыбнулся. — Никак не могу привыкнуть к этой идиотской манере требовать плату за любой вопрос-ответ. Предлагаю, раз уж мы оба гости, в этом городе, будем отвечать друг другу бесплатно.

— Идет! — обрадовался Скилл.

Скиф приложился к кувшину, а «эллин» тем временем внимательно рассматривал его лицо. Наконец он сказал:

— Если меня не подводят глаза, ты родился в одном из северных кочевых племен. Ты киммериец? — Вопрос дался «эллину» с заметным трудом.

— Почти угадал. Я скиф. А кто ты?

— Эллин. Меня зовут Дракон.

— Дракон? — удивленно переспросил Скилл. — Какое странное имя!

— Странное? Ничуть. Лет двадцать тому назад мое имя гремело по всей Элладе. Каждый эллин знал имя Дракона, великого афинского законодателя.

— Постой, постой... — Скилл наморщил лоб. — Где-то я действительно слышал твое имя. Точно! Философ Ферон как-то называл мне имя Дракона, но только по его словам ты жил не двадцать, а сто лет тому назад.

Дракон покачал головой.

— Как летит время... Я хотел сказать: как летит время в этом городе. Всего десять лет здесь и целых сто на земле. Умерли дети, ушли в землю внуки...

— Но как ты очутился в этом городе?

Смахнув с ресниц печальную слезинку, Дракон выразительно посмотрел на кувшин. Скилл перехватил этот взгляд и заорал.

— Хозяин, еще пива!

Заказ был тут же выполнен и Дракон начал говорить.

— Благодарю. — Он сделал глоток. — Я родился в Афинах в знатной эвпатридской семье. Мои родители очень заботились обо мне, я получил блестящее образование. Происхождение, незаурядный ум, храбрость быстро выдвинули меня в ряд самых выдающихся людей города. Уже в тридцать лет я был избран архонтом. Когда начались беспорядки, учиненные безумцем Килоном, я был в числе тех, кто руководил осадой Акрополя. Сторонники Килона были безжалостно перебиты и народ доверил мне навести порядок. Твердый порядок! Чтобы не допустить повторения кровавых смут в будущем, я установил новые законы, согласно которым любое, даже самое незначительное преступление, сурово каралось. Украл гроздь винограда с участка соседа — распрощайся с рукой, покусившейся на чужое добро; увел чужого быка или коня — прочь с плеч голову! Чернь возмущалась, но недолго — за мной была сила. В Аттике восстановились покой и порядок. Но, победив в схватке с людскими пороками, я не смог устоять пред недовольством богов, решивших, что я стремлюсь сокрушить их алтари. Громовержец Зевс сослал меня в Подземный мир. И вот я здесь уже долгих десять лет, а на земле минуло целое столетие.

Тяжко вздохнув, Дракон наклонился к кувшину, кадык на морщинистой шее быстро задвигался.

— Сочувствую твоему несчастью, Дракон. Я и сам попал сюда не по доброй воле. — Скилл кратко пересказал свою историю, начиная от налета на дворец в Парсе и кончая встречей с драконом Ажи-дахакой. — Но я полагал, что этот город, как и прочие подземные земли принадлежат Ариману. Причем здесь Зевс?

— Синий город действительно находится под властью Аримана. Он же является верховным правителем этого мира. Но здесь есть города, которым покровительствуют другие боги. Патронами Серебряного города являются эллинские Зевс и Аполлон, Бронзового — латинский Марс и вавилонский Мардук, Золотого — персийский Ахурамазда и финикийский Ваал. Здесь есть и другие города, но я в них не бывал. Я долго жил в Серебряном горо-

де, но в конце концов мне стало невыносимо скучно и тогда я решил перебраться сюда; сменить, так сказать, обстановку.

— Какой-то он странный, этот Синий город.

— Да, вначале и мне было немного не по себе. Потом привык. Хотя не ко всему. Трудней всего привыкнуть к этой дурацкой привычке требовать плату за каждый ответ. Поначалу горожане совершенно разорили меня, но со временем я приспособился. Человек ко всему приспосабливается.

— А где ты берешь деньги?

Дракон несколько сконфузился.

— Стыдно признаться. Когда я жил в Серебряном городе наместник-архонт выдавал мне ежемесячно приличную сумму, позволявшую худо-бедно сводить концы с концами, но перебравшись сюда я лишился этого скромного пособия. Чтобы не умереть с голоду мне пришлось начать воровать. Первое время все шло довольно гладко. Местные жители при всей своей скаредности чрезвычайно беспечны. Но сказалось отсутствие сноровки. Меня схатили за руку и били кнутом у позорного столба. Меня, Дракона! — В глазах эллина заблестели слезы. — После этого они стали внимательно смотреть за мной. С тех пор мне лишь изредка удается стащить пару монет или кусок чего-либо съестного. Чтобы не умереть с голоду, я вынужден просить милостыню или смиренно дожидаться, пока какой-нибудь гуляка не угостит меня бокалом пива или бросит кусок жилистого мяса. Но все они неимоверные скряги!

— А почему ты не вернешься назад?

— Не могу. Проклятый Ажи-дахака не выпускает из города ни одного человека. Войти в город — пожалуйста, вернуться обратно, — Дракон развел руки, — увы!

— Какая скотина! — возмутился Скилл. — Ну ничего, старик! Теперь заживем! Мне конечно далеко до знаменитых сирийских воров, но мои руки достаточно ловки, чтобы срезать чужой кошель. А насчет того, чтобы схватить меня — пусть попробуют! Тогда они познакомятся с тридцатью моими подружками. — Скилл указал рукой на лежащий на краю стола горит. — Все как одна острые, звонкие, беспощадные. Как бы ты не клял этот городишко, но, разобраться по сути, это славное место. Особенно для ребят вроде меня. Столько олухов и ни одного стражника. Скажи, здесь хоть есть стража?

— Нет.

— Кто же тогда схватил тебя?

— Простые горожане.

— А порол?

— Тоже они.

— Ну и порядочки! — развеселился скиф. — Попробовал бы какой-нибудь дрянной горожанин высечь меня! Эх ты, старик! А еще Дракон! Ну ладно, теперь заживем! Как сыр в масле будем кататься! — Язык скифа стал заплетаться. — А теперь, Дракон,

веди меня в какую-нибудь конуру, где бы я мог выспаться. Хозяин, счет!

Скилл расплатился и поддерживаемый Драконом вышел на улицу. Было темно. Горожане сидели по домам, редкие прохожие сторонились двух подвыпивших гуляк.

— Веди меня, Дракон!

— Осторожнее, тут выщербина, Скилл.

Наутро скиф проснулся с сильной головной болью. Продрав глаза, он обнаружил, что находится в совершенно незнакомой комнате, за окном шумит гомон незнакомого города, а рядом с ним, свернувшись клубочком на грязной циновке, спит незнакомый старик.

— Где я? — пробормотал Скилл, хватаясь руками за гудящую голову. Так ничего и не вспомнив он толкнул кулаком старика. — Ты кто?

— Дракон.

— А-а-а!

В памяти мгновенно возникли плюющий огнем Ажи-дахака, «Лысая лошадь», дрянное пиво и пьяные разговоры со стариком-эллеком.

— Ладно, кончай дрыхнуть. Пойдем опохмелимся. И вообще, пора перебираться из этой конуры.

Забежав в ближайшую харчевню, они подлечились парой бокалов пива. Затем Скилл договорился с хозяином заведения насчет комнаты для двух постояльцев, причем забывшись спросил о размере платы и был вынужден дать сверху лишнюю монету. Мгновение спустя он компенсировал эту утрату, стащив у кабатчика золотое кольцо. После этого Скилл продолжил знакомство с достопримечательностями Синего города, обнаружив, что он весьма невелик и располагает тремя храмами Аримана, семью дюжинами лавок и пятнадцатью харчевнями и постоялыми дворами. Храмы Скилл обходил стороной, зато лавки и харчевни посещал усердно, так что, вернувшись к Дракону, он бросил на пол мешок, доверху набитый ворованным золотом и серебром и вдрызг пьяный рухнул на постель.

Утром старик сообщил Скиллу, что принесенной им добычи должно хватить по крайней мере на три месяца.

— Мало! — сказал вошедший во вкус Скилл. — Старик, я хочу обеспечить тебе достойную старость.

К вечеру он вернулся еще с одним мешком. То же самое повторилось и на третий день.

А на четвертый Скилл сказал себе:

— Хватит.

Он пошел в лавку оружейника и купил небольшой, окованный бронзой щит, и два острых ножа. Затем он долго и придирчиво выбирал себе лошадь, остановившись в конце концов на молодой серой кобылке.

— Ты, конечно, не Черный Ветер, — сказал он ей, хлопая по холке, — но вполне сойдешь. Я буду звать тебя Тента.

На расспросы старика Скилл ответил:

— Дракон, этот город наскучил мне. Здесь слишком все доступно. Мне не хватает риска и страсти. А кроме того я должен выручить моих друзей, томящихся в плену у Аримана.

Эллин огорчился его решению и тогда Скилл пообещал взять его с собой, после чего ушел шататься по харчевням. На этот раз он не пил и не срезал кошельки, а расспрашивал гуляк, щедро платя за ответы полновесной монетой.

К вечеру он уже знал довольно много. Прежде всего он уяснил систему подземного мира. В центре его располагался Синий город, сосредоточие всех магических сил, которые были заключены в трех храмах Аримана. Девяносто девять жрецов следили за порядком в этом странном мире. Они не вмешивались в жизнь горожан, контролируя главным образом соблюдение магических обрядов, а также помыслы людей сосланных в подземный мир из верхнего, как его здесь именовали, мира. Ссыльные делились на две категории: сосланные навечно, подобно Дракону, или приговоренные к какому-либо испытанию, как это было в случае со Скиллом.

Кроме Синего города в подземном мире было еще восемь городов. Связанные дорогами попарно, они прикрывали четыре выхода во внешний мир. Скиллу надлежало идти по самому трудному маршруту — минуя Ажи-дахаку через города Серебряный и Золотой. Лишь один из тех, с кем говорил Скилл, бывал в Серебряном городе. Он уверял Скилла, что оттуда нет дороги ни вперед, ни назад.

— Серебряный город очаровывает, словно сказочная фата-моргана. Попадая в него, ты оказываешься в хрустальной клетке.

«Странно, Дракон уверял меня, что без труда выбрался из него» — подумал скиф, а вслух сказал:

— Нет уж! Миражей я насмотрелся вдоволь, хрустальная клетка была тоже чересчур близко. Мне бы только попасть туда, а уж выбраться я сумею!

О Золотом городе не смог рассказать никто.

Совсем немного смог узнать Скилл и о Ажи-дахаке. Судя по рассказам горожан, это огромное чудище жило близ моста через огненное кольцо. Чем оно питалось — неизвестно. Трупы погибших в поединке с драконом храбрецов обычно находили нетронутыми. Когда-то дракон неплохо летал, но со временем совершенно обленился. Теперь он поднимался в воздух лишь изредка, чтобы поразмяться. Дракон был жесток и абсолютно бестолков. Все шесть его голов извергали жгучую смесь, воспламеняющую одежду и кожу. Другим его оружием был огромный хвост, один удар которого валил замертво и человека, и лошадь. Именно хвостом Ажи-дахака убил двух парфянских витязей, сосланных в подземный мир по велению Ахурамазды. На вопрос, чем можно

сразить Ажи-дахаку горожанин, взяв еще одну серебряную монетку, ответил:

— Ничем. Его кожа крепче стали. Многие пробовали поразить его в глаз, но он мгновенно смыкает веки и острия стрел и копий разлетаются вздребезги. Ажи-дахаку нельзя убить ничем!

В голосе говорившего звучала непоколебимая уверенность, но она не смутила скифа, так как тот уже убедился, что любое живое существо смертно, будь оно создано хоть самим Ариманом.

Узнав все, что только возможно, Скилл перешел к осуществлению второй части своего плана — изучению места предстоящих действий.

Все было в точности так, как предупреждали доброжелательные рассказчики. Помимо черты Аримана, которая была неопасна для людей, но непреодолима для дракона, город был окружен еще огненным кольцом.

Вероятно между огненным кольцом и Ажи-дахакой существовала какая-то таинственная связь. Едва скиф приблизился к кольцу, как солнце над его головой закрыла огромная тень. Ажи-дахака спешил покарать наглеца, осмелившегося подступиться к запретной границе. Скиллу пришлось спешно ретироваться и искать спасения во рву с водой.

Беспрепятственно к огненному кольцу можно было приблизиться лишь в одном месте — около моста. У Скилла мелькнула шальная мысль: подкупить кого-нибудь из горожан и пока тот будет отвлекать Ажи-дахаку, они с Драконом успеют улизнуть по мосту. Он рассказал об этой идее эллину, тот расхохотался.

— Да, ты с большой пользой провел время в харчевнях! — В голосе Дракона звучал едкий сарказм. — Твои рассказчики даже не удосужились сообщить тебе, что моста через огненное кольцо как такового нет. Мостом служит длинный хвост Ажи-дахаки. Именно так я перебрался через огненное кольцо, когда прибыл в Синий город.

Это известие несколько охладило пыл Скилла и направило его изыскание по иному пути. Необходимо было позаботиться о надежной переправе. Но из чего ее сделать? В окрестностях города не было ни одного дерева, достаточно длинного, чтобы его можно было перекинуть между двумя берегами огненного кольца. Веревка для этой цели не годилась — огненные пары пережгли бы ее в единый миг. Не стоило даже пытаться соорудить переправу из веток, камней или земли. Эти материалы мгновенно растворялись в огненном кольце.

Скилл почувствовал, что попал в безвыходное положение. Вот если бы у него были крылья! Где ты, Тента?!

Дракон как мог пытался развеять мрачные думы товарища.

— Да брось ты эту затею! Неужели нам здесь плохо живется? С твоими руками в этом городе можно стать первым богачом!

— Нет, я должен выбраться отсюда! — упрямо твердил

Скилл. — Меня ждут друзья. А кроме того мне противна даже сама мысль, что Ариман все же победил меня!

Он решил лично удостовериться в истинности слов Дракона насчет неприступности огненного кольца. За хорошую плату Скилл нанял двух отчаянных мальчишек, велев им дразнить и отвлекать Ажи-дахаку, а сам отправился к огненному кольцу. В правой руке он держал здоровенное полено, под подолом халата тихо квохтала украденная курица.

Пока Ажи-дахака бушевал с противоположной стороны города, Скилл добежал до кольца и, изо всех сил размахнувшись, бросил в него полено. Оно мгновенно вспыхнуло ярким пламенем. Следом отправилась курица. Не успев даже коснуться поверхности кольца, курица превратилась в огненный шар. По воздуху поплыли горящие перья.

Из-за спины послышался надсадный вой. То спешил Ажи-дахака. Отчаявшись, Скилл швырнул в кипящую жидкость камень, который разлетелся на мелкие осколки.

Чтобы спастись от ярости чудовища пришлось вновь нырять в реку. Скилл вернулся домой весь продрогший, в грязи, и не раздеваясь рухнул на постель.

Он уснул и увидел во сне сфинкса. Девичье лицо улыбалось. С сочувствием и легкой ехидцей.

— «Сломался?» — спросил сфинкс.

— «Вот еще!»

— «А что ж повесил голову?»

— «Если ты такой умник, — разозлился Скилл, — разгадай эту загадку!»

— «Да она столь проста, что я постеснялся бы загадать ее попадающим в мой оазис!»

— «Ну-ка!» — пытаясь придать тону голоса незаинтересованность, процедил скиф.

Сфинкс улыбнулась.

— «Ладно уж. Ты пощадил меня, за это я помогу тебе. Вспомни скоморохов на площадях Парсы».

— «И что?»

— «Как ловко прыгают они с помощью своих деревянных шестов...».

Скилл наморщил лоб.

— «Ты предлагаешь мне перепрыгнуть через огненное кольцо с помощью шеста?»

— «С помощью деревянного шеста! — подчеркнул сфинкс. — Выточи его из тиса. Тисовый шест как раз выдержит несколько мгновений, достаточных, чтобы перелететь через кольцо».

— «Но я не один. Со мной товарищ. Эллин по имени Дракон. Он стар и не сможет перепрыгнуть через огненное кольцо».

— «Я слышал о нем. Тебе не стоило бы брать его с собой. — Сфинкс осуждающе покачал головой. — Но если уж ты так решил, то быть посему. Замани Ажи-дахаку в огненное кольцо.

Хотя броня дракона крепка, она не выдержит соприкосновения с плазмой огненного кольца. Но даже кольцу потребуется немало времени, чтобы пожрать чудовище. За это время твой приятель успеет перебежать по телу Ажи-дахаки на другую сторону. И еще запомни: если тебе придется бежать по телу рухнувшего в кольцо Ажи-дахаки, надень сапоги с деревянными подошвами».

— «Но они же вспыхнут!»

— «Чепуха! Они спасут тебя от огненной жидкости. Металл не всегда самое прочное! И последний, личный совет, подумай на досуге: откуда Дракон узнал твое имя?»

— «При чем здесь мое имя?!» — хотел было воскликнуть Скилл и в этот миг проснулся. Сердце гулко бухало, во рту ощущался кисловатый осадок.

— И приснится же такое! — вслух выругался Скилл и потянулся к кувшину. О чудо! Вместо прокисшего пива в рот хлынула ароматная струя сказочного ионийского вина. Подарок сфинкса! В голове звонко ударили молоточки: «Откуда Дракон узнал твое имя?»

Скилл едва дождался рассвета. Разбудив Дракона, он рассказал ему о вещем сне. Но тот лишь недоверчиво усмехнулся.

— Попробуй вот это! — Разгорячившись, Скилл протянул скептику кушин.

Дракон отпил и скорчил недовольную гримасу.

— Эка невидаль! Обыкновенное выдохшееся пиво!

— Пиво?! — изумился скиф. — А ну, дай сюда!

Выхватив кувшин из рук эллина, он сделал глоток. Дракон не соврал. В кувшине действительно было вчерашнее пиво.

— Тебе почудилось, — зевая сказал эллин. — А все оттого, что ты слишком жаждешь вырваться из этого города.

— Может быть, это был сон. Может быть, я пил кислое пиво. Но все же попробую.

— И погибнешь напрасно.

Скилл покачал головой.

— Нет, я не погибну. Я верю в судьбу, а судьба говорит, что смерть ждет меня лишь через долгие тридцать лет. Полжизни впереди. Так что, выше голову, Дракон! Мы перехитрим Ажи-дахаку и выберемся из этого города!

В тот же день Скилл отправился в тисовую рощу и изготовил прочный, в восемь локтей длиной, шест. Ширина огненного кольца не превышала пятнадцати локтей, так что этого шеста должно было вполне хватить. Памятуя о совете сфинкса, скиф заказал у башмачника новые кожаные сапоги. Мастер очень удивился, услышав, что клиент просит сделать деревянные подошвы, но, опасаясь потерять серебряную монету, в расспросы вдаваться не стал. Еще одни башмаки, но с медной подошвой, Скилл заказал для Дракона.

— Ты еще вспомнишь мои слова, когда твои деревянные каблуки займутся огнем. Я же положу под пятки толстый

слой мокрой шерсти. Такой броне не страшен никакой огонь!

— Но сфинкс...

— Плевать я хотел на какого-то сфинкса! Я великий Дракон!

Порой этот эллин бывал совершенно непереносим!

Вечером башмачник принес заказанную обувь. Щедро расплатившись с ним, скиф сказал Дракону:

— Завтра утром.

— Как завтра? — забеспокоился Дракон. — Я думал мы будем готовиться еще несколько дней.

— Все готово, — ответил Скилл. — У нас есть конь, шест, новые башмаки, золото — чтобы не чувствовать себя обделенными в Серебряном городе. Чем раньше мы решимся на это, тем лучше. Пока сердце не успело остыть!

Дракон больше не противоречил. Он сел на ложе и стал застегивать сандалии.

— Ты куда-нибудь собираешься? — спросил Скилл.

— Пойду посижу напоследок в харчевне.

Скиф осуждающе покачал головой.

— Не делай этого. Завтра нам нужно иметь свежую голову.

— Я выпью одну маленькую кружечку. Мигом туда и обратно.

Дракон не соврал. Он и вправду вернулся очень быстро. От него кисло пахло пивом и страхом...

Кто хочет прожить долго, должен спать чутко. Скилла разбудил тихий шорох — слабое позвякивание металла. Сна как не бывало. Тихо освободив из ножен лежавший рядом акинак, он встал с ложа и крадучись направился к двери. Неясный шум шел отсюда. Скилл присмотрелся. Меж дверными филенками, едва различимыми в кромешной темноте, плясал тонкий язычок ножа. Кто-то пытался откинуть дверную защелку. Но без особого успеха. Умудренный воровским опытом, Скилл в первый же вечер погнул металлическую пластину с таким расчетом, чтобы защелку можно было открыть лишь приложив немалое усилие.

Нож продолжал безрезультатно дергаться в дверной щели. Тогда Скилл решил помочь ночному визитеру. Медленно, чтобы стоящий снаружи человек ничего не заподозрил, он передвинул щеколду вверх и прижался к стене.

Последнее усилие ножа, запор звякнул и поддался. Один за другим в комнату вошли четверо. Тускло блеснули клинки. Не говоря ни слова, убийцы двинулись к ложам Скилла и Дракона. И в этот момент скиф нанес первый удар.

Сочный треск — то череп одного из нападавших разлетелся надвое. И тут же второй схватился за вспоротый живот. Двое других обернулись. Тот что повыше выбросил вперед руку с ножом. Скилл увернулся и нанес новый удар. Отточенное лезвие акинака отсекло врагу кисть и тут же на противоходе вспороло печень. Устрашенный гибелью своих товарищей последний убийца бросился к выходу, но легконогий скиф настиг его и поразил в спину.

С трудом вырвав загнанный по самую рукоять акинак, скиф осторожно разбудил Дракона.

Тот всполошился.

— Что случилось?

— Тихо! — прошипел Скилл, настороженно внимая ночным шорохам. — Уже светает. Пора идти.

— Куда идти? Куда? — хрипел не до конца очнувшийся Дракон.

— К огненному кольцу.

— Брось шутить! Ночь на дворе.

И тут Скилл по настоящему разозлился.

— Вставай, идиот! Нас только что пытались прирезать. Если бы я не услышал как ломают запор, мы бы уже пускали кровавые пузыри.

Это подействовало. Дракон немедленно проснулся. С помощью кресала он высек огонь и, пока Скилл собирал вещи, осмотрел убитых.

— Жрецы Аримана, — поделился он со скифом увиденным.

— О нет, — простонал Скилл. — Только этого мне не хватало. Ариман ни за что не простит мне смерти четырех своих жрецов.

— Не простит, — подтвердил Дракон.

— Тогда надо спешить!

Стараясь делать как можно меньше шума, они покинули харчевню и отправились к огненному кольцу. Ведомая на поводу Тента негромко цокала копытами. По дороге Скилл объяснил Дракону, что он должен делать.

— Слушай внимательно. Ты сядешь в кустах и будешь ждать пока я не угроблю дракона. Если, конечно, я смогу его угробить. В том случае, если Ажи-дахака упадет в огненное кольцо, мы сумеем выбраться из города вдвоем. Если же выйдет так, что я сумею перепрыгнуть через кольцо или дракон сожрет меня, возвращайся назад. В переметной суме достаточно золота и серебра. Тебе хватит их не меньше, чем на год.

— Я буду вспоминать о тебе, — с чувством произнес Дракон.

— Не каркай! — разозлился Скилл.

Вскоре вдалеке показалась массивная туша Ахи-дахаки. Распрощавшись с Драконом, нежно прижимавшим к груди суму с монетами, Скилл оседлал Тенту и не спеша двинулся вперед. Он не торопил события, лошадь также не горела желанием приближаться к шестиголовому чудовищу, которое уже почуяло неладное и подслеповато щурило глаза.

Пора!

— Хоу, Тента!

Скилл ударил пятками под ребра кобылы, та понеслась вперед. Когда до Ажи-дахаки осталось не более пятидесяти шагов, Скилл осадил лошадь и сорвал с плеча лук.

Вжик! Вжик! Вжик! — Три стрелы отправились точно в глаза

зверя. Две со звоном отскочили от успевших сомкнуться век, но третья вонзилась в живую плоть. То была первая боль, испытанная Драконом за столетия. Боль и унижение.

Страшно заревев, Ажи-дахака выплюнул шесть языков пламени. За спиной мчавшейся назад Тенты встала стена огня. Издавая дикий вопль, дракон переполз через пылающую траву и пытался раскрыть крылья.

Заметив, что чудовищу никак не удается взлететь, Скилл натянул поводья и, преодолевая сопротивление перепугавшейся лошади, вновь атаковал дракона. Еще три стрелы поразили крайнюю справа, самую злобную голову. Одна пробила глаз, другая вонзилась в вытянутый язык.

Харкая пламенем, Ажи-дахака двинулся на Скилла. Но Тента без особого труда унесла хозяина от обезумевшего от ярости монстра.

Скилл отскакал на приличное расстояние и приготовился к новой атаке, но опоздал. Воздух развалили раскаты грома. Раскинув огромные перепончатые крылья, Ажи-дахака поднялся в воздух и пикировал на Скилла.

— Бежать! Но куда?

Повинуясь неясному порыву, скиф погнал лошадь вдоль огненного кольца. Рев становился все невыносимей, пока не перерос в звериный визг. В левом ухе Скилла что-то лопнуло, тонкая струйка теплой крови брызнула на шею.

Пора! Скилл рванул поводья, поворачивая Тенту влево. И в тот же миг рядом выросла стена пламени. Монстр промахнулся. Гигантская тень пронеслась мимо и полностью закрыла солнце.

Ободряюще шлепая по холке дрожащей лошади, Скилл вновь погнал ее вдоль кольца.

Тень, затмившая солнце, начала расти в размерах. В уши ворвался рев. Ажи-дахака возвращался. Скиф натянул тетиву и пустил стрелу, целясь в перепонку крыла. Слева, затем справа выросли столбы огня. Дракон изменил тактику и пристреливался к дерзкому всаднику. Третий ослепительный султан вырос прямо перед мордой Тенты. Кобылка взбрыкнула и стала на дыбы. Затем раздался грохот и все поглотила стена огня.

Очнулся Скилл от запаха паленой кожи. Своей собственной. Горела не только кожа. Дымились халат, рубаха и башмаки. Жирно чадила земля. Вытолкнув изо рта окровавленный ком, Скилл повернул голову. Прямо перед его лицом слепо таращились мертвые глаза Тенты. Бедняжка сломала себе шею.

Сверху нарастал надсадный вой. Очумело мотая головой, Скилл подобрал с земли буковый шест.

— Кольцо... Кольцо... Прыгать! — Губы шептали, словно заставляя мозг отдать приказ к действию. Скилл собрал последние силы и побежал. Он несся по выжженой траве, чувствуя как его настигает черная тень, а горячие языки пламени лижут спину. Еще немного... Еще несколько шагов! Скилл напряг в страшном

усилии мышцы, оттолкнулся от земли и, бросив тело на шест, перелетел через огненное кольцо. Перед его глазами мелькнули оскаленные пасти дракона. Раздался ужасный грохот. Словно рухнула гигантская гора.

Превозмогая боль в разбитом теле, скиф вскочил с земли и бросился прочь от огненного кольца, которое бурлило, кипело и взрывалось фонтанами раскаленных брызг.

Скилл позволил себе обернуться лишь отбежав на приличное расстояние. То было грандиозное зрелище. Посреди огненного кольца бился в агонии Ажи-дахака. Увлекшись охотой на дерзкого человечка, он не рассчитал траекторию полета и врезался в границу, отделявшую Синий город от прочих земель Подземного мира. Затем он рухнул вниз и умирал в страшных объятиях огненного кольца. Вот гигантская туша монстра дернулась в последний раз и застыла. Глаза покрылись морщинистыми пленками век.

Ажи-дахака умер! Великий дракон, побежденный некогда драконоборцем Траэтоной, а теперь скифом Скиллой, умер! Не стало еще одного жуткого творения Аримана.

Удивительно, но Скиллу вдруг стало жаль монстра. Ажи-дахака посвятил свою жизнь лишь одному — беззаветному служению Хозяину, он жил лишь ради его прихотей, не зная ни счастья, ни радостей, он и умер лишь по его прихоти, разбившись о невидимую стену запрета.

Однако надо было спешить. Скоро туша Ажи-дахаки исчезнет в кипении огненного кольца и Дракон никогда не сможет вернуться в Серебряный город. Скилл поспешил назад. Осторожно ступая по мертвому телу монстра, он пересек кольцо и закричал:

— Дра-а-акон!!!

Повторного приглашения не требовалось. Эллин видел, чем закончилась схватка и бежал навстречу Скиллу. Подобрав на ходу лежавший неподалеку от мертвой лошади лук, Дракон задыхаясь предстал перед Скиллом.

— Мы победили, Дракон! Победили! А теперь быстрее на тот берег!

— Да, ты победил дракона, — задумчиво произнес эллин. — Ты победил дракона-монстра, посмотрим, сможешь ли ты одолеть дракона-человека.

С этими словами Дракон бросил лук и золото наземь и выхватил из-под полы туники короткую трубку, как две капли воды похожую на ту, что были у живых мертвецов Аримана.

Скиф остолбенел от неожиданности.

— Дракон, что ты? Ты в своем уме? Не шути...

— Какие могут быть шутки! — Эллин осклабился. — Это жезл Аримана. Он поопаснее твоего лука. Поэтому стой на месте. И не пытайся бежать.

— Имя! — воскликнул Скилл. — Откуда ты знал мое имя?!

— Догадался, щенок! Его мне сказал Ариман! Ты сделал большую глупость, взяв меня с собой.

— Я сделал глупость раньше, — прошептал Скилл. — Ведь сфинкс предупреждал меня прошлой ночью...

— Старый дурак еще поплатится за это. А ты напрасно пытался бежать из города и вновь нанес ущерб Ариману. Живи ты спокойно и он оставил бы тебя в покое.

— Ты предал меня. Но как ты мог?

— Предал? Я верный слуга Аримана. Я был им всю свою жизнь и останусь навечно. Когда моя душа будет призвана в Чинквату, Ариман дарует мне новое тело, и я буду вновь служить ему долгие годы. Ты растаял от моих побасенок про Элладу и несчастного изгнанника Дракона. Да, я был эллином. Я был архонтом. Но я отнюдь не несчастлив... Проклятые афиняне изгнали меня, и я поклялся отомстить. И поэтому я служу Ариману, так как он ненавидит эллинов, и недалек тот день, когда Эллада падет под натиском черных легионов. И тогда Ариман вернет мне Афины. Я вновь буду править этим городом. Править, как угодно Ариману! А сейчас сойди на землю. Мы дождемся, когда огненное кольцо поглотит старого Ажи-дахаку, после чего вернемся в Синий город, где тебя уже поджидают жрецы Аримана.

Упершись в предателя невидящим взором, Скилл сделал шаг вперед.

— Обожди! — Дракон остановил его движением руки. — Сначала брось в кольцо свой акинак.

Скиф медленно расстегнул перевязь, меч прокатился по броне Ажи-дахаки и зацепился за одну из чешуек.

— Ладно, — решил Дракон. — Стой где стоишь. Я подниму меч сам.

Настороженно поглядывая на Скилла, Дракон задрал ногу и наступил на хвост поверженного монстра.

Скилл вздрогнул от дикого крика. Широко разинув рот, эллин орал, а ноги его обтекали белые сверкающие искры, рожденные слиянием Ажи-дахаки и огненного кольца. Притянутые медными подошвами, эти искры пронизали тело Дракона, заставляя его биться в страшных конвульсиях. Вырвался из ослабевших рук и исчез в пламени жезл Аримана. Искры поднимались все выше и выше, вот они обняли живот и доползли до сердца. Крик оборвался. Схватившись за горло, Дракон рухнул в лаву огненного кольца. Тело его вспыхнуло и исчезло в языках пламени.

В этот миг туша Ажи-дахаки вздрогнула и начала распадаться. Скиф поспешно схватил лук и сумку с золотом. Балансируя на трескающейся броне Ажи-дахаки, скиф перебежал на другой берег, спрыгнул на землю и замер. Рот медленно раскрылся от изумления. Да, такого он не ожидал. Броня дракона оплывала прозрачными каплями, обнажая нутро — чудовищное сплетение хитроумных механизмов. Ажи-дахака не был живым существом, но лишь механической куклой!

Кукла!!!

Скилл сел на землю и уронил сразу ослабшие руки на колени. Он не шевелился до тех пор, пока на противоположном берегу не собралась толпа возбужденных горожан, указывавших перстами на догорающие останки Ажи-дахаки и на недвижного скифа.

Вскоре к горожанам присоединились жрецы Аримана. Их взгляды горели злобой и Скилл поспешил уйти.

Темнело. Скиф вступил в темный первобытный лес. Не боясь никого и ничего, заснул.

Когда же он открыл глаза вновь, над лесом пылало огромное солнце.

А в сумрачной, продуваемой горными ветрами, пещере мудрец Заратустра скажет льву, смирно лежащему у его ног:

— Чтобы у сверхчеловека не было недостатка в своем драконе, сверхдраконе, достойном его, для этого должно еще много горячего солнца пылать над первобытным лесом!

И вместе со Скиллом он посмотрит на ослепительный диск солнца. И солнце заглянет в их души.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В плену призрачного города

От потолка веяло прохладой, по телу разливалось блаженное тепло. Скилл сидел в трактире «Сон Аполлона» и потягивал кисленькое молодое вино, которое с известной натяжкой можно было считать вполне приличным. Вокруг сновали суетливые, облаченные в эллинские хитоны, горожане. Изредка мелькал пестрый парсийский халат или подчеркнуто аскетичная туника гостя из сопредельных городов.

— Эй, приятель!

Почувствовав, что этот возглас адресуется ему, скиф обернулся. Возле стойки стоял человек, синяя туника которого не могла скрыть могучих мышц, покрывавших крепкое тело.

— Это ты мне?

Человек вгляделся в лицо Скилла.

— Ты не серебровик, — сказал он утвердительно. Жителей Серебряного города в Подземном мире именовали серебровиками.

— Не совсем, — подтвердил скиф. — Я, как и ты, гость этого города.

— Ради чего ты тогда вырядился в эти одежды?

— Мой халат порвался и я купил тунику серебровика, — солгал Скилл, не вдаваясь в более подробные объяснения. — А что тебе, собственно, от меня надо?

— Думал предложить работу.

Скиф пренебрежительно махнул рукой.

— Ты обратился не по адресу.

— Легкая работа и, кроме того, я хорошо плачу.

Скилл хотел было сказать незнакомцу, что в его суме куда больше золота, чем тот когда-либо видел в своей жизни, но раздумал и поинтересовался:

— Что за работа?

— Поможешь мне разгрузить и продать товар. Я лишился помощника, одному мне не справиться.

— А какова плата?

— Три серебряные монеты.

Скиф хмыкнул. Вино, что он сейчас пил, обошлось в четыре монеты.

— Ладно, садись, поговорим.

Торговец не заставил себя упрашивать и тут же пристроился за столиком. Повинуясь красноречивому жесту скифа, трактирный служка принес еще один кувшин вина, возбудив в купце сильные подозрения насчет того, что светловолосый незнакомец нуждается в деньгах. Скилл наполнил чаши.

— Выпьем!

Они дружно вылили вино в глотки.

— А теперь расскажи мне, кто ты и откуда.

Прожевывая кусок соленой трески, гость сообщил:

— Меня зовут Калгум. Я купец из Бронзового города. Привез сюда пряжки, заколки и прочую дребедень. Подобный товар пользуется в Серебряном городе спросом. Когда мы переправлялись через Змеиный ручей, мой слуга оступился и погиб...

— Что еще за Змеиный ручей? — перебил купца Скилл.

— Э-э-э, — протянул Калгум. — Да ты, парень, похоже вообще не из наших краев. Уж не тот ли ты скиф, что разделался с Ажи-дахакой?

Неприятно изумившись, Скилл буркнул:

— Может и тот. Но откуда ты знаешь, что дракон мертв?

Купец засмеялся.

— В нашем мире новости разлетаются с быстротой молнии. Я узнал об этом еще вчера на постоялом дворе. Ты ловкий парень, — заметил он, пристально разглядывая скифа, хотя глядя на тебя не скажешь, что ты похож на богатыря, способного сразить дракона. Ах да, ты спросил что такое Змеиный ручей. Создавая наш мир, боги позаботились о том, чтобы меж городами не вспыхнула смертельная вражда. Поэтому они разделили города попарно, а один из них — Синий, — остался в одиночестве, окруженный огненным кольцом. Всего насчитывается четыре пары городов: Серебряный и Золотой, Бронзовый и Продуваемый ветрами, Горный и Город на холмах, Лунный и Город трех стен. При этом боги-основатели составили пары таким образом, чтоб один из двух городов был заведомо слабее другого и чтоб слабый город был малоинтересен как добыча для сильного. Так, например, Золотой город сильнее Серебряного, но совершенно не стремится поработить своего соседа, так как не видит в этом никакой выгоды.

— Странно, — задумчиво промолвил Скилл. — Я всегда считал, что захватывать города прибыльное занятие.

— Не могу не согласиться с тобой, но только не в этом случае. Серебряный город не располагает богатой казной, а жители его ленивы. Захвати его и золотовикам пришлось бы заботиться об их пропитании, о содержании домов и дорог.

— Но они могли бы обратить жителей Серебряного города в рабство и принудить их работать.

— Что такое рабство? — поинтересовался купец.

Скилл замялся, подыскивая слова для ответа.

— Это... Это когда один человек владеет другим и заставляет того работать на себя.

— Не понимаю каким образом один человек может владеть другим. Подобная нелепица возможна лишь в верхнем мире.

— Наверно, — не стал спорить Скилл.

— У нас не обращают в рабство, а насчет того, чтобы заставить жителей Серебряного города работать... Пытались! И не

раз. Трижды войско Золотого города подступало к этим стенам. Но горожане и не думали сопротивляться. Они открывали ворота захватчикам, а через несколько дней стратеги-золотовики спешно выводили войско, оставив в городе не менее половины своих воинов.

— Так выходит серебровики все же сопротивлялись!

— Если бы! — Купец сделал глоток и отставил чашу. — Хотя это можно считать своего рода сопротивлением. Только воевали не жители, а дома и площади, храмы и бульвары. Понимаешь, Серебряный город обладает какой-то необъяснимо притягательно силой. Попав сюда, уже не хочется возвращаться обратно. Особенно в первый раз. Постепенно с этим чувством свыкаешься, но поначалу неимоверно трудно расставаться с этим городом. Да и потом, честно говоря, тоже.

— Я не чувствую в нем особой привлекательности! — заметил Скилл.

— Еще бы! Ты целый день просидел в кабаке. У тебя еще все впереди. Ну так вот, убедившись в тщетности своих усилий, золотовики отказались от попыток завоевать своих соседей. Нечто подобное наблюдается и в остальных случаях. Бронзовый город, город воинов, много сильнее Продуваемого ветрами. Но тот невероятно беден, половина его жителей питаются подаянием, а земли вокруг бесплодны. Поэтому нашим консулам и в голову не приходит пойти войной на соседа. Жители Лунного города очень воинственны и неизбежно захватили бы Город трех стен, но боги позаботились, чтобы этого не произошло. Мощные укрепления Города трех стен не по зубам луннитам. Точно таким же образом Горный город — он расположен на пике огромной горы — недосягаем для войска Города на холмах.

Но, разделив таким образом наш мир, боги были вынуждены принять меры, чтобы не началась вражда между сильными городами — Золотым и Бронзовым, например. С этой целью они разделили пары Городов ручьями, кишащими ядовитыми змеями. Любая армия, которая рискнет переправиться через Змеиный ручей, неминуемо погибнет.

— А как же проходите вы, купцы?

Калгум усмехнулся.

— У нас свои секреты. Купец проворнее солдата, да и рискует он не ради прихоти стратегов или консулов, а ради собственной выгоды. Мы знаем места, где ручей неглубок, а змей мало. Там могло бы пройти и войско, но купец ни за какие деньги не раскроет этой тайны. Нам невыгодна война. Накануне я переводил свой караван в одном из таких мест. Все четыре лошади преодолели преграду благополучно, а вот моему приказчику не повезло. Он вытягивал завязшего коня, и в этот миг вокруг его ноги обвилась сизая змея. Бедняга даже не вскрикнул.. — Калгум изобразил на своей физиономии гримасу сожаления и тут же перешел к делу. — Так ты поможешь мне?

— Помогу, — сказал Скилл. — Но только сегодня. Завтра я покину город.

Купец покачал головой.

— Сомневаюсь.

— О чем ты?

— Сам потом поймешь.

До вечера они занимались с товаром. Торговля шла споро. Засовывая в кошель последнюю монету Калгум сказал:

— Из тебя мог бы выйти отличный купец! Иди ко мне помощником.

— Нет. — Скилл покачал головой. — Спасибо за предложение, но у меня другие планы.

— Жаль. Ну тогда пойдем, я угощу тебя вином.

Скиф не согласился и на это.

— Что-то не хочется. Я лучше пройдусь по городу. Прощай.

— Вот и тебя сразили чары Серебряного города, — тихо прошептал ему вслед купец.

Но Скилл не слышал этих слов. Он шел по вечернему городу, и в душе его играла музыка. Впрочем, музыка играла не только в душе. Из окон многих домов доносились мелодичные трели арф и свирелей, в храме Аполлона рыдал басовитый орган.

Город был прекрасен. Его очарование невозможно было передать словами. О, как он отличался от городов Востока с их грязью, вонью, шумом, людской толчеей! О, как он отличался от городов Иокии или Эллады, что были схожи меж собой, словно единоутробные близнецы — бесконечные торговые ряды, озабоченные лица горожан, крикливые народные собрания на залитых солнцем агорах. Серебряный город был совершенно иным — и своим обликом и духом. В его архитектуре смешались всевозможные стили. Строгие дорические колонны Спарты соседствовали с варварским великолепием столиц восточных сатрапий. Пышные коринфские колонны перемежались строгой готикой кельтских капищ. Пространства скифских степей обрывали стены монолитных римских храмов. Разноцветие дворцов махараджей соседствовало с лаконичной пластикой пирамид. То был город-космополит, вобравший в себя все лучшее, что сумели создать творцы верхнего мира. Казалось, сотворившие его боги решили поиграть буйной фантазией, создать город-мечту, город-мираж, где каждый мог бы найти милые его сердцу черты.

Наслаждаясь благоуханием масличных роз, Скилл обошел храм розовоперсой Афродиты, буквально утопавший в зарослях прекрасных цветов. Из храма доносился девичий смех. Там царили любовь и нежность.

Сердце сжала легкая грусть. В прежние времена Скилл немедленно отправился в ближайший кабак и напоил бы ее вином — она быстро пьянеет, грусть! Но в этот вечер ему уже не хотелось пить. Ему было прекрасно и без вина.

Осторожно разминаясь с редкими прохожими, скиф пересек

небольшой сквер и остановился перед скульптурой, изображавшей застывшую на старте колесницу. Неведомый мастер сумел вдохнуть жизнь в свое творение. Закусили удила кони, возница подался вперед в истовом азарте. Казалось: еще миг и взорвутся напряженные мускулы, кони прыгнут с постамента и полетят по городу.

Внезапно Скилл почувствовал легкое прикосновение к плечу. Он повернулся. Перед ним стояла очаровательная девушка. Серые глаза, ровно очерченные губки, изящный, чуть вздернутый носик, пышная волна рыжеватых волос. Скилл не рискнул бы назвать ее писаной красавицей, но она была чертовски хорошенькой. Ему нравились именно такие, с веселыми искорками в глазах.

— Господин выслушает меня, — тоненьким голоском произнесла девушка. — Мы собрались компанией провести вечер, но один из парней не пришел и я осталась одна. Да простит мне господин такую дерзость, но не согласится ли он быть эту ночь моим кавалером?

— Почему бы и нет! — пробормотал Скилл.

Тогда она взяла его пальцы в мягкую ладонь и повлекла за собой.

Беломраморный дом, к которому они подошли, утопал в зарослях сирени, у дверей сидел каменный лев. Девушка постучалась и их впустили внутрь.

Пройдя небольшой холл, Скилл и его подруга оказались в уютной зале. Вставленные в шандалы свечи разгоняли по углам полумрак. На кушетках сидели или полулежали несколько девушек и парней. При появлении гостей они встали и приветствовали прибывших.

— Это мой новый знакомый, — сообщила девушка. — Его зовут... — Она вопросительно посмотрела на скифа.

— Скилл, — поспешно подсказал тот.

— Странное имя, — заметил молодой человек с выразительными карими глазами. — Но мы рады тебе. Меня зовут Менандр. А это мои товарищи...

Юноши один за другим подходили к скифу и представлялись. Затем его окружили девушки. Чуть кокетничая, они поздоровались со Скиллом за руку, а одна, самая веселая, даже чмокнула его в щеку, вызвав снисходительный смех друзей.

— А теперь, когда все в сборе, будем веселиться! — провозгласил Менандр. Нетрудно было догадаться, что он играет роль заводилы в этой компании. Девушки упорхнули за разделявшую залу занавесь и внесли кубки вина, один из парней подтянул струны кифары. Менандр принял протянутый ему кубок и воскликнул:

— Выпьем чашу, друзья, за светлого бога Аполлона, вдохновителя наших дум и порывов!

По зале поплыл аромат тонкого вина. «Лихо начинают!» — подумал Скилл, осушая чашу до дна.

— Хорошее вино! — похвалил он, поставив сосуд на место. И тут к своему стыду заметил, что остальные лишь чуть пригубили вино и теперь недоуменно взирают на нового знакомого. Видя смущение Скилла, Менандр поспешил ему на помощь.

— Гость еще не знает наших обычаев. Ведь мы пьем вино не ради забытья, а лишь потому, что оно способствует общению. Великий мудрец Пифагор сказал: «Пьянство есть упражнение в безумии»! Так не будем уподобляться диким скифам или кельтам, пропивающим свой разум и естество! Не огорчайся, друг Скилл. Ты ошибся, но ошибка твоя поправима. Феона!

Одна из девушек взяла опустевшую чашу и, наполнив ее вновь, протянула Скиллу. Но тот не обратил на ее жест никакого внимания, так как переживал за свою ошибку, а более того — за невольное оскорбление, нанесенное скифскому народу. Вопреки общепринятому мнению скифы отнюдь не были теми неисправимыми пьяницами, какими их выставляли эллины или парсы. Дед Скилла Родсар пил лишь пшеничную брагу. Позднее, вместе с эллинами появилось виноградное вино, пришедшееся по вкусу кочевникам. Греки не лгали, уверяя, что скифы пьют вино неразбавленным, но забывали упомянуть, что кочевники выпивали одну-две чаши вина в день, в то время как граждане Афин или Коринфа — двадцать, смешанного с водою. Стоило еще разобраться, кто более подвержен пьянству. Стараясь не поддаваться эмоциям, Скилл сказал:

— Ты прав, друг Менандр, пьянство — порок. Но позволь мне привести слова мудреца-скифа Анахарсиса, едко высмеивавшего слабости эллинов. Некогда он заметил по поводу винопития сынов Зевса: «У себя дома первый бокал обыкновенно пьют за здоровье, второй — ради удовольствия, третий — ради наглости, последний — ради безумия».

На миг установилось неловкое молчание, затем все дружно захлопали. Менандр поздравил Скилла:

— Отлично сказано, друг Скилл! Этот Анахарсис обладал острым умом. Выпьем за его здоровье!

Предложение выпить за здоровье того, кто порицал пьянство, прозвучало весьма нелепо. Усмехнувшись, Скилл сделал глоток.

— Ах, что может быть лучше дружеской беседы, услащенной глотком доброго вина! — чуть напыщенно воскликнул красавчик с родинкой на шее.

— Верно сказано, Леониск! — одобрил эту мысль Менандр. — Но ты забыл упомянуть о прекрасной девушке, чью грудь ты нежно ласкаешь рукой. Друг, любимая девушка, вино, изысканная пища — что еще надо человеку, чтобы почувствовать себя счастливым! Наслаждение — вот главный принцип жизни. Иначе для чего мы живем? Ради удовольствия, и никто не докажет мне, что я не прав. Разве согласится человек добровольно, без принуждения, выполнять тяжелую грязную работу или отправиться в опасный поход? Нет! Ради чего?

— А если он любит приключения? Если он не представляет без них свою жизнь? — спросил Скилл.

— Приключения? Бессмысленные глупые авантюры, пахнущие кровью и потом? Неужели кто-нибудь из вас предпочтет трястись в мокром от конского пота седле, нежели возлежать на ложах, беседуя с друзьями? Нет — ответите вы. И будете правы. Приключений ищет лишь тот, кого манят золото, кровь, слава. Они пытаются встать наперекор судьбе, и она ломает их пополам. И поделом! Разве в этом удел нормального человека? Ведь ему не нужна слава, он не испытывает сладкого трепета при виде золота, он не звереет от запаха крови. Человек не любит, когда тело его перегружено чрезмерной работой, а конечности вздуваются желваками мускулов. Наслаждение — вот истинное призвание человека. Наслаждение, даруемое женщиной, вином, пищей. То наслаждение плоти. А бывает и высшее наслаждение, о котором упоминал Леониск. То наслаждение от общения с друзьями, наслаждение от умной беседы. Наслаждайтесь, друзья мои, ибо жизнь коротка и мы должны успеть взять от нее сколько возможно. Играй, Герон!

Негромко звякнули струны кифары, и комнату наполнила тихая мелодичная музыка. Все затихли. Поднося к губам кусок, Скилл почувствовал, что его ухо игриво прикусили острые зубки. Скилл привлек девушку к себе. Она улыбалась, слабый отблеск свечей играл в серых глазах. Обняв скифа за шею, девушка шепнула:

— Нехороший, ты даже не спросил мое имя.

Изображая недоумение, Скилл вскинул брови.

— А ведь и вправду, — согласился он. — Виноват. Как тебя зовут?

— Лаоника, — тихо шевельнулись губы девушки.

— Какое красивое имя, — прошептал Скилл. — Какая красивая ты.

Губы Скилла коснулись губ Лаоники.

— Не здесь, — шепнула она. — Пойдем в другую комнату.

Она поднялась и направилась в темноту. Скилл несмело пошел вслед за ней...

С такой страстью он не сталкивался уже давно, а, если быть более точным, с тех пор, когда расстался с Тентой. Лаоника была неистощима в любовных забавах. Она то отступала, то нападала вновь. Ее ласки, походившие на нежный майский цветок, через мгновение превращались в бушующий огонь. Скилл позабыл о времени, наслаждаясь прекрасным телом. Но вот Лаоника чуть оттолкнула любовника руками.

— Пока достаточно. Пойдем ко всем. Мы вернемся сюда чуть попозднее.

— Разве мы не ляжем спать? — удивился Скилл.

— Ночью — нет. Мы отоспимся днем.

— А когда же в таком случае вы работаете?

Девушка пожала плечами.

— Не понимаю о какой работе ты говоришь. Человек рожден, чтобы наслаждаться.

Скилл не стал с ней спорить.

— Да, конечно. Но откуда-то надо брать средства на одежду и еду.

— Об этом заботится Городской Совет. Нам много не нужно. Две туники, немного вина и пищи. Мы не уподобляемся богачам, трясущимся над своими богатствами. Пусть работают они.

Скилл и сам не собирался уподобляться богачам, но он не мог согласиться с такой странной логикой.

— А дом? На какие средства куплен этот дом?

Заплетя волосы в пышную косу и закрепляя ее жгутом, девушка сказала:

— Его построил отец Менандра. Он был воин и пришел сюда из Золотого города. Пришел и остался. Он был со странностями, утверждал, что любит работать. Работал каждый день, в конце концов надорвался. Видишь, к чему может привести работа?

Скиф ничего не ответил, а лишь покачал головой. Ему не хотелось спорить. Он вдруг почувствовал, что может многим пожертвовать ради любви этой прекрасной девушки, ради дружбы с ее странными друзьями. Ему ведь тоже не слишком много надо, и потом...

— У меня есть деньги, — сообщил он Лаонике.

— Много?

— Достаточно.

— Это прекрасно! — Она обрадовалась. — Ты купишь мне новую тунику. Купишь?

Ее голосок звучал чуть капризно. Это было столь очаровательно, что скиф не выдержал и улыбнулся.

— Сколько угодно.

Лаоника оценивающе оглядела Скилла.

— Вообще-то ты довольно странный парень. Ты воин?

— Да.

— Но ты не эллин. — Скилл утвердительно кивнул головой. — Кто же? Латинянин? Кельт? Иберец?

— Я скиф.

— Скиф? Ой, как неловко получилось! Менадр, кажется, наговорил лишнего...

— Ничего, я не обиделся. Скифы и вправду иногда позволяют себе выпить больше, чем следовало бы. Ты не говори ему, что я скиф. Не надо ставить его в неудобное положение.

— Хорошо, — согласилась девушка. Сев на корточки, она стала тормошить Скилла. — Ну, одевайся и пойдем. Пойдем же!

Когда они вернулись в залу, все тактично сделали вид, будто ничего не заметили. По-прежнему тихо позвякивала кифара, а Менандр вел свой бесконечный разговор.

— Жить для себя — вот высший принцип жизни. Лишь тогда

она имеет смысл. Я живу ради того, что я люблю. Почему я должен жить для других? Почему я должен жить для пузатого кабатчика, вонючего землекопа или гремящего медью воина? Почему? Кто мне это объяснит?

— Тогда живи для друзей!

— А зачем, дружище Скилл? Ты стал бы жить ради друзей?

— Я и так живу ради них.

— Это лишь красивая поза! Ты живешь для себя. Или нет? Тогда у тебя больная философия. Как можно жить ради друзей? Объясни мне, как ты понимаешь жизнь.

Скиф на мгновение задумался.

— Я не столь ловок в словах, как ты, но вот что значит для меня жизнь. Она была, есть и будет очень бурной. Я имел много друзей, настоящих друзей. Большинство из них я потерял. Кое-кто погиб, кое-кто ушел, остальные далеко отсюда. Но я отдал бы все ради их счастья и верю, что они сделали бы то же самое ради меня. Я из тех, кого ты порицаешь, Менандр. Я воин и вор. Я люблю кровь, пенье стрел, вой горного ветра. Я авантюрист и мне сладостно само это слово.

Авантюр-ра! Какой звонкий рык в этих трех слогах! Авантюр-ра! Ты был неправ, Менандр, сказав, что авантюристов немного. Нас много, сотни и тысячи, нас тьма. Но среди нас есть такие, что соизмеряют свои силы, и их приключения оканчиваются счастливо. И такого никто не посмеет назвать авантюристом. Такие становятся королями и тиранами, полководцами и губернаторами открытых ими земель. Это победители! Но как тонка грань от победителя, человека, соразмерно оценившего свои силы и тяжесть выбранной задачи, до авантюриста, взявшегося за заведомо невыполнимое дело и проигравшего. Был ли авантюристом царь Куруш, покоряя один народ за другим? Нет! Ведь он был удачлив. Но он стал им, проиграв битву кочевникам-массагетам, вдоволь напоившим царя кровью. Хотя осмелится ли кто назвать его поход авантюрой? Ведь Куруш собрал огромную армию, обеспеченную оружием и продовольствием, его лазутчики разведали дороги, его послы привлекли на сторону парсов многих союзников. Это была четко спланированная и подготовленная акция. Но Куруш попал в засаду и проиграл. Кто сделал его авантюристом? Судьба! А победи, и она б увенчала его лаврами. Пойми, Менандр, человек не рождается авантюристом, его делает им судьба.

Мне по душе многое из того, что превозносите вы. Я отнюдь не аскет. Я люблю красивых девушек и отменное вино, хороший стол и добрую беседу с друзьями. Значит ли это, что я такой же как вы? Может быть. Но я люблю коня и лук, погоню и ветер. И вот я уже совсем другой. Так кто же я? Где мое истинное лицо? А может ли человек жить жизнью, подобной вашей. Может ли он провести свои годы, лежа на кушетке и услаждая себя разговорами с друзьями? Его мускулы ослабнут, а кровь станет похожей

на патоку. Он потеряет радость движения, радость свежего воздуха, он лишится самого сладостного из чувств — яростного ожидания. А придет время, и он перестанет получать удовольствие от вина и пищи, а еще раньше — от женщин. Он пресытится. И тогда наступит апатия...

Скилл внезапно упустил мысль и замолчал. Увлеченный своей речью, он лишь сейчас обнаружил, что из всей компании его слушает лишь Лаоника. Две парочки покинули залу, Леониск и Менандр тихо перешептывались, Герон спал в обнимку с кифарой.

— Ты хорошо говорил, дружище Скилл! — торопливо, словно уличенный в чем-то неприличном, воскликнул Менандр. — Ты очень здорово говорил. Выпей! Кто много говорит, тому надо время от времени освежать горло. Так значит, ты любишь приключения? Но и не против наслаждений? Тогда не все потеряно! Оставайся с нами и ты будешь любить лишь наслаждения. Оставайся с нами, дружище Скилл!

То были последние слова, сказанные Менандром. Он и Леониск поднялись и вышли из залы.

— У них мужская любовь, — шепнула Лаоника. Не обращая внимания на спящего кифариста, девушка обняла шею Скилла и увлекла его вниз...

На следующий день Скилл не уехал. И через день — тоже. Проснувшись, он бродил по городу, вежливо разминаясь с такими же праздными гуляками, сидел в трактирах, любовался красотами храмов и дворцов. Вечером он возвращался в дом Менандра и начиналась новая ночь, наполненная дружескими беседами, тонким запахом вина и любовью. Любовью... Сам того не замечая, Скилл не на шутку привязался к Лаонике.

Его лук валялся в комнатушке на чердаке трактира «Сон Аполлона», разъедаемый плесенью. Так же и душа Скилла разлагалась под воздействием речей Менандра. Летели дни, и скоро Скиллу стало безразлично все, что не касалось ночных застолий. Словно напоенный дурманом он бесцельно мерил шагами улицы Серебряного города, чтобы вечером вновь вернуться к дому со львом. И сладкий яд слов Менандра проникал в его мозг.

— Что наша жизнь? Ничто! Ничто, если в ней нет места удовольствиям. Долой беды! Долой труды, хлопоты, болезни, тяготы и войны! Человек рожден, чтобы наслаждаться. Пей, дружище Скилл!

И Скилл послушно глотал вино, а затем утопал в волнах любви.

Минуло немало дней, похожих на один. Однажды, прогуливаясь по городу, Скилл встретил купца Калгума.

— А, старый знакомый! — воскликнул тот, устремляясь навстречу Скиллу.

— Здравствуй, купец.

— Если я не ошибаюсь, ты собирался уехать из города?

— Может быть, — равнодушно ответил Скилл. — По-моему подобные намерения высказывал и ты.

— Да, — согласился купец. Мгновение они стояли друг против друга молча, затем купец вздохнул. — Сегодня я истратил последнюю монету. Проклятый город! Он вцепился в меня и не отпускает, высасывая деньги, кровь, мысли!

Скилл безразлично поинтересовался.

— Тебя держат силой?

— Если бы! Нет таких пут, чтоб смогли удержать купца-бронзовика. Это какое-то наваждение. Каждое утро я просыпаюсь и говорю себе: пора отправляться домой. Но стоит мне выйти на улицу — эта музыка, которой наполнены воздух и архитектура, благоуханные запахи, приветливые люди... Все это пьянит мой мозг, и я остаюсь еще на день, клятвенно заверяя себя, что уеду завтра. А наутро история повторяется.

— У меня по-другому, — задумчиво произнес Скилл. — Я нашел свою любовь. Я нашел друзей. Я люблю и любим.

— Любим! — Купец тихо рассмеялся. — Глупец! Этот город любит лишь себя. Это иллюзия любви, подобная той, что пытаются создать лжепророки, клянущиеся в любви всему человечеству. Этот город не любит никого, кроме себя. А люди здесь лживы и непостоянны.

— Ты сам лжец! — воскликнул Скилл.

— Я лгу? Если бы... Ты говоришь, тебя любят друзья. А не задавался ли ты вопросом: почему?

— Друг на то и есть друг, чтобы любить тебя лишь за то, что ты существуешь.

Калгум нервно куснул губу.

— А, может быть, все проще? Может быть, они любят тебя за твои деньги?

— Ты вновь не угадал, купец. Я ни разу не давал им денег. Я лишь истратил немного на свою возлюбленную, но эта сумма смехотворно мала.

— Значит, ты считаешь себя счастливцем! — желчно воскликнул Калгум.

— Э, купец, я вижу ты завидуешь мне! — сказал Скилл и повернулся чтобы уйти. Калгум вцепился в его руку.

— Постой! Прости меня. Мне хотелось бы верить тебе, но я слишком хорошо знаю людей. Они ничего не делают просто так. Я разучился доверять им.

— В этом твоя беда.

— А, может, счастье? Допустим, ты встретил настоящих друзей, допустим. Ты поверил им. Но: доверяй, но проверяй! Проверь их!

— Не хочу! — Скилл вырвал руку из клешни Калгума.

— Ты испугался! — торжествующе крикнул купец.

— Чего? — удивился Скилл. В это мгновение он заметил вда-

леке неторопливо идущего Менандра. — Кстати, вон идет мой лучший друг.

— Где?

Скилл молча указал рукой.

— Куда это он? — поинтересовался купец. — Похоже, в Городской Совет. Что нужно твоему другу в Городском Совете?

Скилл пожал плечами.

— Моя подруга Лаоника говорила, что Совет платит им небольшое пособие.

— Пособие за что?

— Какая разница! — Скилл рассердился. — А почему, собственно, ты задаешь такие вопросы!

— Сам не знаю, — быстро ответил Калгум. — Должно быть, хочу понять, где скрыты путы Серебряного города.

— Ты опять о своем!

— Опять... — задумчиво выдавил Калгум. Внезапно его глаза оживились. — Ты ведь воин, а значит должен уметь лазать по стенам.

— Что ты еще надумал? — с подозрением спросил скиф.

— Залезь на крышу здания Городского Совета. Оттуда ты сможешь проникнуть в вытяжную трубу и подслушать, о чем твой друг будет говорить с архонтами.

— Ни за что! — воскликнул скиф. — Я не могу оскорблять своих друзей подозрением.

Купец не на шутку рассердился.

— Идиот! Рассуди сам. Ты всего несколько дней в этом городе и уже забыли о том, куда шел, забыл о своей цели, забыл о старых друзьях, которым ты наверняка нужен. Ведь у тебя прежде были друзья?

— Да. Черный Ветер и Тента... — Скилл удивился тому, что вспомнить эти имена оказалось нелегким делом. Он словно вытянул их откуда-то из глубин памяти.

— Вот видишь! Ты уже стал забывать о них. Где они теперь? Что делают?

Кочевник потер ладонью лоб.

— Вспомнил! — вдруг радостно воскликнул он и тут же осекся. — Я должен был помочь им.

Купец оживился.

— Ты шел выручать друзей, сметая на своем пути все преграды, но попал в этот город и позабыл обо всем на свете. Так же, как и я. Так же, как сотни других, чьи трупы время от времени вылавливают из реки. Думай, скиф! Пока еще не поздно. Пока мы еще можем все узнать!

И Скилл поддался на уговоры.

— Где находится Городской Совет?

Обрадовавшись, Калгум хлопнул скифа по плечу.

— Наконец-то! Молодец! Пойдем, я покажу.

Вскарабкаться на крышу Городского Совета оказалось

несложным делом. Осторожно ступая по хрустящей черепице, Скилл достиг вентиляционной трубы и спустился по ней вниз — прямо в залу, где по словам купца должны были заседать архонты. В трубе было темно, припахивало гарью, ноздри свербила мелкая пыль. Едва удерживаясь, чтоб не чихнуть, Скилл прижался ухом к глиняной стенке и стал жадно ловить слова, доносящиеся из комнаты. Сначала до него долетали обрывки фраз, но постепенно биение крови в висках прекратилось и скиф стал слышать весь разговор.

— ... как ведет себя ваш гость? — У говорившего был бархатный голос.

— Спокойно. Пьет вино и занимается любовью. Он позабыл обо всем на свете, даже о сундуке с серебром, оставленном на сохранение в кабаке «У пустокрыла».

— Великолепно. Мыдники сегодня же изымут эти деньги в пользу городской казны. Мы довольны тобой, Гармал. Казначей, отпусти ему плату за два месяца вперед.

— Благодарю тебя, сиятельный архонт!

— Не стоит. Мы служим городу, город воздает нам за эту службу. Можешь идти.

Послышалось шарканье, затем легкий стук закрываемой двери. Бархатный голос произнес:

— Ваше мнение, господа архонты.

— Выждем еще несколько дней, а затем уберем этого купца. Пусть исчезнет, как и остальные. — Легкие говорившего астматически хрипели.

Третий был осторожней, его тоненький голосок выражал сомнение.

— Но это может вызвать нежелательные осложнения. Стратеги Золотого города уже не раз обвиняли нас, что мы потворствуем исчезновениям их людей.

— Пусть попробуют доказать! — буркнул бархатный голос. — Ответим как всегда. Мол, пожелал остаться в нашем городе и найти его нет никакой возможности. Ведь купец, хе-хе, не проговорится!

— Мыдники спрячут его следы!

— Давай следующего! — велел обладатель бархатного голоса.

Скрипнула дверь, затем послышались легкие шаги.

— А, Менандр! Ты как всегда бежишь на запах денег.

Голос Менандра:

— Здравствуй, сиятельный архонт!

— Здравствуй, здравствуй!

Менандр! У Скилла возникло сильное желание не только слышать, но и видеть. Не заботясь о чистоте хитона, он опустился на колени и медленно приоткрыл печную заслонку. Его глазам предстала зала, богато украшенная фресками и бархатными портьерами. Посреди залы за столом сидели трое в крас-

ных хитонах, перед ними, заискивающе улыбаясь, стоял Менандр.

— Ну, какие дела у тебя? — спросил обладатель бархатного голоса, сидевший посередине. Лицо его, изборожденное морщинами, выдавало властность.

— Все в порядке, светлейший архонт. Он забыл обо всем на свете, кроме наших вечеров. — Менандр хихикнул. — Слушает, словно баран, мои побасенки да тискает девчонок. Думаю, он вполне созрел и с ним можно покончить.

— Думаю здесь я! — резко оборвал Менандра архонт. — Пусть все остается по-прежнему. Нам приказано, чтобы он жил в Серебряном городе. За него щедро платят. Надеюсь, он не слишком надоел тебе?

Менандр переступил с ноги на ногу.

— Честно говоря, меня от него тошнит.

— Так вырвись! — захохотал бархатный голос. — Ладно, снисходя к твоим мучениям, мы удваиваем плату. Держи.

Архонт бросил Менандру туго набитый мешочек. Юноша ловко поймал его и оценивающе подкинул на ладони.

— О, благодарю тебя, сиятельный архонт!

Бархатный голос небрежно махнул рукой.

— А теперь можешь идти. Придешь как всегда через пять дней.

— Через пять дней, — эхом отозвался Менандр. Низко поклонившись, он вышел.

— Ну что скажете? — спросил обладатель бархатного голоса.

Сидевший справа от него тощий как жердь человек пожал плечами. Заговорил сидевший по другую руку толстяк.

— По-моему здесь все ясно, — сказал он тоненьким голоском. — За него платят, пусть живет сколько угодно.

Толстяк хихикнул:

— А перестанут — камень на шею и в реку!

— Однако он порядком надоел Менандру и его компании, — напомнил бархатный голос. — Ребятки могут сорваться.

— Пока им платят, они будут выполнять наши приказы! — грозно пискнул толстяк.

Сиятельный архонт не стал возражать.

— Следующий!

Любопытства ради Скилл выслушал и этого посетителя. Он оказался таким же подлецом, как и его предшественники. Дальнейшее скифа не интересовало. Он знал уже достаточно много. Услышанное открыло ему глаза. Калгум был прав — Серебряный город ловил гостей в свои невидимые тенета, а затем безжалостно расправлялся с ними. Интересно, думал Скилл, карабкаясь по отвесной стене вентиляционной шахты, а кто за него платит? Ариман? Но ведь это не его город. Кто-то другой? Но Менандр... Каков подлец! Неужели и Лаоника заодно с ним? Неужели?!

Оставшись незамеченным, Скилл спустился с крыши и отправился к поджидавшему его купцу. Из домов доносилась тихая музыка. Но теперь она раздражала скифа. Он кратко пересказал Калгуму суть услышанного.

— Так я и думал! — воскликнул купец. — Нам надо срочно бежать из города.

— Нет! — возразил скиф. — Сначала я сведу кое с кем счеты.

— С Менандром?

— С ним. А, может, и не только с ним!

— И чего ты этим добьешься? Серебряный город кишит подобными Менандрами. Я завтра же возвращаюсь домой. Если хочешь, мы можем покинуть город вместе.

Скилл упрямо покачал головой.

— Нет, я уйду через день.

— Ну что ж... Удачи тебе! На всякий случай: где ты остановился?

— Я снимаю комнату в трактире «Сон Аполлона». Но не ищи меня там.

— А где же?

— Дом со львом. Около храма Нике. Знаешь?

— Найду, если понадобится. Прощай!

— Прощай, купец.

Этой же ночью Скилл объявил «друзьям», что завтра он покидает город. Менандр обеспокоился.

— Тебе у нас не понравилось?

— Что ты! — улыбнувшись широко как только мог, воскликнул Скилл. — Все было просто великолепно! У меня никогда в жизни не было таких преданных друзей. Но человек не всегда волен распоряжаться своей судьбой. Меня ждут важные дела.

— Жаль... — Менандр попытался принять равнодушный вид, но было заметно, как за маской безразличия проскальзывает беспокойство. — Но хотя бы перенеси свой отъезд на день, чтобы мы могли достойно проводить тебя.

— Хорошо, — согласился Скилл. Предложение Менандра как нельзя лучше соответствовало его планам.

На следующее утро он поцеловал искренне огорченную, как ему показалось, его предстоящим отъездом Лаонику и вышел из дома. Отойдя совсем немного, он вернулся и спрятался меж колоннами храма Нике. Менандр не заставил себя долго ждать. Убедившись, что он идет в Городской Совет, скиф опередил доносчика и повторил вчерашний трюк.

Судя по всему Менандр был не на шутку напуган решением Скилла покинуть город. Его голос подрагивал. Встревожились и архонты. Выслушав Менандра, они долго молчали, затем обладатель бархатного голоса сказал:

— Придется принять меры. Задержи его сколько сможешь. Побольше вина. Пусть порошок забвения усыпит его разум. Под

утро к тебе придут мыдники. Отдашь им скифа. Они знают как с ним поступить.

Зоркие глаза скифа не оставили без внимания, что при упоминании о мыдниках Менандр задрожал всем телом и едва не грохнулся в обморок.

Когда доносчик ушел, архонты еще долго не могли успокоиться. Толстяк причитал, что их ждут крупные неприятности, бархатный голос подавленно размышлял. Трезвее всех мыслил жердь, заявивший:

— Теон, пусть мыдников будет не менее десяти. Этот скиф расправился с драконом Аримана. Он лучший в мире лучник.

Бархатный голос усмехнулся и заметил:

— Даже лучшему в мире лучнику не совладать с призраками. Но пусть будет по-твоему. Кроме того я сейчас же прикажу мыдникам взять под контроль все выходы из города. На тот случай, если скиф попытается бежать, не дожидаясь завтрашнего утра.

Но Скилл не собирался этого делать. Спустившись с крыши Городского Совета, он направился в «Сон Аполлона» и потребовал свое добро. Затем он занялся луком. Щедро смазав его медвежьим салом, он перетянул тетиву, тщательно выверил ее упругость, пересчитал стрелы. У купца из Золотого города был приобретен отличный стальной меч. Сложив оружие и деньги в походный мешок, Скилл направился к Менандру.

Вечер начался как обычно. Лишь Менандр был чуть более разговорчив да чаще подливал вино. Добродушно улыбаясь, он говорил Скиллу:

— Жаль, что ты нас покидаешь, дружище Скилл. Ты пришелся нам по душе.

— Значит тебе не было со мной скучно? — кривовато улыбаясь, спросил скиф.

— Нет, что ты! — воскликнул Менандр, и голос его звучал искренне. — Можешь не верить мне, но я давным-давно не встречал такого интересного собеседника как ты. Твое здоровье, дружище Скилл!

Они в какой раз потянулись друг к другу чашами и сомкнули их, издав мелодичный звон. Делая глоток, Скилл смотрел, как двигается кадык на шее доносчика. Свое вино скиф незаметно вылил в вазу с цветами, поставленную им неподалеку специально для этой цели.

Постепенно вечер превратился в самую заурядную пьянку. Не успел месяц отмерить половину своего пути, а все уже были мертвецки пьяны. Вскоре за столом остались сидеть лишь Скилл, Менандр и загрустившая Лаоника.

— Что-то вино не берет тебя сегодня, скиф, — внезапно пробормотал Менандр заплетающимся языком.

Скилл мгновенно отреагировал:

— А откуда ты знаешь, что я скиф?

— Откуда? — Глаза Менандра забегали. — А... Лаоника мне сказала.

Скиф обернулся к девушке.

— Это правда?

— Он врет! — не колеблясь ни мгновения, ответила Лаоника.

— Интересно... — протянул Скилл. — А ответь мне, друг Менандр, почему тебе так хочется напоить меня сегодня?

— Напоить тебя? Мне? Тебе почудилось, дружище Скилл!

Отбросив кресло, скиф одним прыжком подскочил к мгновенно побледневшему Менандру и приставил к его горлу нож.

— Если хочешь жить, отвечай и немедленно!

— А... О... О чем? — забормотал Менандр. — Спрашивай! — заорал он мгновение спустя, чувствуя как острие ножа прокололо кожу.

— Так-то лучше! — усмехнулся Скилл. — Кто тебе платит за то, чтобы ты держал меня здесь?

— Городской Совет!

— Три архонта. Толстый, длинный, словно жердь, и поседевший красавчик с бархатным голосом? — Менандр сдавленно кивнул. — Вот видишь, я знаю куда больше, чем ты думаешь. Поэтому будь пооткровенней. В чем заключаются чары вашего города?

Менандр тряс головой, не в силах вымолвить ни слова.

— Вино?

— Д-да.

— Что в него добавляют?

— Порошок забвения.

— Дурманит лишь одно вино?

— Нет, все. Музыка, здания, воздух. Все создано с таким расчетом, чтобы человек пожелал остаться в нашем городе.

— Хороший мальчик! — похвалил скиф. — Кто такие мыдники?

— Я не знаю!

— Лжешь! — Размахнувшись, Скилл ударил доносчика по лицу. — Спрашиваю еще раз: кто такие мыдники?

— Я правда не знаю!

Лаоника тронула плечо Скилла.

— Он боится. Мы все знаем, кто это, но боимся говорить о них.

— Так кто же они?! — Скилл повернул искаженное яростью лицо к девушке.

— Это люди-призраки, стражи Серебряного города. Они невидимы глазу человека.

— Скотина! — Скилл пнул Менандра ногой в живот. — Когда они должны прийти сюда?

— Они уже здесь! — вдруг завизжал Менандр. — Я чувствую их присутствие. Хватайте скифа!

Нож, всаженный в горло, оборвал этот крик. И тотчас же чья-то невидимая рука задела вазу с виноградом, стоявшую на столике.

— Мыдники, — прошептала Лаоника.

— Ложись! — велел скиф, бросая ее на пол. Выхватив из лежащего под ногами мешка меч, он рубанул им по свечам и отпрыгнул в сторону.

Залу поглотила кромешная тьма. Скилл не мог различить ни одного предмета. Но зато мыдники лишились своего главного преимущества. Отныне им приходилось иметь дело с невидимым врагом.

Держась рукой за стену, скиф бесшумно, словно барс, двинулся вдоль залы, готовый в любой момент нанести удар.

Из темноты донесся сонный храп, затем кто-то вскрикнул:

— Что это? Почему темно?! Кто здесь?!!

Послышался тонкий свист стали, человек вскрикнул и затих.

Вновь установилась тишина. Густая и невыносимая. Первыми не выдержали мыдники. Раздался негромкий треск и в темноте вспыхнул фонтан брызг. Кто-то из невидимок пытался высечь огонь. Дождавшись, когда мыдник ударит кресалом второй раз, скиф определил его положение и метнул нож. Судя по сдавленному всхрипу сталь попала точно в цель. На одного меньше!

Мыдники не привыкли к подобному бесцеремонному обращению. Сразу несколько невидимок с криком бросились к стене, у которой стоял Скилл. Но тот опередил их и, скользнув на животе по полу, юркнул в нагромождение кресел и столиков. Через мгновение из темноты донесся звон мечей и яростные крики. Это мыдники рубились друг с другом.

Потеха продолжалась довольно долго.

— Стойте! Стойте! — завопил наконец кто-то из невидимок. — Мы бьемся между собой! Проклятый скиф ускользнул! Зажгите наконец огонь!

Огонь? Только этого недоставало! У Скилла не осталось больше метательных ножей. Пытаясь разобраться в хаосе тел и поваленной мебели, он пополз туда, где должен был лежать мешок с луком.

— Тихо! — Мягкая ладонь зажала его рот. Скилл едва задержал руку с занесенным для удара мечом. — Лук...

Пальцы скифа коснулись живота, мягкой груди, затем нащупали отполированную поверхность лука. А вот и его подружки стрелы. Быстро приладив одну из них к тетиве, Скилл затаил дыхание и прислушался. Слева послышался негромкий шорох. Скиф повернулся и отпустил тетиву. Тоненько свистнула стрела.

— А-а-а! — завыл чей-то голос.

— Огня! Ог...

Вторая стрела, должно быть, попала кричащему в горло.

— Проклятье! Он стреляет из лука!

Голос шел снизу. Скилл понял, что человек лег на пол и ощупывает убитого. Попасть в него было нелегко, но вполне возможно. Чуть привстав, Скилл пустил третью стрелу, сочно чмокнувшую в живую плоть. Тот же голос пожаловался:

— Он ранил меня.

Прежде уверенные в себе мыдники стали поддаваться панике. Скилл услышал негромкий шорох ног, спешащих к двери. Раздался скрип, лунный свет высветил четырехугольный проем. Почти не целясь, скиф выпустил одну за другой четыре стрелы. И только одна пропала даром, выбив мраморную крошку. Остальные вонзились в орущее мясо.

Теперь мыдники думали лишь о спасении. Со всех сторон доносилось взволнованное дыхание. Кто-то со страху заорал и тут же ойкнул, получив клинок в живот.

— Эй, скиф! — завопил один из мыдников, — Мы не будем трогать тебя. Дай нам уйти!

Скилл не ответил.

— Мы сейчас же подойдем к двери и уйдем! Не стреляй!

— А вдруг кто-нибудь останется? — бросил в темноту Скилл и на всякий случай откатился вправо.

К голосу вернулась доля прежней самоуверенности.

— Что нам, жить надоело?! Мы ценим свою шкуру дороже денег, что нам заплатили за твое убийство.

— Хорошо! — крикнул Скилл. — Подходите к двери по одному и бросайте оружие! Если кто-нибудь попытается обмануть меня, немедленно стреляю!

Скилл перекатился на прежнее место.

— Мы согласны, скиф! Но смотри не обмани и ты!

Звякнул брошенный на пол меч, за ним второй, третий, четвертый... Мыдники один за другим покидали залу. Скилл досчитал до восьми, когда звон прекратился.

— Все?! — спросил Скилл.

Ответом была тишина. Скилл подождал еще немного, затем велел:

— Лаоника, зажги огонь.

Девушка повиновалась. Вскоре на поверхности стола заплясал робкий язычок свечи. Скиф осторожно приблизился к свету.

— Ты цела?

— Да. — Голос девушки был удивительно спокоен.

— Зажги побольше свечей.

— А это не опасно?

— Думаю, нет. Они все бежали. Ну, а если что, я наготове.

Вскоре в зале стало достаточно светло, чтобы осмотреться. Прежде уютная комната подверглась ужасному разгрому. Столы и кресла были перевернуты, на полу в лужах крови и вина валялись трупы. Вдруг один из них зашевелился и начал подниматься. Скилл вскинул лук.

— Не убивай меня! — закричал человек, в страхе закрываясь руками.

— А, Герон... — узнал скиф.

Он расслабил мышцы, и в этот момент кто-то прыгнул ему на спину. Не удержавшись на ногах, Скилл рухнул на пол, но падая

ухитрился перевернуться таким образом, что нападавший оказался под ним. Со стороны это, должно быть, выглядело презанятно. Скилл катался по полу, борясь с пустотой. Мыдник колотил его кулаками, затем дважды ударил ножом в живот. К счастью, доспех выдержал эти удары. Наконец скифу удалось поймать руку врага в замок. Рывок, и она с хрустом переломилась, заставив мыдника закричать от боли. Охваченный яростью, Скилл схватил визжащего врага за шею. Пальцы сдавили кадык. Мыдник хрипя бил скифа в лицо и грудь. Удары эти становились все слабее и слабее, вскоре тело врага обмякло. Держась рукой за ушибленный живот, Скилл поднялся с пола.

— Кажется, последний.

— Смотри! — вскрикнула Лаоника.

Скиф взглянул туда, куда указывала рука девушки, и остолбенел. На полу вырисовывался контур тела мыдника. Поначалу блекло-полупрозрачный, он насыщался красками, приобретал плотность и естественную форму. С некоторой опаской Скилл перевернул тело ногой. Ничего особенного. Обычный человек. Такой же, как и тысячи других.

Легкий ветер, ворвавшийся в приоткрытую дверь, заиграл занавесями. Лаоника повернулась к Скиллу.

— Тебе надо уходить. Они вернутся.

Скилл отрицательно покачал головой.

— Не посмеют. Я уйду утром на виду всего города. Пойдешь со мной?

Отведя глаза в сторону, Лаоника жалко улыбнулась.

— Я не могу оставить мой город.

— Как знаешь! — ожесточившись, сказал Скилл.

Он покинул дом Менандра на рассвете. На улице его ждал купец Калгум. Оценивая взглядом щупловатую фигуру скифа, он сказал:

— Никак не пойму: то ли ты действительно великий воин, то ли ты просто редкостный счастливчик.

— Счастливчик, — ответил Скилл.

— Ну давай, счастливчик, забирайся на лошадь! — Калгум кивнул головой в сторону двух оседланных скакунов. — Одна из них твоя.

— Спасибо, Калгум. — С этими словами скиф ловко вспрыгнул на каурого жеребца.

Выезжая из города, всадники увидели на стене тоненькую фигурку девушки, прощально машущую рукой.

Лаоника!

У Скилла защемило сердце. Он поднял руку, чтобы ответить, но в этот момент рядом с Лаоникой появился мужской силуэт. Девушка нежно прильнула к плечу очередного возлюбленного. Скиф поспешно отвернулся и ударил пятками по бокам коня.

— Хоу!

К вечеру они достигли границы Серебряного города. Здесь

дорога разветвлялась. Один путь вел в Золотой, другой — в Бронзовый город.

— Поезжай со мной, — предложил Калгум.

— Нет, спасибо.

Купец придержал горячащегося коня.

— Открою тебе напоследок секрет. Ты здорово помог мне. Я не купец. Я консул — бронзовик. Моей задачей было разведать тайны Серебряного города и пути к нему. С твоей помощью я справился с этим делом. Через семь дней наше войско переправится через Змеиный ручей и нападет на Серебряный город. Ты мог бы отомстить своим врагам.

— У меня нет в этом городе врагов. У меня был друг, оказавшийся врагом. Но он был.

Калгум усмехнулся.

— Понимаю. Советую тебе не задерживаться в Золотом городе. Не исключено, что вскоре начнется большая война и ты не сможешь выбраться из Подземного мира.

— Спасибо за совет. И прощай.

— До свидания, скиф! — ответил Калгум.

Они уже разъехались, когда Калгум повернулся вслед удаляющемуся всаднику и крикнул:

— А все же я не понимаю эту девчонку!

«Если б я ее понимал», — подумал Скилл.

Если б кто-то вас понимал!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Медные трубы

Тюрьма Золотого города не отличалась особыми удобствами. Камера три шага на четыре. В одном углу куча тряпья, заменяющая постель, в другом — глиняный сосуд для отправления естественных надобностей. Было прохладно, из сосуда порядком воняло, но мерно шагавший из угла в угол Скилл не мог не признать, что судьба не раз забрасывала его в места куда хуже этого. Взять к примеру каменный мешок в тюрьме тирского тирана Протагора. Ни встать, ни лечь, ни повернуться, ужасная жара — тюремщики раскаляли застенок с помощью специально вмурованных в кладку труб, по которым подавался горячий воздух. Это было действительно испытание! Скилл вряд ли бы выдержал его более пяти дней, но, к счастью, верные друзья подкупили тюремщика и сумели вызволить пленника на свободу. Тюремщик бежал вместе с ними. Он оказался неплохим парнем. Как же его звали? Кажется, Диан. Спустя месяц отряд попал в засаду и потерял многих. Уходя от погони, Скилл проскакал мимо трупа Диана. Бедняга был истыкан стрелами как дикобраз.

Нет, решительно тюрьма Золотого города была не самой худшей на памяти Скилла.

Скиф бросил ходить и устроился на куче тряпья. Достав из кармана кусок лепешки, он какое-то время рассматривал его, потом принялся за еду. Запивая черствый хлеб водой из глиняного черепка, Скилл размышлял.

Попался он весьма глупо. Ускользнув от мыдников, позволил себе чрезмерно расслабиться и спохватился лишь тогда, когда на него смотрели с десяток луков. Сопротивляться в данной ситуации было бессмысленно. Скиф покорно дал себя разоружить, после чего ему связали руки и под конвоем доставили в Золотой город.

Чурбаны-стражники даже не выслушали требований пленника насчет аудиенции у одного из стратегов. Вместо этого они бросили Скилла в камеру и совершенно забыли о нем. Трижды в день огромный глухонемой тюремщик приносил заключенному лепешку и кувшинчик с водой. Поначалу скиф рассчитывал подкупить своего стража, затем стал подумывать о том, чтобы убить его. Но первое было обречено на неудачу ввиду глухоты местного цербера, а также отсутствия в данный момент денег. Напасть же на тюремщика Скилл не решился, трезво оценив его габариты и свои возможности. Плечи охранника были втрое шире плеч Скилла, руки и ноги напоминали рельефные колонны, а рожей он походил на знаменитого разбойника Прокруста и не менее знаменитого Синида вместе взятых.

Поэтому Скилл оставил мысль о возможности бегства и стал

покорно дожидаться решения своей участи, утешая себя напоминаем о том, что не сделал ничего дурного жителям Золотого города.

За ним пришли лишь на седьмой день. Два дюжих, облаченных в медные с позолотой доспехи молодца подхватили Скилла под руки и поволокли по мрачному подземному тоннелю. Скиф вежливо поинтересовался: куда и зачем. Ему не ответили. Расспросы стали более настойчивыми. Стражники молчали, словно объевшиеся пшеничной трухи рыбы. Тогда Скилл вслух предположил, что они немые и вновь никакого ответа. Разозлившись, пленник бросил:

— Ребята, да вы никак придурки! И как вам только доверили эти большие ржавые ножики, что болтаются у вас на задницах? Или у вас так принято — набирать войско из идиотов?

Результат был тот же — глухое молчание. Скиф напряг мозги, пытаясь придумать очередную гадость, но в этот момент они пришли. Пленника поставили в известность об этом весьма своеобразным способом. Воин, что держал его правую руку, въехал кочевнику под дых, а его товарищ отвесил такого пинка, что скиф отворил головой сразу две двери и шлепнулся на пол.

— Ну хоть не глухие, — пробормотал он, поднимаясь на ноги и осматриваясь.

Увиденное ошеломляло. Скилл даже ущипнул себя за ногу, чтобы убедиться, что не грезит. Стены комнаты, в которой он очутился, были сплошь увешаны оружием. Сотни, нет, пожалуй, тысячи образцов разного рода орудий убийства — кемтские и ассирийские боевые топоры, кельтские цельты и парсийские секиры, парфянские копья и латинские пилумы, римские, эллинские и сирийские мечи, парсийские и индские сабли, причудливо выгнутые крисы, булатные аравийские клинки, сотни щитов: круглые и продолговатые, огромные латинские, эллинские пельты, восточные с торчами, лук из буйволиного рога, доспехи и шлемы всевозможных форм и расцветок. Раскрыв рот от восторженного изумления, Скилл рассматривал все это великолепие. До его сознания не сразу дошло, что некто обращается к нему.

— ...нравится. Сразу видно настоящего воина.

Уловив лишь окончание фразы, Скилл обернулся к стоявшему у стола человеку: властный взгляд и висящий на поясе меч в простых потертых ножнах, не оставляли сомнения, что главное занятие его — война. Человек не стал тянуть время пустыми разговорами, а сразу перешел к делу.

— Я отец-стратег Золотого города Ренелс. Твое имя мне известно. Ты скиф Скилл, победивший дракона и призраков Серебряного города.

— Об этом мне можно было сообщить еще семь дней назад, — желчно заметил Скилл.

— Не спеши. Всему свое время. И не ставь свою персону

слишком высоко. Если бы ты мне не понадобился, то сгнил бы в камере Железного каземата, так и не увидев солнца.

— Зачем же я понадобился вашему золотому величию?

Не обратив ни малейшего внимания на дерзкий тон пленника, стратег сказал:

— Вчера я получил донесение, что войско Бронзового города переправилось через Змеиный ручей и напало на Серебряный город.

— Тебя это сильно волнует?

— Да. Земли Серебряного города входят в сферу наших интересов. Мы не можем допустить, чтобы ими владели бронзовики.

— Понятно. — Не спрашивая разрешения, Скилл сел в кресло, закинул нога за ногу. — А при чем здесь я?

— По имеющимся у меня данным вторжением руководит консул Калгум, незадолго до этого посетивший Серебряный город под видом купца. Я имею информацию, что ты неоднократно встречался с Калгумом.

— Допустим, — не стал отрицать Скилл. — И что же?

— Мне необходимы все сведения, касающиеся Калгума.

Скиф наморщил лоб.

— А если я откажусь их дать?

— В пыточном застенке уже тлеют угли, — спокойным тоном сообщил стратег Ренелс.

— Понял. — Перспектива оказаться в руках заплечных дел мастеров мало устраивала Скилла. — Я согласен дать любые интересующие ваш город сведения. Но сначала я хочу кое-что узнать.

Стратег презрительно скривил губы.

— Слушаю тебя.

— Что будет со мной после того, как я расскажу о Калгуме?

— Твою участь решит военный совет. Если будет доказано, что ты прибыл сюда с дурными намерениями, тебя казнят...

— А если это не удастся доказать?

— Тебя вернут в тюрьму.

Скиф возбужденно вскочил со своего места.

— Но почему? Что я сделал дурного? Я лишь хотел проехать через ваш город!

— Совет даст оценку твоим поступкам. Но если ты ни в чем не виноват, тебе не о чем беспокоиться.

— Почему же в таком случае я должен вернуться в тюрьму?

Отец-стратег сделал нетерпеливый жест; было видно, что его очень раздражает бестолковость скифа.

— По городу объявлено гроз-положение. Мы не можем отпустить на свободу человека, проникшего в наши тайны.

— О каких тайнах ты говоришь? — разозлился Скилл.

— Ты видел вооружение наших воинов, подземный ход, соединяющий тюрьму и мой дворец. Этого вполне достаточно.

— Но я никому не расскажу! Я сегодня же покину город. Мне надо в верхний мир.

— Никто не может покинуть город без моего разрешения! — веско произнес Ренелс. — И хватит об этом, иначе тебе придется познакомиться с калеными щипцами.

— Ну ладно, — внезапно пошел на попятную Скилл. — Дэв с ним, пусть будет тюрьма. Я отказываюсь говорить до тех пор, пока меня не накормят. Я уже семь дней сижу на воде и хлебе.

— Хорошо, — немного подумав, сказал стратег. — Я распоряжусь.

Ренелс хлопнул в ладоши. В дверях появился одетый в кожаный доспех воин.

— Обед на двоих. Три блюда, — коротко бросил стратег.

Не говоря ни слова слуга исчез. Ренелс взглянул на Скилла.

— Откуда ты знаешь Калгума?

— Я не буду отвечать ни на один вопрос до тех пор, пока не поем, — твердо заявил Скилл.

Стратег нахмурился.

— Вижу, ты упрям. Как бы мне этого не хотелось, но тебе все же придется познакомиться с пыточным застенком.

Скиф молчал. Видя, что пленник намерен начать говорить не ранее, прежде чем наполнит желудок, Ренелс оставил попытки втянуть пленника в разговор. Некоторое время они сидели молча, затем стратег пробормотал:

— Пойду потороплю слуг.

Едва за ним захлопнулась дверь, Скилл вскочил со своего места и бросился к стене с оружием. Более всего его привлекал лук из буйволиного рога. Подобные делали племена, кочующие за Великими восточными горами. Эти луки славились своей меткостью и убойной силой. Стрела, пущенная из него умелой рукой, пробивала за сто шагов бронзовый щит. Имея подобное оружие, Скилл мог бы противостоять целой армии.

Но, увы, к луку не было стрел. Внимание скифа переключилось на другие виды оружия. В конечном счете он остановил свой выбор на парсийском боевом топоре, оба лезвия которого были отточены подобно бритве. Прикидывая вес, скиф перебросил секиру из руки в руку. В этот момент вошел Ренелс.

— Ого! — воскликнул он. — Воин уже вооружился. Разумный выбор! — Последняя фраза относилась к топору.

Скилл быстро прикинул в уме вероятный исход поединка. На его стороне были молодость, быстрота и более длинные руки, которые вкупе с трехфутовым древком должны были заставить противника держаться на расстоянии. Ренелс был более плотно сбит и, вероятно, искушен в поединках. Шансы были приблизительно равны, поэтому стоило рискнуть.

— Сейчас ты дашь мне лошадь, вернешь мое оружие и золото и прикажешь своим людям выпустить меня из города, — процедил скиф сквозь зубы, подступая к стратегу.

Тот усмехнулся.

— Мы поступим иначе. Сейчас ты повесишь топор на стену, и я согласен считать это глупой шуткой.

Но скиф продолжал двигаться вперед. Меч Ренелса с лязгом выскочил из ножен.

Позднее, вспоминая этот день, Скилл признается, что в его жизни не было более короткого поединка. Резко взмахнув топором, он направил его в шею противника. Но стратег непостижимым образом увернулся, после чего ловко стукнул скифа ногой в пах. Взвыв от сильной боли, Скилл согнулся, и в тот же миг секира ласточкой вылетела из его рук, а семидневная щетина ощутила прикосновение стали.

Расхохотавшись, Ренелс не слишком вежливо пнул скифа ногой.

— Иди повесь секиру на место.

На этот раз Скилл не осмелился ослушаться. Едва он успел выполнить приказ Ренелса, как вошли два воина с подносами.

Еда была не слишком изысканной — мясо жестковато, вино водянистое, но это было куда лучше, чем тюремные хлеб и вода. Скилл расправился с обедом в один миг. Стратег ел медленно, то и дело усмехаясь. Наконец и он покончил с едой.

— Итак, — начал Ренелс без всякой паузы, едва успев отодвинуть от себя блюдо, — как ты познакомился с Калгумом?

— Мы встретились в трактире «Сон Аполлона». Он нанял меня в работники.

— Ты нуждался в деньгах? — В голове стратега слышались нотки недоверия.

— Нет. Я решил помочь ему просто так. Кроме того, я рассчитывал, что он расскажет мне о Серебряном городе.

— Ну и что, рассказал?

— Да, но не слишком много.

— При каких условиях вы повстречались во второй раз?

— Это произошло через несколько дней. Я случайно встретил его на улице. Он сказал мне, что собирается оставить город. Я рассказал ему о людях, с какими познакомился, после чего он предложил узнать, что будет делать один из моих знакомых в Городском Совете. Сначала я не хотел, но затем поддался на эти уговоры.

— Твой знакомый оказался сикофантом?

— Кем? — переспросил Скилл.

— Сикофант. Так эллины называют доносчиков.

— Точно! Он называл себя моим другом, а на деле оказался доносчиком.

— Что было дальше?

— Калгум уговаривал меня уехать, но я остался, чтобы отомстить...

Ренелс остановил Скилла движением руки.

— Дальнейшее мне известно. Насколько я понимаю, ты рассказал Калгуму о сикофантах и мыдниках.

— Да.

— Чем он еще интересовался?

— Не знаю. На обратном пути он признался мне, что приезжал в город как разведчик, и вскоре армия бронзовиков пересечет Змеиный ручей и захватит город.

— И ты молчал? — злобно процедил Ренелс. На это Скилл вполне резонно ответил:

— А кто меня спрашивал?

Стратег не пожелал признаться, что совершил ошибку, приказав бросить пленника в тюрьму без допроса, и поэтому оставил эту тему.

— Спасибо, ты помог мне. — Калгум повернулся к двери. — Стража!

— Что ты собираешься делать? — забеспокоился Скилл, наблюдая за появлением двух знакомых костоломов.

— Сейчас ты вернешься назад в тюрьму. Затем твою участь решит военный совет. Если он признает тебя виновным в умышленной передаче секретных сведений врагу, тебя повесят. Если стратеги решат, что ты сделал это непреднамеренно, проведешь остаток жизни в тюрьме.

«Ничего себе перспектива!» — мысленно охнул скиф.

— Еще пару слов, господин стратег! Я забыл упомянуть, что бежал из города через подземный ход.

Заявив это, Скилл выжидательно посмотрел на Ренелса. Судя по выражению лица стратег не слишком поверил словам пленника.

— Не городи чушь! Я прекрасно знаю, что ты выехал из города вместе с Калгумом.

— Совершенно верно. Но это было утром. А ночью я покинул город по подземному ходу.

Брови Ренелса недоуменно поползли вверх.

— Ничего не понимаю.

— Опасаясь мести мыдников, я бежал из города той же ночью, а наутро был вынужден вернуться, чтобы забрать свои вещи. — Скилл надеялся, что его версия звучит более-менее правдоподобно.

— Допустим... — Ренелс заинтересовался. — Но откуда ты узнал про этот ход?

— Откуда? — Скиф еще не успел придумать, откуда, но — выручай, смекалка! — О нем мне рассказал предатель Менандр.

— Но разве ты не убил его?

— Убил, но после того, как он показал мне этот тоннель.

— Что ж, возможно, ты не лжешь. Мне с самого начала было непонятно, как мыдники упустили тебя из своих рук. Где начинается этот ход и куда ведет?

Отец-стратег, похоже, был склонен поверить, у Скилла забрезжила надежда на спасение.

— Вход в подземный тоннель находится в белом храме Апол-

лона. Он замаскирован гранитной плитой. Подземный ход ведет через весь город и выходит в лощину.

— Где эта лощина?

Скилл усмехнулся, обретая уверенность.

— Было темно. Кроме того, у меня был проводник, и я не испытывал особой нужды запоминать это место. Конечно, я помню кое-какие ориентиры. Вне всякого сомнения, доставь вы меня к стенам города, я без труда найду эту лощину.

Стратег испытующе взглянул на пленника.

— По-моему, скиф, ты просто хочешь бежать.

— Конечно, хочу, — не стал отрицать Скилл. — Но подземный ход действительно существует.

Стратег снял со стены изящный малайский крис, провел пальцем по его волнистому лезвию.

— Ну что ж, я сыграю в предложенную тобой игру. Ставкой в ней будет твоя жизнь. Твоя жизнь...

Солнце играло. Оно прыгало с золоченых шишаков шлемов на острия копий, падало на нагрудные зерцала и с разбегу ударялось в щиты. Оно вносило струю грозного оживления в ряды воинов, мерно шагающих по дороге. Солнцу были неведомы превратности войны, оно обожало острую бронзу и медь, оно играло.

Стоя на вершине холма, Скилл наблюдал за тем, как золотисто-огненная змея, лязгающая металлом и ощетиненная остриями копий, вползает в лощину. Войско Золотого города выступило в поход. Три тысячи закованных в звонкую медь копейщиков, лучники и пращники, вооруженные двуручными мечами витязи и, наконец, закованные в непробиваемую броню всадники-катафракты — ударная сила войска.

Облаченная в металлическую перчатку рука Ренелса коснулась плеча Скилла.

— Вперед! — негромко приказал стратег, трогая лошадь с места. Кавалькада всадников, среди которых, кроме Ренелса и Скилла, было восемь стратегов, а также вестовые и телохранители, спустилась с холма и, обгоняя мерно шагающую пехоту, устремилась к виднеющимся вдалеке башням Серебряного города.

Плохо обученная лошадь Скилла шла ломким наметом. Невольно подпрыгивая в седле, скиф косился в сторону скачущего неподалеку Ренелса. Еще три-четыре мили, и они будут у стен города. И тогда стратег потребует показать подземный ход. Как только он убедится, что ход существует лишь в воображении Скилла, он немедленно прикажет отрубить пленнику голову. Скилл живо представил, как один из закованных в броню громил взмахивает мечом... Ах! — И окровавленная голова летит в придорожную канаву.

Скиф нервно передернул поводья. Кандалы на его руках звякнули. Скакавший впереди всадник обернулся, ощерил здоровенные зубы и рванул за веревку, которая была опутана вокруг пояса Скилла, с такой силой, что пленник едва не вылетел из седла.

Обогнав колонну пеших воинов, всадники выскочили на рав-

нину. Со стороны города появился машущий руками гонец. Через несколько мгновений он осадил коня перед Ренелсом и сдавленно выкрикнул:

— Наш отряд попал в засаду и был изрублен! Вражеское войско выстраивается для битвы!

— Болваны! — буркнул Ренелс в адрес дозорного и его погибших товарищей. Собрав вокруг себя стратегов, он начал отдавать приказания. Тем временем дозорный, чья кольчуга была напитана кровью от полученных в схватке ран, медленно сполз с коня на землю. Ни один человек из свиты Ренелса не подумал прийти ему на помощь.

Повинуясь четким приказам отца-стратега, полки стали выстраиваться в боевую линию. Копейщики сомкнулись в стройную шестишеренговую фалангу, перед которой стала цепочка пращников и лучников. Две сотни конных витязей расположились на крыльях, а отряд легковооруженных всадников ускакал к городу на разведку. Отборные части — катафрактов, закованных в стальные доспехи секироносцев и арбалетчиков — стратег оставил в резерве.

Ветер донес рев труб. Войско Бронзового города начало атаку. Ренелс наблюдал за перемещениями противника с помощью волшебного ока, изготовленного волшебниками Таия. Раз в десять лет с востока приходил купеческий караван с редкими товарами — драгоценной посудой, жемчугом, тончайшими шелками. Иногда купцы привозили и волшебное око, преподнося его в дар могущественному владыке Элама, Ассирии, Лидии, Мидии, а позднее Парсы. Именно в дар; купцы наотрез отказывались принять плату, сколь бы высокой она ни была, заявляя, что чудо нельзя купить ни за какие деньги. Именно такое волшебное око было сейчас в руках отца-стратега.

Грозный шум постепенно усиливался. К реву труб примешался мерный рокот бронзы — это воины-бронзовики били в такт шагам мечами по щитам.

Не отрываясь от волшебного ока, стратег приказал:

— Сигнал!

Восемь облаченных в сиреневые плащи воинов приставили к губам трубы. Легкие мощно выдохнули воздух — у-у-у-а-а-у-у! В рядах копейщиков запели флейты, фаланга сделала первый шаг — содрогнулась земля — и направилась навстречу врагу.

Какое-то время был слышен лишь мерный топот да резкие всхлипы флейт, затем воздух дрогнул от дикого крика, и все потонуло в лязге оружия. Тысячи ног взрыли сухую землю, подняв тучу пыли, совершенно скрывшую поле боя.

Мгновения тянулись томительно долго. Стоявшие в резерве воины все заметнее проявляли признаки нетерпения — скорее в бой! Кое-кто из малодушных стал поддаваться панике, вообразив, как из пыльной завесы вот-вот вырвутся тысячи вражеских всадников и их бронзовая стена сметет застывшую у холма кучку бойцов. Волнение становилось все сильнее, стратеги и телохра-

нители переглядывались, лишь Ренелс был совершенно спокоен. Внимательно осмотрев поле битвы, он подозвал к себе двух стратегов. Налетевший порыв ветра помешал Скиллу расслышать отданный Ренелсом приказ, но судя по всему командующий приказал обойти неприятеля с левого фланга. Стратеги стремительно сбежали с холма и повели сверкающие металлом колонны навстречу врагу.

Но, видимо, этих подкреплений оказалось недостаточно, чтобы изменить ход боя. И Ренелс понял это. Внезапно он бросил волшебное око в руки ординарца и погнал коня вниз. Поравнявшись с катафрактами, стратег выхватил из ножен меч. Бронированная стена тотчас же устремилась за своим полководцем. Всадники ворвались в пыльную тучу и исчезли.

Вскоре картина боя начала меняться. На левом крыле, которое было подкреплено двумя отрядами пехотинцев и катафрактами, противник дрогнул и побежал. В центре бой продолжался с переменным успехом, зато справа бронзовики прорвали строй витязей и начали обход неприятельского войска. Сотни полторы всадников ударили в тыл фаланге, столько же устремились к обозу, рассчитывая поживиться офицерским барахлом.

На холме к тому времени осталось не более двух десятков воинов да безоружные обозные. Последние даже не подумали о сопротивлении и тут же брызнули во все стороны. Увидев это, обратились в бегство и большинство всадников, в том числе и стражник Скилла. Скиф, в буквальном смысле слова связанный со своим охранником одной веревочкой, был вынужден последовать его примеру.

Их лошади неслись во весь опор, но преследователи не отставали. Вскоре конь стражника стал задыхаться под тяжестью закованного в доспехи седока. Засвистели стрелы. Скиф, чья спина не была защищена в этот раз достопамятной кольчугой из ткани хомс, зябко поежился. Поравнявшись с охранником, он крикнул:

— Перережь веревку!

Тот выхватил меч и довольно безрассудно попытался снести Скиллу голову. Однако кочевник увернулся, а в следующий миг очутился на чужой лошади. Цепь кандалов опутала стражнику шею, рывок, и он кулем полетел на землю. Почувствовав облегчение, конь прибавил ходу, а Скилл вытащил из висевшего у луки горита лук — свой лук! — и стрелу. К счастью, цепь была достаточно длинна, чтобы позволить рукам натянуть тетиву. Лизнув оперенье стрелы, скиф приладил ее к тетиве, обернулся и выстрелил. Негромкий вскрик — и мимо скифа пронеслась лошадь без всадника. Но топот за спиной не утихал. Скиф обернулся вновь. Очередной преследователь был шагах в тридцати. На нем был роскошный бронзовый доспех, а голову защищал шлем с личиной. Поразить его можно было лишь в одно место — в глаз. Накинув поводья на шею, Скилл развернул корпус и выпустил две стрелы. Первая скользнула по бронзовой личине. Взбе-

шенный всадник поднял голову, и в этот миг вторая стрела вонзилась ему точно в глаз. Выпустив из рук поводья, он вывалился из седла.

Пораженные такой меткостью преследователи решили изменить тактику и захватить Скилла живым. Теперь они целились в лошадь. Несколько стрел отскочили от покрытого бронзовыми пластинами крупа, но одна вонзилась в ляжку. Измотанная долгой скачкой лошадь взбрыкнула и рухнула на землю. Когда Скилл вскочил на ноги, вокруг нее уже гарцевали с десяток всадников. Один из них поднял руку, привлекая внимание Скилла.

— Эй, скиф, корстулг Калгум просит тебя пожаловать в гости!

Скилл медленно опустил лук. Что ж, в его жизни бывали и более лихие повороты...

Лицо Калгума было залито кровью, обильно струящейся из рассеченной брови. Он был слегка подавлен, но не унывал.

— Мы проиграли первый бой, но какая была сеча! Я перехитрил проклятого Ренелса, внезапно бросив в атаку боевых львов. Они совершенно смяли его левый фланг и пробили бреши в фаланге. Но копейщики-золотовики держались хорошо. Хорошо! Мои ребята сколько ни старались, так и не смогли разрезать фалангу надвое. А затем Ренелс неожиданно ввел в бой арбалетчиков, которые в мгновение ока перебили всех львов, а заодно и большую часть моих меченосцев. Естественно, понеся такие потери, мы не смогли выдержать удара катафрактов. Проклятые стальные болваны! Их не берет ни меч, ни стрела. Они вдребезги расколошматили мою легкую кавалерию. Думаю, не уцелел ни один всадник. А, отстань! — Калгум оттолкнул руку лекаря, пытавшегося перевязать рану.

— Да, веселое было дело, — равнодушно согласился Скилл, потирая освобожденные от кандалов запястья. — Как же вы смогли захватить Серебряный город, имея дело с мыдниками?

Калгум пренебрежительно махнул рукой.

— Что они стоят, твои мыдники! Они могут лишь убивать безоружных. — Консул хитро осклабился. — Скажу тебе по секрету, я придумал маленькую хитрость. Мои воины несли с собой мешочки с толченым мелом. Как только мыдники напали на передовой отряд у городских ворот, они дружно бросили мел перед собой. Ха! И мыдники тут же стали видимыми и их изрубили. Оставшиеся в живых попрятались кто куда и не смеют высунуть носа!

— Голова! — искренне похвалил Скилл.

— Еще бы! А архонтов из Городского Совета я приказал повесить на крепостных зубцах. Они так и висят по порядку: толстый, средний и тощий. Ха-ха!

Скилл внимательно посмотрел на Калгума и изумился перемене, происшедшей с этим человеком. Всего несколько дней назад он был тихим неприметным купцом. Теперь же перед ним сидел грубый, туповатый, самодовольный солдафон, чья глотка истор-

гала неприлично громкое ржанье. Нет, власть определенно не пошла на пользу Калгуму. Скиф вздохнул и спросил:

— Ты случайно не знаешь, как поживает Лаоника?

— Да на кой тебе сдалась эта девка! Выбирай любую!

— Спасибо, — поблагодарил Скилл. — Меня вполне устраивает и эта.

— Ну как знаешь! Не обращай внимания... Может быть, я говорю немного несвязно. Не обращай внимания. Я возбужден. Проклятый секироносец! Он все-таки пробил мой шлем. Но ничего, мой меч проткнул его шею насквозь! Вот это дело! Вот это я понимаю! Ты должен понять меня, ведь ты воин. А воин живет войной. Наконец-то наши мечи окрасились в алый цвет! Ах, какое это наслаждение выкупать свой меч в горячей крови! Я бы мечтал...

Скиллу надоело слушать откровения консула, он встал.

— Ты куда?

— Пойду проведаю Лаонику.

— Влюбленный глупец! — захохотал Калгум. — Ну ладно, возьми в той суме пару золотых побрякушек. Подарок ей от меня. — Скиф не стал возражать и выбрал два изящных золотых браслета. — Эй, когда вернешься, я рассчитываю на твой лук!

Ничего не ответив, Скилл вышел наружу.

Он шел по улицам и не узнавал Серебряного города. Словно чья-то враждебная рука стерла его чарующую магию. Большинство храмов и дворцов были разрушены, статуи сброшены с постаментов, дома зияли пожарищами. Кое-где валялись изуродованные трупы горожан. Время от времени попадавшиеся навстречу Скиллу патрули бронзовиков почтительно пропускали скифа, о подвигах которого были немало наслышаны.

Почти дойдя до дома покойного Менандра, Скилл вдруг вспомнил, что не знает, где живет Лаоника. Он ведь ни разу не был у нее в гостях.

— Ладно, будем надеяться, что у Менандра попадется кто-нибудь из знакомых, — пробормотал Скилл и ускорил шаг.

Так оно и вышло. Едва успев войти, Скилл заметил Герона, прыгнувшего при его появлении в одну из дверей. Скилл догнал кифариста и после недолгой борьбы и пары увесистых затрещин извлек его на свет.

— Привет! — сказал он как можно дружелюбней.

— А... Здравствуй, — пробормотал Герон, с ужасом поглядывая на лук, висящий за спиной Скилла. — Ты не убьешь меня?

— Если есть за что — убью! — пошутил скиф и тут же пожалел о сказанном, так как Герон рухнул на колени и, причитая, стал целовать руки кочевника.

— Встань, встань... — Скилл тщетно пытался поднять испуганного кифариста на ноги. Наконец это занятие ему надоело, и он рявкнул:

— А ну, встань!

Герон поспешно вскочил.

— Что ты здесь делаешь?

— После смерти Менандра Совет подарил мне этот дом.

Скилл скривил губы.

— С условием, что ты станешь новым доносчиком?

— Да, — потупив взор, признался Герон.

— Ладно, не тушуйся! Меня это уже не касается. Скажи мне, где живет Лаоника.

Герон вздрогнул и начал тихонько пятиться от Скилла.

— Ты что?

— Я ... этого не знаю.

Скилл в два шага догнал намеревавшегося пуститься в бегство кифариста.

— Лжешь! Говори, иначе я вытрясу твою трусливую душонку!

— Пусти! — Герон стал белее горного снега.

— Говори правду, что с ней?!

— Ее убили. — Слова эти дались трусу нелегко. Он обмяк, колени дрожали.

— Кто? — спросил Скилл мгновенно охрипшим голосом.

— Бронзовики. Захватив город, они принялись измываться над жителями. Многие пострадали. Особенно девушки. Солдаты хотели изнасиловать ее, она сопротивлялась, тогда они закололи ее мечами.

— А ее парень?! — почти закричал Скилл.

— Он струсил и убежал.

— А-а-а! — Завыв, Скилл повернул лицо к зеленому небу. — Проклятый город! Проклятые люди! Будь проклят этот мир!

Затем он замолчал. И молчал довольно долго. Герон стоял рядом, боясь пошевелиться. Наконец скиф пришел в себя.

— Иди, — сказал он Герону. — Не бойся. Я тебе ничего не сделаю. Если найдешь время, помяни Лаонику.

Едва сдерживая рыдания, Скилл быстро зашагал прочь от дома Менандра.

Именно в этот момент начался штурм города. Атакующим не пришлось брать стены приступом. Подземный ход все же существовал, хотя и вел не в храм Аполлона. Один из сикофантов выдал эту тайну Ренелсу. Не долго думая стратег отправил под землю своих испытанных секироносцев. Те прорубились к городским воротам и распахнули их.

В город хлынули катафракты, а за ними толпы копейщиков, арбалетчиков и витязей. Оборонительные линии бронзовиков были прорваны, на улицах разгорались жаркие стычки.

Скилл повернул за угол и застыл, будто налетев на каменную стену. Посреди улицы двигался отряд катафрактов. Заметив вооруженного человека, всадники заорали и повернули коней к нему.

Их было восемь. Скиф выпустил двенадцать стрел, прежде чем последний катафракт рухнул на землю. Полюбовавшись результатами своей работы, Скилл извлек стрелы и направился к зданию Городского Совета. По дороге ему не раз приходилось

вступать в стычки. Он убивал всех, не разбирая, бронзовик или золотовик преградил ему путь. Несколько раз по нему стреляли арбалетчики. Скипп снял стрелами двоих, с удивлением обнаружив на одном из врагов свой панцирь, в который немедленно облачился.

По мере приближения к центру города встречалось все больше и больше трупов. Враги лежали в разных позах с жутко оскаленными лицами. Чего стоил лишь один бронзовик, рухнувший рядом с поверженной статуей Зевса. Удар двуручного меча расколол его голову надвое, забрызгав мостовую розовым месивом мозгов. Зрелище не для слабонервных!

Вот, наконец, и Городской Совет. Отодвинув ногой лежащего у дверей мертвеца, Скилл прошел внутрь. В комнате, которая была некогда стражницкой, яростно рубились три воина. Раненый в руку и шею бронзовик из последних сил сопротивлялся натиску двух врагов. Свистнула стрела, и один из них рухнул на пол. Спустя мгновение за ним последовал и второй. Бронзовик вытер со лба смешанную с потом кровь.

— Спа..!

Он не договорил. Третья стрела пронзила ему шею.

— Вот так-то лучше, — пробормотал Скилл и шагнул в следующую залу.

Комната эта напоминала бойню. На мраморном полу, щедро политом кровью, валялись два десятка трупов. По разные стороны длинного стола, за которым некогда решали дела архонты, стояли Калгум и Ренелс. Оба тяжело дышали. Из многочисленных ран сочилась кровь. При появлении Скилла враги оживились.

— Скилл! — заорал Калгум. — Пристрелили этого ублюдка!

Ренелс предложил то же самое относительно своего противника, пообещав:

— Убей его! Получишь свободу и столько золота, сколько сможешь унести!

Скилл усмехнулся.

— Свободу я уже получил, золото мне не нужно, убил я достаточно. И еще: знаешь, Калгум, твои воины убили Лаонику.

— Мне очень жаль, Скилл! Поверь, мне очень жаль! — Консул перевел ненавидящий взгляд с Ренелса на скифа.

— Твою жалость не положишь в карман, — заметил кочевник. — Я не буду вмешиваться в ваш спор. Пусть победит сильнейший.

— Предатель! — заорал Калгум.

Отец-стратег промолчал. Его этот вариант вполне устраивал.

В этот момент в залу ворвался бронзовик с мечом в руке. Скилл мгновенно свалил его наземь. И тут же Ренелс напал на своего противника. Калгум был настороже и парировал первый удар, но стратег ловко повернулся вокруг своей оси и рубанул бронзовика по боку. Доспех лишь частично смягчил удар, по обшитой бронзовыми пластинами юбке заструился тонкий ручеек крови.

Стремясь развить свой успех, стратег удвоил усилия. Калгум отражал его удары, но все более неуверенно. Было заметно, что силы оставляют его. Внезапно он решился на отчаянный шаг и с криком бросился на противника. Направленный наобум меч рассек левую руку Ренелса, и в тот же миг Калгум захрипел и, обмякнув, осел на пол.

Ренелс вырвал меч из живота бронзовика и повернулся к Скиллу.

— Ты не мешал мне, и я сдержу свое обещание. Ты свободен. Бери золото, сколько влезет, и выметайся из города.

— Мне не нужно золото, — ответил скиф и поднял лук.

— Так значит ты решился воспользоваться своим преимуществом! Благородно!

— Так же как воспользовался бы и ты, дерись мы на мечах.

— Но я ранен и утомлен поединком. Шансы равны. — Скилл молчал, не опуская лука. — Позднее ты будешь корить себя за то, что струсил и предпочел убийство честному поединку.

— Будь по-твоему... — процедил Скилл, ловясь на провокацию Ренелса. Он приставил лук к стене. В ладонь легла рукоять меча.

Противники начали сходиться.

— Что-то ты сегодня осторожен, сопляк, — ухмыльнулся стратег, желая раззадорить Скилла. — Прошлый раз ты был более прыток.

Скиф молчал. Мелкими шажками он стремительно двигался вокруг Ренелса, пытаясь прижать его к стене. Но стратег внимательно следил за его перемещениями и ловко уходил из невыгодных положений. Наконец Скилл потерял терпение и атаковал. И едва не поплатился жизнью. Длинный меч Ренелса просвистел над его головой, срезав прядь волос.

Стратег наигранно захохотал.

— Должно быть, ты желаешь, чтобы я обрил твою голову!

Не отвечая, Скилл напал вновь. На этот раз он сделал ложный выпад, и Ренелс попался на эту удочку. Его меч клюнул в пустоту, и в тот же миг клинок Скилла срубил стратегу часть челюсти.

Взревев от ярости и боли, Ренелс бросился на врага. Но ярость — плохой советчик. Скилл вновь ушел от удара и рубанул стратега по шее. Фонтаном брызнула кровь. Любой другой, получив подобную рану, рухнул бы замертво, но Ренелс устоял. Хрипя и шатаясь, он вновь пошел на Скилла. Лицо стратега было страшно, длинный меч описывал стремительные круги. Под сердцем у Скилла захолонуло от предчувствия близкой гибели.

Не сводя глаз со сверкающего круга, рисуемого клинком Ренелса, Скилл пятился назад, пока не уперся спиной в стену. Ренелс приближался. Из его ран хлестала кровь, глаза были безумны. Еще шаг, еще... Скилл сделал выпад, но Ренелс с непостижимой легкостью отразил удар и выбил меч из рук скифа. Вот и все. Скилл невольно закрыл глаза.

Крик и падение тела.

Скиф ущипнул себя, проверяя, он ли это или душа, повторно призванная в Чинквату. Это явно был он. Тогда Скилл решился открыть глаза.

Ренелс лежал на полу. Здоровенный рыжебородый бронзовик извлекал из его головы меч.

— Ну и силен, — уважительно протянул он в адрес Ренелса, заметив, что скиф оправился от испуга. — Такие раны, а он еще мог драться!

Скиф молча кивнул головой. Подняв с пола меч, он сунул его за перевязь. Затем взял в руки лук.

— Спасибо, приятель!

— Сочтемся! — Бронзовик деловито сдирал кольцо с пальца отца-стратега.

— Ты должно быть хорошо повеселился с девочками, когда попал в город?

— Еще как! — буркнул бронзовик, не отрываясь от своего занятия.

— Тогда извини.

— Что значит: извини?

Удивленный бронзовик поднял голову. Беспощадная стрела вонзилась ему точно в рот.

Сочлись!

Отведя глаза в сторону, Скилл поспешно вышел из залы.

Бои на улицах почти повсеместно прекратились. Враждующие армии истребили друг друга. Лишь изредка звенели мечи да галопом пролетал по мостовой чудом уцелевший катафракт.

Скилл поймал лишившегося хозяина коня, прыгнул в седло и поскакал прочь из Серебряного города. Никто не остановил его, никто не попытался напасть.

На поле битвы стонали раненые львы.

Он гнал коня всю ночь. Под утро он въехал в Золотой город, не отказав себе в удовольствии сообщить городской страже, что войско Ренелса полегло в битве и бронзовики скоро будут здесь.

К полудню скиф достиг горы, за которой была дверь в верхний мир. Здесь дорогу ему преградили двадцать закованных в белые доспехи воинов, потребовавших:

— Плата за проезд!

— Сколько? — спросил Скилл, с ужасом обнаруживая, что не догадался захватить с собой ни единой монетки.

— Жизнь!

Скиф захохотал.

— И вы туда же?!

Его рука привычно нащупала стрелу, воины извлекли из ножен блестящие мечи.

— Остановитесь!

Крик шел сверху. Скилл поднял голову. На скале стоял Ариман.

— Пропустите его! — велел он стражникам, и те послушно расступились.

Ариман терпеливо ждал, пока скиф поднимется наверх.

— Тощий как борзая, быстрый словно аргамак, меткий как ястреб, сердцем подобный льву. Именно таким должен быть настоящий воин! Немудрено, что ты смог продраться сквозь все препоны. Скиф Скилл, ты справился с назначенным испытанием и вправе выбрать место, куда хочешь перенестись. В Парсу? В Скифию?

— В Заоблачные горы! — ответил скиф, дерзко глядя в глаза Ариману. Он впервые видел злого бога столь близко. От фигуры Аримана веяло неестественной силой.

— Упрямый человечишко! Я могу дать тебе горы золота, сотни самых прекрасных наложниц, табуны лучших коней, бессмертие, наконец. Все, что ты пожелаешь! Ну ответь мне, зачем тебе Тента и Черная стрела?

— Ветер, — поправил Скилл. — Его зовут Черный Ветер. Они мои друзья и хотят быть со мной.

Ариман покачал головой.

— Ошибаешься.

— Ты мне надоел — заявил Скилл, положив руку на лук. — Я хочу очутиться в Заоблачных горах!

Внезапно Ариман исчез, а через долю мгновенья его фигура нависла над Скиллом.

— Если б ты только знал, как мне хочется оторвать твою глупую голову! Но, увы! Даже мы, боги, вынуждены играть по определенным правилам.

Бог тьмы сложил вместе ладони. Перед скифом возник проход. Стены его, казалось, были сотканы из клубов дыма, далеко впереди виднелись силуэты гор.

— Прошу! — Ариман указал рукой перед собой. — Заоблачные горы!

Памятуя о том, с какой легкостью бог тьмы однажды вытащил его из пространства и забросил в Чинквату, Скилл осторожно двинулся к проходу.

— До свидания, — сказал Ариман.

— До с к о р о г о свидания! — ответил Скилл и решительно шагнул вперед.

Сверкнула яркая вспышка, и в глазах Скилла потемнело. Когда же тьма рассеялась, скиф обнаружил, что стоит на небольшой скалистой прощадке. Прямо под ним вился бурный поток. А над головой светило б е л о е солнце.

— Здравствуй, солнце!

А далеко отсюда на пересечении миров маг Заратустра говорил дремлющему льву:

— **Я люблю того, кто свободен духом и свободен сердцем: ибо его голова есть лишь внутренность его сердца, но сердце влечет его к гибели.**

И лев, смиренно лежавший у ног мудреца, зевнул, посмотрел на солнце и улыбнулся.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Заоблачные горы

Заоблачные горы были одним из самых неприметных мест на земле. Лишь пески Говорящей пустыни или Тсакума могли поспорить с ними в своей ненависти ко всему живому.

Огромные хребты, сложенные из иссеченного горными ветрами и временем песчаника чередовались с черными мраморными пиками, пронзавшими облака. Отвесные склоны прорезали каньоны стремительных ледяных рек, в которых не водилась даже мелкая рыбешка. Куда ни кинь взгляд, лишь голые скалы, увенчанные синими шапками льда. Изредка попадались высокие стволы арчевника и поросли стланика, дававшие приют мелким пичугам и насекомым.

Найти здесь пищу и тепло было чрезвычайно трудно. Скилл питался съедобными травами, от души благодаря гирканского знахаря, научившего его различать пригодные в пищу растения от ядовитых. Однажды ему удалось убить зазевавшегося тушканчика, и он рвал сырое мясо зубами, вливая в себя не только живительные соки, но и тепло, которого так недоставало в этих суровых горах.

К исходу третьего дня бесплодных блужданий Скилл заметил меж двумя хребтами несколько крохотных вьющихся дымков. Там были люди, а кто они — враги или друзья, — не имело в данный момент особого значения. Силы Скилла были на исходе, ему требовались пища и теплый кров. Заставляя шевелиться замерзшие непослушные ноги, скиф побрел к селению.

Он был уже недалеко от желанной цели, когда на перевале на него напал снежный барс. Зверь был невероятно тощ, должно быть, он совершенно ошалел от голода, раз отважился охотиться на человека. Скилл не успел снять лук и был вынужден орудовать мечом. Получив два удара по голове, барс затих. Превозмогая отвращение, Скилл напился теплой крови, перемотал оцарапанную зверем руку обрывками халата и направился дальше.

К селению он подошел совершенно обессиленный. Это был небольшой аул — полтора десятка крохотных глиняных мазанок и капище какого-то мерзкого идола. На припорошенной мелким снежком тропинке, что вела к ближайшему дому, лежало неподвижное тело.

«Дело рук Аримана» — почему-то решил скиф. Он подумал об этом чисто механически. Медленно подойдя к трупу, Скилл перевернул его на спину. Внезапно «труп» открыл глаза и заголосил:

Я скачу по равни-не!
Ветер хлещет мне в спи-ну!

Едва человек раскрыл рот, Скилл мгновенно отскочил в сторону и выхватил акинак, но, разобрав смысл беспорядочных

воплей, расхохотался. То были строки из песни разбойников-киммерийцев. Судя по тому, что незнакомец допился до такой степени, что не смог вернуться в дом, это точно был киммериец. О том же говорили замутненные вином, но все же стальные глаза и нечесанная копна длинных черных волос.

Откуда только силы взялись! Посмеиваясь, Скилл приподнял пьяницу.

— Куда?

Киммериец благосклонно принял помощь и ткнул пальцем в один из ближайших домов.

— Кажется, туда!

Пошатываясь, они потащились вперед и ввалились в теплое нутро жилища.

Веселье было в полном разгаре. Половина пирующих уже валялась в беспамятстве, остальные продолжали опустошать огромные глиняные кубки. Гуляки не обратили на вошедших никакого внимания. Лишь один, горланивший непристойную песню, повернулся к Скиллу и, умолкнув, так и остался сидеть с открытым ртом. Лишь когда Скилл свалил своего невменяемого проводника на пол, киммериец нашел в себе силы очнуться и издать вопль:

— Скилл!

— Твои глаза не обманули тебя, Дорнум!

Киммерийцы — те, кто еще могли стоять на ногах, — радостно крича, бросились к скифу. Ему пришлось вынести немало мощных объятий и дружеских шлепков, прежде чем до разбойников дошло, что их гость не слишком уверенно держится на ногах. Тогда они немедленно усадили его на кошму и сунули в одну руку чашу с брагой, а в другую — баранью лопатку. Выждав, пока Скилл утолил жажду и голод, они забросали его вопросами.

— Какими судьбами ты очутился здесь?

— О, это долгая история, — вытирая лоснящиеся от жира губы, ответил Скилл. Он сделал глоток браги и с наслаждением откинулся на мягкий живот одного из спящих разбойников. — Можно провести не один вечер, слушая мой рассказ. И не поверить ни одному слову. И вы будете правы. Поэтому скажу только, что я не в ладах с Ариманом.

— Какое совпадение! — воскликнул киммериец, первым узнавший Скилла. Его звали Дорнум и, как успел выяснить скиф, он был избран разбойниками своим вожаком. — У нас тоже есть претензии к его наичернейшему величеству. После того, как его стражники убили храбрейшего Гатуга, мы поклялись отомстить. И потому мы сейчас здесь, в двух переходах от замка Аримана.

— Тогда, надеюсь, вы примете меня в свою компанию?

— Он еще спрашивает! — Дорнум захохотал, остальные киммерийцы немедленно поддержали своего вожака. — Полагаю, твой глаз не потерял остроту, а рука — твердость?

Скиф задиристо усмехнулся.

— А ваши мечи еще не затупились?

Дорнум от души хлопнул Скилла по плечу.

— Нет! И ты скоро убедишься в этом!

Из дальнейших разговоров Скилл выяснил, что киммерийцы испытали немало приключений, прежде чем добрались до заветной цели. Приятно расслабившись, скиф слушал пьяные россказни этих детей степи, в коих мирно уживались доброта и жестокость, доверчивость и подозрительность, неслыханная щедрость и жадность до золота, бесшабашная храбрость и панический ужас перед сверхъестественным. Киммерийцы были одним из последних народов, сохранивших очарование дикой природы, налет патриархального варварства, которое господствовало в мире, когда еще не было царств и коронованных владык, а были лишь конь, лук да безумная жажда приключений.

От тиренских и парсийских мудрецов Скилл знал древнюю историю киммерийцев, народа некогда великого, а ныне почти исчезнувшего. Много веков назад киммерийцы владели землями у дальней оконечности моря, которое позднее нарекли Эфксинским Понтом. То было сильное и воинственное племя. Черноволосые, мускулистые воины, ведшие свой род от легендарного Конана-киммерийца, были грозой для соседей, опустошая непрерывными набегами Балканский полуостров, Кавказ и Азию.

Но вскоре с дальнего севера пришли племена скифов. Поначалу киммерийцы мирно уживались с пришельцами. Земли хватало на всех, а более делить им было нечего. И те, и другие были степняками, чье добро лишь лук, меч да быстрый конь. Несметные орды киммерийцев и скифов совершали далекие походы на юг, подвергая страшному опустошению цветущие города Армении, Лидии и Парсы. Два столетия назад северные номады напали на могущественное Ассирийское царство, чьи закованные в звонкую медь воины наводили ужас на все восточные страны, вплоть до Кемта.

Ассирийское войско ждало их на равнине, совершенно покрыв землю сверкающей чешуей доспехов. Воеводы издевались над неорганизованными и плохо вооруженными варварами, вознамерившимися сокрушить могучую державу. Но кочевников не смутила грозная мощь бронированных легионов. Неустрашимые дети степей, крепко сидящие на низкорослых лошадках, непрерывно атаковали вражеское войско, осыпая его тучами стрел. В конце концов ассирийцы дрогнули, побежали и были беспощадно изрублены.

Это был триумф боевого братства степных народов. Но вскоре после этого похода отношения между ними ухудшились. Скифский царь Гурр повздорил с киммерийцем Тикулом. Повод был пустячный — они не поделили царевну, полоненную в обращенной в пепел Ниневии. И ладно, если бы эта восточная Елена была хороша собой — и скифы, и киммерийцы позднее в один

голос уверяли, что она была некрасива и невероятно распущена, — но взыграли царские амбиции. Осыпая друг друга оскорблениями, соперники расстались. Когда на небо высыпали звезды, воины Гурра напали на лагерь киммерийцев. Ночной бой был удачен для скифов. Воспользовавшись неразберихой, они перебили множество киммерийцев, в их числе и царя Тикула. Оставшиеся в живых были вынуждены искать спасения в восточных землях.

Недолго думая, изгои решили завоевать соседние королевства, но просчитались. Их осталось слишком мало, и вражеские армии уже не разбегались при одном известии, что идут ужасные «гиммери». Киммерийцы были окончательно разбиты и рассеялись по всему миру. Часть их пошла наемниками в армии восточных владык, другие обосновались в труднодоступных горных районах и занялись разбоем, беспощадно грабя купеческие караваны.

Изгнанные со своих исконных земель киммерийцы ненавидели скифов, мстя им при каждом удобном случае. Но эта неприязнь не распространялась на Скилла, который сам был изгнанником, лишенным племени и родины. Бок о бок с киммерийцами Скилл участвовал во многих набегах, его акинак взлетал в такт с кривыми мечами степняков, а меткий лук не раз отводил беду от зазевавшегося кочевника.

Испытав Скилла в десятках походов и убедившись, что он не задумываясь пожертвует жизнью ради спасения товарища, киммерийцы приняли скифа в свое разбойничье братство. Кровь Скилла была смешана с кровью киммерийских вождей, и отныне Скилл стал кровным братом киммерийцев, делящим с ними все тягости и тревоги.

И теперь их вновь ждало общее дело. Может быть, самое трудное дело в их жизни.

Едва рассвело, отряд двинулся в путь. Скилл скакал рядом с Дорнумом на лошади киммерийца, нелепо погибшего от укуса змеи пару дней назад. С утра у всех гудела голова — сказывались последствия вчерашней попойки, — но к полудню мозги прочистились, и всадники повеселели.

Когда они преодолели один из горных кряжей и выбирали меж двумя дорогами, ведшими в обход высоченного — его вершина терялась в облаках — пика, к Дорнуму подскакал молодой кочевник по имени Ирась, обладавший необычайно острым зрением.

— Атаман, на той горе кто-то живет!

Ирась указывал рукой на ощерившуюся гранитными выступами скалу, но ни Дорнум, ни Скилл решительно ничего не увидели.

— Ты уверен? — на всякий случай спросил Дорнум, хотя знал, что в словах Ирася не стоит сомневаться.

— Я видел человека, несущего на плече овцу.

Дорнум задумчиво перебрал поводья и тронул коня.

— Поедем посмотрим.

Взобравшись на гору, они обнаружили пещеру. Перед входом в нее был разложен небольшой костерок. Кочевники спешились. Цокот копыт и бряцанье оружия привлекли внимание хозяина.

Из пещеры вышел облаченный в белый халат жрец. Волосы его были седы, рот прикрывала белая повязка. В целом жрец походил на помешанный на белом цвете призрак. Увидев, что один из воинов присел у костра, согревая озябшие руки, старик заволновался. Он подбежал к Дорнуму, определив по посеребренной сабле, что это предводитель, и стал быстро бормотать, возмущенно указывая на сидящего у костра разбойника. Дорнум беспомощно повел головой.

— Чего ему надо?

Стреноживая лошадь, Скилл ответил:

— Он просит, чтобы твой человек не осквернял дыханием огонь. Это жрец Ахурамазды.

— Ну об этом я догадался и сам, — протянул киммериец. Он обернулся к сидящему у костра.

— Эй, Борвс! Отойди от огня!

— Почему, атаман?

— Это не нравится старику.

Обозленно сплюнув, воин поднялся. Плевок вызвал еще большее негодование жреца. Яростно жестикулируя, он вновь что-то забормотал.

— Что он хочет на этот раз?

— Он говорит, что это великий грех — осквернять слюной землю.

— У, дэв его побери! — Дорнум с уважением посмотрел на скифа. — И откуда ты только знаешь этот язык?

Скилл к тому времени стреножил коня и разминал затекшие ноги. Массируя голени, он сказал:

— Это язык арахозов. Мне как-то довелось провести в их краях почти три луны. Стрела пробила мне бедро. Валяясь в постели я волей-неволей прислушивался к бормотанию хозяев.

— Тогда поговори с ним. Спроси, знает ли он, где замок Аримана и какого дэва он здесь делает.

Пока киммерийцы отводили коней на ближайшую полянку, скиф быстро перемолвился с жрецом. Узнав все, что нужно, он подошел к Дорнуму.

— Он отшельник. Не знаю как, но Ариман терпит его присутствие здесь. Этот божий одуванчик возносит свои молитвы Ахурамазде, тщательно следя, чтобы ненароком не осквернить огонь или воду своим дыханием. Жрец уверяет, что владения Аримана начинаются сразу за Кривым ущельем, а до замка еще день пути.

— У него найдется чем перекусить?

— Да, он предлагает накормить нас ячменной кашей.

Дорнум недовольно скривился.

— А куда же подевался ягненок, которого видел Ирась?

— Ягненок будет принесен в жертву Ахурамазде.

Киммериец, как и все его соплеменники бывший очень неравнодушным к мясу, возмутился.

— Какой, однако, обжора этот Ахурамазда!

— Не говори так о боге! — приняв шутливо-испуганный вид, воскликнул скиф.

Дорнум пренебрежительно махнул рукой. Затем он немного подумал и сказал:

— Ну каша так каша. Не подыхать же с голоду! Когда она будет готова?

— Как только мы принесем дрова и воду, — ответил Скилл и рассмеялся, слушая яростные ругательства Дорнума.

Дрова и воду принести, однако, пришлось. Вскоре на краю поляны, где паслись лошади, запылал яркий костерок, а немного спустя кочевники ели недоваренную и несоленую кашу.

— Что ж вы хотите, пища отшельника, — ответил жрец Скиллу, когда тот перевел ему стенания киммерийцев. Сам он не притронулся к пище и так и не открыл своего лица.

Погасив костер, ворчащие киммерийцы седлали лошадей. Вскоре отряд продолжил путь. Конские копыта расшвыривали осколки мягкого песчаника. Скилл ехал молча, размышляя. Внезапно он спросил у Дорнума:

— Ты никогда не видел мага Заратустру?

— Нет, — ответил киммериец и вопросительно посмотрел на Скилла.

— Заратустра однажды помог мне. Этот жрец чем-то неуловимо напоминает его.

Интуиция не подвела Скилла.

Как только всадники скрылись за ближайшим холмом, жрец извлек из дальнего угла пещеры огромное металлическое зеркало. Поймав солнце, он направил «зайчика» на противоположную гору. Вскоре откуда блеснул ответный огонек. Удовлетворенно улыбнувшись, жрец вернул зеркало на прежнее место. Затем он заколол барашка, разделал его и сложил мясо в котелок, который поставил прямо на огонь жертвенника. Упала на землю небрежно сброшенная повязка, до этого закрывавшая рот. Если бы Скилл увидел лицо жреца в этот момент, он ни на мгновение бы не усомнился. У костра сидел великий маг Заратустра. Его ноздри жадно обоняли запах вареного мяса.

Но Скилл был уже далеко. Отряд киммерийцев углубился в Кривое ущелье, за которым по словам лже-жреца начинались владения Аримана. Они проехали примерно с полмили, когда скакавший впереди кочевник предостерегающе поднял вверх руку. И в то же мгновение на него обрушилась огромная глыба. Раздался грохот, с отвесных стен полетели камни. Огромная лавина перегородила дорогу впереди, другая отрезала путь к отступлению. Перепуганные лошади бешено метались по крохотному

пятачку полузаваленного каньона, сбрасывая с себя всадников.

Камнепад прекратился так же внезапно, как и начался. Установилась зловещая тишина. Лишь где-то вдалеке перекликалось взбудораженное лавиной эхо. Всадники как могли успокаивали лошадей, кое-кто спрыгнул на землю, спеша помочь раненым товарищам.

Внезапно один из киммерийцев вскрикнул и, всплеснув руками, рухнул на землю. Из его спины торчало черное древко стрелы. И в тот же миг сверху ударил дождь стрел. Летели они не слишком точно, нападавшие явно уступали Скиллу в умении пользоваться луком, но их было слишком много, а сгрудившиеся на небольшом пространстве кочевники представляли великолепную мишень.

Первый залп вывел из строя четверых киммерийцев, было убито и ранено не менее половины лошадей, в том числе сивый жеребец Скилла, которому стрела вонзилась в голову точно над левым глазом.

Скиф мгновенно оказался на земле и натянул тетиву. Прежде чем нападавшие успели выстрелить еще раз, он пустил две стрелы, точно нашедшие цель. Подобная четкость смутила врагов. Они заторопились, пытаясь поразить именно скифа. Три стрелы отскочили от доспеха, еще одна оцарапала щеку, острой болью пронзило бедро. Не обращая внимания на летящую со всех сторон смерть, Скилл стремительно посылал стрелы. Коротко звенела тетива, и очередной лучник падал со скалы вниз.

Наконец опомнились и киммерийцы. Некоторые из них натянули тетиву луков, другие во главе с разъяренным Дорнумом полезли по отвесным склонам вверх. Несколько кочевников упали в пропасть, сраженные стрелами, но остальные одолели крутизну и бросились на врагов.

Завязался жестокий бой. Но трудно найти рубаку, лучшего чем киммериец. Мечи блистали в руках степняков подобно молниям. Несмотря на численный перевес нападавшие терпели поражение. Скалистые склоны покрылись их окровавленными трупами. Еще один натиск, и остатки вражеского отряда устремились в бегство.

Тяжело дыша, Дорнум спустился к сидевшему на камне скифу.

— Рыжебородые, — коротко бросил он. Скилл молча кивнул головой. — Мы положили более полусотни и еще человек тридцать сумели убежать. Счастье, что они столь же плохие рубаки, как и стрелки, иначе нам не пришлось бы выйти живыми из этого ущелья.

— Оно еще не закончилось, — заметил Скилл, осматривая кровоточащую ногу.

— Думаешь, они нападут вновь?

— Нет, эти не осмелятся. Но у Аримана в запасе есть еще

много сюрпризов. — Скилл яростно выругался. — Проклятый маг!

— О ком ты?

— О Заратустре. Это он навел рыжебородых собак на наш след. Но самое главное, не пойму — почему? Ведь он помогал мне раньше.

— Оставь разрешение этой загадки на лучшие времена. Надо быстрее сматываться отсюда.

Сражавшиеся на склонах киммерийцы постепенно спускались вниз. Многие из них были ранены, некоторые тяжело. Ирась быстро подсчитал потери. Из тридцати двух всадников, вступивших в каньон Кривого ущелья, в живых осталось лишь восемнадцать, причем пятеро из них были серьезно ранены.

Преграждавший путь завал исключал возможность продолжать путь верхом. Коней пришлось оставить. Так же поступили и с тяжелораненными, пообещав, что заберут их на обратном пути.

Тринадцать двинулись дальше, а раненые остались лежать в Кривом ущелье. Они тоскливо смотрели в темнеющее небо, зная, что обречены остаться в этой каменистой земле навечно. Когда появились звезды, неподалеку завыл шакал, за ним второй, и вскоре целый звериный хор созывал сородичей на сытную трапезу. Тогда один из раненых достал длинный нож и перерезал глотки своим товарищам. В последний раз взглянув в ночное небо, особенно глубокое в южных горах, он вонзил окровавленный нож в слабеющее сердце...

Бросив лошадей, кочевники удлинили свой путь втрое. Поэтому им следовало спешить. Всю ночь они прошагали, ни разу не остановившись на отдых. Кошачьи глаза Скилла позволяли легко ориентироваться в темноте. Когда рассвело, путники сделали небольшой привал. Быстро разведя костерок, они съели по куску конины и отправились дальше.

Ныли раны, рот спекся от жажды, особенно невыносимой оттого, что путешественники не раз проходили мимо кристальных горных источников. Но Дорнум категорически запретил приближаться к ним, после того как один из киммерийцев скончался в страшных муках, хлебнув воды из безобидного на вид родника.

К полудню поднялся сильный ветер, пригнавший с запада черную тучу. Грянул гром, и густо повалил снег. Мелкий, словно крупа, он больно хлестал лицо и руки. Прикрываясь полой халата, кочевники упрямо шли вперед.

Из снежного полумрака появились неясные тени. Грозно рыча, они бросились на ошеломленных людей. Белая с палевыми подтеками шкура — вне всякого сомнения это были снежные барсы, но как мало они походили на этих сравнительно небольших диких кошек, одна из которых атаковала Скилла на перевале. Эти хищники были устрашающе огромны. Длина их от носа до кончика хвоста достигала восьми локтей, а из оскаленных пастей

торчали огромные кривые клыки. То были саблезубые барсы, в далеком прошлом во множестве водившиеся в этих горах, а ныне, как считалось, полностью вымершие. Но свирепые хищники, заботливо сохраненные Ариманом, мало походили на бесплотных призраков. Поэтому киммерийцы дружно схватились за мечи, а Скилл за лук.

Издавая грозный рык, пять гигантских кошек атаковали людей. Одна из них свалила киммерийца Борвса и тут же рухнула на снег с рассеченным черепом. Крепко сжимая окровавленный меч, Дорнум отпрыгнул за камень, на мгновение опередив другого барса, который, промахнувшись, пролетел мимо него.

Отбиваясь мечами от наседающих хищников, киммерийцы сбились в кучу. Скилл пустил стрелу в самого большого и злобного хищника, который изловчился ударом когтистой лапы выпустить кишки еще одному кочевнику. Стрела ударила барса в бок и отскочила, не причинив зверю никакого вреда. Скаля огромные клыки, дикая кошка повернула голову к скифу, и в это мгновенье вторая стрела поразила ее в глаз. Жалобно взвизгнув, зверь вцепился в камышовый прут, пытаясь вырвать стальное жало. Приободрившиеся киммерийцы с криками набросились на него и прикончили ударами сабель.

Очевидно, это был вожак. Оставшиеся барсы уже не решались атаковать. Рыча, они попятились назад и исчезли в снежной пелене. Спустя мгновение снег перестал идти, и тучу пробило солнце.

Вытерев окровавленные клинки о тающий на глазах снег, десятеро продолжили свой путь. Чем ближе они подходили к логову Аримана, тем ярче становились краски оживающей природы. Казалось, они попали в цветущую весну, хотя за спиной была осень. Склоны пестрели зарослями арчи, жимолости, ольхи, кое-где виднелись темно-зеленые шпили елей. Еще более пышное великолепие было там, где перелесок уступал место лугу — огромным изумрудным полянам, покрытым россыпью всевозможных ягод. Мелькали небольшие зверушки, щебетали птицы, из-под гранитных плит пробивались журчащие родники.

Скилл наклонился и зачерпнул воды. Дорнум бросился к нему с предостерегающим криком, но опоздал. Хлебнув воды, Скилл погонял ее во рту и с наслаждением проглотил.

— Пейте, — сказал он застывшим в тревожном ожидании киммерийцам. — Вода нормальная.

Пока киммерийцы утоляли жажду, Скилл поднялся на вершину холма. Вернулся он почти бегом с наполовину опустошенным колчаном.

— Впереди виден замок Аримана!

— Прекрасно! — обрадовался Дорнум. — Далеко?

— Не очень, но наверху нас ждут. И их намного больше, чем нас.

Не дожидаясь дальнейших объяснений, киммериец выхватил меч.

— Вперед!

Небольшой отряд стал решительно карабкаться вверх.

Скилл не солгал. Врагов действительно было много больше и вид их был столь ужасен, что тела киммерийцев покрылись неприятным холодным потом. Кого здесь только не было! Не менее полутора сотен псевдолюдей, изготовившие луки рыжебородые, несколько низших дэвов. При появлении кочевников в воздух взвились обольстительные нэрси. Скиф деловито подтянул тетиву лука.

— Не робейте, друзья! Эта нежить не стоит того, чтобы ее боялись!

С этими словами он прицелился и сразил преотвратного с виду буро-коричневого дэва. Что тут началось! Нечисть с воем бросилась на горстку людей, готовясь разорвать их на куски. Однако киммерийцы были не из робкого десятка, а отчаяние придало им силы. Остро отточенные булатные мечи рубили вымазанных мелом псевдолюдей, отсекая их отвратительные руки и головы. Скилл и Изаль щедро сыпали во все стороны стрелами, стараясь попасть в дэвов или нэрси.

Первая схватка была скоротечна. Оставив на земле гору изрубленных трупов, нападавшие откатились. Никто из кочевников даже не был ранен.

Теперь принялись за дело нэрси, вооруженные дротиками и метательными ножами. Взлетев повыше, они резко пикировали, что есть сил бросая свое смертельное оружие. Киммерийцы пытались прикрыться щитами, но падавшие с огромной высоты дротики пробивали их насквозь. Трое кочевников упали, обливаясь кровью. Но и Скилл не терял времени даром. Его беспощадные стрелы сразили больше десятка нэрси, и в конце концов те не выдержали подобной дуэли и улетели к замку Аримана.

Псевдолюди и дэвы бросились в новую атаку. Зажатые в когтистых руках кинжалы тянулись со всех сторон. Киммерийцы без устали поднимали и опускали клинки, с каждым ударом увеличивая гору трупов перед собой. Постепенно натиск нелюдей ослабевал. Пали бездыханны все младшие дэвы, а харуки были слишком медлительны, чтобы победить ловких, умело орудующих мечами кочевников.

Потеряв еще с два десятка товарищей, псевдолюди попятились и начали отступать к замку. Кочевники не преследовали их. Они сильно устали, к тому же уже смеркалось и поэтому было решено отложить атаку замка на завтра. Предав земле четверых погибших товарищей, они поужинали жареной кониной и легли спать, не забыв выставить дозорного.

В эту ночь Ариман почему-то оставил дерзких пришельцев в покое. Они не знали, что у бога тьмы возникли нешуточные проблемы в далекой Элладе. Так или иначе, но ночь прошла спо-

койно. Едва встало солнце, как кочевники были на ногах и продолжили свой путь к замку, который становился все ближе и ближе, пока не предстал перед ними во всей своей мрачно-притягательной красоте.

Сложенный из черных базальтовых глыб замок Аримана располагался на огромной обрывистой скале, окруженной со всех сторон бездонной пропастью. Лишь хлипкий подвесной мост связывал замок с остальным миром. Нелегко было решиться ступить на поскрипывающие трухлявые перекладины.

— Будем идти по одному, — предложил Скилл. — Сначала перейду я. Вы будете ждать. Затем Дорнум. Затем Изаль. И так далее. Если мост рухнет, погибнет один.

Киммерийцы молча кивнули. Взмолившись в душе Гойтосиру и прочим богам-воинам, Скилл ступил на первую перекладину. Она тоненько скрипнула. Скилл осторожно переставил ногу, затем другую. Мост скрипел, раскачивался, но держал. Осторожно балансируя на шаткой поверхности, скиф достиг середины моста и нечаянно глянул вниз. В голове помутилось, ибо в глаза Скилла заглянула тысячесаженная бездна. Скилл зашатался и начал падать. Киммерийцы исторгли отчаянный вопль, приведший скифа в себя. Глядя строго вперед, Скилл двинулся дальше и скоро очутился на твердой земле.

И только сейчас он почувствовал как испугался. Удерживая рукой отчаянно бьющееся в груди сердце, Скилл осел на землю и несколько мгновений не шевелился. Затем он повернулся к стоящим по другую сторону пропасти киммерийцам и махнул рукой.

Дорнум преодолел опасный путь довольно быстро. Он провел свое детство среди скал и хорошо переносил высоту. Чуть дольше переходил мост Изаль. Зато четвертый киммериец по имени Когаф шел словно по ровной земле. Вскоре на этой стороне оказался пятый кочевник, на мост ступил шестой.

И в этот миг гигантская тень закрыла небо. Скиллу показалось, что это был оживший Ажи-дахака, киммерийцы могли поклясться, что видели гигантского орла. Воздух раскололи раскаты грома. Блеснула ослепительная молния. Ее острие вонзилось в середину моста. Трухлявое дерево и пересохший шелк вспыхнули мгновенно. Мост растаял, словно его и не существовало. Потерявший опору киммериец закричал и полетел в пропасть. Его крик еще долго отдавался от отвесных стен.

Итак, их осталось всего пятеро. Они стояли перед массивными стенами замка и не знали, как к нему подступиться. Внезапно окованные вороненой сталью ворота гостеприимно распахнулись, приглашая гостей войти внутрь.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

Лучшее, что мы имеем от истории,—
возбуждаемый ею энтузиазм.

В. ГЁТЕ

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Когда умирает гвардия

Было уже восемь часов вечера, и земля щедро пропиталась кровью. Солнце, тонущее в облаках сгоревшего пороха, багровым комком ползло к горизонту. Армии уже не существовало. Исполины-жандармы[1] Мило, гвардейские егеря и уланы Лефевра-Денуэтта полегли на плато Мон-Сен-Жан от огня двадцати шести батальонов и шестидесяти пушек. Корпус Рейля почти в полном составе погиб у стен рокового замка Гугомон. Корпус Друэ д'Эорлона был расстроен и наполовину истреблен английскими гренадерами и серыми шотландцами. Шрапнель выкашивала и без того обескровленные полки, устилая примятую пшеницу грудами обезображенных трупов. Спереди были англичане Веллингтона[2], сзади подступали пруссаки Блюхера[3]. Груши так и не подошел.

Уже были исчерпаны все резервы. И тогда прозвучала уже ставшая великой фраза:

— Гвардию в огонь!

И гвардия пошла в огонь. Как шла не раз. Но в этот вечер все было иначе. С криками «да здравствует император!» гвардейцы шли навстречу вражеским батареям, навстречу бегущей армии. Они шли навстречу своей смерти. В этот день они уже не могли принести победу, они могли лишь умереть. Умереть, не посрамив своей чести и славы. Но разве этого мало?

«Ворчунам»[4] не дано было пробиться через шеренги английских каре, но они упорно шагали вперед, прокладывая себе путь ударами штыков — к тому времени они уже не имели патронов, — а армия бежала, бросив на произвол судьбы своего маленького капрала.

И вот их осталось лишь несколько сотен, быть может, триста или четыреста — седые, покрытые шрамами, с роскошными усами, смыкающимися с пышной черточкой бакенбардов. Здесь были те, кто били мамлюков у пирамид[5], австрийцев под Маренго[6], русских под Аустерлицем[7] и пруссаков под Иеной[8]. Здесь были те, кто помнили Эйлау[9], Сарагосу[10], Бородино[11], Березину[12] и Лейпциг. То были богатыри, сражавшиеся со всеми армиями мира и побеждавшие их. Теперь им предстояло умереть, ибо они не знали, что значит сдаться.

Виктор Гюго, посвятивший битве при Ватерлоо девятнадцать глав в своих «Отверженных», потрясающе описал этот эпизод.

«Когда от всего легиона осталась лишь горсточка, когда знамя этих людей превратилось в лохмотья, когда их ружья, расстрелявшие все пули, превратились в простые палки, когда количество трупов превысило количество оставшихся в живых, тогда победителей объял священный ужас перед полными божественного величия умирающими воинами, и английская артиллерия,

словно переводя дух, смолкла. То была как бы отсрочка. Казалось, вокруг сражавшихся теснились призраки, силуэты всадников, черные профили пушек; сквозь колеса и лафеты просвечивало белесоватое небо. Чудовищная голова смерти, которую герои всегда смутно различают сквозь дым сражений, надвигалась на них, глядела им в глаза. В темноте они слышали, как заряжают орудия; зажженные фитили, похожие на глаза тигра в ночи, образовали вокруг их голов кольцо, к пушкам английских батарей приблизились запальники. И тогда английский генерал Кольвиль — по словам одних, а по словам других — Метленд, задержав смертоносный меч, уже занесенный над этими людьми, в волнении крикнул: «Сдавайтесь, храбрецы!» Камброн ответил: «Merde!»

ДЕРЬМО!

Таков самый приличный перевод слова, брошенного Камброном торжествующим врагам. И великий писатель прав — быть может и впрямь это слово — «самое прекрасное, которое когда-либо было произнесено французом».

Крик доблести, побеждающей отчаяние. Короткое, смачное, мужское:

— Дерьмо!

Время продажно, оно склонно лакировать прошлое, украшая его красивой фразой, назиданием, благородным жестом. Спустя годы объявились свидетели, утверждавшие, что в то роковое мгновение Камброн выкрикнул вовсе не грязное мужицкое ругательство, а фразу, столь свойственную героическому велеречивому веку, когда русский генерал Багратион приветствовал неприятелей-французов, мерно шагающих под шквалом артиллерийского огня, криками «браво», а Веллингтон рукоплескал атакам кирасиров Делора, грозящих разрезать надвое фронт его армии.

То был век великих людей, а значит и великих фраз. «Солдаты, сорок веков смотрят на вас сегодня с высот этих пирамид!»[1] И потому Камброн крикнул, наверно крикнул:

— Гвардия умирает, но не сдается!

По крайней мере, именно эти слова высечены на памятнике генералу Камброну, искалеченному при Ватерлоо и умершему тридцать лет спустя.

Так родилась легенда. Легенда об умирающей, но не сдающейся гвардии. Легенда об отважном генерале, плюнувшем перед смертью в лицо враждебному миру. Ведь побежденная Франция нуждалась в легенде. Ведь побеждаемый временем мир героев нуждался в ней еще более. Легенду пестовали. О ней писали историки и литераторы. Художник Шарле прославился, создав литографию, изображавшую Камброна, гордо отвергающего предложение сдаться. Размахивая саблей, генерал указывает на своих умирающих «ворчунов», и жест этот не менее красноречив, чем крик:

— Гвардия умирает, но не сдается!

Так родилась легенда...

Сам Камброн позднее утверждал, что не кричал этих слов, многие клялись, что слышали их. Разгорелся даже жаркий спор — не по поводу сказанного Камброном, а по поводу того, кому же все-таки принадлежит ставшая великой фраза. Нашлись очевидцы, свидетельствовавшие, что эти слова вылетели с предсмертным вдохом из уст гвардейского полковника Мишеля, пронзенного английскими штыками. Быть может.

Был ли это генерал Камброн, как считали все, или полковник Мишель, как утверждали его сыновья, — не столь важно; ведь эти слова пылали в сердце каждого гренадера. Важно то, что нашелся человек, крикнувший:

— Гвардия умирает, но не сдается!

Важно, что нашелся человек, противопоставивший неизбежному презрительное:

— Merde!

Важно, что гвардия умерла, но не сдалась. Она умерла, и ее смерть стала фактом.

Задумаемся лишь над одним: когда умирает гвардия?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять, что же такое гвардия.

Понятие гвардия родилось на заре человечества. Гвардией именовали отборные отряды воинов, личную дружину племенных вождей, а позднее деспотов. Свою гвардию имели и фараоны Египта, и владыки Ашшура, и кровожадные ассирийские цари. Это были лучшие бойцы, но, право, они не рвались умирать, а, напротив, жаждали жить, вкусно пировать и хорошо одеваться. Они были умелы в бою, нередко решая исход битвы. Они грозной стеною стояли у трона, олицетворяя могущество державы. Но они не умели умирать. И потому наш рассказ не о них.

Наш рассказ не о золотопанцирной преторианской страже римских цезарей, не о вельможных полках, блистающих великолепием амуниции на дворцовых смотрах, наш рассказ не о героях дворцовых переворотов и победителях жеманных сердец королевских фрейлин. О них пусть расскажет кто-нибудь другой.

Драгоценные одежды, золоченые шлемы, серебряные копья — так выглядели бессмертные — мишурная гвардия восточных владык. Она долгие годы казалась непобедимой, пугая врагов своим грозным видом и надуманной славой, но спасовала пред тремя сотнями спартиатов, которых научили умирать, но позабыли научить отступать.

Верно, в этот миг родилась настоящая гвардия, гвардия духа, гвардия чести. Их было немало, воинов, ставивших честь превыше всего. И не всегда их величали гвардейцами, но они были ими.

Спартиаты Леонида и священный отряд Эпаминонда, гетайры Александра Великого и десятый легион божественного Юлия,

рыцари Круглого стола и сербы Лазаря, витязи русича Святослава и гусары Собесского[1], швейцарские наемники и мальтийские иоанниты[2], чудо-богатыри Суворова и потрясшие мир «ворчуны» Наполеона.

Наверно, мы не упомянули о многих — о несгибаемых шотландских горцах и ополченцах московского князя Дмитрия, о воинах Роланда и «железнобоких» [3] Кромвеля, о революционных солдатах Клебера[4] и ландштурмовцах Блюхера.

Наверно следует сказать и о героях Шипки, и о «Варяге», и о отважных бельгийцах, целых три недели сдерживавших «паровой каток» кайзеровской армии, и о «Шангорсте» и «Гнейзенау»[5] фон Шпее. Наверно, хотя это был другой век.

Гвардия, что бы ни двигало ею: защита очагов, рыцарский гонор, воинское братство, алчность, но прежде всего была честь. Гвардейцы не оставили потомкам пышных памятников и дворцов, они оставили большее — великую память, которая определяет историю.

Итак, почти бесспорно, что родиной гвардии была Спарта, воистину — государство-гвардия. Героями не рождаются, героев воспитывают. В Спарте воспитывали героев. Здесь нельзя было не быть героем. Идущему на битву спартиату давали щит и он мог вернуться либо с ним, как победитель, либо на нем — бездыханный, несомый верными, разгромившими врагов друзьями. Бросивший щит переставал быть спартиатом. Он уже не принадлежал к особой касте воинов — эллинской гвардии.

Гвардия вызывала восхищение. Ею восторгались. В ее честь слагали гимны. Спартиаты эпохи Фермопил в сознании эллина уподоблялись титанам, великим героям. И это поклонение влияло порою сильнее мужества. В те подленькие мгновения, когда подступал липкий страх, спартиат вспоминал, что он герой, духом и доблестью подобный богоравным предкам. А разве вправе богоравный герой оборачиваться к врагу спиною? И потому спартиаты отказывались оставлять поле битвы ради спасения жизни. Век славы Спарты был веком славы Эллады.

Однако древние верно заметили — Sic transit gloria mundi.[6] Любая слава становится ничем, если ее не подтверждать ежедневным делом. Спартанская гвардия растворилась в межэллинских склоках, ее поглотил золотой дождь, затмивший очи геронтов. С закатом гвардии начался закат Эллады. Закат этот был прекрасен, верно, многие народы позавидовали б такому закату, но все же это был закат, за которым последовала ночь. Был, правда, короткий всплеск — десятилетие славных побед Эпаминонда. Триста воинов, спаянных божественной дружбой — они дрались не ради наживы, не ради себя, даже не ради отечества, а во спасение истекающего кровью побратима. Немудрено, что они одерживали победы. Но при этом их осеняла слава непобедимого Эпаминонда. Когда великого беотарха не стало, фиванская гвардия канула в небытие.

Потом были гетайры — «друзья» Александра Великого. Знатные родом, они были бесстрашны в битвах. Их было совсем немного, несколько сот, быть может, тысяча. Птоломей, Лисимах, Селевк, Пердикка, Гефестион, Филота, Парменион. Но натиск гетайров сокрушал огромные армии. И были десятки сражений. И были великие победы при Гранике, Ипсе, Гавгамеллах. И были потери. Одни «друзья» погибли в схватках, других засосало болото заговоров. Оставшиеся объявили себя диадохами[1] и разорвали великую империю в клочья.

Десятый легион никогда не именовался Юлием гвардией. Но Цезарь направлял его в самые опасные места, и значит считал таковой. Триарии[2] десятого легиона имели шрамы, полученные в схватках с гельветами, бельгами, германцами, авернами, карнутами, эдуями[3], они помнили Фарсал, Тапо, Мунд[4]. Десятый легион был детищем Юлия, бывшего в свою очередь его душою. Гвардия перестала существовать, когда умерла душа, пронзенная кинжалами Брута и Кассия. И появились преторианцы, эти янычары античности, чья доблесть заключалась лишь в низвержении и возведении на престол цезарей.

Рыцари Круглого стола превратились в прекрасную легенду. И Ланселот обречен вечно биться с драконом, драконом вечным и неумирающим. А франкские витязи Роланда полегли в ущелье под ударами кривых басских мечей, и отважные сербы Лазаря устлали телами Косово поле[5].

Ушла в небытие языческая дружина Святослава, укрощенная не ромейским копьем, но крестом. Удалые шляхтичи Собесского променяли честь на разгул и гонор.

Но возвратимся на несколько шагов назад, в раннее средневековье — эпоху могущества арабов и викингов. Норманнские драккары сотрясали мир от Алжира до Шотландии, от северной Руси до Северной Америки, которая была в ту пору еще не Америкой, а Terra incognita[6]. Норманны предали разорению земли франков, германцев, Италию, Сицилию, Испанию, Португалию. «A buroxe North Mannorum libera nos, Domine!»[7] — молила цепенеющая от ужаса Европа при появлении хищных драконьих носов. Норманны отличались неистовством и жестокостью, но самыми неистовыми были берсеркиры, смеявшиеся в лицо смерти. Да, они желали умереть, но лишь ради того, чтобы жить. Жить в прекрасной Вальхалле. Дети Одина искали не смерти, они искали спасенья в смерти. Прыгая с мечом в толпу врагов, берсеркиры кричали от счастья, веря, что избегли ужаса Хеля, а умирая, искали в небе прекрасных Валькирий.

Рай ждал и воинов-мусульман. Но исступление викингов было сродни чести, героизм мусульман был религиозным фанатизмом, ибо муджахеддины[8] верили в бога, а викинги более в меч. И те, и другие не были гвардейцами. Они не боялись смерти, но за их спиной был рай. За спиной же спартиатов были отчизна, родина, Тартар и честь.

Четыре века швейцарские наемники были опорой многих государей Европы. Они воевали за деньги, но отрабатывали их столь добросовестно, что сокрушали тех, кто воевал за славу. Крохотный отряд швейцарцев защищал несчастного французского короля даже тогда, когда от него отреклись народ, дворянство и войско. Это была гвардия, **честно** отрабатывающая свои деньги. Она перестала существовать в то мгновение, когда умерло наемничество и появились национальные армии.

Пришел век великих революций, войн и потрясений. Век гигантской бойни за обладание миром. Век императоров и полководцев. Век краткий и грозный. Век, вместивший в себя бесчисленное множество сражений. Это был век великой гвардии. Это был век ее смерти.

Бассано, Холлабрунн, Аустерлиц, Иена, Ауэрштадт, Прейсиш-Эйлау, Фридланд, Сарагоса, Асперн, Ваграм, Смоленск, Бородино, Малоярославец, Красный, Березина, Бауцен, Кульм, Кацбах, Лютцен, Шампобер, Ла-Ротьер, Лан, Бриен, Дрезден, Лейпциг, Линьи...[1]

Сотни тысяч отважных воинов сложили свои головы в этих кровавых битвах.

И, наконец, было Ватерлоо, небольшая деревенька южнее Брюсселя, вошедшая своим названием в историю лишь благодаря тому, что в ней размещалась штаб-квартира Веллингтона. Победи Наполеон, и это сражение назвали бы битвой при Бель-Альянсе. Но он проиграл и потому:

ВАТЕРЛОО.

Год 1815-й, месяц июнь, восемнадцатое.

В этот день полегли старые «ворчуны» Наполеона. Они умерли потому, что в этот день умирали все. В этот день умерли жандармы Делора и Ватье, егеря Лефевра-Денуэтта, драгуны Сомерсета и гвардейские роты Кука. В этот день умерли серые шотландцы и молодая гвардия Дюгема. В этот день умерла гвардия, ибо ее век ушел. На смену доблести и отваге, мечу и штыку шли стратегия Клаузевица и Мольтке[2], коническая пуля и ракета. Уходил человек, приходили люди.

Гвардию убило вовсе не Ватерлоо. Под Ватерлоо погибли гвардейцы, может быть, лучшие из лучших, но не гвардия. Ее палачами стали паровоз и бульварные газеты, блюминги и парламенты, линкор и сытое общество. Ее похоронили феминистки и коммунисты, спикеры, квакеры, теософы, лейбористы, общества милосердия. Ее похоронили ханжество и паточное благополучие. Ее похоронило само время.

Гвардия могла бы сдаться на милость победителей и стать занятным, вызывающим добрую усмешку анахронизмом, вроде английской монархии или диснейлендовских призрачных замков, но она предпочла умереть, оставив материальному миру лишь пышную мишуру униформы, высохшую оболочку мертвого тела.

Моряки «Варяга» и «Шангорста» еще тянули свою предсмертную песню:

И с пристани верной мы в битву пойдем
Навстречу грядущей нам смерти...

Но гвардия уже умирала, и в ее агонии был слышен вопль Камброна.

Гвардия умирает, но не сдается!

Так было всегда. Ведь величие гвардии не в медвежьих шапках или серебряных щитах. Ее величие в скромных обелисках, установленных в Фермопилах и на Бородине, под Левктрами[1] и Ватерлоо. Ее величие в подвиге русского гусара Мелиссино[2] и в двадцати пяти ранах Ланна[3], скончавшегося от двадцать шестой. Оно в кратком слове «merde», выкрикнутом пред дулами вражеских пушек.

Так когда же умирает гвардия?

Тогда, когда нельзя сделать шаг назад, потому что на кону жизни друзей, итог сражения, судьба отечества, когда на кону честь. Гвардия умирает всегда. Ведь она подобна Ланну, гневно восклицающему: «Гусар, который не убит в тридцать лет, — не гусар, а дрянь!»

Поле Аустерлица было снежным от белых колетов павших русских кавалергардов. Они должны были спасти отступающую армию и выполнили свой долг. Волна прекрасных в своем бесстрашии всадников ринулась прямо на дула вражеских пушек и шеренги каре. Их было восемьсот. Почти все они пали на поле битвы. «Учитесь умирать!» — воскликнул Наполеон, оборачиваясь к своим генералам. А император понимал в этом толк. Он и сам семь и десять лет спустя будет бросать своих великолепных кирасиров на верную смерть. На смерть ради победы. Медно-бронные гиганты без колебаний пошли на нее и умерли: одни на Курганной высоте[4], другие — на плато Мон-Сен-Жан.

Но истинный, сверхчеловеческий дух гвардии проявляется, когда речь идет о чести. И тогда триста спартиатов отказываются покинуть Фермопилы, а каре Камброна шагает прямо на дула неприятельских орудий.

— Merde!

Гвардия дала ответ врагам и дальше была смерть.

«В ответ на слово Камброна голос англичанина скомандовал: «Огонь!» Сверкнули батареи, дрогнул холм, все эти медные пасти изрыгнули последний залп губительной картечи; заклубился густой дым, слегка посеребренный восходящей луной, и когда он рассеялся, все исчезло. Остатки грозного воинства были уничтожены, гвардия умерла. Четыре стены живого редута лежали неподвижно, лишь кое-где среди трупов можно было заметить последнюю судорогу. Так погибли французские легионы, еще более великие, чем римские легионы. Они пали на плато Мон-Сен-Жан, на мокрой от дождя и крови земле, среди почерневших колосьев, на том месте, где ныне, в четыре часа утра, посвисты-

вая и весело погоняя лошадь, проезжает Жозеф, кучер почтовой кареты, направляющейся в Нивель».

Придите к Букингемскому дворцу полюбоваться на печатающих шаг красавцев в высоких медвежьих шапках. Они великолепны. В них величие и гонор трехсотлетней империи. Но это не гвардия, это лишь раскрашенные манекены. Гвардия умерла. Но не сдалась.

И вновь Гюго. Что делать! Никто не мог описать апокалипсис Бородина лучше Толстого, никто не смог дать более впечатляющую картину Ватерлоо, чем Гюго.

«Весь день небо было пасмурно. Вдруг, в тот самый момент, — а было восемь часов вечера, — тучи на горизонте разорвались и пропустили сквозь ветви вязов, росших вдоль нивельской дороги, зловещий багровый отблеск заходящего солнца. Под Аустерлицем оно всходило».

Было восемь часов вечера. Призраки умершего мира шли в свой вечный бой...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Последний месяц лета

Листва на деревьях пожелтела, а плоды налились соком. День еще был огненно-жарок, но ночи уже стали прохладны. Шел месяц метагитнион[1], последний месяц лета. Посланники эллинских городов, решивших стать с мечом против восточных варваров, встретились на Истме. Здесь были спартиаты, афиняне, коринфяне, тегейцы, сикионцы, трезенцы, аркадцы, эпидаврийцы, флиунтцы, эретрейцы, халкидяне, левкадцы, эгинцы, микенцы, тиринфяне, ампракисты, гермионяне, палейцы, мегарцы, феспийцы, потидейцы, анактории, платейцы, стирейцы. Собравшиеся были едины в своей решимости драться, споры велись лишь по поводу того, где быть решающей битве. Дорийцы, которых волновала судьба родных городов, настаивали на том, чтобы встретить врага на Истме, достаточно хорошо укрепленном для оборонительного сражения. Против подобного плана выступали афиняне, эгинцы, халкидяне и эретрейцы, резонно указывавшие, что в этом случае подвергнутся разорению их земли. Они требовали дать битву в Фокиде или Локриде, не допуская врага в среднюю Элладу. Из пелопоннесских посланцев это требование поддерживали лишь Леонид и Гилипп. Прочие во главе с Леотихидом яростно возражали. Полемарх Евенет, ярый сторонник сражения на Истме, не скрывал своего настроения.

— Перешеек — вот единственная гарантия того, что нам не ударят в спину! — горячась, кричал он. — Допустим, мы согласимся с афинянами и пошлем войско в Фокиду, но кто поручится, что бестяне, которые спят и видят себя слугами мидийского царя, не ударят нам в спину! — При этих словах платейцы и феспийцы бурно запротестовали, но Евенет не обратил на них ни малейшего внимания. — И тогда мы окажемся между двух огней, как это случилось в Фессалии...

Сделаем маленькое отступление, чтобы пояснить, что же произошло в Фессалии. Чуть более месяца назад по просьбе нескольких фессалийских полисов, решивших сопротивляться нашествию варваров, им в помощь было отправлено десятитысячное войско во главе с Евенетом. Оно заняло узкий проход между Олимпом и Оссой, преградив варварам путь в Элладу. Однако простояв здесь несколько дней, эллины по приказу Евенета возвратились к Истму. Свое решение полемарх объяснял тем, что получил сведения о заговоре фессалийских аристократов, которые, как он уверял, лишь ожидали удобного момента, чтобы нанести эллинам удар в спину. Злые языки поговаривали, что на самом деле спартанского полководца смутили рассказы царя Македонии Александра о несметных полчищах мидян[2]. Как бы то ни было, Евенет отступил, обвиняя фессалийцев в подлых

замыслах. Теперь он пытался навесить ярлык предателей и на бестян.

Ни для кого не было секретом, что в бестийских полисах сильны панические настроения, искусно подогреваемые враждебными к афинянам аристократами. Херонея, Фивы, Орхомен, Левктры намеревались дать мидянам землю и воду. Однако многие бестяне были полны решимости драться против восточных варваров. Потому Леонид вступился за них.

— До этого времени ты рисковал получить всего один удар — в спину от мидян, когда как трус бежал из Фессалии, — бросил он полемарху.

Евенет позеленел от злобы, но возразить не решился. Леонид заговорил вновь, убеждая собравшихся в необходимости решительных действий. Он приводил доводы, с которыми трудно было спорить, говорил об уязвимости Пелопоннеса с моря, напоминал о том, как слабеет воинский дух тех, кто из трусости отдали на поругание родную землю, и о том, что, проявив нерешительность, пелопоннесцы тем самым оттолкнут от себя те эллинские полисы, которые в данный момент колебались, не решив еще, чью сторону занять.

В конце концов эллины порешили ждать варваров в Фермопилах. Отряд Леонида и треть войска Евенета отправлялись в Фокиду сейчас же, остальные ополчения должны были присоединиться к ним чуть позже. Одновременно с авангардом армии выступал и эллинский флот под командой спартиата Еврибиада и афинян Фемистокла и Ксантиппа. Скрепив договор взаимными клятвами, посланцы поспешили отбыть в родные города. Перед тем как отправиться в путь, Леонида посетил архонт Фемистокл.

Афинянин застал царя упражняющимся с мечом. При появлении Фемистокла спартиат хотел прекратить поединок, но архонт протестующе махнул рукой, словно говоря: продолжайте.

Леонид не стал спорить. Он кивнул Евриту, который в этом походе был наперсником и телохранителем царя, и они двинулись навстречу друг другу. В руке у Еврита был акинак, подаренный акрагантским мудрецом, Леонид был вооружен мечом, напоминавшим ксифос, но только более длинным и тяжелым. Противники сошлись и начали стремительную игру. Клинки блестели в их руках, словно звонкие молнии. Спартиаты рубили, кололи, парировали удары. Несмотря на массивное телосложение, оба бойца передвигались с замечательной быстротой. Но если на стороне Еврита была молодость, то стремительность движений царя не поддавалась объяснению. Вдобавок он владел огромным количеством разнообразных приемов — выпадов, уходов, блокирующих ударов. На глазах Фемистокла он трижды поразил своего противника, нанося удары плашмя, но с немалой силой. На плече, груди и бедре Еврита появились кровавые полосы. Но и он в свою очередь не остался в долгу, зацепив и без того сплошь иссеченную шрамами руку Леонида. Бой был завершен весьма

эффектно. Дождавшись очередной атаки своего противника, царь внезапно бросил меч на землю и поймал руку Еврита в стальные клещи пальцев. Затем громадное тело воина взвилось в воздух и перелетело через голову Леонида. В следующее мгновенье царь сидел на спине Еврита, приставив к затылку юноши его же собственный меч. Фемистокл поаплодировал, с изумлением отметив, что еще ни разу не видел подобного приема. Примерно о том же подумал и Еврит. Поднявшись с земли, он пробурчал:

— Так не сражаются.

Царь усмехнулся.

— А жаль. Владей ты подобными приемами, и тебе не были б страшны даже десять врагов, вооруженных копьями. — Еврит почесал ладонью голову и не нашелся, что сказать. — Ладно, иди, — велел Леонид. — Смажь царапины и готовься в дорогу. Мы выступаем.

Юноша, не прекословя, пошел к дому. Дождавшись, когда он скроется за углом, афинянин подошел к Леониду.

— Итак, царь Спарты с ничтожным отрядом воинов намеревается преградить путь врагу.

— Почему же с ничтожным? — спросил Леонид, рассматривая царапину на руке. Он нагнулся, сорвал лист подорожника и, послюнявив, прилепил к поврежденному месту; затем с едва заметной усмешкой взглянул на Фемистокла. — Если все эллины поспешат выполнить свои обещания, не пройдет и пятнадцати дней, как у Фермопил соберется огромное войско.

— А если не поспешат?

— Тогда я встречу врага со своими тремястами спартиатами.

— Но ведь это слишком мало!

— Для того дела, на которое мы идем, даже слишком много.

Этот спокойно сказанный ответ, равный признанию, слегка ошеломил Фемистокла. Архонт погладил рукой небольшую окладистую бороду, исподлобья взглянул на спартиата и спросил:

— Я слышал, спартиаты намереваются праздновать Карнеи[1]?

— А мне сказали, что афиняне не отменили Олимпийских игр! — не остался в долгу Леонид.

— Афиняне — безумцы, — признался Фемистокл. — Они надеются на чудо, не понимая, что пришло время творить чудеса самим. Выходит, мы все дружно подставляем тебя, царь, с твоими воинами на верную погибель?

— Выходит.

— И ты так спокойно говоришь об этом? — после небольшого замешательства поинтересовался афинянин.

— А что, я должен визжать от восторга?

Фемистокл не нашелся что ответить. Голубые глаза царя усмехались.

— Я вижу, афинянин, совесть мучает тебя. Успокой ее. Ты ни

в чем не виновен. Даже пожелай ты встать в наши ряды с копьем в руке, это принесло бы лишь вред Элладе. Ты нужен на море, где спартиаты робки и нерешительны. А осуждать этих людей... — Леонид пожал могучими плечами, на которых еще не высохли капельки пота. — Никому не хочется спешить умирать, архонт. Даже несколько дней, отнятые у смерти — огромная жизнь. Ситуация требует **нашей** смерти. Красивой смерти. Эта смерть докажет робким, что не стоит бояться ее. Я верю, что эллины не посрамят доблестной памяти братьев, предпочевших смерть позору.

— Меня ужасает твое спокойствие, спартиат.

— Это спокойствие спартиата, спокойствие воина. Смерть не заслуживает того, чтоб пред ней ползали на коленях. И потому львы всегда умирают стоя.

Афинянин кивнул. Леонид отсалютовал ему блестящим клинком.

— Прощай, архонт! И когда придет твоя смерть, встреть ее стоя!

Фемистокл возвращался в Афины и в голове его звучали слова: «Встреть ее стоя».

Через день он уже стоял на палубе судна, державшего путь к берегам Эвбеи.

* * *

Повелителя Парсы распирало от самодовольства.

— Артабан, меня удивляют эти эллины. Сдается, что переправа через Геллеспонт была самой трудной частью этого похода.

— Великий царь прав, Геллеспонт оказался единственным достойным противником. — Хазарапат чуть склонил голову и дернул за уздцы, заставляя своего коня идти в ногу с белым жеребцом Ксеркса.

Этот краткий разговор произошел на въезде в Ларису, очередной эллинский город, давший воду и землю. Уже покорились и принесли клятву на верность Ферма и Пелла, Эгия и Питна, Берроя и Метона, Гераклея и Дион. Парсийское войско прошло через Фракию, Македонию и вышло на фессалийскую равнину, не встретив даже ничтожного сопротивления. Землю Эллады не окропила кровь ни одного парса или мидянина. Погибло лишь несколько эфиопов, насильничавших над женщинами в одном из прибрежных селений. Одного из них убили местные жители, еще с десяток были казнены по приказу Артабана, как, впрочем, были удавлены и эллины, дерзнувшие поднять меч на завоевателей. Этот поход скорей напоминал обычную прогулку по сатрапии.

Парсы преисполнились величайшего презрения к эллинам. Вельможи брезгливо поглядывали на склоняющих головы городских старейшин и с презрением восклицали:

— Нам обещали львов, а мы встречаем зайцев!

Надсмехались над Демаратом, бывшим тут же, в царской свите. Ведь он и никто другой утверждал, что эллины грудью встанут на защиту родных очагов.

— Эй, Демарат! — кричали вельможи. — Где твои герои? Уж не они ли?

Парсы со смехом указывали на понуро плетущихся фракийцев, долопов, бригов и македонян, по повелению царя присоединившихся к великому войску. Демарат был спокоен.

— Герои ждут нас впереди, — бесстрастно отвечал он.

— Надеемся, они не забыли приготовить нам вкусный ужин и теплую постель!

— Ужин будет кровав, а постель — жестким камнем.

Оскорбленные парсы рычали, с трудом удерживаясь от желания схватиться за рукоять меча. О, как хотелось надменным ариям снести голову дерзкому эллину! Но они понимали, что Демарата не стоит трогать. К нему благоволил царь, он был доверенным лицом Мардония. Поговаривали, что получив в управление покоренную Элладу, Мардоний намеревается вернуть изгнаннику царский престол, а возможно даже поручить ему управлять всем Пелопоннесом. Поэтому вельможи ограничивались бранными словами.

Уже пришло время жатвы, когда парсы вступили в земли пеласгов. На границе Пирии и Пеласгиотиды их ждали делегации Ларисы, Ганна и Фер. Ксеркс милостиво допустил послов к своим стопам и выслушал их. Пеласги, как и прочие, дали землю и воду, моля о пощаде. За добрую весть послы были вознаграждены и отправлены восвояси, чтобы подготовить достойную встречу войску. Передохнув, мидяне последовали за ними и через три дня достигли одного из прекраснейших городов Эллады — Ларисы. Войско стало лагерем у городских стен, Ксеркс в сопровождении свиты и первой тысячи церемонно въехал в город. Здесь парсов ждали низкие поклоны, заискивающие улыбки и накрытые столы. Царь принял именитых горожан, пообещав им приструнить чернь, после чего соизволил отобедать. За трапезой он беседовал с Артабаном, Мардонием и македонским царьком Александром. Последний изрядно потешил Ксеркса рассказом о том, как перепугалось эллинское войско, посланное в Фессалию, узнав о приближении мидян.

— Едва я сказал им, что видел передовые отряды войска великого царя, они бежали как последние трусы! — кричал македонянин.

— Как последние трусы! — с хохотом повторял царь.

Одарив рассказчика золотой чашей, Ксеркс пожелал отправиться спать. Он переел и изрядно выпил, сон его был беспокоен.

Наутро царь узнал, что Артабан его именем объявил о том, что дает воинам день отдыха. Хазарапат был столь любезен, что соизволил объяснить своему повелителю причину досадной

задержки. По его словам, необходимо было дождаться прибытия флота, замешкавшегося из-за встречных ветров в гавани Фермы. Чтобы не скучать, Артабан посоветовал царю устроить конное состязание между самыми быстрыми парсийскими конями из царских конюшен и славящимися на всю Элладу фессалийскими скакунами. Ксеркс ухватился за эту идею, он был охотником до подобного рода развлечений. Оказалось, что предусмотрительный царедворец уже обо всем позаботился. Кони были приведены с пастбищ, бессмертные с вечера готовили место для скачек. Царь испытал ледяной страх, чувствуя себя беспомощной игрушкой в руках Артабана, но виду не показал и даже милостиво улыбнулся.

Состязание должно было проходить в пойме Пенея, поросшей сочной влажной травой. На специально сооруженном помосте, прикрытом от солнечных лучей пологом из плотной ткани, был установлен царский трон. За троном разместились родственники царя и самые первые вельможи. Здесь были Отан, Арсам, Арсамен, Гобрий и Ариомард. Здесь же стояли Артафрен, Гидарн и Мегабиз. Чуть дальше разместились цари и правители покоренных эллинских народов, на чьих лицах блуждали заискивающие улыбки. По правую руку от царя встали Артабан и Мардоний, по левую — верный пес сотник Дитрав, ни на мгновенье не расстающийся с обнаженным мечом. По обе стороны помоста колыхались серебряные копья бессмертных.

Солнечное утро, влажный ветерок, приятно охлаждающий кожу, радующая взор яркая речная зелень — все это способствовало хорошему настроению царя. Сегодня он был щедр и великодушен как никогда. Подозвав к себе наездников, Ксеркс объявил им, что победитель получит серебряное блюдо с царским именем, а также любую лошадь из тех, кто будет участвовать в скачках. Наездники, среди которых были шесть эллинов, пали на колени и облобызали землю, славя щедрость владыки Парсы. Изобразив улыбку, Ксеркс приказал начинать.

Вспрыгнув на лошадей, всадники подъехали к помосту и замерли, ожидая приказа царя. Ксеркс выдержал небольшую паузу, затем привстал и, махнув рукой, прокричал что-то нечленораздельное. В тот же миг наездники ударили пятками по бокам скакунов и те стремительно помчались вперед. Стройная линия мгновенно распалась, превратившись в короткий ломаный клин. Вскидывая копытами комья влажной земли, лошади в бешеном галопе неслись вдоль реки. Вскоре они уже были едва различимы. Вельможи до боли в глазах всматривались вдаль и наперебой сообщали царю:

— Впереди парсийский жеребец каурой масти! — утверждал первый.

— Да ты что! Первым скачет Белое солнце! — говорил второй.

— Вы оба слепцы! Всех опередил вороной! — громко вопил третий.

Царь внимал этим крикам с натянутой улыбкой.

Тем временем всадники доскакали до столбов, вкопанных в землю на расстоянии пятнадцати стадий от помоста. Нестройной цепочкой обогнув их, соперники устремились в обратный путь. Они становились все более различимы, и вскоре уже можно было судить о том, кто возглавляет скачку. Впереди несся великолепный пепельный конь фессалийской породы. Высоко вскидывая копыта, он буквально пожирал расстояние, с каждым мгновением приближаясь к победе. Следом за фессалийцем скакали несколько парсийских коней, среди них любимец царя каурый жеребец по кличке Благая весть. Зрители волновались и кричали, подбадривая наездников и коней. Гистасп, проведший немало времени среди диких скифов, пронзительно свистел. Но соревнующиеся не нуждались в понукании. Они и так старались изо всех сил, хлеща плетками взмыленных коней.

Когда до помоста оставалось не более двух стадий, пепельный жеребец начал сбавлять ход. Его ноги работали с прежней силой, отталкиваясь копытами от избитой земли, но в движениях не чувствовалось былой страсти. Казалось, животное и наездник решили поберечь силы. Словно почувствовав это, парсийские кони ускорили свой бег. Вот они поравнялись с лидером, затем обошли его и вихрем пронеслись мимо царского трона. Первым пришел Благая весть. Воины и вельможи оглушительно кричали, приветствуя победителя, Ксеркс не пытался сдержать радости. Все поздравляли царя, словно это он одержал победу. Ксеркс отвечал на льстивые слова придворных быстрыми кивками. Он пожаловал удачливому наезднику обещанную награду — тот оказался достаточно умен, чтобы не покуситься на царских лошадей, и выбрал себе серого фессалийца, — а также сотню дариков, после чего с улыбкой заметил, обратившись к свите:

— Эти хваленые фессалийские кони не идут ни в какое сравнение с моими!

Вельможи дружно согласились с царем. Лишь Мардоний, внимательно разглядев серого жеребца, негромко сказал Артабану:

— Этот фессалиец выглядит так, словно готов пробежать по крайней мере еще пять парасангов.

— Так и есть, — подтвердил Артабан.

— Почему же в таком случае он уступил?

Начальник стражи усмехнулся.

— Что не сделаешь ради того, чтобы доставить счастье повелителю.

Мардоний внимательно посмотрел в голубые глаза хазарапата и также усмехнулся. Затем посерьезнел:

— Нам надо поговорить, сиятельный Артабан.

— Сейчас? — удивился фарский фаворит. — Стоит ли?

— Именно сейчас.

— Ну, хорошо.

Артабан наклонился к уху царя и что-то прошептал. Ксеркс кивнул головой.

— Пойдем, — сказал хазарапат Мардонию.

Отвесив поклон, вельможи сошли с помоста и неторопливо зашагали вдоль реки. Сотник Дитрав прищурившись смотрел им вслед до тех пор, пока сановники не исчезли за ивовой порослью.

* * *

— Так ты серьезно полагаешь, что я не Артабан? — спросил хазарапат. Вид у него был весьма озадаченный.

— Нет, ты Артабан, но только не тот.

— Объясни, — потребовал Артабан.

— У тебя лицо и весь облик Артабана, но ты не Артабан.

Начальник стражи состроил улыбку.

— Похож на курицу, но не курица. Кто же я в таком случае?

— Не знаю. Но этот посох кажется мне знакомым. — Мардоний кивнул головой на бамбуковую палку, на которую опирался Артабан. — Раньше у тебя не было привычки ходить с посохом.

— Старею, — вздохнул Артабан. — И только из-за этого посоха ты решил, что я это не я?

— Нет, не только. — Мардоний немного подумал. — Ты здорово изменился, Артабан. Ты стал иначе одеваться, иначе вести себя. Ты не похож на того Артабана, которого я знал прежде. Кроме того, мне до сих пор непонятно, почему вдруг ты перешел на нашу сторону и принялся настаивать на походе против эллинов.

— Да, мы не объяснились, — согласился Артабан. — Но здесь все просто. Я понял, что вы правы.

— Я не верю твоим словам, Артабан.

Хазарапат дернул уголком губ и принялся рассматривать носок сапога, искусно скроенного из кусочков разноцветной мягкой кожи.

— Ну и что же тебе не нравится в новом Артабане? — спросил он через несколько мгновений. — Ведь благодаря ему ты стоишь сейчас на земле Эллады, своей будущей сатрапии.

— Я хочу знать, кто ты есть на самом деле.

— Зачем тебе это?

Мардоний не нашелся, что ответить. Вместо этого он потребовал:

— Тогда ответь мне: каковы твои замыслы?

— Они точь-в-точь совпадают с твоими. Я хочу захватить Элладу.

— Зачем?

— Странный вопрос. Чтобы положить ее к стопам великого царя.

— Быть может, я поверил бы тебе, — задумчиво произнес Мардоний, — но в последнее время я замечаю, что ты приобрел полную власть над Ксерксом. Неужели ты полагаешь, что я

поверю в басню, будто власть в Парсе принадлежит этому толстяку. Она в твоих руках, Артабан. И ты распоряжаешься этой властью столь уверенно, как никогда. Подозреваю, что ты замыслил расправиться с царем и занять трон.

— Идиот, — негромко проворчал Артабан, после чего поинтересовался:

— А что я этим выиграю? Дарий и шестеро великих убили Смердиса, и что же? Империя на долгие годы была ввергнута в пучину раздоров. Поверь, я хочу лишь одного. Я хочу, чтобы Парса была великой. И тогда она сумеет покорить весь мир.

— А после этого ты завладеешь троном.

— Да не нужен мне этот трон! — рассердился Артабан. — Хочешь, я возведу на него тебя?

Артабан с затаенной усмешкой посмотрел на Мардония. Тот, подозревая ловушку, отрицательно покачал головой.

— Вот видишь. Тебя больше интересует воинская слава. А меня власть. Но власть реальная, а не золоченый трон. Пока я Артабан, я обладаю этой реальной властью. Если я стану царем, власть уйдет к тому, кто будет стоять за моим троном.

— Чудны речи твои, — протянул Мардоний. Он посмотрел в глаза хазарапату и потребовал:

— Верни мне мою женщину!

Артабан засмеялся.

— Так что же тебя интересует: женщина или Эллада?

— И то, и другое.

— Э-э-э... — протянул хазарапат, — так не пойдет. Или я отдаю тебе Таллию, или ты получаешь Элладу.

Мардоний прикусил нижнюю губу. Артабан с любопытством наблюдал за ним. Мардоний молчал слишком долго, и тогда хазарапат сказал:

— Если ты колеблешься, ты недостоин этой женщины. Глупец, да за ее любовь, если б она и вправду могла меня полюбить, я отдал бы все сокровища, какие только существуют на свете, я отдал бы все! Даже жизнь!

Это признание словно подстегнуло Мардония.

— Я выбираю женщину!

— Ты получишь Элладу! — отрезал Артабан.

Мардоний нервным жестом коснулся ладонью рукояти акинака.

— Если бы ты сейчас был при мече, я вызвал бы тебя на поединок. Отныне ты мой заклятый враг!

Он еще не докончил последней фразы, как Артабан сделал стремительное движение руками, и у горла Мардония оказалось стилетообразное острие, выскользнувшее из рукояти посоха.

— Если бы это отвечало моим планам, ты был бы уже мертвее самого мертвого покойника, но так как ты нужен мне, я дарю тебе жизнь. Но берегись, — острие чуть вошло в кожу под подбородком остолбеневшего вельможи, — если ты вздумаешь встать

против меня, то мириад раз проклянешь тот день, когда появился на свет. Ступай прочь!

Артабан сунул стилет обратно в бамбуковые ножны и направился к городским воротам. По кадыку Мардония текла медленная струйка крови, солоноватая и горячая, словно поцелуй той, за какую Мардоний согласился отдать Элладу, а Артабан — жизнь.

Увы, Таллия не принимала такие мелкие ставки.

* * *

В тот день ничто не предвещало беды. Утро было радостно солнечным, ветерок — попутным. Сотворив молитву светлоликому Ахурамазде, Посейдону, Мелькарту, Ра и еще одиннадцати божествам, моряки подняли якоря и продолжили свой путь вдоль берегов Магнесии. Они плыли до полудня, пока ветер не начал стихать, а воздух не насытился огненным жаром, обжигающим легкие жадно разевающих рты гребцов. Тогда Ариабигн и Ахемен, посоветовавшись, приказали приставать к берегу. Со слов дозорных было известно, что где-то поблизости находятся передовые эскадры эллинов, потому навархам было велено держаться вместе, чтобы в случае опасности дружно выступить на врага.

Бухты Магнесии невелики и причудливо изрезаны, близ оконечности врезающихся в море мысов полно камней, а кое-где встречаются и рифы. По совету тирийца Маттена для стоянки выбрали бухту близ мыса Сепиада, самую большую из тех, что были поблизости. Первыми в нее вошли корабли Ариабигна. Ионийцы и карийцы причалили к берегу и сноровисто вытянули свои триеры на песок. Их примеру последовали финикияне. Прочим места на берегу не хватило и они стали на якорях, повернув носы к морю на случай внезапного нападения вражеского флота.

Духота становилась все сильнее. Воины даже не стали разжигать костры для приготовления похлебки, удовольствовавшись вином, вяленым мясом и сушеными фруктами. Опытные финикийские триерархи с тревогой поглядывали на восток, где на горизонте у самого моря клубились тучки, несомые с Геллеспонта. Давал знать о себе ветер. Легкий и игристый с утра, совершенно умерший к полудню, он вновь набирал силу, вспенивая море белоснежными волнами. Он грозно свистел меж мачт и играл жгутами канатов. Воздушные струи сочно били в борта кораблей, делая палубу шаткой.

— Идет Геллеспонтий, — сказал своему помощнику Сиеннесий. Обычно бесстрастное лицо пирата исказила тревожная гримаса, отчего оно стало еще более ужасным. Киликийскому наварху было отчего волноваться. Геллеспонтием в этих краях называли свирепый северо-восточный ветер, обычный для этого времени года. Сиеннесию было известно не понаслышке, что такое Геллеспонтий. Не дожидаясь приказа Мегабаза, в чью эскадру входили киликийские корабли, Белый Тигр приказал сниматься с якоря и выходить в море. Его примеру последовали

триерархи прочих пиратских судов. Немного спустя стали вытягивать якоря ликийцы и памфилы. Сиеннесий тем временем орал на своих моряков, мертвой хваткой вцепившихся в рукоятки весел.

— Быстрее! Быстрее, сухопутные черви! Не засыпать! Или вы хотите свидеться с морскими демонами?!

Но пираты выкладывались и без этих понуканий. Всем было ясно, что еще несколько мгновений и придет шторм, такой яростный, какой может порождать только Фракийское море, непредсказуемое и бурное, словно веселье Диониса. Трещали весла, рвались перенапряженные сухожилия, но киликийцы гребли, думая лишь об одном — успеть!

Они успели. Эпактрида Белого Тигра была на достаточном отдалении от берега, когда на море обрушился первый шквал. Злобный Геллеспонтий ударил в судно подобно массивному тарану. Жалобно затрещали кедровые борта, взвизгнула мачта, двое моряков, неосторожно вставшие у самого борта, с воплем полетели в воду. И началось! Волны бросали эпактриду, словно крохотную щепку. Ее то крутило в чудовищных водоворотах, то подбрасывало с такой силой, что судно почти летело по воздуху. Гигантские валы захлестывали корабль, угрожая подмять его своей тяжестью. Смыло еще несколько человек, сломались многие весла, порывы ветра изорвали такелаж. Но корабль Белого Тигра находился куда в лучшем положении, чем те суда, которые не успели выйти из бухты или отплыли от берега недостаточно далеко. Волны обрывали якоря и со всего маху швыряли корабли на берег, где суетились ионяне и финикияне, пытавшиеся оттащить свои суда подальше от бушующего моря. Триеры с грохотом падали на песок и разлетались на части. Изуродованные тела моряков мешались с древесной щепой и обрывками парусины. Накатывалась новая волна, и все это исчезало в пучине. Кричали тонущие, но их вопли умирали в ужасном гуле бури.

В столь же бедственном положении оказались и те корабли, что вышли из бухты, но не успели отойти достаточно далеко в море. Геллеспонтий подхватывал их и нес на утесы Пелиона[1]. Напрасно мидяне хватались за весла. Ужасные волны ломали их, словно соломинки. Напрасно моряки пытались ставить парус. Ветер с хрустом переламывал мачту или опрокидывал судно, накрывавшее вопящих людей своей деревянной плотью. Бушующее море несло корабли прямо на огромные утесы. Раздавался грохот и обломки очередной триеры исчезали в водоворотах, закрученных бурей и морем у скалистых откосов Пелиона.

Иных относило в сторону, к мысу Сепиады. Но и здесь не было спасения. Свирепые валы гнали суда на рифы, пронзавшие кедровую плоть подобно каменным мечам. Под ужасающий вой бури моряки боролись с мутно-серой, наполненной грязными обломками и поднятыми со дна водорослями водой и тонули, не в силах совладать с ее дикой мощью.

С неба спустилась тьма. Иссиня-черные тучи пролились дождем, более напоминавшим водяной шквал. Мириады колких струй пронзали воздух, превратив его в кипящее море. Стало трудно дышать, за стеной дождя не было видно даже собственной, вытянутой вперед руки. Рев бури и грохот дождя слились в раздирающий уши визг. Казалось, тысячи морских демонов поднялись из глубин моря и, торжествующе крича, топят избитые волнами корабли.

Те, кому удалось вовремя вытащить свои суда на берег, с ужасом внимали этому дикому разгулу стихии. Многие бегали вдоль кромки бушующих волн, подхватывая выброшенные на берег остатки судов и бездыханные тела товарищей. Но большинство, сознающее суетность подобных усилий, сидели у бортов кораблей, тщетно пытаясь спрятаться от беспощадно секущего дождя.

Ближе к вечеру дождь приутих. Тогда зашевелились маги. Они развели костры и принесли жертву светлоликому Ахурамазде, моля его обуздать взбунтовавшуюся стихию. Однако Ахурамазда не внял этим мольбам, и маги принесли новые жертвы — Митре, Рашну и даже Ариману. Они молились день, и два, и три. Три ужасных дня, наполненных тьмою, воем ветра и грохотом волн. Ночь смешалась с днем, хаос с миропорядком. И ничто, казалось, не могло восстановить утраченной гармонии. Но маги не сдавались. На четвертый день они призвали на помощь демонов, свергнутых Ахурамаздой.

На четвертый день буря утихла.

Когда море успокоилось, а небо обрело голубой цвет, моряки стащили корабли на воду и вышли в море на поиски унесенных бурей. Их взорам предстало страшное зрелище. Морская гладь, насколько хватало глаз, была покрыта обломками судов и трупами. Мертвых тел было так много, что их собирали не один день.

Итог катастрофы у берегов Магнесии был ужасающ. Погибло около четырехсот судов, многие получили серьезные повреждения и требовали ремонта. Лишь ионяне, карийцы, финикияне, вытащившие суда на берег, а также киликийцы, успевшие выплыть в открытое море, сохранили боеспособность своих эскадр. Египтяне, киприоты, геллеспонтийцы и ликийцы понесли большие потери и не представляли грозной силы, как прежде.

Известие о происшедшем быстро дошло до эллинов. Принеся жертвы Борею и Посейдону, заступничеству которых была приписана эта бескровная для сынов Эллады победа, аттические и пелопоннесские триеры оставили гостеприимные гавани Эвбеи, в которых они пережидали бурю, и поспешно отплыли к Артемисию, надеясь застать там разбросанные стихией мидийские корабли. Им сопутствовала удача, и они захватили пятнадцать вражеских триер. Это была первая победа над доселе непобедимыми мидянами, и эллины благодарили судьбу.

Но более всех был благодарен ей некто Аминокл, сын Кретина, хозяин прибрежной земли, близ которой терпели крушение

мидийские корабли. После бури владения Аминокла оказались сплошь усыпаны добром с погибших судов. Аминокл много дней бродил по берегу, подбирая золотые и серебряные кубки, драгоценное оружие, ящики с денежной казной. Он стал несметно богат, но это странным образом обретенное богатство не сделало его счастливым. Ведь на нем была печать гибели шестидесяти тысяч моряков. Это лишь цифра. Но вдумайтесь — шестьдесят тысяч жизней.

60 000.

И еще одно, оставшееся за рамками большой истории.

Буря у мыса Сепиада помешала мидийскому флоту вовремя прибыть в Малийских залив и поддержать действия армии, штурмующей Фермопилы. Не случись этой бури, быть может, нам осталось неведомо слово Фермопилы. Быть может, мы даже не знали бы слова ЭЛЛАДА.

Но буря была. И были Фермопилы...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Накануне

ФЕРМОПИЛЫ.

Трудно было найти место, более пригодное для обороны малыми силами, чем Фермопилы, называемые анфелийцами, жителями близлежащего городка просто Пилами. Это в наши дни наносы реки Сперхей привели к тому, что теперь через ущелье может пройти хоть целый легион, развернутый в боевой порядок. Во времена седой древности, которые для наших героев являлись настоящим, все было иначе. Казалось, сами боги позаботились о том, чтобы сделать Среднюю Грецию неприступной для вторжения с суши. С этой целью они создали Итийские или, как их еще называли Трахинские горы, короткой цепочкой бегущие от Пинда. Этих гор всего три: Ита, Пира, на вершине которой взошел на костер Геракл, и Каллидром. Склоны последней спускаются к Малийскому заливу — заболоченному соленому лиману, гибельному для всего живого, оставляя лишь крохотный проход, в котором не смогут разъехаться даже две колесницы. В нескольких стадиях отсюда на входе в ущелье находится храм Деметры Амфиктионийской, потому этот проход был прозван Деметриными воротами. Он не очень велик в длину и опытная пехота или тяжелая конница вполне могут преодолеть его мощным натиском. Однако Пилы еще не кончаются. За Деметриными воротами располагается узкая равнина. Она тянется примерно на тридцать стадий и достопримечательна тем, что по ней текут два сернистых ручья, от которых даже в гамелионе[1] исходит тепло. С востока равнину замыкает еще один отрог Каллидрома, тесно смыкающийся с морем и образующий вторые ворота, чуть более широкие, чем первые. Лишь миновав их, можно попасть в Локриду.

Итак, эта позиция практически неуязвима с суши. Но это еще не все. Боги и природа позаботились о том, чтобы сделать ее неприступной и с моря. Попасть в Малийский залив персидский флот мог лишь минуя мыс Артемиссий, у которого стоял объединенный эллинский флот — триста новеньких триер и пентеконтер, экипажи которых были преисполнены решимостью преградить путь врагу. Основательно потрепанные бурей мидийские эскадры не спешили вступить в битву. Но даже и прорвись они в Малийский залив, им вряд ли бы удалось быстро найти берег, пригодный для высадки десанта. На свете не было более паскудного места, чем побережье Локриды. Постоянные приливы и отливы превращали и без того вязкую почву в топкое болото, недоступное ни для людей, ни для судов.

Эллины подоспели к Фермопилам намного раньше, чем рыхлое месиво мидийского войска, отягощенное громадным обозом

и стадами скота, и разбили лагерь у небольшого локридского городка Альпены, располагавшегося сразу за Фермопильским ущельем. Первым делом Леонид произвел подсчет сил. Войско собралось немалое, но в сравнении с армадой армии варваров, в которой одних всадников было столько, что их кони выпили всю воду из реки Апидан, что в Ахее, превратив ее в крохотный грязный ручеек, оно казалось крохотной кучкой. Да и не все воины были столь умелы и сильны как хотелось, а многие и вовсе не желали сложить голову за эллинское дело. Основу войска составляли гоплиты пелопоннесцы, числом чуть более четырех тысяч. Из них триста воинов были спартиатами, прочих дали Тегея, Мантинея, Орхомен, Герайя и Фигелия — все аркадские города, а также Коринф, Флиунт и Микены. На этих бойцов можно было полностью положиться. Надежны были и семь сотен гоплитов-фаспийцев, почти все мужское население этого крохотного беотийского городка. Феспийцы присоединились к эллинскому ополчению горя священным восторгом, подобным тому, что испытывали жрецы Деркето[1], бичуя себя костяными ремнями. Фиванцам Леонид не доверял. Они были добрыми воинами, вдобавок вооруженными лучше многих других, но они не хотел сражаться, а если и хотели, то не на этой стороне. Царь прямо сказал беотарху Леонтиаду, что думает о нем и его гоплитах. Фиванец проглотил оскорбление молча, что лишь подтвердило подозрения Леонида.

Итого набиралось чуть более пяти тысяч — силы, недостаточные, чтобы дать мидянам даже небольшое сражение, но для обороны ущелья этого должно было хватить с избытком. Однако лишние воины никогда не помешают. Поэтому Леонид отправил гонцов к локрам и фокийцам. Те после некоторых раздумий прислали по тысяче воинов.

Теперь следовало подумать о том, как бы усилить оборону. Узкие Деметрины ворота представляли почти непреодолимую преграду. Почти. В мире не существует абсолютно неприступных крепостей. Леонид как опытный воин прекрасно понимал это. Потому он приказал возвести еще одно укрепление посреди коридора, точно между двумя воротами, точнее — восстановить его. Некогда через Фермопилы или орды фессалийцев, желавших покорить Фокиду. Чтобы остановить их, фокийцы соорудили каменную стену, а заодно перерыли пологий склон ущелья рвами, направив в них воду из сернистых источников. Эта нехитрая уловка помогла им остановить завоевателей и отстоять свою независимость, она должна была сработать и сейчас. Восстановлением стены занялись фокийцы и локры, прочие подносили камни, которые добывали фиванцы. Спартиаты и аркадяне с затаенным злорадством наблюдали за тем, как потомки Кадма долбят кирками известняковые скалы, пачкая и издирая в клочья свои богатые одежды.

Стена еще не была завершена, когда пришло известие о приближении полчищ Ксеркса. Обогнув Малийский залив мидийская

армия вторглась в Малиду и медленно, словно огромная сытая змея начала приближаться к крохотному арьергарду еще не созданной эллинской армии. Ее размеренный, неотвратимый, словно морской прилив, ход вселял в сердца малодушных робость. Тегейцы и мантинейцы попытались вновь заговорить о том, что стоит отступить к Истму.

— Уходите, — сказал им Леонид.

Аркадяне остались. Из опасения прослыть трусами. Остались и фиванцы, понимавшие, что спартиаты скорее перебьют их, нежели позволят покинуть войско и вернуться в Бестию. Фермопилы было решено защищать.

— Безумцы! — сказал Ксеркс, — узнав, что на пути его армии встал небольшой отряд эллинов...

* * *

— Безумцы! — повторил владыка Парсы и захохотал. В тот день он был беспричинно весел. — Раздавить их!

Мудрый Артабан был как всегда рядом.

— Великий царь, — произнес вельможа, низко кланяясь, — не следует предпринимать поспешных решений. Даже мудрейший и величайший, если он забывает смотреть себе под ноги, оступается и падает в ямы. Воины устали, им нужен отдых. Что скажут, если вдруг великая армия не сможет разгромить крохотный, но полный сил отряд эллинов? А пока воины будут возлежать на коврах и поглощать сочное мясо, мы пошлем к эллинам соглядатая, который разведает сколько их, и что они замышляют.

— Ну ладно, будь по-твоему, — буркнул царь, косясь на стоящего рядом Дитрава. Рука первого сотника выразительно поглаживала золоченый эфес меча. Ты дал мудрый совет, Артабан. Пусть воины располагаются на отдых, а твой человек сходит и посмотрит, что делают эти безумные эллины. Я повелеваю так!

В этот миг Ксеркс отвлекся на вкусные запахи, долетевшие с медных жаровен царской кухни, и Артабан, низко поклонившись, оставил своего повелителя. Он прошел к себе и велел позвать человека, как нельзя лучше подходящего для подобного рода поручений.

Вскоре тот явился в наскоро разбитый шатер хазарапата. Встав у входа, чтобы не запачкать дорогого ворсистого ковра, — не из опасения рассердить Артабана, а просто понимая толк в добротных вещах, — гость поклонился, сложив на груди руки. Поклон был недостаточно почтителен, не в землю, а всего в пояс, но Артабан не стал придавать значения подобным мелочам. К тому же он знал, что имеет дело с царем, правда — с царем воров.

— Как поживаешь, Отшем? — поинтересовался хазарапат.

— Благодарю, нормально.

Еще бы не нормально! За то время, что карандинский вор следовал с парсийским войском, он срезал не одну сотню кошелей,

снял бессчетное количество цепей, колец и браслетов. Теперь он был богаче самого богатого вельможи. Артабан прекрасно знал о проделках вора, но закрывал на это глаза. Парсийские вельможи были достаточно богаты, а кроме того, этот поход возместит им все убытки. Отшем же был слишком полезным человеком, чтобы сердиться на него из-за подобных пустяков. Артабан поручал умелому вору самые щекотливые дела, вроде того, что предстояло выполнить сейчас.

— У меня есть для тебя поручение.

— Я слушаю, сиятельный.

— Проберешься в ущелье и разведаешь силы эллинов. Посмотришь, каково их настроение. Понял?

— Как не понять, сиятельный!

Вельможа уловил в голосе вора издевку и грозно посмотрел на него.

— И еще вот что. Как хочешь, но выведай, есть ли среди эллинов один человек. Его нетрудно узнать. Он очень высок, мощного телосложения, лицом похож на... — Артабан замялся. — на киммерийца! Тебе приходилось видеть киммерийцев?

Отшем кивнул.

— Да, сиятельный. Я случайно оказался во дворце в тот день, когда эти проклятые кочевники напали на него.

— Ах да, конечно... Совершенно случайно! — Артабан усмехнулся. — Еще у него светлые волосы и голубые глаза.

— Я что, должен заглядывать каждому встречному в лицо?

— Если потребуется, то да! — отрезал вельможа и, смягчая тон, добавил:

— Этот человек интересует меня более всего.

— Понял. Какова будет моя награда?

— Можешь беспрепятственно продолжать свою бурную деятельность.

— О чем говорит сиятельный? — прикинулся непонимающим Отшем.

— Ладно, не строй из себя дурака! Кошели вельмож в твоем полном распоряжении.

— Это поистине царская плата! — оскалив зубы, заметил Отшем.

Артабан кивком головы приказал соглядатаю убираться. Отшем поклонился и выскользнул из шатра. Его шаги мгновенно растворились в гаме лагеря.

Вельможа несколько мгновений задумчиво изучал шелковый полог, за каким исчез вор, затем он прошел за занавес, отгораживавшую один из углов шатра. Здесь на шелковых подушках возлежала Таллия.

— Что ты думаешь об этом человеке? — спросил хазарапат.

— Он предаст тебя, — с улыбкой ответила девушка.

* * *

Отшем был человеком дела, а, если выразиться точнее, — человеком, никогда не откидывающим дело на потом. Из шатра Артабана он двинулся прямо к виднеющейся на востоке горе, стоически выдержав искушение жарящегося на кострах мяса. Этот запах преследовал его все то время, пока вор шел по лагерю; не отстал он и тогда, когда Отшем вышел за сторожевые посты.

Идти было немало, примерно стадий пятьдесят. Ошем развлекал себя тем, что насвистывал гнусавую мелодию и сшибал ногами перезревшие пшеничные и ячменные колоски. Он никогда не выращивал хлеб, но мог поклясться, что урожай в этом году был отменным. Миновав множество участков, квадратиками рассекавших долину, Отшем дошел до небольшой речушки, обмелевшей настолько, что вода едва покрыла голени лазутчика. На берегу было небольшое селение, жители которого при приближении мидийского войска в страхе разбежались. Вор мимоходом пошарил в нескольких домах. Лучшим его трофеем оказались пшеничная лепешка и несколько горстей винограда. Лепешка была сухой, а виноград слишком кислым, но Отшем съел и то, и другое с удовольствием. Так, наслаждаясь нехитрой трапезой, он дошел еще до одного ручья, также неглубокого, но более чистого. Этот ручей вытекал из горы и устремлялся на равнину — туда, откуда держал путь Отшем. Вор сладостно напился, потом подумал и плюнул в воду, присовокупив к своему кощунству проклятье в адрес вельмож, следящих за своими кошелями. Не удовольствовавшись этим, Отшем помочился[1] в воду и лишь затем двинулся дальше.

Равнина, по которой он шел, сужалась все более и более, пока, наконец, горы не приблизились к морю вплотную. Здесь дорога начинала петлять, повторяя причудливые очертания прибрежной линии. Отшем петлял вместе с нею.

Воины появились пред ним столь неожиданно, что вор не сумел скрыть испуга и отскочил на несколько шагов назад; но не побежал, быстро сообразив, что в этом случае его наверняка примут за лазутчика и уж тогда пощады не жди. Воинов было примерно десятка два. Часть из них была вооружена копьями, мечами и овальными щитами, на выпуклой поверхности которых был изображен улыбающийся лев, часть — луками и дротиками. У Отшема были быстрые ноги, а эллины слыли плохими стрелками. Однако для того, чтобы попасть стрелой в человека, стоящего в двадцати шагах, не требовалось быть Анаксагором[2]. Отшем оскалил зубы, словно собака, выказывающая дружелюбие. Будь у него хвост, он повилял бы им.

— Ты кто? — спросил один из воинов, бородатый и могучий, с подозрением взирая на Отшема.

— Я несчастный трахинец, ищущий спасения от нечестивых парсов! — скороговоркой выпалил лазутчик, старательно придавая лицу страдальческое выражение.

— Что-то ты мало похож на трахинца, — недоверчиво вымолвил эллин.

— Ты тоже куда больше походишь на абдерита[1], чем на спартиата, но ведь я не делаю из этого поспешных выводов! — дерзко бросил Отшем.

Бородач смутился. Его товарищи дружно захохотали.

— Ловко он отбрил тебя, Телекл! — сквозь смех выговорил один их них, судя по доспехам также спартиат.

— Язык-то у него длинен, а вот рожа подозрительна, — проворчал раздосадованный бородач.

— Я всегда подозревал, что моя мать не состояла в связи с Аполлоном.

Эллины захохотали еще пуще. Напарник Телекла и вовсе повалился на траву, в восторге хлопая себя по животу. Не без труда совладав со смехом, он поинтересовался:

— Послушай, парень, ты случайно не внук Эзопа?

— Я его дедушка, — сказал Отшем, не очень ясно представлявший себе кто такой Эзоп, но посчитавший, что подобный ответ будет воспринят как следует. Он не ошибся. Грянул новый взрыв хохота. Не смеялся лишь один Телекл.

— И что делает здесь дедушка Эзопа? — сурово спросил спартиат.

— Бежит от мидян, — обретая серьезность, ответил парсийский вор.

— А откуда я знаю, что ты не лазутчик?

Отшем пожал плечами. В этот миг за него вступился приятель подозрительного бородача.

— Да брось ты, Телекл! Разве тупые варвары знают об Эзопе! Да и говорит он совсем по-нашему.

— Может быть, он ионянин, — вполне резонно предположил Телекл.

— Да ну, какой он ионянин! — воскликнул воин, явно симпатизировавший остроязыкому незнакомцу. — Ты ведь не ионянин?

— Нет! — мгновенно сказал Отшем.

— Вот видишь!

Однако подобный довод вновь не устроил Телекла.

— Да этот пройдоха наплетет тебе что угодно. И даже назовется сыном Зевса. Мне он кажется подозрительным.

— Заладил... — протянул приятель Телекла. Но бородача поддержал еще один воин, вставивший:

— И мне!

Эта нежданная поддержка пришлась не по вкусу Телеклу. От Отшема не укрылось, что спартиат смерил выскочку недружелюбным взглядом.

— Что же прикажете мне делать? — плаксиво протянул вор. — Возвращаться назад? Но там уже мидяне.

— Да, это верно, — согласился бородач. Он задумчиво почесал плешивую голову и спохватился. — Да мы и не мо-

жем отпустить тебя. Ты видел нас. Вдруг ты все-таки лазутчик?!

— Я не лазутчик! — заорал Отшем, которого начал утомлять этот разговор.

Отчаяние, прозвучавшее в этом вопле, показалось стражам искренним. Они переглянулись, а затем приятель Телекла предложил:

— А давайте-ка я отведу его к царю. Он живо с ним разберется.

Немного поразмыслив, Телекл кивнул головой.

Вот так Отшем оказался во вражеском стане.

Эллины к тому времени перебрались из-под Альпены непосредственно в Фермопильский проход и разбили лагерь на небольшой террасе, тянущейся вдоль основания горного склона. Здесь бил источник, вдоволь обеспечивавший защитников ущелья питьевой водой. Еду доставляли извне, из локрийских селений. Три повозки с провиантом как раз подъезжали к сторожевому посту, выставленному у лагеря скорей для проформы, потому что никакой опасности здесь угрожать не могло. Отшем и сопровождавший его смешливый воин, назвавшийся Трекеном, проследовали прямо за повозками. Они шли вверх мимо сидящих на расстеленных гиматионах воинов, многие из которых не без любопытства поглядывали на идущего под стражей незнакомца. Отшем также во все глаза разглядывал их, стараясь не упустить ни одной детали.

Защитников ущелья было не так уж мало, как полагали парсийские вельможи. Сосчитать беспорядочно рассеянных по склону воинов было трудно, да и не следовало этого делать, дабы не вызвать подозрений. Отшем ограничился тем, что быстрым взглядом определил примерное число палаток, которые, как он справедливо предположил, были разбиты для военачальников. Большего он сделать не успел, так как они пришли.

— Посиди здесь!

Указав Отшему на примятую траву, смешливый спартиат направился к крохотной полотняной палатке. Вор с удивлением понял, что именно здесь разместился предводитель войска. Это скромное походное жилище даже не стоило сравнивать не только с великолепными шелковыми шатрами, в которых жили великий Ксеркс и царственные родственники, но даже с теми, в которых размещались самые незначительные вельможи.

Подавляя тяжелый вздох, рассчитанный на окружающих, лазутчик присел на траву рядом с одним из эллинов. Тот был невысок, но коренаст. Его широченной груди и огромным, непомерно мускулистым рукам мог позавидовать любой богатырь. Одет он был, как и прочие, в простую шерстяную тунику серого цвета, подобную тем, что в Парсе носят бродяги и нищие, но в остальном вид имел ухоженный, можно сказать благородный. Крепкоскулое лицо было чисто выбрито, волосы на голове тща-

тельно расчесаны и умащены. По правую руку от эллина лежало его боевое снаряжение — шлем, панцирь, копье, меч и щит со львом.

Пока вор рассматривал воина, тот тоже не остался в долгу, в свою очередь внимательно изучив незнакомца. Проделав это, воин поделился увиденным:

— Ты мидийский лазутчик.

Отшем отнесся к этому заявлению весьма хладнокровно.

— Ты не первый, кто утверждает это.

— Зачем ты пришел? Узнать сколько нас?

— Мне это не нужно. — Отшем притворно зевнул. — Я беру от мидян. Я трахинец.

— Слышали? — Воин повернулся к своим товарищам, устроившимся неподалеку. Те дружно кивнули. — И много вас, мидян?

— Их! — со значением поправил Отшем.

— Ну пусть будет — их.

— Так много, что если они разом отпустят тетиву своих луков, то стрелы совершенно скроют солнце!

Карандинец победоносно взглянул на воина, ожидая его реакции на эту цветастую фразу. Эллин равнодушно пожал плечами.

— Что ж, тогда мы будем сражаться в тени.

— Отлично сказано, Диенек! — раздался чей-то негромкий возглас.

Отшем повернул голову. У палатки стоял человек — высокий, мощный, светловолосый — словом, точь-в-точь как описывал Артабан. Человек сощурил голубые глаза и поманил Отшема пальцем...

* * *

— Что было дальше? — нетерпеливо спросил Артабан.

— Я вошел в его палатку.

— Ну и?

— Он спросил у меня: кто я? Я ответил, что трахинец, бегу от мидян. Тогда он начал расспрашивать меня об этом фессалийском городишке. Хотел поймать. Но я недаром провел два дня на тамошней агоре.

— Срезал кошели, — подсказал Артабан.

— И слушал. Потому мои ответы были достаточно верны. Но он все равно не поверил мне до конца. Он приказал держать меня под стражей, но нет стражи, которая смогла б удержать карандинского вора. Ночью я перерезал стражнику глотку и ушел.

— Но как ты добрался до нашего лагеря? Ведь ущелье охраняется эллинскими постами!

— Они стоят лишь на дороге. На горных склонах их нет.

— Значит, по горным склонам можно пройти?

— Я смог, — со значением произнес Отшем.

— А воины?

— Если они ловки как карандинский вор, то смогут тоже.

Артабан рассердился.

— Заладил — карандинский, карандинский! Что еще сказал тебе царь?

Отшем пожал плечами.

— Ничего. Я мало заинтересовал его...

Лазутчик лгал. Его встреча с Леонидом выглядела совершенно иначе. Едва лишь с легким треском сомкнулись пологи палатки, как спартиат резко спросил:

— Тебя послали выведать численность нашего войска. Но еще более человека, пославшего тебя, интересовало, есть ли среди эллинов воин огромного роста с голубыми глазами. Так?

Растерявшийся Отшем не только подтвердил сказанное спартиатом кивком головы, но и пробормотал, добавляя:

— И светлыми волосами.

Одержав первую победу, царь продолжил допрос.

— Пославший тебя высок, жилист, у него худое, вытянутое лицо.

Вор слегка оправился, ровно настолько, чтобы оценить положение, в каком он очутился. Положение было не из приятных. Эллин раскусил его и теперь был волен делать со шпионом, что угодно. В такой ситуации следовало быть предельно откровенным. Лишь это давало крохотный шанс, что Отшема не вздернут на первом пригодном для этой цели дереве, а отправят в рудники или мастерские, откуда можно будет сбежать. Поэтому Отшем поторопился с ответом.

— Вовсе нет. Он дороден, невелик ростом и имеет полное лицо. Это сиятельный Артабан, ближайший советник царя Ксеркса.

— Вот как... — задумчиво протянул спартиат. Какое-то время он размышлял, а затем спросил:

— Какого цвета у него глаза?

Пришел черед задуматься Отшему.

— Глаза? Кажется, голубые. Да-да, голубые!

— Мидянин с голубыми глазами. Не странно ли?

— Да, — согласился лазутчик, не вполне понимая, куда клонит спартиат.

— Я знавал этого человека в другом облике. Что он велел тебе разузнать?

— Мне приказано рассмотреть ваш лагерь, — нерешительно начал Отшем, с опаской поглядывая на огромный, странного вида, меч, лежавший в изголовье нехитрого ложа спартиата.

— Еще?

— Сколько вас? Что собираетесь делать?

— Что еще?

— Больше всего сиятельный Артабан интересовался тобою.

— Так и должно было быть. — Царь вновь задумался. Он непроизвольно сжал кулаки, столь огромные, что Отшему захо-

телось очутиться подальше от этого места. Тот поспешно растянул губы в заискивающей улыбке. Леонид посмотрел на него и рассмеялся. — Значит так, сообщишь своему сиятельному Артабану, что разговаривал со мной, что я раскусил тебя и велел держать под стражей. Ночью ты перерезал охраннику горло и бежал.

Лазутчик старательно скрыл изумление и поинтересовался:

— Зачем все это нужно спартанскому царю?

— Сейчас объясню. Но прежде ты должен запомнить то, что расскажешь Артабану. Эллинов в ущелье немного, но к ним каждый день подходят подкрепления. Ты слышал, как один из эллинов случайно обмолвился другому, что вот-вот должны подойти основные силы спартиатов и афинян. Да, не вздумай проговориться, что я расспрашивал тебя о нем! После этого ты пойдешь к царю и сообщишь ему, что Артабан на самом деле не тот, за кого он себя выдает, а изменивший облик маг Заратустра.

Вор выпучил глаза.

— Разве маги умеют менять облик?

— Этот умеет. Я думаю, царь щедро наградит тебя.

Отшем задумался.

— А если я признаюсь Артабану, как все было на самом деле?

— Что ж, можешь попробовать, но я не советую тебе делать это по двум причинам. Первая — через три дня я пошлю к мидянам человека, который расскажет о тебе всю правду. Но это не страшно для тебя, ведь ты признаешься Артабану намного раньше. Я прав?

Карандинец уклонился от прямого ответа.

— Допустим.

— Тогда второе. Я хорошо знаю человека, который называет себя Артабаном. Он ни за что не оставит живым того, кто так много знает? Ты все понял?

— Да, — выдавил незадачливый лазутчик.

— А теперь ступай вон. Я прикажу воинам проводить тебя через посты.

Низко кланяясь, Отшем выскользнул из палатки. Вскоре он шагал по пестрым квадратикам полей к парсийскому лагерю.

* * *

Парсы не начинали битвы четыре дня. Четыре дня воины выходили из лагеря, надеясь, что дерзкие эллины образумились и освободили проход. И каждый раз дозорные доносили, что ущелье по-прежнему перегораживает стена эллинских щитов. Артабан трижды посылал к вражескому предводителю послов и те неизменно возвращались назад с дерзкими ответами.

В первый раз спартанскому царю было предложено перейти на сторону Ксеркса, за что повелитель Парсы обещал сделать эллина правителем Эллады. Леонид ответил, что предпочитает умереть за Элладу, чем властвовать над нею.

На второй день посланец передал эллинам требование царя сдать оружие. Ответ был лаконичен — приди и возьми.

Назавтра перед ущельем выстроились бессмертные, парсы, мидяне и киссии. Их было так много, что вся равнина оказалась заполненной блестящим металлом оружия и доспехов.

Несколько вельмож в сопровождении самых могучих воинов приблизились к Деметриным воротам и обратились к стоявшему перед шеренгой воинов царю Спарты:

— Вы ничтожная кучка, дерзко вставшая против великого войска! Вы не можете рассчитывать на победу!

— Чтобы умереть, хватит и этих! — бросил Леонид.

Воины вернулись в лагерь. На рассвете четвертого дня попытал счастья Артабан, пришедший к ущелью один, без всякой стражи. Царь вышел ему навстречу также один. О чем они говорили осталось неизвестным, но вельможа возвратился взбешенный. Тем же вечером он говорил Таллии:

— Все. Больше нельзя ждать ни дня. Что-то происходит. Я чувствую это. Мне кажется, инициатива ускользает из наших рук. Армия теряет боевой дух, флот зализывает раны, нанесенные бурей, даже не пытаясь проскользнуть мимо эллинских кораблей, чтобы ударить в спину этим безумцам.

— Я давно говорила тебе, что пора начать штурм. Ведь, если верить лазутчику, к эллинам все время подходят подкрепления.

— Ты очень точно сказала: если верить! — Артабан хмыкнул. — Вор или был обманут или лжет, руководствуясь какими-то своими соображениями. Воину неоткуда ждать подкреплений. Это он пытается выманить нас на битву.

— Зачем ему это нужно?

Хазарапат искоса взглянул на девушку. В его взгляде было подозрение.

— Пока не знаю. Возможно, он ищет смерти. Возможно у него есть какой-то план. Но как бы то ни было, нам придется завтра атаковать ущелье. — Хазарапат вздохнул и сокрушенно покачал головой. — Эх, сражайся бы мы на равнине, где достаточно места, и им не продержаться и часа. Но они заняли такую позицию, где численный перевес не решает абсолютно ничего. В этом ущелье не смогут развернуться и три сотни воинов. Воин умен, ох как умен!

— А что он сказал тебе сегодня?

— Послал. Так далеко, где я еще никогда не бывал.

Таллия захохотала. Звонко и заразительно. Артабан, улыбнувшись, поцеловал ее в чуть припухлые губы.

— Завтра мы их сомнем. Завтра...

И наступило завтра.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Противостояние

То, что происходило эти два дня, можно назвать одним кратким словом — резня. Это было взаимное избиение, где мидяне[1] падали на землю в сто раз чаще, чем эллины, и в конце концов покрыли ее ковром мертвых тел. Это трудно назвать битвой, ибо история не знала битв, когда груды трупов возвышались над головами еще сражающихся, когда было безысходство, но не было пути к отступлению. Это была резня.

Пройдут века, и человечество познает ужасные войны. Оно услышит рев пушек и, зажмурив глаза, будет следить за тенью ядерного облака. Ряды бойцов будут выкашивать сначала ядра, потом шрапнель, потом пулеметы. Громадные крупповские «доры» сотрут в порошок колонны, беспечно шагающие на марше. В небо взовьются самолеты, наполняя землю грохотом разрывов и огненными всплесками напалма. Но нет, не было и никогда не будет ничего страшнее рукопашного боя, резни, когда меч в меч, штык в штык, глаза в глаза. Когда нет надежды на бога и зенитную артиллерию, а приходится верить лишь в собственную силу и крепость стали. И некуда деться — ведь в грудь смотрят копья врагов, а сзади теснят друзья. И ты меж двух стен — сверкающих и беспощадных. Эти стены катятся на тебя и разрывают в своих звонких объятиях. И нет спасения.

Именно так чувствовали себя мидяне, падая лицом в каменистую землю.

Но начнем все по порядку — и наступило завтра.

Сквозь миндалевидные щели личины Леонид наблюдал за приближающимися мидянами. Их было никак не менее десяти тысяч, настроены они были весьма воинственно. Размахивая копьями и мечами варвары плотными шеренгами втягивались в узкую горловину ущелья. Поначалу они шли более или менее свободно, держась на достаточном расстоянии от моря и отвесных склонов Каллидрома, но по мере продвижения вперед постепенно сбивались в тесную кучу. Тех, что двигались крайними справа, притиснули к скалам, шедших слева оттеснили в море и теперь они с огромным трудом вытаскивали ноги из липкой грязи.

Так и должно было случиться. Вместо того, чтобы попытаться пробиться небольшими сплоченными отрядами, чередуя натиск тяжелой пехоты с налетами конницы, мидийцы пытались взять навалом, используя огромное численное преимущество, которое в данных условиях не давало им ни малейшей выгоды. Леонид усмехнулся и извлек из ножен меч. С ним было всего сто спартиатов, стоявших по десять человек в ряд. Одиннадцатый в теснине Деметриных ворот уже не помещался. Сто человек —

ничтожный отряд в обычной битве, но в этих условиях они образовывали щит, способный остановить любую армию. Этот сверкающий бронзой четырехугольник, клином запечатавший узкое ушко ущелья, представлял первую линию обороны. На расстоянии стадия находилась вторая линия — двадцать шеренг гоплитов по пятьдесят человек в каждой. Здесь дальше была третья линия — укрепленная стена, защищаемая феспийцами и фиванфами. Тысяча локров занимала склоны Каллидрома. Прочие воины были в резерве, им надлежало сменить сражающихся товарищей как только те устанут...

Послышалось грозное жужжание и в щиты спартиатов с лязгом ударились первые стрелы. По команде Леонида первый ряд гоплитов опустился на левое колено, прикрывая щитами себя и ноги гоплитов второго ряда. Воины, стоявшие дальше, подняли щиты над собою, отбивая стрелы, падающие сверху. Получилась непробиваемая стена, ощетиненная двумя рядами копий. Мидийцы как-то стреляли, надеясь найти щель в фаланге, но убедившись, что не могут принести эллинам никакого урона, убрали луки за спину и взялись за копья. Они подступали медленно, устраненные безмолвной неподвижностью спартиатов. Когда до бронзовой стены осталось не более десятка шагов мидийцы нестройной толпой бросились вперед, надеясь разорвать неприятельский строй дружным натиском.

Спартиаты встретили врагов ударами копий. Древко эллинского копья, сделанное из прочного кизила, примерно на локоть длиннее мидийского; это давало лакедемонянам определенное преимущество. Десять мидийцев ударили копьями в щиты присевших на колено эллинов и тут же рухнули, сраженные замертво. На смену им пришли другие, завязалась сеча. Варвары беспорядочно лезли на спартиатов и падали замертво. Звенел металл, летели копья, бросаемые мидянами через головы сражающихся товарищей. Гоплиты не отступали ни на шаг, поражая врагов с четкостью хорошо отлаженного механизма. Отчаявшись пробить брешь в фаланге, некоторые мидийцы пытались зайти сбоку, но едва они сходили с дороги, как тут же попадали в вязкую соленую кашу и уже не могли выбраться из нее, так как их место на твердой земле к тому времени занимали новые воины.

Вскоре на дороге образовался вал из тел сраженных мидийских воинов. Среди спартиатов не было ни убитых, ни даже раненых. Понукаемые сотниками, которых можно было отличить по серебряным эфесам мечей, варвары стали стаскивать трупы в воду, освобождая место для новой схватки. Эллины не препятствовали им.

Убрав убитых, мидийцы бросились в новую атаку. Спартиаты отразили и этот натиск, нагромоздив перед собой еще один вал из трупов. Это повторялось не единожды, пока Леонид не решил, что пора сделать игру более интересной. Выждав момент, когда

варвары ослабили натиск, в очередной раз занявшись уборкой трупов, царь прокричал:

— Назад!

Заранее предупрежденные об этом маневре, воины начали пятиться, а затем и вовсе побежали назад, открывая врагу путь в ущелье. В первое мгновенье мидийцы не поверили своим глазам. Потом они радостно завопили и устремились вдогонку за струсившими эллинами. Спартиаты достигли второй линии и, пройдя сквозь нее, скрылись за спинами товарищей. Вместо бегущих врагов мидийцы вдруг увидели еще одну сверкающую стену. Но теперь она не защищалась, а готовилась к броску. Едва варвары заполнили освободившуюся часть ущелья, царь вскинул меч и прокричал:

— Вперед!

Эллины дружно бросились на неприятелей. На лицах мидийцев, уже почти поверивших в свою победу, появилось замешательство. Передние замедлили шаг и попытались остановиться, но толпа напирала, толкая их прямо на копья бегущих гоплитов. Удар бронированных воинов был страшен. Сверкающая стена в едином порыве подмяла под себя несколько сот врагов. Остальные ударились в бегство, не помышляя о сопротивлении. Стремясь побыстрее вырваться из ущелья мидийцы мешали друг другу, а эллины безжалостно поражали их ударами в спину. Многие устремлялись в море и накрепко увязали в жидкой грязи. Они стали добычей пельтастов[1], бежавших вслед за гоплитами.

Преследование было прекращено лишь когда эллины вернулись на место, какое занимали до своего ложного отступления.

И вновь стена из ста гоплитов перегородила ущелье. Варварам надо было начинать все сначала.

Мидийцы в этот день ходили в атаку еще трижды. Эллины снова и снова заманивали врага до второй линии обороны и безжалостно истребляли. Пестрые хитоны варваров сплошь покрыли землю, так что защитники ущелья ступали по трупам. Эллины же потеряли всего десять человек, около тридцати было ранено.

К полудню мидийцы выдохлись, а Артабан велел киссиям сменить их. Киссии были отважны и смекалисты. Они пытались действовать хитростью. Часть варваров полезла на скалы, прочие несли с собой бревна и камни, желая замостить гать и увеличить фронт битвы. Однако оба эти плана потерпели полный крах. Киссиев, что пытались подняться на Каллидром, обратили в бегство опунтские локры, бревна и камни потонули в грязи, так и не сделав дно залива более твердым. Словно вознаграждая врагов за эту неудачу, эллины вновь оставили Деметрины ворота и отступили вглубь ущелья. На этот раз они отошли еще дальше, аж до самой стены. Киссии поспешили воспользоваться предоставленной им возможностью. Теснину заполнило неисчислимое множество воинов, часть которых сидела на конях. Пестрые, покрытые

сверкающими медными чешуйками хитоны раскрасили мертвую землю в яркий цвет. Принесли лестницы, и возглавлявший варваров Анаф приказал начать штурм.

К стенам подступили сотни лучников. Под прикрытием смертоносного дождя воины начали карабкаться на каменную насыпь. Эллины поражали их сверху ударами копий, бросали дротики, пускали стрелы. Сотни варваров падали к подножию стены, образуя вал из окровавленных тел. Прочие остервенело лезли по этим трупам, чтобы через мгновение присоединиться к ним с пробитой грудью или разрубленной головой. Киссии были полны отчаянного мужества, но им были преисполнены и эллины. Защищенные прочным доспехом, имея большой щит и длинное копье сыны Эллады превосходили врагов в рукопашной схватке. Бронзовые латы пелопоннесцев выдерживали удары мечей варваров, легкие камышовые стрелы застревали в прочных щитах. Закаленная сталь копий и мечей эллинов насмерть поражала врагов. Обшитый медными пластинками хитон не был преградой для отточенного острия, войлочные митры не спасали от рубящего удара, щиты не выдерживали долгого знакомства с эллинским клинком и разлетались. Несметное множество киссиев полегло пред каменной преградой, лишь изредка меж пестрыми хитонами варваров можно было заметить красно-бронзовый доспех эллина.

Леонид выждал, пока вал из трупов не поднялся почти до самого верха стены и лишь после этого приказал контратаковать. Эллины спрыгнули вниз и разом ударили на врага. В центре фаланги шли спартиаты во главе со своим царем, с огромной силой обрушивавшим меч на голову пятившихся врагов, слева — феспийцы, возглавляемые храбрым Демофилом, справа — фиванцы под командой Леонтиада. Позади двигалась еще одна линия, составленная из двух тысяч аркадян.

Эллины врезались в толпу варваров острым клином и началось избиение. Бронзовые воины безмолвно теснили врагов, без устали орудуя копьями и мечами. Варвары падали сотнями и тысячами. Даже умирая, они пытались сражаться, хватаясь за ноги шагающих по их телам гоплитов. Следовал быстрый удар копьем или мечом и киссий покидал этот мир, отправляясь в светлые выси Гародманы. А окровавленная сталь уже искала себе новую жертву.

Варвары продержались совсем недолго. Вскоре они бросились бежать, подставив под удары спины. Эллины преследовали их по пятам и беспощадно избивали. Кричали смертельно раненые, вставали на дыбы перепуганные кони, сбрасывавшие на землю всадников. Сталь тупилась, утомившись рассекать кости, но бронзовые воины не знали усталости. Они вонзали копья в спины, бедра, поясницу; сверкающие мечи опускались на головы и плечи. Варвары молили о пощаде, но пленных не брали. Таков был приказ Леонида. Из ущелья выбралась едва ли треть воинов

из числа тех, что вошли туда. Землю Фермопил покрыл еще один причудливый ковер из мертвых тел.

Кровавая потеха увлекла и самих парсов. Артабан двинул на непокорных эллинов, арабов, ливийцев, эфиопов и фракийцев. Эти легкие и быстрые воины обрушили на фалангу тучу дротиков и стрел, которые и впрямь закрыли заходящее за скалы солнце. Бронзовая стена поглотила смертоносный дождь и, выждав момент, когда враги приблизятся, рассеяла их стремительным ударом. Варварам не помогли ни копья с рогами антилопы, ни диковинные палицы, ни львиные шкуры, которыми они прикрывали тело. Мидяне бежали. А вскоре погасло солнце первого дня.

* * *

Смеркалось. На поле брани сошла тишина. В воздухе веяло смертью и запахом разлагающейся крови. Жуткое зрелище представало глазам эллинов, взирающих со стены на ущелье, заваленное мертвыми телами. Жуткое...

Леониду, пережившему на своем веку бесчисленное множество сражений, случалось видеть всякое. Он помнил крепостные рвы, до самого верха заполненные изуродованными трупами, ужасающую панораму бесконечных выжженных равнин, на которых нашли гибель целые армии, изумрудные холмы, испещренные окровавленными телами павших воинов. Но подобного не видел даже он.

Вообразите себе узкий коридор, примерно два стадия в длину и не более шестидесяти футов в ширину, стиснутый отвесным склоном с одной стороны и зыбучей гладью моря с другой. И весь этот коридор, площадью не более двадцати плетров, сплошь завален мертвыми телами. Мидийцы и Киссии, арабы и эфиопы, лидийцы и фракийцы. Диковинные белые бурнусы рядом с доспехами из буйволовой кожи, лисьи шапки — с шлемами из лошадиных шкур, парсийские копья и мечи — с диковинным оружием полудиких южных племен.

Умершие лежали в самых разнообразных позах — порой причудливых и даже вычурных, — в каких их застала смерть. Кто-то умер почти спокойно, сложив руки на груди или вдоль туловища. Других смерть нашла в движении; они лежали, подогнув под себя ноги, словно пытаясь встать и продолжить свой путь. Третьи пали в жаркой схватке, их руки крепко сжимали иззубренное оружие, а в остекленелых глазах навечно застыл азарт. Ужасней всего выглядели те, кто умерли в мучениях, кому боги не даровали быстрой смерти. Их лица были искажены мукой, а члены сведены страшной судорогой, что пронизывала мышцы в последние мгновения жизни и не отпустила и тогда, когда пришла смерть.

Рассматривая груды одеревеневших трупов нетрудно было представить, что происходило в том или ином месте утром, в полдень или перед закатом. Вот здесь наступали мидийцы. Насту-

пали бескровно, не встречая сопротивления. Невозможно увидеть ни одного воина, лежащего головой на восток. Все трупы, расположенные почти идеальными рядами, будто их свалила неведомая могучая сила, устремлены к западу, к спасительным Деметриным воротам; они словно пытаются уползти из проклятого ущелья, ставшего им могилой. И почти все они имеют рану в спине или в затылке — след эллинской стали, нанесшей позорящий удар. Лишь немногие отважались повернуться и встретить смерть лицом. Как, к примеру, вот этот сотник, на чьем теле можно насчитать добрый десяток ран и чей изогнутый меч покрыт спекшейся кровью. Он защищал свою жизнь, а, быть может, пытался остановить бегущих воинов, вонзая бронзовый клинок в их животы и шеи. Затем он получил удар в пах, изогнулся и тут же несколько копий впились в его грудь. Одно из них вошло слишком глубоко, застряв меж ребрами. Эллин не смог вытащить его и устремился дальше с извлеченными из ножен мечом.

А в этом месте лезли на стену киссии. Лезли отчаянно, порой забывая прикрыть себя щитом. У большинства из них разрублена голова. Войлочная тиара быть может предохраняет от солнца, но никак не от хорошего удара мечом. Их смерть была мгновенной и умерли они с радостным ощущением ярости. Теперь по обезображенным гримасой лицам ползали зеленые мухи, привлекаемые мертвой кровью и жирными сгустками выплеснутого из черепа мозга.

Пройдем чуть дальше, на небольшой холм. Его занимали лучники, посылавшие стрелы в феспийцев, оборонявших левый участок стены. Они поработали на совесть — двадцать гоплитов недосчитается городок Феспии после этого боя, — но увлеклись и не успели броситься в бегство вместе со всеми. Перешедшие в атаку эллины отсекли их от прочих и истребили всех до единого. Ярость феспийцев была столь велика, что они уродовали уже мертвые тела, вонзая копья в холодеющую плоть.

Сразу за холмом навалена куча мертвых коней и их хозяев — богато одетых киссиев. Эти воины были телохранителями Онафа. Они прикрыли бегство своего командира и поплатились за это жизнями. Их искрошила сталь спартиатов. Здесь лакедемоняне потеряли пятерых бойцов. Но не ищите их среди причудливой груды мертвой плоти, доспехов, щитов и копий. Тела лакедемонян уже обрели вечный покой в братской могиле у стены, а друзья помянули их доброе имя чашей чистого вина.

Проход постепенно сужается. Его ширина уже не превышает двадцати локтей. В этой узкой кишке, тянущейся до самых ворот, творилось самое страшное. Здесь бегущие варвары спрессовывались в визжащую массу, безжалостно истребляемую острой сталью. Сотни и сотни мидийцев и киссиев образовали громадный штабель трупов. Своей смертью они завоевали эту землю, потому что эллины решили не занимать фалангой прежнее место

в Деметриных воротах, предоставив мидянам, если они отважатся на новый приступ, самим растаскивать эту смердящую груду.

Здесь на небольшом выступе, очищенном от мертвецов, расположилась группа дозорных, оставленных на тот случай, если варвары вздумают напасть ночью. Леонид поприветствовал их кивком головы, воины почтительно поклонились.

— Ну как, все тихо? — спросил царь.

— Да, — отозвался один из стражей. — Лишь иногда стонут раненые, да варвары, забравшиеся в болото, пытаются вылезти на равнину.

Леонид повернул голову в сторону зыбкой глади залива, на сотни футов покрытой темными холмиками увязших в трясине варваров. Многие из них были мертвы и вскоре должны были стать пищей для червей и крабов. Другие еще шевелились, надеясь вытащить тело из трясины. Но их ожидала та же участь.

— Прекрасен запах смерти! — воскликнул царь, вдыхая воздух, наполненный миазмами трупного разложения — день был жарок, и мертвецы уже начали загнивать. Леонид повернулся к стоявшим за его спиной Гилиппу, Евриту и прорицателю Мегистию. — Мне нравится это зрелище!

— А меня ужасает! — резко ответил Мегистий.

— Брось, жрец! Они сами пришли на нашу землю. Они жаждали золота, рабов и земли. Но золото и смерть всегда ходят рядом. Они родные братья. У золота — лик смерти. А смерть улыбаясь, обнажает золотые зубы. Они, — Леонид указал рукой на лежащие пред ним трупы, — мечтали о золоте, забывая о том, что на одного, который вернется домой с добычей, придутся пятеро, коим суждено удобрить своими костьми землю, отдавшую свое золото. Сегодня мы собрали с них первую жертву, славную жертву!

Леонид поддел ногой труп одного из мидян, облаченный в роскошный золотистого цвета хитон, до пояса покрытый медной чешуей. По лицу царя пробежала гневная тень.

— Кто осмелился грабить трупы? — процедил он, оборачиваясь к часовым и указывая на холеные руки мертвеца, на которых виднелись светлые следы от снятых перстней.

— Фиванцы, — таков был ответ. — Они набрали полные горсти колец и браслетов.

Царь усмехнулся.

— И они думают о золоте. Скажи, прорицатель, — Леонид посмотрел на Мегистия, — зачем золото тому, кто завтра будет покойником?

Не дожидаясь ответа, царь повернулся и пошел обратно. Прочие поспешили за ним.

Уже совсем стемнело. На небосклон выполз выщербленный диск луны, бросавшей ломкие тени на искаженные мукой мертвые лица, холодно игравшей с потускневшим от крови металлом. Наполненное мертвецами ущелье порождало тоскливое чувство.

Разогретые днем трупы вспучились, холодный вечерний ветер, пришедший с моря, охладил их, освобождая от переполнявшего мертвую плоть гнилого воздуха и мертвецы издавали неясный шепот, похожий то ли на тихий стон, то ли на шипение. Время от времени кто-нибудь из них терял опору, и тогда его рука или туловище с шумом оседали вниз. Порой казалось, что совсем рядом мелькают неясные тени, выжидающие удобного момента, чтобы наброситься на победителей. От всего этого в душу Еврита заползал неясный сосущий страх, подобный тому, что посещает на ночном кладбище, где темные тени колышат надгробья и кричат упырями проснувшиеся совы. Спартиат настороженно озирался и то и дело хватался за рукоять меча. Гилипп заметил состояние ирена и ободряюще похлопал его по плечу.

— Не беспокойся. Это тени умерших отправляются в Тартар, увлекаемые Танатом. Ты еще не раз увидишь подобное. Хотя, нет. Тебя ждут много битв, но такого ты уже не увидишь никогда. Я прожил много лет, но мне не приходилось видеть столько мертвецов разом. А тебе, Леонид?

Царь, занятый своими мыслями, не уловил сути вопроса и обернулся.

— Что?

— Тебе когда-нибудь приходилось видеть такое побоище? — спросил Гилипп. Спросил более для проформы, заранее уверенный в отрицательном ответе. Однако, к его удивлению, царь промолвил:

— Нечто подобное я видел после битвы у Черной реки.

— Что это еще за битва? — с недоверием в голосе поинтересовался эфор.

— Она была давно. В ней погибло столько воинов, что их тела образовали запруду и огромная река вышла из берегов.

— Но кто там сражался и где это было?

— Не знаю!

Столь резкий ответ свидетельствовал о том, что Леонид не желает более говорить на эту тему. Гилипп не стал вдаваться в дальнейшие расспросы.

По узкой тропинке, очищенной от трупов, спартиаты дошли до стены. Здесь Мегистий обратился к Леониду:

— Царь, я хотел бы поговорить с тобой. — Леонид внимательно посмотрел на прорицателя. Тот неспешно добавил:

— Наедине.

— *Хорошо*. Друзья, — обратился царь к спартиатам, — я прошу оставить нас.

Гилипп и Еврит подчинились, впрочем с некоторой обидой, и царь остался один на один с Мегистием.

Сей прорицатель, родом из Акарнании[1], присоединился к эллинскому войску в Фивах. Помимо внушительных размеров и любви к черному цвету — он носил черную тунику, черный плащ и даже черные сандалии, — Мегистий обладал весьма здравым

умом и очень неплохо разбирался в людях. Поначалу Леонид настороженно присматривался к нему, пытаясь определить что это за человек. Мегистий был очень умен, а его пророчества порой поражали. Устремив на собеседника свои черные, с мрачным огоньком глаза, он называл его имя, имена родителей, жены и детей, мог рассказать историю его жизни. Поначалу Леонид посчитал это обычным гипнозом, но потом понял, что здесь имеет место нечто иное. Мегистий знал то, что случится с человеком завтра. Так спартиату Одрасту акарнанец предсказал, что тот будет ранен стрелою в руку. При этом прорицатель указал на свое правое запястье. Днем во время боя у стены мидийская стрела попала Одрасту в запястье правой руки. Впрочем, это могло быть случайным совпадением. Но так или иначе, к словам Мегистия стоило прислушаться.

— Присядем, — предложил прорицатель.

Леонид послушно опустился на валун — единственный светлый островок посреди черного месива мертвых тел. Мегистий сел по правую руку от него.

— Боги открыли мне, — без всяких предисловий начал прорицатель, — что твоему войску угрожает смертельная опасность. Тебе известно о существовании тропы, по которой можно обойти ущелье?

— Нет, — признался Леонид. — Где она находится?

— Она идет между Трахинскими и Этейскими горами и выходит прямо ко вторым воротам.

— Но, должно быть, она очень узкая. А кроме того, гору стерегут фокийцы.

— Она не столь узкая. И ее невозможно защитить, как вы защищаете это ущелье.

— Вы? — Леонид усмехнулся.

— Я не говорю о себе. Я не воин. Я лишь прорицатель.

Царь окинул взглядом мощную фигуру Мегистия.

— Твоим плечам мог бы позавидовать любой воин!

— Наверно. Но сейчас разговор не об этом. Варвары завтра узнают об этой тропе.

— Кто им ее укажет?

— Людская жадность. Но еще не поздно отступить. Вы и так показали себя великими героями.

— Нет, — протянул Леонид. — Позиция слишком хороша, чтобы так легко оставить ее. Ты говоришь, что парсы еще не знают о тропе. Значит, завтра они будут вновь атаковать в лоб. И мы удвоим число мертвецов. Ведь ты кривишь душой, прорицатель, ты обожаешь запах мертвечины. Я чувствую это!

— Ты прав. Если это мой враг. Труп врага хорошо пахнет.

— Я запомню это. — Леонид рассмеялся. — Ну а потом, через день, кто захочет уйти — уйдет. Кто захочет остаться — останется.

— И ты, конечно, останешься тоже? — спросил Мегистий.

— Да.

— А легко ли умирать тому, кто еще помнит битву с пиктами на Черной реке?!

Спартиат вздрогнул и уставился на прорицателя. Тот безмолвно смеялся.

— Откуда ты знаешь про пиктов?

— Я много чего знаю, царь.

Леонид задумался. После долгой тяжелой паузы он сказал:

— Мне стоило бы убить тебя, но я не стану этого делать. Завтра же ты покинешь лагерь.

Мегистий покачал головой.

— Я останусь с тобой, царь. Я нужен тебе. А ты нужен мне. Наш путь с этого мгновения един.

— Ты знаешь, кто я?

— Конечно. Но ты не знаешь, кто я! И в этом мое преимущество. Оставь это ущелье. Поверь мне, те, против кого ты поднял меч, уже проиграли битву! Я найду тебе новое, великое дело!

— Ты оборотень, — прошептал Леонтиад. — Ты артефакт, созданный Командором!

Царь вскочил на ноги и выхватил меч. Мегистий не пошевелился. Глаза его стали подобны огненной буре. В зрачках воспылал багряный пламень. Леонид отшатнулся, словно от удара, и взмахнул мечом. Но не опустил его. Не смог. Невидимая сила удерживала меч в воздухе. Мегистий яростно процедил:

— Глупец, я ненавижу Командора! Я уничтожу его! Уничтожу! — Прорицатель отвел свои ужасные глаза в сторону и там, куда они устремились, груда трупов вдруг рассыпалась в прах, оставив на земле лишь изорванные одежды и оружие. С огромным трудом совладав с собой, Мегистий потупил взор. — А теперь спи! — приказал он Леониду.

Тот послушно закрыл глаза и начал падать. Прорицатель подхватил царя на руки.

— Спи... — шепнул он. — А наутро ты все забудешь.

Полы черного плаща разлетелись по воздуху, скрывая вдруг ставшую нечеловечески громадной фигуру прорицателя, державшего словно ребенка уснувшего спартиата. Взвихрился смерч и все исчезло. Лишь мертвые варвары остекленело взирали на холодные безжизненные звезды.

* * *

Утро второго дня было облачным — редкая для этих мест и этого времени погода. Выстроившись фалангой позади Деметриных ворот, эллины бесстрастно наблюдали за тем, как парсы расчищают завал из трупов, готовя плацдарм для новой атаки. Леонид, как и накануне, стоял в первом ряду между Евритом и Креофилом. Настроение царя полностью соответствовало мрачному утру. В горле было сухо, голова раскалывалась от боли. Подобное порой бывало, если он перебирал вина. Но накануне царь не

пил и хорошо выспался. По крайней мере, так следовало из слов Еврита, утверждавшего, что по возвращению в лагерь он застал царя крепко спящим. Это было странно, потому что Леонид решительно не помнил как очутился в своей палатке. Не помнил он и разговора с прорицателем Мегистием, хотя тот же Еврит уверял, что царь беседовал с глазу на глаз с акарнанцем по ту сторону стены. Однако Леонид всего этого не помнил. И ужасно болела, прямо раскалывалась голова.

Варвары наполовину расчистили проход и принялись постреливать из луков. Прячущиеся за спинами гоплитов пельтасты отвечали тем же. Эллинских лучников поддержали засевшие на обрывистых склонах Каллидрома локры, принявшиеся швырять вниз камни и копья. Мидяне оставили свое занятие и начали разбегаться. Повернувшись назад, Леонид приказал лучникам прекратить стрельбу. Подобное распоряжение получили и локры. Царю Спарты вовсе не хотелось стоять целый день в фаланге, ожидая пока варвары соберутся с духом и очистят ущелье от трупов сраженных собратьев.

Едва эллины перестали пускать стрелы, как мидяне вернулись и возобновили свою работу. Они оттаскивали трупы простых воинов в море, создав в конце концов весьма устойчивую гать. Тела вельмож, которых выдавали богатые одежды и дорогое оружие, уносили в парсийский лагерь, чтобы предать их потом достойному погребению. Ведь недаром при войске состояли тридцать свор священных собак Ахурамазды!

Мгновения тянулись томительно. Но вот бородатые мужи унесли последнее мертвое тело. Сквозь Деметрины ворота в ущелье начали медленно втягиваться парсы.

Парс. Одно это слово еще совсем недавно вселяло в эллинов ужас. Сыны Эллады даже не могли вообразить как можно победить этих отважных и умелых воинов, покоривших бессчетное множество стран. Но сегодня в их сердцах уже не было робости. Они видели перед собой не неведомых богатырей, а трусливых варваров, идущих вперед лишь под грозными окриками командиров. И эллины смеялись, злословя над нерешительностью врагов.

Теснина постепенно заполнилась вражескими воинами. Сбившись тесной толпой,варвары приближались к фаланге. Вновь, как и вчера, полетели тучи стрел.

Парсы вооружены лучше прочих мидян. Помимо копья, плетеного из прутьев и обитого кожей щита, акинака, каждый воин имел большой слоеный лук, который и являлся, собственно говоря, главным оружием парса. Парс начинал битву, пробивая стрелами бреши в вражеском строе, а заканчивал ее, поражая бегущих выстрелами в спину. Парс — великолепный лучник, куда лучший, нежели киссий или мидиец. Парс рождается с луком, парс молится луку, парс умирает с ним. Сотни легких камышовых стрел обрушились на фалангу. Бронзовая стена щитов оборвала их полет. Но первая неудача не обескуражила лучников. Они пус-

кали стрелу за стрелой, настойчиво ища крохотные щелочки, которые обязательно есть даже в самой прочной преграде. Звенели туго скрученные сухожилия тетив и новое облако стрел обрушивалось на эллинов. И пусть тысяча заканчивала свою короткую жизнь на земле со смятыми наконечниками, но тысяча первая проскальзывала между щитами и находила свою цель. Некоторые гоплиты были ранены, но, стиснув зубы, продолжали стоять в строю, несколько упали замертво и их заменили товарищи, поспешно восстановившие пробитую оборону.

Никто не мог сказать точно, сколько шел этот смертоносный дождь, но вот он прекратился. Лучники расступились, пропуская вперед всадников. Те разогнали коней и стремительно атаковали. Парсийские витязи со всего маху врезались в строй гоплитов, пытаясь рассечь его на части. Большая часть их мгновенно погибла, сраженная копьями. Самые удачливые получали несколько мгновений, чтобы обрушить изогнутые клинки на головы гоплитов. Вой, крики, звон оружия, ржанье умирающих лошадей слились в единый гул. Вот к нему прибавился зловещий шелест стрел — это лучники возобновили стрельбу, целясь поверх голов машущих мечами всадников.

Стремительный натиск конницы заставил эллинов попятиться и сломать строй. Увидев это, мидийские воеводы двинули в атаку отряды пеших воинов; отряды эти заняли место всадников, к этому времени почти полностью истребленных. Образовав клин,варвары пронзили фалангу почти насквозь. Это могло принести им победу, но вместо этого привело к гибели. Леонид отдал несколько лаконичных распоряжений и строй эллинов выгнулся еще сильнее, обхватив дугою немалое число парсов. К крыльям этой дуги царь быстро подвел из резерва две сотни спартиатов. Когда все было готово, он перешел на левое крыло,примыкавшее к морю,и лично повел воинов в контратаку. С другой стороны, от скалы, атаковал отряд Гилиппа. Два узких стремительных меча в мгновение ока разорвали толпу варваров надвое, отсекая немалое число отборных воинов. Оказавшись в окружении, парсы утратили свой воинственный пыл. Теперь они думали лишь о том, как бы вырваться из западни. Варвары с криком бросались на спартиатов, пытаясь разорвать стену, внезапной паутиной выросшую пред ними. Лакедемонянам пришлось нелегко — ломались копья, тупились мечи, удары проминали бронзовые пластины доспехов, — но они выстояли, так и не позволив разобщенным парсам вновь соединиться. Попавшие в окружение варвары были полностью истреблены. После этого Леонид приказал отступать к стене. Как и накануне эллины отошли и укрылись за ее каменной броней, словно приглашая парсов повторить смертельный путь киссиев, многие тысячи которых лежали тут же, у оказавшейся последней в их жизни преградой.

Парсы приняли приглашение. Они подступили к стене и осыпали ее защитников смертоносным дождем. Пельтасты-пело-

поннесцы и локры ответили тем же, нанеся врагу немалый урон. Перестрелка продолжалась до тех пор, пока варвары не израсходовали запас стрел и не бросились на штурм. Они лезли вверх по трупам своих товарищей, увязая в гниющей плоти. Они бились с невиданным упорством, но взойти на стену так и не смогли. Копья гоплитов безжалостно поражали врагов и сбрасывали их вниз. В конце концов те не выдержали и начали отходить. Леонид немедленно воспользовался этим, поведя фалангу в очередную контратаку. Утомленные и надломленные неудачей варвары не устояли. Подобно киссиям они бросились бежать, а эллины истребляли их, устилая землю мертвыми телами.

Увлеченный кровавой потехой царь спартиатов даже позабыл о мучавшей его головной боли. Находясь в первом ряду преследователей, он уничтожил не менее сотни врагов. Путь, пройденный Леонидом, можно было точно определить по трупам варваров с одинаково разрубленной надвое головой. Славно потрудились и Еврит, и Креофил, и Диенек, и прочие лакедемоняне. Гилипп был ранен копьем в шею, но шел вместе со всеми. Его меч влажно блестел от вражеской крови.

Могучим натиском эллины прогнали врага почти до самых Деметриных ворот. Здесь мидийским воеводам удалось остановить бегущих и завязать новое сражение, которое длилось до полудня. Лишь когда клинки затупились, а противников разделил вал из трупов, бой был прекращен. Эллины вновь отошли за стену, уделив время отдыху и трапезе, варвары принялись расчищать ущелье для новой атаки.

— Славно поработали, — бурчал Еврит, жадно пережевывая кусок жилистого мяса. Он в числе воинов своей эномотии разместился на горной террасе, с которой открывался чудесный вид на заваленную кучами парсийских трупов лощину. Запивая говядину и хлеб глотками разбавленного вина, лакедемоняне наблюдали за тем как суетятся парсы, оттаскивая убитых к морю.

— Я полагал, они не решатся атаковать вновь, — сказал сидевший подле Еврита Креофил. Эти два дня, когда им не раз приходилось сражаться бок о бок, если не сдружили, то по крайней мере примирили обоих спартиатов.

— Я тоже так думал, — поспешно откликнулся Еврит. Слышавший их разговор Леонид едва заметно усмехнулся.

— Парсы больше не пойдут на штурм, — сказал царь. — Теперь настал черед бессмертных. Артабан, главный советник владыки варваров, наверняка считает, что эллины утомлены боем и не смогут устоять пред натиском царской гвардии. А мы сделаем вот что...

Подойдя к Гилиппу, царь коротко переговорил с ним. Такой же разговор состоялся и с феспийцем Демофилом. Сразу же после этого эфор приказал спартиатам заканчивать трапезу и собираться. Три пентекостии[1], составленные из наименее усталых воинов, начали подниматься на гору. По небольшой тропе,

охраняемой локрами, спартиаты прошли вдоль склона и остановились прямо над Деметриными воротами. Вскоре стали подходить запыхавшиеся феспийцы. Убедившись, что все на месте, Гилипп приказал воинам спрятаться так, чтобы наступающие варвары не могли увидеть их. Эллины поспешно выполнили это распоряжение, присев за камнями или кустами. Несколько десятков спартиатов, в том числе и Еврит, забились в небольшой грот. Едва они успели сделать это как появились бессмертные.

Они вышагивали стройными рядами, держа перед собой посеребренные щиты. Впереди шли три знаменосца, несшие орлов. Медная чешуя доспехов сверкала лучами вышедшего из-за туч солнца. Засевшим на склоне воинам казалось, что в теснину втягивается бесконечная бронированная змея, играющая кольцами в предвкушении стремительного прыжка. Двадцать, пятьдесят, сто рядов, мерно шагающих в такт. Парсийская гвардия заполнила ущелье и надвигалась на стену, которую обороняли эллины. В ее грозной поступи виделась необоримая сила, непоколебимая уверенность в своем превосходстве. Ведь именно бессмертные — отборные отряды парсов, — сокрушили армии Вавилона и Египта, именно их грозная слава заставила покориться восточные народы, давшие без боя землю и воду мидийским царям. Теперь им предстояло лишь взять штурмом эту полуразвалившуюся стену и покарать безбожных бунтовщиков, осмелившихся сокрушить святыни Ахурамазды в Сардах[1].

Пяти тысячам бессмертных, сыновьям вельмож, храбрейшим воинам предстояло решить исход этой битвы. Они не стали стрелять из луков подобно своим предшественникам, а сразу бросились на штурм. Закрываясь щитами с вычеканенными на них изображениями солнца, бессмертные лезли на стену, покрыв наваленную пред ней гору трупов золотистой чешуей своих доспехов. О, это были на совесть сделанные доспехи! Один Митра знает, сколько времени потребовалось сирийским мастерам, чтобы устлать грубое полотно хитонов тысячами медных и бронзовых пластинок, накладывая их для прочности по принципу рыбьей чешуи. Эта металлическая броня зарождалась на плечах и сбегала до самых бедер. Она прикрывала шею, бока, предплечья. На груди она была особенно прочной — здесь поверх чешуек были прикреплены три вогнутых бронзовых пластины, выдерживающие удар копья. Столь же надежно была защищена и голова. Бессмертные были единственными среди варваров, имевшими металлические шлемы. Выкованные из бронзы, а порой и железа, покрытые серебром, они отражали удар ксифоса или акинака. Лишь более тяжелая махайра или сагариса могли пробить блестящий конус.

В лице бессмертных эллины впервые за эти два дня встретили достойных противников. Не уступавшие гоплитам ни в вооружении, ни в умении сражаться — напомним, в отличие от большинства эллинов, лишь во время войны бравшихся за оружие, исклю-

чение здесь составляли, пожалуй, лишь спартиаты, бессмертные были профессиональными воинами — парсийские гвардейцы были полны сил и азарта. Еще бы! Сам царь в окружении свиты находился у входа в ущелье и наблюдал за тем, как сражаются его любимцы. Поражая эллинов ударами копий в ноги, бессмертные взошли на стену. Завязалась отчаянная схватка и был миг, когда варвары начали одерживать верх. Увидев это, Леонид бросил на помощь дрогнувшим платейцам остававшийся в резерве лох[1] спартиатов. Лакедемоняне налетели на врагов словно разъяренные коршуны. Отбросив копья, которые лишь мешали в подобной давке, они поражали варваров мечами, вонзая их в шеи и сочленения нагрудных пластин. Немалую помощь оказывали стоящие за стеной пельтасты, ударами дротиков сбрасывавшие парсов вниз. Истекая кровью, медночешуйчатая змея попятилась прочь от стены.

Ксеркс был вне себя от ярости. Он еще мог понять, когда бежали мидийцы или киссии, но чтоб отступали лучшие воины на свете — бессмертные! Подозвав к себе Гидарна и Мардония, царь повелел им возглавить новый штурм. Вельможи поклонились и в сопровождении полусотни отборных воинов устремились вперед. Сотники гнали робких в атаку бичами. Второй натиск был куда более страшен. Если бы эллины накануне вечером не позаботились о том, чтобы укрепить стену, варвары наверняка б опрокинули их. Но стена и доблесть выручили и в этот раз. Спартиаты, аркадяне и фиванцы сообща отразили бессмертных. Часть варваров во главе с Мардонием, теснимая лакедемонянами, начала отходить вдоль горной кручи и попала прямо в горячие источники. Под дружный оскорбительный смех эллинов обожженные и перемазанные грязью бессмертные поспешно ретировались к Деметриным воротам.

Лицо Ксеркса налилось дурной кровью. Он подозвал к себе Дитрава и повелел ему повести в атаку царскую сотню. Первым побуждением сотника было возразить царю, но тот не пожелал даже слушать. Ксеркс топнул тогою и указал перстом на стену, на которой по-прежнему стояла шеренга краснобронных гоплитов. При этом сотнику почудилось, что в глазах великого царя промелькнула тень ухмылки. Дитрав вопросительно взглянул на Артабана, тот кивнул и сотник, изобразив угодливую улыбку, отправился исполнять повеление. Как только он отвернулся от Ксеркса, губы его сжались в тонкую злобную линию.

Однако обагрить меч эллинской кровью Дитраву в этот день так и не пришлось. Едва его воины устремились к стене, как вдруг сверху начали падать камни и копья. Это воины Гилиппа и Демофила принялись истреблять толпящихся внизу врагов. Среди варваров началась паника. Узрев гоплитов, неторопливо спускающихся по склону, бессмертные вообразили, что коварные эллины решили запереть их в теснине и дружно бросились к Деметриным воротам. Дитраву и его воинам пришлось образо-

вать заслон, чтобы дать царю возможность покинуть ущелье. Телохранители стали стеной, беспощадно избивая напирающих на них бессмертных, и держались до тех пор, пока евнухи не усадили Ксеркса на коня и не увезли его прочь. Убедившись, что царь в безопасности, воины Дитрава расступились, выпуская бегущих на равнину.

От былого великолепия сверкающей змеи не осталось и следа. Надменные гвардейцы удирали со всех ног, сшибая замешкавшихся на землю. Падавшие сверху камни и копья вносили еще большую сумятицу. Это был позор. Позор куда больший, чем тот, что постиг мидийцев или киссиев. Те бежали, опрокинутые могучим ударом врага. Бессмертных же гнал страх, раздирающий уши диким хохотом и визгом. Эллины даже не преследовали их, ибо знали: бежавшему из страха не быть хорошим воином.

Бессмертные бежали. Бежали первый раз в жизни. Последними, подобрав раненых и изувеченных в давке, ушли воины Дитрава.

Леонид, стоя на стене, смотрел им вслед. Эллины прожили прекрасный день. Но не великий. Великим должно было стать завтра.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Судьбы

Эта глава о судьбах многих героев нашей книги. Некоторым из них суждено вскоре погибнуть, другие умрут позже, а кое с кем нам еще предстоит встретиться много лет и даже веков спустя. Эта глава о судьбах...

* * *

Он шел без отдыха двое суток. Шел днем и ночью, когда открыто, когда украдкой по зарослям и лощинам, лишь изредка падая на землю и прислушиваясь, как пульсирует кровь в избитых ногах. Его дом был далеко на востоке, но он зачем-то брел на запад. Словно какая-то неведомая сила толкала его вдоль берега моря вслед за уходящим солнцем. Его звали Дагут и он был из рода киммерийцев.

Он шел, наслаждаясь свободой. Ведь последние сто дней Дагут провел гребцом на сидонской триере. А до этого он был вольным разбойником, одним из тех отчаянных головорезов, которые нагоняли ужас даже на тайную полицию хазарапата. Это именно он, Дагут, задумал тот самый лихой налет на царский дворец, что едва не стоил ему жизни. Увлекшись боем, разбойник не заметил, как железная сагариса дворцового евнуха опустилась сзади на его голову. Шлем уберег от гибели, но не от рабства. Очнулся Дагут в темнице. На темени была огромная болезненная шишка, на руках звенели кандалы. Тюремщики здорово поиздевались над пленником те три дня, которые он провел во дворцовой тюрьме. На четвертый разбойника должны были казнить, но хазарапат внезапно приказал помиловать его и отправить гребцом на триеру. В преддверие войны Парсе нужны были сильные рабы.

Сто дней. Сто нескончаемых дней прошли в одном и том же движении. Сначала следовало вытянуть вперед сжимавшие рукоять весла руки, чуть приподнять валик вверх, затем резко потянуть его к себе и одновременно откинуться назад, давая лопасти весла толчок. Раз-два-три-четыре. И так бессчетное множество раз в день. Трижды им позволяли разогнуть спину и давали еду — жидкую похлебку, кусок ячменного с отрубями и грязью хлеба и чашу разбавленного вина. Иногда перепадало немного черемши и вареных конских костей. Ночью совершенно обессиленные гребцы ложились на скамью и забывались тяжелым сном, вдыхая запах нечистот, справляемых прямо под себя.

Вставало солнце. Рабы узнавали об этом по свисту плети, ведь ни единого веселого лучика не проникло на нижнюю палубу, где сидели Дагут и еще восемьдесят его товарищей по несчастью. И вновь начинался нескончаемый день. Вновь хрустела спина,

вновь лопались от перенапряжения сухожилия, лопатки обжигал сплетенный из бычьих жил бич надсмотрщика, а в желудке стоял ком дурно приготовленной пищи. Постепенно сгнила одежда. Остались жалкие лохмотья, прикрывающие лишь чресла. От гребцов ужасно воняло. В нечесанных спутанных волосах копошились мириады насекомых. «Работать, свиньи!» — раздирались надсмотрщики. Свистела дудка келевста. Мерно покачиваясь гребцы спускали весла в воду, толкая корабль на запад.

Пришлось перетерпеть немало обид и испытать множество злоключений. Триеру трепало штормами, да так, что гребцы изрыгали из желудков скудную пищу. В один из дней открылась течь, и невольники едва не захлебнулись водой. Парадоксально, но это был единственный почти счастливый день. Триеру вытащили на берег, чтобы залатать пробоину, а рабов расковали и позволили им провести день и ночь на твердой земле. Дагут думал о побеге, но за ним следили особенно пристально. Единственное, что удалось сделать киммерийцу, так это стянуть небольшой точильный камень, которым один из воинов правил свой меч.

Будучи в числе прочих возвращен на корабль и вновь прикован к скамье, Дагут несколько ночей подряд терпеливо тер украденным камнем сковывавшую его ноги цепь, пока не источил ее настолько, что мог разорвать звенья несильным движением. Он сделал это очень вовремя, потому что, задержись хотя бы на день, и рыбы уже вовсю б пировали мясом киммерийца.

В тот день произошла битва. Гребцы ничего не знали о ней, но поняли, что происходит нечто необычное. Келевст и надсмотрщики вдруг занервничали и стали пуще прежнего погонять гребцов, заставляя их, надрываясь, ворочать веслами. Сквозь проделанные в борту пазы долетал хаотичный гул. Раздавались крики, звенел металл, слышался треск разбиваемых судов.

Видно, не напрасно нервничали в тот день сидоняне. Внезапно раздался ужасающий грохот и сквозь борт прорвался окованный бронзой таран эллинской триеры. Он пробил кедровую оболочку всего в нескольких футах от Дагута, покалечив насмерть двух гребцов. Мгновение было невыносимо тихо. Все ждали, что же будет дальше. Затем таран заворочался, раздался скрип освобождаемой бронзы и в образовавшуюся щель хлынул поток морской воды. Гребцы в ужасе закричали. Их крик словно подстегнул надсмотрщиков, которые бросили бичи и устремились к люку, через который можно было выйти на верхнюю палубу. Дагут также не стал мешкать. Рванув цепь, он освободился и бросился бежать вдоль скамеек вслед за сидонянами. Гребцы кричали и умоляюще протягивали к нему руки. Киммериец сочувствовал несчастным, но ничем не мог им помочь. С трудом передвигая ноги, по колено в воде Дагут достиг люка и обнаружил, что он наглухо закрыт. Сидоняне пытались спасти корабль, надеясь на непроницаемость верхней палубы. Мгновение Дагут стоял оцепеневший, не зная что предпринять, затем бросился назад.

Корабль стремительно погружался. Вода уже дошла до пояса и гребцы были вынуждены привстать, пытаясь оттянуть конец и втайне надеясь на чудо, которое принесет им спасение. Однако разум тут же подсказывал, что финикийцы даже не думают о том, чтобы освободить гибнущих рабов. Одни из гребцов плакали, другие изо всех сил дергали ногами, пытаясь порвать цепь, бородатый фракиец, обезумев, схватил Дагута, желая помешать ему спастись; киммериец ударил его кулаком по голове и побежал дальше. Когда он достиг пробоины, вода уже поднялась по грудь. Воззвав к помощи предков, разбойник набрал полную грудь воздуха и ушел под воду. Острые щепастые обломки изранили плечи и руки, но Дагут сумел выскользнуть из пробитого днища и через мгновение был на поверхности. Следовало осмотреться, однако киммерийцу было не до того. Как истинный сын степей, он совершенно не умел плавать. Изо всех сил колотя руками по воде, Дагут пытался удержаться на плаву. Он уже захлебывался, когда вдруг сверху упала доска — видно, кто-то из мидян принял его за свалившегося в воду воина и решил помочь. Дагут немедленно вцепился в нее словно клещ и лишь теперь смог перевести дух. Вой по всей очевидности затихал. Вдалеке, возле небольшого острова еще суматошно скользили разнопарусные корабли, но в том месте, где оказался киммериец, все было кончено. В воде плавали обломки мачт, весла, куски палуб и бортов. Кое-где можно было увидеть темные пятнышки человеческих голов. Все они медленно удалялись по направлению к берегу, который был не далёе, чем в трех стадиях. Дагут понял, что корабль, служивший ему тюрьмой, будучи протаранен, поспешил к берегу, надеясь выброситься на мель или песчаную косу. Кому-то, быть может, это и удалось, но только не сидонской триере. Она не дошла до желанной цели и теперь стремительно погружалась в воду. Дагут видел, как волны захлестнули палубу и корабль, булькнув, исчез под волною. Последней скрылась мачта, на которой висели с десяток моряков. Впрочем, сидоняне — отличные пловцы. Дагут с завистью проследил за тем, как они вынырнули и дружно устремились к берегу. Передохнув еще немного, он решил последовать их примеру. Вода была не слишком теплой, а мысли о бездонной глубине и водящихся здесь морских чудовищах — не слишком приятны. Улегшись животом на доску, киммериец принялся загребать руками. Поначалу у него мало что получалось, но постепенно он приспособился и устремился к берегу с вполне приличной скоростью. Течение, подбивавшее в правый бок, относило пловца в сторону от уже достигших берега сидонян. Это весьма устраивало Дагута, которому вовсе не хотелось вновь очутиться прикованным к веслу. Поэтому он не усердствовал в стремлении поскорее доплыть до спасительной суши и позволил волнам отнести себя подальше от суетящихся на прибрежной косе моряков. Когда, лязгая от холода, киммериец выполз на прибрежный песок, его отделяло от

сидонян не менее пяти стадиев. Не дожидаясь, пока его обнаружат, Дагут быстро пересек пляж и скрылся в кустах. Здесь он пробыл довольно долго, согреваясь и отдыхая после утомительной морской прогулки. Одновременно Дагут размышлял, что ему делать дальше. Он мог попытаться вернуться назад в родные степи, но это означало быть почти наверняка схваченным или сидонянами, или парсами, стоящими у переправы через Геллеспонт. Поэтому киммериец принял неожиданное решение — он направился в противоположную сторону в надежде найти эллинов, которые окажутся врагами парсов. У них по крайней мере он будет свободен, а со временем, быть может, и сумеет вернуться на родину. И Дагут зашагал в сторону заходящего солнца.

Путешествие было не из приятных. Обросший, дикого вида, едва прикрытый тряпьем, с рубцами от кандалов на ногах киммериец вызывал подозрение. Потому он старался как можно реже попадаться на глаза людям, особенно старательно избегая мидийских воинов, которые встречались ему все чаще и чаще. Питался Дагут ворованной пшеницей, виноградом, яблоками и оливками. Лишь однажды он решился зайти в шалаш раба, пасшего овец. Пастух, родом с Кипра, гостеприимно принял товарища по несчастью. Он не только досыта накормил его мясом, хлебом и свежим сыром, но и снабдил провизией в дорогу. С помощью гостеприимного киприота Дагут избавился от бороды и подстриг гриву черных волос. На прощание пастух подарил беглецу свой старый хитон. Теперь Дагут обрел более-менее приличный вид и уже не столь опасался быть пойманным. Пастух посоветовал беглецу выдавать себя за карийца, спасшегося с затонувшего корабля и теперь пытающегося догнать мидийское войско.

Дагут осмелел, а вскоре и обнаглел. За что едва не поплатился. Из безрассудного нахальства он зашел в один из городков, что встретились на его пути. Однако на беду киммерийца здесь оказались бывалые моряки, повидавшие немало стран, в том числе и Карию. Они раскусили самозванца и Дагуту пришлось поспешно улепетывать. Хорошо, что у Дагута от страха прибавилось резвости в ногах.

К вечеру второго дня пути он достиг равнины, на которой был разбит огромный лагерь. Насколько хватало глаз, до самого горизонта, тянулись бесконечные ряды шатров и бивуаки, заполненные пестро одетыми воинами. Дагут осторожно обошел мидийский стан стороной, но все же едва не столкнулся с большим отрядом воинов, отправляющимся в сторону гор. Переждав, пока враги не скроются в сумерках, беглец продолжил свой путь. Вскоре он вошел в ущелье, заваленное множеством трупов. Здесь его и схватили закованные в солнечно-красную броню воины. Дагут попытался объяснить им, что он раб, бежавший от парсов. Поняли его или нет, киммериец не знал; от волнения и усталости он потерял сознание.

Очнулся Дагут ночью у костра. Вокруг сидели бородатые воины. Один из них, отличающийся от прочих — он был безбород, крепкоскул и светловолос, от его могучей фигуры веяло нечеловеческой силой и царственным величием, — заметив, что пленник очнулся, засмеялся и сказал:

— Ну, здравствуй, варвар из Киммерии.

— Здравствуй, — ответил Дагут и внезапно понял, что слова, которыми он обменялся с незнакомцем, были произнесены на языке его отцов и дедов.

* * *

Их было двое. Их судьбы пересеклись дважды. Но они даже не знали имени друг друга...

Мечты формы исполнились полностью, возможно даже с избытком. «Борей» не только должен был принять участие в предстоящем сражении с флотом варваров, но даже возвестить о его начале. Вместе с еще двумя триерами — трезенской и эгинской — корабль формы должен был наблюдать за морем и в случае появления вражеских судов предупредить об этом Ксантиппа, возглавлявшего сторожевую эскадру, которая стояла на якорях в Фермском заливе.

Молодой триерарх был горд собой и очень деятелен. Он находил множество совершенно неотложных дел и раздавал массу абсолютно ненужных распоряжений. Его можно было видеть то на носу, то на корме, то на мачте, где он до боли в глазах всматривался в морскую даль, надеясь увидеть паруса вражеских кораблей. Матросы втихомолку подшучивали над «ретивым петушком», как они прозвали форму, но, разговаривая с ним, были предельно почтительны. Капитан нравился им, а, кроме того, команда побаивалась грозного нрава Крабитула, следовавшего по пятам формы словно Кастор за Поллуксом.

Нетерпение триерарха передалось и его судну. В то время как остальные триеры преспокойно стояли на якорях, грея спины на ласковом солнышке, «Борей» то и дело срывался с места и мчался по зеленоватой глади. Он устремлялся вперед, проходя порой до пятисот стадий, затем делал разворот и стремительно возвращался. Совершив подобную вылазку, форма чувствовал себя героем, а феты ворчали, впрочем больше для порядка — по правде говоря, они были непрочь размять затекшие без работы мышцы.

Варвары объявились во время очередного подобного маневра. «Борей» настолько увлекся борьбой со встречным ветром и волнами, что едва не влетел в колонну вражеских судов, появившихся из-за ближайшего мыса. Мидийских кораблей было не менее десятка, не стоило даже думать о том, чтобы отважиться на бой со столь многочисленным неприятелем. Крабитул отреагировал с быстротой молнии. Бросившись на рулевое весло всем телом, он развернул триеру прямо перед носом шедшего первым

вражеского судна. Гребцы налегли на весла, матросы кинулись ставить парус. Нужно было во что бы то ни стало оторваться от варваров, радостно вопящих в предвкушении добычи.

Началась гонка, проигрыш в которой означал для афинян смерть или позорное рабство. Форме не требовалось подбадривать команду. Гребцы понимали, в каком положении оказались, и работали веслами так быстро, как только могли. Их голые потные спины влажно блестели на солнце, из глоток вырывалось хриплое дыхание, руки натужно рвали рукояти весел.

Какое-то время, до тех пор, пока «Борей» не набрал полную скорость, корабли варваров двигались быстрее его. Двум из них, на чьих парусах был изображен белый тигр, почти удалось поравняться с афинской триерой. Из невысоких бортов вражеских судов высовывался всего один ряд весел, но двигались они столь же быстро, что и триера, имевшая втрое больше гребцов. При приближении врагов гоплиты, сгрудившиеся по корме и левому борту, пустили в ход луки. Мидяне отвечали, причем не без успеха. Один из воинов-эпибатов рухнул мертвый, несколько гребцов были ранены. Неизвестно, чем бы закончилась эта дуэль, но «Борею» наконец удалось разогнаться. Теперь он летел словно птица, вспенивая морскую гладь крыльями весел. Враги стали отставать. Это случилось как раз в тот миг, когда вдалеке показались две мачты эллинских судов. Их командам следовало б заволноваться, но они привыкли к чудачествам афинян и продолжали пребывать в блаженном покое. Лишь когда на горизонте показались яркие паруса варварских кораблей, эллины наконец всполошились. Но не так-то легко заставить триеру начать свой бег. Пока застигнутые врасплох моряки выбирали якоря и садились за весла, «Борей» поравнялся с ними. Отдав приказ прекратить гребло, Форма закричал, обращаясь к Асониду, триерарху эгинского судна, назначенному Ксантиппом старшим:

— Мы примем бой!

Асонид скрестил над головой руки, что означало — нет. Эгинский прорет начал бить плетью о палубу, задавая темп. Форма немного растерялся. То, что происходило сейчас, не отвечало его понятию о героизме эллинов. Юноша обернулся и застыл в оцепенении, наблюдая за стремительно приближающимися мидийскими судами. В этот миг на его плечо легла рука Крабитула.

— Нам надо спешить, капитан! Иначе мы попадем в лапы варваров!

Форма вздрогнул и взглянул на своего помощника. В его глазах читалась обида и вопрос: как же так, почему мы бежим?

Старый моряк слегка похлопал юношу по плечу.

— Так надо, Форма. Необходимо предупредить Ксантиппа, а сразиться с врагами мы еще успеем.

— Да-да, — поспешно согласился юный триерарх. — Давай команду, Крабитул!

Крабитул кивнул и, напрягая глотку, заорал:

— Весла на воду! Раз! Два! Раз-два! Раз-два-три!

Кедровые лопасти с всплеском погрузились в воду, и корабль устремился вслед за убежавшими вперед эгинской и трезенской триерами. Варвары, распаленные охотничьим азартом, преследования не прекращали.

Смертельное состязание продолжалось довольно долго. «Борей» плыл гораздо быстрее двух прочих эллинских триер и вскоре обошел их. Ускорили свой ход и мидийские корабли. Им помогал внезапно усилившийся ветер. Пока он был слаб, триеры, влекомые вперед двумя сотнями гребцов, опережали легкие суда варваров, число весел на которых не превышало восьми десятков. Но как только ветер подул сильнее, мидяне получили преимущество. Их узкие, словно лезвие ножа, корабли, оснащенные огромными парусами, стремительно разрезали воду, постепенно сокращая расстояние, отделявшее их от эллинов. Вскоре враги настигли трезенца, самого медленного из трех. Действия мидян были слаженными, что свидетельствовало о их опытности. Два варварских судна прошлись вдоль бортов триеры, разом сломав все ее весла. Трезенское судно потеряло ход и тут же было взято на абордаж. Экипаж сдался без боя. Форма отвернулся, не в силах глядеть на то, как торжествующие варвары вяжут эллинам руки, и сглотнул застрявший в горле комок. Он не видел того, как парсы вывели на нос захваченного судна самого красивого пленника и обезглавили его, принеся кровавую жертву богам. Зато это видели эгинцы и когда настал их черед, они оказали отчаянное сопротивление, несмотря на то, что были атакованы сразу четырьмя вражескими судами. Однако варвары истребили всех, кто взялся за оружие, стрелами и ударами копий, а прочих, угрожая смертью, пленили. Лишь один из эгинцев по имени Пифей отказался бросить меч. Он дрался подобно льву и сразил пятерых вражеских воинов, прежде чем был иссечен мечами. Восхищенные подобной отвагой, мидяне сделали все возможное, чтобы сохранить храбрецу жизнь.

Афиняне не видели всего этого. «Борей» продолжал свой стремительный бег на юг. Крабитул кричал, хватая воспаленными губами воздух:

— Нам надо дойти до Скиафа[1]. Там есть маяк, на нем наши сторожа. Они увидят нас и дадут сигнал Ксантиппу.

— А что после?

Крабитул пожал плечами.

«Борей» успел достичь Скиафа, прежде, чем варвары настигли его. Не обращая внимания на посвистывающие стрелы, Крабитул высунулся за борт и указал на виднеющуюся на прибрежной скале башню маяка.

— Они видят нас. Теперь...

Стрела, вонзившаяся в грудь, не дала закончить фразу. Старый моряк охнул и упал в бурлящую воду. Форма не успел помочь ему, потому что в этот миг одно из вражеских судов бросилось

наперерез «Борею», рассчитывая пронзить его борт тараном. Навалившись на рулевое весло, Форма увел свою триеру от столкновения, а потом сделал лихой поворот, в результате которого таран «Борея» разорвал борт мидийского корабля. Враг начал медленно погружаться в воду, но к месту схватки спешили два его собрата, те самые, что едва не настигли афинское судно у мыса. Понимая, что «Борею» не выиграть этот неравный бой, Форма переложил руль налево. Триера вздрогнула и устремилась к берегу. Варвары, полагавшие, что эллин будет продолжать бегство к Скиафу, не ожидали подобного маневра. Их веретенообразные, выкрашенные черной краской суда, по инерции скользнули мимо вильнувшего в сторону «Борея». Капитан одного из них, лицом напоминавший хищную птицу, что-то кричал, указывая рукой на афинского триерарха. Корабли варваров начали разворот, но пока они наверстывали упущенное время, «Борей» успел подойти к берегу. К счастью, в этом месте тянулась пологая коса и не было камней. Форма направил судно прямо на пенящуюся полосу прибоя. Послушный его руке «Борей» с размаху вылетел на косу и погрузился в песок, вдребезги разбив днище.

Когда мидийские корабли причалили к берегу и спрыгнувшие с них воины устремились к потерпевшему крушение судну, эллины были уже далеко. Идя вдоль берега, они достигли залива Магнесия. Находившийся здесь пелопоннеский корабль переправил моряков на Эвбею, а отсюда они вернулись в Аттику.

Через пятнадцать дней возмужавший и посуровевший лицом Форма стоял на палубе адмиральской триеры Ксантиппа, согласившегося взять юношу эпибатом. Эллинская эскадра держала курс к Артемиссию.

* * *

Их было двое. Их судьбы пересеклись дважды. Но они даже не знали имени друг друга...

Киликийцы получили похвалу самого Ариабигна, первого наварха великого флота. Это было приятно, хотя Сиеннесий так и не смог понять за что. Разве за то, что он со своими эпактридами в составе сторожевой эскадры настиг и захватил три эллинских судна, сторожив видийский флот у Магнессии. Но в этом деле ему не пришлось приложить особых усилий. Все решили ветер, да численное большинство. И лишь в самой малой степени — кривые мечи пиратов. Белый Тигр не считал это большой победой. Вот сейчас им предстояло действительно серьезное дело — генеральное сражение с эллинским флотом.

Несколькими днями раньше эллины приняли первый бой и провели его с немалым искусством. Их было втрое меньше и парсийские наварки рассчитывали быстро разделаться с врагом. Ахемен громко кричал, что его финикияне в одиночку разгромят неразумных афинян, однако Ариабигн был осторожен и решил, что участвовать в битве будут все.

— Мы должны не просто потрепать их, но полностью уничтожить! — внушительно заявил сын Дария. — В этом случае уже ничто не помешает парсам захватить Эгину, Аттику и Пелопоннес.

На совете было решено тайно отправить часть кораблей вокруг Эвбеи, чтобы отрезать эллинов от берегов Аттики, а остальными силами атаковать вражеский флот и разгромить его. Под прикрытием островов эскадра Мегабаза миновала флот эллинов и на всех парусах устремилась вдоль Эвбеи. Прочие парсийские наварки, как и было условлено, стали ждать известий от Мегабаза. Чтобы эллины не заподозрили ловушки, парсийские эскадры навязывали им мелкие стычки, пробуя крепость эллинских триер. Сиеннесий и его киликийцы участвовали в одной из подобных схваток и понесли ощутимые потери. Воспользовавшись безветренной погодой, аттические триеры настигли и потопили несколько пиратских эпактрид.

К этим мелким неприятностям вскоре прибавилась и более крепная. Флот Мегабаза попал в ужасную бурю у Эретреи[1] и был наполовину уничтожен. Казалось, сами боги отвернулись от парсов и помогают эллинам, пытаясь уравнять силы противников.

Узнав о происшедшем, эллины ободрились, а в стане парсов, напротив, воцарилось уныние. От царя непрерывно прибывали гонцы, требовавшие разгромить эллинский флот, войти в Малийский залив и помочь войску, которое никак не могло овладеть неприступными Фермопилами. Боясь гнева царя, а еще более — хазарапата, Ариабигн на третий день решился дать сражение.

Великий флот выстроился в гигантскую вогнутую дугу, которая начала медленно надвигаться на эскадры эллинов, стоявшие у Артемиссия. В центре дуги шли наиболее умелые в бою финикияне, на крыльях — египтяне, карийцы, ионийцы и геллеспонтийцы. Вся эта грозная сила надвигалась на эллинские корабли, грозя раздавить их в бронзово-таранных объятиях.

Сыны Эллады бесстрашно вышли навстречу неприятелю. Как и накануне они действовали особым способом, позаимствованным у пиратских триерархов. Собравшись в мощный клин, эллины намеревались разорвать середину вражеского строя, а затем, развернувшись, атаковать фланги. Белый Тигр накануне предупредил Ариабигна, что эллины скорей всего попытаются следовать подобной тактике. Парсийский адмирал прислушался к совету пирата и принял надлежащие меры. Сразу за финикийскими кораблями шла эскадра Сиеннесия, готовая вступить в бой, если эллинам удастся пробить центр дуги. За киликийцами двигались триеры карийцев.

Битва началась по сигналу трубы, прозвучавшей с триеры Ариабигна. Финикияне первыми устремились на врага. Эллины поспешили им навстречу, на ходу выстраиваясь в клин. Небольшие отряды эллинских кораблей, встав кормой друг к другу, защищали ударную эскадру от фланговых атак кемтян и ионийцев.

Ревели трубы, свистели дудки келевстов, весла с шипением пенили воду. Две неровные линии кораблей столкнулись и началось взаимное истребление. До слуха Сиеннесия долетали треск разбиваемого дерева и яростные крики сражающихся. Киликийский наварх, как и было приказано, не пытался помочь дрогнувшим финикиянам, а терпеливо ждал дальнейшего развития событий. Оно было неблагоприятным и не заставило себя ждать. Как ни старались финикийские корабли сопротивляться натиску аттических триер, им все же не удалось сохранить строй. Потопив около полутора десятков кораблей, эллины разорвали дугу и вырвались на морское раздолье. Клин начал распадаться на две части, охватывая обломки дуги с тыла. Так действовал бы Сиеннесий, так в битве при Ладе[1] действовали хиоссцы, так собирались действовать и эллинские наварх. Но киликийская эскадра воспрепятствовала этому маневру. Дождавшись, когда афинские триеры начнут разворачиваться и подставлять борта, пираты словно стая голодных акул бросились на неприятелей. Те вынуждены были приостановить свой маневр и вступить в бой с новым врагом. Легкие киликийские эпактриды, используя попутный ветер стремительно ворвались в неровный строй эллинских триер. Бронзовые тараны с лязгом вонзились в борта, лучники осыпали палубы вражеских судов стрелами. Кое-где уже вступили в дело эпибаты, сноровисто действовавшие длинными узкими мечами. Сиеннесий, памятуя о том, что экипажи эллинских судов имеют перевес над его командой, до поры до времени не рисковал вступать в абордажный бой. Он ловко лавировал между вражескими триерами, пробивая тараном борта и ломая весла. Засевшие на мачте пираты швыряли во вражеских воинов дротики. От киликийцев требовалось не победить, а внести сумятицу в действия противника, сломать его боевой порядок. Пираты полностью выполнили свою задачу. Эллинские триеры сбились в беспорядочную кучу, а пришедшие в себя финикияне уже перестроились и начинали сжимать врага клещами сотен таранов. Осознав, что малейшее промедление равносильно полному разгрому эллинские наварх отдали сигнал к отходу. Триеры поспешно разворачивались и устремлялись к Артемиссию. Именно в этот миг Сиеннесий заметил богато украшенное судно с женской фигурой на носу. Решив, что здесь находится один из предводителей неприятельского флота, Белый Тигр решил взять врага на абордаж. Прозвучала короткая команда, гребцы что есть сил налегли на весла. Эпактрида рванулась вперед и через миг поравнялась с триерой. Полетели абордажные кошки, с хрустом вцепившиеся в борт вражеского судна. Пираты сноровисто подтянули свой корабль к неприятелю, переломав при этом почти все его весла по правому борту.

— На абордаж! — заорал Сиеннесий. И показывая пример, первым ринулся на палубу вражеского судна. В обеих руках пирата было зажато по короткому легкому мечу, чрезвычайно

удобному в рукопашной схватке на качающейся палубе. Едва Сиеннесий перемахнул через борт, как на него бросились два эпибата. Белый Тигр вонзил меч в живот одному из них и ускользнул от копья другого, которого сразил подоспевший на помощь своему наварху пират. Со всех сторон бежали новые эпибаты, размахивавшие копьями и мечами. Засевшие на носу и мачте лучники осыпали киликийцев стрелами. Пираты не оставались в долгу, уповая, правда, более на дротики, какими пользовались мастерски.

Всего на палубе встретились человек десять киликийцев и примерно вдвое больше эллинов. Гоплиты были защищены броней и тяжелыми щитами; сражайся враги на берегу — и участь киликийцев была б решена в мгновение ока. Однако особенность этого боя и состояла в том, что он проходил не на твердой земле, а на шаткой палубе судна. Ловкие подвижные киликийцы, не обремененные ни доспехами, ни тяжелым оружием в этих условиях получали значительное преимущество. Они поражали эллинов дротиками, а сами без особого труда ускользали от их неуклюжих ударов. Дождавшись, когда гоплит потеряет равновесие от неловкого движения или толчка внезапно ударившей в борт волны, пират в мгновение ока подскакивал к нему и вонзал в шею или плечо тонкий, острый, словно бритва клинок. Вскоре палуба стала липкой от крови. Оставшиеся на эпактриде пираты подбадривали своих товарищей, предрекая им скорую победу. Уже вступил в бой и эллинский наварх — дородный муж с бородою, посеребренной сединой. Он сумел уложить одного из киликийцев, но был ранен в бедро другим. На помощь наварху поспешил юноша, с чьего меча капала кровь. Белый Тигр встал на его пути.

И в этот миг они узнали друг друга. Сиеннесий вспомнил этого молодого эллина, чей корабль он захватил недавно напротив Скиафа. Он вспомнил, как кричал в азарте: «Схватить сопляка!». Форма также узнал горбоносого, обезображенного рваными шрамами варвара, едва не пленившего его несколько дней назад. Яростно закричал афинянин, бросился на пирата. Сиеннесий стремительно отпрыгнул в сторону, но блестящий клинок все же рассек кожу на его лбу. Глаза киликийца залило горячей кровью, на какое-то крохотное мгновение он ослеп. Когда солнечный мир вернулся, Белый Тигр увидел в футе от своей груди летящий вперед меч. Но, верно, Молох был в этот день милостив к нему. Инстинктивным движением левой руки, защищенной кольчужной броней, пират отразил удар. Последовал выпад,и эллин рухнул, пораженный в шейные артерии. Но этот удар оказался последним. Экипажу триеры удалось перерубить веревки, привязанные к кошкам и расцепить корабли. Чтобы не попасть в плен или не быть истребленными, пиратам пришлось искать спасения в воде. Пока товарищи поднимали их на борт, эпактриды эллинская триера подняла парус и ушла...

Этот бой не принес решающего успеха ни одной из сторон. Эллины понесли значительные потери, но сохранили флот. Мидяне также лишились множества кораблей, но зато сумели войти в Малийский залив.

Впереди был Саламин.

* * *

Его мать позднее прокляла тот день, когда он оставил ее чрево. Амфиктионы[1] назначили за его голову громадную награду. А история запомнила его имя как синоним коварного предательства, подобно тому, как безвестный Герострат стал символом безумного самодовольства.

Он был родом из небольшого городка Антикиры, что в Малиде. Отец, купец Евридем, нарек его при рождении Эпиальтом — красивое, чистое имя. Стремительно пролетели годы, Эпиальт вырос и стал достойным помощником отца, а после его смерти и хозяином кузни. Он ковал щиты и плуги, серпы и мечи. Он делал это не лучше, но и не хуже других. Он женился и завел детей. Обычная жизнь, каких неисчислимое множество. Жизнь, наполненная работой и нехитрыми развлечениями. Конечно, как и многим другим, Эпиальту хотелось стать богачом. Но он не отваживался записаться в наемники-гоплиты к сикелийским тиранам, как это делали одни, и не рисковал вложить сбережения в опасное торговое предприятие, как поступали другие. Да все это и не сулило немедленной выгоды. Хотелось разбогатеть сразу, не ломая голову[2] над тем, откуда возьмется богатство. Ну скажем, как Алкмеон. Или просто заснуть, а утром проснуться во дворце с мешками, наполненными серебром, у ложа.

Однажды Эпиальт проснулся и узнал, что гигантская мидийская рать, бесконечной звенящей лентой три дня следовавшая через его родную Антикиру, застряла у Фермопил. Мрачное место. Эпиальту приходилось не раз бывать там, когда он отправлялся сбывать свои изделия локрам. Нагрузив мула товаром, он следовал через ущелье как раз по той дороге, какую сейчас занимали эллины, а обратно, будучи налегке, возвращался напрямик через горы по крохотной тропинке, известной немногим. Известной немногим...

Это было похоже на озарение. Эпиальт вдруг понял, что с этого мгновения эта тропинка выстлана для него золотом. Наскоро позавтракав, он направился прямиком в стан варваров и потребовал от часовых, чтобы его допустили пред очи великого царя. Воины, смеясь поначалу, гнали неразумного эллина, невесть знает что возомнившего о себе, но потом один из них, македонянин, видя такую настойчивость Эпиальта, все-таки решился узнать про дело, какое привело кузнеца в мидийский стан. Эпиальт без утайки рассказал обо всем. Часовой поспешил доложить о словах антикирца своему командиру. Тот направился к царю Александру. Последний немедленно известил

Артабана. Хазарапат велел представить Эпиальта пред свои очи.

Антикирец нашел вельможу у драгоценного золотого шатра. Обнажившись по пояс, Артабан стоял, склонясь над большим медным тазом и омывал руки, лицо и грудь освященной Ахурамаздой водой. Он проделал эту процедуру трижды, затем неторопливо утерся поданным слугой шерстяным рушником и жестом руки велел Эпиальту приблизиться. Малиец не без тайной робости повиновался. Выглядел он вполне достойно и, как ему показалось, понравился мидийскому вельможе. Впрочем, это ему лишь показалось. Артабан не переносил предателей и доносчиков. Скрывая свою брезгливость к этому опрятному, располагающей наружности эллину, совершенно непохожему на сикофанта, хазарапат велел:

— Говори, что хотел сказать.

Эпиальт не стал вилять, выпрашивая наперед награду. Он видел, что имеет дело с умным и щедрым человеком, который ко всему прочему нуждается в его помощи. О том, что варвары попали в пренеприятное положение Эпиальт понял, увидев усталых, израненных воинов, с понурым видом возвращающихся в лагерь. Поэтому он сразу раскрыл все свои карты.

— Я могу вывести мидийское войско в спину эллинам.

Артабан оживился.

— Ты знаешь еще один путь через горы?

— Мне известна тропа, выходящая прямо ко вторым воротам ущелья.

— Кто еще знает о ней?

— Очень немногие.

— Сколько воинов смогут разом пройти по тропе?

Эпиальт задумался. Наскоро прикинув в уме, он сказал:

— Три человека. И пусть господин не опасается, что эллины могут преградить и тот путь. Склоны вокруг тропы достаточно пологи и воины в случае необходимости смогут идти и по ним.

Артабан швырнул измятый и влажный рушник себе под ноги. Голос вельможи был резок.

— Ты отправишься в путь сейчас же. С тобой пойдут пять тысяч лучших воинов. И вы должны идти быстро, чтобы не дать эллинам ускользнуть. От этого напрямую зависит награда, которую ты получишь. За каждого убитого или плененного эллина я заплачу тебе десять сиклей или по вашему десять драхм. Если они успеют уйти, ты не получишь ни обола.

— Как будет угодно господину, — промямлил Эпиальт, несколько смущенный подобным поворотом. — Тогда воинам придется поторопиться.

Артабан кивнул.

— Я сейчас же прикажу собираться им в путь.

Едва зашло солнце, как пять тысяч бессмертных во главе с Гидарном оставили лагерь и двинулись к устью Асопа. Малиец

шагал столь резко, что приглядывавшим за ним воинам приходилось то и дело одергивать ретивого проводника.

Эпиальт не испытывал ни малейшей ненависти к эллинам, которые утром должны были пасть в ущелье из-за его предательства. Он просто хотел разбогатеть. И он получит свои серебряники. Позднее, опасаясь мести лакедемонян, он бежит из родных мест, будет долго скитаться, не находя пристанища, и найдет смерть в пьяной ссоре. Так завершится фарс жизни человека, попытавшегося разбогатеть на крови тысяч собратьев. Его могилу даже не отметят камнем.

* * *

Леонтиад отдавал себе отчет, что по воле рока оказался фактически заложником в руках спартиатов и их союзников. Нет, пожалуй, больше, чем заложником — пособником, пусть невольным, но пособником, чьи руки были щедро обагрены парсийской кровью. Именно на этом строил свой расчет спартанский царь, желая накрепко привязать Веотию к антимидийскому союзу. Повязать всех алой влагой. Чтоб невозможно было оправдаться. Обагрить мидийской кровью мечи фиванцев, жаждущих мира с мидянами. И не просто фиванцев, а фиванцев знатных, честь и гордость Кадмова города — спартов, аристократов, первейших купцов. Беотарх невольно вспомнил, как Леонид с хитрой усмешкой вручил ему заранее подготовленный список с именами тех, кто должны отправиться в поход. И первым стояло имя Леонтиада. Повязать все кровью! Что ж, спартиатам это вполне удалось. Вынужденные драться, фиванцы делали это не хуже других. Их клинки познали крови киссиев и мидийцев, парсов и бессмертных. Пятая часть фиванской дружины сложила головы, многие были ранены. Кровь...

Кровь, кровь и еще раз кровь! И никак не выбраться из этого моря крови.

Леонтиад поправил багряный плащ и задумчиво провел рукой по всклокоченной бороде. Подошел воин, протянувший бестарху краюху хлеба с положенным на нее куском жареного мяса, а также наполненную до краев чашу. Леонтиад рассеянно принял предложенные пищу и вино. Затем столь же рассеянно принялся жевать. За два дня эллины уничтожили никак не менее пятидесяти сотен варваров. Царь Ксеркс ни за что не простит подобного деяния. Или, быть может, все-таки простит?

Мертвецы лежали плотной, почти спекшейся массой. От нее здорово воняло кровью и тлением. Кровь. Снова кровь.

Леонтиад машинально взглянул на лежащий рядом с ним на земле меч. Он был сплошь покрыт буро-черной липкой коркой. Темные наплывы с вкрапленными в них сухими травинками, комочками земли и мелкими камушками. Кое-где корка отвалилась и в этих местах тускло блестел металл. Металл, пораженный коррозией крови. Снова кровь.

Он знал, чем все это закончится еще тогда, когда оставлял фивы. Знали об этом и прочие. Те, кто шли с ним, и те, кто провожали идущих на смерть воплями и плачем. Он знал, что их ожидает смерть. Пока она еще не пришла, точнее пришла к другим, тлетворным ковром покрывающим ущелье. Но она придет и к нему, Леонтиаду. Взгляд беотарха привлекла огромная мрачная фигура прорицателя-акарнанца Мегистия. Леонтиад вдруг подумал, что смерть, должно быть, будет похожа на облаченного в черный плащ прорицателя. Уж не сам ли Танат пришел по его душу?

Фиванцам не доверяли с самого начала. И поделом, честно признаться, не доверяли. Биться с медянами не желал никто. Мидяне были выгодны Фивам. Они гарантировали мир и спокойствие, а значит и процветание. Мидяне гарантировали сохранность имущества и приумножение его. Владыка варваров почитал аристократию, и не только арийскую. При медянах можно было не опасаться черни, что жаждет крови достойных. Кровь... Фиванцы пролили ее слишком много.

Как трудно было сделать первый удар. Словно опускаешь меч на собственную шею. Но сзади стояла шеренга спартиатов, готовых при малейшем проявлении нерешимости изрубить изменников. И фиванцы начали опускать мечи на головы мидян и колоть их копьями в щиты, с треском разлетавшиеся от соприкосновения с каленными наконечниками. Они проложили кровавую просеку. Затем сделали это еще раз и еще. Они защищали стену, истребляя бессмертных. Царь Ксеркс, следивший за этим боем, наверняка запомнил глухие беотийские шлемы с узкими прорезями для глаз и прочными гладкими нащечниками. Там, где прошли воины в этих шлемах, также остались лежать груды мертвецов.

Леонтиад дожевал мясо и пригубил вино. И тут же брезгливо сплюнул. Вино ощутимо отдавало кровью. Впервые он почувствовал ее привкус, когда вонзил нож в живот Трибила. Изо рта слуги в тот миг брызнула алая струйка, попавшая на щеку беотарха. И вино в ту ночь припахивало кровью. Но вкус этот был приятен Леонтиаду. Сегодня же вкус крови вызывал отвращение. Железистая кисловатая влага, неприятно скользящая по деснам и небу. Привкус, похожий на страх. Беотарх сделал усилие и проглотил немного вина. Ничего особенного. Хорошее книдское. Он приказал взять с собой два десятка амфор. Пятнадцать из них уже пусты, пять похоже так и не будут распиты. Понемногу смеркалось. Уже было известно, что мидяне обходят ущелье и Леонид приказал эллинским ополчениям отступать в Локриду. Фиванцам же было велено оставаться на месте. Леонтиад кисло усмехнулся. Спартиаты хотят погибнуть сами, а заодно прихватить с собой фиванцев. Или, может быть, они полагают, что у потомков Кадма не хватит доблести умереть? Умереть — не слишком трудное дело. Вдобавок, если умереть красиво...

Глупо!

Глупо все это! Срок смерти еще не настал. Леонтиад положил голову на землю и стал смотреть на нарождающиеся звезды.

Допустим, спартиаты потребуют, чтоб фиванская дружина заняла место рядом в фаланге. Но что мешает фиванцам во время боя бросить мечи и припасть к милосердным стопам мидян? Конечно, это некрасиво, но и неглупо. Однако что будут говорить после этого о спарте Леонтиаде?

Можно умереть. Беотарх представил, как он в развевающемся алом плаще и с мечом в руке бросается на ощетинившуюся копьями толпу мидян и находит быструю прекрасную смерть.

Чушь! Смерть не может быть прекрасной. Он будет лежать на грязной земле, исколотый копьями, и из ран будет течь вязкая кровь. Затем по его мертвому телу протопают сотни ног победителей, а в довершение какой-нибудь подлец сдерет дорогие доспехи и сунет обезображенный труп в ближайшую канаву, где он станет пищей волков и червей. Мерзкое зрелище! Однако этого никто не увидит. И никто не прольет слезы. А Елена? Леонтиад вспомнил о прекрасной безмолвной кельтянке. Уронит ли она слезу по своему мучителю? Или рассмеется страшной безъязыкой улыбкой?

Но еще пуще будет смеяться она, когда его возведут в цепях на торговый помост и ушлый работорговец назначит цену за бывшего беотарха Леонтиада. Вряд ли эта цена будет слишком высокой.

Нет, лучше смерть.

Из темноты донесся звук шагов. Это покидали ущелье локры, коринфяне и аркадяне. Леонид отпустил их, велев возвращаться домой. Лежащие вокруг беотарха фиванцы привстали и смотрели в сторону уходящих. И, верно, в глазах потомков Кадма были злоба и ненависть. Леонтиад не видел их глаз.

Елена... Как же он любил ее! Страдая и мучаясь. Как ревновал даже к самому уродливому скотнику, старательно, однако, изображая при этом высокомерное равнодушие. Ревновал даже к цветку или замоpенному цыпленку, которых она осчастливила ласковым взглядом. Как втайне вздрагивал, уловив шелест пушистых ресниц, готовых распахнуться и захватить беотарха в серую, солнечную бездну бесконечно-ласковых глаз. В такие мгновения Леонтиад поспешно отворачивался или бросал своей наложнице абсолютно ненужную, пустую фразу. А по ночам, страдая от невысказанной нежности, ломал в объятиях хрупкое тело. Наверно она в душе считала его диким зверем. Он же был покорным, влюбленным до безумия псом, готовым лизать ноги своей госпожи. Быть может, она все же уронит слезинку, когда ей принесут весть о гибели хозяина, и беззвучно прошепчет слова прощения дрогнувшими губами.

Леонтиад вдруг расчувствовался. Пришлось несколько раз мигнуть, а затем быстро провести ладонью по лицу, дабы утереть выступившие слезы. Да, он непременно умрет. Чтобы не выгля-

деть в ее глазах трусом. Ведь она не сможет любить труса. И спартиаты вынесут его на алых плащах с поля боя, а божественный вестник Меркурий доставит в горный домик лоскут хитона, смоченный смертельной кровью.

Беотарх тихо фыркнул, поймав себя на том, что размечтался, словно восторженный мальчишка. Все будет проще. Завтра его истыкают стрелами, но перед этим он постарается прихватить с собой в Тартар пару-тройку горбоносых собак, подобных тем, что были убиты по его тайному приказу на дороге в Аулиду. Завтра...

Размышления беотарха прервал неслышно подошедший спартиат, сообщивший, что царь Леонид просит предводителя фиванцев пожаловать в его палатку. Спарт поднялся и отправился влед за посланцем. От Леонида он услышал то, о чем уже знал. Спартанский царь приказывал фиванцам остаться в ущелье вместе со спартиатами и добровольно вызвавшимися на смерть феспийцами. Реакция беотарха была на удивление спокойной.

— Мы умрем вместе с вами на рассвете!

Царь одарил Леонтиада испытующим взглядом, загадочно усмехнулся и подал чашу вина.

Беотарх пил это вино и думал, что смерть в сущности прекрасна.

Вино в темноте багровело, словно спекшаяся кровь.

* * *

Шепот спящего лагеря. Он загадочен и многообразен. В нем дыхание ночи и тихое фырканье устало сомкнувших глаза лошадей, сопение верблюдов и стон предчувствующих грядущую смерть под ножом мясника быков. И еще это громкий храп измаявшихся за день воинов, стоны раненых и сладострастные вскрики вельмож, наслаждающихся ласками наложниц. Это негромкая поступь стражи, бряцающей влажным оружием. Это шелест прохладного ветра, мерный гул моря и доносящийся извне треск цикад. И холодное молчание смерти, молчание, что громче раскатов бури. Таков шепот спящего лагеря...

Мардоний проснулся от неясного шороха. В ожидании предстоящей схватки он спал чутко, словно нервная газель. Едва чья-то рука коснулась полога шатра, как вельможа немедленно открыл глаза.

— Кто здесь? — негромко спросил он, освобождая от ножен лежащий под головой кинжал. — Отвечай, иначе я кликну стражу.

— Не шуми, вельможа, — послышался едва слышный шепот. — Мне нужно поговорить с тобой.

— Кто ты?

— Я Отшем, карандинский вор.

— А-а-а... — протянул Мардоний, вспоминая хищную физиономию Отшема, в свое время нанятого им, чтобы убить Артабана.

Сановник с облегчением выдохнул и расслабил мышцы. В последние дни его мучили ужасные видения собственной смерти. Она приходила не в бою, с мечом в руке — подобную смерть Мардоний счел бы прекрасной, — она была в облике Артабана, вонзающего в вельможное горло извлеченное из посоха жало стилета. Тонкая узкая полоска стали разрывала артерии, извергая из них фонтан яркой крови. В такие мгновения Мардоний был готов кричать от ужаса. — Что тебе нужно?

— Поговорить, — прошептал Отшем.

— Ты без оружия? — с подозрением спросил вельможа.

— Да, сиятельный может сам убедиться в этом.

— Я верю... тебе, — после крохотной заминки сказал Мардоний и ему показалось, что вор тихонько хихикнул. — О чем ты хочешь говорить со мной?

— О Артабане.

Отшем вымолвил это имя и сомкнул уста. Мардоний также молчал, прислушиваясь к сразу заколотившемуся сердцу.

— Хорошо, я выслушаю тебя. Но прежде прикажу зажечь свечу.

Вельможа окликнул дрыхнущего у входа слугу. Тот моментально проснулся.

— Огня! — велел ему Мардоний, подавая канделябр. Отшем, затаив дыхание, прятался в глубине шатра.

Слуга повиновался. С помощью кремня он воспламенил трут и зажег все три свечи.

— Теперь ступай прочь! — приказал Мардоний.

— Но кто будет охранять господина?

— Ступай! — твердо повторил вельможа, водружая канделябр на небольшой столик. — Я буду бодрствовать. Никто не сможет напасть на меня внезапно.

Слуга не осмелился более спорить и удалился. Когда его шаги растворились в ночных звуках, Мардоний спросил, пристально вглядываясь в лицо ночного гостя:

— Как ты сумел проскользнуть мимо моего стража? Он спит необычайно чутко, я сам не раз имел возможность убедиться в этом.

Отшем усмехнулся, отчего по его худым щекам пробежали зыбкие блики.

— Я вор.

Мардоний счел этот ответ исчерпывающим.

— Говори о чем хотел.

— Сиятельный Артабан вовсе не тот, за кого себя выдает!

Выпалив это, Отшем уставился на Мардония, ожидая его реакции. Вельможа не пытался скрыть удивления, но не от того, что эти слова озадачили его, а от того, что простой вор догадался о том, о чем думал и Мардоний.

— Кто же он в таком случае?

— Это маг Заратустра.

— Точно!

Мардония словно осенило. Он нашел ответ тому, что мучило его уже много дней. Он вспомнил, где прежде видел посох Артабана. Точно с таким же посохом ходил Маг Заратустра. И у Заратустры были голубые глаза. А у Артабана они были темные. А теперь... А теперь они голубые!

— С чего ты взял?

— Мне сказал об этом царь спартиатов Леонид.

— Ты видел царя спартиатов? — с интересом спросил Мардоний.

Отшем кивнул.

— Как лазутчик, я побывал в лагере эллионов. Их царь разговаривал со мной и приказал предупредить великого Ксеркса насчет Артабана. Он сказал мне, что Артабан вовсе не Артабан, а Заратустра, и что маг хочет покорить мир и править им самолично.

— Я так и думал! — забывшись, проговорился Мардоний. Отшем удивленно взглянул на него. Вельможа поспешил поправиться. — Я подозревал это.

Он помолчал, задумчиво глядя на пляшущие огоньки свечей, затем обратил лицо к Отшему.

— Скажи, а почему ты пошел не к царю, а ко мне.

Карандинец не стал лукавить.

— К царю не так-то легко пробраться. Слуги Артабана, то есть Заратустры, следят за каждым его шагом. Кроме того, станет ли царь слушать вора? А на тебя мой выбор пал по нескольким причинам. Во-первых, я знаю тебя. Во-вторых, нас связывает общее дело. В-третьих, я видел как вы с Артабаном ссорились у реки.

— Ты слышал, о чем мы говорили?

— Нет, я был далеко. Но мне не составило труда догадаться, что разговор был не из приятных.

— Ты прав. — Мардоний вновь задумался. — А откуда этот спартиат знает о Заратустре?

— Он догадался, когда я сказал про голубые глаза Артабана. А вообще мне показалось, что ему известно очень многое, гораздо больше, чем нам.

— Так, — протянул Мардоний. Он бросил мимолетный взгляд на лежащий у изголовья кинжал. — Что же нам делать?

— Пойти и рассказать обо всем великому царю.

«И лишиться головы, — подумал Мардоний. — Нет, здесь надо действовать тоньше». Вслух же он сказал:

— Ты прав. Но сначала мы изложим все, что нам известно на пергаменте, на тот случай, если Лжеартабан попытается расправиться с нами.

По лицу Отшема было видно, что у него отлегло от сердца. Вор опасался, что Мардоний не поверит ему. Теперь все складывалось как нельзя лучше. Отшему уже виделось роскошное поме-

стье где-нибудь в Лидии или Сирии. Журчал фонтан и пышнобедрые обнаженные рабыни извивались в сладострастном танце.

— Посвети мне, — велел Мардоний, вставая. — Я должен найти пергамент и краску.

Отшем послушно взял канделябр и подошел к окованному серебром сундуку, у которого остановился Мардоний. Вельможа щелкнул ключом и откинул крышку. Пергамент лежал поверх прочих вещей. Мардоний взял его и положил на столик.

— Нагнись пониже, — попросил он своего сообщника. — Ничего не видно.

Вор наклонился. То было его последнее движение. Узкий кинжал вонзился точно в сердце. Царь Каранды рухнул на ковер, даже не вскрикнув. Мардоний вытер окровавленное лезвие об одежду убитого и настороженно прислушался. Ничего. Вой смерти потонул в звуках и шепоте спящего лагеря.

Ничего.

* * *

Мардоний заблуждался, будучи уверен в том, что никто никогда не узнает, что же произошло в самом деле между ним и карандинским вором. Едва тело Отшема упало на ковер, как от вельможной палатки отделился неясный силуэт. Он был невелик и расплывчат. Невозможно было рассмотреть ни рук, ни контура головы, ни очертаний тела. Человек, крадучись, миновал бивуаки и шатры, где громко вздыхали во сне усталые воины, незамеченным проскользнул через сторожевые посты и вышел к берегу моря. Оно в этот ночной час бурлило и с грохотом накатывало волну на песчаный берег, а срывающийся с пенных верхушек дерзкий ветерок развевал темную одежду человека, пока не откинул небрежно надвинутый капюшон и не разметал пушистые невесомые волосы.

Таллия, а это была именно она, быстрым движением вернула капюшон на прежнее место и без особой суеты огляделась. Убедившись, что поблизости никого нет, девушка коснулась кольца, украшавшего мизинец ее левой руки. В тот же миг рядом с нею возник еще один силуэт, тоже черный и громадный. Гость обнял девушку, крепко прижав к груди, затем отстранился и заглянул в ее глаза.

— Ты звала меня? — осведомился он негромко, заботясь лишь о том, чтоб его голос едва заглушал глухой рокот волн.

— Лишний вопрос, — констатировала Таллия.

— Действительно, — согласился гость. — Что тебе нужно?

— Мидяне уже обходят ущелье.

— Я знаю. И знал об этом уже давно. Что еще?

Таллия усмехнулась.

— Я соскучилась по тебе.

Подобное признание пришлось по душе гостю.

— Я тоже, — платя откровенностью, сказал он.

— Я хотела просто поболтать.

Гость кивком головы подтвердил, что он тоже непрочь поговорить. Тогда девушка сказала:

— Только что я была свидетельницей того, как человек убил человека.

— Я был свидетелем подобных сцен мириады раз. Это Гумий?

— Нет. Вельможа по имени Мардоний. Мой тайный обожатель и потому враг Гумия. Он убил соглядатая, пытавшегося разоблачить Лжеартабана.

— Посчитал, что еще рано?

— Да.

— Мудро! — похвалил гость. — Этот вельможа очень мудр. А я сегодня утром видел другую тебя.

— Клон?[1]

— Нет, артефакт[2], созданный Командором. Глуповатый и очаровательный. Ты будешь смеяться, но даже артефакт не любит этого самовлюбленного фанатика. Зато она обожает царя.

— Его любят многие, — задумчиво произнесла Таллия.

— И ты?

— Немножко. Он единственный, кто никогда не ударит в спину. С ним чувствуешь себя надежно. А в остальном он скучен.

Быть может, гость почувствовал неискренность, быть может нет, но он вздрогнул, словно кто-то невидимый уколол его иглой. Девушка заметила это.

— Тебя что-то беспокоит?

— Вовсе нет. Просто над Олимпом сейчас встает солнце.

— Но ведь сейчас ночь.

— Конечно. Но солнце, если сильно захотеть, может подняться и ночью. Однако не беспокойся, нас это не коснется. Мы живем вне времени. — Гость указал на море, и Таллия увидела, что оно неподвижно. Волны больше не накатывались на берег, морской ветерок замер, не в силах продолжить свой легкий бег. Рука гостя легла на плечо девушки. — Я чувствую, ты хочешь поговорить со мной о завтра.

— Да,— призналась Таллия.

— Они остаются. И я остаюсь вместе с ними. Это будет славный бой! — В бесстрастном голосе гостя послышались сладостные нотки. — Я наточил меч и предвкушаю как его стальное полотно будет раздваивать черепа людей, брызгая дымящейся кровью. А когда пресыщусь, уйду. Как уйдут и они. Я — в ничто, они — в никуда.

— А царь? — перебила гостя Таллия.

— Я говорил с ним. Он устал. Он хочет уйти в никуда.

— И ты позволишь ему?

Гость на мгновение задумался.

— Пока не знаю, — негромко сказал он. — А почему царь так интересует тебя? Ты влюблена?

Таллия хмыкнула.

— Чепуха. Он мог бы здорово пригодиться нам.

— Наверно. Но это не главное. Главное, что завтра будет много крови, а над Олимпом висит раскаленное солнце.

— Он пригодился бы нам, — словно не слыша, эхом повторила Таллия.

— Он мне не враг. Я не вправе помешать ему умереть.

Гость замолчал. Молчала и девушка. Безмолвствовали звезды. Время замерло, застопорив свой бег. Было странно наблюдать за тем, как нарастающая волна зависает над откатывающейся в материнское лоно пеной, не в силах упасть на оцепеневший песок. Мир умер. Или почти умер. Мир принадлежал лишь им двоим.

— Ты любишь меня? — шепнул гость.

— Так же как и ты, — не ответила Таллия. — Мне жаль царя.

— Так похить его. Или развей по ветру алчущую его крови людскую орду.

— Он и мне не враг.

— Тогда дай ему умереть. По крайней мере, это будет честно.

Таллия вновь тихо усмехнулась. Гостю почудилось, что в этой усмешке была горечь.

— И зачем ты только наделил меня такой силой! Будь я слабой, я просто б украла его. Зачем?

— Просто я люблю тебя, — не лукавя, признался гость.

— Отпусти время. Ему больно.

— В таком случае у нас будет всего мгновение. Я должен быть там, где пылает солнце.

— Пусть.

И время обрело суть. Волна обрушилась на берег, засвистел ветер, ожили наслаждающиеся ночной прохладой цикады.

— Мне пора, Леда, — сказал гость.

— Ступай, — велела девушка. — Я люблю тебя.

И гость исчез, так и не сумев понять, чего более было в этом признании — правды или лжи. Он не сумеет понять этого никогда.

А море шумело, выбрасывая на берег крабов и мелкую рыбешку. Море шумело...

* * *

— Напрасно.

Лишь это единственное слово произнес царь Леонид, когда Еврит на рассвете вошел в его палатку.

— Напрасно...

Накануне, задолго до заката царь вызвал юношу к себе и протянул ему узкий кожаный ремень, на котором были выцарапаны неровные столбцы букв.

— Передашь эту скиталу[1] геронтам.

Еврит молча спрятал руки за спину. Леонид, прекрасно по-

нимавший о чем думает юноша, не рассердился. Он лишь сказал:

— Если ты полагаешь, что я делаю это ради того, чтобы сохранить тебе жизнь, то ты ошибаешься. В этом послании содержатся важные сведения о войске мидян, об их численности, вооружении, тактике. Очень важно, чтобы геронты получили мою скиталу. Она поможет эллинам в будущих сражениях.

— Пусть ее отнесет кто-нибудь другой.

Леонид не стал спорить.

— Хорошо. Найди себе подмену. Но я сомневаюсь, чтобы кто-то согласился уйти вместо тебя. Ни один спартиат не решится поступиться честью.

— А как же я?

— Ты еще молод. Тебя ждет не одно сражение, в которых ты сможешь доказать свою доблесть. Кроме того, ты царский ординарец. Это твоя работа. — Видя, что Еврит все еще колеблется, царь добавил:

— Пойми, я не могу передать это послание с кем-нибудь из мантинейцев или коринфян. Его должен отнести именно спартиат. Причем спартиат сильный и умелый в общении с копьем и мечом, так как путь опасен. Мне не найти лучшей кандидатуры, чем ты.

Слова царя польстили самолюбию Еврита, но он еще пытался сопротивляться.

— Но что скажут обо мне на апелле?

— Никто не посмеет обвинить царского посланца. А кроме того, это твой жребий. Я знаю, он невыносимо тяжел, но он твой. Так хочет судьба.

Леонид обнял юношу, сунул ему в руку скиталу и сказал:

— Иди.

И Еврит пошел. Вначале он держал путь вместе с другими эллинами, отпущенными по воле царя в родные земли, но каждый новый шаг давался ему все труднее и труднее. Словно невидимые цепкие стебли обвивали ноги, препятствуя их движению... Вскоре спартиат отстал от своих попутчиков, а выйдя ко вторым воротам и вовсе остановился. У него не было больше сил продолжать это позорное бегство, оставляя товарищей, обрекших себя на добровольную смерть. Он страшился позора, страшился осуждения апеллы и молчаливого презрения матери, но более всего его терзала мысль о том, что друзья отказывают ему в праве быть равным им и умереть рядом с ними. Конечно же он молод и у него нет детей. Да что там детей, у него еще даже не было девушки. Конечно же справедливо, чтобы жизнь, испрошенная у мойр, была подарена именно ему. Но разве сможет он жить, зная о цене этого подарка; цене, равной жизни трехсот. Нет, Еврит не мог принять подобного дара. И он повернул назад. Он мчался что есть сил, опасаясь не успеть до рассвета. Он вбежал в ставший крохотным лагерь эллинов вместе с первыми лучами солнца.

Спартиаты были уже на ногах. Они смотрели на хмуро бредущего к царской палатке Еврита и во взорах их читалось одобрение, а Креофил даже поднял вверх сжатый кулак, приветствуя поступок своего товарища. Юноша подошел к палатке и робко тронул полог, затем, отважившись, отодвинул его и проник внутрь. Сидевший у узкого длинного сундучка Леонид резко вскинул голову.

— Я не могу, — выдавил Еврит, стараясь не глядеть в глаза Агиада. — Прости меня, царь. И делай со мной что хочешь.

— Напрасно, — сказал Леонид. Он внимательно посмотрел на юношу и вдруг широко улыбнулся. — Но я рад твоему возвращению. И, думаю, твоя мать радовалась бы вместе со мною.

Решив, что царь простил его и теперь следует отправляться готовиться к битве, Еврит потянулся к колеблющемуся от дуновений свежего ветерка пологу, однако Леонид остановил его.

— Не торопись уходить. Ты нужен мне.

Подняв с земли свой панцирь, царь подал его Евриту.

— Надень это.

Изумленный спартиат протестующе мотнул головой.

— Надень! — вновь приказал царь. — И возьми мой меч и щит. Мы одного роста и одинакового сложения. Мидяне примут тебя за царя Леонида. Я же хочу встретить смерть с тем оружием, с каким я впервые сразился с нею.

Еврит повиновался. С помощью Леонида он снял свои доспехи и облачился в дорогой с серебряной чеканкой царский панцирь. Тот был тяжелее обычного и слегка давил на плечи. Затем юноша водрузил на голову шлем, украшенный султаном из алых перьев. Леонид скрепил на его левом плече алый плащ. Такие плащи оденут сегодня все спартиаты. Кровь не видна на алом. Врагам не узреть ран лакедемонян.

— Не забудь меч и щит, — напомнил царь. Он придирчиво оглядел Еврита и остался доволен увиденным. — А теперь мой черед.

Леонид раскрыл таинственный ящик, за которым все эти дни постоянно присматривал илот, и извлек из него панцирь, шлем и меч. Панцирь был черного цвета, с очень выпуклой грудью и короткой юбкой, прикрывающей пах и верхнюю часть бедер. Невероятно, но Еврит не смог обнаружить на нем ни единого шва — словно сам Гефест высек этот доспех из целой глыбы горного гранита. Видимо панцырь был очень крепок. Всю его поверхность покрывало бесчисленное число вмятин — следов от ударов, но не один из них не смог пробить доспех насквозь. Шлем был изготовлен из точно такого же материала. Он был также без единого шва и не имел прорези для глаз. На ее месте была прозрачная серая пластинка. Последним был извлечен меч. Еврит узнал его.

— Это... Это же меч мудреца!

Царь, к тому времени уже надевший панцирь и шлем, глухо хмыкнул через непроницаемую мембрану.

— Нет, это мой меч. Меч мудреца — его брат.

Леонид взял клинок в правую руку и со свистом рассек им воздух.

— Вот теперь я готов поспорить с тобой, старуха! — Царь отдернул полог шатра, но не вышел, а повернулся к Евриту.

— И все же ты напрасно вернулся!

Над морем всходило солнце. Солнце последнего дня лета.

ЭПИТОМА ДЕСЯТАЯ

Отцы и дети. Загрей

О Персефония — дева, не можешь ты брака избегнуть:
Замуж тебя выдают — и справляешь ты свадьбу с драконом,
Ибо, лицо изменив, сам Зевс, в переменах искусный,
Мужем проник, извиваясь как змей по любовному следу.
В самые недра девичьей пещеры, окутанной мраком...
Дева Загрея родит, рогатое чадо: свободно
К Зевсу небесному трону восходит младенец, ручонкой
Молнию бога берет, и подъемлет он, новорожденный,
Детской ладонью своей, как легчайшее бремя, перуны.

НОНН ПАНОПОЛИТАНСКИЙ, «Песни о Дионисе», 155—159, 165—168.

Няньки с визгом разбегались прочь и спешили пожаловаться отцу.

— Он превратился в медведя! Он превратился в леопарда! А затем в огромного змея! — хором восклицали они, дрожа от страха.

Зевс прогнал их прочь и, усевшись в резное кресло, задумался.

Мальчишка рос не по дням, а по часам, становился все красивее и смышленей. Он обучился трудному искусству оборотничества и уже мог повелевать стихиями. От него исходило какое-то необъяснимое тепло, толкающее мозг хмельными молниями. А еще он недолюбливал Зевса, словно тот не был его отцом.

Р-р-р-а-а-у!!!

Дикий рев, раздавшийся над ухом, буквально вытолкнул Зевса из мягких объятий трона. Обычно подсознание подсказывало ему о приближающейся опасности, но на этот раз оно почему-то промолчало. Преисполненный смятения Зевс откочил на несколько шагов, выхватил из чехла перун и лишь тогда обернулся.

За креслом стоял невесть как пробравшийся в тронную залу дракон. Глаза его сверкали, а из пасти валил черный дым. В первое мгновение Громовержец подумал, что это очередная злобная шутка мамаши Геи. Но в грозном облике дракона было что-то неправдоподобное, наигранно-злобное. Словно некий шутник надел маску-страшилку. Зевс поднял перун, и в тот же миг дракон съежился, полетели искры и все исчезло в облаке дыма. Когда пепельные клубы чуть рассеялись, послышался звонкий смех. Зевс увидел, что в бархатной раковине его трона удобно устроился дивной красоты мальчик. На вид ему можно было дать лет двенадцать, на самом деле ему было всего три года. Прелестное юное лицо с не по-детски уверенным ртом обрамляли русые кудри, а в голубых глазах играли искорки смеха. Мальчик весело хохотал, показывая ровные белые зубы.

Рука бога медленно поползла вверх, наводя перун на ребенка, но в тот же миг замерла. Зевс опомнился и убрал оружие в чехол. Непроизвольно коснувшись пальцами бороды, словно проверяя на месте ли она, бог сказал:

— Нельзя так шутить, Загрей. — Голос Громовержца был мягок до приторности. — Я мог случайно поранить тебя перуном.

— Ха-ха-ха! — заливался Загрей. — А здорово я тебя испугал, отец!

Зевс натянуто улыбнулся.

— Не шути так больше.

— Ладно, не буду.

Зевс с некоторой опаской приблизился к трону и потрепал мальчика по шелковистым волосам.

— А теперь иди поиграй в саду. Сейчас сюда должны прийти на совет олимпийцы.

Загрей не пошевелился.

— Отец, можно я останусь здесь? — умоляюще попросил он. — Мне интересно послушать, о чем вы будете говорить.

— Нет, Загрей, нельзя. Тебе еще рано знать о делах, которыми занимаются взрослые. Иди, иди, сынок. Когда боги придут, они должны застать меня сидящим на троне. Иди, играй.

Загрей неохотно поднялся.

— Твой трон очень удобный! — заметил он мимоходом и, смеясь, выскочил из залы, оставив Зевса в задумчивости.

Громовержец солгал. Никакого совета на этот день назначено не было. Прости крохотное ревнивое жало вонзилось в Зевсово сердце, когда он увидел, что Загрей занял его трон. Удобный... Зевс слегка привстал и вновь опустился на пуховую подушку сиденья. Действительно, мягкий и удобный. А еще — дающий власть. И это главное.

Загрей этого пока не понимает. Но как быстро он растет! Словно подсолнечник на наполненном солнцем и влагой поле. Еще совсем недавно он сучил крохотными розовыми ручонками в резной люльке, умиляя Зевса своей беспомощностью. А теперь... Он научился всему, что умеет отец. Почти всему. Признаться честно, кое в чем он даже превзошел своего родителя. Зевс не мог столь стремительно и правдоподобно воплотиться в дракона или, скажем, быка. Для этого требовалось время и немалые усилия. У Загрея это выходило как-то само собой. Казалось, он делает это шутя, почти не концентрируя волю. Уже одно это свидетельствовало о могучей силе, сокрытой в этом необычайном ребенке, придет день и она проявится полностью. Если серьезно заняться его образованием, скоро он научится всему, что должен уметь каждый уважающий себя бог. Ведь он невиданно быстро познал тайны искусства оборотничества. Зевс задумчиво почесал бровь. Кстати, а кто его обучил этому? Сам он не объяснял Загрею всех этих премудростей. Аполлон? Надо задать ему

взбучку, чтобы не портил ребенка. Хорошо, что Загрей еще многого не понимает.

За окном сверкнула яркая вспышка, затем послышался оглушительный раскат грома. Зевс недоумевающе поднял голову, брови грозно сошлись на переносице. Кто посмел взять его перун? Кипя от ярости, Громовержец раскрыл висевший на спинке трона золоченный чехол и заглянул в него. Так и есть — исчезли два перуна. Повесив чехол через плечо, Зевс бросился через всю залу в сад, где в это мгновенье вновь сверкнула молния.

Он так спешил, что едва не столкнулся с Аполлоном. Тот едва успел отскочить в сторону. Зевс хотел было ругнуться, но вместо этого расхохотался. Он никогда прежде не видел солнечного бога в таком жалком виде. Всегда тщательно следивший за своей одеждой и телом Аполлон на этот раз был похож на вернувшегося с бурной ночной гулянки забулдыгу. Золотые сандалии его были сплошь облеплены вонючей грязью, ошметки которой были и на ногах, и на подоле белоснежного хитона. Точнее, некогда белоснежного. Сейчас он был прожжен, измазан зеленью, глиной и чем-то красным, — то ли вином, то ли кровью, то ли перебродившим вишневым соком. Лицо бога было в темных подтеках гари, волосы на голове сбились в грязный колтун и воняли так, будто их только что вынули из костра. Правой рукой Аполлон держал за ухо подозрительно тихого Загрея, в левой был какой-то обугленный комок.

— Полюбуйся на свое сокровище! — воскликнул Аполлон при виде Зевса, подталкивая к нему мальчишку.

С трудом сдерживая улыбку, Зевс осведомился:

— Что он натворил на этот раз? Превратился в Кербера?

— Хуже! Он пускал перуны и едва не убил меня!

— Сам виноват. Не будешь учить мальчишку чему не следует.

— Чему это, интересно, я его учил? — взвился Аполлон.

— А кто показал ему приемы оборотничества? — мгновенно контратаковал Зевс. — Скажешь, не ты?

— О чем ты говоришь?! Да я к нему на стадий не приближаюсь с тех пор, как он моим голосом пытался совратить наяду Таллу!

Возмущение Аполлона было столь искренним, что у Зевса появились сомнения в обоснованности своих упреков. Он строго посмотрел на мальчика, который отошел чуть в сторону, и, улыбаясь, следил за этой перепалкой.

— Загрей, подойди ко мне!

Шалун послушно приблизился. На прекрасном лице его не было и тени смущения.

— Скажи, только честно, кто показал тебе как превращаться в леопарда или медведя?

Загрей передернул плечами.

— Никто.

— Как это? — спросил Зевс. — Ты, наверно, не понял меня. Я хочу узнать, откуда тебе все это известно.

— Сам догадался.

Аполлон невольно раскрыл от изумления рот. Зевс поймал себя на том, что собирается сделать то же самое, но вовремя опомнился.

— Объясни нам, Загрей, как это ты сам догадался?

На лице мальчика появилась гримаска, означавшая: до чего же непонятливы эти взрослые! Он снисходительно улыбнулся, отчего на его щеках образовались симпатичные ямочки и начал рассказывать.

— Все случилось как-то само собой. Я шел по саду и увидел муравья. Он тащил соломинку и смешно шевелил усиками. Мне это показалось забавным. Я внимательно рассмотрел его и удивился: до чего же просто и в то же время сложно он устроен. И я подумал: а смогу ли я стать муравьем...

— Ну и? — нетерпеливо перебил Зевс.

— Я закрыл глаза и предположил, что стремительно уменьшаюсь в размерах. Когда я открыл их вновь, муравей стоял рядом и удивленно рассматривал меня. Он был лишь немного меньше, чем я, и походил на беззлобную собаку. Тогда я соорудил себе лапки и усики, затем изменил форму головы. Однако муравей все еще не признавал во мне своего. Он нерешительно смотрел на меня и не двигался. Я понюхал воздух и уловил кислый запах, исходящий от его тела. Я окружил себя этим запахом, но все равно что-то было не так. И тогда я заставил себя взглянуть на мир глазами муравья. И мир показался мне огромным и бесконечным. Ведь мы так много упускаем, не замечая тех, кто копошится у нас под ногами, будь то муравьи, быстрые ящерки или люди. Как только я сделал это, муравей поверил мне. Он повел меня в свой дом, где я пробовал сладкий нектар. А затем вместе с другими муравьями я строил спальню для муравьиных яичек. — Мальчик рассмеялся. — Я так увлекся, что опоздал на ужин, и мне здорово влетело. На следующий день я превратился в жука, потом в перепела. Чем дальше, тем эти превращения получались у меня лучше и лучше. Оказалось, что бык или собака устроены куда проще, чем муравей. Они смотрят на мир так же, как мы. Теперь я могу превращаться в кого захочу. Правда, иногда бывает трудно, особенно когда я пытаюсь принять облик дракона или восьминогого быка. Оборачиваясь в подобное существо, приходится тщательно работать над сознанием, так как сверхъестество дракона выше, чем у человека или даже у бога. Но я уже вполне научился и этому.

Загрей замолчал. Зевс и Аполлон, не перемолвившиеся ни единым словом во время этого рассказа, многозначительно переглянулись.

— А что ты умеешь еще? — спросил Громовержец.

Загрей, польщенный столь пристальным вниманием старших, смущенно улыбнулся.

— Немного. Я умею левитировать, читать мысли и предска-

зывать судьбу людей, умею тесать камни и вбивать гвозди. Сегодня я научился владеть перуном.

— Это уж точно! — воскликнул Аполлон, хватая Зевса за руку. — Только посмотри, что он со мной сделал! Я сидел под своим любимым платаном и обучал декламации Каллиопу. И в этот миг — бах! — и все разлетается вдребезги. Мы едва успели спастись бегством.

— Да, вы здорово смотрелись, когда бежали к ручью с дымящейся одеждой в руках, — невинно заметил Загрей и без тени насмешки добавил:

— Может быть, тебе будет неприятно это услышать, Аполлон, но я не одобряю твой вкус. По-моему, у Каллиопы слишком толстая задница.

— Ах ты! — Аполлон осекся на полуслове и искоса посмотрел на Зевса. Тот осуждающе покачал головой и велел младшему сыну:

— Загрей, оставь нас одних. Мне нужно поговорить с твоим братом.

Тихо посмеиваясь, озорник отошел в сторону и принялся рассматривать фреску со сценой гигантомахии. Едва он повернулся к богам спиной, Зевс поднес к носу Аполлона здоровенный кулак. Разговор шел на пониженных тонах, чтобы не расслышал Загрей.

— Сколько раз я тебе говорил — не совращай моих дочерей! Они ведь приходятся тебе сводными сестрами!

— Папа, клянусь, у нас с ней ничего не было!

— А почему в таком случае вы бегали голышом?!

— Нам пришлось скинуть одежду, потому что этот маленький негодяй поджег ее. — Аполлон кашлянул и переходя с шепота на нормальный голос, добавил:

— А если вдруг тебя стали волновать проблемы нравственности, следи лучше не за мной, а за своими дочками. Эти шлюхи готовы залезть под хитон кому угодно, даже тебе!

— Замолчи! — сквозь зубы процедил Зевс и настороженно — не слышал ли? — посмотрел в сторону Загрея.

Затем Зевс внезапно хмыкнул — раз, еще раз, — и, зажмурив глаза, заразительно расхохотался. Аполлон поколебался, затем присоединился к отцу. Смех загулял эхом по дальним углам дворца, пугая дремлющих голубей. Отсмеявшись и вытерев невольно выступившие слезы, Зевс хлопнул Аполлона по плечу и только сейчас обратил внимание, что тот все еще не расстался с обугленным комком.

— Что это за кусок дерьма у тебя в руке?

Улыбка на лице Аполлона расползлась грустной гримасой.

— Это все, что осталось от моего ручного ворона Пейра. Он как раз сидел на платане в тот миг, когда... — Аполлон не договорил и сглотнул комок. Светозарный бог не лицемерил, изображая горе. Все знали, что он очень привязан к этой умной птице.

Что ж, зато теперь появилась прекрасная возможность приструнить мальчика.

— Загрей, подойди сюда.

Мальчик, очень достоверно оборотившийся в кошку, принял нормальный вид и подошел к отцу.

— Сорок девять, — сообщил он.

Зевс наморщил лоб.

— Что сорок девять?

— Сорок девять гигантов. Ты ведь сам велел мне их сосчитать.

— Разве? — пробормотал бог. Он пожевал губами, пытаясь подобрать правильные слова, затем обличающе ткнул перстом в опаленный комок.

— Видишь, к чему привела твоя шалость?!

— А что это? — полюбопытствовал Загрей.

— Все, что осталось от несчастного Пейра, ворона Аполлона.

Загрей вопросительно взглянул на своего брата, тот кивком головы подтвердил, что Зевс сказал правду.

— Вообще-то он был большим сплетником, — философски заметил мальчик. — Но это не может служить оправданием смерти. Дай мне его.

Загрей протянул руку. Аполлон, в котором внезапно проснулась обычная брезгливость, поспешно расстался с опаленным куском мяса, вытер измазанную ладонь о полу хитона и лишь потом осведомился:

— Где ты собираешься его закопать?

— Я вовсе не собираюсь его хоронить, — сказал Загрей. — Я его оживлю.

Аполлон тронул локоть Зевса и боги дружно осклабились.

— Не трать понапрасну сил, братец. Я видел много мертвых, но это самый мертвый. Танатос уже давно утащил душу Пейра в черное царство.

— Я верну ее оттуда.

— Не глупи! — Зевс положил ладонь на голову мальчика. — Ничто не может отвратить или победить смерть. Так уже заведено и надо смириться с этим. Безумцы, которые пытались обвести смерть вокруг пальца, мучаются в самых глубоких подземельях Тартара.

Загрей поднял глаза и внимательно посмотрел на отца.

— Мне не нравится это.

Тонкие пальцы мальчика обняли мертвую птицу и поднесли ее к губам. Набрав полную грудь воздуха, Загрей выдохнул его на останки Пейра. О чудо! Гарь бесследно исчезла, на ладонях мальчика лежало розовое, словно ощипанное тело ворона. Загрей вновь набрал воздух и окутал трупик Пейра теплым дыханием. На глазах изумленных богов мертвый ворон покрылся черными блестящими перьями. Загрей улыбнулся и выдохнул в третий раз.

Ворон открыл глаза, несколько раз клацкнул клювом и,

мощно оттолкнувшись от розовой ладони, взлетел вверх. Сделав несколько кругов, он плавно опустился на плечо Аполлона.

Не веря тому, что видит, светозарный бог провел пальцами по ярко-черному одеянию воскресшего друга. Ворон уклонился от этой ласки, растопорщил перья и выложил:

— Знаеш-ш-шь, Аполлон, хоть ты мне и друг, но твой брат прав — у Каллиопы слишком толстая задница!

Не дожидаясь возмездия за дерзость, Пейр взмыл вверх и скрылся за окном. С улицы донеслось веселое карканье. Загрей радостно рассмеялся, но боги остались серьезны.

— Загрей, только что ты вмешался в предначертания судьбы, — сурово произнес Зевс. — Этого нельзя делать.

— Но я видел, что брат сильно расстроен смертью Пейра, а кроме того я чувствовал себя виноватым, так как был невольной причиной этой смерти.

— Все равно ты не вправе изменять предначертанного судьбою.

— А если беда случится с тобой или братом?

Зевс криво усмехнулся в бороду.

— Мы боги. Смерть не страшна нам.

— Но абсолютного бессмертия нет, — заметил Загрей.

— С чего ты взял?

— Мне рассказал об этом мой друг муравей. — Мальчик испытующе посмотрел на отца. — Так как же я должен поступить, если беда приключится с кем-то из вас?

— Все должно идти своим чередом. Это судьба, ее нельзя изменить.

— Я против такой судьбы, которую нельзя изменить! — звонко воскликнул Загрей. Подпрыгивая то на одной, то на другой ноге, он поскакал прочь из зала, крича на ходу.

— Когда я вырасту, то обязательно изменю судьбу!

Взлетев по мраморным ступенькам, он с разбегу вспрыгнул на сиденье трона, немного потоптался на нем, затем вскарабкался на золоченую спинку и спрыгнул вниз. Словно желая показать, что не ушибся и готов к новым шалостям, Загрей показал старшим язык и крикнул:

— Когда я вырасту, все будет иначе!

С этими словами он выбежал за дверь и скрылся в саду.

Какое-то время боги молчали, смотря ему вслед. Первым нарушил тишину Аполлон.

— А ведь он и вправду когда-нибудь вырастет, — задумчиво сказал он и посмотрел на Зевса. Тот пожал плечами.

— Он ничего не сможет изменить.

— А вдруг?

— В этом случае я ничего не могу с этим поделать! — отрезал Зевс, делая ударение на «я». Громовержец извлек из ничего оранжевый плащ и накинул его на плечи.

— Свидание? — поинтересовался Аполлон.

— Нет, пойду разомнусь.

Светозарный бог знал, что размяться Зевса тянуло лишь когда он был чем-то расстроен.

— Отец, — Аполлон покровительственно положил руки на плечи Зевса, — я могу поговорить с сыновьями Менетия. Они глупы и мечтают, чтобы ты освободил из Тартара их отца.

— Я ни о чем не прошу, — ответил Зевс, отстраняясь. — Вот если бы об этом попросила Гея. Ей должно быть не по душе, когда кто-то нарушает ход предначертанного.

— Понял, — сказал Аполлон. — Значит, Гея?

На лице Зевса появилось недоуменное выражение.

— Что Гея?

— Ну, ты же сам сказал — Гея...

— Я тебе ничего не говорил.

Оставив Аполлона в легком замешательстве, Зевс покинул тронную залу. Винтовая лестница вывела его на крышу дворца. Здесь он на какой-то миг задержался, наблюдая за тем, как Загрей гладит руками кору расколотого надвое и обожженного платана, затем сконцентрировал волю и взмыл в воздух.

Он взлетел к самому солнцу и, страшно крича, бросал вниз перуны. Он бросал и кричал, желая облегчить сердце, наполненное злобой и не до конца осознанным страхом. Буря, поднятая его яростью, сокрушала столетние дубы и опрокидывала корабли. Перепуганные люди поспешно резали ягнят и быков, возлагая агонизирующие туши на алтари Громовержца. Но сегодня эти жертвы не могли умилостивить Зевса. Он бушевал до тех пор, пока землю не покрыл слой воды и грязи, совершенно поглотивший многие города.

На Олимп Зевс вернулся лишь с закатом солнца. Опускаясь на крышу дворца, он окинул взглядом рощу и невольно покачал головой. Загрей оживил своим дыханием обожженную траву, а любимый платан Аполлона все так же тянулся серебристой листвой к небу. Зевсу даже показалось, что дерево стало чуточку выше.

А что будет, когда он вырастет?

Эта мысль неотступно преследовала Зевса ночью, не давая ему заснуть. Он плохо спал и на другую ночь, и на пришедшую следом.

Он плохо спал...

Через несколько дней Зевс случайно заметил, что Загрей играет в саду с детьми титана Менетия. Эти огромные скудоумные создания разрешали мальчишке делать с собою, что вздумается. Они безропотно переносили все его выходки и лишь иногда, окончательно выведенные из себя, начинали гоняться за ним меж деревьями. Неуклюже переступая толстыми ногами, они пытались наступить на Загрея и азартная злоба появлялась на их омерзительных мордах.

Зевс со странною улыбкой следил, как безмозглые болваны

трижды окружали Загрея кольцом, и каждый раз он распугивал их, превращаясь то в тигра, то в медведя, то в дракона. Затем он обратился в огромное невообразимое существо с хвостом скорпиона и телом льва. Зевс вздрогнул. Не от того, что оборотень Загрея был ужасен. Просто у него было лицо Крона; лицо, которое Загрей никогда не видел.

Распахнув окно, Зевс громоподобным голосом подозвал мальчика к себе. Когда тот подбежал, Громовержец протянул ему перун.

— Возьми на всякий случай. И будь поосторожней.

— Папа, они такие забавные! — выпалил разгоряченный Загрей.

— Да-да, забавные. Но они бестолковы и могут причинить тебе боль. Чуть что, смело пускай перун в ход. Не бойся, ты не причинишь им никакого вреда. Титаны бессмертны. Огонь может лишь обжечь их.

Загрей кивнул и убежал.

Игра продолжалась. Неповоротливые титаны бегали за шустрым мальчишкой, ловко ускользавшим от их объятий. Воздух был насыщен звонким смехом Загрея. Забава доставляла ему огромное удовольствие. Наконец титанам удалось прижать сорванца к стволу дерева. Широко расставив волосатые руки, они медленно приближались к Загрею, оскаливаясь в жестокой улыбке. Загрей рассмеялся и поднял перун.

Раздался негромкий щелчок. В тот же миг титаны набросились на Загрея. Услышав испуганный детский крик, Зевс выхватил из чехла перун и разрядил его в детоубийц. В небо взвилось огненное облако, совершенно поглотившее часть рощи. Деревья, трава, птицы растворились в пламени. На черной земле остались лежать лишь три оглушенных титана. Загрей бесследно исчез...

Этим же вечером суд богов обвинил сыновей Менетия в том, что с умыслом затеяв игру, они убили и сожрали Загрея. Боги не вняли их воплям будто бы этого хотела мать-земля Гея. Титаны были опутаны цепями и брошены на дно Тартара.

На этом загадочная история не закончилась. В кузнице Гефеста был найден убитым киклоп Тераикл, ковавший перуны для Громовержца. Смерть его была таинственна. Киклоп был убит золотой стрелой в глаз. От этого она была таинственной вдвойне, ведь Аполлон весь этот день провел на веселом празднике у царя Тиринфа Пройта.

Вернувшись на Олимп, бог света вскользь заметил:

— А сыновья Менетия так надеялись, что в благодарность за то, что они развлекут Загрея, мать Гея упросит тебя освободить их мятежного отца.

— Нельзя менять установленного роком, — назидательно сказал Зевс и едва заметно усмехнулся. — Кое-кто не понимает этого.

— Не понимал, — поправил Аполлон.

То ли так хотел Зевс, то ли это было общим желанием, но имя Загрея вскоре забылось. Вспоминать об отроке, который пытался отвратить судьбу, считалось неприличным.

Лишь Пейр, будто забывшись, иногда кричал:

— Знаеш-ш-шь, Аполлон, хоть ты мне и друг, но твой брат прав — у Каллиопы слишком толстая задница!

И улетал, прежде чем рассерженный бог успевал схватить его за блестящий, сотворенный дыханием мальчика, хвост.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Гибель богов — 1

Говорят, влюбленная женщина способна на все. Можно соглашаться с этим утверждением или нет, но влюбленная Афродита была способна на очень многое. Когда Афо узнала от наблюдавшего за ходом битвы Аполлона, что ее возлюбленному грозит опасность, она не колебалась ни мгновения. Помочь ей мог только Зевс, и Афродита, не медля, отправилась в покои Громовержца.

Он не слишком обрадовался ее приходу, так как был занят, а кроме того, догадывался, о чем пойдет речь. Показав жестом руки, что богиня может присесть, Зевс продолжил переговоры по волновой связи. Судя по всему, речь шла именно о тех событиях, которые волновали Афродиту, поэтому она внимательно прислушивалась к разговору, но к сожалению ничего не поняла, так как Громовержец и его оппонент употребляли множество незнакомых слов и имен, а затем вообще стали говорить на каком-то странном, неизвестном Афродите языке.

Под конец Зевс сказал, вновь перейдя на койне[1]:

— При штурме крепости мешок с золотом надежнее любого тарана. Сомните их!

После этого он открыл связь и взглянул на богиню.

— Я слушаю тебя.

— Спаси моего царя, — попросила Афродита.

— Поздно, — сказал Зевс после небольшой паузы, принятой богиней за свидетельство того, что Громовержец все же колеблется. — Я уже говорил тебе об этом. События зашли слишком далеко, чтобы я мог как-то изменить их. Теперь они отданы на откуп року. Те, кто остались в ущелье, погибнут. Все до единого!

— Спаси лишь его одного! — вновь попросила Афо и ее прекрасные глаза наполнились слезами. Перед подобным проявлением горя не смогло б устоять даже каменное сердце. Зевс продолжал колебаться, это давало Афо надежду. Затем он начал говорить, размышляя вслух.

— Допустим... Допустим гипотетически, что я позабуду о своей ненависти к этому человеку. Все же когда-то он был очень близок ко мне. Допустим даже, что я сумею уговорить своего сына и он согласится подарить Воину жизнь. Хотя это совершенно невероятно, потому что мой сын ненавидит его во сто крат сильнее, чем я. Однако допустим, он простит его тоже. Но я не могу остановить движение восточных легионов. Это уже зависит не от меня.

— А от кого?

Зевс пожал плечами.

— Этого уже не может изменить никто.

— Я могу поговорить с ним!

— И что ты ему скажешь?

— Что он умрет, если откажется уйти со мной.

Громовержец поднялся со своего места и прошелся по комнате. Став у распахнутого настежь окна, он проследил за тем, как по нему величественно плывет клин длиннокрылых птиц, отправляющихся на восток, подальше от войны, поближе к лету.

— Он знает об этом, — сказал Зевс. — Он готов умереть. Ему не привыкать умирать и я уважаю его за это. Для него уйти с тобой — значит бежать. Что ж, иногда приходится отступать. И я, и он порой отступали. Но не бежали. И сегодня не тот случай. В этой битве решается судьба многих держав. Он надеется повернуть эту судьбу так, как угодно ему. Он не сможет отступить, потому что добровольно избрал судьбу воина, который имеет право покинуть поле битвы лишь победителем или не покинуть его вовсе. Он хочет победить и умереть, а лучше сказать — он хочет, умирая, победить. Сейчас он вострит клинок и думает лишь о предстоящей сече. Таковы и его воины. Ни один из них не оставит это ущелье. Придет завтра и все они полягут меж отвесных круч скал. А последним умрет твой царь, стоя по колено в крови поверженных врагов. Это будет бессмысленная смерть, но ему она видится прекрасной.

Не в силах больше сдерживаться, Афродита всхлипнула.

— Тогда прикажи богам захватить его силой.

— Сомневаюсь, что найдутся желающие сделать это. А если и найдутся, я не уверен, что они смогут одолеть твоего царя.

— А ты сам?

— Я, конечно, могу справиться с ним, но в силу ряда обстоятельств не стану этого делать.

Богиня медленно опустилась на колени.

— Сделай так, чтоб он остался жив. Я выполню любое твое желание.

Громовержец повернул голову от окна и посмотрел на нее.

— Желание... — задумчиво выдавил он. — А какое у меня может быть желание...

— Я буду твоей, — сказала Афродита. Она была бела, как мел.

— Куда же ты денешь своего царя?

— Я забуду о нем.

— Сомневаюсь, он не из тех, кого можно с легкостью забыть. Но я не ожидал, что у легкомысленной Афо окажется такое сердце! Я не давал тебе такого сердца. Ты получила его от людей. Желание... У меня редко возникают желания. — Зевс вздохнул. — И никто никогда не знает о них.

Афо поднялась с колен и подошла к богу.

— Ты не прав. Я знаю, чего ты сейчас хочешь.

Громовержец усмехнулся.

— Не разочаровывай меня...

Женщина не дала ему договорить.

— Ты хотел бы увидеть солнце, бросающее рассветные лучи на гребни гор, что преграждают путь в зеленые долины Локриды. Ты хотел бы стоять во главе меднобронных воинов с мечом в руке. Ты хотел быть тем, кого ненавидишь. Ты хотел бы...

— Замолчи!

— Ты хотел бы, чтоб я любила тебя! — докончила богиня.

— Да! Да! Я хочу всего этого! Но мне не суждено увидеть солнце Фермопил или Аустерлица, мне не суждено стоять во главе горстки отчаянных храбрецов, отважившихся противопоставить себя року. Это не **моя** судьба. Это не **моя** смерть. И меня никогда не полюбит эта женщина, умевшая лишь ненавидеть!

Зевс кричал и грозные вихревые потоки заполнили небольшое помещение, вздымая вверх парсийские ковры и переворачивая кресла. Не на шутку испугавшись, Афо схватилась рукой за его плечо, и лишь тогда бог опомнился.

— Клянусь! Клянусь честью! Если б я мог, то обязательно сделал все, чтобы сохранить ему жизнь. Хотя бы затем, чтоб никто не смел заподозрить меня в том, что я пытаюсь уничтожить своего более удачливого соперника. Но я не могу противодействовать року, а я не могу действовать против воли Воина! Он сам выбрал этот бой. Теперь я понимаю: он всю жизнь готовился к этому бою! — Зевс отвернулся, давая понять, что разговор окончен. — Ступай, я ничем не могу помочь тебе.

И Афродита не стала больше умолять.

Оставив покои Громовержца, она отправилась на поиски Диониса. Из всех богов он относился к ней лучше других, хотя, как и прочие, не скрывал своих замыслов относительно того, чтобы полакомиться когда-нибудь ее прекрасным телом. Дионис выслушал ее мольбу о помощи и ответил отказом.

— Я люблю тебя, Афо, и готов ради тебя на все. Но я не могу помочь этому человеку. Все события контролирует Громовержец, вмешаться в них означало бы воспротивиться его воле. Извини, Афо, мне не по силам тягаться с Зевсом.

Афродита грустно улыбнулась и пошла дальше. Дионис бросил ей вслед странный взгляд и тихо прошептал: «Пока...».

Аполлон был на своей излюбленной восточной веранде. Насвистывая под нос фальшивый мотивчик, светозарный бог полировал пилочкой ногти. При появлении прекрасной богини он оживился и принял меланхолическую позу, манерно положив подбородок на неестественно-оттопыренную руку. Афо знала, что Аполлон ненавидит царя. Лучшим свидетельством того был шрам на плече бога, едва заметный теперь благодаря стараниям Паеона. Но она знала и о том, что Аполлон безмерно любвеобилен и может позабыть на время о своей неприязни ради того, чтобы вписать в реестр своих побед саму Афродиту. Также ей было известно и о том, что Аполлон — единственный, кто в последнее время отваживался фрондировать против Зевса.

Перспектива заполучить в свою постель прекрасную богиню, казалось, и впрямь заинтересовала Феба. Проведя похотливым взглядом по шелковистому бедру красавицы, он пообещал подумать.

— И как долго ты собираешься думать?

— День, два, три, пять...

— Мне твоя помощь нужна сейчас же.

Аполлон оскалился.

— Ты хочешь, чтоб я схватил лук и пошел против Зевса. Или, может быть, мне отправиться на охоту за твоим красавцем? Если бы ты хотела убить его, то я выполнил бы твою просьбу. Но ведь он нужен тебе живым и невредимым...

— Да, — подтвердила Афо.

Аполлон скорчил мину, означавшую, что в этом случае он ничем не может помочь. Затем он отвернулся и, не в силах больше притворяться, рассмеялся. Богиня поняла, что Аполлон издевается над ней. Из бездонных аквамариновых глаз выкатились две крупные слезы, стремительно сбежавшие по щекам и исчезнувшие в складках хитона. Прикусив губу, чтобы не разрыдаться, Афродита повернулась и пошла прочь. Она не видела, как из-за спинки плетеного кресла, в котором сидел Аполлон, показался Эрот. Подмигнув ухмыляющемуся богу, мальчуган оставил свое убежище и устремился вслед за красавицей. Он был свидетелем того, как Афродита повстречала Пана и они о чем-то говорили, причем козлоподобный урод гладил плачущую красавицу по голове. Он видел и то, как сразу после этого разговора Пан направился к колодцу, где начинался путь в Тартар. Убедившись, что лесной бог действительно отправился в подземное царство, Эрот поспешил в покои Зевса. Ротик его злобно кривился.

* * *

— Вот уж не ожидал от тебя такой прыти, мой рогатый друг! Ты всегда казался мне тупым, но вполне благоразумным. Вот на что способна любовь! — В голосе Зевса были угроза и насмешка. Сидевший на подножии трона Эрот противно ухмылялся.

Пан хотел промолчать, но вместо этого взвизгнул, так как Бриарей, чьи могучие лапы клещами вцепились в запястья бога, дернул за столь любимый козлиному сердцу пушистый хвостик. Но это было не самое большое унижение, которое Пану предстояло испытать. И это была не самая сильная боль...

Он ловко провел стоявшего у входа в подземелье Гия, показав ему букет нарванных на ближайшей от дворца лужайке ромашек. Великан понимающе ухнул и опустил копье острием в землю, что означало: проходи. И Пан прошел. Его копытца звонко зацокали по неровной каменистой поверхности коридора, заглушая ток глубинных вод и эхо внутриутробных земных обвалов. Путь был неблизок. Пану предстояло прошагать пять раз по сорок сороков,

прежде, чем он ступит в пурпурный грот, в стенах которого томились побежденные Зевсом титаны.

Бог шел по извилистым ходам и наполненным мертвенным светом пещерам. Он пробирался меж прозрачно-молочных, похожих на хрупкие ионические колонны, сталактитов и скользил на фиолетовых ледяных подтеках. Он ступал по хрустящей мраморной крошке и любовался снежными кораллами, пушистой изморосью покрывавшими потолок гротов. Свет его факела серебрил стены, мерцавшие блестками кварца, слюды, горного хрусталя, разгонял по ломкому очарованию лабиринта причудливые блики, которые гротескно повторяли движения спешащего в подземную бездну козлоногого уродца.

Этот мир был тих и безжизненен. Порой Пану, привыкшему к щебетанью птиц и шелесту листвы, бывало не по себе в мертвенном царстве, где единственным звуком был звон редких капель, просачивающихся сквозь известняковые своды. Но постепенно он привык к чуть влажной на ощупь тишине, находя даже, что время от времени не мешает заключать себя в подобную каменную клетку, где призрачное безмолвие рождает странные мысли, которые никогда не посещают в наполненном шумом мире людей и богов. Постепенно Пан привык к этому миру и прятался в его скорлупе от невзгод и огорчений, что подстерегали его наверху.

Но сейчас он бежал не от своего мира, напротив, Пан весь был в его власти. Пробираясь сквозь каменные завалы и нагромождения прозрачных кристаллов, он спешил выполнить просьбу Афо. И он был готов пойти ради прекрасной богини на все — даже на крушение мира, который был его домом.

Шаг за шагом он приближался к самому мрачному подземелью Тартара, где томились могущественные титаны, некогда поверженные Олимпийцами. По мере продвижения вглубь земли лабиринт становился все более мрачным. Исчезли яркие сосульки сталактитов, уже не попадались причудливые гроздья пиропов, россыпи бериллов, топазов и турмалинов. Мир стал серым и угрюмым. Казалось, что где-то неподалеку прячутся невиданные чудовища, тянущиеся своими липкими щупальцами навстречу гостю подземелья.

Пурпурный грот охранял третий из чудовищных братьев-гекатонхейров — Котт. Огромный монстр страшно обрадовался приходу Пана. Ощерив клыки, что должно было означать улыбку, он произнес:

— При-вет, Пан. Дав-нень-ко не ви-де-лись!

Говор великана был глух и невнятен. Гость не разобрал и половины произнесенной фразы, но смысл сказанного понял, потому что Котт не отличался разнообразием мыслей, каждый раз повторяя одни и те же слова.

— Привет, Котт, — ответил Пан и осторожно пожал одну из семнадцати или восемнадцати лап монстра. — Как поживаешь.

— Хо-ро-шо. При-нес цве-ты?

— Да, как обычно. Но сегодня у меня есть подарок и для тебя.

— По-да-рок?! — Котт радостно оскалился и заухал.

— Подарок. Дай-ка, думаю, принесу моему другу Котту что-нибудь вкусненькое. А то сколько уже раз приходил сюда и все без подарков. — Великан вновь благодарно заухал и вознамерился обнять Пана, но тот увернулся от подобных проявлений благодарности. Достав из заплечного мешка амфору, он протянул ее Котту. — Держи. Это самое лучшее вино, какое боги пьют на своих пирах.

Монстр издал новую серию радостных звуков. Он принял сосуд, отковырнул затычку и жестом предложил Пану составить ему компанию. Лесной бог отрицательно покачал головой.

— Нет, я не хочу. Это все тебе.

Котт кивнул. Изобразив блаженство, он облизнулся, затем засунул горлышко амфоры в свою пасть и несколькими огромными глотками осушил сосуд до дна. Пан, широко раскрыв глаза следил за тем как мощно двигается кадык на поросшей сизым волосом шее великана.

— Ну как? — спросил он, когда Котт убрал ото рта опустевшую амфору и вытер одной из рук губы. Монстр рыгнул и восторженно закатил мутные зрачки. — В следующий раз я принесу тебе еще, — пообещал Пан.

Великан ласково похлопал гостя по спине, отчего тот едва удержался на ногах.

— Пан друг! — сообщил монстр, после чего опустился на землю и захрапел.

— Конечно, друг! — тихо засмеялся Пан. — А теперь поспи.

Отбросив в сторону свой букет, бог устремился вглубь грота, где за толстой стальной решеткой томились титаны. Они видели эту странную сцену и были возбуждены.

— Пан, что все это означает? — спросил Гиперион, почитаемый прочими титанами за старшего.

— Я пришел освободить вас, друзья!

— С чего это вдруг? — осведомился недоверчивый Менетий.

— Я хочу, чтобы вы свергли Зевса и вернули себе власть.

Подобный ответ не удовлетворил Менетия.

— А какая тебе выгода от этого?

— Никакой, — честно признался Пан. — Но это нужно одному моему другу. Очень дорогой ему человек находится в смертельной опасности и спасти его может только падение Зевса.

Менетий повернул косматую голову к Гипериону

— Подозрительно все это. Мне кажется, здесь какая-то ловушка.

— Я верю Пану! — внезапно сказал титан Крий.

— И я! Я тоже! — в один голос воскликнули глуповатые сыновья Менетия, желавшие любой ценой вырваться на свободу.

Но все решал Гиперион и потому прочие титаны смотрели на него, ожидая, что он скажет.

— А что, собственно говоря, мы теряем? — спросил Гиперион и сам ответил:

— Да ничего. Если мы проиграем, вновь Зевс упрячет нас в самое мрачное подземелье, какое только в состоянии сотворить его фантазия. Но тюрьма, какой бы она не была — каменной или сплетенной из веток сирени — всегда остается тюрьмой. Мы попробуем восстать против Зевса. Мы согласны принять твою помощь, Пан, и сделаем все, что в наших силах, чтобы спасти твоего друга.

— Как я могу освободить вас?

— Ключ! У стража на поясе должен быть ключ от нашей темницы. Вставь его в замок, остальное мы сделаем сами.

— Я сейчас! — крикнул Пан и бросился к распростертому на земле Котту. Тот оглушительно храпел, сотрясая диким рыком стены и свод грота. Превозмогая страх, Пан ощупал свитый из медных полос пояс. Ключа не было.

— Его здесь нет! — крикнул Пан.

— Конечно! — подтвердил злобный голос.

Бог испуганно вскинул голову. Прямо перед ним стояли братья сраженного сонным зельем гекатонхейра. Вытянув вперед чудовищную лапу, Бриарей продемонстрировал причудливо изогнутый стержень, которым отмыкалась темница титанов.

— Вот он. Я всегда ношу его с собой. А теперь мы с тобой отправимся к Зевсу. Он желает видеть тебя.

Вот так Пан очутился в покоях Громовержца...

Сказать, что Зевс был сердит, значит не сказать ничего. Столь разъяренным Пан не видел его никогда. Лицо Зевса было изуродовано злобной гримасой, пальцы правой руки непроизвольно сжимались, словно он хотел ударить провинившегося бога. «Ну и пусть ударит, — с облегчением решил про себя Пан. — У меня крепкая голова. Жаль лишь, что я не смог помочь Афо.»

Но Зевс не ударил. Проступок Пана требовал наказания большего, нежели обычная затрещина. Криво усмехаясь, Зевс говорил:

— Да знаешь ли ты, кто есть на самом деле? Я создал тебя как шута, который должен был развлекать меня, когда мне скучно. Но у тебя оказался угрюмый характер и я решил избавиться от неудачной игрушки. Можно было просто выбросить тебя в лес и забыть о твоем существовании, но вместо этого я нарек тебя богом и разрешил восседать рядом с моим троном. А ты ответил на мою доброту такой черной неблагодарностью. Кусок испорченной энергоплазмы! Влюбленный кусок!

Эрот захихикал. Пан молчал, понурив голову и опустив взор. Покорность, с какой он воспринимал оскорбления, лишь раззадорила Зевса.

— Рогатое чучело! Безмозглый монстр! Да ты хоть понимаешь, к чему могла привести эта твоя выходка. Отвечай!

Бриарей вновь дернул Пана за хвостик.

— Да! — взвизгнул тот.

— Он понимает! По-ни-ма-ет... — с усмешкой протянул Зевс и ткнул Пана деревянным скипетром в лицо, ободрав левую щеку до крови. — Неблагодарная тварь!

Зевс на мгновение умолк и отвел взор в сторону, словно успокаивая себя. Затем он вновь посмотрел на Пана.

— Ладно, сейчас мне не до раздоров в благородном семействе. Поэтому я прощу твою вину и ограничусь тем, что отправлю тебя с глаз подальше. Но прежде ты признаешься почему сделал все это. Тебя попросила Афо?

— Нет, — мгновенно ответил Пан.

— Она! Она! — заявил Эрот. — Я сам видел.

— Заткнись! — рявкнул на него Громовержец. Он пристально смотрел в глаза Пану. — Спрашиваю еще раз: тебя попросила об этом Афо?

— Нет, — вновь сказал Пан.

— Должно быть ты плохо понимаешь, что сейчас может произойти. Дело обстоит таким образом, что если ты совершил все это по просьбе Афо, твоя вина невелика, тем более что я прекрасно понимаю тебя — трудно отказать в чем-либо нашей прелестной Афо. В этом случае я прощу тебя полностью, а наказание понесет она. Так ты отправился в Тартар по ее просьбе?

— Нет!

Зевс хмыкнул. Похоже этот разговор начинал казаться ему забавным.

— Я только поздоровался с ней, — выдавил Пан.

— Эрот! — приказал Зевс.

Мальчуган исподлобья взглянул на него.

— А я не видел ничего особенного. Они повстречались, перебросились парой слов и разошлись.

— Но ты же сам донес мне, что они долго разговаривали, причем, судя по твоим словам, Афродита о чем-то просила его!

— По моему, я ошибся.

Бросив на Эрота тяжелый взгляд, Громовержец угрожающе приподнял свой посох. Мальчуган не пошевелился.

— Ну ладно, допустим. Выходит, Пан, ты действовал по собственной инициативе.

— Да, — подтвердил лесной бог после небольшой заминки.

— И я могу сделать вывод, что ты хотел свергнуть меня, так?

— Да.

— Тогда объясни почему?

— Ты... Это, тиран и помыкаешь всеми нами! — выпалил Пан

— Браво! — Зевс зааплодировал. — Тебе впору выступать перед афинской чернью. Ты наверняка снискал бы себе лавры лучшего демагога. Какой стиль! В чем же я провинился?

— Ты плохо обращаешься с нами.

— Н-да? — Зевс театральным жестом почесал затылок. — Возможно. И это все?

— Ты... — Пан замялся, мучительно пытаясь придумать еще какое-нибудь обвинение. — Ты...

— Я! Я! — передразнил его Зевс.

— Титаны нравятся мне больше, чем ты!

— Вот как ты запел! — процедил Громовержец. — Это только твое мнение или так думают и другие?

— Так думают все!

— Изменим ситуацию. Афо просто попросила помочь в этом деле, а именно заставить меня спасти человека, имя которого мы оба знаем. Ты согласился оказать ей такую помощь, но так как понимал, что не сможешь воздействовать на меня уговорами, то решил освободить титанов и использовать их силу в качестве аргумента против меня. В этом случае виноваты вы оба: она — в том, что попыталась взбунтоваться против меня, ты — в том, что хотел использовать враждебные всем олимпийцам силы. Но опять же, в этом случае твоя вина относительно невелика, потому что ты действовал, скажем так — не совсем по своей воле.

— Я действовал по своей воле, — упрямо настаивал Пан.

— Тогда поясни, почему ты так поступил.

Бог лесов пожал поросшими косматой шерстью плечами.

— Ты не можешь объяснить? — Пан скорчил неопределенную мину. — В таком случае выходит, ты бунтовщик, пожелавший захватить мою власть. Мало того, ты хотел использовать для этой цели наших злейших врагов — титанов. И наказание за подобный проступок может быть только одно — смерть. — Громовержец, усмехнувшись, посмотрел на Пана, тот побледнел, но не сказал ни слова. — Так кто же ты: жертва чар Афо или опасный бунтовщик, пожелавший свергнуть своего владыку? Отвечай!

По знаку Зевса Бриарей дернул за хвостик с такой силой, что оторвал его напрочь. На пол упали несколько капелек крови. Эрот хотел захохотать, но вдруг осекся и стал смущенно разглядывать свои грязные пальцы.

— Подумай, Пан, — внушительно сказал Зевс. — Кто ты есть на самом деле. Или ты по слабости характера поддался на уговоры, или же замыслил черное дело.

Пан молчал, с трудом удерживаясь от мелкой дрожи.

— Хорошо, я буду терпелив и повторю свои вопросы вновь. Это Афо упросила тебя помочь ей? Говори смелее, Эрот видел как вы разговаривали.

— Кто именно? Аполлон? Гера? Дионис? Гефест? Или, может, Афродита?

— Нет, только не Афродита! — поспешно воскликнул Пан.

— Однако, какая жертвенность! — Зевс скорчил приторную улыбку. — Ну что ж, ты достиг своей цели. Тебе удалось убедить

меня, что Афродита здесь ни при чем, что все происшедшее дело лишь твоих рук. Исходя из известных мне обстоятельств и сделанных тобой признаний, я обвиняю тебя в попытке свергнуть власть Олимпийцев и приговариваю к смерти.

Эти слова ошеломили Пана.

— Но как же так? Меня нельзя... — Пан замолчал, затем вдруг улыбнулся и выпалил:

— Меня нельзя казнить, я же бессмертный!

— Не совсем. И сейчас ты убедишься в этом! — зловеще произнес Громовержец.

— Эй, старик, постой! — Эрот вскочил со ступеньки. Вид у него был озадаченный. — Ведь так нельзя. Я и сам не люблю этого козла, но ведь он такой же, как все мы. Если его не станет, кто будет охранять леса и кричать по ночам, наводя страх на врагов? Кто будет развлекать нас на пирах, кто будет смешно стучать копытцами и носить Афо цветы? Над кем, в конце концов, я смогу позубоскалить? Мы с ним всегда ссорились, я иногда бывал несправедливо жесток к нему, но, — Эрот внезапно для самого себя всхлипнул, — клянусь кислыми яблоками, я никогда не желал ему зла! Ты не можешь так поступить с ним!

— Если ты не заткнешься, то присоединишься к нему!

— А не слишком ли много ты возомнил о себе?! — Голос мальчугана звенел, словно перетянутая струна. — Не можешь убить его, не спросив на то разрешения у других Олимпийцев!

— Еще как могу!

Эрот машинально почесал правый бок, было видно, что он о чем-то размышляет.

— Так. Мне надо срочно уйти. Я вспомнил, что меня ждут кое-какие дела.

С этими словами он попытался проскользнуть мимо Бриарея, но тот схватил мальчугана одной из своих чудовищных лап.

— Останешься здесь, — сказал Зевс. — Тебе будет полезно видеть все это. Подобное зрелище поубавит твою прыть.

— Не имеешь права! Ты...

— Заткни ему наконец пасть! — рявкнул Громовержец и великан послушно исполнил этот приказ. — А теперь приступим к экзекуции.

Глаза Пана забегали по сторонам в поисках орудия, которое должно принести ему смерть. Заметив это, Зевс ухмыльнулся.

— Не ищи топор или петлю. Подобные орудия казни не страшны богам. Боги, если пытаться казнить их топором, и впрямь бессмертны, словно Лернейская гидра. Будет лишь немного больно, а затем голова вернется на свое место, ведь она лишь часть плазмо-энергетического сгустка, который есть твое сущее. Ты умрешь иначе. Я поглощу твою жизненную энергию подобно тому, как Танатос выпивает душу и оставлю лишь пустую мертвую оболочку. Это не больно, хотя и не очень приятно. И это означает — смерть. Я дарю тебе еще несколько мгнове-

ний, чтобы ты мог вспомнить облик той, что послала тебя на смерть и проклясть ее. Вспомни, Пан!

И Пан увидел перед собой Афо — маленький, чуть вздернутый носик, острые жемчужные зубки, обрамленные в коралловую оправу чуть припухлых губ, тоненькая пушистая ниточка бровей, оттеняющих бархатистость кожи, и лучащиеся голубым светом глаза. Он уловил чарующий аромат — аромат фиалок и нежности, почувствовал ее тепло и шелест легкого дыхания. А затем в его мозг ворвалась раскаленная игла. Она пронзила сознание и принялась рвать его на куски. Картины прошлого, запахи, мысли, ощущения исчезали в холодной черной бездне, имя которой — Смерть. Они уходили безвозвратно, а их место занимала боль. Было мимолетное мгновенье, когда Пан внезапно почувствовал облегчение. Это Эрот пришел ему на помощь и пытался воспротивиться злой воле Зевса.

— Спасибо, малыш! — беззвучно шепнул Пан.

— Держись, бородатый! — бодро откликнулся в сознании язвительный голосок и в тот же миг Зевс ударил по сознанию мальчугана энергетическим пучком, и тот лишился чувств. И теперь настал черед Пана. Огромная черная плита, похожая на потухший диск солнца, давила на него, грозя расплющить в кровавую лепешку. А тоненький шепот свербил мозг: прокляни ее. Прокляни! И Пан чувствовал, прокляни и его помилуют. Но он сопротивлялся этому мерзкому шепоту сильнее, нежели черной силе, раздирающей щупальцами его душу. Он держался насколько хватило сил, а затем умер. И последние мгновения его были прекрасны: ему чудилось, что он лежит бездыханный на зеленой мягкой лужайке, кругом щебечут сладкоголосые птицы и благоухают цветы, а прекрасная синеглазая богиня склоняется над ним и касается губами его мертвых губ.

Бедный Козлик!

Бриарей бросил мертвое тело Пана на пол. И в тот же миг перестала шелестеть листва и затихли птицы, и перестали журчать ручьи, а цветы вдруг утратили свою свежесть.

ВЕЛИКИЙ БОГ ПАН УМЕР!

* * *

Смерть отвратительна и страшна сама по себе — как факт. И во сто крат отвратительней и страшнее, когда умирает близкий. Вдруг выяснилось, что Пан был любим всеми. Даже Аполлон и тот не одобрил содеянного Зевсом, а Дионис буквально почернел от горя и бежал с Олимпа.

Узнав о случившемся, во дворец немедленно явились Посейдон и Гадес. После неприятного разговора с Громовержцем, полного ругани и угроз владыки моря и подземного царства удалились на Киферу, где рассчитывали найти причастную, как они подозревали, к происшедшему Афо. С ними отбыли Афина и разъяренно машущий молотом Гефест. По пути Посейдон не удержался от

соблазна и основательно потрепал мидийские корабли, идущие удоль побережья Магнесии. До этого он оказывал им покровительство.

Афродиты на Кифере не оказалось. Зато сюда примчался сбежавший от Бриарея Эрот. Размазывая слезы, он сообщил, что Зевс строит планы покарать непокорных и что в этом деле он уже успел заручиться поддержкой Аполлона, которому пообещал за помощь морское царство, и вернувшегося из Фракии Ареса. На стороне Громовержца намеревалась выступить Артемида, всегда недолюбливавшая Пана за то, что он не давал ей всласть поохотиться в своих лесах. Пока силы были примерно равны. Зевс и его сторонники имели перевес на земле и в воздухе, их оппоненты пользовались преимуществом на море и в подземных лабиринтах. Ничего не было известно о позиции Афродиты, Диониса и Геры. Первые двое куда-то исчезли, Гера, судя по всему, вольно или невольно вынуждена была занять сторону Громовержца.

В Фермопильском проходе вовсю лилась кровь людей, когда свой спор начали и боги. Оппозиция поставила перед собой цель овладеть Олимпом и заставить Зевса отречься от власти. По крайней мере о неизбежности отречения говорили Посейдон и Афина. Гадес скорей всего надеялся заставить Громовержца пойти на уступки, но пока он благоразумно помалкивал об этом, во всем поддерживая своих товарищей. Восставшие боги имели несколько планов наступления на Олимп. Самый отчаянный исход от Эрота, предлагавшего последовать примеру Пана и освободить титанов, сделав их своими союзниками. Однако прочим этот замысел пришелся не по нраву, так как Олимпийцы видели в титанах серьезных конкурентов своей власти, а кроме того опасались, что вырвавшись на свободу ураниды не ограничатся сведением счетов с одним только Зевсом. Решено было попробовать обойтись своими силами и лишь в крайнем случае вступить в переговоры с титанами.

Атака началась сразу по нескольким направлениям. Посейдон взволновал море. Грозные волны стали накатываться на сушу, подступая к обрывистым склонам Олимпа. Зевс ответил контрударом, наслав на подступающую воду свирепого Борея. Сшибая с волн пенные шапки, Борей погнал их обратно. Одновременно Аполлон перекрыл световые потоки, лишив бунтовщиков возможности незаметно проникнуть на Олимп, а заодно повесил над Киферой грозовые облака, изрыгающие холодный липкий дождь.

Второй удар нанесла Афина, наслав на Олимп полчища ядовитых змей. Шипя и извиваясь, они ползли вверх по склонам, обращая в бегство все живое. Артемида бросила навстречу гадам стада диких коз, и гады поспешно скрылись в своих норах.

Следующий натиск должны были предпринять Гадес и Гефест. С помощью верных камнеедов Гадес должен был проделать в каменной толще Олимпа тоннели, а Гефест направить по

ним раскаленную магму. На это требовалось время. А пока Посейдон вызвал к Кифере две сотни боевых дельфинов, чтобы при первой удобной возможности высадиться у подножия Олимпа.

Склоны горы, раздираемой острыми челюстями мириадов камнеедов, тихо подрагивали, когда во дворце объявилась Афо. Вопреки предположениям взбунтовавшихся богов, она была вовсе не на Кифере, а совсем в другом конце Эллады. Засев на вершине Каллидрома* богиня пыталась помочь эллинам, отражавшим яростный натиск мидийских полчищ. Напрягая изо всех сил волю, она швыряла в карабкающихся по каменистым кручам мидян плотные энергетические сгустки — эдакие силовые шарики, каждый из которых мог замертво свалить с ног добрый десяток человек. Дважды посылаемые ею невидимые снаряды достигали цели и тогда несколько мидийских воинов разом вдруг падали навзничь и катились по склону, мелькая меж камнями яркими пятнами халатов. Однако в третий раз энергетический сгусток не долетел до мидян, а затем Афродиту накрыло силовой волной огромной мощности. Волна не причинила ей вреда, а лишь превратила в тлен всю одежду. Некто очень могущественный давал таким образом понять, чтобы прекрасная богиня не вмешивалась в дела людей. У Афродиты хватило здравого смысла, чтобы внять подобному предупреждению, мощь которого свидетельствовала о том, что мидянам покровительствует некто, чье могущество не менее, а может и превосходит силу Зевса. Спорить, а тем более ссориться с подобным противником было неразумно, и Афо поспешила вернуться во дворец, тем более, что полуденное солнце начинало жечь ее нежную кожу. Воспользоваться световым потоком ей почему-то не удалось и пришлось возвращаться обратно левитируя. Учитывая тот факт, что Афродита была совершенно обнажена, следует предположить, что глазам мидян и работающих на своих полях фессалийцев предстало удивительное зрелище, о котором они еще долго будут вспоминать, восторженно закатывая глаза. Афродите же было не до веселья. Она чувствовала себя здорово задетой тем, что неведомый враг столь оскорбительно посмеялся над ней. Во время полета богиня пыталась извлечь из ничто какую-нибудь подходящую ее положению одежду, но как на смех ей попадались лишь рваные тряпки, мужские гиматионы, да пеплос, столь уродливый, что его согласилась бы одеть не каждая старуха. Лишь у самого Олимпа она наконец выудила короткую тунику, не слишком опрятную, принадлежавшую верно какой-нибудь рабыне. Кипя от ярости, Афродита приземлилась на лестнице перед дворцом и быстро прошмыгнула в свои покои, где привела в порядок волосы и лицо, а заодно переоделась, вернув одолженный хитон назад в ничто.

Придирчиво осмотрев себя в зеркале, богиня решила, что выглядит очень даже ничего, и что маленькое приключение

пошло ей явно на пользу. Розовый румянец на щеках и гневно раздувающиеся ноздри — чуть-чуть, самую малость, чтобы не испортить общей гармонии лица — делали ее очень привлекательной. Афродита подумала о том, что надо время от времени разгонять кровь подобными приключениями, после чего отправилась на поиски Пана.

Она обошла почти весь дворец, но не обнаружила ни Пана, ни кого-нибудь другого из богов. Залы были пусты, ни единого звука, ни единого шороха — от подобной мертвой тишины по коже Афродиты побежали мурашки. Несколько раз вдалеке мелькали тени, при приближении богини мгновенно исчезавшие в темных углах. Недоумевая по поводу происходящего, богиня дошла до тронного зала. Здесь ее перехватил Арес.

— Привет, недотрога! Куда спешим?

— Никуда. Ты не видел Пана?

— Видел. — Арес широко ухмыльнулся. — Он неважно выглядит.

Афо не стала конкретизировать, что означает неважно, а вместо этого спросила:

— А не знаешь куда это все подевались? И почему тени мечутся словно угорелые? У нас что, на сегодня запланировано светопредставление?

— Почти угадала, сестричка! Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Взяв Афродиту под локоток, Арес увлек ее на восточную веранду. Богиня подошла к мраморному парапету и ахнула. Внизу, прямо под ногами, грозно бушевало море.

— Это что, потоп?

— Ага! — засмеялся Арес. — Всемирный! Сейчас появится Девкалион с веслом в руке. Выходит, ты ничего не знаешь?

— О чем ты?

— Ответь мне сначала: ты за Громовержца или против?

— Конечно, за!

Бог ласково похлопал Афродиту пониже спины.

— А старик сомневался. Тут у нас произошла небольшая революция. Посейдон, Гадес, Афина и Гефест восстали против Громовержца и пытаются подтопить нашу мраморную хатку.

Глаза Афины открылись до пределов, отведенных им создателем.

— Но почему они взбунтовались?

— Я точно не знаю. — Арес с ленцой зевнул. — Меня в это время не было во дворце. Кажется, им не понравилось то, что Зевс расправился с Козлом. Они объявили старика низложенным и...

— Постой-постой! — Афродита схватила Ареса за плечо. — Ты что-то сказал про Пана?

— Зевс прикончил его, а что?

Богиня побледнела, рот ее жалобно приоткрылся.

— Где он?

— Он вместе с Артемидой и Аполлоном в Белой Сфере. Они готовятся...

— Я не об этом! Где Пан?

— Там. — Арес указал рукой на дверь в Тронную залу.

Оттолкнув Ареса прочь, Афродита вбежала в нее. Посреди залы, распростершись на мраморном полу, лежала безжизненная оболочка того, кто еще утром звонко стучал копытцами и веселил богов своей неуклюжестью и гримасами. Богиня наклонилась над ней и коснулась рукой лба. Он был холоден и сух, словно вместе с жизнью из тела ушла вся влага. Послышалось негромкое мычание. Афродита подняла глаза и увидела сидящую на троне Геру. Руки ее были прикованы цепями к подлокотникам, изо рта торчал кляп. Обернувшись к подошедшему Арес, красавица вопросительно посмотрела на него. Бог войны пояснил:

— Эта сучка хотела присоединиться к бунтовщикам, но мы с Аполлоном схватили ее прежде, чем она успела смыться из дворца. Кусалась! — Арес продемонстрировал указательный палец, на котором виднелись четкие следы зубов. — Пришлось ее спеленать, а чтоб не орала, засунули в рот тряпочку.

— Но почему Зевс убил Пана? — воскликнула Афо.

— Представляешь, этот чудик пытался освободить титанов.

— Зачем?

— Чтобы свергнуть хозяина. Говорят, он хотел захватить власть. Представляешь, Козел, правящий всеми нами! Да еще бесхвостый! Бриарей оторвал этому уроду его хвост!

Вояка захохотал. Хриплый смех волнами загулял по зале.

— Да, — выдавила Афо, натянуто улыбнувшись. Она задумчиво посмотрела на Ареса. Тот перестал смеяться и сглотнул внезапно заполнившую рот слюну.

— Ты что?

— Хочешь получить мою любовь?

— Да! — мгновенно отреагировал бог войны.

— Но я попрошу кое-что взамен!

— Я сделаю все, что ты хочешь.

— Где же ты был утром, — тихо прошептала Афо и потребовала:

— Поклянись!

— Клянусь!

— Хорошо. — Афродита победоносно улыбнулась. — Тогда я твоя. Но помни, ты сделаешь все, что я тебе прикажу!

— Да, — хрипло выдавил Арес и протянул богине руку. Афо заглянула в его глаза, желая убедиться, что он не лукавит. Взгляд Ареса был честен, и тогда красавица вложила свои пальчики в его ладонь.

— Пойдем, — сказал Арес, сглатывая вожделеющую слюну.

Богиня утвердительно качнула головой и мягко высвободила руку. Опустившись на колени перед бездыханным телом Пана

она поцеловала мертвого бога в лоб. Нежные губы едва слышно шепнули:

— Бедный Козлик!

Затем она решительно поднялась. Арес взял ее на руки, Афо прижалась щекой к его тяжелому небритому подбородку. Бог войны не видел в этот миг ее глаз. Они были жестоки, их теплый ультрамарин превратился в ослепительно белый лед цвета бешенства. В ее сердце больше не было места любви, в нем клокотала ненависть!

ЭССЕ

Беллерофонт или герои и антигерои Эллады

1

Он был внуком хитрейшего человека, которого только знала земля — Сизифа; того самого Сизифа, что дважды обманул смерть. Но в нем было мало хитрости, зато в избытке отваги и того, что одни именуют гордостью, а другие — гордыней. Да, он был гордец, но он имел право быть им. Ибо мало было в мире героев, равных ему по силе и свершенным подвигам.

Его дом был полон богатств, его погреба ломились от явств и вина, его славе завидовали не только люди, но даже боги. Он же мечтал о большем. Он мечтал въехать на своем белокрылом коне прямо в Тронную залу дворца Олимпийцев.

И еще у него было удивительное имя — Беллерофонт — звучное на слух и жестокое по сути, ибо означало — убийца Беллера. Но право, этот ничтожный коринфский аристократ был годен лишь для того, чтобы по воле рока подарить красивое имя юноше, лишившему его жизни.

Беллерофонт. Он был красив, отважен и могуч, словно бог. Он имел коня Пегаса, какого не было даже у Олимпийцев. Порожденный стихиями земли и неба, Пегас мог парить в воздухе словно птица. Казалось, он создан для того, чтобы поднять своего хозяина в обитель богов.

Была весна и было прекрасное утро. Одно из тех, когда не уставшие еще наслаждаться жизнью цветы тянут свои головки к солнцу. Беллерофонт поднялся на рассвете и приказал слугам седлать Пегаса. Жена молча смотрела, как он выходит из дома и легко взлетает в седло. Она не решилась спросить, куда он держит путь, а если бы и решилась, Беллерофонт все равно ей не ответил бы.

Конь взвился в небо. Он летел все выше и выше, поднимаясь под самые облака. Земля постепенно превращалась в огромную плоскую лепешку, испещренную прожилками рек и цветными

пятнами лугов и полей, люди походили на муравьев. Беллерофонт летел и яростно спорил с самим собой. В такие мгновения — а они бывали нередко — его сознание раздвоялось и появлялись два Беллерофонта; один был облачен в белые одежды мудреца, плечи второго окутывал царский пурпур. Они вечно ссорились между собой и спорили, а третий Беллерофонт, совсем неприметный, был незримым свидетелем их споров. Заводилой обычно выступал Беллерофонт-царь. Так было и сейчас. Царь принял напыщенную позу и небрежно бросил:

— Летим.

— Зачем? — спросил мудрец.

— Докажем богам, что не только они повелевают миром.

— И все?

— А что еще тебе нужно?

— Я предпочел бы, чтоб этот дерзкий поступок преследовал высшую цель.

— Например?

— Возвысить человека до бога.

Царь рассмеялся.

— Человека? То, что ты именуешь человеком, на деле есть муравей. Видишь, сотни крохотных муравьев копошатся под копытами моего коня. Это и есть люди. Нет, дело не в них. Если уж мы заговорили о том, чтобы кого-то возвысить, то пусть этим кем-то будет Герой.

— Герой разве не человек?

— В какой-то мере. В прошлом. Он ЧЕЛОВЕК, поднявшийся над людьми. Своими деяниями, силой, духом, дерзостью. Герой выше человека. Он даже выше бога. Ведь он достиг всего сам. А бог получил могущество от провидения.

— А не присутствовала ли незримая рука провидения на твоем плече, когда ты славил подвигами свое имя?

— Поверь, когда я дрался с химерой, огонь жег мои руки как обычный огонь. Стрелы амазонок были остры как обычные стрелы. Если там и было благосклонное ко мне провидение, я не ощутил его помощи.

— Какую же цель преследуешь ты в своем дерзком стремлении вознестись к небу? — поинтересовался мудрец.

— Я ведь уже сказал тебе, что хочу дать знать богам, что на землю пришел ЧЕЛОВЕК.

— Человек с большой буквы?

— Конечно. А иначе не может быть. ЧЕЛОВЕК не может быть с маленькой. В этом случае речь идет всего лишь об одном из людей.

— Ты рискуешь...

— Потому я и Герой! — напыщенно воскликнул облаченный в пурпур.

— Ты не дослушал. Ты рискуешь, бросая вызов не только богам, но и обычаям. Люди не должны возвышаться над провидением.

— Для меня не существует слова должен. Я знаю лишь могу — не могу. Если я могу, я сделаю то, что задумал; если же нет, то приложу все силы, чтобы в будущем смочь это сделать. Ты говорил о предрассудках. Если быть честным, — царь понизил голос до интимного полушепота, — я бросаю вызов им, а вовсе не богам. Какое дело мне до богов!

— Таким образом, ты вмешиваешься в уже предопределенное?

— Наконец-то ты понял! Я хочу въехать на Олимп вовсе не затем, чтобы увидеть изумление и гнев на физиономиях Олимпийцев. Людям не положено взбираться на небо, я хочу доказать, что ЧЕЛОВЕК вправе делать все, что ему заблагорассудится. Если он, конечно, ЧЕЛОВЕК!

— Он вправе убить?

— Конечно. Ведь я убил.

— Он вправе солгать?

— Да. Но он не станет делать этого, ведь ЧЕЛОВЕК потому и ЧЕЛОВЕК, что всегда готов сказать и услышать правду.

— Он может совратить жену друга своего?

— А почему бы и нет? Если найдет женщину, тело которой стоит того, чтобы лишиться друга. Но я не встречал женщины, ради которой стоило бы отказаться от друга. И никогда не встречу. Друг — это часть тебя. Стоит ли отдавать свою часть за мгновение наслаждений?!

— А вдруг случится, что эта женщина — мечта всей твоей жизни?

— Тогда отбери ее даже у брата!

— Ты непостоянен в своих суждениях, и это пугает меня.

— В мире нет ничего постоянного, — назидательно заметил царь. — И этим он хорош. Еще вчера ты мог быть рабом, а сегодня восседать на царском троне. Единственное условие — будь ЧЕЛОВЕКОМ!

— Однако мы уже у цели, — заметил мудрец. — Я вижу склоны Олимпа.

— Да, ты прав. У нас есть еще несколько мгновений и я хочу рассказать тебе притчу о белой мышке.

— Это занятно — поучать притчами мудреца! Но я выслушаю тебя.

— Так слушай. Жила-была белая мышка по имени Нат. Заметь, жила в царстве обычных серых мышек, вечно озабоченно шмыгающих меж кустами в поисках куска. Как это похоже на людей! А на горе над мышиным лугом жил сокол. Трижды в день он собирал кровавую дань, унося в свое гнездо зазевавшуюся мышку. Чтобы не попасться ему на глаза, мышки и одевали серые шубки, которые трудно заметить и на камнях, и на земле, и средь пожухлых стеблей. Лишь Нат бесстрашно облачалась в свою роскошную королевскую мантию. «Глупышка! — говорили ей остальные, серые мышки. — Оденься как мы, и будешь неприметной. А иначе он рано или поздно сожрет тебя!». «Нет!» —

отвечала бесстрашная Нат и запахивала свою снежную шубку. Ярким пятнышком мелькала она на земле и ее было видно со всех сторон. Серые мышки ждали, что вот-вот раздастся ее жалобный крик и окровавленно-белый комочек исчезнет в соколином гнезде. Однако сокол почему-то не трогал Нат. Быть может, он уважал мужество, быть может был неравнодушен к белому цвету. Шло время, серые мышки одна за другой исчезали в клюве сокола, а Нат по-прежнему весело суетилась меж камней. И однажды серые призадумались: почему кровожадный сокол не трогает Нат? Быть может, он будет благосклонен и к ним, если они оденутся в белое. Они пошили себе снежные шубки, но когда пришло время облачаться в них и отправляться за тутовыми ягодами, ни одна из серых мышек не отважилась сменить свою одежку. Ведь они так свыклись с нею, столь удобной и почти неприметной. Как страшно было облачиться в новый яркий цвет и явить себя взору сокола. Они так и не решились одеть новые шубки и потому возненавидели Нат. Они поняли, что она не просто мышка, а Белая Мышка. И тогда ночью они вымарали ее шубку золой, а наутро Нат склевал не узнавший свою любимицу сокол. Вот так грустно закончилась история моей любимой белой мышки.

— Почему ты рассказал мне эту притчу? — спросил мудрец, когда царь закончил говорить.

— Мы приближаемся к гнезду сокола. Но этот сокол ненавидит белый цвет.

Пегас перестал махать крыльями и, превратив их в две белоснежные лопасти, стал медленно планировать вниз. В этот миг блеснул яркий луч и сраженный насмерть Беллерофонт рухнул с коня на землю.

Был день, но люди видели, как с неба упала яркая звезда.

Боги потом сказали им, что безумец Беллерофонт осмелился бросить вызов небу. Глупцы поверили, немногие, кого отличала мудрость, поняли, что Герой бросил вызов вовсе не богам, а серым мышкам, которых так много расплодилось на земле. И это открытие ужаснуло их, так как они считали себя праведниками и заботились о спокойствии умов. И нашли они храмого слепца и уговорили его назваться Беллерофонтом. И долгие годы бродил по земле несчастный калека, заученно твердя, что он — дерзкий Герой Беллерофонт, понесший божью кару за то, что дерзнул замахнуться на небожителей. Ведь так легко измазать белую шубку золой!

Но все же был день и люди видели, как с неба упала ослепительно белая звезда...

2

Добро и зло.
Хорошее и плохое.
Герой и Антигерой.
Где грань и почему? И кто определяет эту грань? Кто прово-

дит границу между Героем и отщепенцем. Насколько правомерна проведенная этим некто грань? Мы попытаемся разобраться в этом через осознание образов мифических персонажей Эллады, воплотивших в себе всю гамму человеческих деяний — от Эдипа и Сизифа до Орфея и Алкмены.

Прежде всего коснемся двух сторон проблемы, имеющих первенствующее значение для определения облика Героя и Антигероя. Это **место и время.**

Любой Герой или Антигерой должен быть четко привязан к месту. Как правило, он является таковым лишь в определенной области, локализуемой проживанием того или иного народа. К примеру русские былинные богатыри Илья Муромец со товарищи — Герои лишь для русского народа, для половцев они являются ярко выраженными Антигероями. Подобных примеров можно привести множество. Ричард Львиное Сердце вряд ли мог быть Героем для сарацин, Писарро — для инков, генерал Роммель — для английских солдат. Они Герои лишь в сознании народа, во имя которого творили подвиги. Это верно в случае, если Герой совершает свои деяния вне рамок национального пространства, соприкасаясь с враждебными его народу силами. В том случае, если Герой соотносится с ним, побеждая зло родной земли, например Робин Гуд или Иванушка-дурачок, то определяющим критерием является оценка данного Героя соплеменниками — как современниками, так и потомками. (Здесь фактор места постепенно уступает первенство временному фактору). Оценка эта может быть далеко не однозначной. Так Кортес в глазах испанца времен великой американской конкисты безусловно Герой, жители Пиренеев века двадцатого воспринимают его не столь однозначно. Напротив, князь Александр Невский был для современников противоречивой личностью, до потомков же дошел почти иконописный облик Героя. Оценка может и совпадать, если Герой не преступал традиций и норм морали, признаваемых и древними, и современным обществом, а кроме того благодаря исторической традиции — что происходит гораздо чаще. Так эпоха рыцарства воспринимается нами как героическая эпоха. Меж тем даже не слишком внимательный анализ позволяет заметить, что рыцари менее всего были Героями, а прежде насильниками, убийцами и конкистадорами наживы. Но общественное мнение той эпохи сочло их героями и мы не без помощи романтических образов Вальтера Скотта и компании переняли эту традицию.

Примерно то же можно сказать и про древнеэллинских мифических героев, яркие образы которых есть сочные и достоверные слепки реальных лиц, участников реальной эпохи со своими законами и традициями. Герой в понятии эллинов — это человек, совершающий подвиги, как правило кровавые, не преступающий при этом моральных норм, установленных архаичным обществом. Нормы эти сильно разнятся от моральных установок сов-

ременного общества. Для древних эллинов убийство, пиратство, разбой, работорговля были обычным делом и потому подобные деяния не могли бросить пятно на репутацию Героя. Мы воспринимаем древнеэллинских Героев, руководствуясь более исторической традицией, механистически воспринимаемой нами, а не анализом реальных деяний того или иного Героя. Между тем стоит присмотреться к ним внимательней и подавляющее большинство их вряд ли подойдет под понятие Героя, как его понимаем мы. Впрочем и на солнце есть пятна и люди до сих пор склонны восторгаться удачливыми корсарами, разбойниками и конкистадорами, окружая их романтическим ореолом.

Определив роль времени и места перейдем непосредственно к теме нашего повествования — Герои и Антигерои Эллады. Попытаемся дать анализ этих двух понятий, опираясь на образы двенадцати мифологических персонажей, четверо из которых отнесены античной традицией к Героям, четверо — к Антигероям. Четверых последних, обладающих чертами как Героя, так и Антигероя, назовем условно Бунтарями.

Итак, Герои.

Безусловно, величайшим Героем Эллады единодушно признается Геракл. Он совершил множество подвигов, но ряд его деяний даже по моральным оценкам того времени следует отнести к преступлениям. Так во время Истмийских игр Геракл предательски убил ни в чем не повинных, но не понравившихся ему сыновей Актора, напав на них из засады. Жертвой жестокой «шутки» стал мальчик-виночерпий Киаф, которого Герой убил, щелкнув по голове. И это далеко не все примеры. Однако ни один из подобных поступков не выходит за рамки традиций, четко определяющих грань между Героем и Антигероем. Геракл забавлялся, убивая и насилуя, но он никогда не святотатствовал, не восставал против богов, хотя не раз вступал в борьбу с некоторыми из них, например с Аполлоном. Но это не было проявлением богоборчества, считавшегося тягчайшим преступлением. Просто происходило столкновение отдельного божества с Героем, почти равным богам по силе, а также по праву родства. Подобное деяние не квалифицировалось как бунт против богов. Геракл лишь однажды решился изменить предначертанное судьбой — вступил в борьбу с Танатосом за душу Алкмены. Но здесь он выступает скорее не как Герой, а как сын Юпитера. Изменить предначертанное в рамках одной человеческой судьбы вполне под силу верховному богу. Ведь хотя мойры и не зависят от него, но все же они его порождение. Зевс через посредство Геракла играет здесь роль рока. Но повторимся еще раз — подобное было дозволено не каждому Герою, а лишь богоравному, который в скором будущем будет причислен к сонму небожителей. За подобное деяние Сизиф будет жестоко наказан — что дозволено Юпитеру, не дозволено быку!

Другим Героем, взятым нами в качестве примера, является

Тидей. Это типичный Герой своего времени — кровожадный, жестокий, яростно-неукротимый. Однако в отличие от Геракла Тидей убивал лишь в честном бою. Ему было уготовано стать бессмертным, однако стоя на краю могилы он осквернил себя каннибализмом — непростительное (уже непростительное!) деяние с точки зрения морали того времени. Потому боги не дали Тидею бессмертие, однако не сочли его поступок серьезным преступлением, оставив Тидея в числе Героев.

Героями признаются и два наиболее ярких участника Троянской войны — Ахилл и Одиссей. На их совести целый букет преступлений, не считавшихся впрочем в то время таковыми.

Я кораблями двенадцать градом разорил многолюдных;
Пеший одиннадцать взял на троянской земле многоплодной;
В каждом из них и сокровищ бесценных и славных корыстей:
Много добыл...

Так описывает Ахилл свои подвиги. Историческая традиция признает этих норманнов античности Героями и мы соглашаемся с ней.

Здесь можно возразить, что в древности понятие «Герой» имело несколько иной смысл. Назначение Героя — совершать подвиги, под которыми подразумевались почти исключительно военные победы, при этом совершенно не задумываясь над моральной оценкой того, что делает и во имя чего он делает это — ради спасения родного очага или ради наживы. И в том, и в ином случае он считался Героем. Убийства, грабежи, насилия не бросают тени на облик Героя, так как не выходят за рамки общепризнанной морали.

Но вот он пытается вырваться из них и в тот же миг превращается в Антигероя. Эллада имела четырех абсолютных Антигероев. Это Сизиф, Тантал, Иксий и Титий. Им четверым боги определили особо жестокую кару, подвергая их в Тартаре пыткам, которые скорее присущи христианскому аду, нежели тоскливому и скучному потустороннему миру эллинов. Что же вменяется им в вину.

Знай эллины такое понятие как грех, они верно признали б Сизифа величайшим грешником античности. Будучи приближен Олимпийцами, он не оправдал их доверия и вознесся слишком высоко, что само по себе величайшее преступление. Кроме того — об этом античная традиция вспоминала неохотно, — Сизиф подсмотрел как Зевс совращает Эгину. Хотя эллины, так же как и Олимпийцы, не обращали внимания на подобные «мелочи», но Сизиф очевидно пытался использовать этот факт для упрочения своего положения на Олимпе, за что и поплатился, перестав пользоваться благорасположением богов. Но он не успокоился на этом, продолжив череду своих преступлений. Завершил великий преступник свою жизненную карьеру тем, что дважды обманывал смерть, что справедливо считается вершиной его злодеяний. Злодеяние? С точки зрения античных эллинов — да. Но скажите,

кто не мечтал обмануть смерть? Так что никакого явного криминала с точки зрения нашей морали мы не найдем. Он, конечно, действовал лишь в своих интересах, но не во вред прочим. Однако для древних Сизиф был ужасным преступником, ведь он пытался изменить предначертанное судьбой. Потому и наказание, назначенное Сизифу схоже с неотвратимым роком. Он катит в гору камень, который **обречен** не достичь вершины. Работа, не имеющая ни смысла, ни конца.

Второй Антигерой, Тантал, куда менее симпатичен. Он осквернил себя каннибализмом, причем каннибализмом преднамеренным. Но быть может убийство собственного сына и изготовление из его тела страшной трапезы было бы прощено богами — они прощали и не такое! — однако Тантал попытался накормить этим блюдом врагов, подвергая тем самым сомнению их дар всевидения и делая их причастными к человеческим прегрешениям. Этого ему не простили. Как не простили и гордыни. Ведь желая похвастать своей близостью к богам Тантал:

...похитил у вечноживущих
Для сверстных себе застольников
Нектар и амвросию,
В которых было бессмертье.[1]

Иксий и Титий пострадали за гордыню. Оба Антигероя имели дерзость возжелать богинь, что не было богоборческим бунтом, но считалось величайшим кощунством. Хотя они не смогли осуществить задуманного, боги заключили их в Тартар, назначив страшное наказание.

Но заметим, Антигерой хотя и совершает омерзительные поступки, но все же он не преступает определенных границ. Он может противопоставить себя богу, но не идет против рока — в понимании эллинов это не одно и то же, ибо боги сами зависят от рока. Стоит человеку восстать против уготованной ему мойрами судьбы и он мгновенно превращается в Бунтаря, который нередко отвержен от общества еще в большей степени, нежели Антигерой. Типичный пример этому — Беллерофонт. Поначалу — отважный, удачливый и любимый богами Герой, победитель химеры, солимов[1] и амазонок. Действуй он и далее в том же духе и быть ему в одном ряду с Гераклом, Тесеем и Персеем. Но Беллерофонт внезапно совершает поступок, резко меняющий его судьбу. Он решает сокрушить косность традиций, нарушив покой Олимпийцев в их собственном доме. Он отваживается на это, хотя прекрасно знает, какая судьба постигла Ота и Эфиальта[2], решивших поспорить с Олимпом. Беллерофонт предстает пред нами как богоборец в самом чистом смысле этого слова, хотя цель его состоит вовсе не в свержении богов, а в возвышении человека до бога, создании богочеловека, равного олимпийскому человекобогу. Может быть, это была первая мечта о сверхчеловеке, что будет так сильно волновать умы потомков. Поступок Беллерофонта великолепен, так как он не ищет корысти

себе подобно Сизифу и не жаждет осчастливить человечество, подобно Прометею. Он просто желает возвысить себя как ЧЕЛОВЕКА.

Поступок этот более величественен, нежели содеянное Прометеем. Ведь титан нес людям знание, Беллерофонт хотел дать веру в собственные силы. Он не призывал к свержению богов, но хотел сломать старую мораль, что в конечном счете было равносильно покушению на веру. И потому с ним поступили наиболее жестоко. Из него не сделали мученика подобно Титию или Прометею, его превратили в ничтожество, изломанного калеку, наглядное напоминание всем, что может сделать с Бунтарем божественная воля.

В одном ряду с Беллерофонтом стоит Прометей, его мифический предок, совершивший быть может самый дерзкий поступок. Титан вопреки воле Зевса подарил людям огонь и знания. Его вину многократно отягчало то обстоятельство, что он был провидцем, а значит знал о последствиях своего деяния, но тем не менее пошел на него. Это был бунт не только против верховной власти, но и против провидения. Бунт Прометея был страшен еще и потому, что титан пытался опереться на людей, выйдя таким образом за рамки дозволенного, так как боги в междоусобной борьбе имели право рассчитывать лишь на собственные силы и на мощь сотворенных ими чудовищ. Прометей преступил этот закон, признав таким образом человека равным в отношениях с богами — немудрено, что его поступок казался древним эллинам верхом кощунства. Но странно — со временем Прометей был «реабилитирован». О нем вспоминали все благосклоннее, а позднее Зевс вообще пожелал помириться с ним и даже взял его на Олимп. Вполне очевидно, что здесь античная традиция пытается выйти из тупика, в который сама себя загнала. С одной стороны Прометей — отчаянный богоборец, Бунтарь, с другой — он дал людям знание. К тому времени религия уже не могла не считаться с наукой, значит Прометей должен был быть прощен.

К Бунтарям следует отнести еще двух мифических героев — Тесея и Пирифоя. Осмелившись противопоставить себя богам, они преступили черту дозволенного смертным и понесли кару. Однако позднее возвеличившимся Афинам потребовался свой персональный Герой и потому Тесея, который, напомним, был афинским царем, «реабилитировали». Геракл вывел его из Тартара. Пирифой же остался Бунтарем, хотя отношение к нему стало куда более сочувственным.

Рассмотрев Критерии, определяющие образы Героя и Антигероя, приходишь к странному выводу. Религия эллинов, столь легкая, изящная, человечная, самым страшным преступлением признает отнюдь не убийство или клятвоотступничество, а бунтарство. Именно бунтарство, а не богоборчество, ведь среди Бунтарей не было богоборцев в истинном смысле этого слова. Никто из них не собирался свергнуть Зевса и Олимпийцев. Они желали

вмешаться в предначертанное, сломав таким образом установленные традиции. И каким же косным, догматичным, столь похожим на ортодоксальные мессианские религии, предстает мир Олимпийских божеств, теряя свою первозданную прелесть. И уже не смеется в зеленых кущах озорник Эрот, и не плещутся в ледяных родниках непостоянные нимфы, и не шествует Силен, весь увитый виноградными лозами. Мир застывает, а похожие на людей боги приобретают монументальность. И уже трудно отличить Зевса от Гора, Яхве или Христа. Они рознятся внешне, но суть их едина. Это моноригилия, закованная в цепи предначертаний.

И наступали иные времена, когда Бунтарь уходил в никуда, а его место занимали лживые идолы. На смену гармонии шло прикрывающееся маской слабости ханжество, шелест зеленых листьев сменялся стуком топоров, на ломкий мрамор статуй ложилась тяжелая тень несколоченного еще креста. Архаичный мир уже агонизировал, сам не подозревая об этом. Боги, подобные людям, уходили в прошлое, уступая свое место распятому, человеку, сошедшему на землю под именем бога.

Но все это было впереди. А пока летит на своем белокрылом коне Беллерофонт и стоят насмерть спартиаты. И человечество все еще восторгается силе и мужеству.

И да славится имя отчаянного, дерзнувшего восстать против предначертанной судьбы. ЧЕЛОВЕК — имя твое.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Гибель богов — 2

— Полюбуйся, вот и твой рыцарь. Пришел освободить тебя!

Разлетелись во все стороны полы черного плаща. Ариман отошел в сторону, позволяя Тенте заглянуть в магический кристалл, в котором двигались крохотные, раз в двадцать меньше реальных, фигурки только что перебравшихся через пропасть людей, в одном из которых девушка без труда узнала Скилла. Смельчаки настороженно осмотрелись, после чего двинулись вперед. Нэрси, затаив дыхание, следила за тем, как они медленно приближаются к воротам замка, и не знала, что сказать. Она чувствовала, что Ариман едва сдерживает ярость.

Бог тьмы молча стоял у небольшой щели окна, затем резко повернулся к Тенте. Зловещая маска его была как всегда безжизненна, но в глазах плескалась злоба. Злоба была столь ощутима, что Тента против своей воли вздрогнула. Ариман заметил это и поспешно отвернулся.

— Я недооценил его и проявил безрассудное благодушие, поддавшись на твои уговоры, — произнес он безжизненным, похожим на скрежет металла голосом.

Ариман и вправду жалел, что позволил нэрси уговорить себя и отпустил Скилла из подземного судилища. Правда, что он рассчитывал, что скиф погибнет в Синем, Серебряном, в крайнем случае, в Золотом городе. Тогда он думал, что ничего не потеряет, доказав Тенте, что он нуждается в ней и готов ради нее на многое. А он и впрямь был готов отдать за ее любовь почти все, за исключением, может быть, власти. Еще он не мог отдать за нее жизнь, но это было не в его воле, ибо он был бессмертен.

Это было странное чувство, не посещавшее его целую вечность. Бог тьмы не нуждался ни в любви, ни в жалости. Его питали злоба и ярость, заставлявшие бешено колотиться медленное сердце. И вдруг оно содрогнулось от чего-то непонятного, почти похожего на... Он не любил это слово, он почти боялся его. И в чувстве, посетившем холодную душу, было больше нежности, чем страсти. Это была странная нежность, скорей отеческая; нежность к никогда не существовавшему и вдруг обретенному ребенку. Эта нежность сочеталась с нежностью к женщине — хрупкому созданию, существующему исключительно по его прихоти, и любящему его. Не поклоняющемуся, готовому жертвовать жизнью, а именно любящему.

Понимание этого пришло внезапно — в тот миг, когда Тента, рискуя жизнью, вдруг стала на его защиту и вступила в схватку с

дэвом. Что ж, слуги обязаны жертвовать жизнью ради спасения господина. Это нормально. Но внезапно он почувствовал, что боится за нее. Боится! Он, не думавший ни о ком, кроме себя многие тысячелетия! И невероятна была ярость бога, спешившего на помощь той, которая внезапно вошла в его сердце. Дэвы разлетались во все стороны, словно комки пустынного лишайника, когда он пробивался к нэрси. Схватив придавившего ее монстра, он бросил его о скалу с такой силой, что скала раскололась надвое. Он взял девушку на руки и взвился в воздух, а потом залил поляну плазменной волной, уничтожая всех и вся. И тут же помчался в свой замок.

У девушки была сломана рука, но серьезных повреждений не было. Он нежно гладил больное место своим мертвенным дыханием, пока кость не срослась, а рана не затянулась. Оставив все дела, он просидел у ее постели два дня и две ночи, ни разу не сомкнув век. Впрочем, он был бог и не нуждался во сне. Но все равно — потратить столько драгоценного времени на ничтожное создание, которых он сотворял тысячами — это было удивительно. Когда Тента открыла глаза, быть может, впервые за многие века, он улыбнулся. Не оскалил зубы в жестокой улыбке, а именно улыбнулся. Он был счастлив и нельзя было не понять этого. Конечно же, она поняла. Он сам дал ей в руки власть, которой она с тех пор умело пользовалась, но никогда не злоупотребляла. У нее было очень умное сердце, и она чувствовала ту грань, перед которой нужно остановиться. Она рискнула переступить ее лишь однажды, прося за скифа. Он понимал, как трудно ей было отважиться на подобную просьбу, и не посмел отказать, хотя должен был это сделать.

Женщины всегда приносили ему только горе — вольно или невольно, — но бог тьмы позабыл об этом. Он даже помягчел сердцем, хотя этого также не стоило делать. Смешно, он был готов петь серенады ночью, хотя ночь была слишком ценна для него, чтобы тратить ее на серенады.

Он даже не устоял перед ее просьбой снять маску.

— У тебя красивое лицо, — сказала Тента, — и шрам ничуть не портит его. Почему ты скрываешься под этой ужасной маской?

— Для того, чтобы люди не знали, что у меня есть лицо. Ведь я бог. Бог, объемлющий половину мира. А у бога множество лиц или одна маска.

— Покажи мне свои глаза, — попросила тогда нэрси. Он отрицательно покачал головой. — Не хочешь? Но почему?

Он не ответил. Тента была настойчива.

— Если любишь, покажи!

— Нет, — усмехнулись жестко очерченные губы. — Именно потому, что люблю.

Ему показалось, что она поняла.

Да, это чувство пришло к нему очень не вовремя. Слишком

много было дел. Парса, Эллада, Восток, Запад, козни тайных врагов и вставший наперекор Воин. И Тента. А теперь еще и этот чертов скиф. Напрасно строя свой мир, он дал клятву играть по его правилам. И он не мог преступить эту клятву, потому что дал ее себе. А теперь это создавало много трудностей.

— Ты что-то сказала? — Ариман повернулся к нэрси.

Лицо Тенты слегка дрогнуло.

— Ты убьешь его?

Бог ответил также вопросом, в котором сквозила болезненная ревность.

— Выходит, он все-таки тебе небезразличен?

О, как ему хотелось услышать: да, безразличен. Но ответ был уклончив.

— Он был добр ко мне.

— Я знаю. — Ариман вздохнул и посмотрел в магический кристалл — фигурки как раз входили в ворота замка. — Боюсь, мне придется это сделать. Он отнимает у меня то, в чем я сейчас более всего нуждаюсь — время... И тебя, — добавил бог тьмы после короткой паузы.

— Так отправь его куда-нибудь подальше — в Скифию или Киау. Или опять к сфинксу. Ведь ты можешь сделать это.

Ариман покачал головой.

— Нет. Это выходит за правила игры. Я уже даровал ему такую возможность. Теперь я могу даровать ему лишь смерть. И хватит об этом. Отправляйся в свои покои.

Тента поняла, что спорить бесполезно. Она прикусила губу и вышла вон из залы. Ариман прошептал ей в след.

— Великий Разум, как она похожа на ту... — бог оборвал фразу на полуслове.

Та, о которой он вдруг вспомнил, была в далеком прошлом. В таком далеком, что для живущих сейчас людей оно даже не было прошлым. Бог прожил мириады лет, их хватило бы на сотни жизней. Но настоящей оставалась лишь та, когда он еще не был богом, и когда он мог любить. Он был один из тех, кто жил былым, и в этом была их общая беда. Уж слишком сладким было это былое, что порой хотелось закрыть глаза и не открывать их, погрузясь в грезы. Наверно, потому Ариман старался не спать. Ведь в снах всегда является прошлое.

— Как же она похожа!

Ариман телепатировал в сознание слуг и начал отдавать приказания. Бой должен был быть кратким. Неотложные дела требовали присутствия бога тьмы на равнинах Фессалии.

* * *

Им дали войти, чтобы не гоняться по скалам за каждым в отдельности, а уничтожить всех разом. Им не только дали войти, но и указали путь, которого следовало придерживаться. А в конце пути ждала смерть...

* * *

Сквозь медные ворота, гостеприимно распахнувшиеся пред ними, пятерка отважных проникла в огромную залу, невероятно великолепную, отделанную камнем черных тонов. Пол этого громадного помещения был выложен серебристыми и черными плитами шлифованного гранита, колонны высечены из столбов серого мрамора, а стены и потолок покрывал слой густо-зеленого нефрита. Эта зала, нареченная Ариманом ночной, служила местом торжественных приемов, устраиваемых владыкой тьмы в ночь полнолуния. В ту заветную ночь она бывала заполнена таинственными гостями, прибывшими со всех четырех сторон света. Средь них были и люди, и нелюди: земные, подземные и воздушные, и даже существа неземного происхождения. Бывало шумно, и гости поднимали кубки за здравие владыки тьмы...

Кроме того, зала была идеально приспособлена для расправы с непрошенными гостями, вроде тех пятерых, что сейчас осторожно ступали по хладному граниту пола.

Именно это обстоятельство более всего беспокоило Скилла, внимательно оглядывавшего прикрытые бордюром галереи, которые в три яруса опоясывали нефритовые стены. Казалось, эти галереи созданы специально для лучников.

Храбрецы медленно шли вперед, гадая, куда подевались Ариман и его слуги. Стояла жуткая тишина, подобная той, что принято именовать мертвой. Шаги номадов гулко отскакивали от гранитных плит и разлетались по необозримому пространству залы. Они еще долго играли меж мраморных пилонов, а потом возвращались обратно, многократно усиленные. Это был единственный звук, порождаемый мертвенной пустотой замка. Он оставался единственным долго. Но вот щелкнули засовы, и тишина взорвалась шарканьем бесчисленных сотен ног.

Враги появились внезапно, хотя их ожидали, и отовсюду. На галереях разом возникли фигуры сотен рыжебородых. Скалясь, они подняли луки. Откуда-то сверху, из-под самого свода выпорхнули стайки вооруженных дротиками нэрси. Из потайных дверей вышли подслеповато чурящиеся харуки.

Мгновение — и Скилл привычно натягивал тетиву. То было чисто рефлекторное, годами тренировок и схваток выученное движение мышц, и сознание тут же осмеяло его, подсказав, насколько бессмысленен, даже смешон этот жест. Врагов было так много, что на них просто не хватило бы стрел, не говоря уже о том, что они не дали бы выпустить эти стрелы. И все же Скилл разжал пальцы, отпуская смерть. Тоненько пропев, черноперенная стрела вонзилась в горло посвященном харуку, чью голову покрывал шлем с роскошными павлиньими перьями. Харук рухнул на пол, суматошно задергались ноги. Кровь, струившаяся из раны, была блеклой. Свистнули еще четыре стрелы, так же нашедшие свои жертвы. А затем раздался грохот, расколовший пространство. Это луки рыжебородых разом выплюнули поги-

бель, предназначенную пятерым дерзким безумцам. И был грохот...

Падение с десятифутовой высоты не самое приятное занятие. Однако Скилл почти привык к подобным казусам. В последнее время ему часто приходилось падать. Поэтому он привычно сгруппировался и приземлился, словно кошка — сразу и на руки, и на ноги. Киммерийцы оказались не столь ловкими, издав при падении звук, похожий на шлепок хорошо отбитого куска верблюжатины о нагретую жаровню. Охая и ругаясь, кочевники поднялись на ноги и осмотрелись. То, что предстало их глазам, можно было считать сюрпризом; приятным или нет — предстояло выяснить.

Ночная зала исчезла. Вместе с ней исчезли и смертоносные тучи стрел, а также вся ариманова нечисть. Смельчаки находились в небольшом помещении, напомнившем Скиллу темницу властителя Дамаска, где скифу пришлось однажды погостить. Однако у здешней тюрьмы было два весьма значительных преимущества — распахнутые двери и отсутствие стражи. Номады решили не искушать судьбу, дожидаясь, когда Ариман исправит эту оплошность. Они быстро покинули каменную клетку и бросились бежать по узкому полутемному коридору, сложенному из серых пористых камней. Воздух здесь был настолько затхл, что буквально застревал в легких, от стен веяло липкой сыростью. Одним словом, это было неприятное путешествие, но, по крайней мере, безопасное. Достаточно сказать, что за время всего пути Скиллу и его спутникам не встретилось ни единого препятствия. Создавалось впечатление, что Ариман позабыл о своих гостях. Случайно? Как выяснилось — нет.

В замке кипел бой. Бой нешуточный. Кричали сраженные, время от времени раздавались тяжелые глухие удары, сотрясавшие стены и свод. Каменная кладка начала давать трещины и осыпаться. Одна из стен, мимо которой бежали кочевники, внезапно разлетелась гранитными брызгами, открывая доступ в соседнее помещение. Так как впереди мелькали какие-то неясные тени, Скилл, не раздумывая, нырнул в образовавшуюся дыру. Киммерийцы последовали его примеру.

И тут же в глаза ошеломленных людей ударил желтый холодный огонь. Золото! Много золота! Груды золота высотой в рост человека, небрежно сваленные вдоль стен. Забыв обо всем на свете, даже о том, ради чего пришли сюда, киммерийцы бросили свои кривые мечи и стали с безумным смехом погружать руки в драгоценный металл. Они набивали золотыми кружочками сапоги, сагайдаки, даже рты. Скилл остался равнодушен к внезапно обретенному богатству. Сейчас речь шла о спасении друзей, а они значили для Скилла куда больше, чем все эти горы золота. Кроме того, замок Аримана таил в себе много сюрпризов, по большей части неприятных, и потому не стоило обременять себя

столь тяжелой ношей. Скиф хотел было остановить друзей, когда все вдруг разрешилось само собой.

Пол дрогнул в очередной раз, и золотая комната исчезла. На этот раз полет был недолгим, а приземление — мягким и омерзительным. Скилл с размаху шлепнулся во что-то скользкое, пахнущее, словно сотня дохлых кошек. Открыв глаза, он обнаружил, что находится в огромном медном чане, дно которого примерно на фут покрыто отвратительным варевом.

«Скверная штука» — так думал Скилл, выбираясь на свободу. Но шутка еще не была завершена. Едва скиф высунулся из чана, как его поймали огромные волосатые лапы. Они сжали голову Скилла с такой силой, что не будь на ней шлема, она неизбежно превратилась бы в плоскую лепешку, а левое ухо слилось в любовном поцелуе с правым. Завопив от боли, Скилл выдернул акинак и, не глядя, полоснул им поверх своей бедной головы. Подобный прием пришелся неведомому врагу не по нраву. Взвыв, он выпустил скифа, позволив ему вновь увязнуть по колено в тошнотворной жиже. Далее произошло то, что должно было произойти. Враг склонился над котлом, желая получше разглядеть мерзкого человечишку. Скилл ждал этого. Едва огромная голова нависла сверху, заслоняя узкий провал света, как номад разжал пальцы. Стрела вонзилась дэву в левый глаз, войдя в него по самое оперенье. Как и надеялся Скилл, этого оказалось вполне достаточно даже для дэва. Чудовище охнуло и повалилось навзничь. Падая, оно схватилось лапищами за котел и вывалило его содержимое на пол. Скилл поспешил освободиться от объятий вязкого варева и вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы увернуться от кривого кинжала харука. Отточенный клинок лишь едва задел шлем степняка. В следующий миг скиф уже держал в руке акинак. Однако пустить его в ход не пришлось. В харука вдруг врезалось странное создание, похожее на небольшое зеленоватое облако. Удар был столь силен, что жителя преисподней буквально размазало по стене. Оказав Скиллу эту небольшую услугу, облако с угрожающим воем набросилось на такой же полупрозрачный сгусток, но только багрового цвета. Они сплелись в единый пестрый комок и в яростном танце понеслись по комнате, врезаясь в стены и опрокидывая медные чаны. Скилл получил несколько мгновений, чтобы оглядеться и хоть немного привести себя в порядок.

Он находился в трапезной, точнее бывшей трапезной, так как потребуется немало времени, прежде чем слуги Аримана смогут вновь сесть за длинные дубовые столы, в данный момент превращенные в кучу небрежно наколотых дров. Повсюду валялась кухонная утварь и мертвецы. В основном это были харуки, но попадались и рыжебородые, и нэрси, и даже парочка омерзительных дэвов.

Пока Скилл вытирал измазанные лицо и руки, к нему подошли два уцелевших киммерийца. Это были Изаль и Когаф. Их товарищ, имени которого скиф не знал, был растерзан Дэвом,

Дорнум бесследно исчез. Киммерийцы выглядели не лучше Скилла. Их одежда была также выпачкана какой-то тошнотворной массой, Изаль вдобавок к этому получил рану в плечо.

Между тем таинственные облака продолжали свою яростную схватку. Вцепившись друг в друга, они метались по зале, издавая при этом оглушительные звуки, которые заставляли людей морщиться, словно от зубной боли. Нет лучшего лекарства, чем острая стрела. Скилл не был полностью уверен, окажется ли этот рецепт столь же действенен к этим странным созданиям, как скажем, к харуку или рыжебородому. Однако стоило попытаться. Дождавшись, когда оба облака на мгновение замрут, Скилл вскинул лук и поразил багровый сгусток. Целился он в середину странного существа, где цвет был более насыщенным. Острый металл пришелся облаку не по вкусу. Оно заорало. Воспользовавшись этой неожиданной поддержкой, зеленоватый сгусток быстро добил своего противника. Багровое облако бесследно исчезло, словно никогда и не существовало, зато зеленоватое заметно увеличилось в размерах. Взвизгнув, оно пронеслось мимо людей и исчезло за остатками расколотой двери.

— Эй, приятель! — крикнул ему вдогонку Скилл, однако странное существо не обратило на этот возглас никакого внимания. Скиф слегка ошалело покачал головой и посмотрел на киммерийцев. — Что будем делать дальше?

Когаф не ответил, лишь пожав плечами, а Изаль начал стягивать сапоги.

— Для начала я избавлюсь от этого дерьма!

Желтые кружочки полетели в грязь, густым слоем покрывавшую пол. Когаф не без сожаления, но все же последовал примеру товарища. Сейчас им надлежало думать не о добыче, а о том, как бы выбраться из этой передряги.

Киммерийцы освободились от награбленного золота, и друзья уже собрались было двинуться в путь, как вдруг вернулось загадочное облако. Кочевники на всякий случай схватились за луки, но облако не проявляло враждебных намерений. Оно опустилось на единственный уцелевший стул и начало менять свои очертания. Для начала оно погустело, затем уменьшилось в размерах и вдруг превратилось в огромного коршуна. Птица взглянула на людей круглыми блеклыми зрачками, ухмыльнулась и заговорила.

— Спасибо за помощь.

Киммерийцы остолбенели, раскрыв рты, и птица хихикнула, потешаясь над ними. Однако Скилл, перевидавший в последнее время немало подобных чудес, остался невозмутим.

— Спасибо и тебе. Кто ты?

— Я свободный демон Тхошшт, восставший против Ахурамазды.

— Но что в таком случае ты делаешь в замке Аримана?

Коршун грозно распушил перья.

— Бьюсь со своим врагом!

— Разве Ахурамазда здесь? — Скилл вспомнил прекрасно-холодный лик светлого бога, явившегося ему в Чинквате.

— Да, — ответила птица.

— Но что он делает у своего злейшего врага Аримана?

Демон захихикал, потешаясь над непонятливостью человека.

— Их породило время. У них один отец. У них одна суть, — туманно пояснил он. — Они хотят смерти демонов. Мы давно искали случая расправиться с Ахурамаздой. И вот он представился.

Птица засунула клюв под крыло и расправилась с недоедливым насекомым. После этого она поинтересовалась:

— А что ищут здесь люди?

— Смерти Аримана!

— Отважные люди! — похвалил демон. — Глупые люди. Как может человек сражаться с тем, чья суть над человеческой?

— Может, если должен выручить своих друзей!

— О времена! — птица вздохнула и насторожилась. — Ну ладно, — затараторила она после краткого замешательства, — пожалуй пора закончить наш разговор. Меня зовут. Пока!

Коршун растаял и вновь появилось облако.

— Постой! — крикнул Скилл. — Где нам искать Аримана?

— Идите в Третий Шпиль. Его покои находятся там. — Демон взлетел со стола и направился к двери.

— Но как нам найти дорогу?!

— Она сама найдет вас... — голос демона исчез вдали.

— Ну найдет, так найдет, — задумчиво промолвил Скилл. — А как...

Однако договорить скифу не пришлось. Трапезная вдруг завертелась, и кочевник провалился в заверещавшую тьму.

* * *

Сбой произошел в самый последний миг. Сферотелепатический транслятор передавал изображение группки растерявшихся людей и тучи устремляющихся к ним стрел. Их смертоносный полет был показан с особенным смаком — транслятор знал вкусы хозяина. Вначале возникало тонкое, словно игла, острие, затем стрела устремлялась вперед, буквально прошивая хрустальный кристалл четырехгранным стальным наконечником, ивовым древком и, наконец, опереньем. Луч транслятора спешил вслед за этим черным раздвоенным хвостиком из соколиных перьев. Перспектива вновь скользила по стреле и упиралась в грудь жертвы, в глазах которой уже плескался ужас перед неотвратимостью смерти. А рядом летели сотни остроконечных подруг, вытянувшихся в хищном прыжке, подобно зубастым барракудам. Они уже были готовы впиться в цель, и в тот миг замок вдруг потряс мощный удар, а изображение в кристалле на мгновение исчезло. Когда оно возникло вновь, ночную залу было трудно узнать. По

ней словно пронесся ураган. Колонны и арочные перекрытия треснули, часть балюстрады обрушилась вниз, пол был усыпан кучами мусора.

И кочевники, и бессчетное ариманово воинство бесследно исчезли. Лишь нэрси суматошно носились у самого свода, преследуемые эфемерными полупрозрачными субстанциями самых различных оттенков. Время от времени эти существа настигали одну из крылатых девушек, и тогда та камнем падала вниз.

Богу тьмы не потребовалось много времени, чтобы понять что произошло. В Ночной зале орудовали враждебные демоны, невесть как проникшие через защитную оболочку Замка. Но это было полбеды, причем меньшая половина. Основную угрозу представлял некто, также проникнувший в обитель хозяина тьмы. Этот некто обладал силой, способной манипулировать пространством. Он обрушил эту силу на Ночную залу и раскидал воинов Аримана по всему Замку.

Необходимо заметить, что Заоблачный Замок был нечто большим, чем просто сооружение из гранита, мрамора и серого камня. Внешне незыблемый, похожий на гигантский несокрушимый утес, черной стрелою пронзающий облака, на деле не мог олицетворять непостоянство материального мира. Это был хамелеон волшебного зодчества, гигантский трансформер, изменяющий свою внутреннюю суть в соответствии с волей хозяина.

Основу Замка составляли силовые плоскости, расположенные параллельно к базальтовой платформе, венчавшей верхушку скалы. Все многочисленные модули Замка были размещены строго вдоль этих плоскостей. Последние были связаны воедино Источником трех энергий, который пронизывал Замок сверху донизу подобно гигантскому ветвистому дереву. Источник стабилизовал силовое поле Замка, удерживая модули в устойчивом положении, подобно тому, как якоря удерживают на месте судно, колеблемое плоскостями как угодно, перемещая содержимое любого модуля в нужную ему точку пространства. Он мог позволить себе впустить в свои владения несметное количество врагов, затем раскидать их по плоскостям и без особого труда уничтожить. Ведь находясь на смотровой площадке Третьего, самого высокого Шпиля Замка, нельзя было быть уверенным, что через мгновение не окажешься в пыточных подвалах, расположенных под руслом Черной реки, стремительно бегущей у подножия скалы, на которой возвышался Замок.

Подобное устройство Замка делало его неуязвимым для любого оружия, кроме того, что расслаивало пространство. Неведомый враг, судя по всему, обладал подобным оружием и пытался с его помощью сокрушить цитадель владыки тьмы.

Словно подтверждая предположения Аримана, некто нанес новый удар. На этот раз энергетическая спираль была ориентирована по ярусу Шпилей. Силовые плоскости сместились, и все завертелось в стремительном хаосе. Сконцентрировав волю,

Ариман приостановил перемещение плоскостей в Третьем Шпиле, а затем изолировал это мощнейшим силовым полем.

Еще накануне у него возникло неясное предчувствие надвигающейся беды. И потому он разослал во все стороны соглядатаев: орлов и черных демонов — в небо, ползучих гадов — в ущелье, скользких червей — в основание скалы. Они должны были доносить обо всем необычном. Однако ни одного тревожного сообщения не поступило. А сегодня неведомый враг напал на замок. Это могло означать лишь одно — кто-то предал. Кто-то из своих. Придет время и Ариман выяснит — кто. А пока надлежало стабилизировать силовые плоскости и нанести ответный удар.

Неведомый враг был могуч, но не очень быстр и умел. Ему требовалось время, чтобы сконцентрировать энергию для новой атаки. К тому же он не имел четкого представления о расположении плоскостей и был вынужден осторожничать, чтобы не попасться в четырехмерную дыру, созданную неверным смещением энергетических граней.

Воспользовавшись небольшой передышкой, Ариман быстро изолировал силовыми полями все три Шпиля, после чего отправил вдоль вертикальных осей Замка несколько вихрей, которые должны были выявить местоположение врага. Одновременно бог тьмы принял меры к тому, чтобы обезопасить свои покои от вторжения враждебных ему людей или чудовищ, для которых силовое поле не было преградой. С этой целью он повелел живым мертвецам — им были не страшны не только меч или стрела, но и внезапное перемещение силовых плоскостей, — занять коридоры, ведшие к Шпилям.

Тайный враг вскоре понял, что хозяин Замка начал свою контригру. Демоны оставили в покое нэрси и принялись атаковать силовые поля, опутавшие вершину Замка. Удары их были до смешного слабы, но все же они отвлекали внимание Аримана. Тем временем некто начал стремительно перемещать силовые плоскости западного сектора Замка. Энергия, испускаемая им, прошивала модули раскаленными стежками, надрывала их и заставляла перемещаться в угодном незнакомцу направлении. Бог тьмы вначале пытался противодействовать этим атакам, разрушая энергетические спирали, но затем внезапно изменил свою тактику. Предоставив врагу полную свободу действий в отношении пришедшегося не по душе сектора, Ариман сосредоточил свои усилия на том, чтобы обнаружить и изолировать опасного противника. Вскоре ему удалось это сделать. Некто прятался в одном из самых глубоких подземелий Замка. Обхватив врага силовыми вихрями, бог тьмы стал извлекать его на поверхность. Как раз в этот миг рухнул, подобно тающему миражу, оторванный из Источника и совершенно дестабилизированный западный сектор, погребя под обломками не одну сотню верных слуг Аримана. Бог тьмы не обратил на катастрофу никакого внимания. Сконцентрировав всю свою энергию, он тащил врага наверх, на

небольшое плато, расположенное у южной стены Замка. Это плато было изолировано от воздействия энергетических полей, и, окажись неведомый враг на нем, ему уже не удастся ускользнуть от карающего удара владыки Заоблачного Замка.

Развязка была близка, когда в игру вмешался еще один игрок...

Эта новая враждебная сила была не очень велика, но расчетлива. Она била в самые уязвимые места. По своей природе она походила на энергетический вихрь, управляемый человеком. Этот вихрь подобно гигантскому буру вгрызся в силовое поле, защищавшее Шпили, и терзал его до тех пор, пока не прорвал. В образовавшуюся пробоину тотчас же устремились враждебные демоны. Ариман был вынужден оставить того, кто смещал силовые плоскости, в покое и заняться восстановлением обороны. Его враги тут же воспользовались этим и объединили усилия. Их энергетические спирали все чаще пронзали силовую оболочку, потрясая плоскости замка. Штурм принял более осмысленный характер и Ариман понял, что еще немного и ему не устоять. Нужна была помощь. Наскоро залатав повреждения в силовом поле и приказав уцелевшим черным демонам атаковать обладателя энергетического вихря, владыка тьмы поспешил во Второй Шпиль, где находился мощнейший телепортатор, способный в считанное мгновение перенести в Заоблачный Замок тысячу людей и столько же артефактов.

Добраться до нужного модуля оказалось непросто. Замок содрогался от непрерывных ударов, летели осколки мрамора, куски фресок, кое-где разваливался свод. Но Ариман бежал столь быстро, что каменная шрапнель не могла повредить ему; она падала медленным шлейфом, словно пушинки, и достигала земли много позже того, как владыка Замка миновал опасный участок.

Очутившись на месте, бог первым делом переоблачился. Он скинул черный плащ и набросил на плечи белый. Маску смерти сменила солнечная маска Ахурамазды с вечно застывшей доброй улыбкой. Гигантский пятидесятифутовый змей, охранявший телепортатор, неодобрительно следил за этим преображением хозяина. Затем он зевнул, обнажив огромные клыки, и закрыл глаза, прислушиваясь к биению сердца перевариваемой жертвы. Вся эта неразбериха в Замке его совершенно не касалась — змей был практически неуязвим, а кроме того, он в любой миг мог ускользнуть в самую глубокую пропасть, которая только существовала на земле.

Тем временем Ариман завершил свое преображение и начал созывать союзников. Первым после краткого разговора прибыл маг Заратустра. За ним появились девятьсот шестьдесят шесть ахуров и сорок один светлый демон.

Низко поклонившись повелителю, Заратустра пропел:

— Да здравствует вечно великий Ахурамазда!

* * *

Проклятый Замок и впрямь был напичкан сюрпризами по самые верхушки Шпилей. Пол вновь исчез, и Скилл начал куда-то падать. Все вокруг сотрясалось и гудело от напряжения, казалось, воздух вот-вот разорвется на мириад мириадов кусочков. Падение продолжалось довольно долго, и у Скилла даже закралась мысль — а не летит ли он в один из бездонных колодцев, которые соединяют Замок Аримана с адом. Ему уже довелось побывать в Чинквате, вдруг теперь настало время посетить ад? Если это и в самом деле так, то у Скилла могли возникнуть крупные неприятности. В преисподней скопилось слишком много его врагов, отправившихся в иной мир со стрелой в горле или брюхе. То-то они возрадуются, получив возможность поквитаться со своим убийцей.

Но, верно, скиф все же падал не столь долго, потому что почти не ушибся. Возможно, столь удачному приземлению способствовало еще и то обстоятельство, что степняк упал на что-то мягкое, которое тут же заверещало и пустило в ход кулаки. Скилл также не остался в долгу. Схватка происходила в кромешной темноте и продолжалась недолго. Скиф оказался удачливей и к тому же пониже ростом. Последнее обстоятельство сыграло немалую роль, так как невидимый противник Скилла дважды попал кулаками в чеканный шлем, на совесть выкованный сирийскими мастерами, после чего перестал размахивать руками и обрушил на скифа поток ругани. Выражался он изысканными фразами, произнося их на великолепном киммерийском языке. Скиф осознал это не сразу, а осознав, расхохотался, словно сумасшедший, отчего ругавшийся сразу приумолк.

— Дорнум? — спросил Скилл, спеша прервать возникшую паузу из опасения, как бы рассвирепевший киммериец не пустил в ход меч.

— Д-да, — после небольшого замешательства отозвался вожак разбойников и в свою очередь поинтересовался:

— Скилл?

— Точно!

Киммериец смущенно кашлянул, а затем разразился диким гоготом. Скилл охотно разделил его веселье.

— Ну уморил, — сквозь смех бормотал Дорнум. — А я то думаю, что за нечисть свалилась мне на голову. А это чертов скиф! Ну-ка пойди сюда, я тебя пощупаю. А не вдруг ты снюхался с Ариманом и на твоих руках появились кривые когти...

— Сколько угодно! — отозвался Скилл и двинулся на голос Дорнума. Сделав несколько шагов, он почувствовал, что его плечо поймала чья-то рука. Пальцы киммерийца проворно пробежали сначала по голове, а затем по груди скифа. Убедившись, что осязает знаменитый скилловский доспех, Дорнум успокоился. Хотя и не до конца. Что-то ему не нравилось. Киммериец пошмыгал носом, после чего как-бы невзначай осведомился:

— Слушай, а почему ты так воняешь?

— Побывал в похлебке у дэвов, — признался Скилл и коротко поведал о своих приключениях. Конечно же, Дорнум не преминул хорошенько погоготать. — А ты сам-то как очутился здесь? И вообще, где мы?

Выяснилось, что, забрав степняков из сокровищницы, неведомая сила не подумала позаботиться о том, чтобы отправить их в дальнейшее путешествие всех вместе. Скилл и трое киммерийцев попали в трапезную, Дорнума швырнуло совсем в другое место — куда, он и сам толком не знал.

— Здесь темно, хоть глаз выколи. Сначала я подумал, что это подземная тюрьма вроде той, в которую мы попали в первый раз, и начал искать выход, — делился он со Скиллом своими впечатлениями. — Прошел вдоль стен, однако не нашел даже намека на дверь. Да и, похоже, стена здесь всего одна, к тому же круглая. Каменный мешок — да и только. А посреди него куча какой-то дряни — всякий хлам, тухлое мясо, помои.

— Ты что, щупал все это руками, — усмехнулся скиф, присаживаясь у стены рядом с Дорнумом.

— Да нет, я оступился и упал.

— Смешно, — заметил Скилл, хотя ему было вовсе не до смеха. — Мы попали в колодец для отбросов. Такие есть в каждом дворце.

— А как отсюда выбраться?

— Никак. Обычно глубина такого колодца не менее пятидесяти футов, а у меня в этот раз нет с собой веревки.

Дорнум подавленно замолчал. Он безмолвствовал довольно долго, прислушиваясь к размеренному дыханию скифа, затем не выдержал:

— Так как же нам все-таки отсюда выбраться?!

— Понятия не имею. Может быть, что-нибудь придумаем.

Едва скиф закончил эту фразу, как в его голове прозвучал высокий чистый голос.

— «Придумай, придумай, Скилл!»

Вздрогнув, скиф начал озираться, пытаясь понять, где находится его невидимый собеседник. Тот моментально уловил всю гамму чувств, овладевших Скиллом и сдавленно хмыкнул. Этот ехидный смешок был хорошо знаком кочевнику.

— «Сфинкс?» — мысленно вопросил он, не шевеля губами.

— «Угадал», — отозвался хозяин пустыни.

— «Что ты здесь делаешь?»

— «Примерно то же, что и ты. Я очень любопытен. Хотя не настолько, чтобы заявиться собственной персоной в Замок Аримана. Я еще не спятил и потому преспокойно сижу у себя в пустыне под роскошной пальмой, а частица моего сознания незримо присутствует возле тебя».

Словно подтверждая эти слова, пред глазами Скилла явилось чудное видение оазиса. Тихо плескались наполненные солнцем

волны озерца, лениво шелестели ветви пальм. Сидевшая за накрытым столом Сфинкс помахала Скиллу.

— «Здорово!» — восхитился тот. — «Я думал, ты можешь проделывать подобные трюки лишь в мирах Ахурамазды».

— «А это и есть мир Ахурамазды».

Скилл пробурчал нечто невразумительное, непонятое Сфинксом, зато услышанное Дорнумом, который пребывал в скверном настроении и, решив, что Скилл придумал, как им выбраться из колодца, тут же откликнулся:

— Что?

— Ничего, — ответил скиф. — Думаю.

Киммериец вновь замолчал, а Скилл вернулся к разговору со стражем пустыни.

— «С тобой один из твоих друзей?» — поинтересовалась Сфинкс, и скиф почувствовал, что она разглядывает Дорнума.

— «Да. Это киммериец. Я разбойничал с ним незадолго до того, как за мной начали гоняться стражники Аримана. Послушай, Сфинкс, ты можешь объяснить мне, что происходит в этом Замке?»

Сфинкс ответил не сразу. Он сделал паузу, которая была столь долгой, что Скилл уже начал опасаться, что его собеседник решил прервать разговор. Но Сфинкс заговорил вновь.

— «Могу», — сказала она.

— «Так объясни, а не то я совсем запутался».

Сфинкс со вкусом сжевала здоровенный кусок мяса и запила его бокалом вина. Скилл, во рту которого с утра не было даже маковой росинки, сглотнул слюну.

— «Хорошо», — неторопливо вымолвил страж пустыни. — «Я помогу тебе по старой дружбе. Ты решил свести счеты с Ариманом в весьма подходящий момент. Насколько я понимаю, это произошло случайно. Ведь ты не связан с теми, что сокрушают в этот миг Заоблачный Замок?»

— «Не связан», — быстро ответил скиф, постаравшись, чтобы его ответ прозвучал не слишком искренне.

— «Я так и думала. Они также решили напасть именно сегодня, потому что завтра могло быть поздно. Ариман близок к тому, чтобы овладеть всем миром и тогда он станет неуязвим для своих врагов. Они поспешили упредить его и не дать ему завладеть силой, которая сделает его всемогущим. Впрочем, он еще не проиграл».

— «Кто его враги?» — спросил Скилл, перебивая словоохотливого собеседника.

— «По правде говоря, я точно не знаю. Я пыталась подобраться к ним, но они окружили себя силовым полем, пробиться сквозь которое мое сознание не в силах. Скажу лишь, что один из них человек, очень могущественный волшебник. Он пришел с запада и привел с собой свободных демонов и дэвов. Скорей всего, я даже знаю его имя, но не хочу называть его. Второй по силе равен богу. Он явился из другого мира во главе войска ужас-

ных чудовищ. Он враг Аримана и враг Ахурамазды. Он обладает огромной силой, но не слишком умен и быстро впадает в ярость. Действуй он один, без поддержки волшебника, и Ариман давно бы одолел его. Но они вместе и потому сила их почти несокрушима. Это все, что я могу рассказать тебе о тех, кто напал на Замок.

— «Почему все в Замке переворачивается вверх дном?»

— «Враги Аримана пытаются дестабилизировать силовую структуру Замка и разрушить его. Лишившись Замка, Ариман потеряет значительную часть своей силы».

Скилл мало что уловил из этого объяснения, но одно он уловил четко.

— «Так значит Аримана можно победить?»

— «Да», — ответил Сфинкс и с ленцой зевнул, демонстрируя ряд безупречных клыков.

— «Но как?»

— «Я не скажу тебе. И не потому, что стою на стороне Аримана. Просто мой ответ вряд ли понравится тебе».

Скиф решил удовольствоваться этим ответом.

— «Мы можем помочь врагам Аримана?»

— «Кто это мы?» — хмыкнул Сфинкс.

— «Я и мой друг».

— «Возможно. Но сначала задайся вопросом: стоит ли? Ариман жесток и коварен. Но, захватив власть, его враги будут еще более жестоки».

— «Еще один вопрос, Сфинкс!» — крикнул скиф, чувствуя, что стражу пустыни начинает надоедать этот, здорово смахивающий на благотворительную подачку, разговор. — «Ответь мне, чью сторону держишь ты?»

— «Трудный вопрос. Я не люблю Аримана, как и Ахурамазду, ведь он лишил меня власти и обрек на вечное заточение в Говорящей пустыне. Но у меня нет причин любить и его врагов, тем более, что они желают уничтожить мир Эрвана, а значит и меня. Я б хотел, чтобы они все разбили себе лбы!»

— «Ты на своей стороне», — констатировал Скилл.

— «Можно сказать и так. Хотя я предпочитаю говорить, что я в стороне. Быть в стороне, когда дерутся тигры — самое мудрое».

— «Легко быть мудрым, сидя в тени пальмы за тысячу парасангов от этого проклятого места», — пробормотал Скилл, с завистью наблюдая за тем, как Сфинкс подносит ко рту бокал фиолетового вина. — «А что делать мне?»

— «Будь терпелив. Все разрешится само собой. Все разрешится...».

Голос Сфинкса исчез, и лишь теперь Скилл почувствовал, что киммериец толкает его под локоть.

— Ты что, заснул?

— Нет. — Скиф помотал головой, стряхивая остатки чудесного наваждения.

— Что будем делать?

Скилл ответил словами стража пустыни:

— Все разрешится само собой. Будем ждать, Дорнум. Будем ждать.

И все разрешилось, хотя им пришлось ждать довольно долго. Подземелье несколько раз встряхивало с такой силой, что друзья разлетались в разные стороны; порой сверху падали какие-то тяжелые предметы, сочно ударявшиеся в кучи мусора. После одного из толчков в темноте объявился некто третий. Незнакомец громко втягивал воздух и угрожающе молчал. Скилл окликнул его по-киммерийски и, не получив ответа, пристрелил, пустив стрелу на звук. Существо или умерло, или затаилось, будучи смертельно напугано. По крайней мере, оно не подавало больше признаков жизни, хотя степняки настороженно прислушивались к каждому шороху. Наконец, судьба смилостивилась над ними. Подземелье содрогнулось от мощного удара, и друзья почувствовали, что взвиваются в воздух. Они летели где-то рядом. Скилл слышал хриплое дыхание Дорнума и запоздало жалел, что не догадался взять его за руку. В этом случае они наверняка попали б в одно место. Однако судьба смилостивилась над ними и в этот раз, бросив друзей на пол в футе друг от друга. Но на этом ее милости и закончились.

* * *

С прибытием Заратустры и светлого воинства чаша весов начала постепенно склоняться на сторону защитников Замка. Маг действовал со сноровкой опытного стратега. Навстречу свободным демонам устремились язаты и светлые демоны. Вдоль плоскостей заметались полупрозрачные сферические сгустки. Яростно сшибаясь, они вели бой не на жизнь, а на смерть. Язаты, уступавшие более мощным артефактам в силе, действовали числом. Они выманивали враждебного демона на бой, а затем набрасывались на него целой стаей и разрывали в мелкие клочки. Некоторые напитали свою суть похищенной у умерщвленных врагов до такой степени, что по силе уподобились демонам. Располагая огромным численным перевесом, воинство Ахурамазды в считанные мгновения очистило от враждебных духов Шпили, а затем перешло в общее наступление по всем секторам.

Следом за артефактами двинулись в атаку рыжебородые, ахуры, а также войско дэвов, прибывшее с Красных гор. Им пришлось вступить в бой с паранормальными тварями из неведомых отражений — к счастью их было немного, — и с мятежными дэвами, невесть каким образом проникшими в Замок.

Пока преданные Ариману силы тьмы и преданные Ахурамазде силы света бились с его врагами, их господин при помощи Заратустры пытался расправиться с теми, кто возглавляли атаку на Замок. Это были опытные и очень умелые противники. Один из них вполне сносно манипулировал всеми четырьмя измерени-

ями. Захватить его было нелегко. Ариман и Заратустра не раз опутывали врага силовыми вихрями, но тот каждый раз ускользал, просачиваясь сквозь стены подобно скользкому слизняку.

Второго, того, что появился позже, отличала хитрость. Он был более уязвим и потому позаботился о том, чтобы его не обнаружили. С этой целью враг использовал фальшивые пульсирующие маяки, мешавшие определить его точное местонахождение. Энергетические спирали, словно гончие псы, устремлялись по ложному следу и возвращались ни с чем. Поединок чародеев длился довольно долго, но не приносил решающего успеха ни одной стороне.

Тогда Заратустра предложил использовать энергетическую мощь Источника трех сил, находившегося в Первом Шпиле.

Этот Шпиль, самый низкий из трех, был наиважнейшим модулем Замка. Вход в него охраняли пятьдесят живых мертвецов. Кроме того внутри модуля находился демон Ка-та-рш, обладавший огромной силой внушения, перед которой не мог устоять ни человек, ни артефакт, сколь бы сильны они ни были. Демон погружал свою жертву в сладкие грезы и уводил ее душу в иные миры, делая это странствие вечным. Лишенное души тело пожирали псы Ахурамазды. Ка-та-рш был всесилен, лишь Ариман не был подвержен его радужному обману.

Демон был как всегда настороже и бросился навстречу вошедшим, но, признав хозяина, тут же успокоился и окрасил свое эфемерное естество в розовый оттенок, должный свидетельствовать о благожелательном отношении к гостям. Распахнув одну за другой три прочнейших двери, Ариман и его помощник вошли в крохотное помещение, где находилась суть Источника трех сил.

Вряд ли кто мог подумать, увидев небольшой и обычный предмет, что в нем заключена мощь, способная передвигать горы. Суть Источника представляла собой небольшой, сделанный из желтого металла, по виду смахивающего на медь, щит с двенадцатью белыми искрящимися звездочками по окружности. От щита исходило ощущение огромной мощи, толкавшей приближающегося к нему упругой волной. Источник словно предупреждал, что непосвященному опасно даже подходить к нему. И Ариман, и Заратустра были посвящены в тайну его мощи.

— Я возьму на себя того, кто перемещает силовые плоскости, — сказал Ариман и улыбнулся холодной улыбкой Ахурамазды.

— Я возьму человека, — сказал Заратустра.

Соединив взоры, они одновременно приблизили ладони к поверхности щита. Раздался негромкий треск, меж пальцев засверкали быстрые искры, покрывшие ладони и медленно устремившиеся вверх. Невиданная, огненно-золотистая ткань, сплетенная из энергетических спиралей, медленно покрывала плоть волшебников, заряжая ее мощью. Так продолжалось до тех пор, пока искры не достигли предплечий, заключив руки в

ослепительно сверкающие коконы, наполненные колоссальной энергией. Пришло время для решительного удара. По-прежнему глядя в глаза друг другу, Ариман и маг скрестили руки и направили энергию вдоль вертикальных осей.

Из пальцев Аримана изливался холодный поток, близкий существу бога тьмы. Солнцелюбивый Заратустра посылал огненные волны. Две силы Источника были задействованы в это решающее мгновение. Оставалась лишь третья, имя которой смерть. Ее время пока еще не настало.

Невидимые силовые щупальца поползли сквозь каменную кладку и пустоту помещений в поисках желанной добычи. Извиваясь словно змеи, они заглядывали в каждый укромный уголок, чутко принюхивались к малейшему всплеску энергии. Время от времени они натыкались на враждебных существ, и те умирали в страшных мучениях. Так погибли свободные демоны Пуррет, Тхошт, Апаоша и Ликс, несколько созданий из иных миров, чей облик наполнял сердца видевших их холодным ужасом. Но это были почти случайные жертвы, волею рока оказавшиеся на пути энергетических вихрей. Силы Источника упорно искали двух наглецов, осмелившихся нарушить покой Аримана.

Это было нелегкое занятие. Лицо Заратустры побледнело, пальцы заметно подрагивали. Ариман напоминал застывшую статую, ни жестом, ни стоном не выдавая своего напряжения, но и его сердце колотилось во много раз быстрее. Бог тьмы уже нащупал своего врага и теперь гнался за ним, ускользающим сквозь время и пространство. Некто всячески путал следы, пытаясь сбить преследователя с толку, но энергетическая спираль мчалась за ним, словно матерый волк за начинающей уставать ланью. А некто начинал уставать. Он двигался все медленнее, и вот спирали настигли его и обхватили — так росянка ловит глупую муху в объятия своих клейких тычинок. И в тот же миг они почувствовали пустоту.

Ариман тяжело выдохнул. Некто понял, что на этот раз ему не совладать с хозяином Замка и предпочел прекратить сопротивление, исчезнув. Он свернул свою энергетическую мощь и превратился в простейшее создание, подобное звездной амебе. Теперь обнаружить его было практически невозможно. Связавшись с артефактами и приказав им уничтожать все враждебные существа, бог тьмы поспешил прийти на помощь магу.

Заратустра был также удачлив. Он уничтожил пульсирующие маяки и пленил своего противника. Тот был человеком и не мог ускользнуть в никуда подобно некто. Ариман немедленно присоединил свои ледяные спирали к огненным спиралям мага. Теперь враг был надежно схвачен. Невидимые силовые путы обвили его тело и влекли его вверх — в специальный модуль, расположенный здесь же в Первом Шпиле. В этом модуле Ариман содержал наиболее опасных пленников. Враг отчаянно сопротивлялся, но он был слишком слаб, чтобы противостоять мощи Источника.

Все! Заратустра и Ариман дружно всплеснули руками, освобождая их от накопленной энергии. Несколько мгновений оба молчали, переводя дух. Наконец маг вымолвил:

— Он у нас в руках!

— Да. И я почти уверен, что знаю кто он, — немедленно отозвался Ариман.

— Я тоже. Ставлю пять против одного, что это Кермуз.

— Не пойдет! — со смешком отказался бог тьмы. — Я не играю в заведомо проигрышные игры. Кстати, второй ушел, расплескав свою энергию. Я послал демонов найти его.

— Ты поступил верно.

Перебрасываясь скупыми фразами, они покинули модуль Источника и направились туда, где ждал пленник. Идти было недалеко, всего несколько шагов. Поколдовав над замком, Ариман открыл дверь и первым вошел внутрь. Посреди облицованной золотистым камнем комнаты, прямо на полу, сидел человек в потрепанной одежде паломника. При появлении бога тьмы он поднял голову, являя свое лицо. Оно было усталым и сплошь покрыто пылью, иссеченной полосками пота; в глазах человека плескался голубой огонь.

— Ну здравствуй, Кеельсее! — зловеще произнес Ариман.

Бывший номарх усмехнулся и спокойно ответил:

— Привет, Русий!

* * *

Скилл знавал немало смельчаков, утверждавших, что презирают все на свете опасности. Он и сам презирал большинство из них. Но оказаться глаз с глазу с целой толпой недружелюбно настроенных дэвов! Скифу почему-то сразу захотелось вернуться назад в каменный мешок. Судя по затравленному взгляду, Дорнум испытывал примерно то же извращенное желание. Бежать было некуда — со всех сторон возвышались огромные чудовища — поэтому Скилл постарался придать лицу незаинтересованное выражение, всем своим видом показывая, что он здесь не при чем и очутился в этом месте совершенно случайно. Однако дэвы, похоже, придерживались иного мнения и начали неторопливо подступать к степнякам.

Сначала шагнули те, что стояли перед ними. Их было, пожалуй, не менее трех десятков, и возглавлял их хороший знакомый Скилла Груумин. Признав скифа, дэв заулыбался, словно увидел лучшего приятеля. Скилл невольно подумал, что примерно также Груумин радуется хорошему куску бычьего мяса. Затем двинулись дэвы, стоявшие за спиной. От их тяжелой поступи пол содрогнулся, и скифу очень захотелось обернуться, однако делать этого явно не стоило. Не отводя глаз с ухмыляющегося Груумина, Скилл приладил к тетиве стрелу, поклявшись, что умрет не раньше, чем пробьет ею насквозь отвратительную голову дэва.

В этот миг в его голове вновь зазвучал голос Сфинкса. Совет, подаренный стражем пустыни, был странен:

— «Отойди в сторону и не путайся у них под ногами!»

— «Я бы непрочь, но как?» — немедленно откликнулся Скилл, прикидывая, сколько шагов можно позволить сделать Груумину, прежде чем придется отпустить тетиву.

— «Это не твое дело!» — продолжал настаивать Сфинкс.

— «Полностью согласен с тобой», — Скилл не смог удержаться от нервного смешка.

— «Идиот!» — прошипела Сфинкс. — «Посмотри, кто у тебя за спиной!»

— «Дэвы», — сообщил скиф, не думая оборачиваться.

— «Какие, глупый скиф?»

Это уже было слишком. Скилл медленно повернул голову, стараясь не выпускать Груумина из поля зрения.

За его спиной были дэвы, старые мятежные дэвы во главе с несокрушимым Зеленым Тофисом, к которому Скилл с недавних пор испытывал почти симпатию. Раненный в битве с Ариманом Тофис явился во дворец владыки тьмы, чтобы поквитаться. Скилл улыбнулся и попытался привлечь внимание предводителя дэвов. Однако тот не смотрел на скифа. Расправив громадные плечи, он шел на своего злейшего врага, узурпировавшего трон дэвов. Он видел лишь Груумина, и ему не было никакого дела до ничтожного человечка, строящего заискивающие улыбки.

Скилл сообразил это как раз вовремя, чтобы ретироваться.

— Бежим! — завопил он и что есть сил дернул Дорнума за руку, увлекая его к небольшой нише, в которой стояла какая-то статуя. Изваяние было весьма недурно собой и в иное время, и в иной ситуации Скилл не преминул бы им полюбоваться. Однако сейчас был явно не тот момент, и уже совсем не та ситуация. Статуя с грохотом упала с постамента, и друзья заняли ее место. Теперь им не угрожала опасность быть случайно раздавленным в назревающей схватке. Кстати, едва они успели укрыться, как схватка началась.

Чудовища прыгнули навстречу друг другу и сшиблись, стараясь повалить противостоящего врага ударом груди или покатой головы. Кое-кому это удалось и несколько дэвов были сбиты с ног и тут же погибли, растоптанные прочими монстрами. Затем в ход пошли кулаки и клыки. Это было впечатляющее зрелище. Дорнум, для которого подобное представление было вновинку, звонко лязгал зубами, скиф любовался битвой с чувством истинного знатока.

Дэвы Тофиса были мощнее и опытней, бойцы Груумина — более быстры и азартны. Кроме того, их было примерно вдвое больше и потому на первых порах они одерживали верх, беспорядочно молотя стариков когтистыми лапами и при каждом удобном случае пуская в ход клыки. Однако мятежники бились со сноровкой опытных гладиаторов. Они то сплачивались единой ку-

чей, то внезапно разбивали бой на множество поединков, создавая численное преимущество на одной из участков сражения — и как результат двое или трое врагов падали бездыханные.

Прошло совсем немного времени, и отряд Груумина заметно поредел. Скилл также приложил к этому свою верную руку, сразив стрелами двух аримановых дэвов. Один из них, огромный, с фиолетовой шкурой и омерзительной наружностью, рухнул неподалеку от ниши и все пытался дотянуться до нее, желая растерзать ничтожных созданий, так подло нанесших ему смертельное увечье. Скиллу пришлось проткнуть клыкастую голову еще тремя стрелами, прежде чем живучий монстр затих.

Мятежные дэвы также не избежали потерь. Они лишились четверых бойцов, одного из которых, старого и могучего, чья шкура была испещрена сединой, сразил Груумин. Старик умирал долго, мучительно; в его глазах стояли слезы. Скиллу даже стало жаль его — он здорово бился и проиграл лишь потому, что враг был много моложе и кости его куда крепче. Дэв хрипел, бессильно поворачивая голову до тех пор, пока несколько сражающихся не обрушили на его разбитую грудь вес своих гигантских тел. Тогда он издал страшный крик и, изогнувшись, умер.

Зеленый Тофис и Груумин поначалу поражали более слабых врагов, но вот пришел черед встретиться и им. Грозно крича, вожаки бросились навстречу и заключили друг друга в страшные объятия. Вздулись и задрожали от перенапряжения мышцы, затрещали кости. Было ясно, что гигантские лапы расцепят свой смертельный захват лишь после того, как один из врагов падет бездыханный. Прочие дэвы не вмешивались в борьбу своих предводителей и продолжали взаимное избиение. Их осталось не так много, они были утомлены и осторожничали. С оглядкой переступая через лежащих, многие из которых были еще живы и подчас пытались вцепиться в ногу врага, дэвы быстро атаковали одного из соперников и в случае, если тот оказывал достойное сопротивление или ему на помощь приходили друзья, нападавший тут же отступал и готовился к новому столкновению.

Представление продолжалось уже довольно долго и оно порядком надоело скифу. Нелишне добавить, что он с все возрастающим опасением следил за парочкой молодых дэвов, бросавших в сторону людей весьма красноречивые взгляды. Потому Скилл обрадовался, услышав голос Сфинкса.

— Ну как, нравится?

— Грандиозно! — воскликнул Скилл, но тут же понижая тон добавил:

— Однако уже порядком надоело.

— Так чего же ты сидишь в этой норе? — возмутился страж пустыни. — Выметайся оттуда и ступай за своей подружкой.

— Но как?

— Ножками. Иди в дверь, перед которой стояли дэвы во главе с этим нахалом, как его..?

— Груумином?

— Да-да, Груумином. Через нее ты попадешь прямо в Третий Шпиль. Твоя красотка там, я ее видел. И поторопись. Ариман уже знает об этом сражении и направил своим дэвам подмогу.

— Спасибо за совет!

— Квиты! — Последнее слово Сфинкс произнесла не без ехидства. Хотя, возможно, Скиллу это только показалось.

Страж пустыни умолк. И тут же, словно в подтверждение его слов, появились харуки и рыжебородые. Стражники стали пускать стрелы, наконечники которых были смазаны ядом, а подземные жители пытались сразить мятежных дэвов короткими кривоконечными копьями, заменившими неудобные в подобной схватке кинжалы. Им сообща удалось убить одного из приближенных Тофиса, похоже, того самого, что собирался некогда нанизать на кол плененного Скилла, но это был их единственный успех. Два огромных монстра обрушились на толпу слуг Аримана и растоптали врагов в кровавую кашу. Затем появились несколько саблезубых барсов, но они не решились напасть на дэвов и стали в стороне, облизывая шершавыми языками морды.

Дальнейшего развития событий степняки дожидаться не стали. Воспользовавшись тем, что бой переместился в противоположную часть залы, они незаметно добрались до заветной двери и юркнули в нее. Последнее, что увидел Скилл, были капли кровавого пота, стекавшие по оскаленной мукой морде Тофиса.

Дэвы, конечно, не были подарком, но связываться с теми, кто поджидал друзей в Третьем Шпиле, Скиллу совсем не хотелось. Зато Дорнум, незнакомый с этими милыми существами, проявил завидную прыть. Наконец-то он увидел перед собой не громадных монстров, способных разорвать человека едва заметным движением лап, а людей, пусть даже выглядевших весьма необычно. Издав воинственный клич, Дорнум словно тигр бросился на шеренгу воинов, скрывавших лица под глубоко надвинутыми капюшонами. Они встретили его безмолвно и даже не пытались защищаться. Киммериец поразил пятерых или шестерых врагов, прежде чем обнаружил, что пронзенные акинаком, они вовсе не торопятся умирать. Лишь двое из них упали и тут же медленно поднялись на ноги, заняв свое место в строю. Дорнум замер в нерешительности, озадаченный еще и тем, что скиф похоже и не собирается поддержать его горячий порыв. Затем разбойник сделал еще одно неприятное открытие, обратив внимание на меч, покрытый зеленоватой слизью, похожей на болотную жижу, но никак не на кровь.

В этот миг загадочные люди очнулись от оцепенения. По шеренге словно пробежала невидимая искра, головы врагов, до того склоненные на грудь, разом поднялись, а глаза воззрились на Дорнума. И киммериец закричал от ужаса, потому что в этих глазах не было ничего живого, а лица существ были тронуты могильным тлением. К Скиллу киммериец вернулся стремительней молнии. Скиф мог поклясться, что никогда не видел, чтобы человек так быстро бегал задом. Едва шевеля побледневшими губами, Дорнум выдавил:

— К-кто это?

— Живые мертвецы. Слуги Аримана, — спокойно, словно так и следует, ответил Скилл. — Я уже дважды встречался с ними и могу сказать тебе, приятель, что теперь нам точно крышка!

— Бежим! — заорал Дорнум.

Он повернулся к двери, через которую они проникли сюда, и остолбенел. Путь к отступлению преграждала еще одна шеренга мертвецов, незаметно вышедших из склепов, служивших им домом. Увидев, что глаза киммерийца расширены от ужаса, Скилл также обернулся. Безысходность ситуации придала его душе мужество, а словам — черный сарказм.

— Самое плохое в этой истории, Дорнум, что умерев от их рук, мы станем похожими на них.

— Не хочу! — заорал киммериец. — Я лучше перережу себе глотку!

И он попытался осуществить свое намерение на деле. Скилл вовремя перехватил его руку.

— Не спеши. Быть может, я придумаю, что нам делать.

Как ни странно, спокойствие скифа благотворно сказалось на его товарище. Дорнум расслабил сведенные судорогой ужаса мышцы и негромко заметил:

— Тогда поспеши. Сдается мне, эти парни готовятся сожрать нас.

Предположение киммерийца было вполне обоснованным. Мертвецы и впрямь оживились. Переглянувшись — для этого им пришлось с неприятным хрустом повернуть голову — они извлекли металлические блестящие трубки, с колдовской силой которых Скилл уже был знаком, и медленно двинулись к вторгшимся в их владения людям. Скиф не стал более мешкать и позвал стража пустыни.

— «Сфинкс, ты меня слышишь?»

— «Да», — признался после короткой паузы Сфинкс.

— «Что нам делать?»

Сфинкс издала короткий смешок.

— «Почем я знаю?»

— «Скотина, ты специально завел нас сюда!» — догадался Скилл.

— «Фу, зачем же так грубо!» — В голосе Сфинкса зазвучали жеманные нотки прихорашивающейся перед зеркалом гетеры. —

«Я не думал делать тебе дурное, но раз уж ты сам оказался столь глуп, что залез сюда... Словом, было бы неразумно не воспользоваться подобной возможностью. Думаю, ты понимаешь о чем я говорю».

— «Еще как понимаю!» — процедил скиф, наблюдая за тем, как мертвецы окружают попавших в ловушку людей.

Тем временем Сфинкс продолжала изливать душу.

— «Признаться честно, я ужасно обидчив. Люди так эгоистичны. Ну зачем, скажи, ты отгадал мои загадки? Не сделай ты этого, и сейчас твоя душа наслаждалась бы беседой с душами Гистиома и Арпамедокла. Ты стал бы лучшим бриллиантом в моей коллекции!»

Время еще было, и Скилл решил позволить себе сполна насладиться приятной беседой.

«Сфинкс, сделай что-нибудь!» — взмолился он, стараясь, чтоб голос звучал как можно более испуганно.

Сфинкс балдел от удовольствия.

— «Милый мой!» — заявил он менторским тоном. — «Что я могу сделать? Я бессилен. Тебе не надо было забывать об изречении мудрых: бойтесь данайцев, дары приносящих! Короче говоря, выкручивайся сам!»

— «Понятно», — протянул Скилл. Мертвецам оставалось сделать не более десяти шагов. Дорнум, решивший, что все пропало, потерял самообладание и, впав в прострацию, бормотал:

— Вы только посмотрите, среди них есть и девочки.

Скилл не решился бы назвать **это** девочками, но в остальном киммериец был прав — у некоторых мертвецов можно было заметить явные признаки женского пола.

— «Какая милая беседа!» — шепнул Сфинкс. — «Жаль короткая».

— «Жаль», — покорно согласился Скилл. — «Приятель, а знаешь, почему я отгадал все твои загадки?»

— «Н-ну?» — вкусно прогнусавил Сфинкс.

— «Ты всегда сам помогал мне найти ответ».

Страж пустыни на мгновение умолк, огорчившись, затем поспешил поквитаться.

— «Зато теперь я бессилен подсказать тебе. И готов разрыдаться по этому поводу!»

— «Погоди», — остановил Скилл причитания своего невидимого собеседника. — «Ты поможешь мне и сейчас».

— «Но как, дружище? Поверь...»

— «У меня нет времени!» — заорал Скилл, видя, что мертвецы уже тянут к нему свои руки.

— «Но...».

— «Муха!» — провозгласил скиф.

— «Что?» — переспросил Сфинкс.

Уворачиваясь от огоньков, едва заметно тлеющих на остриях смертоносных жезлов, Скилл что есть сил завопил:

— «Мой ответ на твой четвертый вопрос — МУХА!!!»

И в тот же миг пришла тишина, умертвившая размеренное шарканье ног живых мертвецов. Лишь что-то негромко шептал Дорнум. Затем мертвецы все как один покачнулись и рухнули на пол.

Киммериец поперхнулся и воззрился на Скилла, безмолвно вопрошая: что произошло?

А произошло то, что в оазисе посреди Говорящей пустыни застыл камнем Сфинкс, а похищенные им души нашли успокоение. И все!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ночь

Весь день звенели мечи. Весь день кричали умирающие. К вечеру битва закончилась, и потрепанное мидийское войско вернулось в свой стан. Таллия с затаенной усмешкой наблюдала за понуро бредущими бессмертными. Три дня назад они взирали на окружающих, гордо вздернув горбатые носы. Вчера в них уже поселился страх и они выглядели не столь бодро как обычно. После сегодняшнего боя они походили на побитых собак. Уставя глаза себе под ноги, воины исчезали в шатрах, сотники бросали на траву окровавленные бичи и без сил падали рядом. Прошел к себе Мардоний, хмуро взглянувший на Таллию. Вскоре показался Артабан, вышедший из-за золоченых стен царских покоев. Сановник выглядел не лучше остальных. Подойдя к девушке, он поцеловал ее, обдав вкусным запахом крови и острого пота, и вошел в шатер. Таллия тут же кликнула слуг.Они освободили Артабана от тяжелого доспеха, омыли его тело душистой водой, вытерли мягкими полотенцами, умаслили. Лишь после этого его облекли в теплый парчовый халат.

— Жрать! — хрипло приказал хазарапат, мертвой хваткой вцепляясь в поданный ему бокал вина.

Он утолял жажду, а Таллия сидела напротив, терпеливо дожидаясь, когда он заговорит. Однако Артабан молчал до тех пор, пока слуги не накрыли на стол. Велев им убираться, вельможа сел на пушистый ковер, взял рукою кусок мяса и вымолвил:

— Они дрались словно бешеные львы!

После этого Артабан впился зубами в телятину и принялся рвать ее крупными кусками — так ест сильно изголодавшийся мужчина. Он ел мясо, потом сладкие пшеничные лепешки, виноград и груши, пил бокалами вино. Таллия ограничилась куском ячменного хлеба и грушей. Плод уже переспел и был приторен. Как ни слизывала девушка с губ сладкий сок, ее подбородок все равно оказался липким. Тогда она омыла его вином и промокнула краем шелковой туники. Артабан, следивший за ее действиями, усмехнулся.

— Вот так! Принес жертву Зевсу. Быть может, он нам поможет.

Таллия ответила изящной, ничего не значащей улыбкой.

— Воин создал невероятных бойцов, — откидываясь на шелковые подушки, произнес Артабан. — Не представляю, как из сырого человеческого материала можно сотворить таких воинов. Они бьются словно одержимые, ломают копья руками, подставляют грудь под удары мечей. Это не люди, а демоны в человеческом обличье!

— Воин сам дает им пример, как следует драться.

Артабан сокрушенно покачал головой.

— Еще два таких боя, и мне пришлось бы повернуть войско обратно.

— Пришлось бы? — спросила Таллия.

— Да. К счастью, нашелся предатель, который проведет наших воинов через гору. Пять тысяч бессмертных во главе с Гидарном. Они ударят эллинам в тыл, и те окажутся меж двух огней. Тогда Воину не выстоять.

— Он знает об этом?

— Скорей всего — да.

— В таком случае он успеет отступить.

Артабан сделал глоток вина и усмехнулся.

— Думаю, нет.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Закон запрещает спартиатам отступать. Думаю, воин и его триста останутся на месте и примут последний бой.

— Ты считаешь его безумцем?

— Вовсе нет. — Вельможа рассеянно покатал ладонью опрокинувшийся от неосторожного толчка бокал, наблюдая за тем как рубиновая жидкость исчезает в ворсистой поверхности ковра. — Это своеобразный кодекс чести. Они умрут, но не отступят. Если они надумают покинуть поле битвы, матери и дети проклянут их.

Таллия вздрогнула, словно на ее нежную кожу брызнули холодной водой.

— Но это страшно!

— Конечно. С другой стороны это прекрасно. Это — смерть, о которой мечтает мой лев.

— Глупо, — твердо произнесла Таллия. — Я еще могу понять, если б их смерть влекла победу.

— Они рассчитывают победить.

Девушка скривила изящные губки.

— Как?

— Умерев. Героическая смерть вселяет мужество в живых. Триста умрут, те, кто придут за ними, победят.

— Так будет?

— Да.

— Зачем же ты тогда здесь?

Артабан пожал плечами.

— Говоря откровенно — не знаю.

Таллия бросила в рот виноградинку и сочно раздавила ее губами. Внимательно посмотрев в глаза вельможе, она спросила:

— Гумий, а что вы собираетесь делать, когда овладеете миром?

— Построим звездные крейсера и попытаемся захватить еще что-нибудь.

— И так до бесконечности.

— Наверно.

— Не выйдет. Империи рано или поздно разваливаются. Вы проиграете.

— Тогда мы начнем новую игру. И все равно — так до бесконечности.

— Но ради чего?

Артабан задумался лишь на мгновение.

— Ради игры. Тебе ли спрашивать об этом!

Девушка не ответила. Она отставила бокал и растянулась на пушистом ковре, положив голову на живот Артабана. Вельможа погладил ладонью шелковистые волосы.

— Мардоний возненавидел меня из-за того, что ты ушла ко мне.

— Он самолюбивый дурак! — отрезала Таллия. — Хотя и храбрый. А как поживает царек?

— Он знает свое место. Я приставил к нему двух людей. Достаточно одного моего слова — и царек умрет, задушенный подушкой.

— Ты умеешь брать все в свои руки! — похвалила Таллия.

— Это нетрудно, — продолжая гладить ее голову, сказал Артабан. — Ты когда-то умела делать это не хуже моего.

— Лучше. Намного лучше.

В животе Артабана заурчало, отчего по лицу девушки промелькнула быстрая брезгливая гримаска, тут же исчезнувшая. Таллия безмятежно улыбнулась.

— *Поцелуй меня.*

Она томно повернула прекрасное лицо к вельможе. Тот привстал на локте, намереваясь исполнить ее просьбу, но в этот миг раздался негромкий звонок. Артабан вздрогнул.

— Радиофон!

Отстранив Таллию, он поспешно поднялся и извлек из стоявшего у стены сундука небольшую шкатулку. Указательный палец коснулся небольшой завитушки. Послышался негромкий металлический голос.

— Гумий!

— Да.

— У меня неприятности. Враги атакуют Замок.

— Кто они?

— Точно не знаю. Но они располагают энергетическими спиралями и дестабилизируют Замок. Мне с трудом удается сохранить контроль над Шпилями. Нужна твоя помощь.

— Мгновение. Я лишь отдам приказ моим людям.

Артабан отключил связь и быстро произнес, обратившись к девушке:

— Я отлучусь ненадолго. Думаю, к рассвету вернусь. На всякий случай я оставлю письменное распоряжение. Если к утру меня не будет, передашь его сотнику Дитраву. Он знает, что нужно делать.

— Ты уверен, что там ничего серьезного? — спросила Таллия.

— Уверен. Вдвоем мы быстро справимся с напавшими на Замок. — Артабан хрустнул суставами. — Придется вылезать из этой шкуры. Не хочется, а придется.

— Это обязательно?

— Да. Ахуры не узнают меня в этом обличье.

Артабан закрыл глаза и напрягся. Негромко затрещали кости, по парче, прикрывающей тело, пробежала рябь. Облик вельможи начал изменяться. Исчез внушительный живот, плечи стали уже, руки и ноги слегка вытянулись. Подобная метаморфоза произошла и с лицом. Прошло всего несколько мгновений — и на месте Артабана стоял маг Заратустра. Он открыл глаза и устремил на Таллию их голубой взор. Девушка усмехнулась.

— Так ты смотришься гораздо лучше!

— Еще бы! Ведь это мой настоящий облик! Ладно, я пошел. Будь умницей!

Маг запустил руку в артабанов сундук и извлек оттуда портативный телепортатор. Он нажал кнопку, из прибора вырвался тонкий, почти бесцветный луч. Заратустра коснулся луча рукой и медленно растворился в воздухе. Выждав несколько мгновений, Таллия отключила упавший на пол телепортатор и улеглась на пушистые подушки. Она пила рубиновое вино, терпеливо дожидаясь ночи.

И ночь пришла.

* * *

Минуло немало времени с тех пор, как Заратустра растворился в луче телепортатора. Таллия по-прежнему полулежала на мягких подушках, обняв ладонями золотой бокал. Изредка она подносила его ко рту и делала маленький глоток, наслаждаясь терпким привкусом вина. Стемнело, и девушка зажгла несколько свечей. Из-за полога шатра доносились негромкие возгласы стражников. Где-то в горах выли волки, созывая собратьев на кровавую трапезу. Но эти далекие звуки не могли разрушить умиротворяющую тишину, в которую вплеталось пение цикад; тишину, заставляющую глаза слипаться в сладком забытьи...

Негромкий звонок разорвал тишину подобно грому. Таллия вздрогнула. Ее дыхание невольно участилось. Девушка с тревогой посмотрела на серебряную шкатулку, под резной крышкой которой прятался радиофон. Звонок прозвучал еще раз. Таллия задумчиво коснулась рукой подбородка. После третьего сигнала она решилась и коснулась рукой небольшой завитушки, прикрывавшей замочек шкатулки.

Тотчас же раздался голос. Он принадлежал не тому, одно имя которого заставляло ее сердце биться страхом. Но от этих звуков, металлически отлетающих от золототканных стен шатра, оно дрогнуло и наполнилось истомой, что посещает, когда вспоминаются сладкие мгновения минувшего. Это был голос из ее

далекого прошлого. Это был голос того, что некогда безумно любил ее, безропотно выполняя самые дерзкие капризы.

Девушка дождалась, когда голос трижды повторит сигнал вызова, затем негромко произнесла:

— Я слушаю.

Собеседник умолк и возникла пауза, наполненная взаимным смятением. Таллия почти не дышала, ожидая, когда он заговорит вновь. Неужели он узнал ее после стольких лет, или же он просто озадачен тем, что ему ответила незнакомая женщина. Но он узнал ее и назвал по имени. В его низком хрипловатом голосе было безмерное удивление и радость — то, чего ей так недоставало долгие годы.

— Да, это я, — отозвалась Таллия и живо представила себе ошеломленное выражение его лица. — Здравствуй, Командор.

Он не верил тому, что слышит ее голос. Его можно было понять. Ведь он считал свою Леду погибшей. Таллия засмеялась.

— Значит пришло время мертвецам вставать из своих могил.

Он остался недоверчив, как и тысячи лет назад, а, может быть, был просто ошеломлен. Он никак не мог поверить в то, что она жива. Он хотел знать, как ей удалось спастись из растворившегося в пламени и волнах города. Но знать ему это было совсем необязательно. И потому Таллия отрезала:

— Жива и все! Не спрашивай меня больше об этом.

Он был согласен. Еще бы он попробовал не согласиться. Ведь кому как не ему знать, что прекрасная Леда имеет привычку исчезать словно синяя птица — бесследно и безвозвратно. Он спрашивал, что она делает у Гумия.

— Я уже давно рядом с ним.

Давно. Месяц, год, столетие. В их понимании все было давно и все недавно. Ведь время не имело почти никакого значения. Пусть в его сердце вопьются коготки ревности. Ревность лишь подстегивает мужскую любовь. Когда у мужчины появляется соперник, то возлюбленная кажется ему вдвое прекрасней — тщеславие самца, терзаемого вечным сомнением в правильности своего выбора, удовлетворено, ведь его женщину оценил другой самец. Командор интересовался, знает ли о ней Русий. При упоминании этого имени Леда невольно вздрогнула, представив, что случится, если Русий и вправду узнает, что она жива. Хотя... Хотя сейчас она очень сильна. Но друг предупреждал, что разъяренный Русий может разламывать звезды.

— Он не знает обо мне. Гумий ничего не рассказал ему.

Командор предостерегал насчет Гумия. Леда была согласна — Гумий вполне мог предать, но только не ее. И не сейчас. В данный момент он всецело находился в ее власти. Леда была уверена в этом. И потому она засмеялась.

— Предать? Меня? Скажи, ты бы смог предать такую женщину?

Вопрос был чисто риторический. Он не требовал ответа, и все же Леде было приятно услышать: нет!

— Вот и он тоже. — Девушка сделала паузу, а затем поинтересовалась:

— Ты хотел поговорить с ним?

Командор ответил утвердительно. Конечно же, его интересовало, как обстоят дела. Дела, дела... Он всю жизнь думал лишь о своих делах, и в этом была его беда.

— Его сейчас нет. Он отбыл на Восток.

Как он однако рассердился! Сколько эмоций и все по пустякам. Его крик, пожалуй, могли услышать даже часовые у входа. Хотя Гумий внушил им, что он и Таллия время от времени беседуют с богами, прося их даровать парсийскому воинству победу, следовало быть осторожней. Девушка сказала, понизив голос.

— Не кричи. Все уже решено. Пять тысяч отборных воинов уже обходят гору. А что касается Гумия, так он отправился на Восток не по своей воле. Русий вызвал его во Дворец. У него какие-то неприятности.

Командор понизил голос. Леде почему-то показалось, что он доволен тем, что у его сына не все ладно. Наверняка доволен. Хотя бы потому, что у него тоже были какие-то проблемы. Пришлось поинтересоваться какие, хотя это было совсем ни к чему.

— Что случилось у тебя?

Судя по его словам, Командор воевал с восставшими артефактами. Из рассказов Гумия Леде было известно, что Командор создал себе сильных помощников, обладающих стабильным энергетическим полем. Гумий считал это ошибкой. Леда вообще придерживалась мнения, что создание любых энергетических помощников, которые в любой момент могут выйти из-под контроля, является недопустимой глупостью. Куда вернее иметь в качестве слуг трусливых и падких до денег людей.

— У него тоже неприятности с демонами, — как бы невзначай сказала она. — Совпадение ли?

Командор считал это совпадением и уговаривал не волноваться. Ее не надо было уговаривать. Она никогда не волновалась. Ни любовь, ни страх, ни ярость не могли вызвать у нее волнения. С тех пор, как она познала звезды, ее душа стала холодна как лед. Командор хотел придти к ней.

— Приходи. — Таллия едва заметно усмехнулась. — Но ты уверен, что у тебя все в порядке?

Она задала этот вопрос как раз в тот момент, когда все началось. Таллия поняла это, потому что в голосе Командора появилось волнение. Но он еще не до конца осознал, в чем дело, и храбрился, обещая навести порядок, а затем прийти к ней. Ну что ж, не стоило отнимать у него надежду.

— Я буду ждать тебя. Славной ночи тебе...

На этом их разговор оборвался. Улыбнувшись своим мыслям, Таллия вернула завитушку на прежнее место, поднялась и начала одеваться. Она знала, что Командор уже не придет.

* * *

Мало кто мог заснуть в эту последнюю ночь. Каждый понимал, что должен выспаться, чтобы вернуть силы, и каждый сопротивлялся сну, потому что завтра им всем предстояло заснуть навечно. Эллины разожгли костры и расселись вокруг них. Огонь негромко потрескивал, поедая сухую древесную плоть. Воины молчали, устремив глаза на оранжевые язычки пламени. Самые деятельные готовились к последнему бою — точили мечи и копья, чинили поврежденные вражеским оружием доспехи. Но таких было немного. Большинство просто сидело и смотрело на огонь. Он завораживал своей медленной игрой и, чтобы не заснуть, воины вели неспешный разговор. Они говорили о чем-то своем и в общем, но никто ни словом не обмолвился о том, что ожидало завтра. Никто не хотел разрушать очарования последних мгновений.

Леонид расположился около самого большого костра, разожженного посреди лагеря. С ним сидели воины его эномотии, несколько убеленных сединами гомеев и Гилипп. Здесь же был и отважный беглец с мидийского корабля, назвавшийся киммерийцем Дагутом. Спартиаты негромко беседовали, царь слушал их разговор, рассеянно ковыряя прутиком багровеющие угли. Речь шла о доблести. О чем еще можно говорить в такую ночь! Вспомнили о Менелае и Диоскурах, об отважных врагах Спарты Аристодеме и Аристомене. Гилипп воодушевленно декламировал зовущие на подвиг строки Тиртея.

Воины те, что дерзают: сомкнувшиеся плотно рядами,
В бой рукопашный вступить между передних бойцов,
В меньшем числе погибают, а сзади стоящих спасают,
Трусов же жалких вся честь гибнет мгновенно навек.

Называли имена героев из других земель — эфиопа Мемнона и мидянина Кира, Мегистий поведал историю благородного Зопира[1]. Плохо знавший койне киммериец долго прислушивался к разговору и, дождавшись паузы, внезапно вставил:

— Конан.

При упоминании этого имени царь резко поднял голову и взглянул на Дагута. На его плечах точно по сигналу вздулись могучие бугры мышц, через миг они расслабились, возвращая тело к блаженной истоме.

— Кто такой этот Конан? — поинтересовался Гилипп. — Я впервые слышу это имя.

— Конан — воин из рода киммерийцев, самый величайший герой, когда-либо живший на свете! — с достоинством ответил Дагут.

— Если он и в самом деле величайший герой, то почему мы ничего не слышали о его подвигах?

Киммериец пожал плечами.

— Наши сказители утверждают, что он жил так давно, что лишь самые седые скалы помнят легкую поступь его ног. Ко-

нан победил великое множество врагов и создал могучее царство.

Эфор снисходительно усмехнулся.

— И куда же оно подевалось?

— Его сокрушили дикие народы Севера, пришедшие спустя много лет после того, как исчез Конан.

Гилипп покачал головой.

— Герои не исчезают.

— Но он исчез. Ушел и о нем никто больше не слышал.

— Чудна твоя сказка, чужеземец, — сказал эфор, ревниво относящийся ко всякой попытке оспорить первенство эллинов в бранной славе. — И не было никакого Конана, иначе Гомер или Тиртей донесли б до нас его имя, как донесли имена Ахилла и Диомеда, Аякса и Одиссея.

Спартиаты дружно кивнули, соглашаясь со словами своего товарища. Киммериец помрачнел.

— Он был, — внезапно сказал Леонид. Царь поднял голову и обвел взглядом сидящих у костра людей. — Он был, я слышал о нем.

— Почему в таком случае ты никогда не упоминал его имени, если он и вправду был великим воином? — спросил Гилипп, заподозривший, что Леонид просто желает ободрить хвастуна-киммерийца.

— Я полагал, что о нем позабыли. Ведь минуло множество лет с тех пор, как исчезли рыцарские королевства и колдовские державы востока. Люди уже не помнят ванов и котхийцев, аквилонцев и пиктов.

— Да-да! — восторженно подхватил киммериец. — Король Конан правил как раз Аквилонией!

— И не только ей, — сказал Леонид. Его устремленные на костер глаза неподвижно застыли, в голубых зрачках плясал бешеный огонь пожаров.

— Так расскажи нам, царь, об этом воине. Поведай о его жизни и деяниях. Пусть его великие дела подвигнут бойцов на подвиги! — немного напыщенно воскликнул Гилипп.

— Чтоб выслушать историю его жизни, потребовалось бы бессчетное множество ночей. Я расскажу лишь о том, что неизвестно даже киммерийским сказителям, хоть им и ведомы предания самой седой старины. Я расскажу о последнем походе Конана, варвара из Киммерии.

Царь устроился поудобнее.

— Начать свой рассказ о Конане мне хотелось бы следующей фразой: «Король Конан был стар, очень стар». Мне хотелось бы расписать его хвори, болезни, показать трясущиеся от пьянства руки и похотливый взгляд, который он бросает на аккуратные попки молоденьких девушек. Мне хотелось бы показать его дряблые мышцы и сытый животик. Ведь именно таков финал жизни людей, сменивших полную опасностей судьбу на клетку, имену-

емую королевским дворцом. Это мечта любого рассказчика — показать героя, вдруг ставшего толстопузым развратником и трусом, или негодяя, отчего-то решившего пожертвовать собственной жизнью ради спасения чужой. Это парадокс: белое — в черном, черное — в белом. Именно это наиболее интересно в человеке, создании, облаченном в костюм домино.

Ведь человек не может быть выкрашен одним цветом. Он — в многоцветную полоску. И как бы хотелось представить Конана именно таким. И я бы поступил так, не раздумывая ни мгновения, не будь мой герой варваром из Киммерии. Как сладко звучит — варвар! А варвар более, чем человек. Он может потерять все, кроме своей дикой сути. Он рожден ломать шеи зажравшимся и погрязшим в неге народам. Поэтому моя история будет правдивой, именно такой, какой ее слышал я.

Итак, я расскажу вам быль о последнем походе Конана, варвара из Киммерии.

Последний поход Конана, варвара из Киммерии

1

Король Конан был стар, очень стар. Три десятилетия минуло с того дня, когда удачливый авантюрист-киммериец овладел троном Аквилонии, задушив перед этим полубезумного короля Нумедидеса. Три десятилетия непрерывных войн и приключений, в ходе которых противниками аквилонского короля выступали не только правители соседних государств, но и маги, колдуны, волшебники, пускавшие в ход чары древнего Ахерона, Лемурии и Туле. Одна и волшебство, и многотысячные армии Немедии, Офира, Котха, Аргоса и Британии, и полудикие воинственные орды киммерийцев и пиктов оказались бессильны перед мощью Аквилонии, возглавляемой самым бесстрашным и умелым воином того времени — Конаном-киммерийцем.

Постепенно все государства были вынуждены признать законность его власти над королевством, большинство из них заключили союз с грозной Аквилонией, многие попали в прямую зависимость от нее. Армия Конана захватила Аргос, который вскоре был официально включен в состав Аквилонии, провозглашенной к тому времени империей. Аквилонские купцы получили свободный выход в Западный океан, что не замедлило благотворно сказаться на состоянии экономики. Затем силой оружия был установлен протекторат над Зиггарой, правитель которой фактически превратился в наместника Конана. Притихли, устрашенные мощью аквилонской конницы, Немедия, Офир и Котх. Многочисленные крепости, воздвигнутые в Боссонском приграничье, обезопасили империю от набегов пиктов. В них стали селиться киммерийцы, охотно принимаемые королем-варваром на службу.

Покровительствуемые правительством, снизившим налоги, процветали ремесла, бурно развивалась торговля. Крестьяне, не опасавшиеся больше набегов диких племен и вторжения вражеских армий, увеличивали посевы ячменя и пшеницы; из Шема и Стигии были завезены новые растения, отлично прижившиеся на плодородных землях Аквилонии. Привлеченные богатством империи, роскошью королевского двора, щедростью Конана в Тарантию устремились лучшие певцы и актеры, художники и поэты. За треть века Аквилония превратилась в мощнейшую державу мира, сравнимую по величию и могуществу с существовавшими некогда Атлантидой и Лемурией.

Долгая, бурно проведенная жизнь могла утомить любого человека, даже такого могучего воина как Конан. Но утомить не битвами и сражениями, а бесконечными дворцовыми церемониями и бумажной волокитой. Владыке столь могущественной империи было не к лицу возглавить пятитысячный отряд, отправляющийся отразить набег пиктов, или выступить с карательным войском на Офир, задерживающий выплату дани. Для этого существовали полководцы, среди которых Конан особенно жаловал сильно постаревшего, но все еще бодрого Просперо, а также три сына, рожденные немедийкой Зенобией. Они и командовали аквилонскими отрядами, поддерживавшими авторитет и влияние империи, а Конан был вынужден проводить время в королевском дворце в Тарантии.

Тем, кто знал Конана в прежние годы, казалось, что время не властно над королем. Тело его было как и прежде подобно могучему дубу. Мощные, обвитые узлами иссеченных в боях мышц руки могли разорвать толстую медную цепь. Ноги, правда, потеряли былую выносливость, но не нашлось бы в королевстве человека, способного расколоть ударом стопы толстый кирпич, а Конан без труда проделывал этот трюк. Столь же стремительной осталась реакция, а чуть ухудшившееся в последние годы зрение не мешало киммерийцу нанизывать стрелою восемь из девяти колец.

Ни один рыцарь в гиборийском мире не мог сравниться с аквилонским королем в рукопашном бою. Не утратив и толики своей гигантской силы, Конан приобрел мудрость, а слава непревзойденного во всех веках воина давила на сознание его противников, заставляя их допускать роковые ошибки. Правда, в последнее время расплатой за эти ошибки была лишь вмятина на шлеме или латах, да еще огромный кубок вина, который проигравший должен был выпить за здоровье аквилонского короля. Затем, повесив затупленный меч на стену, король удалялся в свой кабинет, где его ждал канцлер Публий, опиравшийся рукой на гору неподписанных бумаг.

Не претерпели особых изменений внешность и привычки короля. Черты его лица оставались резки, словно высеченные из грубого камня, лишь к многочисленным шрамам добавились кое-

где суровые морщины. Голубые глаза как и в молодости горели воинственным огнем. Падающую на плечи гриву черных волос не тронула ни единая седая прядь. Король по-прежнему оставался неутомимым любовником, но теперь он реже предавался этому занятию, словно опасаясь огорчить память скончавшейся в расцвете сил и лет королевы Зенобии. Конан не изменял своему пристрастию к доброму вину и на вопрос иноземных гостей, как ему удается сохранить такое великолепное здоровье, он неизменно отвечал:

— Побольше женщин, жареного мяса, а главное — доброго вина!

А про себя добавляя:

— И приключений.

Увы, с чем-чем, а с приключениями стало не густо. Конан все чаще вздыхал, провожая с балкона дворца аквилонских рыцарей, отправляющихся к Пиктской пуще или пограничному с Офиром Тибору.

Так было и в тот день. Конан отправлял в поход против вторгшихся через пограничное королевство асов войско во главе со своим старшим сыном Фарradом. Напутствовав принца в дорогу и дав ему несколько советов относительно того, какую тактику следует избрать в войне против диких сердцем кочевников, Конан проводил его до обшитых золотом дворцовых ворот, а затем долго смотрел вслед удаляющемуся войску. Когда последние колонны воинов скрылись за стенами окружавших королевский дворец храмов и усадеб знати, Конан вернулся в свои покои. В такие дни ему бывало особенно грустно. Послав слугу за Вентеймом — гвардейцем, который славился как непревзойденный боец на мечах, король спустился в огороженный гранитной стеной двор, где обычно тренировались воины. Сейчас он был пуст. Треть гвардии ушла в поход с Фарradом. Еще треть была отправлена к Пиктской пуще. Оставшиеся гвардейцы охраняли городские стены и внутренние покои дворца.

Когда Вентейм явился на зов повелителя, Конан уже облачился в кольчугу и шлем. Они не стали терять времени даром и сразу перешли к делу. Сняв с закрепленного на стене стеллажа тяжелые учебные мечи с затупленными лезвиями, они сошлись посреди посыпанной песком площадки. Конан раскрутил кистью меч и нанес первый удар. Гвардеец парировал его и тут же контратаковал. Клинки словно молнии засверкали в руках бойцов, достойных друг друга.

Вентейм был и в самом деле очень опасным противником. Молодой, прекрасно сложенный, он вдобавок ко всему обладал великолепной техникой. Гигантский двуручный меч легко летал в его руках, то и дело грозя ужалить короля.

Конан, который был без малого втрое старше своего противника, не уступал ему ни силой, ни быстротой реакции. Чуть погрузневшее тело порой не успевало вовремя раскрутиться для

нового выпада, но король компенсировал этот недостаток грандиозным арсеналом боевых приемов, изученных им за десятки лет непрерывных битв и поединков.

Бились они бескомпромиссно, в полную силу. Время от времени тусклая сталь с глухим звоном ударялась в кольчугу или шлем одного из бойцов. Затупленный меч и прочный доспех предохраняли от серьезной раны, но все же попадания были весьма болезненны.

Поединок продолжался довольно долго, много дольше, чем может выдержать обычный боец. Соперники с оглядкой атаковали друг друга, пытаясь поймать на контрвыпаде. Наконец Вентейм предпринял решительную атаку. Подсев под взмах Конана, он дождался, когда меч со свистом пронесется над его головой, и нанес удар в живот короля. Любой другой воин вряд ли бы сумел парировать этот стремительный выпад, который в реальном бою стоил бы ему жизни, но Конан успел отреагировать. Закованной в сталь рукой он отбил клинок Вентейма, и в тот же миг рукоять королевского меча опустилась на шлем гвардейца. В последний момент киммериец смягчил удар, но все равно тот оказался достаточно силен, чтобы повергнуть Вентейма на землю.

Весьма довольный собой, Конан помог воину подняться, заметив:

— Сегодня ты был особенно хорош. Я пропустил пять твоих ударов.

Ощупывая рукой здоровенную шишку на голове, гвардеец пробормотал:

— Но я пропустил девять.

— Ничего! Еще лет пять и ты сможешь биться со мной на равных! — смеясь, заявил Конан.

Вентейм собрался парировать королевскую шутку, но не успел. В нескольких шагах от них вдруг возникло ослепительное крутящееся облако. Не успели бойцы вскинуть мечи, как облако накрыло их. Вентейм чувствовал, как его тело окутывает густая слизистая масса, ощупывающая кожу мириадами острых иголочек. Преодолевая сопротивление облака, он все же вскинул меч и рубанул им перед собой. И в тот же миг мир раскололся на тысячу ослепительных осколков.

Прошло немало времени, прежде чем Вентейм очнулся. Оглядевшись, он обнаружил, что лежит на песке тренировочной арены. Рядом валялся искривленный меч.

Король исчез.

2

Над ухом Конана раздался дикий рев. Реакция короля, выработанная многими годами тренировок и опасностей, была мгновенной. Он стремительно откатился в сторону подальше от источника звука и, вскакивая на ноги, одновременно лапнул себя ладонью по левому бедру, где обычно висел меч. Однако ни

выпрямиться, ни выхватить оружие Конану не удалось. Его голова встретила какое-то препятствие, после сокрушительного столкновения с которым киммериец вернулся в исходное положение. Извлечь меч также не было суждено. Меч исчез, как исчезли и многие атрибуты одежды.

Рядом послышался звонкий смех. Только теперь Конан открыл глаза. То, что он обнаружил, было малоприятно и очень унизительно. Пожалуй, так сильно киммерийца не унижали ни разу в жизни.

Он сидел в клетке из стволов бамбука, находившейся посреди лесной поляны. Прямо перед ним стоял яфант — гигантский зверь с двумя хвостами, о котором Канон прежде знал лишь понаслышке. Некогда яфанты обитали и в гиборийском мире, но со временем они исчезли, оставив о себе память в виде груд белеющих костей, используемых резчиками для удивительно изящных поделок. Яфант задрал росший прямо из морды пустотелый хвост и громко трубил в него.

Клетку и зверя окружали несколько сотен хохочущих женщин. Молодых и не очень, некрасивых и весьма симпатичных. Спустя мгновение аквилонский король сделал еще одно неприятное открытие. Вместе с мечом исчезла и вся его одежда — сплетенная волшебником из Кхитая кольчуга, выдерживающая удары стальных мечей, атласные шаровары, сафьяновые сапоги, плащ и немедийский шлем. Конан был совершенно наг, если не считать узенькой повязки, охватывавшей его бедра.

Увидев, с каким изумлением пленник разглядывает себя, девушки развеселились еще больше.

Конан тем временем анализировал ситуацию, пытаясь понять, где и каким образом очутился. Однако его воспоминания обрывались сценой появления на тренировочной арене колдовского облака. Далее следовал провал. Очевидно, его похитил какой-то могущественный маг, который вскоре горько пожалеет, что решился сыграть подобную шутку с королем Аквилонии.

Впрочем, король был склонен признать, что пока ситуация выглядела скорее не трагичной, а комичной. Словно фарс, дурно разыгранный королевскими шутами. Но Конан умел посмеяться и над не слишком удачной шуткой, а кроме того его раззадорила необычность ситуации — величайший воин Земли сидит в клетке, окруженной сотнями жизнерадостных девиц. Что ж, король был не прочь поддержать шутку.

Клетка, в которую его поместили, была сделана из массивных, в человеческую руку толщиной, стволов молодого бамбука. Разрушить ее было по силам лишь волшебнику или яфанту, который к этому времени перестал трубить и вполне дружелюбно взирал на попавшего в ловушку двуногого. Хохотавшие девицы знали об этом, но они не представляли себе истинной силы киммерийца. Поэтому, когда Конан ударил в один из деревянных стволов могучим плечом, женщины буквально зашлись от смеха.

До слез. Но тут последовал другой удар, за ним третий. Двухвостый зверь вновь затрубил. Ликующе, словно приветствуя стремление пленника освободиться из неволи. После шестого или седьмого удара бамбуковый ствол затрещал. Тогда Конан отошел в противоположный угол клетки и с разбега ударил по решетке обеими ногами. Удар был столь силен, что расколол бамбуковый ствол сразу в двух местах. Образовалась приличных размеров дыра. Смех словно по команде стих. Но король был слишком горд, чтобы уподобляться кролику или земляной крысе, ползущей из норы. Он ухватился за торчащий из дна клетки обрубок. Огромные рельефные мышцы очертили тело Конана четким силуэтом. Девушки уже не смеялись. Они смотрели на Конана с плохо скрываемым восхищением, к которому примешивались нотки почтения и даже страха.

Раз! Конан с хрястом вырвал обломок бамбукового ствола. Еще один мощный рывок — и путь был свободен. Киммериец покинул клетку и, распрямившись во весь свой гигантский рост, скрестил на груди руки.

Из толпы вышла женщина. Она была весьма хороша собой. Среднего возраста, лицо чуть смуглое, правильное, с ослепительно белыми зубами. Длинные пушистые ресницы прятали изумруды смелых глаз. Фигура ее была пропорциональной, если не считать того, что одна грудь казалась меньше другой. Этого, впрочем, Конан не мог утверждать с абсолютной уверенностью, так как на незнакомке был длинный, ниспадавший свободными складками хитон.

— Добро пожаловать, король Конан, в нашу страну! — произнесла жещина по-гиркански с едва заметным акцентом. При этом она слегка поклонилась, разведя в стороны руки так, что стали хорошо видны украшавшие ее запястья браслеты с огромными малиновыми гранатами.

Услышав, на каком языке произнесено приветствие, Конан слегка озадаченно огляделся. Местность, где он находился, совершенно не напоминала Гирканию с ее выжженными степями и мертвыми плоскогорьями. Здесь, напротив, было буйство растительности, переливающейся всеми оттенками зеленого, красного и желтого цветов. Влажная сочность окружавшего поляну леса заставляла думать, что он очутился в Вендии или тропических лесах Куша.

— Не очень вежливый способ приглашать в гости, — заметил Конан вместо ответного приветствия.

— У нас свои понятия о вежливости, — холодно сообщила незнакомка. — Скажи спасибо, что я не велела расстрелять тебя из луков.

Только сейчас киммериец заметил, что точно напротив него стоит шеренга из двадцати девушек, вооруженных небольшими луками. Конан мог поклясться, что эти девицы не смогут даже толком натянуть тетиву. Будь у него доспехи, он бы вмиг раски-

дал этих дамочек по ближайшим кустам. Но лезть на стрелы голой грудью и с голыми руками чистое безумие, поэтому Конан сдержался от усмешки и сказал:

— Я вижу, ты знаешь мое имя. Так назови мне свое.

Собеседница ослепительно улыбнулась.

— Меня зовут Сомрис. Я царица амазонок. — Это заявление слегка изумило Конана, но он не подал виду. — Мы намеревались внести тебя в Аржум в клетке, подвешенной между двумя ани, но уж коли ты сумел освободиться, вызвал наше восхищение, я разрешаю тебе войти в город гостем, а не пленником.

— Очень мило с твоей стороны, — заметил Конан. — Не проявит ли царица еще одну любезность, вернув гостю его одежду?

На какое-то мгновение Сомрис задумалась, а потом промолвила:

— Тебе вернут штаны и сапоги. В знак моего особого расположения.

По ее знаку одна из девушек принесла и подала киммерийцу вышеназванные предметы одежды. Облачаясь, Конан не мог не отметить, что у его хозяек весьма странное понятие о форме выражения благосклонности. Знатный гость, да и просто воин или путешественник, прибывший в Тарантию, мог в первый же день попросить себе одежду из королевских складов. Когда Конан решил ввести эту традицию, многие вельможи кричали, что это ничем не оправданное расточительство. Однако время доказало несомненную пользу этого нововведения. Подчеркнуто ласково относясь к иноземным гостям, Аквилония поднимала свой престиж. Одетые в дармовую одежду иностранцы на каждом углу прославляли щедрость аквилонского короля, многие из них становились его верными слугами.

Но Конан не собирался входить в чужой монастырь со своим уставом. Крепко утянув кожаный пояс, он подошел к царице.

— Готов следовать за вашим величеством.

Высокая по сравнению со своими спутницами, Сомрис была на голову ниже гиганта киммерийца. Она внимательно оглядела покрытый упругими желваками мускулов торс и тихо усмехнулась своим мыслям. Затем хлопнула в ладоши.

— Подвести ко мне ани.

Из лесной чащи вышел еще один яфант. На его спине была прикреплена ремнями небольшая, изготовленная из дерева кабинка, перед которой сидел погонщик. Это был первый мужчина, увиденный Конаном в стране амазонок. Худой, словно тростниковый стебель, с небрежно обритой головой, он был облачен лишь в узкую набедренную повязку. Вид у него был весьма жалкий.

Повинуясь знаку погонщика, яфант преклонил перед царицей колено. Сомрис не сразу залезла на спину животного. Немного подумав, она обернулась к киммерийцу.

— Я не могу позволить тебе ехать на ани. Это против наших

обычаев. Но принимая во внимание, что у себя на родине ты занимал высокое положение, я разрешаю тебе ехать рядом с моим ани на лошади.

Конан отнюдь не горел желанием карабкаться на спину гиганта. Поэтому он вежливо поблагодарил царицу, запрыгнул на подведенную ему лошадь и пустил ее шагом рядом с неспешно идущим по дороге яфантом.

Процессия выстроилась согласно строгому церемониалу. Впереди на невысоких быстрых коньках скакала группа девушек, вооруженных луками. Будто опасаясь нападения, они внимательно осматривали местность. Некоторые из всадниц то и дело оборачивались, бросая на Конана любопытные взгляды.

Следом за авангардом двигался яфант, на котором сидела царица. Конан скакал слева от двухвостого гиганта. Его окружала группа девушек, вооруженных короткими мечами, больше смахивающими на кухонные вертелы. Правда, рукоятки этих «вертелов» были украшены яфантовой костью и драгоценными камнями. Далее неспешно двигались еще два ани, но погонщиками на них были девушки. На спине одного из животных была приторочена плетеная корзина. Конан подозревал, что в ней лежат его доспехи и меч. За яфантами скакали на лошадях остальные девушки. Часть их была вооружена луками, мечами или короткими копьями, некоторые вели на тонких медных цепях небольших пардусов.

Дорога, по которой они двигались, пролегала сквозь густой лес, очень похожий на вендийские джунгли. Но Конан был уже твердо уверен, что он не в Вендии.

Покачиваясь на лошади под бдительными взглядами охранниц, он вспоминал что ему известно об Амазоне — державе женщин-воительниц. А известно ему было совсем немного. Давным-давно плавая на корсарском судне Белит, он слышал рассказы одного из моряков, которому, если верить его клятвам, удалось побывать в Амазоне. Моряк рассказывал, что этой страной правят жестокие женщины, подвергающий мужчин страшным и унизительным пыткам. Он поведал о ритуальных убийствах захваченных в плен моряков, о жертвоприношениях кровавой богине новорожденных мальчиков, об оргиях, заканчивающихся каннибалистическими трапезами. Эти истории были слишком фантастичны, чтобы поверить в них.

Еще раз киммериец слышал о стране амазонок от негра-каннибала из Дарфара. Когда тот рассказывал о своем пребывании в Амазоне, его толстые руки, погубившие не один десяток жизней, мелко дрожали.

Последний рассказ об этой загадочной стране Конану довелось слушать совсем недавно. Его дворец посетил бежавший с Черного континента жрец-миссионер, возмечтавший обратить дикие племена в приверженцев Митры.

Жрец не собирался посещать лежащий на самом краю мира

Амазон. Его планы не шли дальше Дарфара и Кешана. Но судьбе было угодно распорядиться иначе. Во время путешествия в столицу Кешана Кешию караван, к которому он присоединился, подвергся нападению разбойников из черных королевств. Большинство захваченных в плен путников были тут же умерщвлены, однако жреца оставили в живых, как он понял позднее, из-за белого цвета кожи.

Разбойники обменяли жреца на мешочек золотого песка. Так он оказался в рабстве у амазонок. Несчастному пришлось претерпеть немало мук, о которых жрец рассказывал не слишком охотно, прежде чем он и еще двое невольников сумели убежать в Зимбабве, а затем через Иранистан, Туран и Котх вернуться в западные королевства.

Конан со стыдом вспомнил, что посмеялся над рассказом жреца, хотя и приказал одарить его серебряной цепью.

Теперь легенда, в которую он упорно отказывался поверить, превратилась в реальность.

Издалека донесся рев труб. Конан поднял голову и прищурил глаза. Из джунглей, словно по волшебству, появились сложенные из белого известняка стены. Это был единственный город Амазона Аржум.

3

Город был невелик и грязен. У киммерийца создалось впечатление, что весь он состоит из вытянутых каменных домов, весьма смахивающих на казармы, жалких лачуг и многочисленных конюшен и яфантариев. Конан не заметил ни одного кабака, ни одного дома с красным фонарем. Это было вполне объяснимо. Ведь кабаки и бордели существуют для мужчин, а последние не пользовались в этом городе почетом.

В Аржуме с высоко поднятой головой ходили лишь женщины. И мужчины, приученные смотреть в землю, с немалым изумлением взирали на голубоглазого великана, гордо восседавшего на стройном рыжеватом жеребце.

Небольшой дворец царицы Амазона не шел ни в какое сравнение с величественными хоромами аквилонского короля в Тарантии. Стены его были сложены из мягкого розового туфа, крыша выстлана обычной черепицей. Внутренняя отделка покоев также была весьма скромной. Здесь не было ни массивных мраморных колонн, ни серебряных ваз, ни статуй из электра. Внимание царя привлекли лишь залы, отделанные черным деревом, но оно в этих краях росло в изобилии и не представляло особой ценности, как, скажем, в Аквилонии или Немедии. Кроме того определенный интерес представляли изящные каменные статуи, созданные скорей всего руками невольника из Офира.

Тотчас по прибытию во дворец Конана отвели в небольшую комнату и объявили, что он должен дожидаться воли царицы. Киммериец не стал протестовать, понимая, что это бессмыслен-

но. Он забрался с сапогами на устланное тигровыми шкурами ложе и стал насвистывать веселый мотивчик, подхваченный им некогда у пиратов черного побережья. При этом он размышлял, что за сила забросила его в лежащее на самом краю земли государство.

Королю были известны лишь два колдуна, чья магия могла переместить человека в пространстве. Это были Пелиас, который помог Конану одолеть могущественного Тзота-ланти, и Хадрат, овладевший волшебным камнем, известным как сердце Аримана. Но Пелиас был добрым союзником короля Аквилонии, а Хадрат, по слухам, отошел от дел. По крайней мере у него не было причин, чтобы доставить Конану крупные неприятности. Значит, появился еще один маг, владеющий тайным искусством Стигии или Ахерона.

Думы киммерийца прервал легкий стук в дверь. Вошел слуга — невысокий человечек с восточными чертами лица и обритой головой. Он поставил перед королем поднос с едой и собрался было уйти.

— Эй! — окликнул его Конан, хватая за тощий локоть. — В этом королевстве мода на убогую одежду?

Слуга, как и другие мужчины, виденные киммерийцем, был облачен лишь в узкую набедренную повязку.

Человечек затрясся. Он покорно стоял на месте, понимая, что не в силах вырваться из могучих рук гиганта, но не говорил ни слова.

— Ты глухой?

Понял или не понял слуга суть вопроса, но он отрицательно покачал головой. В этот миг в комнату заглянула одна из охранниц, обеспокоенная слишком долгим отсутствием посыльного. Не говоря ни слова она подошла к человечку и наградила его могучим подзатыльником. Тот не удержался на ногах и со всего маха ударился в стену. Женщина занесла руку для нового удара, но Конан перехватил ее за кисть.

— Ты что, ополоумела?

Стражница попыталась освободиться, но с таким же успехом можно было попробовать вырвать вековой дуб, выросший на камнях Асгарда. Тогда она позвала на помощь. На ее крик прибежали пять или шесть воинственно настроенных девиц, тут же направивших на киммерийца луки. Тот неохотно отпустил пленницу.

— Запомни! — веско произнесла она, обретя свободу, — Ферул никогда не должен прикасаться к госпоже без ее разрешения. За ослушание смерть!

Киммериец пожал могучими плечами и послал девиц в путешествие за море Вилайет. В его стране относились к женщинам с должным почтением, но никогда не переступали в нем разумных границ. Охранницы заметно оскорбились, но препираться не стали. Награждая слугу тычками, они вышли из комнаты, оставив варвара в одиночестве.

Теперь Конан мог уделить внимание трапезе, которая оказалась сносной, хотя и не столь обильной, как у него дома. Здесь были здоровенный кусок мяса, сыр, плоская лепешка и кувшин вполне приличного пива. Конан проглотил все это в считанные мгновения. Затем он вновь устроился на ложе и приготовился продолжить изучение паутин на потолке.

Однако не успел он досчитать до трех, как в комнату вошла молодая девушка. Она отличалась от прочих нежными чертами лица и стройной девственной фигуркой. В ее серых глазах проскальзывала беззащитность, что так привлекает сильных мужчин. Рассматривая чуть зардевшееся от смущения лицо, Конан подумал, что не прочь потолковать с ней о звездах где-нибудь в укромном уголке.

— Меня зовут Опонта, — тоненьким голоском произнесла гостья. — Я спутница царицы Сомрис. Я пришла передать тебе приглашение царицы явиться на пир.

— Лучше бы ты передала мне свое приглашение, — заявил киммериец, чувствуя как молодой огонь заиграл в его жилах. — А вообще-то у вашей царицы довольно странные манеры — сначала накормить гостя, а уж потом звать его на пир. Хорошо, что мой желудок рассчитан по крайней мере на пять трапез, подобных той, которую я съел только что.

Девушка отрицательно покачала очаровательной головкой.

— Ты приглашен на пир не для того, чтобы есть. Это противоречит нашим обычаям. Царица и так нарушила их, позвав тебя. Ты не сможешь попробовать ни одного блюда.

— Что же я в таком случае буду делать? — изумился Конан.

— Сидеть и беседовать с царицей.

— И смотреть на то, как вы набиваете свои животы! Ну и гостеприимство! Не пойду!

Амазонка подошла к Конану и положила руку на его плечо. Она рассчитывала, что жест получится властным, но он вышел скорее ласковым.

— Тогда тебя поведут силой.

Киммериец представил как толпа красоток тщится сдвинуть его с места и расхохотался.

— Ты что? — подозрительно спросила девушка.

— Да нет, ничего. — Конан вытер загорелой рукой выступившие от смеха слезы. Затем он с откровенным вожделением посмотрел на Опонту. — Пожалуй, я пойду на ваш пир, но только в том случае, если получу приглашение от тебя.

Явно польщенная подобным вниманием, девушка улыбнулась.

— Это невозможно. Я никто. Я не имею права пригласить на пир даже подругу, не говоря уже о мужчине.

— А я и не требую от тебя официального приглашения. Достаточно, если ты скажешь, что будешь рада видеть меня на этом пиру.

— И все? — Девушка улыбнулась. — Извольте. Я буду очень рада видеть тебя на нашем пиру. Ты удовлетворен?

— Вполне. — Конан спрыгнул с ложа. — Идем, моя королева!

Для начала он попытался слегка обнять девушку, но та стремительно, словно испугавшись, отшатнулась. Недовольно ворча на местные порядки, король двинулся вслед за провожатой.

Они прошли через несколько покоев, поднялись по резной лестнице на следующий этаж и оказались в большом помещении, подготовленном для пира.

За окнами была уже ночь, поэтому трапезную залу освещали факелы, во множестве укрепленные на каменных стенах. Царица сидела во главе подковообразного стола. На ней было роскошное синее платье, руки украшали массивные золотые браслеты, голова была увенчана драгоценной диадемой. Конан с удивлением отметил, что рядом с ней сидит мужчина. Темный плащ, чисто выскобленное умное лицо свидетельствовали о том, что он, скорее всего, из жреческого сословия. При появлении Конана царица чуть приподнялась с кресла и указала гостю на место рядом с собой. Опонта встала за спиной повелительницы.

Конан занял отведенное ему кресло, жалобно пискнувшее под его могучим телом. Сомрис с любопытством посмотрела на короля и хлопнула в ладоши. Пир начался.

У входа в залу появился облаченный в некое подобие стигийского фартука распорядитель. По его знаку слуги-мужчины, среди которых были и белые, и даже несколько кхитайцев, внесли большие медные подносы с яствами. Здесь были мясные и рыбные блюда, диковинные плоды, сладости. Гвоздем программы было неведомое киммерийцу животное, смахивающее на небольшого свинообразного быка. Искусные повара приготовили его целиком, нафаршировав освобожденное от внутренностей чрево тушками мелких грызунов и тропическими фруктами.

Царица подняла наполненный вином кубок и предложила тост за здоровье гостя, короля Аквилонии. Опонта не обманула. Ни Ковану, ни сидевшему по другую руку от царицы жрецу вина не налили. Подобный прием не понравился киммерийцу, но он промолчал.

Амазонки тем временем разгулялись вовсю. В умении пить они мало уступали аквилонскому или немедийскому рыцарству, явно превосходя слабых в этом отношении жителей Котха и Стигии. Они вливали в свои глотки полные кубки вина, заедая выпитое здоровенными кусками мяса и рыбы. Сомрис ела и пила умереннее, время от времени бросая взгляды на Конана. Киммериец выглядел невозмутимым. Скрестив на груди могучие руки, он бесстрастно глядел на разгорающуюся вакханалию.

Как он и ожидал, вскоре пирующие были поголовно пьяны. Две плотного телосложения девицы пытались выяснить между собой отношения, третья намеревалась разнять их с помощью

ножа, остальные громко требовали музыки и развлечений. Сомрис обернулась к Опонте и что-то шепотом приказала ей. Кивнув, девушке вышла за дверь.

Вскоре она привела группу мужчин, тащивших с собой барабаны, различные трубы и дудки, а также странные инструменты, подобных которым киммериец никогда не видел. Основу их составляла полая изнутри деревянная емкость с отверстием посередине. Сбоку к емкости была приделана выструганная из дерева планка с натянутыми жилами. Когда пальцы касались этих жил, инструмент издавал своеобразный, очень мелодичный звук.

Повинуясь жесту царицы, музыканты начали играть. Мелодия напоминала вендийскую. Под тихие звуки флейт на середину залы выскользнули два смуглолицых юноши. Они были совершенно наги, если не считать браслетов и серебряного обруча на поясе. Извиваясь гибкими телами, они начали страстный, граничащий с непристойностью танец, подобный тем, что танцевали в Хоршемиже бесстыжие котхийки. Амазонки смотрели на юношей с плохо скрываемым вожделением. Конан яростно сплюнул и тут же поймал на себе насмешливый взгляд царицы.

Киммериец рассвирепел. Эта женщина явно испытывала его терпение. Но достаточно. Хватит терпеть издевательства и унижения, которым в лице аквилонского короля подвергается весь род мужской. Взяв бокал царицы, варвар демонстративно медленно поднес его к губам. Он еще пил, а музыка уже затихла. Амазонки точно по команде повернули головы к Конану. Глаза их налились бешеной кровью.

— Смерть ему! Смерть святотатцу! — завизжали сразу несколько девиц. Пирующие повскакали со своих мест и бросились к киммерийцу. Началась суматоха. Слуги и музыканты, опасаясь как бы пьяные валькирии не разделались заодно и с ними, разбегались во все стороны. Жрец пискнул и юркнул под стол. Туда последовала и царица Сомрис, решившая не искушать судьбу.

Конана все это лишь развеселило. Он не собирался всерьез драться с полупьяными девицами, подступавшими к нему с ножами. Слегка охнув от натуги, киммериец поднял массивный, обитый бронзой стол и бросил его в гущу амазонок. Количество нападавших сократилось по крайней мере вдвое. Не менее десяти женщин оказались на полу с переломанными конечностями и пробитыми черепами, многие другие при проявлении столь невероятной силы мгновенно протрезвели и отступились от варвара. Но около двадцати озверелых вакханок продолжали лезть на него, намереваясь проткнуть гиганта ножами.

Тогда Конан взялся за кресло, на котором прежде сидела царица. Покрытое золотом и драгоценными камнями, оно весило немногим меньше, чем стол, однако варвар орудовал им с поразительной легкостью. Движение влево и три амазонки повалились на пол с разбитыми черепами, затем кресло полетело направо,

повергнув еще двух. Смеясь, Конан вертел импровизированным оружием перед собою, прорубая целые просеки в рядах нападавших.

Наконец до амазонок дошло, что своими короткими мечами они не в состоянии причинить вред гиганту-киммерийцу. Несколько девушек бросились из залы с намерением принести луки, но в этот момент на сцене появилось новое лицо.

То была женщина. Но женщина, каких Конан еще никогда не видел. Она была невероятно огромна, превосходя ростом даже киммерийца. Ее руки и ноги походили на столбообразные конечности яфантов, отвратительное жирное лицо было похоже на жестокую маску. Всем своим обличьем она напоминала гориллообразного душегуба-шемита, с которым Конану пришлось однажды вступить в смертельный бой в Замбуле. Лишь огромная, словно половинка гигантского арбуза грудь свидетельствовала о том, что перед киммерийцем все же женщина.

Растолкав спешащих за помощью девушек, она подошла к столу. Глубокие жутковато-черные глаза обежали хаос свалки, затем ощупали Конана. Зычный, подобный львиному рыку голос всколыхнул воздух.

— Что здесь происходит?

Сомрис поспешно поднялась с пола, оправила одежду и попыталась принять величественный вид.

— Все в порядке, Горгия.

Чудовище бросило на царицу тяжелый взгляд.

— Я вижу, какой тут порядок. Кто этот человек?

— Конан, король Аквилонии, — ответила Сомрис.

— Как он очутился здесь?

— Он мой гость.

— Разве тебе не известно, Сомрис, что мужчинам запрещено появляться на терсиях!

Сомрис так и взвилась.

— Ты не имеешь права указывать мне, Горгия!

В гневе царица потеряла былое величие и стала похожа на разъяренную кошку. Женщина-чудовище осталась спокойна.

— Насколько я понимаю, все это сотворил твой гость, Сомрис?

Горгия повела рукой, указывая на беспорядочные груды тел и исковерканной мебели. Отовсюду неслись приглушенные стоны. Некоторые из пострадавших амазонок пытались подняться и тут же с криком падали на пол.

— Чужеземец перебил половину кларин, — продолжала гигантская женщина. — Он заслуживает смерти.

Одна из раненых амазонок пожаловалась:

— Он осмелился осквернить священное вино.

— Смерть ему! — воскликнула Горгия.

— Смерть! Смерть! — поддержали сразу несколько голосов. Некоторые амазонки, словно забыв о колоссальной силе гостя,

стали вновь приближаться к нему, угрожая ножами. Конан казался совершенно спокойным. Лишь слегка побелевшие пальцы, крепко вцепившиеся в ножку кресла, выдавали его напряжение.

— Нет! — истерически закричала Сомрис. — Если ему и суждено умереть, то это произойдет по моей воле. Я сама решу какую казнь ему уготовить. И не смей, Горгия, лезть в мои дела! Возвращайся в лес. Там твое место!

Гигантка ничего не ответила. Она лишь взглянула на Сомрис, затем на Конана. И было в ее глазах нечто такое, что Конан понял — их пути еще пересекутся.

4

Как и следовало ожидать, Конану пришлось сменить свою комнату на менее просторную и менее светлую. И с крепкими запорами. Он не пытался сопротивляться, когда царица приказала взять его под стражу, так как чувствовал, что Сомрис на его стороне.

Стражницы отвели киммерийца в расположенную в подвалах дворца тюрьму. Перед тем как захлопнулась медная дверь, чья-то заботливая рука вбросила под его ноги теплый меховой плащ. Конан поблагодарил неведомого друга и улегся на узкую деревянную скамью, подложив под себя одну половинку плаща и укрывшись другой.

Однако пробыть в одиночестве ему пришлось недолго. Вскоре загрохотали засовы и в камеру втолкнули жреца, что присутствовал вместе с Конаном на пиру. На этот раз он был без греческого плаща. Всю его одежду составляла крохотная набедренная повязка, совершенно не прикрывавшая сытую задницу. Жрец был явно оскорблен тем как с ним обращаются. Погрозив захлопнувшейся двери кулаком, он пробормотал:

— Кастрированные свиньи!

После этого он нерешительно осмотрелся. Ложе в камере было лишь одно. Жрец не слишком понравился Конану, но повинуясь чувству мужской солидарности киммериец освободил часть скамьи и жестом указал товарищу по несчастью, что он может присесть.

— Благодарю, — пробормотал жрец, бесцеремонно накидывая на плечи край конанова плаща. — Меня зовут Кхар Уба. Я жрец Черного Ормазда и состою на службе у этих идиоток.

— Черный Ормазд? — удивился Конан.

Сколько он помнил могущественный бог туранцев и иранистанцев Ормазд неизменно изображался на настенных росписях в белых одеждах. Черным был цвет Аримана.

— Да, Черный Ормазд, — подтвердил жрец. — Его мало знают в западных странах, но это чрезвычайно могучий бог.

В душу Конана закралось легкое подозрение.

— А скажи, он может сотворить огонь?

— Раз плюнуть! — Жрец действительно плюнул на ладонь и его слюна занялась розоватым пламенем.

— А вызвать демона?

— Можно. Но демон нам не поможет. Эти длинноволосые твари отобрали у меня перстень. Без него демон не будет выполнять моих приказаний.

— А перенести нас в другое место? — продолжил допрос киммериец.

— Проще простого. Но...

Конан не стал слушать до конца, что же мешает им очутиться в королевском дворце в Тарантии. Вместо этого он смачно стукнул жреца ладонью в ухо. Тот отлетел в противоположный угол камеры и впечатался в стену.

— Так это ты, скотина, перенес меня в Амазон!

Жрец и не подумал отпираться.

— Допустим, я. Только зачем драться? Я ведь могу и ответить.

— Попробуй! — предложил Конан, складывая пальцы в здоровенный кулак.

Если у жреца и были планы наградить Конана оплеухой, рожденной из воздуха, то он тут же от них отказался. Поднявшись на ноги Кхар Уба как ни в чем не бывало подсел к киммерийцу.

— Ну извини. — Безволосое лицо жреца состроилось в гримаску, которая должна была выражать сожаление. — Ты сам виноват. Слава о твоих подвигах дошла до Сомрис. Проклятая баба пристала ко мне: подай ей аквилонского короля. Я не мог ей отказать.

— Как это у тебя получилось?

Жрец махнул рукой.

— Это несложно. Я использовал перекосы в гиперпространстве. Специальное молекулярное облако, настроенное на твой генетический код, локализовало тебя магнитными сенсорами и доставило в Амазон. Ты должен был попасть прямо во дворец Сомрис, но что-то замкнуло нескольких магнитных контактов и из-за изменения траекторий ты перенесся чуть дальше на юг.

— Это верно был меч моего гвардейца Вентейма, — сказал Конан, который не понял и десятой части того, о чем говорил маг.

— Может быть. Хорошо, что я следил за тобой по энергокомпасу. Мы обнаружили тебя находящимся в весьма занятной ситуации. — Жрец оживился. — Ты лежал без сознания под здоровенным баобабом, а сидевшие на нем павианы собирались нагадить тебе на голову. Кларины отогнали обезьян и заключили тебя в клетку, намереваясь торжественно ввезти в город. Но ты оказался молодцом. Честно говоря, не ожидал. Какая силища! А ведь тебе уже шестьдесят.

— Так много? — Конан усмехнулся. — А я и не знал. Чертов маг! — Киммериец вновь рассвирепел и схватил Кхар Убу за жилистую шею. — Ты должен отправить меня обратно!

— В данный момент это невозможно! — заверещал жрец. — У меня нет перстня Черного Ормазда, а лишь один он может создать перекосы в гиперпространстве.

— Где же он? — грозно спросил киммериец. Меховая накидка сползла с его плеч, обнажив огромный, покрытый множеством шрамов, торс. Кхар Уба со страхом смотрел на разъяренного великана.

— Я же тебе сказал: у меня его отняли. Полагаю, он попал в руки Сомрис или Горгии.

Конан чуть ослабил хватку.

— Ты имеешь в виду ту симпатичную дамочку, что появилась на пиру в столь неподходящий момент? Не хотел бы повстречаться с такой на узенькой дорожке. И как бесцеремонно она обошлась с царицей!

— Это вполне естественно. Ведь они родные сестры.

— Сестры? — В голосе Конана прозвучало крайнее удивление. — Что же в таком случае у них были за матери?

— Мать была вполне нормальной. Царица Юлла. Я ее знал. А вот отцы... Отцы в Амазоне — особое дело. Как правило, ни одна амазонка не знает имени своего отца. Случай с Сомрис — исключение. Ее зачал знаменитый пират-кушит Мандас, чью галеру занесло течениями к этим берегам. Большую часть обессиленной от долгого блуждания по морю команды амазонки перебили, а тех, что были покрепче, оставили, чтобы использовать для продолжения рода. Среди них был и Мандас. Рассказывают, он был крупным и сильным мужчиной. Именно такие нужны царицам. С его помощью Юлла зачала Сомрис. А Мандасу повезло. Вскоре после этого он был убит разбойничавшими в окрестностях Аржума дарфарскими каннибалами.

С точки зрения Конана в словах Кхар Убы было мало логики, да еще скорей всего съеденному, и вдруг повезло! Но он не стал перебивать мага, рассчитывая узнать от него как можно больше.

— Так вот, Мандас был отцом Сомрис. Об отце Горгии предпочитают не говорить. Это случилось через несколько лет после рождения Сомрис. Однажды во время охоты царица Юлла заблудилась в лесу. Нашли ее лишь через три дня. Царица была без сознания. Тело ее было в синяках и ссадинах. А через какое-то время выяснилось, что она беременна.

Юлла так никому и не рассказала, что случилось с ней в тот день. Бедняжка слегка помешалась в уме. Прошел целый год, прежде чем она почувствовала предродовые схватки. После долгих мучений царица разрешилась от бремени девочкой и тут же умерла. Ребенок был ужасен. Почти два фута в длину он весил впятеро больше, чем обычный младенец. Тело его было покрыто густыми волосами, а на голове... Об этом лучше не вспоминать. Но это была девочка, а законы мазона запрещают предавать девочек смерти. Поэтому она осталась жить. А благодаря ей остался жить и я, так как амазонки не знали более искусного

лекаря, чем Кхер Уба. С помощью заклинаний я удалил с ее тела волосы, выпрямил звероподобные конечности. Безграничное терпение помогло мне развить ее интеллект. Но я не смог замедлить ее роста. Что из этого вышло, ты видел. Ее громадные размеры и нечеловеческая сила пугали амазонок, особенно ставшую царицей Сомрис. В конце концов она приказала сестре удалиться из Аржума и жить в роще за городом. Так и повелось. С тех пор Горгия живет в пещере среди вековых деревьев и лишь изредка появляется в городе. Она пользуется известной популярностью среди значительной части кларин.

— Кларины. Ты уже дважды употребил это слово. Кто они такие? — спросил Конан.

— Так называют приближенных Сомрис, которые бок о бок сопровождают ее на охоте, а на войне командуют отрядами. Их отличает от прочих зеленая полоса на подоле туники. Всего кларин насчитывается около семидесяти, но сегодня ты поубавил их число. Пятерым уже шьют саваны, еще шесть вряд ли когда сядут в седло.

— Сами напросились, — пробурчал Конан, чувствуя определенную неловкость оттого, что поднял руку на женщин. — С чего это вдруг они набросились на человека, решившего выпить стакан вина?

Жрец всплеснул руками и зачастил:

— Разве тебя не предупреждали? Согласно традициям Амазона ни один мужчина не может присутствовать на терсии — священной трапезе амазонок. Но здесь еще допускаются исключения. А вот другое правило соблюдается неукоснительно. Ни один мужчина, если он все же допущен на терсию, не может прикоснуться к пище или вину.

— И что же произойдет, если он нарушит этот обычай?

— Его оскопят, а затем заживо сожгут на костре.

Конан невольно поперхнулся.

— Ну со мной этот номер не пройдет. Я все-таки король!

— То, что ты король, не играет никакой роли. Но в остальном ты прав. Тебе вряд ли грозит опасность быть оскопленным. По крайней мере сейчас. Царица Сомрис имеет на тебя определенные виды. Ведь у нее еще нет детей...

На лице киммерийца появилась широкая ухмылка.

— Хотя мне еще не приходилось выступать в роли племенного быка, но эту просьбу царицы, если она, конечно, последует, я, пожалуй, не откажусь выполнить. Тем более, что сын Конана вполне достоин занять престол Амазона...

В этот миг заскрипела дверь и появились четыре вооруженные стражницы. Одна из них быстро произнесла:

— Конан-киммериец, следуй за нами.

Варвар направился к двери, а маг пробормотал ему вслед:

— Не сын. Дочь. Мальчиков в этой стране сжигают!

С лязгом задвинулись запоры.

5

Конан не слышал последних слов Кхар Убы. В сопровождении отряда охранниц он шел по подземной галерее, которая вела, как предполагал киммериец, прямо в покои царицы. У него в королевском дворце в Тарантии была точно такая же. Построенная еще при короле Нумедидесе, она позволяла попасть из спальни прямо в застенок.

Он не ошибся. Стражницы остановились у окованной позеленевшей медью двери. Командовавшая ими кларина предупредила киммерийца:

— Не вздумай выкинуть какую-нибудь шутку — причинить зло царице или бежать. Учти, ее покои, да и весь дворец окружены отрядами воительниц. Если понадеешься на свою звериную силу, то знай — у нас отравленные стрелы!

Конан, которому приключения вернули хорошее настроение, развязно потрепал девушку по щеке.

— Я это запомню, крошка. А как тебя кстати зовут?

Кларина отшатнулась в сторону и процедила:

— Не смей прикасаться ко мне, грязный ферул!

Но король, перелюбивший на своем веку немало женщин, заметил, что гнев ее во многом напускной, а на деле амазонке приятно, что она привлекала внимание этого могучего воина.

Помахав на прощанье девушкам рукой Конан толкнул дверь и прошел внутрь. Поначалу он попал в небольшое помещение, здорово смахивающее на предбанник. Здесь стояли на посту две кларины. При появлении Конана одна из них распахнула дверь в следующую комнату, откуда пахнуло сладким запахом белья и женского тела.

Спальня Сомрис отличалась изысканностью отделки, свидетельствовавшей о хорошем вкусе царицы амазонок. Размеры ее были невелики, но здесь уместилось все, что могло потребоваться хозяйке или ее гостю. Добрую треть спальни занимала огромная кровать с балдахином. Очертания ее терялись в облаке воздушной кисеи, мягко окутывавшей окованные серебром бока. Кровать стояла на двенадцати ножках, вырезанных в форме обезьяньих лап. Сбоку от кровати располагалась ширма, а рядом с ней золоченый столик, заставленный блюдами и кувшинами, узрев которые, Конан перестал интересоваться прочими предметами обстановки. Проверив содержимое кувшинов на запах, киммериец выбрал один из них и не ошибся — то было красное вино, особенно любимое им. Истомленный жаждой Конан припал к этому сосуду и поставил его на место лишь после того, как последние капли вина исчезли в варварски ненасытной глотке.

И лишь сейчас киммериец увидел царицу. Увлеченный поглощением вина он не успел заметить откуда она взялась — из-за

ширмы или из другой комнаты. Впрочем, это было совершенно неважно. Взгляд Сомрис был красноречив.

— Однако ты пьешь... — протянула она.

— И еще ем, — сообщил киммериец. — А иногда, когда я выпью и поем, меня тянет к женщине.

— Надеюсь.

Сомрис провела рукой по облаченному в тончайшую шелковую рубашку телу. От шеи до бедра, продемонстрировав сладострастный изгиб талии. Киммериец вновь отметил, что с левой грудью у амазонок не все в порядке.

— Полагаю, что могу поесть или я не должен прикасаться к еде без разрешения женщины? — вызывающе спросил варвар.

— Я разрешаю, — мгновенно ответила амазонка.

Конан хмыкнул и принялся за еду. Наблюдая за тем, как киммериец жадно насыщается, царица в волнении гладила свое тело руками.

— Если твой любовный аппетит хотя бы вполовину сравним с аппетитом телесным, эта ночь обещает мне бездну наслаждений, — как бы про себя заметила амазонка. Конан не посчитал нужным ответить на ее слова, зная, что куда сильнее в деле, нежели в разговоре. Царица тем временем возбуждалась все более. Облизав чувственные губы языком, она сказала:

— На этом ложе до тебя побывали многие. Некоторые из них были достаточно приятны, но ни один не смог подарить мне то неземное наслаждение, которое зовется любовью. Когда Кхар Уба рассказал мне о великом воине Конане, я поначалу сомневалась. Ведь маг не таил, что тебе уже за шестьдесят. А что такое мужчина в шестьдесят? Он уже немощен. Он не может ни поднять меча, ни любить женщину. Но Кхар Уба сказал мне, что ты совершенно другой, что даже в столь преклонном возрасте ты сможешь одолеть в схватке десятерых мужей и утолить любовную страсть самой пылкой женщины. Он столь много рассказывал мне о твоих подвигах, что я поверила ему. Поверила и приказала доставить тебя в Аржум. И, похоже, я не ошиблась.

— Откуда Кхар Уба узнал обо мне? — поинтересовался Конан.

— Он рассказывал, что прежде долго жил в гиборийских странах, где много слышал о подвигах киммерийца Конана. Долгими вечерами, а они особенно долги, когда рядом нет достойного мужчины, он рассказывал мне о твоих приключениях. Я наизусть помню эти рассказы; как ты был пиратом и вожаком мунганов, как ты служил в гвардии Турана и командовал гвардией царицы Тарамис, как ты захватил трон Аквилонии и сумел отстоять его от происков враждебных тебе королей и могущественных волшебников.

Киммериец грозно нахмурил брови.

— Так значит Кхар Уба сам предложил тебе похитить аквилонского короля и доставить его в Амазон?

— Да, это была его идея.

— Проклятый лжец! А он заявил мне, что повиновался твоему приказу.

Сомрис не стала отрицать и этого, не замечая, что противоречит сама себе.

— Да, он поступил так по моей воле.

И тут Конану пришла в голову удивительная мысль. Он даже на мгновение прекратил жевать.

— Скажи мне, царица, если Кхар Уба столь могущественный маг, то почему он служит тебе?

— Я сама не раз задавалась этим вопросом, — нахмурив лоб, промолвила Сомрис. Он утверждает, что прогневал Черного Ормазда и в наказание бог приказал ему тридцать лет выполнять все повеления царицы амазонок.

— Странное наказание, — пробормотал Конан.

Царица подошла к нему и коснулась рукой мускулистой груди.

— Тебе не кажется, что мы тратим слишком много времени на разговоры?

Вместо ответа Конан привлек ее к себе и крепко поцеловал в губы.

Наполненная страстью и бурными ласками ночь пролетела стремительно. Утренние лучи застали любовников лежащими на смятой постели в объятиях друг друга. Сомрис светилась от счастья и познанного наконец наслаждения. Конан, напротив, чувствовал себя словно выжатый лимон.

Положив руку на бурно вздымающуюся правую грудь царицы киммериец словно невзначай заметил:

— Кхар Уба сказал мне, что ты отняла у него волшебный перстень. Во время моих скитаний мне однажды попадался похожий. Если ты не прочь, я хотел бы взглянуть на него. Или, может, ты боишься, что я воспользуюсь его силой и убегу?

Счастливо улыбаясь царица ответила:

— Я не боюсь. Я люблю твою страсть и твою силу, король, и уверена, что я не та женщина, от которой можно с легкостью отказаться. Но у меня нет этого перстня. Я отдала его Горгии, которой легче сохранить сокровище от злых рук в лесной чаще.

Сказав это царица, вновь прильнула к Конану, который уже был далек от мыслей о любовных утехах. Ему позарез был нужен перстень...

6

Прошло много месяцев с тех пор, как Конан очутился в Амазоне. Несмотря на все старания королю никак не удавалось вернуться в родную Аквилонию. Амазонки стерегли его пуще собственного глаза, а Сомрис в утешение постоянно твердила, что как только она разрешится от бремени, признаки которого почувствовала после первой же любовной ночи, Конан будет торжественно препровожден в Куш, где сможет сесть на корабль и

достичь берегов Аргоса. Королю пришлось смириться и терпеливо ждать истечения срока, отведенного природой женщинам.

Жизнь в Аржуме не отличалась особым разнообразием. Лишь изредка устраивались охоты на гепардов или косуль, в которых принимал участие и Конан. Несколько раз амазонки организовывали набеги на близлежащие княжества. Конана в эти дни стерегли особенно тщательно.

Время тянулось невыносимо тягуче, киммериец изнывал от скуки. Как правило, день проходил в бесцельном шатании по городу. Независимый вид Конана раздражал амазонок, их бессильная злоба немного развлекала варвара. Вечерами к нему непременно приходил Кхар Уба с кувшином вина и они проводили время за беседой.

Жрец, которого подобревшая царица освободила из тюрьмы, так и не вернув ему, правда, перстень Черного Ормазда, был конечно порядочной скотиной, но он был интересным рассказчиком и без него киммериец не смог бы узнать и десятой части тайн Амазона.

Слушая его неторопливые рассказы,Конан все более убеждался, что в мире едва ли есть государство более четко организованное и более жестокое, чем Амазон, кровавые обычаи которого могли вполне соперничать с традициями древнего Ахерона.

Амазон был искусственным наростом на теле черного континента. Правящие в нем воительницы были единственным народом со светлым цветом кожи. Откуда они взялись, никто точно не знал. Древние предания уверяли, что некогда живший за морем Вилайет народ амазонов решил отправиться на поиски загадочной Атлантиды. Жрец бога войны Ульмзана, прародителя амазонов взывал к сердцам соплеменников, призывая вернуться на родину предков, дарующую вечную жизнь.

Преодолевая сопротивление местных племен и народов амазоны дошли до западного моря. Здесь они построили корабли, намереваясь продолжить свой путь на запад. Фанатичный жрец вел их туда, где как считалось должна была находиться сказочная Атлантида.

Они блуждали по морю много дней. Их кожа покрылась солью, а желудки были отравлены гнилой пищей. Вскоре женщины, уставшие от тягостей путешествия, начали роптать. Мужчины не вняли их мольбам и тогда ночью жены и дочери перебили своих мужей и отцов, благо их осталось мало — очень многие погибли в боях во время пути на запад. Затем амазонки повернули корабли назад. Однако течения и шторма отнесли их далеко к югу и выбросили в конце концов на неведомый берег. Располагая совершенным бронзовым оружием воинственные амазонки покорили многие соседние племена, создав государство, по размерам своим лишь немного уступавшее Аквилонии. Правда, население Амазона было гораздо меньшим. Большая часть его проживала в Аржуме, единственном крупном городе державы и в

городках-крепостях на границе с Атлаей — южным государством, находившимся в состоянии непрерывной войны с Амазоном.

Безжалостно расправившись со своими мужьями, амазонки стали опасаться мести сыновей. И тогда по приказу жриц все мальчики были принесены в жертву кровавогубой богине Лиллит — символу женского начала и превосходства.

В Амазоне была создана строгая иерархия власти. Во главе государства стояла царица, выбираемая амазонками пожизненно из числа кларин. Обычно предпочтение отдавалось дочери, сестре или племяннице прежней властительницы. Царица опиралась на так называемый круг подруг, в который входили кларины, жрицы и личные телохранительницы повелительницы.

Круг решал все важные государственные вопросы. Таким образом кларины играли чрезвычайно большую роль в Амазоне. Все они были, как правило, пожилы и, за очень редким исключением, безобразны. Казалось, царица Сомрис намеренно избегает привлекать в свое окружение женщин, более привлекательных, чем она. Конан быстро научился отличать кларин от прочих амазонок, даже если на них не было туники с характерной зеленой чертой. Ненависть к противоположному полу и властность придавали облику кларин мужеподобные черты.

Все женское население Амазона — а кроме потомков амазонок, прибывших много веков назад на черный континент с севера, в Аржуме не проживала ни одна женщина — делилось на семьи, каждая из которых состояла из двенадцати человек. Девушки, входившие в семью, жили в одной зале, имели общее имущество, за исключением оружия. Пять семей объединялись в тумму, во главе которой стояла младшая кларина. Пять тумм составляли стерк. Каждый стерк имел свою казарму — блокдом, а один, царский, размещался во дворце. Стерками командовали кларины, приближенные к царице.

Ступенью ниже амазонок располагались деры. Так называли захваченных в плен и ископленных юношей, выполнявших функции палачей, тюремщиков, надсмотрщиков за рабами, стражников, охранявших городские стены.

В самом низу располагались ферулы — обращенные в рабов мужчины. Ферулы не имели абсолютно никаких прав. Их можно было истязать и убить.

Находясь в окружении диких безжалостных соседей, большинство из которых не брезговали человеческим мясом, амазонки вынуждены были создать великолепную армию, одну из самых совершенных в мире. Сравнительно небольшая по численности — не более четырех тысяч человек, то есть все женское население Амазона — она состояла из всадниц, вооруженных луками, копьями и короткими мечами. Амазонки с раннего детства обучались владению всеми видами оружия, но излюбленным оставался лук. Для любой воительницы не составляло никакого

труда на полном скаку пронзить стрелой три укрепленных на щите медных кольца размером не более ладони. Для того, чтобы более уверенно орудовать луком, они сознательно уродовали тело, прижигая девочкам грудь с таким расчетом, чтобы она переставала расти и в будущем не мешала наводить стрелу на цель. Именно этим и объяснялось некоторое уродство их фигур, поначалу так удивившее Конана.

Излюбленной тактикой амазонок был неожиданный стремительный набег. Встретив упорное сопротивление, а это случалось нечасто, они отступали, но тут же нападали вновь, нанося противнику большой урон стрелами. В конечном счете враг начинал пятиться перед их натиском и тогда в ход шли колья и мечи.

Но амазонки использовали не только этот вид боя. Они понимали, что враг не всегда согласится дать битву на ровном, удобном для конной атаки месте. Поэтому они умело действовали и в горах, и меж стен домов, выстраиваясь в цепь, в которой каждая девушка четко знала свое место. Обороняясь от нападения превосходящих сил противника, они спешивались и выстраивались в фалангу или карэ. Шеренги копейщиц отражали наскоки вражеских воинов, а лучницы расстраивали боевые порядки противника дождем стрел. После этого в атаку устремлялся отборный отряд конницы, состоявший из подруг царицы.

Воительницы первыми на черном континенте решились приручить яфантов или ами, как они сами называли этих животных. Тупые на первый взгляд, ами оказались на деле весьма сообразительными и послушными. Настал день, когда первый яфант, огласив поле брали диким ревом, обратил в бегство вражеское войско. С тех пор при армии амазонок состояло не менее пяти яфантов с обитыми медью бивнями.

Кроме четкой воинской организации амазонки устрашали врагов жестокостью, исключительной даже для этого жестокого мира.

Они не приносили кровавых жертв лишь для того чтобы ублажить жестоких врагов. Убийства и жестокости, творимые ими, были вызваны не ритуалом, а практической целесообразностью. Амазон был государством с ярко выраженной кастовой системой. Все население делилось на две части — женщины и мужчины. Женщины владычествовали над мужчинами обращенными в рабство, подобного которому нельзя было встретить даже в Стигии или Шеме.

Невольники в Аржуме мало походили на нормальных людей. Женоподобные истязатели деры в первые же дни рабства выбивали из них всякое представление о достоинстве, низводя до состояния безмолвного скота. Мужчины ходили по улицам Аржума не смея поднять голову. Всю одежду их составляли ветхие набедренные повязки, лишь на некоторых были шаровары и, совсем редко, некое подобие рубахи без рукавов. Маг объяснил Конану, что одежда свидетельствует о положении ее владельца.

Чем больше одежды было на феруле, тем более привилегированное положение он занимал.

Встречаясь с амазонкой мужчина не смел даже взглянуть на нее. Он должен был стоять на месте, низко опустив голову, готовый по первому сигналу припасть к ногам госпожи. Малейшее проявление недовольства или непочтения строго каралось. Провинившегося пороли кнутом, травили леопардами, оскопляли. В случае повторного «нарушения» его, как правило, предавали смерти. Амазонки отличались изощреннейшей жестокостью, изобретя сотни видов казни. Тому, кто случайно бросил на амазонку взгляд, который она сочла нескромным, выкалывали глаза, после чего его сажали обнаженным в кучу с термитами, предварительно обмазав несчастного медом. Ферула, обвиненного в том, что он коснулся амазонки без ее разрешения, бросали в яму с крокодилами, предварительно отрубив ему обе руки. За оскорбление словом отрезали язык и засовывали в рот ядовитую змею. Пойманного на воровстве засыпали грудой камней. Пытавшимся бежать отрубали руки и ноги, бросая трепещущее тело на съедение гиенам. Самая страшная казнь ожидала бунтовщиков — их иссекали мелкими порезами и бросали в каменный мешок, полный голодных крыс. Прежде, чем человек сходил с ума крысы успевали обглодать его ноги до костей.

Убивали за каждую мелкую провинность, а иногда и просто так, если раб показался строптивым или чересчур сильным — чтобы не затеял бунт. Наиболее крепких мужчин по истечении определенного срока отвозили в священную рощу Горгии. Что с ними делала великанша можно было только догадываться, но живым оттуда никто не возвратился.

Чтобы поддержать свое господство, отряды амазонок нападали на города и деревни близлежащих черных княжеств, безжалостно истребляли женщин и уводили в полон мужчин и мальчиков. Мальчиков обычно оскопляли и делали дерами. Мужчины частью тут же закалывались во славу Ульмвана, а часть использовались на различных работах, но рано или поздно и их ожидала насильственная смерть.

Основав империю женщин, амазонки не пожелали слиться с местным чернокожим населением. Поэтому они стали искать партнеров для продолжения рода среди представителей белых рас.

С этой целью, собрав большое войско, амазонки время от времени вторгались в черные королевства в Зимбабве, где проживало немало купцов и наемников с севера. Небольшие рейдовые группы доходили до Куша и Дарфара. Кроме этого амазонки покупали белых рабов у торговцев из Стигии.

Но и белый цвет кожи не служил гарантией от насильственной смерти. По прошествии определенного времени амазонки убивали белых ферулов. Делали они это по словам Кхар Убы с той целью, чтобы мужчины не почувствовали себя вновь хозяевами положения.

Чтобы не допустить даже малейшей искры сопротивления амазонки организовали систему строжайшего контроля за ферулами. Основная масса рабов-мужчин была сосредоточена в Аржуме. За пределами города в основном жило полусвободное население, выплачивавшее амазонкам дань ячменем, скотом, виноградом, одеждой и прочей натуральной продукцией. Оно было вполне довольно своей участью, тем более что грозная слава женщин-воительниц гарантировала относительную безопасность от набегов диких племен, и не думали о том, чтобы сбросить гнет амазонок. Таким образом последним не требовалось больших сил, чтобы поддержать спокойствие вне Аржума. Но в самом городе находилось более тридцати тысяч ферулов, ряды которых постоянно пополнялись пленниками, еще не забывшими вкус свободы.

Для обеспечения контроля за рабами город был разбит на пять так называемых сфер. В центре находился дворец царицы, храмы, многочисленные хозяйственные пристройки и оружейный двор. Оставшаяся часть делилась на северную, южную, восточную и западную сферы. Ядром каждой из них служил блокдом — казарма, в которой проживало около трехсот воительниц. Вокруг блокдома теснились лачуги ферулов.

Каждая сфера была отгорожена от прочих валом и деревянной стеной с башнями, на которых день и ночь стояли посты деров. В случае, если бы вспыхнуло восстание в одной из сфер, ее можно было мгновенно отсечь от прочих и утопить бунт в крови. Подобные меры предосторожности делали любое выступление заранее обреченным на провал.

Конан часто бродил по кривым улочкам Аржума в надежде встретить хотя бы одного человека, который отважился поднять голову и взглянуть в глаза киммерийцу. Все было тщетно. Ферулы поспешно пробегали мимо него, опуская взгляд долу. А стоявшие на башнях деры с затаенным злорадством смотрели на единственного мужчину Амазона, который не боялся оставаться мужчиной.

Таков был диковинный Амазон — страна гордых женщин и превращенных в рабов мужчин, страна, в которой Конану, может быть, предстояло провести долгие годы.

7

Опонта резвилась словно счастливый ребенок. Киммериец отдыхал подле нее сердцем, особенно после душной атмосферы дворца, полной интриг и ненавидящих взглядов...

Убедившись, что Конан не попытается бежать из Амазона, что было в общем бессмыслицей — преодолеть в одиночку тысячеверстный путь до Зимбабве или еще более длинный до Дарфара или Пунта, сквозь кишащие змеями, крокодилами, ядовитыми пауками, а также дикарями всех мастей, считавшими своим священным долгом поймать и съесть каждого путешественника,

особенно если цвет его кожи белый, джунгли — амазонки стали выпускать киммерийца из Аржума без сопротивления. Он был волен отправиться в любой из близлежащих лесов и заниматься там чем душе угодно. Сомрис лишь запретила ему появляться в священной роще Горгии, но Конана и без всяких запретов не слишком тянуло туда. Он хорошо помнил взгляд, который на него бросила некогда великанша.

Не имея сил оставаться в пропитанном жестокостью городе, Конан все чаще выбирался за его стены и проводил время охотясь или просто странствуя по сельве. Животный мир Амазона был мечтой каждого истинного охотника. В этой дикой стране водились различные косули, ветвисторогие олени, дикие кабаны, тигры, леопарды, серые медведи, сотни видов экзотических птиц. С луком за спиной и мечом на поясе Конан без устали скакал по хитросплетениям зарослей, преследуя ту или иную дичь. Не раз ему приходилось сталкиваться с опасными хищниками. Как правило, киммериец, не раздумывая ни мгновения, вступал с ними в бой, достаточно равный, так как его оружием был лишь короткий меч, а тело прикрывала легкая кольчуга. Лишь однажды он предпочел разойтись со своим противником мирно — скорее из уважения, нежели из страха. Тогда ему попался огромный саблезубый тигр, чудом уцелевший реликт древнего леса. Тигр был стар, грузен и мудр. Топорща длинные жесткие усы он обошел вокруг Конана, словно примеряясь по зубам ли ему эта добыча. Убедившись, что человек силен и готов за себя постоять, тигр издал грозный рык, потрясший стебли лиан, и растворился в зарослях.

В лесах Амазона можно было встретить и других диковинных зверей, нередко в чаще таились такие чудовищные создания, померяться силой с которыми не рискнул бы даже Конан. Так однажды он нашел на тропинке близ водопоя разорванную пополам тушу дикого быка, а рядом на влажной глине был отпечатан след огромной обезьяньей лапы. Судя по размерам этого отпечатка монстр намного превосходил Конана ростом, а о его силе свидетельствовала та легкость, с какой он разорвал свою жертву лапами, даже не прибегнув к помощи зубов. Конан повернул коня и поспешно ускакал из этого леса.

Во время одной из своих обычных прогулок Конан повстречал в лесу Опонту. Поначалу ему показалось, что девушка так же как и он решила поохотиться — у ее седла болтались два нанизанных на стрелы короткоухих зайца, — но, заметив ее смущение, киммериец понял, что амазонка искала этой встречи. Следует напомнить, что Опонта сразу пришлась по душе Конану. Она была мила, непосредственна, привлекательна, в ней не было звериной жестокости, отличавшей большинство амазонок. А кроме того Конан чувствовал, что Опонта неравнодушна к нему. Для него не было секретом, что многие амазонки посматривали на перевитый могучими мышцами торс варвара с затаенной похотью, но во

взгляде Опонты проскальзывало не только физическое влечение, а некоторое преклонение перед мужчиной-воином, столь свойственное женщинам цивилизованных стран и столь чуждое мужеподобным воительницам-амазонкам. Быть может, было в этом взгляде и нечто, похожее на зарождающуюся любовь.

Конан приветствовал девушку жестом руки. Она ответила ему тем же. Их кони сошлись и стали бок о бок, так что бедро Опонты, едва прикрытое короткой туникой, касалось бедра киммерийца. Какое-то время они смотрели друг на друга и молчали, затем Конан легко поднял девушку и привлек ее к себе. Она была намного моложе царицы и полна нежной страсти. Покусывая кожу любовника острыми зубками, она стонала от непритворного наслаждения. Подобное чувство испытывал и Конан, впервые за последние годы.

Когда они утомились от объятий и поцелуев Опонта внезапно спросила:

— Король, сколько ночей ты провел в опочивальне царицы Сомрис?

«Э, да крошка ревнует!» — с некоторым самодовольством подумал Конан, а вслух ответил:

— Не помню точно. Шесть или семь. Ваша царица весьма странная женщина. Она занимается со мной любовью не чаще раза в месяц, при этом проявляя такую страсть, что порой мне кажется она готова разорвать меня на куски. Остальное время она едва обращает на меня внимание, но стоит одной из кларин бросить в мою сторону мимолетный взгляд, лицо Сомрис принимает столь яростное выражение, будто она готова содрать с соперницы кожу.

— Еще бы, — как-то невесело усмехнулась девушка. — Ведь эта соперница может украсть у царицы ночь любви, как это сделала я.

Конан рассмеялся.

— Ты шутишь? По-твоему, от меня убудет? Я хотя и не слишком молод, но вполне в состоянии утолить страсть сразу нескольких любовниц.

— Ты не понял меня, — сказала Опонта, качая головой. — Нам запрещено об этом говорить, но я не собираюсь скрывать тайну от тебя. Каждому мужчине, которому дозволено совокупляться с амазонками, даровано лишь десять любовных ночей. По истечении этого срока его ожидает мучительная смерть.

— Вот тебе раз! — озадаченно воскликнул Конан. Не обращая внимания на эту реплику, Опонта продолжала:

— Его оскопляют, затем обливают кипятком, а в довершение всего вырезают со спины восемь ремней толщиной в два пальца.

Опонта рассказывала об этом совершенно спокойно, даже как-то отрешенно. По спине киммерийца побежали мурашки.

— Но почему вы так поступаете?

— Считается, что если оставить любовника в живых, ама-

зонка может попасть в зависимость от него. Ее сердце наполнится привязанностью и нежностью, ее воинственный дух ослабнет. И тогда мужчины захватят власть в Амазоне. Чтобы этого не произошло, еще в старину было введено правило, согласно которому мужчина не может жить дольше десяти любовных ночей, проведенных с амазонкой. За неукоснительным использованием этого правила следят специальные надсмотрщицы во главе с клариной Латалией, самой жестокой из всех приближенных Сомрис. Проведя ночь с мужчиной, каждая амазонка должна явиться к Латалии и назвать ей имя свого любовника. Латалия ставит против его имени крестик. Когда число крестиков достигнет десяти, она докладывает об этом царице Сомрис. На следующий день мужчину предают смерти.

Возмущение, поначалу вспыхнувшее было у Конана, к этому времени улеглось и он спокойно заметил:

— Я не ожидал от амазонок ничего другого. Но неужели можно способствовать смерти человека, которого хоть сколько-нибудь любишь? Может быть и ты сразу по возвращению во дворец побежишь к этой Латалии или промолчишь лишь потому, что боишься гнева Сомрис?

Какое-то время Опонта молчала. Она проводила взглядом пронзающего воздушные потоки грифа и лишь затем сказала, так и не ответив на вопрос киммерийца:

— Мы ненавидим мужчин. Ведь они приносят лишь боль.

— *Странно, — удивленно заметил Конан.* — Я всю жизнь убеждался в обратном. Даже те женщины, которые меня прежде ненавидели, после проведенной совместно ночи начинали относиться ко мне весьма нежно.

Серые глаза Опонты стали грустны и задумчивы. Она осторожно коснулась пальцами левой неразвитой груди.

— Мужчины приносят нам боль с самого рождения. Когда девочке-амазонке исполняется три года ее начинают готовить к взрослой жизни. Ее учат скакать на лошади, метко стрелять из лука, обращаться с мечом, стойко переносить боль и тягости. И еще ее учат ненавидеть мужчин. Я помню как каждый день в детский блок, где я жила, приходили толстые противные деры. Они били нас, щипали, оставляя синяки на детском теле, таскали за волосы. Каждые десять дней экзекутор — дер порол нас кнутом до крови. В возрасте пяти лет мне пришлось впервые столкнуться с Кхар Убой. Он принес с собой жаровню и зловещего вида приспособления. «Какая хорошенькая девочка!» — сказал он, похлопав меня по попке. Но я знала зачем он пришел и плакала от страха. Жрец раскалили на огне толстый с расплющенным наконечником прут, подобный тем, которыми клеймят скот, и прижал его к моей левой груди. Я закричала и потеряла сознание. Когда же я очнулась то обнаружила, что кожа на этом месте совершенно обуглилась. Грудь потом долго болела и перестала расти. Я знала, что это нужно для того, чтобы лучше стрелять из лука.

Но несмотря на это я еще сильнее возненавидела мужчин. Ведь боль, причиненная мне одним из них, была очень сильной.

Самое страшное случилось, когда мне исполнилось четырнадцать. Это пора взросления, когда девочка переходит в разряд младших воинов. В этот день Кхар Уба совершает обряд принесения в жертву детства. Это было столь больно и унизительно, что я не хочу рассказывать о том, что пережила. В тот день я достигла пика своей ненависти. И когда мне дали меч и приказали отрубить руку у провинившегося раба, я выполнила это с удовольствием.

Девушка замолчала. Изящная загорелая рука в волнении смяла розовый цветок. Конан, которому от этого рассказа стало не по себе, спросил:

— Так значит вы встречаетесь с мужчинами не ради наслаждения, а лишь для продолжения рода?

— Да.

— Это страшно, — сказал киммериец. — Жить без любви...

— Я уже говорила тебе, что считается будто от нее слабеет боевой дух. И ... правильно считается!

Пораженный этим внезапным признанием киммериец притянул Опонту к себе. Она прильнула к его широкой груди и счастливо вздохнула.

— Великий Кром! — прошептал варвар, невольно подумав зачем лишившемуся престола королю нужна любовь незнающей мир и счастливой в своем незнании девочки.

С тех пор они встречались почти каждый день. Тайно, стараясь не вызвать подозрений. Особенно трудно приходилось Опонте, чьи частые отлучки рано или поздно могли быть замечены.

Но постепенно влюбленные теряли осторожность и однажды чуть не поплатились за это. Звериное чутье варвара, вновь обострившееся с тех пор, как Конан очутился в диких дебрях Амазонки, подсказало, что за поляной, на которой они предавались любви, наблюдает чей-то недобрый взгляд. Велев девушке не шевелиться Конан подобно гигантскому полозу скользнул в высокую траву. Двигался он совершенно бесшумно, напоминая скорее бестелесного призрака, нежели человека.

Киммериец не обманулся. В зарослях колючего кустарника сидела женщина. Глаза ее были устремлены на поляну, где осталась Опонта. Соглядатайка, очевидно, намеревалась убедиться в своем предположении, а затем поспешить с доносом к Сомрис. Услышав легкий шелест отодвигаемой ветки она оглянулась, но было уже поздно. Руки Конана поймали ее шею в замок. Последовал сильный рывок и амазонка обмякла. Убедившись, что она была одна, киммериец оставил мертвое тело в кустах и поспешил вернуться к Опонте.

Они поспешно оделись и, оседлав коней, поскакали в глубь леса. Возлюбленная Конана сразу признала шпионившую за ними девушку.

— Это Армисса, одна из приближенных Сомрис. Царица захочет выяснить причину ее гибели.

— Это мы сейчас уладим! — бодро заявил Конан.

Подняв уже похолодевшее тело он сильно ударил им о ствол дерева, росшего у тропы. На следующем дереве Конан кинжалом вырезал четыре полосы, очень похожие на след когтистой кошачьей лапы. Затем он отвязал лошадь убитой кларины, нанес ей такую же отметиту и криком погнал взбешенное от боли животное в лесную чащу.

— Теперь они подумают, что на лошадь этой Армиссы напал ягуар. Лошадь естественно испугалась и сбросила свою хозяйку, на пути которой на беду подвернулось дерево.

— Ты хитрее людоедов из Дарфара! — восхитилась Опонта.

— Этим штучкам я научился у пиктов, великолепных следопытов и самых отъявленных головорезов, которых знал мир.

Они скакали рядом по тропе, обвитой со всех сторон лианами, так что она была похожа на гигантский зеленый тоннель. Доверчиво положив мягкую ладонь на руку киммерийца Опонта сказала:

— Тебе все равно угрожает опасность. Даже если Сомрис и, особенно, Латалия поверят в то, что Армисса погибла случайно, смерть приблизится к тебе еще на один шаг. Ведь ты знаешь, что царица Сомрис носит в своем чреве ребенка.

— Еще бы! Ее раздуло словно от гнилой пищи! — в голосе Конана прозвучала нотка самодовольства.

— А кроме того, — серые глаза Опонты стрельнули в сторону любовника, — ты провел с ней восьмую ночь.

— Да, — не стал отпираться Конан. — Она пристала ко мне словно блудливая кошка. Не мог же я ей отказать!

— И не должен был. Я вовсе не собиралась обвинять тебя. Скоро Сомрис родит и тогда они с тобой расправятся.

— Чушь, — не очень уверенно протянул Конан. — Сомрис все же понимает, что имеет дело с королем. Я ведь не какой-нибудь раб из Кужа или Черных королевств.

— Для них ты не более чем раб. И твоя смерть еще более вожделенна оттого, что ты король. Они мечтают казнить именно короля и великого воина, чтобы доказать еще раз свое превосходство над мужчинами.

Объяснение показалось Конану весьма разумным, но он все же попытался его опровергнуть.

— Но амазонки должны понимать, что справиться со мной будет куда сложнее, чем с теми худосочными выродками, которые попадают к ним в плен.

— Тебя победят не силой, а колдовством или ядом. Кхар Уба сейчас в опале у Сомрис. Но как только возникнет необходимость расправиться с тобой, она немедленно вернет ему свою милость. А магия этого жреца очень могущественна. Они могут и поступить гораздо проще — подсыпать тебе в вино яд или расстрелять тебя отравленными стрелами.

— Но царица клятвенно обещала, что как только родится ребенок, она вернет меня в Аквилонию.

— И ты поверил? — усмехнулась Опонта. — Даже если бы она действительно этого хотела, во что я не верю, ей помешают Латалия и Горгия. Первая ненавидит тебя, потому что ты воплощаешь все лучшее, что есть в мужчине и она отчетливо чувствует твое превосходство, которое ты и не пытаешься скрыть. Амазонки не прощают этого. Горгия же требует принести тебя в жертву своему багровому богу.

— Что это еще за пожиратель королей? Я впервые слышу о нем.

— Я знаю об этом божестве немногим более твоего. Мне известно лишь, что он обладает огромной силой и может шутя ломать толстые деревья, а кроме того, что в его подчинении находится племя гигантских багровых обезьян, живущее в священной роще. Те, кому случалось находиться неподалеку от рощи Горгии, не раз слышали жуткие крики истязуемых жертв.

— Веселая история, — пробормотал Конан, внезапно вспоминая о гигантском следе, оставленном рядом с разорванным быком. Рука киммерийца невольно потянулась к висевшему за спиной луку. — Чем же я так приглянулся этой симпатичной сестричке?

— Думаю, тем же, чем и мне. Она наконец-то встретила мужчину себе под стать.

— Ну уж нет! Эта красотка совершенно не в моем вкусе. Я попрошу Сомрис передать ей, что всю жизнь предпочитал миниатюрных женщин. Заниматься любовью с монстром — это слишком!

— Не вздумай ничего говорить Сомрис! Она сразу поймет, что ты обо всем знаешь. Это лишь ускорит развязку. — Опонта чуть помедлила. — И третий, кто заинтересован в том, чтобы ты не вернулся в Аквилонию, это Кхар Уба. У колдуна свои планы на твой счет.

— Это усложняет дело, — признался Конан. — Я рассчитывал на его помощь.

— И думать забудь! Ты можешь полагаться лишь на свои силы. И на меня.

Киммериец чуть свесился с коня и нежно обнял скачущую рядом девушку.

— Спасибо, Опонта. Но что может сделать слабая женщина?

— Я не такая уж слабая, как ты думаешь. И я не одна. Среди амазонок есть недовольные, которые считают, что пора положить конец жестокому обращению с мужчинами и вернуться к образу жизни наших предков до переселения на черный континент.

— Разумно! — похвалил Конан. — И много вас?

— Пока нет. Но многие амазонки в душе колеблются. Им тоже надоело насилие, чинимое Сомрис и ее кларинами. Если мы

открыто выступим на твоей стороне, они, думаю, поддержат нас.

— Конан во главе бабьего войска! — захохотал киммериец. — Ну, ладно, не обижайся, — торопливо добавил он, видя, что брови Опонты сдвигаются к переносице, — я убедился, амазонки не самые плохие, которых мне пришлось видеть в своей жизни.

Но девушка все же обиделась. Она ехала молча, не обращая внимания на попытки Конана разговорить ее. Лишь у самого края леса она чуть придержала коня и сказала:

— Ты должен знать еще вот о чем. В сокровищнице Сомрис хранятся доспехи Ульмвана, бога войны амазонок. Говорят, нет меча или стрелы, способных поразить человека, одевшего эти доспехи. Там же хранится меч Ульмвана. Сомрис и Горгия обе мечтают владеть этим оружием, но не знают волшебного слова, чтобы заставить пластины доспеха разъединиться, а меч — покинуть выкованные из серебристого металла ножны. Утверждают, что тайну доспехов и меча Ульмван раскроет лишь воину, достойному владеть оружием бога. Кхар Уба не один день бился над разгадкой этой тайны, но его магия оказалась бессильной.

Конан не ответил и тогда девушка посмотрела на него. Огромная фигура короля купалась в лучах заходящего солнца. Блики мягко обнимали стоявшего на взгорье всадника и его вороную лошадь, заключая их в ослепительно яркий ореол. Король молчал, устремив свой взор навстречу солнечным лучам. Его могучие мышцы перекатывались под иссеченной кожей и Опонта поняла, что Конан сейчас далеко — там, где поют неведомые трубы и огромный всадник на черном коне ведет в бой легионы закованных в металл львов. Она поняла это и замолчала, терпеливо ожидая пока взор короля прояснится.

Наконец Конан очнулся от наваждения и сказал:

— Я разгадаю тайну меча Ульмвана!

8

Едва опустилось солнце, в город примчался конь Армиссы. На губах его играла бешеная пена. Бока были в кровавых царапинах. Вышедший вместе с амазонками Конан отметил, что к царапинам, нанесенным его кинжалом прибавились настоящие. Видимо, на коня напал гепард или тигр. Поглядывая то на лошадь, то на безмятежного Конана Сомрис решила:

— Завтра утром отправляемся в лес на поиски Армиссы.

Когда появились звезды, она призвала Конана в свои покои. Это была их девятая ночь. Киммериец понял, что Опонта права в своих предположениях, что царица вскоре попытается избавиться от него.

Конан ушел от Сомрис уже под утро. Неподалеку от своей комнаты он был остановлен невысоким, ладно скроенным юношей. Незнакомец огляделся и, убедившись, что за ними никто не наблюдает, увлек короля в один из темных закоулков.

— Я хочу поговорить с вами, ваше величество, — торопливо произнес он.

— Ты говоришь по-аквилонски? — Конан с любопытством посмотрел на юношу. Чтобы решиться на подобный поступок требовалось немалое мужество.

— Да, ваше величество. Я родом из Пойптайна. Я служил в ополчении Просперо.

— На южных границах империи? А как ты очутился здесь?

— Во время стычки с котхийцами я был оглушен и попал в плен. Котхийцы продали меня стигийцам, а те в свою очередь чернокожему купцу из Дарфара. Купец обменял меня на слоновью кость у амазонок.

— Понятно, — протянул Конан. — И давно ты в Амазоне?

— Около двух месяцев, — ответил аквилонец и после небольшой паузы тихо добавил:

— И уже восемь любовных ночей.

Конан заметно оживился.

— Значит, ты был в Аквилонии, когда я исчез?

— Так точно, ваше величество. Все были очень обеспокоены вашим исчезновением. Паллантид отправил во все страны отряды на поиски короля. Но затем началась смута и поиски были прекращены.

Брови киммерийца нависли над посуровевшими голубыми глазами.

— Что еще за смута?

— Царевич Вельгул заявил о своих претензиях на аквилонский престол. Он арестовал Паллантида и Просперо и начал собирать армию против братьев. Одновременно он вошел в тайные сношения с Немедией и Котхом, обещая им значительные территориальные уступки, если они поддержат его притязания. Исконные враги Аквилонии не замедлили воспользоваться возможностью нанести удар по империи. Первыми напали немедийцы, затем котхийцы. Кормат поспешил на соединение с Фаррафом, но был разбит немедийским войском у Гальпарана. Ополчение пойнтайнайцев преградило путь котхийской армии, но предательски лишенное захваченного в плен предводителя потерпело поражение. В той битве я попал в плен.

— Проклятье! — выругался король. — Сопливый щенок! Ему мало было тех привилегий, которыми он пользовался по моему приказу. Дворец в Танасуле, целый гарем наложниц, свое десятитысячное войско на границе с Немедией. Вместо того, чтобы кусок за куском присоединять эту страну к империи, он обратился к ней за помощью в борьбе против братьев. Мне надо срочно вернуться в Аквилонию!

— Именно по этому поводу я и хотел переговорить с вашим величеством.

— Что ты можешь сделать, э... — Конан замялся.

— Тенанс. Мое имя Тенанс. В этом проклятом городе много мужчин и всех их ожидает мучительная смерть. Отважные люди

решили поднять восстание против владычества амазонок. Мы подожжем дома, где они живут...

— А дальше? — перебил юношу Конан.

Тенанс замялся.

— Попытаемся овладеть оружием, а если не удастся, убежим в сельву.

— Где вас тут же прикончат амазонки или дикие звери. Нет, бежать это не выход.

— Тогда будем драться! — горячо воскликнул аквилонец.

— Это мне больше по нраву. Но сколько вас?

— Человек триста наберется.

Конан потер ладонью лоб, что-то прикидывая в уме.

— Это капля в море. К тому же у вас нет оружия. Амазонки вас перебьют. Хотя с другой стороны можно рассчитывать, что восстание поддержит все мужское население Амазона. За исключением, конечно, деров...

— Они не мужчины! — яростно пробормотал Тенанс, как и все прочие невольники испытывавший сильную неприязнь к жестоким кастратам.

— Это верно, — согласился Конан. — Поэтому они будут на стороне амазонок. А значит нам придется сражаться с пятью тысячами женщин и деров. Все отлично вооруженные и обученные воевать. А на нашей стороне будет лишь огромная масса безоружных запуганных мужчин, думающих не о том, чтобы умереть достойно, а лишь чтобы хоть чуть продлить свою жалкую никчемную жизнь. Итог этой борьбы вполне очевиден.

— Значит, вы отказываетесь возглавить восстание? — в голосе юноши слышалось разочарование.

— Ни в коем случае. Я думаю, что нужно сделать для того, чтобы оно было успешным. И у меня, кажется, есть кое-какие соображения на этот счет. Ты можешь завтра ночью придти в мою комнату?

Тенанс на мгновение заколебался, затем ответил:

— Это непросто, но я попытаюсь.

Конан понимал, что юноша подвергает себя серьезной опасности. Но он не имел права на жалость. Ибо ставкой в игре, которую они начинали, была жизнь тысяч.

— Я жду тебя завтра в это же время. Если получится, я познакомлю тебя с человеком, который нам поможет. А теперь прощай!

— Прощай, мой король! — Тенанс припал губами к запястью Конана. Киммериец нетерпеливо освободил руку и отправился в свою комнату.

Однако осуществить этот замысел и свести Тенанса с Опонтой ему не удалось. Вмешался случай.

На рассвете триста амазонок во главе с самой царицей отправились на поиски Армиссы. Конан и Кхар Уба стояли на башне и смотрели вслед удаляющемуся отряду.

— Странно, если она погибла на охоте, — заметил Кхар Уба. — Кошки в этих лесах прежде не нападали на людей.

Он внимательно посмотрел на Конана, желая определить как тот отреагирует на его слова. Но киммериец оставался бесстрастен. Он уже не раз имел возможность убедиться, что Кхар Убе не стоит доверять абсолютно ни в чем. Конан намеревался в этот день пройтись по городу с тем, чтобы точно запомнить расположение постов деров, а также разведать наиболее удобные подступы к блокдомам. Кроме того, он хотел увидеться с Опонтой. Девушка похоже попала под подозрение. Во всяком случае Сомрис не взяла ее с собой, как это бывало прежде. Киммериец хотел успокоить возлюбленную и заодно сообщить ей о ночном разговоре с аквилонцем.

Но проклятый Кхар Уба вероятно был приставлен царицей шпионить за ним и куда бы ни пошел в этот день Конан, жрец тащился за ним по пятам, пытаясь втянуть киммерийца в бесконечные разговоры. В конце концов обозленный Конан стал подумывать о том не стукнуть ли ему надоедливого жреца кулаком по лысой голове, но внезапно его осенила весьма здравая мысль.

— Почтенный Кхар Уба, — начал Конан, повергнув этим обращением колдуна в замешательство, — одна из кларин случайно обмолвилась мне о том, что в царской сокровищнице хранятся доспехи бога Ульмвана и что эти доспехи обладают поистине волшебными качествами. Мне как воину было бы очень интересно взглянуть на них. — Видя, что жрец колеблется, Конан добавил:

— Или это невозможно? Может быть Кхар Убе запрещено входить в сокровищницу без ведома женщин?

Жрец, который уже собирался спросить имя кларины, открывшей Конану эту тайну, оскорбился.

— Кхар Уба пользуется полным доверием царицы Сомрис, — ответил он, высокомерно вскинув голову. — Я выполню твою просьбу и покажу тебе доспехи великого Ульмана.

С этими словами жрец повел Конана в левое крыло дворца, оканчивающееся высокой четырехугольной башней. По узкой винтовой лестнице они поднялись на самый верх. Здесь стояли на страже две амазонки. Кхар Уба слегка склонил перед ними голову.

— По повелению царицы.

Девушки не прекословя сняли массивный запор и распахнули заскрипевшую ржавыми петлями дверь.

Конан и его спутник вошли внутрь. В хранилище царил полумрак. Свет двумя узкими потоками вливался сквозь зарешеченные окна и расползался по наполненной пылью и драгоценным хламом комнате.

Пока Кхар Уба притворял за собой дверь Конан быстро осмотрел одну из решеток и удовлетворенно усмехнулся. При желании он мог одним ударом выбить прогнившие у пазов прутья

внутрь, а значит проникнуть в башню не составляло никакого труда.

Тем временем жрец подошел к одной из стен, сплошь увешанной оружием. Посередине стены висел черного цвета доспех, представлявший собой сплошной литой панцирь, без единого шва соединенный с шлемом. Доспех был сделан из какого-то диковинного, неизвестного в гиборийском мире материала. Когда Кхар Уба снял его со стены и передал киммерийцу, тот смог воочию убедиться в этом. Броня была почти невесома и очень тонка. Конан презрительно поморщился. Жрец ожидал подобной реакции. Он велел Конану поставить доспех на пол, снял со стены массивный бронзовый меч и размахнувшись обрушил его вниз. Клинок с жалобным звоном отлетел от матовой поверхности, не оставив на ней даже царапины. Зато на лезвии меча появилась здоровенная зазубрина. Конан присвистнул. Кхар Уба удовлетворенно улыбнулся, наблюдая как презрительное выражение на лице короля уступает место восхищению.

— Я пока еще не смог найти оружие, подобное оставить хотя бы вмятину на этом панцире. Но подобное оружие наверняка существовало. Если присмотреться, на груди и спине можно заметить множество мелких трещинок. Это следы от ударов, почти уничтоженные временем.

— А почему царица не носит этот великолепный доспех? — прикидываясь незнающим спросил Конан.

Кхар Уба замялся и в конце концов решил соврать.

— Она находит неприличным для смертной женщины облачаться в доспехи бога.

— Я полагал, что царица не простая смертная. Впрочем, если она стесняется, я могу примерить доспех на себя.

— Ты забываешься, варвар! — воскликнул Кхар Уба. — Хотя, можешь попробовать. Но бьюсь о заклад, тебе не разгадать тайну этой брони, которая известна лишь всемогущим богам и их жрецам.

Конан ничего не ответил. Он повертел доспех в руках, но не нашел ни единой защелки, которая должна была разделить латы на две половины и отстегнуть шлем. Повозившись еще немного, он с озадаченным видом вернул доспех торжествующему жрецу.

Кхар Уба был очень доволен его неудачей. Повесив доспех на место он подал Конану меч. Но как ни напрягал киммериец свои могучие мускулы, он не смог вытащить клинок из окрашенных в оранжевый цвет ножен.

Улыбаясь жрец принял от Конана меч Ульмвана и повесил его на стену рядом с доспехами.

— Здесь немало сокровищ, варвар. — Кхар Уба обвел вокруг себя рукой. Но ни одно из них не может сравниться с волшебным оружием бога Ульмвана. Тот, кто раскроет его тайну, станет непобедимым воином.

Киммериец усмехнулся. Уж не ему ли, одержавшему верх в

тысячах схваток и поединков, знать, что не оружие, а доблесть, сила и оттачиваемое годами умение способны сделать бойца непобедимым. Но Конан не снизошел до ответа, а лишь повинуясь старой воровской привычке незаметно сунул за пояс огромный сверкающий сапфир, равного которому не было в его королевской сокровищнице. Сопровождаемый разглагольствующим жрецом он направился к выходу. Но не успели они сделать и двух шагов как дверь распахнулась и на пороге появилась взволнованная Опонта.

— В чем дело?! — воскликнул Конан, заметив, что девушка держит в руке окровавленный меч.

— Боги! — крикнула амазонка. — Царица родила сына!

— И что же? — ничего не понимая спросил киммериец.

— А то, мой дорогой король, — пропел из-за его спины голосок жреца, — что согласно законам Амазонии мужчина, от которого царица родила сына, должен быть немедленно умерщвлен. Вместе со своим отпрыском. Прощай, варвар из Киммерии!

9

И тогда Конан громко расхохотался. Отшвырнув в сторону изумленного столь неожиданной реакцией жреца, он сорвал со стены доспех Ульмвана. Тоненько щелкнул не потерявший за многие столетия силу потайной запор и в руках короля оказался покатый с матовым забралом шлем. Уверенно, словно провел в нем всю свою жизнь, Конан надел шлем на голову. Еще два щелчка и мощный торс короля был облачен в доспех. Оправившийся от растерянности жрец кинулся было к волшебному мечу, но Конан ударом кулака бросил его на плиты пола. Он взял в руки меч, подставил его свету и яркие всполохи заиграли на освобожденном от оболочки металле. В довершение всего король поднял стоявший у стены щит с бронзовым леопардом посередине.

Таким он и предстал перед ворвавшимися в сокровищницу амазонками. То были кларины, посланные схватить Конана. Увидев, что он облачен в доспехи Ульмвана, они поняли, что не смогут взять короля живым и вскинули луки. Но Конан действовал куда быстрее их. Гигантское тело киммерийца взвилось в воздух. Спустя миг он уже находился в толпе обезумевших от ужаса воительниц, со страшной размеренностью поднимая и опуская меч. Ему прежде никогда не приходилось убивать в бою женщин, но сейчас он делал это с удовольствием.

Вскоре все было кончено. На полу в лужах крови распластались двенадцать амазонок, уцелевшие с криком бежали прочь из башни. Конан и Опонта последовали за ними, не забыв запереть в сокровищнице лежащего без сознания Кхар Убу.

Едва амазонки узнали, что киммерийцу каким-то образом удалось овладеть оружием бога Ульмвана, как среди них началась паника. Воспользовавшись этим, Конан и его спутница беспре-

пятственно покинули дворец. Около конюшни их ждали несколько подруг Опонты, решивших присоединиться к бунту.

Одна из них подбежала к королю и склонила голову, признавая его превосходство.

— Говори! — велел Конон.

— В городе начались волнения среди ферулов. Огромная толпа вооруженных чем попало мужчин пытается взять штурмом блокдом в восточной сфере.

— Отлично! Присоединимся к ним. — Конан легко вспрыгнул на коня, но в тот же миг опомнился. — Постой. Я совершенно забыл об этом. Так Сомрис и вправду родила сына?

— Да.

— Где он?

— Должно быть в покоях царицы. Скоро его принесут в жертву Лиллит.

— Что?! — Рык варвара был подобен реву разъяренного яфанта. — Моего сына в жертву?! Ждите меня здесь!

— Конан, это опасно! — крикнула ему вслед Опонта, но киммериец уже не слышал ее. Вороной конь во весь опор несся к центральной галерее дворца. Попадавшиеся навстречу амазонки разбегались с испуганными криками. Лишь одна из них попыталась сразить короля из лука. Конан сшиб ее конем.

Вот и покои царицы. Не выпуская меча из рук Конан встал на спину нервно пляшущего жеребца и прыгнул прямо в царскую опочивальню. Составленное из ровных квадратиков слюды окно разлетелось вдребезги. Киммериец покатился по полу и тут же вскочил на ноги, отражая нацеленный в его голову удар. Ответным выпадом он пробил атаковавшей его амазонке грудь.

Со всех сторон к нему бежали вооруженные копьями девушки из личной охраны Сомрис. Волшебный меч Ульмвана блистал подобно молнии. Вскоре пол был устлан бьющимися в агонии телами и отсеченными конечностями. Скользя в лужах дымящейся крови Конан бросился к царице. Ее, совершенно ослабевшую от родов, вели под руки две кларины, пытаясь спасти повелительницу от ярости варвара.

Двумя ударами Конан покончил с этими последними защитницами и занес меч над головой Сомрис.

— Где мой сын?!

Царица задрожала. Все ее естество, воспитанное на пренебрежении и ненависти к мужчине, протестовало против подчинения его воле, но в глазах Конана была смерть. Царица сглотнула скопившийся в горле страх и выдавила:

— Он в храме Лиллит. Это сразу за дворцом. Его сейчас приносят в жертву.

Сказав это, она упала на пол и закрыла голову руками, будучи уверена, что киммериец не пощадит мать, отдавшую на заклание своего родного ребенка. Она ожидала удара меча. Ждала невыносимо долго. Но смерть все не приходила. Когда Сомрис решилась

открыть глаза, Конана уже не было. На его месте стояла Латалия. Коротко вскинув над головой острый меч, кларина перерубила царице шею...

Конан тем временем бежал по длинному коридору, соединявшему дворец с храмом Лиллит. Мечь Ульмвана безжалостно расправлялся со всеми, кто отваживался стать на пути киммерийца. У входа в храм на Конана напали десять вооруженных длинными копьями деров. Они рассчитывали оттеснить его и пришпилить к стене словно гигантского жука. Троих из них варвар убил в одном выпаде. Первого снизу в живот, присев под направленное на него копье. Второго поднимая голову, мечом снизу вверх, стесав врагу половину лица. Третьего он достал самым кончиком клинка, перерубив яремную жилу, мгновенно плюнувшую фонтаном крови.

В тот же миг в него ударили несколько копий. Четыре из них с хрустом разлетелись, встретив на своем пути броню доспеха. Одно сцарапало левый локоть. Конан мгновенно посчитался с обидчиком, затем вспорол животы еще двоим. Уцелевшие деры бросились бежать, но разъяренный киммериец настиг их и перебил на ступеньках храма.

Он успел вовремя. Черноволосая жрица как раз занесла ритуальный нож над крохотным розовым телом.

— Стой! — крикнул ей Конан.

Та испуганно повернула скуластое лицо на его возглас.

— Стой, — повторил Конан тише, опасаясь, что жрица испугается и рефлексивно ударит ножом его сына. — Иначе умрешь.

В том, что он сдержит свое обещание, сомневаться не приходилось. Повинуясь его тяжелому взгляду жрица уронила нож и бросилась вон из храма. Конан пощадил ее.

Он подошел к жертвеннику и осторожно взял на руки крохотного пищащего младенца. Мальчик. Сын. Его сын. Снаружи донеслись крики амазонок, напомнившие Конану, что надо спешить. Но как поступить с ребенком? Только сейчас Конан осознал, как тот уязвим. Достаточно одной стрелы, даже не отравленной. Да что стрелы! Достаточно крохотной царапины, нанесенной кинжалом, чтобы малыш замолчал навсегда.

Тогда Конан решительно снял с головы шлем и положил в него своего сына словно в люльку. Младенцу было неудобно и он тоненько заплакал. Зато теперь он был в безопасности.

— Ничего, малыш, привыкай! Тебе еще придется побывать и не в таких передрягах!

С этими словами киммериец выскочил из храма. Его уже ждали. Десяток стрел, пущенных со всех сторон, со свистом устремились в цель. Некоторые из них отлетели от доспеха, другие вонзились в незащищенные участки тела. Раны были несерьезными, а о том, что наконечники стрел могут быть отравлены, Конан старался не думать. Прижимая у груди шлем левой рукой, он ударами меча расчистил себе дорогу и побежал по площади, окружавшей дворец. Отчаяние придавало киммерийцу силы.

Внезапно из-за поворота появилась группа всадниц. Осадив коней они вскинули луки. Конан замедил бег, приготовившись к тому, что через мгновение в него вопьются еще несколько стрел, но те полетели выше, в преследовавших киммерийца амазонок.

Опонта! Она ослушалась приказа и не осталась ждать Конана у конюшен. Еще несколько усилий и киммериец сидел на коне. Отбиваясь от погони стрелами кавалькада понеслась к восточной сфере.

У дороги, ведшей к городским воротам, Конан остановился и подозвал к себе Опонту.

— Возьми его.

Амазонка нерешительно приняла ребенка на руки. В ее взгляде читались страх нерожавшей женщины и неприязнь к существу, разлучавшему ее с любимым. Опонта прошептала:

— Конан, но я хочу остаться с тобой...

— Нет! — отрезал варвар. — Намного важнее спасти жизнь моему сыну. Жди меня на нашей поляне. — Киммериец усмехнулся, видя что она все еще колеблется. — Не волнуйся, со мной ничего не случиться. Сегодня не тот день, в который умирают короли.

Конан воздел вверх меч.

— Сегодня не тот день!

10

Восстание ферулов приобрело угрожающие для амазонок размеры. Вначале пожар мятежа вспыхнул в восточной сфере, где жила большая часть друзей Тенанса. Едва юный аквилонец узнал, что королю грозит опасность, он оставил дворец и бросился оповестить о случившемся единомышленников. Мгновенно оценив ситуацию они поняли, что откладывать выступление нельзя.

— Сегодня они убьют короля, а завтра всех нас! — бросил бородатый кушит Алим. Сказав это, он вышел на улицу и свернул шею первому попавшему навстречу деру. Обратного пути уже не было.

Поначалу восставших была горстка, но по мере того, как им удалось обезоружить несколько групп деров, к ним присоединялось все больше и больше людей. Вскоре бунт охватил всю восточную сферу и выплеснулся за ее пределы.

Заимев немного оружия, восставшие решили взять приступом блокдом. В нем к моменту начала восстания находилось не более сотни амазонок. Приступ следовал за приступом, но амазонки отражали их с четкостью хорошо отлаженного механизма, устлав пустырь перед блокдомом сотнями трупов нападавших.

Окружение Сомрис быстро оценило опасность невиданного доселе выступления. На его подавление были направлены крупные силы. Три тысячи воительниц и деров атаковали восставшую сферу, сторожевые сотни начали патрулирование улиц в остальных районах, пресекая малейшую попытку неповиновения.

Именно таким было положение, когда Конан и его спутницы прибыли к месту восстания. Король немедленно предпринял ряд мер, чтобы укрепить оборону. По его приказу цепи восставших заняли окружавший сферу периметр. Используя разграничительные валы и наблюдательные башни, восставшим удалось задержать продвижение отрядов противника.

Сам Конан вместе со своей, привлекающей недоброжелательное внимание ферулов, свитой возглавил атаку блокдома. Прикрываясь щитом, он выбил дубовую дверь, а хлынувшая за ним толпа восставших, воя, расправилась с амазонками.

Это был серьезный успех, но как опытный воин Конан понимал, что на этом все и закончится. Держащаяся на мимолетном яростном порыве масса должна была вскоре дрогнуть и броситься в паническое бегство. Это понимали и амазонки. Освободив крепостную стену вдоль восточной сферы, они словно предлагали мятежникам прекратить сопротивление и искать спасения в ближайшем лесу.

Уже темнело, когда разведчики захватили в плен лучницу амазонку. Вымещая кулаками накопившуюся злобу, они приволокли ее к Конану. Из расспросов удалось выяснить, что амазонки накапливают силу для решающего удара, который будет нанесен как только прибудут в город полки, спешно отозванные королевой Латалией с северных рубежей.

— Латалия? Королева? — удивился Конан, вызывая взаимное изумление пленницы.

— Но ты же сам убил Сомрис!

Конан лишь покачал головой.

— Ай да Латалия!

В это мгновение взревели вошедшие в город яфанты. Амазонки начали атаку.

Оборона повстанцев была прорвана первым же натиском. Раскрашенные белыми полосами яфанты перевернули одну из сторожевых башен, повергнув защищающихся здесь ферулов в неописуемый ужас. Еще можно было спасти положение, если отогнать животных огнем. Конан и его помощницы так и поступили, превратив с помощью пропитанных смолою стрел деревянную башню в гигантский костер. Однако весть о появлении грозных ами успела разнестись по всей сфере. Не слушая увещеваний предводителей, ферулы бросали с таким трудом добытое оружие, прыгали со стены и устремлялись к спасительному, как они думали, лесу. Вскоре защитный периметр опустел. Почувствовав это, амазонки приступили к решительному штурму. Под рев боевых труб они взобрались на вал и несколькими потоками устремились к блокдому, перед которым стояла толпа из нескольких сот восставших во главе с Конаном. Киммериец уже подумывал о том, чтобы прорвать оцепление и выбраться из города, но в это мгновение картина боя внезапно изменилась.

Стройные ряды амазонок и деров дрогнули и начали пятиться

назад. Затем они быстро перестроились в три ощетиненных копьями карэ, проходы между которыми заняли всадники и слоны. Все говорило о том, что у восставших появился неведомый союзник.

Размышления Конана по поводу того, кто бы это мог быть, прервала подскакавшая кларина. Спрыгнув с лошади, она подошла к королю и склонила голову. Этот жест вызвал у Конана удовлетворение, но вместе с тем и тревогу. Что же должно произойти, если амазонки склоняют голову перед теми, кого еще вчера считали ниже земляных червей.

— Великий король, царица Латалия просит тебя о перемирии. В северную сферу Аржума ворвались орды серых каннибалов. Царица просила узнать у вас и ваших людей, не согласитесь ли вы присоединиться к войску амазонок. В этом случае вам всем будет даровано прощение и гарантирован свободный проезд в Зимбабве или на север.

Конан не ответил. Молчали и окружающие его ферулы. Над пустырем повисла тишина. И тогда все услышали, как откуда-то издалека доносится дикий нечеловеческий вой. Он становился все слышнее, обретая глубину и силу, пока не стал похож на шум гигантской волны, порожденной демонами тьмы в глубинах океана.

Это приближались серые каннибалы, дикари, жившие в непроходимых лесах к северо-востоку от Амазона. Мир не знал существ более кровожадных, чем эти. Попавший в их руки путник сотни раз успевал пожалеть о том, что вообще появился на свет. Подобно кровожадным демонам они уничтожали все живое, встречавшееся на их пути, не щадя ни женщин, ни грудных младенцев. Их мир был жесток, подобно миру амазонок, но то была безумная животная жестокость, имевшая целью лишь удовлетворение похотливой страсти — причинение боли.

Не знающие ни племен, ни вождей серые каннибалы время от времени сбивались в огромные стаи, совершавшие опустошительные набеги на черные княжества, Амазон или Атлаю.

Обычно войско амазонок, предупрежденное о приближении серых каннибалов сторожевыми разъездами, встречало врага на обширных лугах перед городом, где меткие луки и быстрые кони давали воительницам неоспоримые преимущества. Но в этот раз стража была отозвана для подавления мятежа, позволив тем самым дикарям не только без помех подойти к городу, но даже захватить городские стены.

Времени на долгие раздумия у Конана не было. Амазонок тоже нельзя было назвать ангелами, но серые каннибалы были поистине дьяволами, выпущенными из преисподней.

— Мы с вами, — сказал киммериец. — Но при условии, что царица даст слово освободить всех ферулов.

Очевидно, Латалия предвидела, что Конан выдвинет подобное требование, и дала своей посланнице четкие полномочия.

— Она согласна, — мгновенно ответила кларина и добавила, чуть усмехнувшись. — Тем более, что мало кто из них сумеет спастись от зубов и дубин серых каннибалов.

Замечание было циничным, но оно не противоречило истине. Конан понимал, что, захватывая сферы, каннибалы уничтожают все живое, не разбирая кто перед ними — амазонка или рабферул. О том, что в прочих сферах уже шла резня, свидетельствовали доносящиеся издалека вопли да группки спасающихся бегством амазонок, деров и ферулов, одна за другой появлявшиеся из-за оборонительного периметра.

Конан собрался спросить кларину, какое место надлежит занять его отряду, но в это мгновение дикий вой выплеснулся на площадь.

Из всех улиц и проулков разом хлынула огромная, подобная скользкому многощупальцевому спруту масса каннибалов. Размахивая дубинами и копьями, они набросились на стройные шеренги карэ. Кларина вскрикнула, вскочила на коня и умчалась на помощь подругам.

Конан не последовал ее примеру. Будучи опытным воином, он видел ошибку, допущенную Латалией. Стремясь растянуть боевую линию войска, чтобы не допустить охвата с флангов, царица решила ввести в бой сразу все свои силы. А между тем никто не мог поручиться, что серые каннибалы не нападут с тыла. Судя по тому, с какой быстротой они продвигались, их толпы вот-вот должны были овладеть южной сферой и ударить в спину амазонкам. Отряд Конана был единственной силой, способной помешать им осуществить это намерение.

Поэтому киммериец приказал своим людям оставаться на месте и одновременно выслал нескольких дозорных к границе с южной сферой.

Перед его глазами разворачивалась картина самого удивительного боя, когда-либо виденного им в своей жизни; боя, в котором воинское искусство противостояло ярости дикой природы.

Амазонки — Конан уже не раз имел возможность убедиться в этом — были идеальными воинами. Вне всякого сомнения они уступали нандерландским рыцарям во владении мечом или пикой, а боссонским лучникам в умении обращаться с луком, но зато они были превосходно, до автоматизма, организованы. Каждая четко знала свое место в строю и свою задачу. Действия отрядов амазонок были похожы на работу четко отлаженного механизма.

Выдвинутые чуть вперед шеренги карэ приняли на себя первый натиск каннибалов. Напоровшись на медные острия пик деров, передние дикари завизжали и заставили толпу податься назад. Тотчас же в сплошное месиво воющих тел ударили одна за другой три лавины стрел. Несколько рядов наступавших были начисто выкошены, образовав вал из трупов.

Но дикарей это мало смутило. Разбросав тела погибших

собратьев, они устремились в новую атаку. На этот раз их натиск был более яростным. В нескольких местах каннибалам удалось прорвать шеренги деров и ворваться внутрь карэ, где их встретили вооруженные мечами амазонки. Понимая, что еще миг и ее воинство дрогнет, Латалия бросила в атаку шестерых яфантов и два отряда конницы.

Не раз встречавшиеся с гигантскими животными в своих девственных лесах дикари не дрогнули перед их грозным видом. Пустив в ход вымоченные в ядовитом соке пики, каннибалы быстро вывели яфантов из строя. Два из них упали на землю, сотрясаясь от конвульсий, еще три взбесились от яда и, беспорядочно давя своих и чужих, бежали прочь с поля битвы. Последний, самый массивный яфант рухнул прямо на шеренги центрального карэ, убив и искалечив множество деров.

С большим трудом амазонкам удалось отбросить нападавших и восстановить прорванную было боевую линию. Но главная опасность, как и предполагал Конан, надвигалась не с той стороны. В тот миг, когда серые каннибалы попятились, воя и потрясая окровавленным дубьем, к Конану подбежал дозорный. Лицо его было бело, как мел, зубы клацали.

— Они идут!

Король поднял руку, взывая к вниманию своих воинов. Глаза его блестели, в голосе звучал металл.

— Мы должны остановить этих тварей. Бейтесь до последнего и помните, что вы сражаетесь не за Амазон, не за амазонок, а за себя. Ведь если мы побежим, в этом городе не останется ни одного живого человека. Помните, вы бьетесь за право вернуться на родину!

Дождавшись, когда стихнут крики ферулов, Конан вскинул над головой меч и направил коня к блокдому, из-за которого уже появились первые кучки врагов.

Серым каннибалам никогда не приходилось иметь дело с таким могучим и умелым противником как Конан, но и варвар еще ни разу не участвовал в более яростной и по-животному жестокой схватке.

Коня под ним убили сразу, киммериец едва успел отправить на тот свет с десяток дикарей. Успев выскочить из седла до того, как скакун рухнул наземь, Конан могучим ударом развалил надвое облепленного золой врага. Именно эта зола от каннибальских костров, нанесенная на влажное тело, окрашивала черную кожу дикарей в серый цвет.

А дальше началась сеча, напоминавшая скорее кровавую резню. То был бой по правилам дикарей. Точнее, без всяких правил, без чести. Лишь ярость, ненасытная жажда крови и стремление покончить с врагом любым путем, любой ценой.

На киммерийца наваливались сразу по десять-пятнадцать врагов. Он стремительно оборачивался во все стороны и рубил, и колол, и сек незащищенные доспехами тела каннибалов. Вскоре

вокруг короля высились груды изуродованных тел, но количество врагов не убывало.

Неподалеку от киммерийца бились ферулы и несколько амазонок. Они также сражались в окружении сразу нескольких дикарей, бравших не умением, а числом и напором. Уложив десяток-другой каннибалов воин ослабевал от многочисленных ран, нанесенных отравленными копьями, и тогда на его голову обрушивались дубины.

Видя, как один за другим гибнут его бойцы, Конан понял, что их строй вот-вот будет прорван. Издав воинственный клич, киммериец умножил свои усилия. Забрызганный с ног до головы, он стоял на груде мертвых тел, а волшебный меч Ульмвана находил все новые и новые жертвы.

Но горстке воинов было не под силу остановить яростный натиск бесчисленных полчищ полулюдей. Силы обороняющихся таяли, и вскоре Конан с отчаянием заметил, что серые фигурки дикарей кое-где прорвались через заслон и устремились в тыл отчаянно сражающимся амазонкам.

— Клянусь Кромом! — взревел варвар. — Эта проклятая страна все же не собирается выпустить меня живым!

Но что это? С крепостной стены внезапно посыпались вниз громадные багрового цвета фигуры. Словно безмолвные призраки врезались они в толпу воюющих каннибалов. Конан не поверил своим глазам. Дикари, которых не могли устрашить ни сталь, ни гигантские яфанты, бросились врассыпную. Они кидали на землю свое оружие, даже не пытаясь сопротивляться, и искали спасения. А багровые монстры настигали их и рвали на части.

Амазонки радостно закричали. Багровые существа ответили им ревом, заставившим вздрогуть крепостные стены. В этом реве не было ничего человеческого. Своим скудным полулюдским умишком дикари поняли, что отныне они имеют дело не с человеком, а со зверем. Зверем диким и древним. И их успевшие наполовину очеловечиться сердца дрогнули от ужаса. Спасаясь от невесть откуда взявшихся монстров, они устремились в паническое бегство. Остатки отряда Конана оказались на их пути. Почти все ферулы погибли, растоптанные тысячью ног, но варвар устоял перед напиравшей на него серой массой. Прорубившись сквозь нее, Конан встретился с созданиями, повергшими в ужас серых каннибалов.

То были гигантские багровые обезьяны, монстры, равных которым не сохранилось на земле. Гигантский Так, убитый киммерийцем в доме жреца Набонидуса, показался бы карликом по сравнению с этими чудовищами, каждое из которых не менее, чем на три головы возвышалось над киммерийцем.

Столкнувшись с Коннаном, обезьяна скользнула по человеку вполне осмысленным взглядом и, обойдя его, продолжала свою кровавую забаву. Конан проследил за тем, с какой легкостью она

разорвала орущего каннибала, и ему на память вновь пришел бык, найденный им на тропе у водопоя.

За стеной послышался звук копыт. Конан обернулся. Всадница подняла жеребца на дыбы, а затем могучей рукой осадила его, заставив замереть на месте. Это была Горгия, облаченная в бронзовый доспех и шлем с высоким рыжим гребнем. В руке ее был зажат массивный, забрызганный кровью меч.

— Тебе понравились мои слуги, варвар?

Конан молча кивнул. Нагнувшись, он вытер свое оружие о одежду убитой амазонки. Горгия внимательно смотрела на него.

— Я вижу, ты разгадал секрет доспехов Ульмвана.

— Это было несложно.

— Гляжу я на тебя, варвар, и думаю: уж не сам ли бог Ульмван забрел в наши края? Могучий, голубоглазый и вечно молодой.

— Вполне возможно, — ответил Конан, слегка удивляясь тому, что эта монстрообразная женщина обладает весьма здравым умом и очень разумной речью.

— Тебе они подходят, — заметила Горгия. Она по-прежнему внимательно смотрела на Конана и во взгляде ее было трудно прочесть чувства, которые волновали великаншу в этот момент. — Я приглашаю тебя, варвар, посетить мой дом в священной роще. Будь гостем.

— Спасибо за приглашение. Но я намереваюсь завтра утром покинуть Амазон.

— Собираешься домой?

— Да.

— Жаль. Но я надеюсь, что ты все же передумаешь. Я буду ждать тебя к обеду.

Последние слова Горгия вымолвила медленно, словно смакуя. Затем она тронула уздцы и ускакала. Конан облегченно вздохнул.

На поле брани опускались кровавые тени. Амазонки и ферулы подбирали раненых и безжалостно добивали уцелевших каннибалов. Вскоре взошла луна. И тогда за городской стеной завыли сотни шакалов. Они чуяли разлагавшуюся плоть.

Запах падали, словно вино, кружил шакалам голову.

11

Латалия сдержала свое слово. Конан и все захотевшие уйти с ним, получили возможность беспрепятственно покинуть город. Впрочем, даже пожелай царица разделаться с киммерийцем, она вряд ли смогла бы сделать это. Нашествие серых каннибалов потрясло державу амазонок. Погибло около двух тысяч девушек, почти все деры, большая часть ферулов. Аржум был разрушен, а главное — завален десятками тысяч трупов. Гниль и зараза пропитали опустошенный город от основания стен до шпилей башен. Прощаясь с Конаном, новая царица сказала:

— Видимо, нам придется строить новый город.

Киммериец молча пожал ей руку. События минувшего дня примирили его с амазонками. Похожие чувства испытывали и воительницы по отношению к мужчинам. Многие из ферулов заметили это и изъявили желание остаться в Амазоне. В их числе был кушит Алим. Плотоядно поглядывая на Латалию, чья великолепная фигура не могла не привлечь внимания, он пояснил Тенансу и Конану, пытавшимся уговорить его отправиться с ними:

— Им уже не удастся вернуть прежние порядки. Силы амазонок подорваны. Да и мы уже не те. Мы имеет оружие и полны решимости защищать себя. А кроме того, амазонки наглядно убедились, что мужчины в военном деле стоят не меньше женщин.

Действительно, воительницы в должной мере оценили услугу, оказанную им отрядом Конана. Они до сих пор с почтением посматривали на огромные груды трупов, наваленные там, где бился король-варвар.

Но большинство мужчин все же опасались, что пройдет время и амазонки вернутся к прежним обычаям. Они решили присоединиться к Конану. Желание покинуть Амазон изъявили и две сотни амазонок, мечтавших повидать гиборийские страны.

Дав день на сборы, Конан в сопровождении Тенаса и трех подруг Опонты отправился в лес, где на поляне его должны были ждать возлюбленная и сын.

Всю дорогу Конана терзали мрачные предчувствия. Едва маленький отряд очутился на поляне, они воплотились в реальность. Опонты и ребенка здесь не оказалось. На дереве, под которым Конан и амазонка не раз занимались любовью, красовался отпечаток огромной обезьяньей лапы. Киммериец понял, что ему все-таки придется принять приглашение Горгии. Велев своим спутникам возвращаться в город, Конан погнал коня в сторону священной рощи.

Эта роща представляла собой весьма необычное зрелище. Деревья и кустарники здесь располагались по определенным зонам так, что создавалось впечатление искусственности этих насаждений. Сначала шли очень густые, почти непроходимые заросли кустарника, образующие три концентрические линии. Далее взору путника представали высоченные эвкалипты. В самом центре росли огромные бочкообразные баобабы. Именно сюда вели следы обезьяньих лап. Здесь находилось жилище Горгии.

Вопреки ожиданиям Конана это была не пещера и не сложенная из неотесанных камней башня, а аккуратный бревенчатый дом с широкими окнами и покатой черепичной крышей. Точно такие же строили себе аквилонские крестьяне.

Набросив поводья на торчащий из земли кол, Конан спрыгнул с лошади и зашел в дом. Горгия была у себя. Покрытая все тем

же странным колпаком, без которого она не появлялась в городе, великанша возилась у очага, снимая с вертела куски мяса. При звуках шагов Конана женщина обернулась.

— А, варвар... — протянула она. — Приехал все-таки.

Киммериец молча кивнул головой. Пододвинув к себе один из массивных деревянных табуретов, он сел на него, облокотившись рукой на заставленный яствами стол. Судя по обилию блюд, Горгия постаралась на славу, готовя этот обед.

— Где Опонта и ребенок? — резко спросил Конан.

— Не спеши, — ответила Горгия. — Всему свое время.

Поставив блюдо на стол, великанша исчезла в соседней комнате. Вскоре она вернулась, облаченная в свое лучшее платье. Конан взглянул на нее несколько другими глазами. В общем, она была не столь уродлива. Если бы не огромные размеры и дурацкий колпак на голове, ее можно бы было посчитать вполне миловидной. Правда, очень отталкивающее впечатление производили глаза, слишком глубоко посаженные и от этого жутковатые.

— По какому поводу пир? — спросил киммериец, положив на стол массивные кулаки.

— В честь аквилонского короля, чей доблестный меч спас амазонок от нашествия серых каннибалов.

Наполняя кубки вином, Конан заметил:

— Пожалуй, здесь надо благодарить тебя и твоих гигантских обезьян.

— Мы подоспели вовремя, но если бы не ты, наша помощь запоздала.

Конан не стал спорить. Осушив бокал вина, он пододвинул к себе блюдо с жарким. Мясо было восхитительно, чуть сладковатое на вкус, с душистыми кореньями. Оставив на время дипломатические уловки, Конан жадно насыщался. Накануне и утром ему было не до этого. Горгия, напротив, почти не ела, а лишь смотрела на Конана. Наконец варвар отодвинулся от порядком опустошенного стола.

— Зачем я тебе понадобился?

Подперев рукою массивный подбородок, Горгия исподлобья взглянула на Конана.

— Хочу предложить тебе одну сделку. Ты остаешься со мной, а за это...

— Что за это? — нахмурившись, перебил ее Конан.

— Я оставлю жизнь твоему ребенку и девчонке.

— Не пойдет. Даже если бы ты была в сотню раз привлекательней, я не согласился бы на твое условие. Мне пора возвращаться в Аквилонию. Кстати, это одна из причин, почему я здесь. Мне нужен перстень Черного Ормазда.

Горгия удивилась.

— Перстень? Я думала ты пришел за своей любовницей и сыном.

— Это само собой разумеется. И еще мне нужен перстень. С

его помощью я смогу немедленно перенестись в Тарантию, не тратя время на долгое и опасное путешествие.

— У меня нет перстня.

— Но Сомрис сказала мне, что он у тебя!

— Моя бедная сестра солгала. Он в железном ларце в царской сокровищнице.

— И никто кроме тебя не знает об этом?

— Кхар Уба. Он знает. Это он настоял, чтобы перстень положили туда.

— Лысая обезьяна! — рассвирепел Конан. — Он заявил мне, что кольцо у него отняли.

— Чушь. Моя сестра собственноручно приняла его у Кхар Убы и спрятала в указанном им месте. — Взгляд черных жутких глаз уперся в лицо Конана. — Ведь это не ты убил ее?

— Конечно, нет. Я не воюю с беспомощными женщинами.

На лице Горгии появилось подобие улыбки.

— Значит это Латалия. Я так и думала. Сестра не любила меня, я платила ей тем же. Но кровь у нас одна. И она должна быть отомщена. Скоро посланные в город обезьяны приволокут подлую убийцу, имевшую ко всему прочему наглость объявить себя царицей, к моим ногам.

— Это ваши счеты, — сказал Конан. — Верни мне Опонту и ребенка и я уйду.

Великанша покачала безобразной головой.

— Нет. Ты останешься со мной. Новой царице нужен король.

— Демоны ночи! — Конан стукнул кулаком по столу. — И ты туда же! Должно быть ты хочешь, чтобы я применил силу.

Его заявление вызвало смех Горгии.

— Было бы любопытно на это посмотреть.

Конан заколебался. Он был вооружен, но нападать с мечом на безоружную женщину было не слишком благородно. А глядя на огромные мышцы Горгии, у варвара появлялось сомнение, сможет ли он справиться с ней голыми руками. Тогда Конан решил пойти на хитрость.

— Впрочем, — равнодушно протянул он, — к чему наш спор? Аквилонскому королю не больно-то нужна однограудая девка, а из его бастардов можно сколотить целую гвардейскую сотню. Куда больше меня интересует кольцо Ормазда, а если оно не у тебя, то мне здесь нечего делать. Прощай, красотка, я возвращаюсь в город.

С этими словами Конан встал и отправился на двор. Нарочито медленно освобождая поводья коня, он ждал, что Горгия остановит его, и не ошибся.

— Постой, варвар! — Конан с удивлением отметил, что Горгия успела надеть панцирь и шлем, а в руке держала меч. — Хорошо, я отдам тебе их.

— Так-то лучше! — заметил, повеселев, Конан.

Тяжело ступая обутыми в подкованные медью сапоги ногами,

Горгия повела киммерийца за дом, где находились хозяйственные постройки. Она не казалась рассерженной, а, напротив, вполне миролюбиво объясняла:

— Здесь я держу свой домашний скот. Здесь же я его забиваю. Я люблю мясо и умею неплохо его готовить. Надеюсь, тебе понравилось мое жаркое, король Конан? — Киммериец утвердительно кивнул. — Она была молодой и сочной, поэтому мясо вышло таким вкусным.

— Кто она? — спросил Конан, в голове которого стали зарождаться смутные подозрения.

— Она!

Горгия с криком откинула грязную рогожу и взору киммерийца предстала лежащая на окровавленной колоде голова Опонты. Широко открытые глаза девушки были покрыты мутной пленкой.

— Ты не захотел быть со мною, так умри от моей руки!

Гигантша рассчитывала, что ошеломленный увиденным Конан не успеет увернуться от ее удара. Но в этом случае ей не стоило произносить столь длинную тираду. Склонность к красивой позе погубила не одного воина. В самый последний момент киммериец ускользнул от падающего на его голову клинка и отпрыгнул в сторону. В его руке блеснул вырванный из ножен меч Ульмвана.

— Гаденыш! — процедила Горгия. — Прав был Кхар Уба, предлагая убить тебя в первый же день. А все эта идиотка сестричка, которой захотелось поблудить со здоровенным мужиком.

Великанша поднесла к толстым губам крохотный золотой свисточек и резко дунула в него. Невдалеке раздался рев. Амазонка кровожадно ухмыльнулась.

— Слышишь, Готтом уже спешит сюда. Тебе конец, варвар!

— Сначала я разделаюсь с тобой, а затем и с твоим Готтомом! — зверея от нахлынувшей ярости процедил Конан. Его меч описал дугу и устремился в живот амазонки. Но та ловко увернулась и ответила мгновенным выпадом. Конан парировал удар и контратаковал.

Какое-то время они бились на равных. Киммериец значительно превосходил Горгию в технике боя, но та компенсировала этот свой недостаток нечеловеческой силой и ловкостью. Несмотря на огромную массу перемещалась она с поразительной быстротой, движениями напоминая обезьяну. Несколько раз казалось, что меч Ульмвана непременно разрубит ее безобразную голову, но она непостижимым образом уходила от смертельного удара.

Однако вскоре Конан заметил, что его противница начала задыхаться. Все же ей на хватало опыта подобных поединков. Движения, прежде стремительные, стали более медленными; Горгия все чаще поглядывала в ту сторону, откуда доносился

треск ломаемых деревьев. Таинственный Готтом спешил ей на помощь.

Внезапно киммериец оступился и потерял равновесие. По крайней мере, так решила Горгия. Откуда ей было знать, что это лишь прием, позаимствованный Конаном у северных китайцев — упадя обмани. Великанша попалась на эту уловку и бросилась на Конана. Но ее меч, который, казалось, должен был перерубить шею киммерийца, провалился в пустоту, а в следующий миг вырвался из рук хозяйки и отлетел в сторону. Затем Горгия получила удар эфесом в лицо и рухнула на землю. При падении шлем соскочил с ее головы, и Конан поморщился от отвращения. Его предположения о том, кто мог быть отцом Горгии, подтвердились. Голову гигантши покрывала короткая багровая шерсть. Точно такая же была и у гигантского человека-обезьяны, появившегося в этот миг из лесной чащи.

Если слуги Горгии, разогнавшие накануне серых каннибалов, были огромны, то это существо было настоящим монстром. Ростом оно превосходило Конана не менее, чем вдвое, весом было равно яфанту. То был представитель одной из ветвей человекообразных обезьян, некогда соперничавших в своем развитии с диким человеком. Но если эволюция человека сделала основной упор на развитие мышления, то этому существу она даровала лишь непомерную мощь и злобу. Не было на земле создания, которое могло бы помериться силой с этим гигантом. Небольшие красные глазки вонзились в киммерийца, ноздри нервно раздувались.

— Познакомься, варвар, с моим отцом Готтомом! — захохотала Горгия, притиснутая к земле ногой киммерийца. — Надеюсь, вы понравитесь друг другу!

Каннибалка была уверена, что Конан немедленно оставит ее и бросится сломя голову прочь. Но она ошиблась, и эта ошибка оказалась последней в ее жизни. Остро блеснул меч, и безобразная голова покатилась по склону. Огласив лес диким воплем, в котором слышались боль и нечеловеческая ярость, монстр кинулся на Конана. Двигался он стремительно, но, как и надеялся Конан, из-за чрезмерно большой массы оказался не очень поворотлив. Поросшая волосами лапа мелькнула на расстоянии полулоктя от головы присевшего киммерийца, и в тот же миг из нее брызнула кровь. Конан достал гигантскую пятерню мечом Ульмвана.

Взвыв, чудовище крутанулось на месте и вновь бросилось на своего врага. Киммериец попытался повторить тот же трюк, но на этот раз уловка не удалась. Обезьяна направила свой кулак чуть пониже. Воистину этот кулак был куда тверже, чем дубина людоедов из Дарфара. Удар чудовищной силы отбросил Конана далеко в сторону.

Подняться варвару удалось лишь с третьей попытки. Монстр терпеливо ждал, облизывая пораненную руку. Видимо, как и его

дочь, он не был лишен некоторого позерства. Конан чувствовал себя паршиво как никогда в жизни. В голове играли трубы, из ушей и носа текла кровь, а шея болела так, будто по ней долго били металлическими прутьями.

Но Конан встал. Ведь он был варваром. А варвары умирают стоя. И с оружием в руках.

Обезьяна, похоже, оценила его усилия, но не была склонна предаваться сантиментам. Шагнув к дерзкому человеку, она сдавила его гигантскими лапами и поднесла ко рту, намереваясь откусить голову. Она была уверена, что противник уже сломлен, и в этом был последний шанс Конана. Хотя монстр крепко прижал к туловищу его руки, но можно было попытаться. Конан напряг мышцы, пытаясь освободиться из могучих объятий.

Обдав киммерийца зловонным дыханием, чудовище открыло пасть, и в этот миг Конан сумел высвободить правую руку. Блестящий клинок вонзился в кровавый глаз Готтома и пронзил насквозь его жуткую голову.

Издав рев, от которого у Конана потемнело в глазах, монстр рухнул наземь. Последним, что успел запомнить варвар, было то, как он полз по направлению к забрызганной кровью бойне, откуда, как ему показалось, доносился надрывный плач ребенка.

12

Конан очнулся от того, что его голову окатили холодной водой. Заметив, что веки задрожали, кто-то произнес:

— Благодарение Митре! Король пришел в себя.

«Привидится же такая пакость!» — подумал Конан, намереваясь открыть глаза и увидеть Вентейма и личного лекаря. Однако, к его разочарованию, то, что он посчитал беспамятным сном, увы, оказалось явью.

Он лежал на охапке травы в тени развесистого баобаба, а вокруг стояли Тенанс и три амазонки.

— О дьявол! — поморщился Конан. — Как болит голова! Где эта гигантская тварь?

— Она мертва. — В голосе Тенанса слышалось безграничное восхищение. Аквилонец и девушки смотрели на Конана с благоговением.

— Это самая здоровенная скотина, с какой мне когда-либо приходилось иметь дело. Демоны по сравнению с ней беззубые котята. — Конан поднес руку к голове и застонал. — Где Опонта?

Лицо Тенанса дрогнуло, и он поспешно отвернулся.

— Ах да... — Киммериец вспомнил об ужасной участи, постигшей возлюбленную, и его едва не замутило. Только сейчас он осознал, что ел ее тело. — А мой сын?

— Он жив. Он здесь. — Тенанс широко улыбнулся, довольный, что может доставить своему повелителю хоть какую-то радость. — Мы накормили его козьим молоком.

От этого известия Конан несколько оживился. Морщась, он оперся на локти и сел.

— Покажи мне его.

Тенанс куда-то убежал и вскоре вернулся с завернутым в холстину младенцем.

— Спит, — прокомментировал Конан, посмотрев на маленькое сморщенное личико. Он ожесточенно потер голову руками, пытаясь привести себя в порядок, затем осторожно поднялся. Тело раскалывалось на тысячу кусочков, но серьезных повреждений, похоже, не было.

— Каким образом вы здесь очутились? Я ведь приказал вам ждать меня в городе.

Ответил Тенанс.

— Мы едва спаслись. Эта рыжая ведьма наслала на Аржум своих обезьян. Стража спокойно впустила их в город, полагая, что они посланы помочь убрать трупы. А вместо этого те стали рвать людей на куски. Погибли многие, в том числе Алим. Чудовища разорвали его прямо у меня на глазах. Амазонки стреляли отравленными стрелами, но по-моему, яд не слишком действовал на этих тварей. Хорошо, что у нас были наготове кони, иначе мы вряд ли бы сумели спастись.

— Она сказала мне, что послала слуг лишь за Латалией, — произнес Конан.

Тенанс помотал головой.

— Нет, они пришли, чтобы убить всех.

— Как бы то ни было, надо поспешить отсюда. Иначе вскоре мы будем иметь дело с сотней разъяренных чудовищ. Придется отказаться от мысли попытаться раздобыть перстень Черного Ормазда. Будем добираться в гиборийские страны своими силами.

Тенанс и амазонки согласились с киммерийцем и вскоре небольшая процессия уже двигалась по дороге, ведшей из рощи. Одна из воительниц, имевшая прежде ребенка, везла за спиною деревянную люльку с младенцем.

Войско амазонок ожидало их на выходе из священной рощи. Пять сотен всадниц во главе с Латалией и Кхар Убой. Приказав своим спутникам оставаться на месте, Конан подскакал к восседавшей на огненно-рыжем жеребце царице.

— Приветствую тебя, царица Латалия! Чем обязан подобной милости?

Латалия бросила неприязненный взгляд на находившегося по правую руку жреца. На ее щеках заиграли желваки.

— Конан-киммериец, я вынуждена задержать тебя в Амазоне.

— А как же царское слово? — напомнил варвар.

— Обстоятельства сложились так, что я вынуждена нарушить свое слово. Я дала обещание, что задержу тебя в Амазоне.

— Я, кажется, понимаю, — пробормотал Конан, всматрива-

ясь в лицо Кхар Убы. Конь киммерийца нервно играл, чувствуя нарастающий гнев всадника. — Этого потребовал бритый червяк, именующий себя жрецом Черного Ормазда.

Царица не стала лукавить.

— Да, он. Обезьяны Горгии разрушили полгорода и убили многих тех, кто уцелел в схватке с серыми каннибалами. Не помогли ни чары Лиллит, ни сила Ульмвана. Чудовища сокрушили их храмы. Лишь Кхар Уба смог остановить монстров с помощью волшебного перстня. Но перед тем, как сделать это, он взял с меня клятву, что я воспрепятствую тебе покинуть Амазон. Солнце свидетель тому, что лично я не желаю тебе зла, но клятва!

— Я все понимаю, царица. Тогда попробуйте схватить меня. Обещаю, что многие из вас составят компанию Горгии и ее отцу Готтому.

При упоминании имени Готтома жрец вздрогнул. Он наверняка видел чудовищного отца Горгии.

Не дожидаясь ответной реакции царицы, киммериец отстегнул от седла шлем и приготовился надеть его на голову. Внимательно следившие за происходящим амазонки недовольно заворчали. Им вовсе не хотелось сражаться с варваром, столь доблестно проявившим себя в битве с серыми каннибалами.

— Не горячись, киммериец! — Латалия жестом остановила Конана. — Я сказала, что обещала воспрепятствовать тебе выехать из Амазона. Так?

— Так, — подтвердил Конан.

— Я уже сделала это, объявив, что для меня нежелателен твой отъезд. Но если ты упорно настаиваешь на своем, я умываю руки. Все мы имели возможность убедиться в твоей воинской доблести, и мне вовсе не хочется потерять половину и так порядком поредевшего войска на этих холмах. Если между тобой и жрецом существуют какие-то разногласия, то разрешайте их сами.

Конан поклонился Латалии.

— Мудрое решение, царица. Я буду рад видеть тебя гостьей в Аквилонии. И обещаю, ты не попадешь в бамбуковую клетку.

Латалия в ответ улыбнулась.

Лицо Кхар Убы потемнело от плохо сдерживаемой ярости. Он прошипел, обращаясь к царице:

— Ты хочешь, чтобы я оживил багровых монстров?

Зло усмехнувшись, амазонка бросила жрецу:

— Вряд ли это у тебя получится. Перед тем, как покинуть город, я приказала отрубить им головы и конечности и сжечь их на кострах. Чуешь, жрец, как веет запахом паленого мяса?

Кхар Уба повертел носом. Никакого запаха он не уловил, но усомниться в словах царицы не осмелился.

— Ну хорошо, — процедил он, зловеще косясь на Латалию. — Если ты так поступаешь со мной, я вынужден обратиться к

заступничеству моего хозяина Черного Ормазда. Берегись, царица, ты еще пожалеешь о своем решении!

Жрец поднес к губам надетый на указательный палец перстень и быстро прошептал какое-то заклинание. С тревогой следившая за его действиями царица вытащила меч и попыталась сразить Кхар Убу, но тот сделал мимолетное движение рукой и конь Латалии взбесился. Высоко подкидывая задние ноги, он помчался к городу. Амазонки, решив, что царица предоставила мужчинам самим разбираться между собой, последовали за повелительницей.

Конан спокойно дождался пока жрец закончит свое колдовство. Едва тот поднял голову, киммериец спросил:

— Кхар Уба, почему ты пытаешься причинить мне вред? Что тобою движет? Личные обиды или неведомые мне замыслы?

Какое-то время Кхар Уба колебался, отвечать или нет, а затем все же сказал:

— Мне очень жаль, что так случилось, киммериец. Я не питаю к тебе личной вражды. Просто судьбе угодно, чтобы это был твой последний поход. По воле рока ты очутился на перекрестке исторических свершений. Близок день, когда отряды туранцев двинутся на запад, сметая гиборийские королевства. Так угодно Черному Ормазду. В этом мире есть только один человек, способный противостоять натиску восточных орд и поэтому он очутился в далеком Амазоне. Мой план с самого начала был построен с таким расчетом, чтобы любой ценой задержать тебя здесь. Сначала я рассчитывал, что царица Сомрис прикажет расправиться с тобой. Но ты очаровал ее своей мужской статью. Затем я переменил намерения и принял меры к тому, чтобы с тобой расправились амазонки, взбешенные твоей гордостью. Но ты сумел покорить и их. Смерть должна была настичь тебя в тот день, когда Сомрис родила сына, но вмешалась судьба и город подвергся нападению серых каннибалов. Ты должен был умереть от их рук, но сумел устоять перед натиском тысяч дикарей, заставив амазонок отказаться от мысли отомстить за Сомрис, которая, как они считали, погибла от твоей руки. Ты должен был быть сегодня умерщвлен Горгией. Но дура влюбилась в тебя и вместо того, чтобы отравить тебя за столом, попыталась уговорить остаться с ней. А затем ты непостижимым образом убил ее и Готтома. Ты победил всех, кого только можно. Амазонки признали тебя величайшим воином мира. Ты стал для них почти что богом. Теперь, когда уничтожены храмы Лиллит и Ульмвана, ты, разгадавший тайну доспехов Ульмвана, и в самом деле можешь стать их богом. Ты можешь, если пожелаешь, жениться на Латалии и стать царем Амазона. Создай себе новую могучую империю, ибо Аквилония для тебя уже потеряна. Не пройдет и трех лет, как ослабленная гражданской войной она будет растоптана копытами туранской конницы. И тогда Черный Ормазд разрешит мне вернуться в Туран. В моих помыслах нет

личной вражды, варвар. Просто мне очень хочется вернуться в родные степи Турана, а это возможно лишь в том случае, если ты останешься здесь.

Конан дослушал до конца длинную тираду Кхар Убы и схватил поводья его лошади.

— А теперь, слушай меня, бездарный факир! Ты сейчас же доставишь меня в Аквилонию или я сверну твою куриную башку. И не пробуй испугать мою лошадь колдовским взглядом. Мой меч быстрее твоего взгляда!

— Поздно, варвар! — захохотал Кхар Уба. — Смотри! — Он указал рукой на появившуюся слева от него светящуюся воронку. — Это идет Черный Ормазд!

— Мне очень жаль, колдун!

Вернув жрецу его собственные слова, Конан взмахнул мечом и рассек бритую голову надвое.

И в этот миг из сияющего вихря появился Черный Ормазд. Огромную фигуру его покрывал блестящий черный плащ, на голове был черный шлем, как и у Конана. Взглянув на мертвое тело жреца, Черный Ормазд повернулся к Конану.

— Вот мы и встретились!

— Я ждал этого часа, оборотень! — воскликнул киммериец.

— Я тоже. Ты давно мешаешь мне, сокрушая магические силы, что должны установить мою власть над миром. Кстати, негоже варвару возвышаться над богом!

Черный Ормазд послал рукой зеленый луч, ударивший в грудь жеребца Конана. Несчастное животное рухнуло на землю. Бог развязал шейные тесемки и сбросил плащ. Выяснилось, что он одет в такие же доспехи, что и Конан, а на поясе его висит блестящий меч — точная копия меча Ульмвана.

— Хочешь помериться силой? — спросил Черный Ормазд.

— Кто может победить оборотня?

— Только оборотень. — В голосе бога слышалась усмешка.

— Но я все же попробую.

Черный Ормазд извлек из ножен меч и прикинул его на руке.

— Давненько я не держал этой игрушки. — Он внимательно посмотрел на стоящего напротив киммерийца. — Все же ты напрасно встал на моем пути.

— Это мое дело.

— Верно.

Не желая вдаваться в дальнейшие разговоры, Конан сделал шаг вперед. Они скрестили мечи. Движения варвара были куда стремительней, меч Ульмвана не раз устремлялся к голове или плечу противника, но в самый последний момент тот непостижимым образом уходил из-под удара. Поединок длился очень долго. Конан почувствовал, что силы постепенно начинают оставлять его. Черный Ормазд орудовал мечом с прежней легкостью, хотя и его реакция стала заметно медленнее. Раз или два Конан дотягивался до его шлема, но эти удары были слишком слабы, чтобы

нанести богу какой-нибудь вред. Тогда Конан решился на отчаянный шаг. Резким движением левой руки он сорвал с головы шлем и, бросив его на землю, крикнул:

— Сними личину, оборотень!

Черный Ормазд глухо рассмеялся.

— Ну, если ты так настаиваешь!

Совершенно не беспокоясь о возможном подвохе со стороны киммерийца он воткнул меч в землю и осторожно двумя руками снял шлем. Черты безбородого лица бога были резки, светлые волосы коротко острижены, глаза скрыты узкой полумаской.

— Ты доволен?

Конан не успел ответить.

Из-за его спины вылетели две стрелы. Черный Ормазд стремительно увернулся. Затем он сделал движение ладонями от себя, словно отталкиваясь. Конан почувствовал, как его обтекает невидимая упругая волна. Сзади послышался крик. Обернувшись, киммериец увидел двух замертво лежащих амазонок с луками в руках. Побледневший Тенанс и третья амазонка, прижимающая к себе ребенка, с ужасом взирали на распростертые тела. Конан яростно махнул им рукой.

— Уходите прочь! Быстрее!

Ни мгновения не сомневаясь, что они не осмелятся ослушаться его приказа, Конан повернулся к противнику и яростно напал на него. Мечи ударились друг о друга с удесятеренной силой. Черный Ормазд внезапно понял, на что рассчитывал Конан, скидывая свой шлем. Движения его стали более осторожны.

Никогда еще в жизни Конана не было столь долгого и трудного поединка. Никогда он еще не сражался с противником столь же неутомимым и умелым, и вдобавок имевшим в запасе такие силы, какими не располагал киммериец. Солнце уже спряталось за священной рощей, когда Черный Ормазд ухитрился зацепить меч Ульмвана острием своего клинка. Оружие рыбкой блеснуло в воздухе и упало шагах в двадцати от киммерийца. Вскинув над головой меч, Черный Ормазд двинулся на варвара, намереваясь снести ему голову. И в этот миг Конан бросил в него извлеченный из-под панциря нож. Будучи совершенно уверен в своей победе, Черный Ормазд не успел увернуться. Стремительно свистнув в воздухе, нож рассек ему щеку и засел глубоко в кости.

Черный Ормазд издал злобный крик, и в то же мгновенье все вокруг взорвалось ослепительным пламенем...

Лишь наутро амазонки осмелились приблизиться к этому месту. Никаких следов Конана и его спутников они не обнаружили. Земля здесь была совершенно выжжена. Огромное пятно гари простиралось от стен Аржума до священной рощи. С тех пор на этом месте никогда не росла трава.

Тайна судьбы великого воина, короля и варвара Конана осталась скрыта пеленою времени. Он так и не вернулся в свое коро-

левство. Но древние хроники Немедии донесли до потомков весть, что примерно через два года после исчезновения Конана из Аквилонии на востоке от туранских степей объявились неведомые женщины-воительницы, возглавляемые могучим воином. Покорив местные племена, пришельцы стали тревожить владения туранских царей. Наскоки их отрядов были стремительны и неожиданны, а исчезали они подобно ночным призракам. Чтобы противостоять неведомому врагу, король Турана Одамед был вынужден перевести на восток дополнительные полки. Ни о каком походе на запад речь уже не могла идти, туранцы едва удерживали свои восточные границы.

Летописцы оставили нам портрет предводителя воительниц. Он был мудр, силен и непобедим. Его доспех не брали ни стрела, ни копье, а длинный меч не знал жалости. И никто никогда не видел его лица, скрытого забралом шлема. И никто не мог утверждать наверняка, что это был Конан. Но люди верили, что могучий киммериец благополучно вернулся на север и его непобедимый меч по-прежнему угрожает всем злым силам мира. Они хотели в это верить.

Ведь людям надо во что-то верить.

Всмотритесь в марево бесконечной степи. Бесконечной, подобно потоку времени. И вдалеке пригрезится всадник в черных доспехах, восседающий на могучем вороном коне. Никто не знает, сколько ему лет, никто не может точно сказать, сколько на его теле шрамов, никому не суждено сосчитать бесчисленные могилы поверженных им врагов.

Лишь ветер, лишь солнце, лишь жизнь, превращенная в легенду...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ночь (продолжение)

Леонид закончил рассказ. Костер к этому времени потух. Завороженные волшебной легендой воины забыли подбросить в него сучья. Царь кашлянул, чувствуя сухость в горле.

— Ну все, друзья мои. Скоро рассветет. Нужно немного отдохнуть перед боем.

— Царь, как же все-таки закончилась эта история? — спросил один из молодых воинов.

— Никто не знает, — ответил Леонид. — Киммериец прав — король Конан исчез, и никто никогда *не* слышал его имени.

Леонид поднялся и пошел прочь от костра. Спартиаты безмолвно смотрели ему вслед. Провожаемый их пристальными взглядами царь подошел к небольшому полотняному шатру, разбитому специально для него, и скрылся внутри. Он собрался уже было лечь на постеленный на землю плащ, но вдруг ощутил чье-то присутствие. Напротив входа стояла небольшая закутанная с ног до головы фигурка, различимая в кромешной темноте лишь кошачьими глазами Конана. Почувствовав, что царь смотрит на нее, фигурка тряхнула головой, откидывая на спину капюшон, скрывавший лицо. Мягкий переливчатый голос произнес:

— Это была чудесная сказка, Юльм!

* * *

Юльм — именно так его нарекли при рождении. Осталось лишь пять человек, помнивших это имя. Она была шестой, но он полагал, что она мертва. Впрочем, так считали все.

В первое мгновенье, до того, как ночная гостья произнесла свои слова, он полагал, что пришла другая. Он решил, что пенорожденная нашла минутку и заглянула в его шатер, чтоб насладиться последней любовной ночью. Но этот голос принадлежал не Афо. Он был столь же нежен и мелодичен, но в нем слышалась великая сила, равной которой, быть может, не обладал ни один из живущих на земле. Этот голос принадлежал женщине, рожденной повелевать и решать судьбы народов, планет, целых Галактик. Это был страшный и в то же время прекрасный голос. Таким же было и ее лицо, смутное белеющее в ночном сумраке. Она улыбалась, ожидая, как он отреагирует на ее внезапное появление.

— Не думал увидеть тебя здесь, Леда.

— Ты неподражаем! — тихо воскликнула девушка, медленно приближаясь к спартиату. Она была хрупкой и едва доставала ему до груди, но он знал сколь обманчиво впечатление ее беззащитности. Он предпочел бы сразиться с двумя саблезубыми тиграми или гигантским питоном, чем с этой миниатюрной

девушкой, которая едва ли могла удержать в руке тяжелый титановый меч. — Меня восхищает твое спокойствие. Командор, услышав мой голос, потерял дар речи.

Леонид усмехнулся.

— Жизнь отучила меня удивляться. Что привело тебя ко мне?

Девушка подошла к гиганту вплотную, тонкие пальцы пробежали по тугому бугру бицепса.

— Ну не будь так скучен. Мы ведь не виделись целую вечность.

— Пожалуй, дольше. Однако я не страдал от тоски по тебе.

— Еще бы! Земные красотки должны быть без ума по тебе, а ты всегда искал в женщине лишь женщину. Но разве я не нравилась тебе?

Девушка улыбнулась, блеснув в темноте белой полоской безупречных зубов.

— Нет! — отрезал Леонид.

— Жаль... — судя по голосу, гостья была искренне огорчена. — Почему-то мне всегда казалось, что я тебе небезразлична.

Спартиат слегка смутился.

— Прошло столько лет...

— Но тем не менее ты влюбляешься в артефакта с моим лицом! Это должно быть очень любопытно — заниматься любовью с артефактом!

— Она непохожа на тебя.

— Верю. Она добрее.

— Да.

— Ласковей. — Леонид кивнул. — Она умеет влюбляться, в то время как моя страсть основана на расчете. Командор создает себе странных артефактов... — Леда помедлила, затем жестко произнесла:

— Ее уже нет на свете.

Леонид вздрогнул.

— Почему?

— Она умерла.

— Что произошло?

— Это неважно. Я сообщила тебе факт, но не обязана раскрывать причины и следствия.

Спартиат попытался улыбнуться. Улыбка вышла жалкой.

— Мне будет недоставать ее. Впрочем, наша разлука продлится недолго. Зачем ты пришла?

— Я хочу спасти тебя.

— С чего это вдруг такая милость?

— Это не милость. Просто нас, посвященных, осталось слишком мало, а ты самый приличный из нас всех. Было бы несправедливо, если б жили Русий, Командор или Кеельсее, а умер ты.

— Я так не считаю. Каждый выбирает свою судьбу.

Леониду надоело стоять и он присел на свой плащ. Леда приблизилась к нему вплотную. Теперь их лица оказались на одном

уровне — столь царь был огромен, а девушка — миниатюрна — и атлант смог в полной мере оценить красоту гостьи.

— Ты стала еще прекрасней, — сказал он.

— Мне приятно услышать это именно от тебя. Я хочу помочь.

— Ты станешь уговаривать меня оставить моих воинов и уйти с тобой?

— Вовсе нет. Одно твое слово и я уничтожу мидийское войско.

Юльм с интересом взглянул на девушку.

— Ты и впрямь можешь сделать это?

— Да.

Тогда он покачал головой.

— Нет. Это означало бы признать, что я слабее их. А кроме того это было бы несправедливо по отношению к мидянам. Я желаю равного боя.

— Ничего себе равный! — с искренним возмущением воскликнула девушка. — На каждого твоего воина приходится по тысяче врагов!

— Не так много.

— Да, — согласилась она, — при условии, если бы ты имел под началом тысячу Конанов. Но ведь они обычные люди, пусть даже готовые умереть.

Леонид молчал, не зная, что возразить.

— Решай быстрее, — поторопила Леда. — Светает.

— Нет, — сказал Атлант. — Я не хочу играть в подобные игры. Это битва людей!

— Ну хорошо. Тогда хотя бы возьми вот это. — Девушка извлекла бластер и протянула его Леониду. Тот решительно отказался от соблазнительного подарка.

— Не нужно. У меня есть меч. Еще тот. Помнишь, какие выковывал Грогут.

— Помню, — сказала Леда и Юльму показалось, что ее глаза затуманились легкой печалью. Но может быть, это только показалось. — Отличные были клинки!

— Да, отличные, — согласился атлант.

Леда вздохнула.

— И все же жаль, что умрешь именно ты. Проводи меня до горы. Я оставила там свой телепортатор.

— Ладно. Только давай выйдем здесь. — Юльм указал рукой на заднюю стенку шатра.

— Ты не хочешь, чтобы меня видели?

— Да, я не хочу, чтоб воины знали, что в эту ночь у меня была женщина.

— У тебя ее не было, — грустно улыбнулась Леда. — Хотя могла бы быть! Режь!

Юльм рассек ножом холстину, и они выбрались сквозь образовавшуюся щель наружу. Светало. Звезды растворились в молочной дымке, ползущей с горных вершин. Из мидийского лагеря долетали крики часовых.

— Их пять тысяч, — внезапно произнесла Леда. — Они ударят вам в спину.

— Я знаю, — сказал Юльм. — Мы повернемся к ним лицом.

— Ответ, достойный завершить фарс.

Леда произнесла эту фразу со злобой. Больше она не сказала ни слова. Они незаметно прошли через посты. Часовые-феспийцы мирно спали. Леонид не стал будить их, хотя в иной раз подобная беспечность вызвала б его гнев. Сегодня бдительность была уже ни к чему.

Коробка телепортатора лежала в дупле вяза. Леда извлекла ее и испытующе посмотрела на Юльма. Он понимал, что еще не поздно, что скажи заветное «да», и он, и тысячи забывшихся в тяжелом сне воинов останутся живы. Но он не сказал «да». Леда простилась с ним взглядом, коснулась рукой телелуча и исчезла. Телепортатор остался лежать на траве, искушая. Тогда Леонид поднял его, широко размахнулся и швырнул эту последнюю надежду на спасение в глубокую щель, рассекавшую горный склон.

Ночь прошла, и наступал день.

Последний день лета.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Гибель богов — 3

Громовержец и сохранившие ему верность боги находились в небольшом сооружении, располагавшемся на западной оконечности вершины Олимпа. Данное сооружение было воздвигнуто, когда дворца Олимпийцев не было и в помине. Круглое, без единого окна или двери, оно напоминало диковинный восточный храм тех таинственных религий, которые канули в небытие еще до эпохи пирамид. Но это был не храм, а оборонительная башня, называемая Белой Сферой.

Уже один внешний облик Сферы навевал мысли о ее неприступности, что вполне соответствовало действительному положению вещей. Строение это, облицованное пепельно-серебристым мрамором, было укреплено тремя оборонительными энергетическими поясами и напичкано сложнейшим оборудованием и запасами продовольствия и воды. Оно могло выдержать долгую осаду, атаку энергетическими или психотропными лучами и даже термоядерный взрыв средней мощности; ее невозможно было уничтожить водой или плазмой. Белая Сфера являлась командным пунктом, с которого Зевс мог руководить действиями против врагов, если ситуация выходила из-под контроля.

Настоящая ситуация как раз подходила под определение выходящей из-под контроля. Восставшие боги усиливали свой натиск. Волны, посылаемые Посейдоном, все яростнее накатывались на Олимп. Борей с большим трудом справлялся с ними. Вдруг ни с того, ни с сего взбунтовался добродушный Зефир. Он напал на своего брата, и они сцепились в яростный воющий клубок, сметающий дома и вырывающий из земли деревья. Владыка океана воспользовался этим и быстро перебросил в Фермский залив воды Фракийского моря. Мутная жижа затопила прибрежные луга и вскоре доползла до середины каменной груды Олимпа. Перепуганные нашествием морской стихии стада диких коз устремились на равнины Фессалии. Они не обращали внимания на тигров, пытавшихся остановить их бегство. По приказу Афины вновь двинулись в атаку легионы гадюк. К ним присоединились морские змеи, поднявшиеся из пучины. Большинство тигров погибли от ядовитых укусов, прочих захлестнула вода. Тогда Артемида пустила в ход стаи ястребов. Пернатые бойцы бились до последнего и пали, опутанные комками шипящих гадов.

Но это была лишь прелюдия к решительной схватке. Обе стороны понимали это и концентрировали силы. Все должно было решить прямое столкновение богов.

Зевс казался совершенно спокойным. Даже в самые тревожные мгновенья на его лице нельзя было заметить и тени растерян-

ности или испуга. Громовержец так быстро принимал контрмеры, что казалось, он предвидит каждый ход своих противников.

Используя энергетические преобразователи, Зевс окутал вершину Олимпа мощнейшим силовым полем, пробиться через которое не могли ни волны, ни змеи. Это было удивительное зрелище, когда вода, дойдя до определенной отметки, вдруг приостановила свое наступление на скалы и начала заполнять эфир, обрисовывая контуры невидимого колпака, которым была защищена резиденция богов. Наступавшие на Олимп гадюки погибли вместе с немногими не успевшими спастись бегством козами и тиграми. Морские змеи поднимались вместе с волнами, шипя и бросаясь в ядовитом уколе на прозрачную стену купола.

Усилия Посейдона были отныне тщетны, теперь настала очередь Гефеста. Камнееды к тому времени прогрызли диатремы [1] в каменной толще горы, и бог подземного огня пустил по этим тоннелям раскаленную магму. Склоны Олимпа в один миг расцвели оранжевыми фонтанами. Зевс приказал речному демону Главку, который остался верен своему владыке, залить огонь родниковой водой. Влага мешалась с пламенем, выплевывая вверх огромные облака пара. Белесая туча закрыла солнце, и Аполлон лишился своих волшебных чар. Гефестов огонь раскалил оборонительный купол, охлаждаемый с внешней стороны водою, и тот начал давать трещины. То там, то здесь волны прорывались сквозь стену и мутными потоками устремлялись вверх, с ужасным грохотом дробя камни. Оборонительный купол стал бесполезен, и Зевс убрал его, позволив облакам пара рассеяться по небу.

После исчезновения этой преграды море стало подниматься все выше и выше, подступая к священной роще — излюбленному месту гуляния богов. Нимфы с криком бежали от своих ручьев, уворачиваясь от огненных фонтанов, и искали спасения во дворце. Укрывшиеся в Белой Сфере боги искоса поглядывали на Зевса, ожидая, что он вот-вот признает себя побежденным и заговорит о примирении, однако Громовержец был хладнокровен. Он выглядел внешне безучастным к происходящему, и когда уже всем показалось, что Зевс сдался на милость врагов, он нанес ответный удар.

В одном из подвластных его воле измерений энергетические вихри вырыли огромную подземную полость. Пробив с помощью инверсионных волн стену, разделявшую оба измерения, Зевс направил поглощающие Олимп волны в этот резервуар, из которого вода попадала обратно во Фракийское море, обмелевшее к тому времени примерно на четверть. Наступление морской стихии приостановилось, затем вода отхлынула, обнажая изуродованную землю.

— Вот так-то лучше! — заметил Громовержец, оборачиваясь к застывшим в тревожном ожидании Аполлону, Артемиде, Аресу и Афродите. — Пусть попробуют придумать что-нибудь позатейливей.

Однако бунтовщики не собирались сдаваться. Посейдон наслал на Олимп морских крабов. Неисчислимые мириады бронированных пучеглазых чудовищ покрыли западный склон горы, грозя затопить ее своими омерзительными телами. Тогда Аполлон, к которому после того, как рассеялись тучи, вернулись его силы, обрушил на клешнястых воинов град солнечных стрел, и скалы покрылись хитиновой броней спекшихся заживо существ.

Следующий удар нанес Гадес, бросивший в атаку свое подземное воинство во главе с ужасной Гекатой. Аполлон вновь залил землю светом, который был нестерпим для хитонических существ, но Афина с помощью Эола соорудила огромный тучевой зонт, совершенно закрывший солнце. Монстры уже были на мраморной лестнице перед дворцом, когда Зевс послал им навстречу своих верных гекатонхейров. Это была славная битва. Чудовища вцеплялись друг в друга клыками и когтями, вырывая из тел огромные куски плоти; с хрустом ломались кости, на землю текла вязкая черная кровь. Сторукие победили. Бриарей сломал шею Церберу, Котт и Гий пленили Гекату, прочие чудища бросились в бегство.

Но победу им пришлось праздновать недолго. Афина наслала на могучих великанов стаи мышей, и гекатонхейры в ужасе ретировались. Артемида в ответ натравила на грызунов диких котов. На большой маковой поляне разыгралось новое побоище, в котором приняли участие и змеи, вновь выползшие из нор по приказу совоокой богини. Конец этому жаркому бою положил Зевс, накрывший поляну ультразвуковой волной, губительной для мышей и змей. Коты вышли победителями и вернулись к Сфере, хищно облизывая окровавленные усы.

Убедившись в том, что их атаки провалились, бунтовщики пошли на хитрость. Зевсу было дано знать, что Гадес хочет вступить с ним в тайный сговор. Подобное известие должно было показаться владыке Олимпа вполне правдоподобным, так как Гадес славился своим непостоянством и наверняка рассматривался Зевсом как самое слабое звено в бунтовской цепи. Так и вышло, Громовержец ничего не заподозрил. Он дал согласие на встречу с якобы раскаявшимся богом, приказав тому немедленно прибыть на Олимп, для чего Аполлон разблокировал один из световых каналов. Повеление Зевса было исполнено, но только на Олимп отправился не Гадес, а Морфей, замаскировавшийся под своего повелителя. Сонный божок столь ловко и правдоподобно принимал нужный облик, что даже Зевс не сразу раскусил обманщика. Прошло время, прежде чем Громовержец понял, что ведет переговоры не с Гадесом, а с демоном низшего порядка. Этого времени оказалось вполне достаточно для того, чтобы боги-бунтовщики с помощью боевых дельфинов достигли берега Пирии. Морфей был уничтожен точно так же, как Пан. Это была не последняя жертва среди обитателей олимпийского пантеона. При переходе через Егейское море погиб морской демон Форкис,

попытавшийся накрыть противников Зевса водяным валом. Форкис рассчитывал, что в благодарность за эту услугу Зевс сделает его владыкой морского царства. Боги разодрали его энергетическим смерчем.

Берег, на который они сошли, был ужасен. Вихри и вода уничтожили растительность, превратив землю в жидкое месиво, поверх которого лежал слой умерщвленной плоти — крабы, рыбы, змеи, дикие козы, серые тушки грызунов. То там, то здесь виднелась оскаленная морда захлебнувшегося тигра. Брезгливо ступая по уже начавшим разлагаться трупам, боги начали восхождение наверх. Обладавшая даром левитации Афина взлетела на вершину Олимпа и сбросила вниз наскоро сплетенную лестницу. Это облегчило подъем, и вскоре все бунтовщики стояли на вершине горы. Зевс ждал их в Тронной зале...

* * *

Быть может, это было наяву, быть может, это было видение. Когда Афродиту накрыла силовая волна, в ее голове лопнуло что-то оглушительное, затем установилась тишина, а через миг вернулся день. И в то же мгновенье она сделала два неприятных открытия. Первое состояло в том, что она была совершенно обнажена. Некто нахальный раздел ее донага, не оставив на теле даже клочка одежды. Афо яростно вскрикнула и тут же увидела этого некто. Он сидел на камне прямо перед ней, бесцеремонно разглядывая женские прелести сквозь узкие щелочки, проделанные в остроконечном колпаке, нахлобученном на голову. Незнакомец прятал не только лицо, с неменьшей тщательностью он скрывал и свое тело, которое вплоть до пальцев было затянуто во что-то блестящее — то ли кожу, то ли ткань неопределенного при этом цвета. Не зеленого, белого или красного, а именно неопределенного. При первом взгляде ткань казалась синей, через мгновенье она блеснула пурпуром, а чуть позже искрилась изумрудным оттенком. Но скорей всего она была черной.

Афо сообразила, что очевидно это и есть тот нахал, что накрыл ее силовой волной, а потом столь нагло раздел. Подобная мысль рассердила ее. Сконцентрировав волю, богиня ударила в незнакомца энергетическим сгустком. Тот даже не пошевелился. Афо собралась и нанесла новый удар. Незнакомец остался недвижим, а затем чуть поднял руку, и богиня с изумлением увидела, как гора Пира, находившаяся по соседству, приподнялась в воздух примерно локтей на двадцать, а затем медленно опустилась вниз. После подобного трюка у Афродиты пропало желание демонстрировать перед этим **существом** те немногие чародейства, которыми она владела. Ей захотелось подняться в воздух и удрать домой, но богиня отдавала себе отчет, что столь необычное **существо** вернет ее на землю одним движением пальца. Поэтому единственное, что она сделала — подогнула под себя ноги, постаравшись принять по возможности более пристойную позу.

— Ты не Леда, — глухо произнесло **существо.**

— Конечно, нет! — после некоторой заминки подтвердила Афо и с некоторым возмущением вспомнила, что Зевс однажды также назвал ее этим именем. — Почему я должна быть какой-то Ледой?

— Ты ее точная копия. Должно быть, ты артефакт *.

Афо не знала, хорошо или плохо быть артефактом, но на всякий случай возмутилась.

— Я богиня!

— Да, — безжизненным тоном подтвердило существо. — Энергетическое образование средней сложности с низкими функциональными способностями. В этом роде мы все боги.

Возможно, **существу** не стоило упоминать про низкие и еще какие-то способности, но Афродита решила быть терпеливой и милосердной.

— Зачем ты оглушил меня силовой волной? — поинтересовалась она, сделав вид, что не обращает внимания на оскорбительные замечания **существа.**

— Это не я. На тебя напал человек, живущий в золотом шатре в долине. Ему не понравилось, что ты убиваешь его воинов.

— Допустим. Но раздел меня ты?

Существо покачало своим островерхим колпаком.

— Опять нет. Тот человек не хотел причинить тебе вред, но желал показать свою силу, а заодно посмеяться над тобой. Потому он сделал так, чтобы волна не только оглушила тебя, но заодно и раздела.

— А я полагала, что это твоих рук дело, — слегка кокетничая, произнесла Афо.

Ответ **существа** вряд ли понравился ей.

— Меня не интересуют примитивные создания, подобные тебе. Терпеть не могу иметь дело с артефактами.

— В таком случае, что тебе нужно? Или ты забрался на эту гору, чтобы поговорить со мной?

— Ты почти угадала. Я хочу предупредить тебя кое о чем. На Олимпе в твое отсутствие произошли перемены. Боги начали борьбу между собой.

— Какую... — заикнулась было Афо, но **существо** пресекло робкую попытку вопроса.

— Не перебивай! Все узнаешь сама. Я знаю, на чьей стороне ты пожелаешь выступить. Но ни в коем случае не выдавай своих истинных чувств до тех пор, пока не появится титан Прометей. Запомни, пока не появится Прометей! Это будет сигналом для тебя.

— Но кто ты такой, чтобы указывать мне, как я должна поступить!

— СУЩЕСТВО! — **Существо** издало холодные неживые звуки, которые должны были означать смех. — И еще одно: когда

победишь, подойди к поверженному врагу и скажи ему: Тоалер'гаэ, Стер Клин! Запомни эти слова: Тоалер'гаэ, Стер Клин!

— А что они означают?

Существо не ответило. Оно вдруг начало таять в воздухе и через несколько мгновений совершенно исчезло, оставив вместо себя пылающий картуш, в котором были заключены загадочные слова.

Затем раздался новый взрыв, и наступила темнота. Когда Афродита очнулась, она была совершенно нагой и у нее не было уверенности, что весь этот разговор со странным **существом** ей не почудился.

* * *

— Ну здравствуйте, дорогие мои! — зловеще протянул Зевс, когда пятерка непокорных приблизилась к трону. Громовержец был облачен в парадную золотую хламиду и держал в правой руке перун, а в левой — небольшой круглый щит, покрытый зеркально-блестящим сплавом. У его ног лежала скованная Гера, чуть позади стояли Артемида, Арес и Афо.

— Хотелось бы верить, что вы образумились, — продожал Зевс, не дождавшись ответного приветствия, — но способ, выбранный вами, чтобы попасть во дворец, заставляет предположить обратное. Предупреждаю вас: вы проиграли свою битву и поступите благоразумно, если сдадитесь на мою милость. — Мятежные боги по-прежнему молчали. Голос Зевса становился все более торжественным. — Наказание, которое я вам назначу, будет не из легких, но вы вполне заслужили его. Мой приговор таков — всех, кто не покорится мне, ждет участь Пана, прочие будут заключены в Тартар на срок, достаточный, чтобы раскаяться в содеянном. Иными словами, я решил расстаться со своими непокорными помощниками. Я создам себе новых, более послушных и совершенных. Хотите ли вы что-нибудь сказать в свое оправдание?

— Лишь одно! — ответил Посейдон. — Мы еще не проиграли!

Он вытянул перед собой сцепленные в замок руки, из которых вылетел ярко-голубой луч. Зевс сделал неуловимо-стремительное движение щитом и отразил этот выпад. Отскочив от блестящей поверхности щита, энергетический сгусток попал в раскрашенный свод. Одна из фресок Такона разлетелась на части, усыпав пол разноцветными кусочками.

Зевс остался невозмутим и лишь заметил:

— Невежливо.

В следующий миг ему пришлось отразить еще три энергетических сгустка, посланных Афиной, Гадесом и Гефестом, а также смазанную любовным ядом стрелу Эрота. Громовержец справился с этой задачей с непостижимой легкостью, после чего нанес

ответный удар, обрушив на восставших богов энергетический шквал. По этому сигналу в бой вступили Артемида и Арес, а Афо, энергетические возможности которой были невелики, поспешила скрыться за бронированной спинкой трона.

Зала наполнилась визгом и грохотом. Боги метали друг в друга энергетические сгустки и отражали их наскоро созданными щитами. Бунтовщиков было больше, но, несмотря на это, они были слабее своих противников. Мощь энергетического поля Зевса многократно превосходила возможности всей неприятельской коалиции. А кроме того на его стороне сражались яростные в битве Арес и Артемида и внезапно появившийся в Тронной зале Аполлон, проверявший до этого целостность световых потоков. Сначала картина боя выглядела хаотичной. Боги швыряли во все стороны энергетические сгустки, стараясь половчей увернуться от выстрелов, направленных в них. Увернуться удавалось не всегда, и тогда энергетический сгусток врезался в оборонительный контур и разлетался фонтаном пушистых искр. Подобная тактика была выгодна Зевсу — он располагал сильным защитным полем и мог поражать своих врагов на выбор. Поэтому восставшие боги поспешили разбить сражение на несколько поединков, в которых сошлись лицом к лицу: Афина и Арес, издавна недолюбливавшие друг друга, Артемида с Гефестом, Посейдон с мечтающим занять его трон Аполлоном. Против Зевса бились Гадес и Эрот, а также каким-то образом освободившаяся от пут Гера. Давно ли они пировали за общим столом, а вот теперь дрались не на жизнь, а на смерть.

Произошло ли это случайно, или так пожелала судьба, но бойцы в каждой паре оказались по силам примерно равны друг другу. Опытная в военном деле Афина уступала Аресу в мощи, но тот знал, сколь хорошо богиня мудрости владеет любым оружием, и поэтому осторожничал. Не сговариваясь, оба противника свернули свои энергетические поля и извлекли из ничто обычное оружие: Афина — пятифунтовое копье с листовидным стальным наконечником и лезейон [1] с выпуклым изображением совы, а Арес — тяжелый обоюдоострый меч и щит с торчем. Это был славный поединок, доставлявший бойцам немало удовольствия. В конце концов они оба так увлеклись боем, что перестали обращать внимание на то, что происходит вокруг них. Лишь укол, парирующее движение щитом и ответный выпад.

Артемида считала себя более опытным бойцом, нежели Гефест, и бейся они на тех же условиях, что предыдущая пара, богиня охоты, верно, довольно быстро одержала бы победу. Ведь не было брони, которая могла устоять перед ее стрелами, выкованными, к слову, Гефестом. Но поединок на энергетических сгустках сделал их шансы приблизительно равными. У Артемиды был более верный глаз, зато сгустки Гефеста обладали не только ударным действием, но и жгли огнем, да и передвигался он для хромого очень неплохо. Несколько алых лучей, выпущенных из

пересечения указательного и среднего пальцев повелителя огненных стихий, коснулись кожи Артемиды, и в этих местах вздулись белесые пузыри.

Диким неистовством отличался бой Аполлона с Посейдоном. Боги осыпали один другого градом энергетических импульсов, причем оранжевые лучи Аполлона оставляли на теле владыки моря кровавые рубцы, а меткие выстрелы Посейдона, насыщенные энергией океана, били врага с такой силой, что сминались мышцы и трещали кости. Вскоре Аполлон начал харкать кровью. Несколько раз он оказывался на волосок от гибели, его выручало лишь вмешательство Зевса, в решающий момент обрушивавшего на Посейдона свой перун.

Но и самому Громовержцу приходилось нелегко. Его расчеты были спутаны внезапно освободившейся Герой, которая ловко набросила на правую ногу супруга липкую петлю, которая замедляла движения и мешала ему сконцентрироваться для решающего удара. Немало хлопот доставлял и зловредный мальчуган Эрот, пускавший стрелу за стрелой. Зевсу вовсе не хотелось влюбиться в чудовищную Гекату, — а именно этим приговором Эрот сопровождал каждый свой златоострый снаряд, — и потому приходилось быть все время настороже. Пожалуй,самым слабым звеном в этой троице оказался Гадес. Подземный бог усердно обрушивал на Громовержца всю свою мощь. Длинные черные строчки одна за другой впивались в оборонительный контур Зевса, но не могли пробить его, так как природа энергетических сгустков Гадеса была очень близка холодной сути Зевса.

Воспользовавшись тем, что Гадес чуть ослабил свой натиск, а петля, накинутая Герой, потеряла свою прежнюю силу, Громовержец нанес первый удар, блокировав волевым импульсом сознание Эрота. Не успел мальчуган упасть, как Зевс обрушил два мощных сгустка на Гадеса. Тот не ожидал столь мощного выпада и был повержен. Из пробитого контура его тела сочилась розовая жидкость — капли энергоплазмы. Справиться с Герой теперь оказалось проще простого. Она лучше других представляла силу своего супруга и трепетала пред ним. Потому, увидев, что Зевс поверг двух ее союзников, Гера мгновенно распустила петлю и освободила ногу Зевса. Громовержец ограничился тем, что набросил на непокорную супругу четырехметровую сеть, освободиться от которой без посторонней помощи было невозможно.

После этого Зевс позволил себе перевести дух — не без умысла. Ему было на руку ослабить сражающихся: и противников, и союзников, прежде чем он нанесет решающий удар и начнет диктовать свои условия. Противоборствующие боги бились с неугасимым пылом. Во все стороны летели разноцветные лучи, с визгом вонзавшиеся в стены, от которых отлетали куски фресок и мраморных фризов. Вот одна из колонн рухнула точно на голову Ареса. Афина помогла оглушенному богу подняться, и они продолжили свой поединок. Зевс приветствовал ее жест кривой

усмешкой. Теперь следовало эффектно завершить явно затянувшийся спор, и Громовержец послал телепатический сигнал, вызывая в Тронную залу гекатонхейров, после чего уселся на трон и стал наблюдать за тем, как Посейдон методично долбит Аполлона своими голубыми сгустками, превращая его в кусок хорошо отбитого мяса. Чего скрывать, это зрелище доставляло ему удовольствие. Но вот распахнулись двери и в них появились... Нет, не гекатонхейры. Это были те, кого Зевс совершенно не ждал...

* * *

Неисчислимое множество лет заключенные на Острове блаженных герои во главе с Кроном строили свою бесконечную лестницу и наконец достигли неба. И звонко застучали молоты, разбрасывая во все стороны багровую мраморную крошку. И хохотал буйный Аякс, бивший в небесный свод с такой силой, что тот содрогался от этих ударов. Герои взломали стену, отделявшую их от Тартара, и освободили титанов. И теперь, когда они объединили свою мощь, не было силы, способной остановить их натиск. Чудовищный вихрь, созданный волей титанов, разрушил стены, отделявшие узников от мира людей, и они вышли на свободу.

Распугивая диких зверей и второстепенных демонов, прослышавших о сваре между богами и спешащих на Олимп, чтобы вовремя примкнуть к победителю, титаны и герои вошли во дворец и предстали пред тем, кто обрек их на вечное заточение.

Они стояли в ряд.

Восемь титанов — огромных, могучих, несокрушимых.

Крепкоскулый, солнечноволосый Гиперион. Прежде он повелевал ходом светила, а затем был низвергнут в мрачный Тартар.

Синеглазый Кой, в чью дочь Лето Зевс был некогда влюблен. По крайней мере так считалось. Кой был дедом Аполлона.

Иапет — отец четверых могучих сыновей, один из которых, Менетий, стоял рядом. За Менетием стояли два его сына.

Недоверчивый и подозрительный Крий. Он был особенно яростен в битве.

И во главе стоял Крон — самый могущественный и страшный Зевсу, ибо он сумел подчинить себе время.

По бокам от титанов встали двенадцать великих героев, блистающих великолепием доспехов и щитов. Острые жала их копий угрожающе смотрели вперед.

При появлении столь неожиданных гостей боги прекратили сражение и застыли в замешательстве. Потом они начали пятиться к трону Зевса — шаг за шагом, подобрав по пути безжизненные тела Гадеса и Эрота. Вскоре они столпились у ног Громовержца, словно цыплята, ищущие спасения под крылом наседки. Зевс был удивлен не менее, чем они, но ничуть не обескуражен.

— Как вы посмели прийти сюда?! — громогласно воскликнул он, занося над головой перун. Его голос горным обвалом прокатился по зале, заставив задрожать стены.

Титаны и герои ответили Громовержцу дерзкими взглядами, а Крон крикнул:

— Верни то, что принадлежит нам по праву — нашу власть!

Силой голоса Крон ничуть не уступал царю Олимпийцев.

— Вы, еще вчера молившие меня о свободе, вновь заговорили о власти?! Я уничтожу вас! Я заточу вас в такое подземелье, откуда не будет обратной дороги!

— Наши мечи найдут ее! — звонко закричал Аякс Оилид. Зевс толкнул дерзкого в грудь энергетическим сгустком. Герой пошатнулся, но устоял.

— Не выйдет! — Аякс угрожающе потряс копьем. — Ты был слишком щедр, подарив нам бессмертие. Представляю, как ты теперь жалеешь об этом!

— Вовсе нет. — Зевс усмехнулся и обратил свой взор на бога войны. — Арес!

Тот кивнул и вытянул вперед руки. В тот же миг лица героев окаменели, все они как один дружно шагнули вперед. Шаг, еще один, еще. По неестественным движениям воинов нетрудно было догадаться, что они пытаются бороться с силой, заставляющей их поступать вопреки собственной воле. Но сила эта, шедшая из глубин сознания, была необоримой, и герои уступили. Дойдя до трона, они разом повернулись и направили копья на титанов.

— Как видите, даруя вам вечную жизнь, я позаботился о том, чтоб в случае необходимости вы преданно служили мне и после смерти! — торжествующе воскликнул Зевс.

Эхо его голоса еще гулко отлетало от мраморных стен и свода, когда в обрисовываемом лучами заходящего солнца четырехугольнике дверного проема возникли три тени, уродливыми пятнами упавшие на мрамор пола. Титаны поспешно обернулись. Позади них стояли гекатонхейры, злобно взиравшие на освободившихся узников.

— Полюбуйтесь в последний раз лучами солнца! — захохотал Зевс. — Теперь я упрячу вас в такое подземелье, где свет свечи покажется ослепительней полуденных лучей!

Титаны молчали, стиснув зубы, потом Крон сказал:

— Звезда, если получше к ней присмотреться, всегда есть солнце. Хочу сказать тебе, Зевс, я закончил свою картину. Теперь на стене есть лик того, кто повергнет тебя в прах.

Зевс ухмыльнулся.

— Я весь дрожу. Я... — Громовержец осекся, потому что в этот миг в зале появилось новое лицо. Судьба — величайший режиссер, которого когда-либо знал мир. Лишь она могла создать такой замысловатый сюжет, выводя на сцену все новых и новых героев, делая все, чтобы насладиться игрой, прежде чем наступит развязка.

Комедия, трагедия, фарс — все должно быть насыщено интригой: уходящими маврами и внезапно возвращающимися мужьями, исчезающими в подземной пучине бунтарями и воспаряющими в эфир пророками. Говорят, великий Эсхил собирался дописать своего «Прометея», вернуть из бездны скалу с вдруг обретшим силу героем.

Правдива ли, нет ли легенда, но Прометей вернулся. Он возник из ничто, огромный и величественный, словно Полимедова[1] статуя. Время совершенно не коснулось титана; волосы его были черны, тело — молодо, взгляд — пронзителен. Впрочем, так и должно было быть, ведь мудрый Хирон подарил ему бессмертие.

Скрестив на груди руки, титан дерзко воззрился на Громовержца. Во взоре его было торжество, смутившее Олимпийцев.

— Схватить их! — поспешно воскликнул Зевс.

— Стойте! — Прометей упреждающе поднял руку. — Стойте, великие боги! Или вам не ведомо пророчество, что Прометей вернется тогда, когда наступит время перемен и падет власть тирана, возомнившего, что держит в своих руках судьбу всего мира!

Титан еще кричал, когда из груди Зевса стали расти громадные серебристо-черные щупальца. Они становились все больше, наливались мертвенной и мрачной силой. Вот они выросли до неимоверной длины, метнулись вперед и обвились вокруг тела Прометея. Титаны вскрикнули, отец пророка Иапет бросился на помощь мятежному сыну. Но движения щупалец были молниеносны. Подняв Прометея в воздух, они с размаху ударили его головой о стену. Брызнула розовая влага, окропившая застывших у трона богов и героев. Затем щупальца разжались и отпустили безжизненное тело. Мгновение было невыносимо тихо, лишь слышался шорох потревоженных бурей ветвей, да прерывистое дыхание ошеломленных происшедшим богов. Лишь мгновение. Затем тишина взорвалась яростным криком, и титаны устремились на своих врагов.

Тронную залу заполнили огненные вихри, обрушившиеся на богов и гекатонхейров. Олимпийцы ответили залпом энергетических сгустков. Гекатонхейры, обладавшие мощным защитным полем, угрожающе растопырили свои многочисленные лапы и двинулись навстречу титанам. С другой стороны была готова атаковать шеренга героев. Они не обладали силой сторуких или энергетической мощью богов, но в этот миг представляли для титанов наибольшую опасность. Предвидя, что, возможно, придет час, когда превращенные в плазмоэнергетических киборгов герои могут пригодиться ему, Зевс велел Гефесту изготовить для них особые прутья, наконечники которых были покрыты составом с антигравитационным свойством. Любой удар подобным оружием, проникнувший достаточно глубоко в оборонительный контур титана, мог нанести тяжелую рану. Нет, он не убивал. Чтобы расправиться с мощным артефактом, каковыми являлись тита-

ны, требовалось использовать деэнергезирующее поле, — но оставлял в оборонительном контуре пробоину, через которую улетучивалась жизненная суть плазмоэнергетического существа.

Гекатонхейры и боги уже обменялись с титанами первыми ударами, когда Зевс приказал:

— Арес!

Проорав воинственный клич, Арес собрался двинуть вперед послушное его воле войско, но в этот миг в события вмешалась Афо. Пока восставшие боги бились с Громовержцем и его союзниками, она оставалась незамеченной, так как помнила, о чем говорило или не говорило ей **существо** на горе Каллидром. Афо лишь отважилась тайком освободить Геру, но не помогла ни ей, ни Гадесу, ни Эроту, хотя ей было ужасно жаль бедного мальчугана. Теперь же, после появления и последовавшей за тем страшной смерти Прометея, она решила, что настал ее черед. Афродита отважно вышла из-за кресла, служившего ей убежищем, и прокричала, перекрыв звонким голоском грохот чудовищной битвы:

— Арес, вспомни о своей клятве!

Бог войны немедленно обернулся к ней.

— Я помню!

— Прикажи героям обратить оружие против Громовержца!

Никто не помнил случая, чтобы Арес чему-либо удивлялся. Он остался бесстрастен и в этот миг. И еще он остался верен своей клятве. Иначе и быть не могло. Ведь он был воин и знал, что такое честь. Он не присягал на верность Зевсу, зато клялся Афо. Указав рукой на Громовержца, бог войны приказал героям:

— А ну-ка, парни, схватите его!

Он кричал эти слова не раз своим псам, спуская их на медведя или барса. Он крикнул их и в этот, последний раз, потому что в тот же миг ужасные щупальца Зевса обвили его тело и выпили из него всю энергию. Арес исчез точно так же, как Пан, но он сделал свое дело. Герои получили приказ напасть на Громовержца, и ничто теперь не могло остановить их. Бряцая блестящими доспехами, они устремились по ступеням к трону. Здесь их встретили порядком растерявшиеся Олимпийцы, которые уже давно запутались, за кого и почему они бьются. В полную силу сражались с героями лишь Артемида, Аполлон и преисполненная воинственным духом Афина. Посейдон более защищался, чем нападал, прикрывая силовым щитом бесчувственного Гадеса. Это было удивительно — прежде владыка моря никогда не испытывал особой приязни к властелину тьмы, опасность сблизила их. Совершенно прекратил битву Гефест, безучастно наблюдавший за боем, прислонясь спиной к одной из колонн. Лишь время от времени он вскидывал руку и сбивал с ног героя, чье копье уже было готово вонзиться в живот одного из Олимпийцев.

Не принимал участия в битве и Громовержец, почти сразу исчезнувший из залы. **Почти сразу**, потому что за время этого

«почти» он выдержал бой, едва не стоивший ему жизни.

Поступок Афо спутал планы Зевса. Впрочем, их путали в этот день все кому не лень: Пан, бунтовщики-Олимпийцы, вырвавшиеся на свободу титаны и вот теперь Афо и герои, — так что Громовержец смирился с происходящим. К тому же сам факт, что герои сражались на стороне титанов, был не более, чем мелкой неприязнью. При первой удобной возможности Зевс намеревался парализовать их сознание и вернуть героев в подземелье Тартара. Куда опаснее были титаны, в коих таилась мощь, истинные размеры которой они пока до конца не осознали. И потому Зевс решил расправиться сначала с ними. Замедлив время настолько, что движения сражающихся стали едва заметны, а энергетические сгустки, которыми они обменивались, превратились в лениво раскручивающуюся паутину, Громовержец покинул тронное возвышение и напал на титанов. Те были увлечены борьбой с гекатонхейрами, и потому Зевс успел высосать своими щупальцами энергию из двоих врагов — Менетия и его старшего сына, — прежде, чем прочие заподозрили неладное. Крон оставил в покое оглушенного и искалеченного им Бриарея и обратил свой взор на Громовержца. Зевс почувствовал, что его враг тоже замедляет мгновения. Он рванулся к нему, намереваясь пронзить оборонительный контур титана своими страшными щупальцами, но не успел. Крон замедлил ход времени настолько, что сравнялся в скорости движений с царем Олимпийцев. Мгновенно удлинившиеся руки титана отбили выпад щупалец, а затем что есть сил вцепились в оборонительный контур Громовержца. Тот перекачал в свою оболочку часть внутренней энергии, и Крона отбросило в сторону. Однако титан не успокоился. Он увеличил мощь рук и вновь атаковал. При этом от Крона исходили дышащие жаром волны, принадлежащие явно не ему, а иной, неведомой силе, с которой Зевс впервые столкнулся несколько дней назад, когда пытался создать новых артефактов. Плазмоэнергетические поля в тот раз не подчинились ему, отвечая на волевые импульсы Громовержца пружинистыми горячими толчками. Зевс тогда мысленно окрестил неведомого противника Огненной силой. Вот и сейчас он был почти уверен, что в руках Крона переливается Огненная сила, потому что собственные возможности титана не позволяли ему развить такую мощь.

Какое-то время враги ожесточенно боролись, пуская в ход то свои чудовищные конечности, то защитные поля, затем Крон изловчился и обхватил Зевса за шею. Хотя она и была в этот миг лишь частью оборонительного контура, Зевс не назвал бы это ощущение приятным. Мир вдруг запестрел черными мушками, сознание начало раздваиваться, являя на своих задворках радужные картины диковинных городов и планет. Это было очень опасно, так как означало, что Громовержец теряет контроль над своим мозгом. Подобное в последний раз случалось с ним давно-давно в мире восьмикрылых ящеров, один из которых имел ледяную сущ-

ность. Не отвлеки внимание Крона Гий, случайно наступивший ему на ногу, и это мгновение могло бы стать для Громовержца последним. Почувствовав на своей стопе тяжесть огромного тела, титан охнул и потерял равновесие. Зевс воспользовался этим и выскочил из объятий его чудовищных рук, каждая из которых теперь не уступала в обхвате колонне, что поддерживали свод. Почувствовав себя свободным, Громовержец ударил врага в область живота, где оборонительный контур был ослаблен чрезмерным переливанием энергии в руки. Крон охнул и согнулся. Зевс размахнулся вновь, метя в голову. Но титан каким-то чудом перехватил этот ужасной силы удар и заключил силовое щупальце Олимпийца меж набухшими энергией пальцами. Ощущение было такое, будто разлетаются кости. Зевс едва не заорал от боли и свернул покалеченное щупальце, перекачав энергию в руки. Желая ошеломить врага, он одновременно выпустил из тела с десяток мечевидных когтей, вонзив их в оборонительный контур Крона. Тот не обратил на этот маневр совершенно никакого внимания и продолжал наращивать мощь своих передних конечностей. Зевс тщетно пытался вырваться из его объятий.

В это не слишком приятное мгновение Громовержец почувствовал легкий укол в области поясницы. Это Аякс Оилид подобрался к нему сзади и норовил вогнать меж ребер остроконечное копье. Сумей он сделать это, и Зевсу пришлось бы отказаться от своей энергоформы, что сделало б его уязвимым не только перед Кроном, но даже перед любым второстепенным демоном. К счастью, Аякс двигался в рамках обычного времени, и у Громовержца нашлось несколько мгновений на то, чтобы ударить обидчика спешно выращенной рукой. Аякс отлетел в сторону. Но пока Зевс разбирался с ним, чудовищные руки подобрались почти к самой шее Олимпийца. Громовержец принялся наращивать оборонительный контур, но его энергетические возможности были уже на исходе. Огненная сила, соединенная с энергией Крона, превосходила его мощь. Тогда Зевс ускорил время — так сильно, как только мог. Почувствовав это, Крон принялся делать то же самое. Хотя он неплохо научился управлять временем, но все-таки в этом умении он уступал своему противнику. Вскоре титан уже не успевал за стремительными движениями Громовержца, и тогда тот принялся рвать его оборонительный контур когтями. Какое-то время Крон терпеливо переносил боль, но затем не выдержал и начал хвататься за мерзкие наросты, терзающие его плоть. Зевсу только это и требовалось. Пока Крон ломал один за другим чудовищные когти и пытался укротить время, Громовержец освободился от его объятий. Он взбежал на тронное возвышение, откуда в последний раз окинул взглядом поле битвы, которая явно складывалась не в свою пользу. Герои фактически одолели противостоящих им богов, лишив их большей части энергии. Титаны были близки к тому, чтобы расправиться с гекатонхейрами. Кроме Бриарея был уже повержен и

заключен в энергетические оковы Котт. Сражался лишь один Гий, отбивавший атаки сразу пятерых врагов. У Зевса мелькнула мысль помочь преданному артефакту, но он тут же отбросил ее, увидев, что Крон спешит к нему, намереваясь возобновить поединок. Не дожидаясь, пока титан подбежит к подножию трона, Олимпиец нажал на потайной рычаг и прыгнул в отворившийся в полу лаз. Едва его ноги коснулись подземного дна, как мраморная плита стала на место. Ловушка захлопнулась.

* * *

Это был великолепный план — избавиться от всех артефактов разом. Артефакт хорош всем, кроме одного — рано или поздно он обретает личностные черты и выходит из-под контроля. Многое зависит от психоэнергетической инверсии. Если артефакт задуман как абсолютный защитник с максимальными потенциальными возможностями, он беспрекословно повинуется своему создателю очень долгий срок, хотя точно определить его продолжительность невозможно — это могут быть годы, могут — века. Но затем его следует нейтрализовать и создать новый, иначе может произойти необратимая реакция, и артефакт взбунтуется. Справиться с освободившимся от психозависимости артефактом высшей категории очень непростая задача даже для Создателя. Борьба с титанами в свое время настолько утомила Громовержца, что он был вынужден на целый световой день удалиться в Безмолвный мир и зализывать там полученные в схватке раны. С тех пор Зевс предпочитал иметь дело с менее устойчивыми артефактами, которых можно было разрушить простым усилием воли и чья мощь не достигала и сотой доли мощи сотворившего их демиурга. Даже если б они восстали все разом, он без особого труда мог справиться с ними. Однако Громовержец никогда не отбрасывал возможности, что ему придется иметь дело с артефактами или иными силами, чья мощь превосходит его энергетический потенциал. Потому-то мрамор Тронной залы и был испещрен золотой паутиной. Пять караванов с Востока, доверху груженые желтым песком, были доставлены к Белой Сфере. Здесь песок расплавили, мягкий металл прогнали через специальное устройство, из которого выходила тончайшая, едва видимая человеческому глазу проволока, которой потом пронизали стены, потолок и пол дворца. Мириады контактов были сведены в несколько кабелей, соединенных с деэнергизатором, способным выпить энергию разом из пятисот артефактов, подобных тем, что сражались сейчас в Тронной зале.

Захлопнув плиту потайного люка, Зевс тем самым привел в действие систему блокировки. Теперь артефакты не могли покинуть залу, оставалось лишь включить деэнергизатор.

Подземный ход вывел Зевса в священную рощу. Уже стемнело. Между деревьями мелькали желтыми огоньками глаза волков, пришедших на помощь Аресу. Разбросав злобно воющих

хищников силовыми щупальцами, Громовержец расчистил себе дорогу к Белой Сфере. Сочно чмокнула дверь, отрезая владыку Олимпа от внешнего мира. Зевс со вздохом облегчения упал в кресло и бессильно опустил руки. Поединок с Кроном утомил его. Титан оказался невероятно силен. Зевс не помнил, когда он в последний раз имел дело с таким могучим противником. Это было давно. Давно... Зевс расслабился, чувствуя, как силы возвращаются к нему. Затем он представил, как артефакты тщетно пытаются сокрушить энергетическими вихрями стены ловушки, и усмехнулся. Те, кому приходилось иметь дело с Громовержцем, знали, что *сильнейшей его стороной* является умение нанести удар в тот миг, когда врагу уже кажется, что он победил. Тот, кто сидел сейчас в кресле и прятал в бороду жестокую улыбку, всегда наносил удар последним. Он уже уничтожил по крайней мере двадцать миров, осмелившихся противостоять его воле, и ни разу не испытал при этом ни жалости, ни угрызений совести. То, что должно было исчезнуть сейчас, даже не было миром — так, игрушка, созданная скорей из-за глупого тщеславия иметь под рукой могущественных слуг. Он совершенно не жалел этих напыщенных артефактов, разве что Афо... Зевс задумался. Афо... Он совсем позабыл о ней. Эту глупышку ему было немного жаль, хотя она и заварила кашу, которую ему приходилось сейчас расхлебывать. Но он был не в состоянии вытащить Афо из Тронной залы, не подвергнув себя риску нового поединка с Кроном. Да и стоило ли это делать? Женщин нужно менять чуть реже, чем нижнее белье. Он создаст себе новую. И придумает новое имя. А вот облик непременно будет прежний. Облик он не изменит ни за что. Сильная рука опустилась на панель управления, указательный палец коснулся небольшой синей кнопки. Процесс деэнергизации начался. В этот миг артефакты уже кричали от боли и страха, чувствуя, как в тело впиваются невидимые огненные острия, жадно выпивающие жизненную суть. Зевс взглянул на шкалу энергонакопителя. Стрелка качнулась и медленно двинулась вправо. Когда она достигнет зеленой отметки, последний артефакт испустит дух. Времени было еще достаточно, и Громовержец включил систему связи.

— Командор вызывает Гумия!

Ему пришлось повторить эту фразу трижды, прежде чем из динамика долетел чей-то голос. Но он был совершенно не похож на хрипловатый говор атланта Гумия. Это был... Это был...

— Великий Разум! — хрипло выдавил Зевс. — Неужели? Это ты, Леда?

Да, это и вправду была она. И этого не могло быть.

— Но ведь ты умерла! Я все эти годы считал, что ты умерла!

Конечно же он сказал глупость. Она жива! Мертвецы встают из могил? О чем она? Жива! Но почему? Русий не мог солгать или ошибиться!

— Но как ты сумела ускользнуть от него?!

Ее ответ нельзя было назвать ласковым. Но она была права, подобные вопросы были неуместны, особенно сейчас. Каждый из них имел право на свои маленькие тайны. Главное — она жива. И он не будет больше ее об этом спрашивать.

— Хорошо. — Командор помолчал, приводя в порядок смятенные мысли. — Что ты делаешь у Гумия?

Она была давно рядом с ним. Командор так и предполагал. Ведь Леда всегда с легкостью меняла мужчин, манипулируя ими в собственных интересах. Хотя о чем он? Ведь прошло столько лет. Женщина не в состоянии быть столько времени одна. А тем более прекрасная Леда. Быть может, она не слишком нуждалась в любви, но ей всегда требовалось обожание, она не могла жить, не видя вожделеющих мужских взглядов. Но все же где она была? И кто ее спас? И почему она до сих пор жива? Ведь Гумий, сколько Командор его помнил, всегда был цепным псом того, кто ныне именовал себя Ахурамаздой, а в иные мгновенья — Ариманом.

— Но Русий?

Ну конечно же, как он сам не догадался, сыну ничего не было известно о том, что она жива, иначе он непременно сделал все, чтобы отправить эту женщину в ад, где, если говорить честно, ей было самое место. Вряд ли на этой земле была ненависть, более сильная, чем ненависть Русия к этой девушке, причинившей ему столько страданий. И Гумий прекрасно знал об этом.

— Будь осторожна! Гумий может предать!

Она засмеялась, и смех этот было нетрудно объяснить. Да, она как всегда права — никто никогда не смог бы предать эту женщину, настолько ее очарование затягивало мужчин в свои тенета. Леда! Она была способна свести с ума. О, Леда! И зачем ты только вернулась в жизнь Командора. Ты, чье имя — Любовь, ты, которую не сможет предать даже эрентшианец, никогда не задумавшийся над тем, что есть любовь, ни над тем, что есть предательство. Раз ситуация требовала отречься от кого-либо, он с легкостью делал это. Но предать Леду...

— Нет! — горячо воскликнул Командор и добавил уже шепотом:

— Нет.

Она вновь засмеялась. Какой голос! Словно звон серебряных колокольчиков. Нет, скорее этот смех схож с грозным пением весеннего вихря — свежего и разрушительного. Как она прекрасна. Даже один смех. Как смел он совсем недавно сравнивать эту женщину с халтурно созданным артефактом, имеющим в переизбытке лишь одно сладострастие! Как смел! Леда же соткана из буйных чувств — любви, ярости, коварства, жестокости, ума. И совсем немного доброты. Совсем немного, иначе она перестала бы быть Ледой и превратилась в заурядную девицу с хорошей фигуркой и симпатичным личиком. Каких мириады. А так она оставалась прежней Ледой, тот, что сгубила Атлантиду. Командор чувствовал это по голосу — уверенному, насмешливому,

переливающемуся сотнями звонких оттенков, столь любимому им голосу. О чем она спросила? Что-то насчет Гумия. Наверно, хотел ли он переговорить с Гумием. Какое это имеет значение? Хотя не стоит, чтобы Леда поняла это. Она не уважает тех, кто тонет в любовной патоке. Любви нужно сдаваться целиком, но не забывая при этом, что любовное безумие не может длиться вечно. Потому:

— Да, позови его. Я хочу узнать, как идут дела.

Она сказала, что Гумия нет. Любовное помрачение оставило сознание Командора, уступив место гневу.

— Как он посмел! В самый решающий момент!

Отбыл на Восток? Проблемы у Русия? Надо бы связаться с Русием. Впрочем, какое это имеет значение? Особенно когда рядом Леда. Он может очутиться в ее шатре через несколько мгновений. И обнять ее. И прикоснуться губами к ложбинке между шеей и высокой грудью. Интересно, сильно ли она постарела? Голос у нее остался такой же молодой и звонкий, как прежде. И так же сводит с ума. А кожа, как и прежде, горьковато пахнет миндалем. Проблемы у Русия... Командор вздрогнул и посмотрел на стрелку деэнергизатора, которая неуклонно ползла к зеленой отметке. Ему вдруг показалось, что стрелка качнулась в обратную сторону. Показалось. Итак, проблемы у Русия. Быть может, это даже очень неплохо, если он вдруг завязнет в борьбе со своими артефактами. Тогда у него, Командора, будет время, чтобы спрятать Леду.

— Странное совпадение, — машинально заметил Командор, чтобы хоть что-то сказать. — У меня тоже.

Она не поняла, что он подразумевает под «тоже», и Командор пояснил:

— Проблемы. Взбунтовались артефакты, созданные мной во второй период творения, и каким-то образом вырвались на свободу те, что были заключены в пара-ловушку.

У Русия, судя по тому, что знала Леда, все обстояло куда проще. Бунтовали демоны и прочая мелкая нечисть. Он предостерегал сына от создания эфемерных артефактов. Конечно, они превосходят обычных в мобильности, но уж очень неустойчив у них внутренний контур. Энергия, помноженная на коварство. Русий не послушался и в результате получил пятьдесят Кеельсее. Хотя нет, Кеельсее, пожалуй, коварней. А вдруг Леда права и кто-то приложил здесь свою руку? Например, тот же Кеельсее. За последнее время Командор не раз нападал на след коварного номарха, но он каждый раз необъяснимым способом ускользал, истребляя при этом приставленных к нему соглядатаев. В последний раз он избавился от подземного демона. Неужели Кеельсее и впрямь научился использовать паракосмическую энергию и теперь оказывает влияние на чужих артефактов? Нет, быть этого не может. Это под силу лишь немногим, тем, перед чьими глазами вечно стоят безжизненные пейзажи ледяных равнин

Эрентши. Так что это простое совпадение. Так и надо ответить. Лишь Командор решил это, как вновь почувствовал, что на его грудь давит неведомая сила. Превозмогая себя, он бодро произнес:

— Думаю, что да. Конечно же, совпадение! Никакой серьезной опасности. Не волнуйся. Я свои дела почти уладил. Еще немного, и все будет кончено. — Командор вновь взглянул на шкалу энергонакопителя. Стрелка приблизилась к зеленой отметке плотную. В этот миг артефакты, воя от боли, катаются по мраморному в золотых прожилках полу. Командор усмехнулся, провел языком по верхним зубам и прошептал:

— И тогда я приду к тебе.

Он еще выговаривал последнее сладкое «тебе», когда стрелка резко прыгнула влево. Командор осекся и уставился на шкалу. Показалось? Да... Он с облегчением выдохнул, видя, что стрелка вернулась на свое прежнее место и сделала еще один шажок к заветной черте. И в этот миг она вдруг заскакала, словно сумасшедший маятник, и начала смещаться влево. Это означало лишь одно — во дворце что-то произошло. Ловушка по необъяснимой пока причине дала сбой. Необходимо было срочно выяснить, в чем дело. Краем сознания Командор уловил вопрос Леды, обеспокоенной его внезапным молчанием. Она спрашивала, все ли у него в порядке.

— Да! — бодро ответил Командор. Тем временем стрелка ускоряла свой обратный ход. Деэнергизатор возвращал захваченную энергию. — Хотя... — Ему не хотелось этого говорить, но он все же признался. — Хотя процесс деэнергизации отчего-то замедляется... — Стрелка была на критическом уровне. Еще немного, и ловушка будет полностью разрушена. Командор поспешно закончил:

— Прерываю связь. Приду к тебе как только освобожусь.

Она крикнула в ответ слова прощания, странные слова — удачной ночи тебе, Командор.

Не тратя времени даже на то, чтобы отключить радиофон, Командор поспешно оставил свое кресло и бросился к выходу. Однако добежать до него он не успел. Пневматическая дверь вдруг с грохотом развалилась, и в глаза Командору ударило ослепительно яркое солнце.

* * *

Этого не могло быть, ведь когда Зевс бежал из Тронной залы, наступала ночь, но это было. И это означало лишь одно: Огненная сила, заявлявшая о себе мимолетными всплесками, заговорила в полную мощь. Кто эта сила и почему она противоречит ему, Громовержцу, предстояло выяснить, но она была огромна, раз могла переплести в такой причудливый узел время и пространство и столь легко взломать трехслойную силовую броню Сферы.

Солнце стояло в зените и пылало с неестественной для этих широт яростью. Оно опаляло кожу Зевса, обычно нечувствительную к ультрафиолетовым лучам. Пока владыка Олимпа добежал до дворца, открытые участки тела приняли багровый цвет, драгоценная хламида сморщилась и раскалилась, обжигая золотыми нитями кожу. Должно быть, примерно такие ощущения испытывали артефакты в своей мраморной ловушке.

Она уже не действовала. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться в этом. Дворец был взрезан словно консервная банка, причем восточная стена и часть крыши исчезли совершенно, но при этом не были повреждены ни мраморная мозаика, ни колонны, пронзавшие пространство от пола до самой кровли.

Тронная зала была поглощена тенью, резко контрастировавшей с ослепительным солнцем и оттого казавшейся мраком. Зевс нерешительно ступил на то место, где еще совсем недавно была стена, и сощурился, заставляя глаза привыкнуть к темноте. Прошло несколько мгновений, прежде чем он сумел различить обращенные к нему лица. Здесь были все те, кого он когда-либо создал: титаны, боги, герои, гекатонхейры и прочие хтонические чудовища, несколько второстепенных демонов. Они не только не лишились жизненной сути, но и выглядели куда лучше прежнего. На их телах больше не было ран, оборонительные контуры были полностью восстановлены. Не думая более враждовать друг с другом, артефакты смешались в единую толпу, безмолвно взиравшую на Зевса.

Громовержец обвел их внимательным взглядом. Кто? Кто обладатель Огненной силы, незримо витающей над толпой? Посейдон? Крий? Восстановивший оборонительный контур Гадес? Гиперион? Крон? Арес? Арес?! Да, умерщвленный им Арес и впрямь ожил, равно как и Прометей, устремивший на Зевса чуть насмешливый взгляд. Никто из них прежде не обладал и сотой долью мощи, способной сокрушить энергетическую ловушку. Для этого требовалась сила, равная той, что имел Зевс. Или превосходящая ее. Кто?!

Словно отвечая на этот безмолвный вопрос, артефакты расступились, пропуская вперед двоих — бога и титана.

Титана звали Атлант. Зевс дал ему лицо красавца Крима. Атлант бесчисленные столетия держал на плечах то, что считал небесным сводом, а прочие — обычным камнем. На деле это был Первоключ, содержавший в себе грандиозную мощь паракосмической энергии. С помощью Первоключа можно было сотворить горы или иссушить океаны. Зевс использовал эту мощь, когда творил новые миры. Имея Первоключ, можно было повернуть земную ось.

Но сам Атлант ни за что не догадался бы, что держит на своих плечах. Слишком сильным было внушение, наложенное на его сознание Зевсом. Это сделал другой, стоявший рядом, кого Зевс нарек Дионисом, а еще раньше знал как Загрея — самого силь-

ного и непокорного артефакта, уничтоженного Громовержцем прежде, чем он успел набрать полную силу. Зевс не сразу, но убедился, что и впрямь видит перед собой насмешливое лицо Загрея, умершего, чтобы возродиться вновь и покарать своего убийцу. И он сказал:

— Я ждал твоего возвращения, Загрей, хотя и не верил в него.

— Да, я вернулся, — промолвил Загрей. — Я вернулся, чтобы занять твое место. А ты исчезнешь, растворишься в одном из неестественных миров, созданных твоим воображением.

— Я знаю, что за тобой кто-то стоит, — прошептал Зевс, едва шевеля губами. — Кто?

— Тот, кого тебе никогда не победить, — ответил Загрей на вопрос, которого не слышал.

— Ты полагаешь, что, обретя Первоключ, получил в свои руки Силу?

Загрей молча склонил голову. Зевс почувствовал, как огненная волна давит на его плечи. Он разбросал ее в стороны усилием воли и прохрипел:

— Вы лишь жалкие артефакты, созданные мною!

— Уже нет!

Владыка Олимпа рванул петлю туго обхватившей шею хламиды.

— Сейчас я проверю это!

Вытянув перед собой скрещенные руки, Громовержец стал собирать силу. Он вытягивал ее из безбрежного Космоса, сматывая в тугой клубок. Это было нелегкое занятие. Дыхание Зевса участилось, по лицу пробегали судороги. Загрей не мешал ему, так как верил в силу своего Ключа. Зевс же знал пределы этой силы и потому собирал энергию до тех пор, пока не уверился, что она превзошла мощь, заложенную в Первоключе. И когда он посчитал, что обретенной энергии вполне достаточно, то слепил из нее большой огненный шар, уютно устроившийся на ладони. Шар этот был величиной не более спелого апельсина, но в нем заключалась мощь целого океана или мириада раскаленных Санторинов *. Теперь Громовержец мог одним движением руки превратить в пепел вершину Олимпа вместе с восставшими артефактами. Но он не стал делать этого, так как понимал, что доказать свое превосходство может лишь вернув солнце на прежнее место, вернув ночь. Он должен был вернуть время, похищенное Загреем. Настроившись на созданный им Ключ, Зевс направил энергетическую спираль вдоль земной оси, заставляя планету вращаться обратно — с Востока на Запад. Земля едва заметно вздрогнула, и через миг солнце начало плавно скользить за спину Зевсу, и на полу появилась его все увеличивающаяся в размерах тень.

Тогда Загрей и Атлант взялись за руки и подняли вверх Первоключ, заставляя Землю крутиться обратно. Земля вновь заколе-

балась и остановила свой ход. Зевс прибавил мощи в свою спираль. Его противники ответили тем же. Тянулись мгновения. Энергетические спирали яростно боролись между собой. Эта борьба отражалась на лицах их создателей. Загрей покраснел, на висках его вздулись багровые жилы. Лицо Антланта напротив было мертвенно бледно, словно титан пытался передать свою энергию Ключу. Зевс выглядел бесстрастным. Напряжение выдавали лишь струйки едкого пота, текшие по окаменевшим скулам.

Противостояние продолжалось довольно долго. Зрители, застыв, следили за этой борьбой. Внезапно Атлант пошатнулся и упал. Загрей обхватил свой Ключ обеими руками, сосредоточив все усилия на том, чтобы разрушить энергетическую спираль, созданную Зевсом. Но мощи Первоключа было явно недостаточно, чтобы одолеть своего новорожденного собрата. И солнце вновь начало свой неестественный бег, устремившись к Востоку. Стоявшие за спиной Загрея артефакты попытались прийти ему на помощь, ударив по Зевсу энергетическими сгустками. Однако тот не только отразил это нападение, но и создал ударную волну, повергшую артефактов наземь. Устоял лишь один Загрей, чей оборонительный контур был усилен мощью Первоключа.

Солнце неотвратимо приближалось к линии восхода, когда вновь появилась Огненная сила. На этот раз была задействована вся ее мощь, и мощь эта превосходила силу Ключа, созданного Зевсом. Пожалуй, она превосходила мощь обоих Ключей. Она была столь огромна, что Зевс понял: ему не под силу создать мощь, способную противостоять Огненной силе. Его Ключ начал жечь ладони, грозя испепелить оборонительный контур. Еще несколько мгновений подобной борьбы и энергетическое поле бога должно было разлететься. Зевсу пришлось закончить поединок. Он поспешно свернул спираль, и солнце тут же вернулось в зенит.

Огненная сила победила Громовержца, но исход битвы еще не был решен. Швырнув оранжевый шарик вверх, возвращая таким образом энергию Ключа обратно в Космос, Зевс взялся руками за кожу лба и стал медленно сдирать ее, открывая свое истинное лицо.

Оно было ужасно. Ужасно не тем, что в нем не было ничего человеческого. Это было лицо создания, познавшего бесконечный холод Космоса и служащего этому холоду. Бездонные черные глаза уставились на артефактов, обрекая их на смерть. Минует несколько мгновений, и все они исчезнут. Несколько мгновений... Они минули, но ничего не произошло, так как тот, что звался Загреем, также сорвал свою маску и смотрел на врага бездонными черными глазами. Это была ужасная дуэль. Противники скрестили свои испепеляющие все живое взгляды, стараясь уничтожить то, что у людей именуется душою. У этих созданий не было души, однако они тоже были смертны. И смерть эта

была более страшной, ибо обрекала их жизненную суть на вечное блуждание между звездами. Враги не могли ни на мгновение оторвать своих взглядов, потому что тот, кто делал это первым, проигрывал. Они смотрели в глаза друг другу, и облик их начинал меняться: лицо принимало острые хищные черты, тело и конечности вытягивались, затем покрывались прозрачной пленкой то ли пурпурного, то ли синего, то ли темно-изумрудного цвета. Но скорей всего она была черной. Черной. Черной. Черной...

Афо, как и все прочие, не дыша следила за этим поединком. И вдруг в голове ее ясно прозвучали слова. ТОАЛЕР'ГАЭ, КОМАНДОР. И она признала в Дионисе-Загрее **существо**, что говорило с ней на горе Каллидром. Сейчас **существо** было не столь самоуверенно и дрожало от напряжения, но все же это было оно. И хотя тот, кого она считала Зевсом, еще не проиграл, Афо подбежала к нему и крикнула. Звонко и отчетливо, мстя за себя и за тех, кто ей дорог, кто уже умер и кому предстояло умереть, когда взойдет солнце.

— Тоалер'гаэ, удачной ночи тебе, Стер Клин! — Афо поняла смысл этих слов, едва только произнесла их. Удачной ночи...

И в тот же миг тот, кто был Зевсом, страшно закричал. В его крике были боль и мука. А еще отчаяние проигравшего. И небо над Олимпом разверзлось огненными сполохами. И земля содрогнулась в нервном пароксизме, выбросив вверх фонтаны огня и грязи, поглотившие гору огромным непроницаемым вихрем. Этот вихрь выл мириадами голосов, порожденных глотками пришедших из уголков Вечности демонов, многие из которых были мертвы, но сладостно выли, не зная об этом.

Потом все исчезло. Потом осела земля, а огонь вернулся в толщу скал. И наступила ночь, ведь на земле в это время должна была быть ночь. Удачная ночь...

Когда же пришло утро, поднявшееся из-за моря солнце обнаружило, что вершина Олимпа пуста. Ни дворца, ни священной рощи, ни Белой Сферы больше не существовало. Лишь камни, да чахлый кустарник, и по сей день тоскующий по влаге.

Но солнце даже не удивилось, разве что чуть сощурило свои огненные зрачки. Ему приходилось видывать и не такое.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Гибель богов — 4

— Какая приятная встреча! Ты не находишь, Гумий?

Заратустра кивком головы подтвердил, что находит. Пленник широко улыбался.

— Клянусь Разумом, я тоже рад видеть вас, друзья!

— Друзья! — Ариман захохотал, извлекая неприятные металлические звуки. — Как это мило. Встреча старых добрых друзей! Ты почти расстрогал меня. Рассчитываешь обворожить потоком ложных слов?

— Нисколько, — ответил Кеельсее, известный в этом мире под именем мага Кермуза, того самого Кермуза, который смог нанести чувствительный удар Ариману, а потом уйти от возмездия. Впрочем, это были дела давно минувших дней.

— Должно быть, ты полагаешь, что я предложу тебе бокал вина?

— А почему бы и нет?

Ариман хмыкнул.

— Действительно, а почему? Ну что ж, считай пока себя моим гостем. Прошу!

Бог тьмы отвесил шутовской поклон и сделал шаг в сторону, давая пленнику понять, что он волен покинуть свою тюрьму. Кермуз нарочито вежливо поблагодарил Аримана кивком головы и двинулся к дверям, в которых стоял Заратустра. Маги обменялись быстрыми взглядами. В глазах Кермуза блеснула быстрая, едва заметная усмешка, Заратустра смотрел на своего врага с ненавистью. Он не двигался с места, загораживая Кермузу дорогу до тех пор, пока Ариман не приказал:

— Гумий, пропусти его. Он успеет получить свое.

Заратустра неохотно посторонился.

Странная троица расположилась в небольшой уютной комнате, перенесенной велением Аримана из одной из плоскостей. Бог тьмы собственноручно наполнил три кубка, пододвинул один из них Кермузу.

— За что пьем?

— За встречу. Мы ведь не виделись, пожалуй, добрую сотню лет.

— А я думал, это было вчера.

Маг не стал спорить.

— Быть может, так оно и было.

— Я бы предпочел выпить за мою победу, — поспешно сказал Ариман, видя, что Кермуз уже подносит бокал к губам.

— Тогда каждый выпьет за свое! — мгновенно парировал пленник. Он отсалютовал бокалом своим победителям и с види-

мым удовольствием принялся пить вино. После яростной схватки с защитниками Замка у него пересохло в горле.

— Ты проиграл, Кеельсее, — сказал Ариман. — Ты в моих руках.

— Это я уже заметил, — пробурчал маг, не прерывая своего занятия. Допив вино, он отставил бокал и поинтересовался:

— И что же ты со мной собираешься сделать?

— Отдам тебя Гумию. Полагаю, он придумает что-нибудь занятное.

Кермуз натянуто улыбнулся и вытер выступившую на губе испарину.

— Не сомневаюсь. Уверен, что самая легкая смерть из тех, что он мне готовит, это сварить меня заживо в молоке.

— Ха-ха! — сказал Ариман. — Какая у тебя извращенная фантазия. Зачем переводить молоко?

Мятежный маг пожал плечами.

— Да... — изобразив задумчивость, протянул Ариман. — Ты в плену, а твой незадачливый союзник даже не пытается освободить тебя. Он забился в щель подобно крысе. А, может быть, он уже далеко от Заоблачного Замка? Слышишь, как стало тихо. — Бог тьмы замолчал, и все трое прислушались. Действительно, громовые удары, весь день сотрясавшие Замок, прекратились. Лишь где-то вдалеке визжали еще сражающиеся демоны. Ариман еле слышно, словно боясь разбудить тишину, вкрадчиво спросил:

— Кстати, кто он?

— Не знаю, — ответил Кермуз, бросив быстрый взгляд на улыбчивую маску, скрывающую лицо.

— Напрасно ты упорствуешь. Ведь не будешь же ты отрицать, что это нападение — дело твоих рук. Ведь это ты организовал и привел сюда демонов. Как тебе удалось пробраться в Замок незамеченным?

Мятежный маг налил себе еще вина.

— Ты плохо следишь за телепортационными каналами.

— Наверно. Но все же тебе кто-то помог.

— Наверно, — не стал спорить Кермуз.

— И чего же ты добивался? Хотел разрушить Замок? — Маг кивнул головой. — Захватить Источник? — Ответ вновь был утвердительным. — Но ведь ты не умеешь управлять им.

— Невелика премудрость. А кроме того, это умеет делать мой напарник.

— Кто он? — оставив свой добродушный тон, закричал Ариман. — Леда?!

— Ты помешался, Русий! Она умерла.

Ярость исказила улыбку Ахурамазды, сделав ее ужасной.

— Не-ет! Она обманула всех нас! Я чувствую ее незримое присутствие! Она здесь! Она где-то рядом! Она с тобой?!

— Ее здесь нет, — ответил Кермуз и рассеянно добавил, всматриваясь в побледневшее лицо Заратустры:

— Не знаю... У Командора, кажется, есть похожий артефакт.

— Но я ощущаю присутствие не артефакта, а человека! Говори, кто он, твой союзник, иначе я предам тебя самой лютой смерти, какая только существует на свете!

Кермуз наигранно зевнул.

— Я же сказал тебе, что не знаю его. Мне лишь известно, что он отшельник, живущий в мертвом городе Дур-Шаррукин. Я познакомился с ним примерно цикл назад. Он обладает огромной силой и ненавидит тебя. Но я не знаю его имени и никогда не видел его лица. Он прячет свое лицо под капюшоном. Я не заметил, чтоб он был похож на женщину. Скорей, он похож на тебя и на Командора.

— Сейчас ты умрешь! — зловеще процедил бог тьмы. Кермуз не испугался.

— Что ж, рано или поздно любая игра обречена на поражение, — с поистине философским спокойствием заметил он. — Надеюсь, придет время, когда проиграете и вы.

Ариман дал мятежному магу договорить до конца и лишь после этого поднялся. Вставая, он ненароком задел недопитый бокал, и по белому шелку плаща расползлись кровавые пятна.

— Дурная примета, — без тени улыбки заметил Кермуз.

Ариман зарычал.

— Гумий, он твой!

Заратустра, не проронивший за все это время ни единого слова, молча раздвоил посох. Блеснуло игольчатое острие.

— Симпатичная штучка, — сказал Кермуз, также поднимаясь. Он слегка побледнел, но старался не выдать своего страха. — В нашем ведомстве всегда любили подобные игрушки.

— В последний раз спрашиваю: это Леда?

— А спроси лучше у Гумия! Он наверняка знает!

Это была всего лишь бравада, но она попала точно в цель. Заратустра вздрогнул и поспешил нанести удар. Однако Ариман, успевший заметить, как переменилось лицо его верного мага, перехватил клинок, лишь слегка оцарапавший руку Кермуза.

— Постой, — протянул бог тьмы, заглядывая в глаза Заратустры. — Что тебе известно о Леде?

Неизвестно, что придумал бы Заратустра и как дальше стал изворачиваться Кермуз, но судьба разрубила этот запутанный узел ударом александрова меча. Распахнулись двери, и пред взором Аримана предстали рыжебородые, тесным кольцом окружавшие вооруженного луком человека, увидев которого Ариман на мгновение позабыл о ненавистной ему женщине, ибо этого человека он ненавидел не меньше.

— Вот так сюрприз! — воскликнул владыка тьмы. — Это же мой друг скиф! Наконец-то ты нашел время посетить мое скромное жилище!

Скилл был спокоен, насколько вообще может быть спокоен человек в его положении.

— Ариман, Отшельник, пришедший уничтожить твое царство, вызывает тебя и твоего мага на честный бой. Кроме того, он требует отпустить человека по имени Кеельсее. Он ждет тебя на плато за стенами Замка.

— Значит, все-таки Леда, — прошипел Ариман. Он посмотрел на Кермуза, потом перевел взгляд на Заратустру. — Я буду там сейчас же. Но вот человек по имени Кеельсее останется в моей тюрьме...

— Мне кажется, Ариман, тебе придется отпустить его, — спокойно, будто говоря с равным, заметил Скилл.

— Это почему же, мой отважный скиф?

Ответ был подобен ослепительной молнии, и эта молния пронзила холодное сердце Аримана.

— Отшельник захватил Тенту!

* * *

И трижды повторим, мир полон загадочных существ.

Когда Ариман и Заратустра ушли в Первый Шпиль, чтобы воспользоваться силою Источника, змей остался в телепортационном модуле один. Это был его главный долг — охранять модуль — и змей добросовестно исполнял его. Змей лежал и скучал. Снизу доносился грохот рушащихся стен, змею не было до этого дела. Ему было безразлично все, что не касалось его. Змея звали Карнав...

Мертвецы пали, и Скилл нашел свою Тенту. Он даже не понял, обрадовалась ли она его приходу. Наверно, ведь ей было страшно. На вопрос, где Черный Ветер, нэрси ответила, что он тут же, в Третьем шпиле, в специально созданной для него конюшне. Узнав, что нужно уходить, Тента задумалась. Скилл не придал этому странному обстоятельству особого внимания. Попробуй, поживи среди монстров, которыми переполнен Замок Аримана, и вообще спятишь!..

Многие считали Карнава порождением ада, но это было не так. Его создал Ариман, вернув из необозримого прошлого сложные генетические компоненты и примешав к ним силу земли. Карнав был могуч и практически неуязвим. Серая чешуя, покрывавшая его тело, по прочности превосходила сталь, спиралевидные позвонки могли выдержать удар рухнувшей скалы. Даже огонь и вода не страшили Карнава — в его кожу были встроены биологические терморегуляторы, превращавшие пламень в лед, а легкие трансформировались таким образом, что могли извлекать кислород как из воздуха, так и из воды. Помимо необоримой мощи Ариман наделил своего монстра подобием характера, состоявшего почти сплошь из отвратительных черт — злобы, жестокости, ненависти, кровожадности и коварства. Еще создатель дал ему преданность — преданность Ариману, — но Карнав сумел изжить это качество...

Повелитель тьмы упорствовал в своем желании вернуть Чер-

ного Ветра не из простой прихоти; это редкостное, прекрасное животное и впрямь было дорого ему. Скиф понял это, едва увидев конюшню, в которой содержали его жеребца. Собственно говоря, это была не конюшня, а целый огромный выгон, покрытый настоящей травой, чудесным образом произраставшей прямо из каменных плит. Перед входом в конюшню лежали два обретших покой живых мертвеца, еще несколько таких же разлагающихся оболочек люди видели, пока добирались сюда. Вообще в Замке осталось мало живого. Повсюду валялись трупы харуков, рыжебородых, дэвов и нэрси, попадались и более диковинные создания, покрытые чешуей и слизью. Но бой еще не был окончен. Стены замка глухо вздрагивали, и лишь дополнительные силовые поля, созданные Ариманом, предохраняли Скилла, Дорнума и Тенту от неприятных сюрпризов.

Черный Ветер был в восторге от появления Скилла. Обильный корм и теплый кров *не могут заменить приволья* и дружеской ласки. Конь счастливо тыкался мордой в отчего-то соленое лицо хозяина и тихо ржал, сообщая, как сильно скучал без него. А Скилл гладил холку и прядающие уши коня, приговаривая:

— Все будет хорошо, Ветер. Все будет хорошо...

Карнав не имел в этом мире достойных соперников, даже дэвы не рисковали задевать его, и потому он обыкновенно скучал. Свернув свое пятидесятифутовое тело в плотный комок, он дремал и видел черно-белые сны. Иногда Ариман поручал ему кое-какую работу, и это было хоть небольшим, да развлечением.

Вообще-то змей ненавидел все и вся. Даже Ариман, признаемся по секрету, не был исключением. Змей втайне мечтал разделаться со своим хозяином, но не рисковал отважиться на это — он не раз был свидетелем того, как Ариман расправлялся с непокорными. Кроме Аримана Карнав ненавидел всех его слуг — громоздких дэвов, харуков, пищащих нэрси. Но более всего он ненавидел людей. Эту ненависть вложил в него Ариман, и со временем она стала столь сильной, что Карнав мог без труда учуять человека, находящегося далеко за пределами Замка. Вот и сейчас он ощущал присутствие чужаков, бросаемых из одной плоскости в другую, и лениво размышлял о том, что было бы очень неплохо, если б они случайно забрели в его владения. Неплох-хо! Змей издал негромкое шипение и сыто вздохнул. Сегодня он воспользовался неразберихой и неплохо пообедал, сожрав двух слуг Аримана: рыжебородого и нэрси. Переел, теперь его мучила изжога. Но как приятно было чувствовать их предсмертный трепет и слышать хруст ломающихся костей. Прия-я-ятно...

Забрав Ветра, Скилл и его спутники покинули конюшню. Теперь надо было придумать, как выбраться из Замка. Покинуть его тем путем, каким степняки попали сюда, было практически невозможно, так как враги Аримана уже сместили большинство энергических плоскостей и продолжали разрушение Замка, который к этому времени превратился в чудовищные нагромождения

грозящих вот-вот рассыпаться обломков. Кроме того был разрушен мост, а у нэрси не хватило бы сил перенести через бездну коня и двух людей.

Был еще один путь, его подсказала Тента. Во Втором Шпиле Замка находилось волшебное устройство, с помощью которого можно было перенестись куда угодно. Дорнум усомнился в словах нэрси, но Скилл согласился с ней, поведав, что ему уже не раз приходилось путешествовать подобным образом. Пробираться во Второй Шпиль было очень рискованно, так как можно было запросто столкнуться с самим хозяином Замка, но иного выхода не было. И потому Скилл решил:

— Рискнем!

И они рискнули...

Карнав поднял голову и прислушался. Похоже, его надеждам было суждено сбыться. Люди наконец-то пробрались во Второй Шпиль и шли прямо в его объятия.

Стремительно переваливая стальные кольца, змей поспешил навстречу своей добыче. Хозяин будет доволен. А кроме того, следовало поскорее убраться отсюда. У Карнава было предчувствие, что в его владения собирается нанести визит некто, с кем не стоит меряться силой. А предчувствия никогда не обманывали гигантского змея...

Выдержав бой с отрядом вездесущих харуков, маленький отряд Скилла проник во Второй Шпиль. Беглецам нужно было попасть на самую вершину, куда вела винтовая гранитная лестница. Здесь их ждал Карнав.

Он лежал посреди плато, свернувшись в тугой, блестящий комок. Скилл сначала принял его за невиданное растение или пеньковый, окрашенный серебристой краской трос. Если бы не упреждающий окрик Тенты, он влез бы прямо в пасть чудовища...

Человек поспешно отшатнулся, и тогда Карнав поднял голову и уперся тяжелым взглядом в его глаза. В этом взгляде была сила, заставлявшая жертвы покорно идти в объятия Карнава. Человек какое-то время стоял, словно раздумывая, затем медленно двинулся вперед. Карнав улыбнулся, предвкушая, как захрустят хрупкие кости...

Скилла вернул в реальность звонкий окрик Тенты. Он вздрогнул и поспешно отпрянул назад. Змей недовольно зашипел. Его головы повернулись чуть в сторону и обратились к девушке...

Эту девчонку не следовало убивать. Карнав знал, что хозяин испытывает к ней необъяснимую привязанность, примерно такую же, какую змей к диким поросяткам — сладким и нежным для языка и легким для желудка. Но эта нэрси всегда не нравилась ему. Кроме того все можно было устроить так, будто ее раздавила рухнувшая колонна или кусок свода. Карнав заглянул в самую душу нэрси и сладостно шепнул: иди ко мне, моя любовь, я буду ласкать твою нежную грудь! Иди...

Нэрси, словно завороженная, шагнула навстречу змею. Дорнум схватил ее за руку, но в девушке проснулась невероятная сила. Она даже не сбавила шаг и продолжала свой путь к смерти, таща за собой вопящего киммерийца. Тогда Скилл выхватил стрелу и почти не целясь послал ее в голову мерзкого гада...

Карнаву никогда не приходилось испытывать подобную боль. Зашипев так, что дрогнули стены, змей бросил свое тело вперед, метя в маленькую женщину, чьи глаза были наполнены магнетической негой. И в этот миг нэрси очнулась. Она закричала от ужаса и стрелой взвилась вверх, под самый свод, подняв за собой и Дорнума. Омерзительная голова чудовища проскользнула впритирку под ногой киммерийца, едва не коснувшись его сапога. Змей резко остановился и начал поднимать тело, превращаясь в извивающийся чешуйчатый столб. В этот миг его мозг пронзила еще более жуткая боль...

Поединок с Ажи-дахакой многому научил скифа. Самым слабым местом у подобных бронированных тварей была голова, прежде всего — глаза. И потому Скилл загнал вторую стрелу точно под веко змею. Тот обрушил свое тело на пол и начал дробить головой ближайшую стену, пытаясь таким способом избавиться от терзающей его плоть наконечника. Удары живого молота были ужасны, от кладки отлетали огромные куски камня, любой из которых мог раздавить человека. Эти камни падали на Карнава, но он не чувствовал их тяжести. Змей продолжал биться о стену до тех пор, пока не избавился от стрелы. После этого он бросился к человеку.

Смерть не раз подходила к Скиллу так близко, но еще никогда не заключала его в свои объятия. Скиф, правда, успел выпустить еще одну стрелу, но она была не столь метка, и чудовищный змей не обратил на нее никакого внимания. Он обвил человека дюжиной стальных колец и начал медленно сокращать их. Скиф хотел закричать, но в сдавленной груди не нашлось воздуха. Оставалось лишь умереть.

Скифов учили умирать достойно, не прячась за спинами соплеменников. Киммерийцев учили умирать первыми. Увидев, что змей схватил друга, Дорнум отпустил руку нэрси и свалился прямо на голову чудовища. Не давая ему опомниться, киммериец начал полосовать плоть монстра ударами меча. Клинок со звоном отскакивал от стальной чешуи, но Дорнум не сдавался и в конце концов добился своего — одним из ударов он поразил Карнава во второй глаз.

Ослепший змей совершенно взбесился от боли и ярости. Отбросив полузадушенного скифа в сторону, Карнав бросился на нового обидчика. Удар хвоста сбил Дорнума с ног. Змей подполз к оглушенному человеку и начал медленно заглатывать его.

Это была роковая ошибка, совершенная злобным монстром. Умирая, киммериец поразил его в единственно уязвимое место. Острый меч разорвал внутренности змея, рассек надвое сердце...

Тента едва успела спасти еще не пришедшего в себя Скилла от ударов агонизирующего тела. Карнав метался по мраморной лестнице словно смерч, сшибая колонны и вдребезги разбивая холодеющим телом ступени. Но вот он затих и, испустив струйку кроваво-ядовитой слюны, умер. Рядом с его изуродованной головой лежали обрубки кровавого мяса, облаченные в добротные юфтевые сапоги — все, что осталось от отчаянного киммерийца Дорнума.

Скилл кусал губы, когда нэрси сказала ему:

— Не надо, это была достойная смерть.

— Да, но она пришла слишком рано.

Подняв со ступени иззубренный меч Дорнума, скиф, прихрамывая, двинулся вверх. Тента вела на поводу волнующегося Черного Ветра. До свободы оставалось лишь несколько шагов, но они так и не обрели ее.

В телепортационном центре их ждал незнакомец. Увидев его, Скилл не раздумывая натянул тетиву. Он не боялся ошибиться, потому что в Замке у него больше не осталось друзей, а кроме того незнакомец был облачен в балахон и прятал свое лицо — это сразу напомнило Скиллу о живых мертвецах Аримана.

Незнакомец лишь успел крикнуть:

— Постой!

Однако в этот миг стрела уже покинула ложе лука и устремилась вперед. Она должна была впиться точно в сердце, но тот, кому она предназначалась, исчез, чтобы через мгновение объявиться вновь. Скиллу уже доводилось видеть подобное. Так делал Ариман, но это был не он. В любом случае человек в балахоне был неуязвим для стрел, и скиф опустил лук. Этим он заслужил похвалу незнакомца.

— Правильно, — сказал тот, судя по всему совершенно не обидевшись. — Я враг Аримана, а значит твой друг.

В это мгновенье в залу вошли Тента и Черный Ветер. Незнакомец поглядел на них, рассмеялся и добавил:

— А это наши главные козыри. Игра вступает в завершающую фазу.

* * *

Ночь пролетела, из-за гор выползло солнце. Враги встретились на гранитном плато, примыкавшем к южной стене Замка.

— Условия обмена будут следующие... — Отшельник сделал паузу, словно специально для того, чтобы позволить Ариману разглядеть себя. Но, собственно говоря, разглядывать было нечего. Лицо таинственного врага было спрятано за складками капюшона, безжизненные интонации голоса свидетельствовали о том, что он наверняка деформируется с помощью речевого редуктора. Фигура принадлежала мужчине, но это не означало, что под маской Отшельника не могла скрываться женщина. Посвященные в тайну времени без труда меняли свой облик и

пол. В Отшельнике — то ли в его жестах, то ли в осанке, то ли в своеобразии произносимых фраз — было нечто смутно знакомое, далекое, словно картинка из детства. Ариман был уверен, что прежде встречался с ним.

— Не отвлекайся, Русий! — внезапно произнес Отшельник.

— Кто ты? — с яростью в голосе спросил Ариман.

— Неважно... — Из-под капюшона долетел глухой смешок, искаженный мембраной редуктора. О, с каким удовольствием Ариман бы уничтожил это существо, растер его в прах, мельче каменной пыли! Но он не мог сделать этого, так как в футах двухстах позади Отшельника стояла Тента, и отвратительное создание из парамира угрожающе занесло над ней огромные клешни, готовое в любой момент отсечь девушке голову.

— Условия обмена будут такими, — повторил Отшельник. — Я возвращаю тебе девушку и коня, а ты передаешь мне мага и скифа. Это первое. Теперь второе. Мы будем драться на моих условиях. Ты свернешь силу Источника и отошлешь прочь своих артофактов. Я также не буду использовать свое энергетическое поле. Полагаю, ты еще не разучился владеть мечом? — Ариман хмуро кивнул. — Вот и прекрасно! Тогда померяемся силой в открытом поединке.

Что ж, приходилось признать, что Отшельник очень неглуп. Понимая, что он не в силах бороться с Ариманом, располагающим почти неограниченным потенциалом Источника, посредством энергетических спиралей, Отшельник решил попытать счастья в обычной битве, надеясь на превосходство своих чудовищ над защитниками Замка. Самым лучшим ответом на подобное наглое требование был мощный энергетический удар. Сила, переполнявшая Аримана, была столь велика, что ему ничего не стоило разорвать Отшельника в клочья. Враг знал об этом, и потому за его спиной стояла Тента.

— Все? — глухо спросил Русий.

— Почти. — Редуктор издал смех, на этот раз тоненько - девичий. — Еще ты дашь мне клятву, что не воспользуешься энергией Источника, даже если будешь проигрывать.

— Какую клятву ты хочешь услышать?

— Поклянись самым дорогим, тем, что дарует тебе силы. Поклянись планетой Зрентша!

Бог тьмы непроизвольно вздрогнул, но тут же совладал с собой.

— Какую клятву дашь ты?

— Никакой. Тебе придется поверить мне на слово. И я думаю, ты примешь мои условия.

Ариман вновь посмотрел на монстра, готового в любое мгновенье пустить в ход бритвы своей уродливой клешни.

— Хорошо. Я клянусь планетой Зрентша, что не буду использовать энергию Источника до тех пор, пока ты или твой маг не пустите в ход вашу энергию. Этого достаточно?

Стоявший за спиной Аримана Заратустра схватился за голову. Отшельник удовлетворенно хмыкнул.

— Вполне. Такую клятву ты не осмелишься нарушить.

Обмен пленниками происходил по всем правилам. Рыжебородые привели Кермуза и Скилла, два отвратительных чудовища — Тенту и Черного Ветра. Первыми двинулись навстречу нэрси и мятежный маг. Они не без интереса посмотрели друг на друга, после чего девушка попала в объятья Аримана, а маг подошел к Отшельнику, который снисходительно похлопал его по плечу. Далее произошла небольшая заминка. Скилл наотрез отказался возвращаться к Отшельнику. Ариман холодно взглянул на него.

— Тебе не терпится умереть от моей руки?

— Пусть так, — ответил скиф. — Здесь мои друзья, и если меня ждет смерть, я хочу умереть рядом с ними.

— Смешной человек, — заметил на это Отшельник. — Ладно, если он так хочет умереть, пусть останется у тебя. Я даже буду настолько щедр, что верну тебе коня безвозмездно.

Он сделал знак своим мерзким слугам, и те подвели рвущегося на поводу Черного Ветра к Ариману. Тот молча принял дар.

— Я даю тебе время. Когда будешь готов к битве, дашь сигнал! — С этими словами Отшельник повернулся спиной к Ариману и направился к своему войску.

— Скажи мне, скиф, ты мог бы выстрелить ему в спину? — негромко спросил бог тьмы.

— Да, — ответил Скилл, — если ты попросишь меня об этом.

Ариман взглянул на степняка и внезапно рассмеялся.

— Хороший ответ, скиф! — Бог тьмы подозвал к себе стоявшего неподалку рыжебородого и приказал:

— Отдайте ему коня. И готовьтесь к битве!

Скиллу показалось, что Ариман даже доволен таким исходом дела, чего нельзя было сказать про Заратустру. Маг гневно укорял своего хозяина.

— Ты последний дурак, что согласился выполнить его требования! — злобно шипел он. — Ну зачем, скажи на милость, тебе сдалась эта девчонка? Тебе что, мало той, которая погубила Атлантиду! Женщины приносят нам лишь несчастья!

— Замолчи! — велел Ариман. Его голос был наполнен яростью, и Заратустра испуганно осекся. — Ты, кажется, забыл, с кем говоришь! Зато я помню, что ты должен мне кое о чем рассказать! Сворачивай энергетические вихри и готовь воинов. Я срублю голову этому молодчику, кем бы он ни был, а ты поквитаешься с Кеельсее. Вперед!

Пока маг выстраивал на битву выходящих из Замка воинов, Ариман облачался в боевой доспех. Он заключил тело в гладкий, без рисунка, черный панцирь, а голову — в такого же цвета шлем. Перед тем, как надеть его, бог избавился от своей маски, и Скилл впервые увидел его лицо. Оно было очень красиво, с оттенком холодной жестокости — такие лица были у воинов,

пришедших некогда, в то время Скилл был еще отроком, в скифские степи. Это были витязи из далеких северных земель, они несли войну. Скифы в кровавой сече изрубили пришельцев, но каждый из них забрал с собой в могилу по пять скифов. Они были прекрасными воинами. У Аримана было лицо такого воина, быть может, он даже был одним из них, недаром через его правую щеку тянулся длинный рваный шрам — такие бывают от удара копьем или от брошенного ножа. Скилл невольно засмотрелся на это царственное лицо и вдруг понял, почему Тента так долго колебалась, прежде чем согласилась идти с ним. Он взглянул на нэрси и увидел, как она смотрит на Аримана. В ее взгляде было обожание, а, может быть, и нечто большее. Скилл понял, что если ему суждено покинуть Заоблачный Замок, то в лучшем случае с ним будет лишь Черный Ветер.

Надев шлем, Ариман наглухо соединил его с панцирем. Заратустра подал ему длинный блестящий меч.

— Все готово? — спросил Ариман. Маг кивнул. — Тогда начинаем!

Заратустра принялся отдавать последние приказания, а бог тьмы поманил к себе Скилла и шепнул:

— Скиф, охраняй ее. Ты умрешь, но лишь в том случае, если умрет она.

Сказав это, Ариман направился к своему войску.

Заратустра выстроил воинов самым бесхитростным образом. Слева стояли ахуры, правое крыло занимали рыжебородые, часть из которых сидела на конях. В центре густой толпой расположились харуки, подкрепленные пятью уцелевшими дэвами. Ариман занял место среди подземных жителей, встав в первом ряду. Заратустра возглавил небольшой резерв, состоявший из саблезубых барсов и нескольких десятков рыжебородых. Здесь же были орел и лев, друзья мага, прибывшие, чтобы принять участие в битве. Орел боевито топорщил перья, лев был безобразно благодушен. Он облизывал ушибленную о камень лапу и искоса поглядывал на симпатичную саблезубую кошечку, чем вызывал гнев орла.

Воинство Отшельника расположилось подобным же образом. Крылья заняли две шеренги чудовищ из парамиров. Вооруженные громадными клыками, когтями, растущими из груди шипами, щупальцами, ужасающими роговидными наростами, они должны были оказать достойное сопротивление людям. Многие из этих монстров были столь причудливы, что трудно было определить, где у них голова, и уже тем более — где сердце. Впрочем, глядя на это хаотичное нагромождение мяса, хрящей и костной брони, можно было усомниться в том, что сердце вообще существует. В середине строя стали Отшельник и Кермуз, державшие в руках мечи, а также восемь дэвов, среди которых Скилл признал Зеленого Тофиса. Старый дэв все же переломал кости Грумину.

Трижды пропела труба, армии начали сходиться. Угрожающе размахивая множественными орудиями убийства, монстры устремились к воинам Аримана. И тут случилось совершенно неожиданное. Лев внезапно вышел из своего меланхолического состояния и что есть сил помчался навстречу вражескому войску. Он прорезал толпу харуков и выскочил прямо перед Отшельником. Все замерли, ожидая, что лев набросится на чародея, но мудрый зверь вдруг повернулся лицом к защитникам Замка и провозгласил, обращаясь к своему другу:

— Ты избрал ложный путь, о Заратустра; путь мишуры и мирской суеты. В этой битве у тебя нет врагов, как нет и друзей. Те, в кого мы верим, те в кого мы должны верить, умирают сегодня не здесь. Они умрут, уступая путь идолам, и век сверхчеловека никогда не наступит...

— Убить его! — велел Ариман.

Рыжебородые вскинули луки. Их на мгновенье опередил орел. Птица с клекотом взвилась в воздух и стала падать на льва.

— Не надо! — закричал Заратустра. Но было поздно. Множество стрел пронзили льва, еще несколько впились в орла, замертво рухнувшего на бездыханного друга. Судьба разъединила их перед смертью, она же свела их вновь, когда смерть наступила.

Ариман поднял над головой меч.

— Вперед!

Рыжебородые и ахуры разом бросились на врага, на бегу стреляя из луков. Монстры Отшельника устремились им навстречу. Помимо множества орудий уничтожения они располагали неплохой защитой. Стрелы отскакивали от костяной брони, не причиняя чудовищам вреда. Двигались монстры подобно крабам, но с быстротой доброй лошади. Не успели лучники выпустить третью стрелу, как чудовища атаковали их. Завязалась жестокая сеча. Рыжебородые, привыкшие к подобным переделкам, бились отчаянно. Зато ахуры и харуки мгновенно дрогнули. Вокруг яростно машущего мечом Аримана образовалась опасная пустота, и Заратустре пришлось бросить в бой резерв. Ему удалось остановить бегущих и повернуть их назад. По всему фронту развернулось отчаянное сражение, в котором принял участие и Скилл. Причудливы повороты судьбы! Если бы еще вчера кто-нибудь сказал Скиллу, что он будет сражаться на стороне Аримана! Скиф в лучшем случае принял бы эти слова за дурную шутку. А теперь он и впрямь стоял в нескольких шагах от бога тьмы и осаживал стрелами наиболее прытких монстров, имевших неосторожность приблизиться к нему и Тенте.

Как нередко бывает в подобных битвах, организованный поначалу бой очень скоро превратился в беспорядочную свалку. Бойцы обеих армий думали не о выполнении приказов, которые были даны им перед сражением, а лишь о том, как бы уничтожить стоящего напротив врага и при этом уцелеть самому. В

подобной схватке, где все решает оружие и умение владеть им, перевес явно был на стороне монстров Отшельника. Их костяная броня выдерживала рубящие удары мечей рыжебородых и ахуров, лишенных возможности пустить в ход свое главное оружие — стрелы, а всевозможные клыки, когти, щупальца, клешни беспощадно рвали человеческую плоть. Вскоре крылья ариманова войска начали пятиться.

Еще более ожесточенной схватка была в центре, где сошлись отборные силы. Дэвы Зеленого Тофиса истребили большую часть харуков, но были остановлены саблезубыми барсами и рыжебородыми. Последние, как обычно, использовали отравленные стрелы, и четверо дэвов вскоре испустили дух. Оставшиеся в живых атаковали с удвоенной яростью.

Отдельно от остальных, на небольшом взгорке, бились предводители враждебных армий. Закованный в черные доспехи Ариман скрестил свой меч с мечом Отшельника, Заратустра сражался с Кермузом. Враги были достойны друг друга. Пожалуй, Скилл видел более умелых бойцов, но вряд ли ему приходилось встречать столь яростных. Мечи скрещивались с такой силой, что их звон заглушал рев битвы. При каждом ударе в воздух летели снопы искр. Поединок происходил с переменным успехом. Ариман нанес легкую рану Отшельнику, меч Кермуза рассек левую руку Заратустры. Время от времени в схватке чародеев вмешивался еще какой-нибудь боец, но проходило лишь мгновение, и сражающихся оставалось вновь четверо.

Поднявшееся над горами солнце созерцало апокалиптичную картину. Тысячи человекоподобных существ, зверей и ужасных монстров безжалостно уничтожали друг друга, покрывая землю причудливым ковром мертвых тел. Пало пятьсот рыжебородых, сражавшихся на правом фланге. Перед тем как умереть, они полностью истребили ядовитыми стрелами противостоящих им крабоподобных существ. Ахуры, бившиеся слева, бежали, и были перебиты чудовищами из парамира, которые, в свою очередь, исчезли с поля битвы. Возможно, они провалились в пропасть, возможно, решили вернуться в свой мир, возможно, попали в ловушку, устроенную хитрым Заратустрой. Полегла большая часть харуков и все дэвы, последним из которых умер Зеленый Тофис, бросившийся на скифа. Скилл попал стрелой точно в разинутую пасть чудовища, и оно захлебнулось кровью и сгустками мозга. Это была последняя стрела, Скилл был вынужден извлечь акинак.

С гибелью предводителя дэвов битва пошла на убыль, словно Зеленый Тофис был ее душою. Кое-где еще продолжали сражаться небольшие группки рыжебородых, харуков и саблезубые барсы, отбивавшие атаки немногочисленных крабообразных чудовищ. Но постепенно редели и они, сражение неумолимо шло к финалу.

И настал миг, когда битва затихла. Гранитное плато сплошь

покрылось слоем мертвых тел. Воздух был напитан тяжелым смрадом, земля влажна от крови: красной — рыжебородых, ахуров, дэвов и саблезубых барсов, блеклой — харуков, темно-синей, похожей на вязкую камедь — существ из парамира. Немногие уцелевшие прекратили взаимное истребление и медленно расходились по разные стороны плато — на места, которые занимали перед тем, как сошлись в смертельной брани. Лишь четверо продолжали сражаться, а Скилл, Тента и Черный Ветер — наблюдать за их яростной схваткой.

Картина поединка чародеев несколько изменилась. Маги имели по несколько легких ран и заметно подустали. Их мечи мелькали не столь быстро, а в ударах не было былой ярости. Ариман и Отшельник бились с прежним пылом. Они обрушивали клинки с такой силой, что было удивительно, как металл до сих пор не разлетится от подобных ударов. Это была игра два в два. Два в два. Два в один...

Заратустра, прикрывавший спину Аримана, внезапно сделал шаг в сторону. Скиллу показалось, что маг сделал это намеренно. Кермуз понял это. Не мешкая ни мгновенья, он устремился к богу тьмы и занес меч. Быть может Ариман и заслуживал смерти, но не от удара в спину. Будь у Скилла под рукой стрела, он пронзил бы ею мятежного мага, но его сагайдак был пуст. Скиф успел лишь подумать об этом, а Тента уже рванулась на помощь своему повелителю. Поднявшись вверх, она атаковала Кермуза в тот самый миг, когда его меч уже начал опускаться на голову Аримана. Нэрси ударила врага кинжалом, метя в шею, но промахнулась и лишь слегка поранила плечо. Маг моментально обернулся и, резко махнув мечом, перерубил Тенту надвое.

— НЕ-Е-Е-Е-ЕТ!!! — Ужасный крик расколол небо и заставил землю содрогнуться от страха.

Это кричал Ариман, обернувшийся, чтобы увидеть, как отточенное лезвие вонзается в бок его возлюбленной.

— НЕ-Е-ЕТ!!! — Ариман кричал от боли, следя за смертельным ходом клинка, разделяющего надвое ребра, рассекающего позвоночник, открывающего путь фонтанам алой крови.

— НЕ-Е-ЕТ! — Тента медленно, словно подстреленная птица, начала падать на землю.

— НЕТ! — Как страшно пережить смерть того, кого любишь больше, чем жизнь.

— Нет!

Ариман взмахнул мечом, чтобы обрушить его на Кермуза, но Отшельник оказался быстрее. Сверкающая сталь опустилась на голову бога тьмы.

Раздался ужасающий грохот, сверкнули молнии. Из груди рухнувшего Аримана вырвался огненный смерч. Он в единый миг испарил тело, а затем устремился к Замку и исчез в его недрах. Земля вздрогнула вновь, на этот раз гораздо сильнее, и выдохнула ужасающий вой — длинное нескончаемое НЕ-Е-Е-Е-Е-ЕТ.

Уцелевшие участники сражения, обезумев от страха, метались по сотрясаемому толчками плато, по черной поверхности которого пробегали длинные светящиеся искры. В небе плясали черные смерчи. Вой становился невыносимым. В нем слышалась боль и грандиозная, разбуженная этой болью ярость. Скилл с трудом сдерживал перепуганного Черного Ветра и в который раз прощался с жизнью. Спокойными пред надвигающимся катаклизмом оставались лишь чародеи. Они представляли всю грандиозность силы, проснувшейся со смертью Аримана, но они знали и то, что эта сила еще не успела набрать свою полную мощь. Чародеи стояли рядом и завороженно взирали на пробудившийся от спячки Замок. Губы Заратустры шевелились, издавая крик, тонущий в невообразимом шуме. Да Скилла долетали лишь отдельные фразы.

— И придет сильный... Рухнут идолы... И воцарятся спокойствие и Разум...

Раскаты слились в единый нескончаемый взрыв. Замок содрогнулся, по его гранитным стенам пробежала дрожь. Вдруг накренились и разом рухнули Шпили. Из глубин Замка вырвался ослепительно яркий радужный столб. Он фонтаном взвился вверх и там распался на три ревущих струи. Одна, голубого цвета, содержавшая в себе ледяную силу, с визгом ушла в небо. Другая, огненно-алая, ревя вонзилась в землю. Третья струя превратилась в черное облако. Подпитываемая энергией агонизирующего Источника, которая била из Шпилей подобно громадным золотистым стрелам, облако набухло до гигантских размеров и с оглушительным грохотом взорвалось. И хлынул черный дождь. Это была смерть.

В тот же миг Замок содрогнулся с такой силой, будто кто-то чудовищно-огромный пнул его из-под земли ногой, и провалился в бездну. Рассыпались башни, исчезли казавшиеся несокрушимыми стены. По плато пробежала горячая волна. Оно раскололось на множество гранитных островков и начало медленно скользить вслед за исчезнувшим Замком.

— Пора уходить! — что есть сил закричал Отшельник. Он развел руки в стороны и создал светящееся окно. Первым в него шагнул Кермуз, увлекший за собой безвольного Заратустру. Следом двинулся Отшельник. Перед тем, как исчезнуть, он обернулся и поманил рукой Скилла...

* * *

Смерть приходит по-разному и в многих обличиях. Смерть, посетившая Русия, была необычна. Он очнулся с сильной головной болью и с ясным ощущением боли, рожденной хорошо заточенным клинком, вонзающимся в его затылок. Ослепительно беспощадный он рассекает мозг на две половинки, похожих на ломти сдобного пирога. Русий зажмурился, отгоняя видение. Дождавшись, когда оно исчезнет, атлант ощупал голову, точнее

шлем, все еще защищавший ее. Шлем был цел. Это давало надежду, что с головой также все в порядке. По крайней мере снаружи. На всякий случай Русий удостоверился и в этом. Он снял шлем и ощупал затылок. На нем не было даже царапины. Значит, все это было лишь грезой, дурным сном. Но где он в таком случае? Куда он попал?

Атлант осмотрелся. Он находился посреди огромной, почти бесконечной равнины; лишь у самого горизонта виднелось некое подобие скал. Равнина была покрыта серым веществом, напоминавшим на ощупь мягкое упругое желе. Тело слегка погрузилось в него, но не тонуло, удерживаемое упругой оболочкой. Русий ткнул в серую массу пальцем. Палец исчез почти полностью, но вглубь вещества так и не проник. Все это — бесконечная равнина, покрытая странной серой субстанцией, — напоминало облако, и если бы атлант верил в такую чертовщину как загробный мир, то он мог решить, что очутился на небе. Но, по крайней мере, его не переоблачили в саван праведника. Тело по-прежнему было заключено в доспех, а, привстав, Русий обнаружил неподалеку свой меч. Атлант тут же схватил его. Теперь он мог принять бой хоть с целой толпой архангелов. Но что все-таки произошло? Кем он был до того, как очутился в этом загадочном месте?

Легче было узнать, кем он не был. Он успел побывать в тысячах ипостасей, но последние двадцать циклов он был богом. Богом Востока. И имел два имени — черное и белое. И носил две маски. А потом была великая битва, которую он, кажется, проиграл. Тента!

Русий вспомнил все. Она умерла! Ее разрубил мечом мерзкий Кеельсее. А, может быть, нет? Ведь сам-то он жив, хотя был уверен, что клинок Отшельника рассек его голову надвое!

— Она умерла, Русий! — раздался сзади мелодичный голос.

Атлант обернулся. Перед ним стояла девушка неописуемой красоты, облаченная в легкое цветастое платье. Она улыбалась. Русий ненавидел эту девушку бессчетное количество лет.

— Это ты?! — яростно выдохнул он. Беспощадный меч пополз вверх, набирая силу для удара.

— Не спеши. — Девушка предостерегающе подняла руку. — Это я. Но не совсем я. Это один из моих клонов. Их развелось так много, что я порой путаюсь, где настоящая я. Иногда мне кажется, что мною, то есть моими двойниками, забита вся Вселенная. Убив меня, ты ничего не выиграешь, но зато многое проиграешь. Впрочем, ты можешь потешиться, посмотреть, как твой меч выпускает из меня кишки или отсекает груди. Кстати, ты когда-то так сладко целовал их!

Русий опустил меч, попытавшись картинно воткнуть его в серую массу. Однако желеобразное вещество не поддалось даже бритвенно заточенному титану. Тогда атлант бросил клинок себе под ноги.

— Говори...

Девушка усмехнулась. Улыбка эта была столь очаровательна, что Русий невольно поддался ее обаянию.

— Ты позабыл мое имя или же просто не хочешь осквернять им свои уста?

— Говори, Леда, — не без труда вымолвил атлант.

— Как сладко услышать твое Леда!

— Говори!

— Хорошо. — Леда не спеша оправила короткое, едва прикрывающее загорелые бедра платьице. — Полагаю, ты хочешь узнать, что произошло и где ты очутился.

— Для начала я хочу узнать, кто ты.

— Я же сказала тебе: я клон, точный слепок девушки по имени Леда. Мы абсолютно схожи внешне, у нас одна память, одни чувства, примерно одни мысли.

— Этого не может быть. Я собственными глазами видел, как ты умерла в огненном смерче!

— Когда тебе говорят, что то, что видится тебе черным, на деле белое, не верь глазам своим. Не всегда следует доверять тому, что видишь. Я жива — и восприми это как факт.

— Тебе кто-то помог спастись! — догадался Русий.

— Возможно.

— Кто?

Леда улыбнулась одними глазами.

— Тебе необязательно знать это.

— Почему ты преследовала меня на Атлантиде?

— Ну вот, начали вспоминать дела давно минувших дней! — Леда капризным жестом убрала со лба непокорную прядку.— Я была твоим врагом не по своей воле. Меня держало под контролем существо, которое ты знал под именем Арий. Оно овладело моим мозгом и заставляло исполнять свои приказания. Лично я не имела и не имею к тебе никакой особой неприязни. Ты ненавистен мне не более, чем все прочие люди.

— Я рад слышать это! — с легким сарказмом заметил Русий, после чего поинтересовался:

— Ты и сейчас подчиняешься ему?

— Нет. Его власть надо мной исчезла в тот миг, когда погибла Атлантида.

— Не могу понять, как он сумел вторгнуться в твое сознание.

— Это произошло еще на корабле, до того, как ты избавился от него.

— Он тогда остался жив?

— Да. По крайней мере он был жив все то время, пока существовал Остров. Впрочем, в этом нет ничего невероятного. Его капсула вполне могла оказаться в такой временной спирали, где день равен земному тысячелетию.

— Где он сейчас?

— Не знаю. Я не имею о нем никаких сведений с тех пор, как вышла из-под его контроля.

— Почему же в таком случае ты вновь преследуешь меня?

— Ну вот, наконец, мы подошли к настоящему. А потом мы поговорим и о будущем. Давай присядем, разговор нам предстоит достаточно долгий.

Русий кивнул и опустился на желеобразную поверхность, мягко прогнувшуюся под весом его тела. Леда села рядом с ним и словно ненароком коснулась пальцами руки атланта. Тот отшатнулся, словно его обожгли каленым железом.

— Не бойся, — с усмешкой сказала девушка. — Я не кусаюсь. И у меня не растут клыки как у зеленых вампиров, хотя в этом месте может случиться все, даже такое.

— Где мы?

— Я объясню тебе. Но потом. Начнем все по порядку. Ты, конечно, полагал, что нападение на Замок не обошлось без моего участия?

— Я и сейчас не до конца разуверился в этом.

— Напрасно. Да, я была на Земле, но очень далеко от тебя. Я была у Гумия.

Русий зарычал, словно раненый тигр.

— Я догадался, что он знает о тебе, но догадался слишком поздно. Тварь, он предал меня!

— Не суди его слишком строго. Он был влюблен, а кроме того боялся.

— Боялся? Меня? Но почему?

— Нет, меня.

— Тебя?! — Атлант презрительно захохотал. — Да он мог свернуть тебе шею одним движением руки!

— Убить не значит победить. Хотя не скрою, если б он вдруг решил предать меня, я очутилась бы в очень затруднительном положении. Ведь это была настоящая я, а вовсе не клон.

— Что будет, если умрешь настоящая ты? — внезапно спросил Русий.

— Я исчезну.

— А клоны?

— Исчезнут тоже.

Атлант усмехнулся и схватил девушку за горло.

— Почему бы мне не попробовать?

Леда не стала визжать или царапаться. Пальцы Русия мешали ей говорить, но она все же выдавила:

— Тогда ты умрешь, так ничего и не узнав.

— Да? — Русий немного подумал и нехотя освободил хрупкую шею. Девушка погладила кожу там, где остались красные следы пальцев.

— Я была у Гумия, но он не враг тебе.

— Не тебе судить! — отрезал атлант. — Кто же в таком случае напал на Замок?

— Кеельсее.

— Это я знаю. Но был еще один. Он обладал огромной силой и знал язык Зрентши.

— Подумай сам, — предложила девушка.

Русий нахмурил брови.

— Я знаю троих зрентшианцев. Это мой отец, Арий и Черный Человек.

— Значит, нападавший был одним из них.

— Допустим. Чего он добивался?

— Неужели не ясно? Он хотел убить тебя?

— Убить? — Русий задумчиво потер щеку. — Командор опасался меня, но не настолько сильно, чтобы желать моей смерти. Черный Человек ни разу не выказывал ко мне враждебных намерений. Остается Арий... Это он?

— Может быть. Я и вправду не знаю, — ответила девушка. — А, может быть, был кто-то четвертый.

— Арий... — протянул атлант. — Эти твари убили Тенту!

— Мне очень жаль.

Русий искоса взглянул на свою собеседницу. Она поняла, о чем он думает, и негромко сказала:

— Давай не будем ворошить прошлое.

— Ладно, — процедил сквозь зубы атлант. — Что ты еще знаешь?

— Воин погиб.

— Это теперь мне безразлично. Гумий?

— Он жив, но не совсем.

— Что это означает?

— Этого я не могу сказать.

Русий не стал настаивать. Он чувствовал себя неуютно, ему казалось, что некто невидимый его глазу изучает их с тем, чтобы напасть. Поэтому Русий торопился.

— Скиф?

— Он жив.

Атлант захохотал словно сумасшедший.

— Знаешь, я так долго желал его смерти, а теперь почему-то радуюсь, услышав, что он жив.

Леда улыбнулась.

— Он понравился тебе.

— Наверно... — Русий умолк, о чем-то задумавшись. Леда ждала, когда он заговорит вновь. Пауза затянулась, и тогда девушка спросила:

— Ты разве не хочешь узнать, что случилось с тобой?

— Я умер.

— Не совсем, — усмехнувшись сказала Леда.

— Где же я в таком случае нахожусь? — Русий придал голосу сарказм. — Разве это не рай?

— Скорее ад!

Атлант отнесся к этому сообщению спокойно. Леда ожидала именно такой реакции.

— Ты был на волосок от смерти, когда я спасла тебя.

— Ты? — удивился Русий. Черная кошка недоверия звучала в этом «ты». — Но как тебе это удалось? Разве ты умеешь изменять будущее?

— В какой-то мере. Пойми, ты видишь во мне прежнюю Леду, умевшую лишь организовывать заговоры и убивать. Но я сильно изменилась. Я стала совсем другой. У меня был очень хороший учитель, много давший мне. Я умею манипулировать пространством, временем, энергией, сутью вещей. Я выхватила тебя из-под меча Отшельника за мгновение до того, как он должен был вонзиться в твою голову. И перенесла сюда, на планету Кутгар, находящуюся примерно в двадцати световых днях от Земли. Это одна из немногих планет в этой Галактике, имеющая оптимальную атмосферу...

— Я должен остаться здесь? — перебил девушку Русий.

— Не обязательно. У тебя есть выбор. Ты можешь расстаться со своей сверхсутью и вернуться с моей помощью на Землю обычным атлантом, либо ты можешь сохранить ее, но в этом случае ты будешь должен проделать обратный путь сам.

— Какая тебе выгода от этого?

— Мне нужна твоя сверхсуть, — честно призналась Леда.

Русий жестко усмехнулся.

— Хочешь обрести бессмертие?

— Может быть.

— А если я откажусь расстаться с ней?

— Тогда ты останешься здесь, и мне придется довольствоваться сознанием того, что ты обязан мне за свое опасение и когда-нибудь, возможно, вернешь этот долг. Так что ты выбираешь?

Русию было над чем задуматься.

— Что это за планета? Каков уровень ее развития? Расскажи о ней поподробней.

— Это одна из самых чудовищных планет в данной Галактике. Здесь существует множество цивилизаций. Сколько точно, не знает никто. Они эволюционировали примерно с одинаковой скоростью и в тесном контакте друг с другом. Ни одна из этих цивилизаций не похожа на атлантическую. Они иные не только по своей социальной, но и по биологической сути. Часть из них основана на углеродной основе, часть на кремниевой, часть на водородной. Здесь есть разумные существа, которых трудно признать таковыми, и все же они разумны. Но всех их объединяет одно — они чрезвычайно враждебны ко всем иным формам жизни. Это планета существ, истребляющих друг друга.

— Симпатичное местечко ты мне подыскала! — пробормотал Русий.

— Такова плата за спасение.

— Среди этих существ есть такие, чья сила была бы соизмерима с моей?

— Если брать единичную особь, пожалуй, нет. Но они обычно живут стаями или колониями.

— А если я уступлю тебе свою сверхсуть, ты вернешь меня на Землю?

— Да. Немедленно и в любую точку.

Русий вновь задумался. Леда терпеливо ждала, когда он примет решение. Наконец атлант поднял голову.

— Я остаюсь.

Девушка встала на ноги.

— Ну что ж, ты сделал выбор. Правилен он или нет, ты поймешь позже. Ты странный человек, Русий. В твоих руках была огромная, почти безмерная власть, которая для тебя не просто власть, а суть всей твоей жизни, а ты променял ее на любовь к ничтожному существу.

— Не смей так говорить о Тенте! — воскликнул Русий, душа которого вновь наполнилась легкой грустью.

— Жалкому существу! — упрямо повторила Леда. — Но знаешь, порой мне хочется быть таким жалким существом. Удачи тебе.

Леда протянула атланту руку. Тот немного поколебался, но принял ее. А приняв, долго не мог расстаться с тонкими, нежными, сильными пальчиками. Леда смотрела в прикрытые сферолинзами глаза Русия и улыбалась.

— Ты нравишься мне, атлант Русий! И прими напоследок один маленький совет. Не оставайся долго на этом месте. Упругая масса, которая столь заинтересовала тебя своими странными свойствами, есть не что иное как гигантское мономолекулярное вещество, именуемое Лоретагом. Лоретаг изучает суть своей жертвы, а потом пожирает ее, разлагая на простейшие молекулы. Он всеяден. Он уже почти съел меня. Если ты пробудешь здесь еще немного, он расправится и с тобой. Прощай!

Девушка коснулась губами щеки Русия, и в тот же миг он ощутил в руке упругую слюденистую массу. Атлант моментально отскочил в сторону. На его глазах случилось ужасное превращение. Тело Леды потеряло свою упругую яркую форму и обратилось в оплывший желеобразный конус. Прошло еще несколько мгновений. Лоретаг всхлипнул в то, что еще недавно было прекрасной девушкой и бесследно исчезло под гладкой желеобразной поверхностью чудовищной равнины.

— Прощай, странный призрак! — шепнул Русий и побежал в сторону виднеющихся вдалеке скал. Он бежал так быстро как мог. Борьба с обитателями планеты Кутгар началась.

* * *

Тьма привычно ассоциируется со смертью. Парадоксально, но бог тьмы Ариман нес жизнь. С его гибелью исчезало кольцо ослепительно яркой природы, окружавшей Замок. Пожухла тра-

ва, зачахли деревья, исчезли певчие птицы, источники превратились в стоящие болотца. Все умерло...

Скилл стоял на краю пропасти и смотрел туда, где еще совсем недавно возвышался Заоблачный Замок. Это можно было считать невероятным везением, но смерть пощадила его и в этот раз. Умерли все: и Ариман, и Тонта, и Дорнум с его киммерийцами, и даже несокрушимый Зеленый Тофис. А Скилл и Черный Ветер остались живы. Наверно это было справедливо, ведь жить должен тот, кто много раз встречался со смертью.

Скиф стоял на краю пропасти — точно против того места, где совсем недавно возвышался Замок Аримана. Теперь здесь была лишь голая черная скала. Замок и плато, покрытое мертвыми телами, исчезли в бездне. И не спасся никто. Лишь Скилл, да Черный Ветер, да трое чародеев, двое из которых были победителями, а один — проигравшим.

Проигравший — Заратустра — со связанными за спиной руками сидел у нависшей над пропастью скалы. Он мог броситься в бездну, он должен был броситься в бездну, но не делал этого. Отшельник и Кермуз, стоявшие неподалеку, решали его судьбу.

— Сверни ему шею! — настаивал Отшельник.

— Я не хочу делать это! — возражал Кермуз.

— Но ведь он пытался прикончить тебя! И не без успеха!

Кермуз машинально взглянул на перевязанные кусками ткани руку и бок.

— Я поквитался с ним!

— Порой ты удивляешь меня, Ксельсее, — вздохнул Отшельник. — Ведь ты ненавидишь его.

— Да, — согласился маг.

— Так почему же ты хочешь оставить ему жизнь?

— Чтобы было кого ненавидеть!

Отшельник задумался.

— В твоих словах есть доля истины...

— В них бездна истины! — убежденно воскликнул Кермуз. — Мир держится на ненависти. И побеждает лишь тот, кто ненавидит. А чтобы ненавидеть, надо иметь сильных врагов!

— Ну хорошо. Я помню наш договор. Он твой пленник, и ты волен поступать с ним как хочешь.

Кермуз удовлетворенно кивнул головой. Он извлек нож и подошел к Заратустре. Заслышав шаги, тот поднял голову. Лицо побежденного мага было безмятежно.

— Все? — спросил он, кивая головой на нож.

— Все, — подтвердил Кермуз. — Я могу напоследок задать тебе один вопрос?

— Можешь. И даже не один. Я не спешу. — Заратустра усмехнулся и перевел взгляд на синеющее меж скал небо.

— Почему ты предал Русия?

Заратустра ответил не сразу. Он молчал, левая щека его подергивалась. Кермуз решил помочь ему.

— Ты боялся, что он заставит тебя рассказать о Леде?

Заратустра отрицательно покачал головой.

— Нет. Я достаточно силен, чтобы скрыть то, о чем я не должен говорить. Просто лев был прав. Это не моя битва. Я не раскаиваюсь в том, что делал вчера, год, тридцать лет назад. Но сегодня я должен был быть не здесь. Мое место там, где умирают люди, дерзнувшие стать над своим естеством, именуемым страх или инстинкт самосохранения, люди, презревшие жизнь ради смерти, а смерть — ради того, что они зовут честью. Моя битва была там. И лев пришел, чтобы сказать мне это. А Русий убил льва...

Кермуз задумчиво выслушал это признание и, еле слышно вздохнув, сказал:

— Я понял тебя, Гумий. Ты предал себя, а уж преданный собой ты изменил своему другу.

— Он мне не друг! — резко возразил Заратустра.

— Давно ли?

— С тех пор, как он стал считать себя моим хозяином.

Победитель поиграл ножом и повторил:

— Я понял тебя, Гумий. Хотя ты и разочаровал меня. Я ожидал, что ты будешь верен себе до конца.

— Я верен себе, — сказал Заратустра.

Плененный маг противоречил сам себе, но Кермуз не стал акцентировать на этом внимание.

— По-своему, да, — согласился он. — Твоя беда в том, что многое, почти все, что ты делал, не совпадало с тем, о чем ты думал. — С этими словами Кермуз нагнулся и перерезал веревки на руках Заратустры. Тот изумился.

— Ты отпускаешь меня?

— Да, и надеюсь, мы останемся врагами.

— Можешь не сомневаться, — ответил Заратустра, растирая затекшие запястья. — А что скажет твой таинственный союзник?

— Он подарил твою жизнь мне.

Заратустра усмехнулся.

— Щедрый подарок.

— Более щедрый, чем ты думаешь! — воскликнул неслышно подошедший Отшельник. — Я тоже имею причины ненавидеть тебя. Но в отличие от Кеельсее, я предпочитаю убивать своих врагов. Мне было нелегко подарить твою судьбу ему.

— Чем же я не угодил тебе? — спросил Заратустра. — Ведь мы даже не знакомы.

— Еще как знакомы! — Из-под капюшона донесся короткий смешок. — Правда, это очень старая история. И быть может, ты забыл ее.

— Так напомни.

— Хорошо. — Отшельник в легком волнении скрестил пальцы изящных белых рук. Сделав паузу, он медленно начал. — Комната. Пластик и эмаль. Четверо бросают жребий. Он выпа-

дает человеку по имени Олем. Теперь по велению судьбы этот человек должен выполнить задуманный четырьмя план. Немало времени прошло с тех пор, не так ли, Гумий? Трое из четверых мертвы. Остался лишь ты. Надеюсь, ты понял, кто стоит пред тобой?

Заратустра хотел ответить, но голос осекся, и он лишь кивнул головой. Кермуз с интересом наблюдал за этой сценой, переводя взгляд то на Отшельника, то на побледневшего мага.

— На этот раз я отпускаю тебя, — продолжал Отшельник, — но берегись! Отныне я буду охотиться за тобой и недалек тот час, когда ты присоединишься к своим друзьям!

Эта угроза оказала странное воздействие на Заратустру. Глаза его закатились, маг покачнулся и замертво рухнул на землю. Кермуз бросился к нему. Заратустра уже не дышал.

— Мы так не договаривались! — Кермуз возмущенно обернулся к Отшельнику.

— Я здесь не причем, — медленно произнес тот. Он словно прислушивался к чему-то.

— Неужели ты станешь уверять, что он умер от сердечного приступа?

— Он не умер, — после небольшой паузы сказал Отшельник. — Демон Аримана похитил его душу. Она обречена бродить в других мирах, пока хищные птицы не сожрут ее вместилище — тело.

— Я слышал, что такое бывает, — задумчиво произнес Кермуз. — Жаль, он мог бы назвать мне твое имя.

Отшельник усмехнулся.

— Тебе не повезло. Пойдем.

Однако маг не тронулся с места. Несколько мгновений он размышлял, затем решительно нагнулся и взвалил неподвижного Заратустру на плечи.

— Что ты собираешься делать с этим? — поинтересовался Отшельник.

— Возьму его с собой. Спрячу в потайной гробнице на берегу мертвого моря. Хорошие враги рождаются редко.

Отшельник безразлично пожал плечами.

— Поступай как знаешь. — Он хмыкнул... — Занятно, но если бы не этот демон, Гумий не дожил бы до ночи. Я бы расправился с ним.

— Значит стоит поблагодарить демона, — заметил Кеельсее, поудобнее устраивая нелегкую ношу на своих плечах. — Я готов. А как поступим со скифом?

Маг кивнул в сторону Скилла, который по-прежнему стоял на краю пропасти.

— Что предлагаешь ты?

— Мне все равно.

— А мне он нравится.

— Тогда пусть живет, — решил Кермуз. — Глядишь, и из него когда-нибудь вырастет достойный маг.

— Ты сказал это и мне сразу захотелось его убить, — негромко заметил Отшельник. Затем он крикнул, так что содрогнулись горы:

— Эй, скиф, ты свободен! Если хочешь, я могу доставить тебя в долину Евфрата!

Скилл быстро, словно ждал этих слов, повернул голову к чародеям.

— Спасибо, не стоит, — негромко сказал он, не слишком заботясь о том, чтобы его услышали. — У меня там слишком много врагов и я не хотел бы предстать перед ними с пустым сагайдаком. А, кроме того, я кое-чем обязан одной девушке из горного селения. Прощайте!

Скилл взлетел на коня и сжал его бока пятками.

— Хоу, Черный Ветер!

Чародеи наблюдали за скачущим всадником до тех пор, пока он не скрылся из виду.

— Сколько жизни, — медленно произнес Отшельник. — Так и хочется сбросить его с коня.

Кермуз усмехнулся.

— Пусть живет. Мир нуждается в сильных людях, способных быть достойными врагами.

Крик, донесенный горным ветром, подвел итог этой краткой дискуссии.

— Хоу, Черный Ветер!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Последний день лета

Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемоне,
Что их заветы блюдя, здесь мы костьми полегли.

Надпись на могиле спартиатов,
павших в Фермопилах

— Хвани праведному, Истине страже, — молитва и хвала, радость и слава. Саванхе и Висье праведному, Истине страже — молитва и хвала, радость и слава...

Быстро пробормотал заключительные слова молитвы Ксеркс, обернулся к помогающему ему магу и протянул вперед руки. Служитель Ахурамазды передал царю сосуд со священной хаомой. Владыка принял его и поднес к чисто мерцающему огню. Вязкая золотистая жидкость упала на языки пламени. Огонь затрещал, на какой-то миг приугас, но затем вспыхнул с новой силой. И в этот миг из-за моря появилось солнце. Стоявшие вокруг жертвенника вельможи и маги радостно вздохнули, на их лицах появились улыбки. Бог принял жертву, бой будет удачен.

Да, все приметы предвещали удачу, однако день начался в высшей степени странно. Ночью куда-то исчез Артабан. Его наложница, некая Таллия — при упоминании этого имени глаза царя наливались дурной кровью — уверяла, что за хазарапатом пришел царский посланец и тот покинул шатер, пообещав вскоре вернуться. Большего добиться от этой женщины не удалось. Ксеркс приказал было взять ее под стражу, но, хорошенько подумав, велел отпустить. Раз Артабан исчез, его наложница переходила к царю.

Таинственное исчезновение хазарапата влекло за собой множество перемен — как благоприятных, так и не очень. Освободившись из-под его назойливой опеки, Ксеркс смог вернуть себе утерянную по сути власть и отдавать повеления, не спасаясь грозного взгляда хазарапата, но он не знал как пользоваться этой властью, ибо порядком отвык от нее. К счастью, ни один владыка не испытывает недостатка в советчиках. С исчезновением Артабана их объявилось множество. К царю обращались евнухи, сановники, начиная от царственных братьев и кончая самыми ничтожными, маги, иноземные царьки и даже слуги. Всем своим видом показывая, что не нуждается ни в чьих советах, повелитель Парсы выслушивал их, выбирая тот, что приходился больше по нраву. Так Гистасп посоветовал направить против эллинов бактрийцев и саков. Это означало сберечь парсийскую конницу, и Ксеркс принял совет своего сводного брата. Еще он пожелал послать в бой лидийцев, сирийцев и ариев. И, конечно же, бессмертных, столь бесславно бежавших из ущелья накануне. Часть их уже должна была спускаться в теснину по горной тропе, заходя

эллинам в спину, остальные ждали своего часа и повеления царя. Ксеркс был краток.

— Искупите свою трусость кровью! — повелел он.

Командовавший бессмертными Мардоний отсалютовал победителю блестящим клинком, воины воздели над головами посеребренные щиты. Они были готовы умереть, но загладить свою вину. Ксеркс испытал волнение, взирая на солнечное море, плещущее над головами царских любимцев.

Гвардия грозной колонной двинулась в сторону ущелья. За ней следовали конные саки и бактрийцы, закованные в бронзовые панцири лидийцы, великие славой предков сирийцы и небольшой отряд вооруженных луками ариев. Дождавшись, когда сверкающая металлом людская масса начнет втягиваться в узкую горловину ущелья, Ксеркс в сопровождении свиты и первой тысячи направился вслед за войском. Царь не хотел пропустить мгновения своего триумфа. Он был уже подле Деметриных ворот, когда в ущелье появились воины Гидарна...

Они шли всю ночь. Проводник не солгал — тропа была достаточно широкой и удобной. Парсийский отряд без особых хлопот достиг вершины Каллидрома. Охранявшие перевал Фокийцы были ошеломлены, когда перед ними появились вражеские воины. Парсы были изумлены не менее, но опомнились куда быстрее. Рассыпавшись по склону, они с криками бросились на эллинов. Те даже не успели одеть доспехи и, побросав оружие, бежали.

Отсюда с горной вершины Фермопилы были как на ладони. Зоркоглазый Гидарн увидел как внизу в предрассветной дымке двинутся колонны эллинских воинов, спешащих покинуть ущелье. Нужно было отрезать им путь к отступлению и вельможа велел бессмертным ускорить шаг. Парсы спешили как могли. Воины почти бежали по осклизлым от утренней росы камням. Порой они оступались и катились по склону, калечась и уродуясь. Но они опоздали. Беглецы покинули Фермопильскую теснину. Удалось схватить лишь троих тегейцев, заблудившихся в темноте и отставших от своих. Гидарн через переводчика допросил их и радостно рассмеялся. Безумцы-спартиаты, принесшие наибольший вред великому войску, остались на месте и покорно дожидались своей гибели. Гидарн приказал сотникам выстроить войско поперек ущелья, совершенно перегородив его, чтобы не дать ускользнуть ни одному эллину. Сотники защелкали бичами, заставляя воинов поторопиться. Конь не успел бы напиться воды, как от склона Каллидрома до моря выстроилась стена посеребреных щитов. Впереди встали Гидарн и знаменосцы. Заревели трубы, дремлющая земля содрогнулась от топота тысяч ног. Бессмертные алкали расплаты.

Точно такая же стена, только несколько короче, двигалась со стороны Деметриных ворот. Это шли бессмертные Мардония. Путь их пролегал по равнине, заваленной бесчисленными гру-

дами тел. Вид разлагающихся трупов и отвратительный запах вселяли в воинов ярость.

Словно бешеные коршуны взлетели они на непокорившуюся им накануне стену и замерли, пораженные представившимся их взорам зрелищем — холм, возвышающийся посреди ущелья, был сплошь залит алым.

* * *

В Восточном Крыму, неподалеку от древнего Пантикапея, есть грязевое озеро Чокрак — многометровая толща вязкой черной массы, покрытая белой, хрустящей при ходьбе коркой. Некогда, во времена, свидетелями которых являлись наши герои, здесь был морской залив. С течением веков его отделила от моря земляная перемычка и залив превратился сначала в некое подобие болотистого лимана, а затем — в грязевое озеро. В засушливое лето озеро совершенно высыхает и освободившаяся от воды соль ослепительно блестит на солнце. Чокрак окружен невысокими степными холмами, трава на которых под воздействием беспощадных лучей сохнет, окрашивая землю в безжизненный серый цвет. А рядом с озером, отделенный искусственной дамбой, находится крохотный живой водоем, наполненный рыбой и тиной. И если смотреть на это место с высоты птичьего полета, глазам предстает сказочный, совершенно неземной пейзаж — огромная, тускло блестящая под лучами солнца равнина в окружении мертвых пепельных холмов, и крохотный, ярко-зеленосиний, словно сказочный бриллиант, водоем, единственное живое посреди мертвого. Лишь здесь начинаешь ощущать невыносимую насыщенность живого цвета, выставленного на ослепительно-мертвом фоне.

Примерно так же — яркой, ослепительно-прекрасной, полной грозного алого блеска смотрелась небольшая фаланга спартиатов, изготовившаяся для последнего боя. Пылающая багрянцем шеренга на фоне плавящихся утренней дымкой скал. Их было уже не триста, а меньше, многие погибли в предыдущих схватках. Еще многие были ранены, но оставались в строю, надеясь обрести смерть в битве. Они одели парадные алые трибоны и до блеска вычистили помятые доспехи. Над блестящей бронзой шлемов волновались алые, черные и белые гребни, украшенные львами щиты бросали во врагов ослепительные зайчики. Сыны Лакедемона тщательно приготовились к тому, чтобы их смерть была прекрасной.

Здесь были те, кого знала вся Эллада, и те, кого ей предстояло узнать. В центре фаланги стоял облаченный в царские доспехи Еврит. Большинство спартиатов принимали его за царя и лишь немногие знали истину. По правую руку от Еврита стоял Креофил, по левую — отважный Диенек. Поодаль расположился Гилипп, которого оберегали с боков Алфей и Марон, сыновья Орифанта. На правом краю стояли два громадных воина в чер-

ном. Одним из них был прорицатель Мегистий, завернувшийся до самых пят в свой любимый плащ. Акарнанец был вооружен небольшим щитом-лезейоном и длинным, отдаленно похожим на махайру, мечом. Рядом с ним стоял могучий воин, закованный в диковинную, цвета воронова крыла, броню. В отличие от Мегистия он не имел щита и сжимал в правой руке громадный, тускло мерцающий меч. Подобных мечей не знала ни Эллада, ни Мидия. Это был меч из прошлого, явившийся из небытия, чтобы вершить будущее. Спартиаты поглядывали на меч и его владельца с затаенным уважением.

Но не одни лакедемоняне готовились встретить свой смертный час. Рядом с ними, лицом к морю стояли фиванцы. Но сколь разительно отличались они от спартиатов! Доспехи беотян были тусклы, дорогие плащи изодраны и испачканы грязью, в бегающих глазах были страх и неуверенность. Нет, им не хотелось умирать. Позади спартиатов, прикрывая их спины, стояли феспийцы, пятьсот отважных безусцев, неизвестно зачем избравших смертный жребий. Накануне Леонид потратил немало времени, уговаривая их уйти. Феспийцы ответили отказом и теперь стояли спина к спине со спартиатами.

Эллины недаром избрали для своего последнего боя именно этот холм, возвышающийся ровно посередине Фермопильского ущелья. Стена, верно послужившая им два дня, не была преградой для мидян, обошедших защитников Фермопил с тыла, но вполне могла стать ловушкой, и потому Леонид решил занять позицию на холме, развернувшись к врагу тремя фалангами. Теперь эллинам оставалось только ждать, наблюдая за тем, как ущелье заполняется вражескими воинами.

Опасаясь ловушки парсы медленно приблизились к холму и схватили его кольцом. Какое-то время они рассматривали смельчаков, затем Мардоний приказал атаковать. Бессмертные хлынули на холм тремя потоками. Сотни Гидарна атаковали феспийцев, отряды Гиперанфа — спартиатов, сам Мардоний наступал на фиванцев. Выставив вперед копья, бессмертные с криком бросились на неподвижно стоящих эллинов. Три блестящие волны накатывались на шеренги фаланг и тут же отхлынули прочь, оставив на выжженной траве десятки мертвых тел. Яростно закричав, так что скалы дрогнули от оглушительного эха, атаковали вновь. И вновь отступили, пятная землю трупами. Затем эллинские фаланги, повинуясь приказам своих командиров, стали медленно спускаться по склону, поражая врага стальной щетиной копий. Воины Демофила, яростные и веселые, гнали парсов Гидарна, спартиаты — воинство Мардония. Шагнули вперед и фиванцы...

Фиванцы. Все же они не хотели умирать. Это был не их день, это была не их битва. Но и они шагнули вперед, готовясь покрыть копья алой влагой. Преисполненный решимости, Леонтиад занес над головой меч. То был миг, который мог стать

мигом великой славы фиванцев. Прекрасная смерть. Уйти в никуда, упиваясь кровью врагов. Меч стал спускаться на голову противостоящего парса, и в этот миг пред глазами Леонтиада предстало прекрасное лицо кельтянки. И меч дрогнул, и упал на землю.

— Пощады! — прохрипел Леонтиад, и сам не узнал собственного голоса.

Следуя примеру командира, фиванцы поспешно побросали оружие и были пленены. Их поставила на колени пред Ксерксом. Царь назвал беотян изменниками, святотатцами и ... трусами. Царский палач наложил на их лица позорное рабское клеймо.

Они испугались смерти. Они испугались славы. Они получили вечный позор.

* * *

Несмотря на измену фиванцев, эллины сбросили бессмертных с холма. Это была прекрасная, но бессмысленная атака. Точнее, смысл был; он заключался в том, чтобы атака вышла прекрасной. Ведь о победе речь уже не шла. И атака удалась. Пять сотен фесцийцев заставили пятиться пять тысяч бессмертных, словно перед ними были не лучшие воины Парсы, а стадо баранов, вдруг лишившихся своего пастуха. Феспийцы истребили тридцать вельмож и почти тысячу простых воинов. Но они сошли с холма, открыв спину. Парсы опомнились и наступила развязка. Бесчисленное множество озлобленных варваров окружили поредевшую фалангу, началось избиение. К тому времени феспийцы переломали копья и сражались мечами. Они бились столь яростно, что вызвали восхищение у врагов, которые впоследствии никак не могли поверить, что имели дело с горшечниками, плотниками и кузнецами, в грозный для отчизны час взявшими в руки оружие. Обагряя землю алой кровью, феспийцы пали. В числе последних был сражен отважный Демофил, имевший к тому времени почти два десятка ран. Мидийское копье вонзилось стратегу снизу под подбородок и вышло из темени. Его смерть была мгновенной.

Если феспийцами двигали отчаяние и удаль, то спартиаты и в этом последнем бою полагались на воинское умение. Четко взаимодействуя между собой, шесть пентекостий сбросили бессмертных с холма, загнав значительную часть их в лощину, тянущуюся до оборонительной стены. В этой лощине нашли свой конец многие варвары, в том числе брат царя Абраком, сраженный прорицателем Мегистием.

Обозленный неудачей, Мардоний повел своих воинов в новую атаку. И вновь их встретили мечи и копья спартиатов. И вновь бессмертные откатились, понеся большие потери.

— Да они что, и вправду непобедимы?! — закричал в бешенстве Ксеркс, обернувшись к Демарату, с волнением следившему за битвой. — Или они не страшатся смерти?!

— Они уже мертвы, государь, — ответил изгнанник-спартиат. — А мертвым нечего бояться Танатоса.

— Мои конники сомнут даже мертвых!

Приказав бессмертным расступиться, Ксеркс бросил в атаку бактрийских и сакских всадников. Конная лава налетела на горстку алых воинов. Заклубилась пыль, взбитая десятью тысячью копыт. Когда же она рассеялась, Ксеркс застонал от ярости. Всадники спасались бегством, а непобежденные спартиаты медленно возвращались на холм, откуда начали свою атаку.

— Все! Все! Уничтожить! — завизжал царь.

И все неисчислимое воинство устремилось вперед. Шли бессмертные Мардония, Гидарна и Гиперанфа, шли лидийцы Артафрена и сирийцы Стаспа, со стороны скалы поднимались тысяча ариев Сисамна.

— Уничтожить!

И пришло время умирать гвардии.

* * *

Плащи были изодраны, копья изломаны, мечи затуплены. С помятых доспехов стекали струйки крови. Но они не запросили пощады. Они встретили врагов, стоя плечо к плечу, и не было силы, способной разбить эту бронзовую стену...

Бессмертные атаковали лакедемонян с яростью отчаяния. Их было бессчетно много и эллинская сталь вдоволь напилась крови. Эллины поражали врагов мечами, немногие — копьями, и сами падали на истоптанную землю. Рухнул Алфей, упал сраженный арийской стрелой Марон, открывая спину Гилиппа. Тот в это мгновение вонзал меч в облаченного в золоченый панцирь вельможу. Через миг лидийский топор рассек эфору поясницу. Он умер не сразу и до последнего вздоха хватал шагающих по нему врагов за ноги.

Ожесточенная схватка разгорелась в том месте, где бился Еврит, принимаемый варварами за царя. Здесь атаковала первая тысяча под командой Дитрава. Свежие, полные сил, варвары теснили спартиатов, стремясь поразить прежде всего их предводителя. На Еврита обрушивались десятки ударов. Какие-то он парировал сам, другие отбивали прикрывавшие юношу Диенек и Креофил. Их бронзовые мечи с лязгом отбрасывали оружие врагов, стремительно ныряли под щитами, со звоном опускались на шлемы. Варвары отсекли отважную тройку от прочих лакедемонян и яростно атаковали ее. Диенек получил множество ран, но держался. Когда же спартиат почувствовал, что силы оставляют его, он прыгнул в толпу подступающих врагов и заколол троих из них, прежде чем испустил дух, пронзенный множеством мечей и копий.

Креофил бился без того блеска, что присущ искусным бойцам. Он более защищался, нежели нападал. Но если противник терялся и делал ошибку, спартиат был наготове. Быстрое движение мечом и очередной парс валился наземь. Главной задачей

Креофила было прикрывать спину Везунчика, богатые доспехи которого привлекали множество врагов. И он справлялся со своим делом с честью, не позволив ни одному варвару поразить спину товарища.

Евриту прежде не приходилось биться со столькими умелыми врагами. Его атаковали одновременно пять или шесть парсов, причем на место павшего тут же вставал новый. Юноша сражался поначалу по всем правилам, действуя щитом и мечом, потом, убедившись в крепости доспехов, отбросил щит и поднял с земли парсийский акинак. Он много раз бился с царем Леонидом таким образом и достиг немалого мастерства. Теперь спартиату не грозили выпады не только справа, но и слева. Клинки мелькали в руках гиганта с непостижимой быстротой. То один, то другой парс падали замертво, хватая траву скрюченными пальцами.

Тогда враги изменили тактику и стали бросать в спартиата копья. Еврит отбил два из них, но третье вонзилось ему в бедро, нанеся серьезную рану. Затем он получил еще один удар — на этот раз в бок. Броня и мощный пласт мышц спасли от рокового исхода, а обидчику Еврит раскроил лицо рукоятью меча.

И все же парсы достали его. Удар лидийской секиры сбил юношу с ног. Сразу трое варваров бросились к нему, размахивая кольями. Но Креофил опередил их. Стремительно повернувшись, он прикрыл лежащего Еврита щитом и вонзил меч в шею прыткого врага. И тотчас же несколько копий впились в спину спартиата. Креофил рухнул, но он подарил товарищу мгновение, чтобы встать на ноги.

Это далось трудно, но Еврит встал. В иссеченном доспехе, без шлема, с развевающимися по ветру волосами, он был величественен, словно мраморная статуя. Враги замерли, завороженные прекрасным ликом юноши. Миг и двое из них рухнули на землю. За ними последовали еще двое, один — с пробитой грудью, другой — лишившись головы. Парсы исторгли яростный крик и бросились на спартиата. Он успел нанести еще несколько ударов, прежде чем в его могучее тело вонзились бронзовые острия. Последний, смертельный удар нанес воин в золотой митре. Уже падая, Еврит сумел задеть его клинком по правой руке. Воин, закричав от боли, выронил меч. Спартиат улыбнулся и умер.

То был страшный бой. Лакедемоняне кололи врагов копьями, сломав копья, пускали в ход мечи, избурив последние бились щитами, ножами, стрелами, пускали в ход кулаки и даже зубы. Это была схватка невиданной ярости, преисполненная бешенства и дикой злобы. Здесь резали, рубили, пробивали головы топорами, отсекали конечности, разрывали глотки, выдавливали пальцами глаза. Подобного не видел прежде ни один воин, подобного он и не увидит.

Но постепенно сражение подходило к концу. Гвардия уже почти умерла. Погибли лучшие из лучших, лишь два десятка бойцов продолжали вести свой неравный бой. Среди них были Лео-

нид и Мегистий. Как и в былых битвах, царю не было равных. Но если прежде он сражался коротким и слишком легким для него ксифосом, то сегодня в его руке был великий Разрушитель, выкованный много веков назад Грогутом. Не было преграды, способной остановить этот меч. Медь, бронза, железо разлетались под его натиском, словно стекло, тела распадались подобно глиняным статуям. Там, где бился царь, образовалась огромная гора изуродованных трупов. Сто, двести, триста парсийских воинов нашли здесь свою смерть. И их не спасли ни пятистенные щиты, ни медноплетеные сирийские шлемы, ни кованые лидийские доспехи, ни мидийские чешуйчатые панцири. Не было преграды, способной остановить Разрушителя. И не было оружия, какое смогло б пробить царский доспех. Неисчислимое множество копий, мечей и стрел ударились в него и отскочили, оставив едва заметные царапины. Дважды сакские витязи обрушивали на шлем царя свои огромные сагарисы, но черная поверхность даже не дала трещины. И вновь текла кровь, и расчлененные надвое тела падали на стонущую от боли землю.

Рядом с царем бился Мегистий. Сначала он сражался своим похожим на махайру мечом, отбивая удары небольшим лезейоном, но, взглянув на прорицателя через несколько мгновений, царь поразился. В руках Мегистия был огромный, двуручный, с искривлением посередине меч, под лохмотьями, в которые превратили щегольский плащ, виднелась черная, с серебристо-звездным рисунком, броня, а голову защищал матовый шлем с сильно выдвинутым вперед забралом. Сражался акарнанец не хуже, а быть может, и лучше царя. Массивный клинок мелькал в его руках, словно невесомая игрушка, движения были нечеловечески стремительны. Был миг, когда в душу Леонида закралось ужасное подозрение, и он хотел ударить Мегистия мечом в спину, но прорицатель обернулся и крикнул:

— Ты ошибся, атлант! Я не из той истории!

Сказав это, он отвернулся и с непостижимой быстротой иссек целую шеренгу пытавшихся достать его копьями лидийцев, а Леонид тем временем расправился с тремя бессмертными.

А еще спустя миг на оставшихся в живых эллинов обрушилась туча стрел. Это забравшиеся на горный карниз арии принялись избивать смельчаков из луков. Ксеркс отдал им такое приказание, ибо понял, что оставшиеся в живых воистину непобедимы и, ведя с ними равный бой, он рискует положить в фермопильском ущелье добрую половину своей армии.

Как только полетели стрелы, прорицатель сотворил громадный черный щит и прикрыл им себя и царя. Заглушая мерный грохот металлических наконечников, он закричал, обернув лицо к Леониду:

— Мы выиграли этот бой, атлант! Нам пора уходить!

Спартиат покачал головой.

— Кто бы ты ни был, уходи! А я остаюсь. Мой бой еще не

закончен. Он завершится тогда, когда последний спартиат испустит дух!

— Ну, этого недолго ждать! — глухо захохотал Мегистий, кивая головой в сторону кучки окровавленных лакедемонян. Все они были изранены и один за другим опускались на землю, сраженные смертельным дождем.

— Ты не понял меня, прорицатель! — закричал в ответ Леонид. — Последний спартиат это я!

Мегистий устремил на царя внимательный взгляд. Мгновение они рассматривали друг друга — два облаченных в странные одежды пришельца из иных миров, затем прорицатель выдавил:

— Мне жаль, что так вышло, атлант. Ты мог бы уйти со мной.

— Оставайся, — с равнодушным смешком предложил Леонид.

— Это не мой бой. Свой бой я уже выиграл. Сегодня над Олимпом всю ночь сияло солнце. Прощай!

Прорицатель растворился в воздухе. А через мгновение бесследно исчез щит, защищавший его и Леонида. Увидев это, варвары на мгновение остолбенели, а потом с криком бросились на горстку еще стоящих на ногих спартиатов. Те встретили их с мечами в руках, у кого не было мечей дрались подобранными с земли бронзовоострыми стрелами. Все они умерли. Лишь воин в черном продолжал петь свой гимн смерти, вновь и вновь устилая землю мертвыми телами. Парсы, лидийцы, сирийцы и даже арии — все подступались к нему и все они полегли у его ног. Последним упал Гиперанф, великий воин, развaленный ударом меча надвое. Устрашенные смертью вельможи, варвары отступили и вновь пошел смертельный дождь.

Стрелы поражали воина со всех сторон, отскакивали от панциря и шлема, впивались в руки и голени. А он стоял, словно скала, и, казалось, нет силы, способной повергнуть его на землю. Ведь он был великим воином.

А потом он упал. А быть может, это лишь показалось. Но арии не прекращали своей смертоносной работы до тех пор, пока не насыпали курган из стрел. И тогда они донесли царю, что великий воин в черных латах умер.

ВОИН умер. ГВАРДИЯ умерла.

И опустилась ночь.

* * *

Ночь.

Она была непохожей на остальные.

Над морем повисла блеклая ущербная луна, в горах рыдали волки. Над полем битвы стояла невыносимая тишина, чуть нарушаемая мерным шорохом волн, меж мертвых груд мелькали неясные тени. Одна из них, при тусклом свете ночного светила оказавшаяся плечистым мужчиной с выразительным тонким

лицом, украшенным холеной бородкой, неторопливо, стараясь не наступать на мертвецов, поднималась на холм, ставший местом последней схватки спартиатов. Оказавшись на вершине, человек принялся осматривать убитых, переворачивая их и пристально вглядываясь в обезображенные предсмертной мукой лица. Занятие это трудно было отнести к разряду приятных, но человек был привычен к подобного рода зрелищам и воспринимал разрубленные надвое черепа и вспоротые животы без особых эмоций. Он даже увлекся, настолько, что не расслышал как на холм поднялся еще один любитель ночных прогулок. Лишь в самый последний миг тихий шорох, раздавшийся прямо за спиной, заставил человека оставить мертвецов в покое и быстро отпрыгнуть в сторону. Он еще не успел повернуться к тому, кто нарушил его уединение, а в крепкой руке уже блеснул меч.

Это была женщина, невысокая и изящная, не выказывающая ко всему прочему никаких враждебных намерений. Человек ослабил хватку и, словно устыдившись своего невольного испуга, упер острие меча в землю. Но через миг он узнал гостью и его мышцы превратились в пружинистые комки, словно изготовясь к схватке с ужасным врагом.

— Л-леда? — неуверенно выдавил он.

— Угадал, — с коротким смешком ответила девушка. — Сколько лет! Я полагала, Гиптий, тебя убили жрецы Черного Сета.

— Нет, напротив, они спасли мне жизнь, когда случилась катастрофа. Я обязан им. Но как...

Леда не дала изумленному мужчине закончить.

— Сейчас нет времени для расспросов. Кроме того, я не обязана отвечать тебе. А вот ты мне ответишь. — Девушка усмехнулась. — По старой дружбе. Что ты здесь делаешь?

— Полагаю, то же, что и ты.

— Ищешь тело Воина?

— Да, я ищу воина.

— Зачем оно тебе?

— Странный вопрос, — заметил Гиптий, не без тайного спасения всматриваясь в прекрасное лицо девушки. — Он мой друг.

— Понятно. Может быть, его унесли парсы?

Атлант покачал головой, не согласившись с подобным предположением.

— Нет, боги подсказывают мне, что он где-то тут.

— Боги?! — Леда вновь усмехнулась, на острых зубках мелькнули отблески лунного света. — Должно быть, ты выжил из ума. Но меня это не касается. Предоставим каждому распоряжаться своими мозгами по собственному усмотрению. Боги! — Не выдержав, девушка рассмеялась, затем стала серьезной. — Воин действительно где-то здесь. Но я получила эту информацию не от богов. Варвары приволокли Ксеркcу труп, облаченный в царские доспехи. Я видела его. Это могучий мужчина, изуродо-

ванный до неузнаваемости, но это не Воин. Тот спартиат не имеет и сотой доли шрамов, что были у Воина. Кроме того, он молод. Я думаю, Воин просто отдал ему перед боем свои доспехи, а сам дрался в керамопластиковом панцире. Гидарн сказал при мне царю, что Гиперанфа, царского брата, зарубил один из огромных черных воинов, явившихся на помощь эллинам, и будто этих воинов не брали ни стрела, ни копье, ни меч, а в самом конце битвы оба они исчезли. Варвары посчитали, что это были слуги Аримана.

— Царь не мог бежать! — воскликнул Гиптий.

— Я знаю это. Воевода ариев клялся, что одного из черных воинов убили его лучники.

Гиптий задумался, затем неуверенно выдавил:

— Я кажется знаю, кто был облачен в царские доспехи.

— Кто?

— Это молодой спартиат, я не помню его имени, но он приходил ко мне с посланием Воина. И он... — Атлант осекся, вдруг сообразив, что не имеет понятия на чьей стороне в этой игре стоит Леда.

— Договаривай! — велела она и Гептий не осмелился ослушаться.

— Он... Он очень похож на Воина. Воин относился к нему как к сыну. Быть может, несчастный юноша и вправду приходился ему сыном. Но кто был второй воин в черном?

— Какая разница! Верно его и не было, у страха глаза велики, а если и был, то он лежит где-то на этом холме. Ну что, попробуем отыскать Воина?

Гиптий утвердительно кивнул и они принялись растаскивать трупы. Им попадалось немало бойцов в алых плащах, но куда больше было варваров. В остекленелых глазах мертвецов были боль и удивление.

— Это рука Воина, — внезапно сказал Гиптий, показывая Леде кусок человеческого тела. Ужасный удар, пришедшийся на левое плечо, развалил лидийского воина наискось, отделив голову, верхнюю треть туловища и правую руку. Гиптий продемонстрировал этот обрубок, подняв его за слипшиеся от крови волосы, с невиданным хладнокровием, ненормальным для обычного человека. Леда отнеслась к ужасающему зрелищу столь же спокойно.

— Косой удар, — заметила она со знанием дела. — Помнится, Воин перерубал им надвое быков.

— Точно, — подтвердил Гиптий. — Это была его любимая забава. Значит его надо искать где-то здесь.

Атланты разбрасывали мертвые тела до тех пор, пока не наткнулись на огромную кучу красноперенных стрел.

— Арии говорили, что погребли одного из черных воинов под курганом из стрел, — задумчиво произнесла Леда.

Гиптий, не мешкая, принялся раскидывать камышовые

прутья. Он торопился, потому что ночь была на исходе, и уколол палец о зазубренный наконечник. Чертыхаясь, атлант отдернул пораненную руку и тут же с предостерегающим криком схватился за меч, потому что увидел третьего охотника за трупами, подкрадывающегося сзади к Леде. Реакция Гиптия была стремительной. Отшвырнув девушку в сторону, он принял мечом предназначенный ей удар, затем обезоружил противника и ударом кулака свалил его на землю. Блеснул заносимый над головой меч, но Леда успела предупредить удар, цепко схватив Гиптия за кисть руки.

— Оставь. Это один из тех, кто были рядом с Воином.

— Но он не похож на эллина, — проворчал атлант, рассматривая смуглое скуластое лицо поверженного. — Это варвар.

— Он киммериец, раб, сбежавший от своих господ-парсов. Он дрался плечом к плечу со спартиатами.

— Киммериец? — удивился Гиптий. — Что ты ищешь здесь, киммериец? — спросил он Дагута на языке степняков.

— Тело великого Конана, — пробормотал Дагут, еще не до конца оправившийся от удара. — Он пал в этой битве, а мне довелось уцелеть.

— Что же ты, киммериец, не умер рядом с царем?

Разбойник сердито блеснул глазами и с неохотой ответил:

— Топор, опустившийся на мою голову, оказался крепче шлема. Я упал, лишившись чувств, и варвары сочли меня убитым. Теперь будет кому мстить. Но сначала я должен предать земле тело великого Конана.

— Мы тоже ищем его, киммериец, — сказал Гиптий. — Ты можешь помочь нам.

Атлант возвратил меч в ножны и помог Дагуту подняться. С приходом третьего дело стало спориться быстрее. Вскоре они раскидали все стрелы, совершенно очистив участок холма, где встретил свои последние мгновения царь спартиатов. Дагут с радостным криком поднял с земли огромный, тускло блеснувший меч.

— Да, это Разрушитель, — подтвердил Гиптий. — Но где Воин?

— Юльма здесь нет! — разорвал тишину хрипловатый глухой голос. Трое дружно повернули головы. Шагах в двадцати от них черпала огромная фигура, до самых пят закутанная в плащ. Голову незнакомца скрывал покатый шлем.

— Танатос его побери! Черный воин! — выдавил Гиптий, судорожно хватаясь за рукоять меча. Леда предостерегающе положила руку на плечо атланта.

— Остановись! Он нам не враг!

— Его здесь нет! — вновь сказал воин в черном. — Кто-то унес тело. Но он славно умер, сумев восхитить даже меня. А я понимаю толк в смерти. Придет время, Эмпедокл и ты последуешь за ним. Постарайся, чтобы твоя смерть была столь же зага-

дочной и прекрасной! А он умер. И кто-то унес его тело. Я буду ждать тебя на Альтаире!

И человек в плаще исчез. Еще мгновение назад его силуэт четко вырисовывался на фоне светлеющего неба, а теперь на этом месте лениво мерцали звезды.

— Куда он подевался, — пробормотал Гиптий. — И причем здесь Альтаир. Леда, ты... — Атлант повернул голову и осекся. Девушка также пропала, а остолбеневший Дагут, раскрыв рот, взирал туда, где только что стояли ее легкие ноги.

— Призраки исчезают, — шепнули губы атланта, — значит ночь прошла и грядет день. Нам пора, мой друг, иначе мы окажемся в руках варваров.

— А где же Конан? — все еще не понимая что происходит, спросил Дагут.

Гиптий пожал плечами.

— Не знаю. Он ушел. Но, быть может, он когда-нибудь вернется. Его будут звать как-то иначе и он будет держать в руке свой великий Разрушитель.

— Но кто он? — Дагут вопрошающе посмотрел на атланта. — Почему тот, в черном плаще, назвал его Юльмом? Почему люди, нашедшие здесь смерть, именовали его царем Леонидом? Кто он в самом деле?

— А разве это важно? Кто он: атлант Юльм, киммериец Конан или спартиат Леонид? Имя — лишь песчинка, исчезающая в черной дыре Времени. Важно другое. Важно, что нашелся человек, сказавший: я не отступлю пред смертью; важно, что нашелся человек, предпочевший бегству славную гибель на этих выжженных склонах. Важно, что восходит солнце!

И оно взошло.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Год спустя. Платеи

Мардоний и сам не представлял, сколь сильны его руки. Особенно в мгновения гнева.

— Бесподобно! — Таллия вполне искренне хлопала в ладоши. Вельможа усилием воли отогнал прочь багровую пелену и обнаружил, что на полу лежат несколько позолоченных чешуек — кусочки брони, оторванные стальными пальцами от панциря. Мардоний кашлянул, со смущением чувствуя, как его лицо багровеет.

— Дрянь! — процедил он. — Ты играешь со мной!

— Много же времени тебе потребовалось, чтобы понять это!

— Берегись!

— Чего? — изобразив ленивую улыбку, спросила Таллия. — Или ты собираешься приказать отсечь мне голову?

— Нет... Я выпорю тебя плетьми. Сам. Потом тебя отдадут...

Ионянка не дала Мардонию договорить.

— Заткнись! — приказала она. — Иначе я вышвырну тебя из шатра.

Возникла пауза. Воспользовавшись ею, девушка выглянула через кисейный полог наружу. Ее взору предстал уже успевший опостылеть пейзаж — пологий склон Киферона[1], покрытый желтеющими кустарниками и проплешинами высохшей травы.

— Скоро осень, — прошептала Талиия. — Снова осень...

Минул год с тех пор, как отважные спартиаты сложили головы в фермопильском ущелье. За этот год произошло немало событий, повлиявших на судьбу Эллады и великой Парсы.

Овладев Фермопилами, мидяне вторглись в Бестию, где их ждал самый радушный прием, а затем и в Аттику. Ксеркс повелел щадить тех, кто дают землю и воду, и безжалостно карать непокорных. Варвары совершенно разорили крохотную Фокиду. Города и села были преданы огню, хлеб потравлен конями, сады вырублены. Сами фокидцы вместе с семьями и скарбом искали спасения на крутых склонах Парнаса. Не пострадали лишь Дельфы, напротив, царь велел передать дельфийским жрецам немало драгоценных даров. Они их честно заработали.

Затем парсы заняли Аттику. Посевы дерзких афинян были вытоптаны, акрополь взят штурмом и сожжен. Когда Ксерксу донесли, что в огне погибли все афинские храмы, он удовлетворенно улыбнулся. Святыни Ахурамазды были отомщены, великий бог должен был быть доволен. Теперь надлежало поквитаться с людьми, принесшими пожар войны на землю Парсийской империи.

Афиняне понимали, что им не отстоять родной земли в неравной битве и искали спасения на море. Переправив семьи на Сала-

мин, они ждали, что предпримут завоеватели. Приказ Ксеркса был лаконичен:

— Приведите их в цепях!

У эллинов было четыре сотни кораблей, у варваров — вдвое больше. Фемистокл где уговорами, где подкупом, где угрозами заставил эллинских навархов принять решение дать бой. И эллины, выждав удобный момент, дали. С помощью нехитрых уловок им удалось убедить мидян в мнимой слабости эллинского флота. Ксеркс поверил лазутчикам, посланным Фемистоклом, и, вместо того, чтобы готовиться в битве, парсы принялись отрезать эллинам пути возможного отступления — блокировать проливы и захватывать близлежащие острова. Варвары делили шкуру еще не убитого медведя, а это редко кому сходило с рук. В решающий момент, когда потребовалось обрушиться на эллинский флот всеми эскадрами, парсийские навархи смогли противопоставить неприятелю лишь флотилию финикян, меньшую числом и порядком избитую в предшествующих стычках. Пока эллинские триеры истребляли финикийские суда, прочие парсийские корабли бесцельно курсировали вдали от Элевксинской бухты, где развернулось сражение. Лишь когда финикияне были почти полностью разбиты, им на помощь подоспели ионийцы. Афинские и эгинские триеры разгромили и их. Парсийские навархи подводили и бросали в бой новые отряды кораблей. Эллины били их по частям, уничтожив большую часть великого флота.

И тонули корабли,
И под обломками судов разбитых,
Под кровью мертвых — скрылась гладь морская.
Покрылись трупами убитых скалы
И берега, и варварское войско
В нестройном бегстве все отплыть спешило[1].

Поражение было полным. Ксеркс понимал, что, утратив инициативу на море, парсы рискуют быть отрезанными от родных земель. Ничто теперь не мешало эллинам устремиться к Геллеспонту и уничтожить мост через пролив. Царю было над чем призадуматься. С одной стороны, несмотря на неудачу в морской битве, победа была уже почти у него в руках. Афины наказаны и по сути поставлены на колени, очередь была за Спартой, чрезмерно надеявшейся на неприступность Истмийского перешейка. С другой стороны эллинские эскадры могли отсечь великую армию от Парсиды и взбунтовать Ионию. Никто не мог поручиться за преданность сатрапов недавно присоединенных восточных земель. Если они пронюхают, что царь с войском заперт в Элладе, словно крыса в клетке, то могут поднять восстания и попытаться отделиться от империи. Ксеркс колебался, не зная какое решение предпринять. Его сомнения разрешил Мардоний.

— Царь, позволь мне покорить для тебя Элладу, — сказал вельможа, отвешивая смиренный поклон.

Это был наилучший выход. Ксеркс возвращался в Парсу,

сохраняя при этом лицо. Стоит ли владыке полумира утруждать себя покорением каких-то жалких эллинов! Это вполне могут сделать его слуги. Мардоний получил милостивое согласие царя, который повелел ему отобрать для дальнейшей войны любых воинов, каких пожелает. Вельможа оставил себе бессмертных, кроме первой тысячи Дитрава, большую часть парсов, половину мидян, саков, бактрийцев и индийцев, а также отборных воинов других народностей. Численность этой армии была такова, что бессмертные составляли одиннадцатую часть ее. Оставшиеся воины должны были спешить с Ксерксом к Геллеспонту.

Уже наступала зима, когда мидийские воины возвращались на родину. В горах свирепствовал холод, на дорогах — разбойники-фракийцы. Путь армии был отмечен мириадами трупов. Лишь каждый второй воин из числа тех, кто покинули Аттику после Саламина, добрался до Сард. Но это было уже неважно, империя устояла.

Оставленный покорять Элладу Мардоний не бездействовал. На зиму он отвел своих воинов в Вестию, где их ждали теплый кров и обильная еда. Перезимовав и пополнив войско фессалийцами и фиванцами, Мардоний вернулся в Аттику, заставив афинян вновь искать спасения на Саламине. Понимая, что после ухода части великой армии силы враждующих сторон примерно уравнялись, вельможа попытался расколоть неприятельскую коалицию. Он предложил афинянам заключить мир, клятвенно обещая больше не трогать их земли. Это был весьма расчетливый ход — разгромить оставшихся без союзников спартиатов, а уж потом заняться афинянами. Однако последние не клюнули на заманчивое предложение, хотя и предупредили лакедемонян, что если те будут и впредь бездействовать, наблюдая за тем, как варварское войско разоряет Аттику, то буле прислушается к предложению Мардония. Это подействовало. Спартиаты прекратили бесконечные празднества и вышли из-за укреплений Истма. Войско возглавил Клеомброт, а после его внезапной смерти — Павсаний. Наученный горьким опытом Марафона Мардоний не решился дать сражение на изобилующей холмами, скалами и оврагами земле Аттики и отошел на Вестийскую равнину. Здесь он мог в полной мере использовать преимущество парсийской конницы. Эллины после небольшой заминки, вызванной необходимостью дождаться опаздывающие ополчения, последовали за вражеским войском. Сначала они стали в предгорьях Киферона, затем переместились на более удобную позицию поближе к Платеям. Войско Мардония неотступно следовало за неприятелем. И вот уже десять дней враги стояли друг против друга, не решаясь начать битву. И вот уже десять дней Мардоний приходил в шатер Таллии и донимал ее упреками.

Ионянка по одной ей известной прихоти не пожелала последовать с Ксерксом, а осталась при войске Мардония. Царь тогда долго уговаривал свою бывшую наложницу, но применить силу

отчего-то не решился. О, теперь Мардоний понимал отчего. Девушка осталась и вела неприметный образ жизни, общаясь по преимуществу со своими слугами. Она терпеливо выслушивала упреки Мардония, становившиеся день от дня все более резкими. Вельможа простил этой женщине и царя, и Артабана, он желал вновь обладать ею, но Таллия лишь смеялась над мужской страстью.

— Ты похож на похотливого быка!

— Пусть, — отвечал Мардоний. — А ты грязная шлюха. На кого ты работаешь?

Таллия сделала удивленное лицо.

— О чем ты?

Мардоний пристально посмотрел в небесно-голубые глаза, девушка спокойно выдержала этот взгляд. Тогда вельможа начал говорить.

— Я посылал своих людей в Лидию и Византий. Они выяснили, что там ничего не знают о тебе. Нет никакого купца, который помнил бы о маленькой красивой девочке, рабыне из Византия, а в самом Византии никто не знает о дочери Гистиэя. Мои люди говорили с доверенным слугой казненного тирана и тот поклялся, что у Гистиэя не было детей от связей с византийскими женщинами и что у него не было наложницы, взятой с понтийского корабля. Так что ты не дочь Гистиэя.

— Ну и что? — с усмешкой поинтересовалась Таллия.

— Кто же в таком случае ты?

— Какая тебе разница?

Мардоний ощерился жестокой улыбкой.

— А быть может ты враг царя и нашего государства?

— И что же? Чего ты хочешь: разоблачить меня или моей любви?

Вельможа на мгновение заколебался, а затем хрипло выдавил:

— Любви.

— То-то же! — Таллия звонко рассмеялся. — Я подумаю об этом.

— Ты не поняла, — зловеще процедил парс. — Я могу в любой момент распять тебя на кресте как опасную заговорщицу, покушавшуюся на жизнь царя и его эвергетов. Так что... — Вельможа подошел к Таллии и взялся рукою за ее подбородок. — Решай, красотка! Ах!

Вскрикнув, Мардоний согнулся, потому что девушка резко ударила его ногой в пах. Затем крепкая ручка схватила вельможу за волосы. Сильный рывок — и парс уперся лицом в один из вертикальных столбов, на которых держался шатер. Неведомо, что Таллия намеревалась предпринять дальше, но в этот миг за легким пологом раздался деликатный кашель. Услышав его, ионянка отпустила вельможу. Едва он выпрямился и пригладил рукой волосы, как в шатер ворвался Артабаз, ближайший помощник Мардония.

— Сиятельный! — закричал он, не тратя время на приветствия. — Эллины оставили свой лагерь и отступают!

При этом известии Мардоний преобразился. Он расправил плечи, глаза его засверкали.

— Трусы! Наконец-то они показали свое истинное обличье! Настичь их и уничтожить! За мной!!

Подчеркнуто не глядя на Таллию, Мардоний выскочил из шатра, однако Артабаз последовал за ним не сразу. Убедившись, что Мардоний не вернется, мидянин подошел к девушке и заключил ее в объятья. Таллия в ответ положила руки на плечи военачальника, нашла его губы и впилась в них поцелуем. Он был бесконечен. Когда девушка отстранилась, Артабаз покачнулся, словно готовый потерять сознание. Таллия слегка хлопнула его по щеке.

— То, что ты получишь после, будет во много раз слаще. А теперь запомни: что бы ни случилось, твой корпус не должен сделать ни шагу вперед. Слышишь, ни шагу! — Глотая слюну, Артабаз кивнул головой. — А теперь иди! Мардоний, верно, уже заждался своего преданного друга. Иди!

Артабаз повиновался. Как только он исчез за шелковой тканью, Таллия беззвучно рассмеялась.

Смех этот был страшен. Так смеются несущие смерть. То был прекрасный бокал смерти.

* * *

Упрямца звали Амомфарет. Командуя шестистами такими же упрямцами, морой[1] из Питаны[2], он наотрез отказывался отступать, заявляя, что предпочтет умереть, но не опозорит доблестной славы предков и мужей, полегших в ущелье.

— Мы будем достойны памяти павших в Фермопилах!

Питанетов уговаривали. Сначала Павсаний и его помощник Еврианакт, возглавлявшие войско, а затем к спартиатам присоединился афинянин Аристид, муж доблестный и мудрый. Здравый смысл был на их стороне. Позиция, которую занимало эллинское войско, оказалась не слишком удобной. Парсийские всадники денно и нощно беспокоили сторожевые посты, осыпая эллинов каленными стрелами. Конные разъезды блокировали все дороги, совершенно перерезав сообщение. Так на днях бактрийцы захватили обоз с зерном, мясом и оливками, шедший из Мессении, лишив войско необходимого провианта. Но самое неприятное случилось накануне: по подсказке злокозненных бестян мидийская конница засыпала источник, снабжавший питьевой водой армию эллинов. Теперь для того, чтобы набрать воды, приходилось посылать воинов к Асопу. Пока одни наполняли амфоры, другие отбивали атаки быстрых всадников-массагетов. После каждой подобной вылазки эллины недосчитывались двух, а то и трех десятков воинов. Все это было в высшей степени неприятно, и военный совет решил, что войску надлежит отойти к храму Геры,

где были и вода, и защита от стрел, и дорога, по которой можно было подвезти продовольствие. Коринфяне и аркадяне уже выступили в путь, афиняне оставляли лагерь, и в этот миг питанеты вдруг заявили, что отказываются отступать. Это случилось вечером. Всю ночь Павсаний и Еврианакт уговаривали гордецов, взывая к их разуму. Амомфарет и его товарищи, отвечая, напоминали о славе и чести, и еще о законе, который запрещал спартиатам оставлять поле битвы иначе как победителями. Закончилось все это ссорой. Предводитель питанетов бросил под ноги Павсания камень, а тот обозвал Амомфарета исступленным безумцем и приказал начать отступление.

Солнце было уже на локоть от горизонта, когда спартиаты и афиняне вышли из лагеря. Питанеты с презрением смотрели на своих товарищей, что, пряча глаза, проходили мимо, оставляя врагу поле битвы. Однако, когда все эллины ушли, питанеты забеспокоились. Одно дело сдерживать парсов в узком ущелье, где каждый защитник стоит сотни врагов, другое — сражаться в чистом поле, имея дело со всадниками и превосходно стреляющими лучниками. Посовещавшись, питанеты решили последовать за войском. Гордость помешала им покинуть лагерь сразу. Они выждали какое-то время, прежде чем вышли на протоптанную тысячами ног тропу. Шедший во главе колонны Амомфарет нарочно замедлял шаг, словно не желая признаться себе, что отступает вместе с прочими. Питанеты достигли святилища Деметры, когда на них напали варвары...

Всегда было так — если врезаться конной лавой в ряды отступающего войска, оно неминуемо обращается в бегство. Так было всегда. Но на востоке, где сам факт отступления равносилен признанию поражения. Враг пятится и остается лишь добить его, бросив в погоню визжащих, пускающих стрелы всадников. Однако в этот раз парсы имели дело с эллинами, для которых ретирада была обычным маневром, нередко подготавливающим будущую победу.

Питанеты не побежали. Они быстро перестроились в фалангу и встретили первый наскок конницы. Всадники-массагеты вначале пытались расстроить шеренги спартиатов стрелами, затем атаковали с мечами и сагарисами. Однако стена копий остановила горячих степных витязей. Скакуны вставали на дыбы и сбрасывали всадников наземь. Не успевал варвар подняться, как в его защищенную лишь войлочным доспехом грудь вонзались меч или копье. Не ожидавшие подобного отпора кочевники обратились в бегство. На смену им спешили отряды бессмертных, парсийских и мидийских всадников, беспорядочные толпы пехотинцев.

Вся мидийская рать покинула лагерь и устремилась вдогонку за отступающими эллинами. Мидяне наступали в полном беспорядке, напрочь лишенные общего командования и четкого плана действий. Воинственный настрой придавал атаке варваров мощь,

но то была мощь волны, обрушивающейся на базальтовый утес. Одна-две неудачи, и подобная волна возвращается в морское лоно, испуганно замирая в глубине.

Павсаний — он не бросил питанетов на произвол судьбы и вместе с основными силами спартиатов поджидал их близ храма Деметры — понял это первым и решил принять бой. Послав гонца к афинянам, которые по его расчетам должны были находиться неподалеку, он велел спартиатам готовиться к битве. Пока жрецы приносили жертвы, три тысячи гоплитов-тегейцев пришли на помощь питанетам. Сообща отразив еще несколько конных атак, смельчаки присоединились к основным силам, которые выстраивались в фалангу на поросшем кустами холме прямо у святилища Деметры.

Вид, открывающийся отсюда, поражал своим грозным великолепием. Из-за высоких порыжелых холмов, окружавших русло Асопа, — казалось, из-под земли, — вырастали бесчисленные полчища варваров: облаченные в блестящие доспехи бессмертные, схватки с которыми опасались даже спартиаты, парсы и мидяне, несшие большие круглые щиты, вооруженные по эллинскому образцу лидийцы. Справа, напротив того места, где находились афиняне, мерно ступали фаланги бестян и фессалийцев. Меж неровных колонн пехоты скакали отряды всадников — бактрийцев, парсов, индийцев, мидийцев, массагетов, поднимая пыль неслись колесницы. Все это воинство расползалось по обе стороны горизонта, захлестывая оборонительные позиции эллинов.

Однако последним было не до созерцания этой военной стихии, они лихорадочно готовились к битве. Вскоре на холме выросла фаланга, правый фланг которой по традиции заняли спартиаты, левый образовали менее умелые в воинском деле периэки. Фронт фаланги достигал восьмисот оргий, глубина равнялась десяти рядам. Примыкая к периэкам стали отряды тегейцев, позади тяжеловооруженных воинов заняли позицию пельтасты, набранные из илотов. Это была великолепная рать, подобной которой Эллада еще не имела прежде, но Павсаний заметно нервничал. Врагов было слишком много, а кроме того, боги упорно отказывались принимать жертвы. Павсаний ждал. Он безмолвно наблюдал за тем, как на фалангу налетели ярко разодетые всадники, обрушившие акинаки на бронзовые щиты эллинов. Он молчал и тогда, когда вражеские отряды приблизились вплотную и, соорудив стену из плетеных ивовых щитов, принялись обстреливать гоплитов из луков. И он дождался. Подбежавший ирен сообщил, что прорицатель — фиванец Тисамен предвещает эллинам победу. Выхватив из ножен блестящий меч, Павсаний вышел вперед и повел гоплитов в атаку. Великая битва началась.

* * *

— Они трусят! — в упоении твердил Мардоний, наблюдая за тем, как красный ливень стрел обрушивается на неподвижную фалангу. — Они трусят!

Верно он и вправду верил в это, но в душе уже пробуждался скользкий червячок сомнения. Трусы не стоят бесстрастно под смертельной остроконечной лавиной и не смыкают в безмолвии рядов, заполняя пробитые бреши. Нет, эллины не бездействовали, заполнив сердца робостью, они готовились к прыжку. Точно так собиралась в спираль бронзоволатная стена тогда в ущелье, чтобы через мгновение броситься вперед и смять уверовавших в свою победу врагов. Но Мардоний не боялся этого прыжка. В том сражении парсы не могли реализовать всю свою мощь: почти бездействовала конница, не имели возможности развернуться лучники, воеводы были не в состоянии воспользоваться численным перевесом своих воинов. Сегодня же Ахурамазда позволял парсам использовать все их преимущества. Едва лучники опустошат свои сагайдаки, как в атаку двинутся бессмертные. Тяжелая поступь их подкованных медью сапог сотрясет холм, а острые копья проделают бреши в фаланге. Затем в эти бреши ударят бактрийцы. У них не будет более необходимости осаживать горячащихся коней, и они разорвут шеренги эллинов в мелкие клочья. Алчущие крови парсы и массагеты сбросят врагов с холма. А в довершение им ударит в спину Артабаз с полками мидийцев, фригийцев и каласириев. И тогда Эллада падет к ногам Мардония. Вельможа поднял руку, готовясь отдать приказ начать атаку, но в это время фаланга шагнула вперед, сотрясая воздух звоном щитов.

Первой мыслью Мардония было двинуть своих воинов навстречу шеренгам гоплитов и попытаться, воспользовавшись тем, что, начав движение, спартиаты нарушили строй, разорвать фалангу на части. Однако после краткого раздумья парсийский вельможа отказался от подобного замысла. Враги были слишком свежи. Надлежало сначала измотать их, а уж потом наносить завершающий удар. Поэтому мидяне встретили эллинских гоплитов за стеною из ивовых щитов.

Прошло несколько томительных мгновений, в ходе которых лучники непрерывно пускали стрелы, и вот уже возле стены закипел кровавый бой. Эллины ломали щиты, пробивали их насквозь копьями, рубили мечами. Бессмертные поначалу отражали их натиск, затем, не устояв, чуть подались назад, но продолжали оказывать отчаянное сопротивление. Уступая спартиатам в выучке, они надеялись более на отвагу и яростный порыв. Волна за волной накатывались на стройные шеренги и, разбиваясь о них, отбегали прочь, чтобы через мгновение снова устремиться вперед. Парсы жаждали расплаты за Ферпомилы и Саламин. Боги — свидетели, они сражались не хуже своих врагов. Они бились мечами и топорами, переламывали эллинские копья рука-

ми, бросались грудью на вражескую бронзу, рассчитывая ценой собственной жизни помочь друзьям прорвать монолитную стену. Но все было тщетно.

Выработанное многими годами тренировок воинское умение брало верх над отвагой и жертвенностью. Спартиаты истребляли врагов словно на тренировке, кладя себе под ноги ковер из окровавленных трупов. Лишь кое-где, особенно на левом фланге, парсам удалось навязать равный бой. Здесь бился Мардоний с отборной тысячей телохранителей, выучкой не уступавших спартиатам и значительно превосходящих стоящих против них периэков. Здесь фаланга изогнулась, образуя опасные трещины, в которые то и дело врывались размахивающие кривыми мечами парсийские всадники. Павсаний вовремя оценил грозящую фаланге опасность. Перестроив своих воинов, он бросил на помощь уставшим периэкам мору под командованием Аримнеста. Спартиаты рассекли строй мидийцев и обрушились на отряд Мардония с фланга.

Мидийский военачальник, равно как и половина его отряда, бился конно. Восседая на громадном белом нисейском жеребце, он обрушивал свой меч на головы эллинов с такой силой, что разрубал их до самых плеч, мешая мозг с осколками бронзы. Немало воинов полегло от руки парсийского богатыря, и редко кто из эллинов отважился уже подступиться к нему. Тогда это сделал сам Аримнест, муж бывалый и искушенный в битвах. Отбросив копье, которое, как посчитал спартиат, делало схватку неравной, он напал на парса с мечом в руке. Клинки скрестились, со звоном отпрыгнули в разные стороны и устремились друг к другу вновь. Удары Мардония были сильнее, ведь он наносил их сверху, зато спартиату было сподручно поразить противника в живот или в незащищенное броней бедро. Что и случилось. Уловив момент, Аримнест парировал щитом удар Мардония и тут же вонзил свой ксифос в левое бедро парса. Мардоний вскрикнул от боли и ярости, но даже не подумал о том, чтобы выйти из боя. Он обрушил на лакедемонянина несколько ударов, столь могучих, что окованный бронзой щит не выдержал и развалился надвое. Ошеломленный подобным натиском Аримнест попятился, споткнулся и упал. Мардоний направил своего коня на спартиата, полагая, что тот немедленно вскочит с земли и тогда парс добьет его ударом в голову. Однако судьба распорядилась иначе. Должно быть, боги здорово помогали Аримнесту в этот день, потому что падая он внезапно ощутил под рукой оброненное кем-то копье. Не мешкая ни мгновения спартиат выставил его навстречу всаднику. Великолепный скакун Мардония со всего маху напоролся на острие, и, взвившись на дыбы, рухнул, подминая под себя седока. Аримнест не замедлил воспользоваться этим. Не успел Мардоний подняться, как спартиат оказался рядом и поразил вельможу двумя ударами в голову. Однако парс был еще жив. Шатаясь, с лицом залитым кровью, он вернул лакедомонянину один удар, рассеча ему левую руку, и лишь потом упал навзничь, судорожно

хватаясь за пронзивший его грудь меч. И последней мыслью Мардония было: «Почему не подходит Артабаз?!»

Так умер Мардоний. Едва среди воинов разнеслось известие о его смерти, как началась паника. Большая часть варваров прекратила бой и бросилась бежать. Сражались лишь телохранители Мардония, бессмертные, да массагеты. Но они не смогли сдержать натиск победоносной фаланги. Как только гоплиты смяли их, бегство стало всеобщим. Битва была проиграна, началась агония.

* * *

Афинянам в этот день пришлось также несладко. Если тринадцать тысяч спартиатов, периэков и тегейцев, возглавляемые Павсанием, приняли на себя удар основных сил варваров, то на долю восьмисот афинян во главе с Аристидом пришлись эллины, союзники мидян — бестийцы, малийцы, фессалийцы, а также фокийцы из числа переметнувшихся на сторону Ксеркса. Их было много больше, чем афинян, и дрались они упорно. Особенно отчаянно сражались фиванцы, понимавшие, что в случае поражения их ожидает жестокая расплата. Среди них был и бестарх Леонтиад, чье лицо обезображивало багровое клеймо раба. Великолепно вооруженные, прекрасно обученные, фиванские гоплиты теснили фалангу афинян до тех пор, пока не прижали ее к густым колючим зарослям дикого шиповника. И быть бы афинянам разбитым и плененным, да пришло в этот миг известие о гибели Мардония и о бегстве великого войска. Услышав об этом, фессалийцы, фокидцы и малийцы прекратили битву и устремились к струящемуся неподалеку Асопу, оставив фиванцев один на один с афинянами и подоспевшими к ним на помощь эгинцами. Силы врагов удвоились, и теперь на каждого фиванца приходилось по четыре неприятельских воина. Однако потомки Кадма бились подобно львам. Вот если бы такая же отвага кипела в их сердцах в славные дни Фермопил! Но тогда был не их день, их день наступил сегодня. Поражая наседающих врагов копьями и мечами, фиванцы пятились назад и один за другим падали на землю. Вот их осталось сто, пятьдесят, всего десять. И первым среди десяти бился Леонтиад. Окровавленный меч беотарха сразил очередного афинянина с изнеженным и порочным лицом. Тот рухнул, схватившись руками за разрубленный живот. Гоплит, бившийся рядом с погибшим, издал страшный крик и бросился на фиванца. Он ударил Леонтиада копьем в незащищенный щитом правый бок и, выпустив древко, зачем-то схватил беотарха руками. Леонтиад воспользовался этим и последним, уже конвульсивным движением поразил врага в горло. Они умерли мгновенно, сжимая друг друга в оцепенелых объятиях — Леонтиад, беотарх из Фив, и Лиофар, афинский горшечник.

Триста гоплитов, вся фиванская дружина, полегли на поле битвы.

Триста, они уничтожили более полусотни афинян, пятьдесят тысяч парсов смогли умертвить лишь сотню пелопоннесцев.

Триста, они подняли свой меч против родины и потому им не воздвигли памятника, а память о них осталась лишь в сухих строках логографов[1].

Их было тоже триста.

* * *

— Славно бегут, — тихо, чтобы не слышал Артабаз, прошептала Таллия. Нежные, словно лепестки роз, губы шевельнулись в едва заметной улыбке.

Девушка и вельможа стояли на краю обрывистого склона стадиях в пяти от парсийского лагеря и наблюдали за тем, что происходит на равнине под ними. Позади, держа на поводу лошадей, расположились десять телохранителей-секироносцев, а за ближайшим, поросшим колючим кустарнико, холмом прятались полки фригийцев, мидийцев и пять тысяч вооруженных узкими мечами каласириев.

— Хорошо бегут! — сказала Таллия во весь голос и с усмешкой взглянула на Артабаза. Тот был мрачен. Собрав на лбу жесткие складки, он молча наблюдал за тем, как бегущие в полном беспорядке парсы переходят через обмелевший Асоп и ищут убежища в лагере. Они еще могли спастись, если бы с оружием в руках стали на вал и преградили путь преследующим их врагам. Предвидя возможные неприятности, Мардоний позаботился о том, чтобы превратить свой стан в отлично укрепленную крепость. Ров, трехметровый вал и частокол из заостренных кольев служили серьезной преградой для любого врага. Но парсы уже не были воинами, способными сражаться и побеждать. Начисто лишившиеся мужества, они думали лишь о бегстве. Хлеща плетьми взмыленных лошадей, мчались всадники, растерявшие свою кичливость и былой лоск. Халаты их были изодраны, доспехи иссечены, многие потеряли щиты и шлемы. Здесь же, словно бесчисленные полчища муравьев, бежали пешие воины, ради облегчения ног бросавшие щиты, мечи и даже доспехи. Они уже не были войском, а лишь трусливым сбродом, а через несколько мгновений им предстояло умереть или стать рабами эллинов, которые блестящим потоком спускались с холмов и устремлялись вслед за бегущими.

Здесь были все: и те, кто доблестным натиском опрокинули неприятеля, и те, кто уйдя слишком далеко, не успели принять участия в битве и теперь стремились наверстать упущенное, покрыть себя славой и набить карманы золотом. Прямо напротив лагеря к реке спускались спартиаты и тегейцы. Они двигались быстрым шагом, но ухитрялись сохранить строй фаланги. Перед гоплитами, обгоняя их примерно на стадий, бежали густые толпы пельтастов. Полные сил легковооруженные воины настигали задыхающихся от усталости парсов и безжалостно истребляли их,

тут же обирая окровавленные трупы. Справа и чуть позади пелопоннесцев наступали афиняне и эгинцы, слева, по склонам Киферона, коринфяне. Эллинские полки окружали лагерь со всех сторон, загоняя варваров в ими же созданную ловушку.

Все было потеряно.

Хотя нет, не все. Еще можно было спасти положение. Бегущим лишь требовалось иметь хоть каплю мужества, и уверовавшие в победу эллины обрели бы смерть. Как это случилось с мегарцами и флиунтцами, попавшими под удар внезапно развернувшейся бестийской конницы. Но мужества уже не было.

Еще можно было повернуть ход битвы, если ударить во фланг наступающего эллинского войска всеми полками, которые были у Артабаза. Это позволило бы беглецам в лагере опомниться и организовать оборону. Но стоя рядом с самой прекрасной в мире женщиной, поглотившей весь его рассудок, Артабаз не осмеливался отдать подобный приказ. Ему оставалось лишь стоять и смотреть за тем, как эллины довершают разгром великой армии.

Фаланга спартиатов переправились через реку и, сотрясая землю дружным шагом, начала взбираться на холм. Вот лакедемоняне достигли лагеря. Разгоряченные погоней воины полезли на тын. Однако опытные в бою в чистом поле, спартиаты не умели штурмовать укрепления. Стоявшие на валу парсы остановили их. Завязался отчаянный бой. Лакедемоняне лезли наверх и падали, сраженные стрелами и копьями. Земля перед тыном покрылась бронзовыми пятнами. Особенно велики были потери среди илотов, оказавшихся зажатыми между валом и фалангой. Избиение продолжалось лишь несколько мгновений, но погибло не менее полутысячи воинов, сраженных защищавшими вал мидийскими лучниками. Прочие разбежались в разные стороны. Нет, еще не все было потеряно! Артабаз нерешительно повернулся к телохранителям, словно рассчитывая обрести их поддержку. В голове вельможи мелькнула шальная мысль приказать им расправиться с околдовавшей его женщиной, после чего бросить свои полки на помощь запертым в лагере воинам. Словно уловив настроение парса, Таллия обернулась и внимательно посмотрела ему в глаза. Ее небесно-голубые зрачки завораживали подобно взгляду кобры. Артабаз почувствовал, что его пробудившаяся было решимость куда-то улетучивается. Руки, яростно хватавшиеся за эфес меча, бессильно обвисли, ноги стали ватными. Ему даже пришлось схватиться за ствол дерева, чтобы не упасть. Девушка жестко усмехнулась.

— Даже не думай! Если не хочешь, чтобы тебя постигла участь тех. — Таллия кивнула в сторону мечущихся по лагерю мидян. — Лучше наслаждаться подобным зрелищем, чем быть его участником.

Сказав это, ионянка вновь устремила взгляд на равнину, где начиналась заключительная фаза трагедии. На помощь замешкавшимся у частокола спартиатам пришли афиняне, эгинцы и

платейцы — великие мастера по части взятия различных укреплений. Под прикрытием лучников они в мгновение ока взломали деревянную стену и проникли внутрь лагеря. Следом за ними устремились спартиаты, тегейцы и кориняне. Дальнейшее было неинтересно, и Таллия направилась к лошадям.

— Убираемся отсюда. Иначе эллины могут ненароком прихватить и нас.

Артабаз не осмелился спорить. Став на колено, он помог девушке забраться в седло, затем вспрыгнул на коня сам. Всадники опустились с холма и оказались в лощине, покрытой сочной травой. Лошади замедлили шаг, не без труда рассекая поросль, доходившую им до груди. Таллия молчала, о чем-то раздумывая. Так, в полном безмолвии они достигли холма, за которым стояли полки. Здесь Таллия коснулась рукой плеча скачущего рядом с ней вельможи. Тот придержал коня.

— Отпусти людей, — велела ионянка, загадочно улыбаясь. — Я хочу поговорить с тобой.

И Артабаз, полагавший, что в подобное мгновенье он не сможет думать ни о каких любовных утехах, вдруг ощутил жгучее желание. Жестом руки он отпустил телохранителей и спешился. Таллия также сошла со своей каурой кобылы. Сладко потянувшись, девушка села на траву. Артабаз немедленно устроился рядом и прикоснулся к скрытому полупрозрачной кисеей животу. Таллия рассмеялась, словно рассыпала тихие звонкие колокольчики. Глаза ее по-кошачьи блеснули.

— Я хочу тебя! — хрипло выдавил вельможа и повалил девушку на спину. Он забыл обо всем на свете: о поражении великого войска, о своем предательстве, о каре, что ожидает его по возвращению в Парсу. Он думал лишь об одном — как овладеть этой самой желанной в мире женщиной. Таллия ответила на его страстный поцелуй и не оттолкнула подрагивающие от возбуждения руки, когда они, раздвинув легкую ткань, принялись ласкать ее тело.

— Из тебя мог бы выйти великолепный любовник! — шепнула она, прикусывая острыми зубками мочку уха парса. — Как жаль, что меня ждут на Альтаире.

Указательный палец девушки с силой ткнул в заветную точку за ухом вельможи. Тот вскрикнул и обмяк. Сбросив с себя неподвижное тело, Таллия поднялась и отряхнула одежду. Немного подумав, она склонилась над Артабазом и для верности ударила парса ребром ладони по шее. Затем она взошла на холм и исчезла.

Ее и впрямь ждали на Альтаире.

Неподалеку эллины добивали парсийское войско и грабили шатры вельмож. Золота попало в их руки столько, что оно упало до цены меди.

Лишившийся своего командира корпус Артабаза стремительно бежал на восток. Минует месяц — и жалкие остатки его высадятся на побережье Азии.

В поросшей буйной травой лощине лежал мертвый человек, облаченный в доспехи, сверкающие золотом. Он лежал на спине, раскинув в стороны руки, словно желая схватить ускользающую мечту.

Рядом резвились и предавались ласкам вороной жеребец и грациозная каурая кобыла. Им не было никакого дела ни до войны, ни до золота, ни до человека, лежащего неподалеку. Им не было дела до его мечты и они ничего не ведали об Альтаире. Их грело солнце и тихий ветерок ласкал шелковистые упругие бока. Кони спешили насладиться любовью. Ведь шла осень, кони чувствовали ее холодное дыхание.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Спустя пятнадцать лет. Сарды

На лето царь перебирался в Сарды, поближе к морю; здесь было прохладней, чем в наполненных степным зноем теснинах Парсиды. Вместе с царем отправлялись двор, гвардия, чиновники, маги, столичная знать, купцы, ростовщики, проститутки, воры, жулики и нищие. Вся эта разношерстная публика заполняла лидийскую столицу, приводя горожан в ужас.

Ксеркс останавливался в царском дворце, построенном еще Крезом и переделанным Киром. Он был менее роскошен, чем громадный дворцовый комплекс в Парсе, но отличался уютом, которого последнему не доставало. Небольшие светлые помещения были заполнены мягкими коврами, драгоценными безделушками и удобной мебелью. Всюду журчали фонтаны, за стенами дворцовых построек колыхалось море зелени — пальмы, серебристые тополя, привезенные из Ливана кедры, жимолость, акация. Прежде здесь было много цветов, но Ксеркс повелел вырвать их и засеять клумбы травой. Зеленый цвет успокаивал повелителя, яркие краски соцветий раздражали.

С неделю после приезда двор обустраивался, затем все становилось на свои места. Чиновники занимали канцелярии, бессмертные — казармы близ дворца, жены и наложницы — отведенные им покои на женской половине. И жизнь вступала в обычное русло. Выработанный за многие годы распорядок не менялся ни на йоту. Проснувшись, царь делал утренний туалет, обильно завтракал. Затем наступал черед хазарапата, который докладывал повелителю о случившихся за последние дни событиях. После Ксеркс беседовал с сыновьями, женою, матерью или развлекался, наблюдая за скачками и состязаниями лучников. Следовал час обеда, по истечении которого царь предавался отдыху. После краткого сна он вновь принимал хазарапата, который приносил на подпись государственные бумаги. То было занятие, особенно нелюбимое Ксерксом. На смену хазарапату являлся старший евнух, докладывавший, как обстоят дела в гареме. Ксеркс называл ему имя женщины, какая должна была прийти к нему предстоящей ночью. Затем подходило время долгого и обильного ужина, когда за длинным столом усаживались многочисленные родственники, эвергеты и иноземные гости. Устав от еды, возлияний и славословий царь отправлялся в опочивальню, где засыпал в объятиях очередной наложницы. Он спал без снов. А утром вновь звенел звонок, возвещая о том, что повелитель Парсы проснулся. И так изо дня в день, почти без каких-либо изменений.

Менялись лишь люди, окружавшие царя. Но и это происходило крайне редко. Уже много лет Ксеркс видел перед собой одни и те же лица — Гаубаруву, сменившего Артабана на посту хазара-

пата, начальника первой тысячи Дитрава, начальника бессмертных Гидарна, любимого брата Гистаспа, сыновей Дария и Артаксеркса, сильно постаревшего Кобоса, ревнивую и коварную Аместриду. Казалось, время застыло и все это будет тянуться нескончаемо...

Царь открыл глаза, и тут же тоненько тренькнул колокольчик. Вбежали слуги. Один из них поставил на низенький столик серебряный таз, другой налил в него чуть подогретой родниковой воды, третий встал рядом, держа на вытянутых перед собой руках шерстяной рушник. Бормоча вполголоса молитву Ахурамазде, Митре и Ардвисуре[1], Ксеркс омыл лицо, жирные плечи и покрытую блеклыми старческими пятнами грудь. При этом он строго следил, чтобы вода, стекающая с его тела, попадала точно в таз. Досуха вытерев кожу, царь велел слугам убираться. Те поспешно ушли. Тогда из-под покрывала, комком лежащего на ложе, несмело выглянула молоденькая девушка, наложница-финикиянка. Она пряталась все то время, пока повелитель совершал свой утренний туалет. Девушка не была стыдливой, просто обычаи требовали, чтобы посторонние не видели лица царской жены или наложницы. Несколько мгновений живые черные глазки рассматривали обрюзгшую фигуру Ксеркса и убранство опочивальни, затем вновь исчезли за шелковой бахромой. И вовремя. Вошли слуги, облачавшие повелителя. Должность Облачателя была весьма доходной и почетной. Все ношеные царские одежды, если они не предназначались на подарки приближенным, становились собственностью этих слуг, которые их с немалой выгодой продавали. Чтобы войти в число двенадцати Облачателей, требовалось иметь влиятельных покровителей.

Работали Облачатели быстро и умело. Вскоре Ксеркс был одет и причесан, на лицо наложили легкий грим, который должен был скрыть серый цвет кожи и глубокие морщины, прорезавшие жирные щеки и лоб. После этого царь неторопливо проследовал в пиршественную залу, где уже был накрыт стол. Завтракал владыка Парсы в одиночестве, если не считать Вкусителя яств, человека, пробовавшего пищу перед тем, как ее клали на блюдо повелителя. Когда-то эту работу исполняли собаки Ахурамазды, но в последнее время развелось немало умников, пользующихся диковинными индийскими ядами. Собака, проглотив такую отраву, оставалась совершенно здоровой, человек моментально умирал. Потому-то Ксеркс и вынужден был заменить собаку на человека.

Внимательно следя за реакцией Вкусителя, с удовольствием пожирающего изысканную пищу, царь поел, выпил чашу ионийского вина и, сыто рыгнув, покинул стол. Ему следовало поблагодарить Ахурамазду, пославшего хлеб и воду, но Ксеркс, как правило, пренебрегал этой молитвой. Времена изменились. С тех пор как не стало Заратустры, маги потеряли былую силу.

Тяжело выдыхая воздух, царь последовал в приемную, где

ждал Гаубаруза. Когда таинственно исчез Артабан, Ксеркс недолго думал над тем, кого назначить новым хазарапатом. Этой должности добивались многие, но царь остановил свой выбор на неприметном и преданном Гаубаруве. И не ошибся. Гаубарува послушно исполнял все повеления владыки и ни разу не попытался навязать ему свою волю. Впервые с того дня, как занял трон, Ксеркс почувствовал себя полновластным правителем Парсы. Все решения теперь принимал он, а хазарапат лишь покорно доводил до сведения подданных повеления владыки.

Не обращая внимания на низкий, до самого пола поклон, царь уселся в золоченое кресло и буркнул:

— Ну, что там у тебя?

Гаубарува льстиво улыбнулся, высунул руки из широких рукавов кандия, развернул скатанный в трубку папирус и начал читать.

— Из Вавилона докладывают, что урожай фиников в этом году будет отменный. Я полагаю, стоит увеличить размер царской подати.

— Распорядись, — велел Ксеркс. — Дальше.

— В Кемте, наоборот, из-за дурного разлива Нила ожидается недород. Может быть, стоит снизить количество царского зерна?

— А чем я буду кормить воинов? Финиками? Не нужно! Пусть выкручиваются сами. Дальше!

— Сатрап Бактрии доносит, что отправил в дар великому царю три табуна лучших лошадей.

— Изъяви ему мою благодарность и отошли три золотых кубка.

Гаубарува воздел руки вверх, славя щедрость своего повелителя.

— Слушаюсь. Финикийские купцы жалуются на новые бесчинства эллинов...

Ксеркс яростно засопел. В последние годы не все гладко было в Парсийской державе. Поражения при Саламине, Платеях и Микале[1] потрясли военную мощь империи. Парсы более не могли тягаться с обретшими силу эллинами, чьи флот и войско вели планомерное наступление на прибрежные владения государства. За полтора десятилетия при помощи лицемерных афинян скинули власть царя Самом, Хиос, Лесбос, Фасос, Родос и прочие острова Эгейского моря, а также ионические города побережья во главе с Милетом, Эфесом, Фокеей и Галикарнасом. Они освободились от парсийской дани лишь ради того, чтобы тут же отдать свое золото афинянам. За это они отныне именовались союзниками великих Афин, но, право, уже многие ионяне с затаенной тоской вспоминали славные времена владычества Парсы, чьи сатрапы и сборщики налогов были куда более милостивы, чем афинские стратеги и казначеи. Получив в свое распоряжение громадные денежные ресурсы, союзный флот и войско, афиняне принялись захватывать прочие приморские владения

империи. Были потеряны фракийские города, Сест и Византий. Эллины овладели проливами и угрожали походом на Сарды.

Ксеркс не бездействовал. Он изо всех сил пытался остановить безудержную экспансию афинян и вернуть себе господство на море и суше. Напрягая ресурсы державы, парсам удалось собрать огромное войско и сильный флот. Однако афиняне под командованием Кимона наголову разгромили мидийскую армаду, уничтожив сначала флот, запертый в устье Эвримедонта, затем сухопутную армию, а в довершение и шедшую на помощь финикийскую эскадру. Это случилось всего три луны назад. После такой ужасной катастрофы от империи отпали последние ионийские города, до того сохранявшие верность.

Чувствуя ослабление центральной власти, подняла голову провинциальная знать. Происходили волнения в Арахозии и Согдиане, неспокойно было в Кемте, где мутили воду жрецы, недовольные введенными Парсой экстренными налогами. Бактрийцы и массагеты до сих пор не могли простить царю коварное убийство Масиста.

Империя трещала, содрогаясь от восстаний, войн и природных катаклизмов. Каждый день приходили безрадостные вести, а Ксеркс был не в силах предпринять что-либо для предотвращения надвигающейся катастрофы. Владыка огромной державы был обречен бессильно следить за тем, как обстоятельства и злая воля богов губят его царство. От него требовали чуда, но он не мог творить чудес. Чего можно ожидать от старого, неуклюжего, бесхарактерного человека, когда бессильны маги и самые лучшие полководцы. Оставалось лишь грозно хмурить брови и сопеть, узнавая о новых кознях врагов.

— Что опять натворили эти богомерзкие язычники? — прорычал Ксеркс.

— Они стоят у Крита и грабят проходящие мимо суда.

— Так пусть финикияне сами накажут их! Или они не в силах справиться с десятком морских разбойников?

Гаубарува состроил неопределенное выражение, означавшее нечто вроде — ну не знаю. Затем он куснул ноготь и вымолвил:

— Но повелитель знает, что их эскадры пущены на дно. А кроме того, если они нападут на этих эллинов, к Криту заявится весь афинский флот.

Ксеркс понуро кивнул. Это ему было известно. И все это было ужасно унизительно. Вот то ли дело раньше, когда под его левой рукой был громадный флот, а правая руководила гигантской, из сорока шести народностей собранной армией. И когда рядом были Артабан, Мардоний, Гиперанф, злоязыкий Заратустра, водивший дружбу с демонами. То были неспокойные, но великие времена. Теперь пришла позорная старость.

Сложив руки на объемистом животе, царь исподлобья взглянул на Гаубаруву. Тот уловил настроение повелителя и настороженно замолк. Ксеркс вздохнул.

— Ну что же ты? Читай дальше.

Прочие известия были еще безрадостней. В Гедросии приключился мор. Следовало ожидать, что зараза того и гляди доползет до Парсы. Милетяне вновь предприняли дерзкую вылазку в лидийские земли, сожгли несколько селений и захватили добычу. В Армению вторглись кочевники-скифы, для борьбы с которыми требовалось послать по крайней мере десятитысячный корпус, какого у Ксеркса не было. Зачитав все, что было написано на папирусе, хазарапат добавил еще одно известие на словах.

— Мои соглядатаи доносят, что при дворе великого царя поселилась измена.

— Что?! — Ксеркс даже привстал от неожиданности. — Заговор?!

— Ну, пока еще до этого дело не дошло, но многие близкие повелителю люди высказывают недовольство тем, как он управляет государством, и шепчутся о необходимости перемен.

Царь в волнении рванул висевшую на шее золотую цепь. От ярости шейные мускулы набухли, цепь врезалась в них, словно пытаясь удавить Ксеркса.

— Кто это?!

— Я не осмеливаюсь.

— Говори!

— Подобные слова слышали от начальника бессмертных.

— Гидарн?

— Точно так, великий царь.

— Кто еще?

— О том же говорят Артафрен и Мегабиз, а также... — Гаубарува изобразил легкое замешательство и, словно решившись, быстро проговорил:

— Сиятельная Аместрида.

Ксеркс зашипел, с усилием выталкивая из груди застрявший там воздух.

— Свинья! Грязная свинья! Я отрежу им языки!

— Будь осторожней, повелитель. Если ты обрушишь на них свой гнев, не предоставив доказательств вины, знать будет очень недовольна.

— А плевал я... — Ксеркс не договорил и умолк. — Ну ладно. Так дай мне эти доказательства.

— Я постараюсь.

— И побыстрее! А теперь призови ко мне моих сыновей и Гистаспа. А затем повели прийти Гидарну, Артафрену и Мегабизу. И еще пошли за этой жирной свиньей. Я хочу поговорить с ней перед тем, как увижу своих сыновей. Ступай!

Поклонившись до земли, Гаубарува вышел. Едва за ним прикрылась дверь, царь огляделся и принялся массировать левую грудь, успокаивая заколовшее сердце. В последнее время он нередко делал это, тщательно скрывая свою болезнь от посторонних глаз. Вот и сейчас Ксеркс полагал, что его никто не

видит. Однако он ошибался. Сквозь тонкую щель в стене за повелителем Парсы наблюдали два человека. Они внимательно вглядывались в раскрасневшееся лицо царя, прислушивались к его сиплому дыханию. Диагноз был единодушен.

— Он не жилец, — сказал вельможа, чью шею украшала массивная золотая цепь с изумрудами, точная копия той, что была на Ксерксе.

— Но он нам еще пригодится, — ответил второй, кладя трехпалую руку на серебряный эфес меча.

— Да, он нам пригодится...

* * *

Ксеркс рассматривал свою жену и поражался. Как же он много лет назад мог влюбиться в эту женщину — толстую, с отвратительно-явственными усиками под угрястым носом и тяжелым запахом изо рта. Правда, в те времена Аместрида была стройной, лицо ее было свежо, словно весенняя трава, а талию можно было обхватить пальцами. Но минули годы, и теперь жена вызывала у царя лишь отвращение.

Вздохнув, Ксеркс принял грозный вид и сказал:

— Я призвал тебя к нам, чтобы выразить наше недовольство.

Аместрида округлила глаза.

— Чем я прогневила великого царя и любимого мужа?

Царь сурово взглянул на супругу.

— До нас дошли слухи, что ты высказываешь недовольство нашим правлением.

— Бессовестная клевета, великий царь! Всюду враги и завистники, готовые пойти на все, лишь бы погубить меня! — Изо рта Аместриды летели брызги, жирные груди колыхали легкую ткань. — Всюду враги, повелитель! Но я предана тебе! Я верна тебе! Верь мне!

Нет ничего хуже визжащей женщины. Зажав уши ладонями, Ксеркс тщетно пытался спасти себя от сверлящих мозг звуков.

— Замолчи!

Аместрида испуганно затихла. Ксеркс одарил супругу косым взглядом. Ее коварство было известно всем. В этом она была точной копией Артозостры, матери Ксеркса, некогда не погнушавшейся никакими средствами, чтобы возвести на престол своего сына, а теперь доживавшей свой век под присмотром людей хазарапата. Аместрида наверняка лгала. Был лишь один способ заставить ее признаться. Палачи-арии развязывали языки даже мертвым. Но истязать собственную жену! Царь не мог позволить себе подобного.

Потому Ксеркс решил сделать вид, что удовлетворен объяснениями Аместриды. А что, скажите, еще ему осталось делать?

— Я верю тебе, благочестивая наша супруга. Возвращайся к себе и вознеси пять очистительных молитв Ахурамазде.

Прикрыв лицо так, что осталась лишь узкая щелочка для

глаз, Аместрида оставила царскую приемную. Однако царь пребывал в одиночестве недолго. Вскоре двери вновь отворились и вошли царевичи, а также царский брат Гистасп. Этот Гистасп был самым близким Ксерксу человеком. Царь любил его куда больше, чем сыновей — сильного и прямодушного Дария и хитрого, вечно ластящегося к отцу Артаксеркса. Даже подарки, которые он делал брату, были дороже подарков, предназначенных сыновьям или жене. Ксеркс заводил себе роскошного белого жеребца, точно такого же ставили в конюшню Гистаспа. В царский гарем поступали новые девушки, одна или две тут же препровождались в покои царского брата. Дворцовый ювелир, получая заказ, делал украшение в двух экземплярах, зная, что одно будет носить царь, а другое будет подарено Гистаспу.

— Здравствуй, дорогой брат, — промолвил царь, ласково взирая на Гистаспа. Тот склонил голову. — Здравствуйте, Дарий и Артаксеркс. — Сыновья отвесили земной поклон. — Садитесь.

Ксеркс указал холеной, унизанной перстнями рукой на три стоящих слева от трона кресла. Сыновья повиновались, Гистасп остался на ногах.

— Что-то случилось, повелитель? — с тревогой в голосе осведомился он.

— Пока нет. Мы желаем, чтобы вы были свидетелями нашего разговора с Гидарном и его подпевалами.

— А чем они провинились? — спросил Артаксеркс, юноша возрастом и недалеким умом.

Сурово взглянув на сына, царь не удостоил его ответа. Вместо этого он вновь обратился к Гистаспу.

— Садись, дорогой Гистасп. — Вельможа на этот раз послушался. — Как твое здоровье?

— Благодарю великого царя. Хвала Ахурамазде, я здоров, словно бык.

— Это радует нас.

— А как здоровье великого царя?

— Лучше я не чувствовал себя никогда.

Гистасп улыбнулся, выражая радость.

Раздался стук в дверь, одна из ее створок приотворилась и вошел Кобос. Как и царь, старший евнух здорово сдал за эти годы, однако по-прежнему заведовал гаремом, пользуясь доверием повелителя.

Ксеркс вопросительно взглянул на евнуха, тот отвесил поклон и провозгласил:

— Сиятельные Гидарн, Артафрен и Мегабиз ждут повеления великого царя.

— Прикажи им войти.

— Слушаюсь.

За долгие годы дворцовой службы Кобос великолепно научился разбираться в интонациях своего повелителя, потому опальные вельможи вошли в приемную залу не одни, а в сопрово-

ждении четырех евнухов, в чьих руках грозно блестели мечи. Довольный проницательностью Кобоса, царь усмехнулся.

— Оставьте нас и ждите по ту сторону двери, — велел он стражникам.

Поклонившись, евнухи один за другим выскользнули из залы. Вельможи быстро переглянулись, затем шагнули вперед и распростерлись ниц. Они лежали на холодном полу, ожидая повеления подняться. Ксеркс не спешил. Он вдоволь насладился унижением честолюбцев, и лишь затем промолвил:

— Встаньте.

Вельможи с трудом, не прибегая к помощи рук, поднялись. Руки они держали спрятанными в широких рукавах кандия, что должно было выражать покорность. Ксеркс полюбовался на грязные разводы, испятнавшие драгоценные одежды сановников, оправил рукой рыжую бороду.

— Говорите! — повелел он.

Вельможи вновь обменялись быстрыми взглядами.

— О чем, государь? — спросил Гидарн, самый дерзкий из троих, уже давно не скрывавший своего недовольства происходящим в Парсе.

— Вам лучше знать.

— Но, царь, мы право ничего не знаем! — протянул Мегабиз, переминаясь с ноги на ногу.

— Хорошо, мы подскажем вам. Нам донесли, что вы выражаете недовольство нашими повелениями и составляете заговор против нас.

— Заговор?! — в один голос воскликнули Артафрен и Мегабиз.

— Нет, великий государь! — добавляя, закричал Артафрен.

— Нас оклеветали! — вторил Мегабиз.

— Докажите.

Артафрен и Мегабиз замялись. Лишь Гидарн был спокоен.

— Если великий царь позволит...

— Великий царь желает этого!

Гидарн поклонился.

— Повелителю известно, что у каждого вельможи есть враги и злопыхатели. Особенно, если этот вельможа занимает видный пост. А значит, их много и у нас. Главное орудие недоброжелателя — клевета. Как расчистить путь к заветной должности? Оболгать, извратить услышанное, переиначить смысл поступка, слова, жеста.

— Все это так, — перебил Гидарна царь. — Я не хуже тебя разбираюсь в дворцовых интригах. Но не будешь же ты утверждать, что Гаубарува, который сообщил мне о ваших речах, метит на твой пост!

— О, конечно, нет! Гаубарува очень почтенный и уважаемый мною вельможа. Но ведь он не слышал этих, якобы имевших место, разговоров лично, а передает их со слов других. А кто

мешает поручиться, что эти другие не лелеют мечты занять пост начальника гвардии или, скажем, посольской канцелярии? — Ксеркс задумался и немного погодя кивнул головой, соглашаясь с подобным предположением. Гидарн с воодушевлением продолжил. — Я, как и эти достойные вельможи, верный слуга великого царя, готовый пожертвовать ради него собственной жизнью. Царь может не верить словам, но пусть прислушается к доводам, доступным пониманию его великого ума. Чем же может не устраивать бедных вельмож владыка Парсы, денно и нощно пекущийся о ее благополучии? Как мы можем говорить дурное об отце, заботящемся о своих несмышленых детях! Кого мы можем прочить на царский престол? Твоих великих сыновей? Они достоины его, но им недостает пока опыта, который они усердно черпают из общения со своим мудрым родителем. Быть может, владыка считает нас безумцами, решившими овладеть царским троном? Только не мы, государь! Нам памятны ужасные времена Гауматы[1], рассказы о которых мы слышали от наших отцов и дедов. Или, быть может, кто-то считает, что мы желаем предать державу в руки подлых эллинов?! Скажи кто, царь, и я сам вырву у него глотку! Что может быть ужасней подобной клеветы! Мы хотим предаться эллинам! Я, Гидарн, на чьем теле пять шрамов от эллинского оружия, Артафрен, чей отец едва не сложил голову под Афинами, или доблестный Мегабиз, много раз водивший своих воинов в атаку на врагов! Да разве мы не делали все возможное, чтобы умереть во славу царя и великой Парсы! И нет в том нашей вины, что судьба не пожелала принять этой жертвы. Мы верны тебе, великий царь. Клянусь, мои уста не исторгли ни единого бранного слова... — Гидарн бросил взгляд на стоящего рядом Мегабиза, тот поспешно подхватил:

— И я клянусь тоже!

— Я верен тебе, царь! — закричал Артафрен, и одинокая мужественная слеза картинно скользнула по дрогнувшей щеке вельможи.

— Мы преданы тебе, великий Ксеркс. И я клянусь в этом памятью наших отцов. И пусть божья кара обрушится на головы клеветников, возжелавших нашей крови. И пусть Ахурамазда рассудит мои слова и покарает меня самой лютой смертью, если найдет в них хоть каплю лжи.

Гидарн завершил свою пылкую речь и низко поклонился. Ксеркс задумчиво дергал пальцами бороду. Слова начальника гвардии поколебали его уверенность, и царь уже начинал раскаиваться, что затеял это разбирательство. И впрямь, какое он имел право подозревать своих самых преданных слуг, не единожды рисковавших ради него жизнями!

— Нам понравились твои слова, Гидарн. — Ища поддержки, царь посмотрел на брата. Тот кивнул.

— Да! Да...

— Я был не прав, поторопившись поверить наветам клевет-

ников. Теперь я вижу, что вы, как и прежде, верны мне.

Встав с трона, Ксеркс направился к вельможам. Те хотели было пасть на колени, но царь не допустил этого. Он протянул руку, трое по очереди прикоснулись к ней губами. Затем Ксеркс не без труда стащил с пухлых пальцев три кольца и одарил каждого из сановников.

— Это тебе, мой верный Гидарн.

Гидарн поклонился, принимая перстень с огромным рубином.

— Это тебе.

Артафрену досталось кольцо с бирюзой.

— А это сыну великого Зопира.

Мегабиз получил огромную, величиной с голубиное яйцо, шпинель.

— А теперь ступайте, друзья мои. Будьте и впредь столь же верны своему повелителю и наши милости не оставят вас.

Царь проводил вельмож почти до самой двери, вернулся, уселся на трон, вытер рукой выступившие слезы и обратился к сыновьям:

— Дай бог, дети мои, и вам столь преданных слуг!

— И ты веришь тому, что они тебе наговорили?! — резко выкрикнул Дарий.

— Конечно. Разве можно лгать, глядя в глаза своему повелителю!

— Еще как можно! — Наследник был вне себя от ярости. Глаза его сверкали, на щеках играли желваки. Ксеркс невольно залюбовался сыном. Что и говорить, из него выйдет великий правитель. Дарий еще молод, но уже все отмечают его ум и властность. Он не чета своему младшему братцу, который думает лишь о лакомствах и чувственных наслаждениях. Дарий воин, великий воин. Недаром Ксеркс назвал его именем отца. Но как же он жаждет власти...

— Ты ошибаешься, сын.

— Нет, отец! Как ты можешь верить этим людям, которые только и ждут удобного момента, чтобы насыпать яду в твой бокал. Их глаза полны предательства и коварства. Они ненавидят тебя, считая, что тебе изменила удача. Они прочат на престол другого. Ничего, придет время и их головы будут посажены на колья перед входом во дворец!

«Но как же он жаждет власти!» — подумал Ксеркс и резко спросил:

— А кого они прочат на престол? Уж не тебя ли?

Ошеломленный подобным вопросом, Дарий не сразу нашелся, что ответить. С укоризной глядя на отца, царевич воскликнул:

— Как ты мог подумать такое?

Ксеркс улыбнулся, обнажая гнилые зубы.

— А я и не подумал, я лишь спросил.

Дарий беспомощно всплеснул руками и повернулся к дяде.

— Гистасп, ну скажи хоть ты!

Вельможа, все это время чистивший крохотным золотым кинжалом ногти, неторопливо поднял голову. Его холеное лицо выражало скуку.

— В твоих словах есть доля истины, Дарий. Но не в отношении этих людей. Они преданные слуги твоего отца. Измену следует искать в другом месте.

— Но где?

— Всему свое время. Евнухи и бессмертные надежно стерегут великого царя. Убийцам, если они и есть, будет трудно к нему подобраться. Так что я не вижу повода для беспокойства.

— Я тоже, — подхватил Ксеркс. — И вообще, за всеми этими разговорами я не заметил, как пришло время нашей обеденной трапезы. Прошу вас, мои родственники, присутствовать за нашим столом.

Сыновья и брат поклонились. Гистасп, как обычно, лениво, разгоряченный размолвкой Дарий отрывисто, в пояс, Артаксеркс до самой земли. Ксеркс изобразил улыбку и проводил их глазами до двери. И взгляд его, тяжелый и подозрительный, был устремлен в спину Дария.

* * *

Стол был накрыт на двенадцать персон. Кроме Ксеркса на трапезе присутствовали царевичи, Гистасп, Гаубарува, прибывший из Кемта Ахемен, а также шесть эвергетов. Бесшумно двигались слуги, вносившие новые перемены блюд и забиравшие опустевшие подносы. У входа в залу неподвижными статуями стояли восемь бессмертных, вооруженных луками и сагарисами.

Ксеркс ел жадно, отвлекаясь лишь на то, чтобы выслушать здравицу в свой адрес или сказать милостивое слово кому-нибудь из сотрапезников. Пища исчезала в его глотке с непостижимой быстротой. Сидевший сбоку от царя Вкуситель едва успевал опробовать блюда.

Подали первое, жирное и пахучее, затем жаркое из сайгака, фаршированную телячью печень, бараньи мозги с чесноком, жареную озерную и морскую рыбу. Царь ел с большим удовольствием и даже соизволил похвалить поваров. Наконец внесли сладости и фрукты. Виночерпий принялся разливать терпкое вино. Сыто сощурив глаза, Ксеркс следил за тем, как вишневого цвета струя, журча, заполняет золотой царский кубок.

— Великому царю понравился обед?

Ксеркс вздрогнул и с легким раздражением взглянул на того, кто осмелился нарушить сладостный покой царя. Конечно, Дарий, наследник, беспокоящийся о здоровье и настроении отца. Такая естественная забота! В другой миг эта мысль была бы желчной, но сейчас она вышла скорей благодушной.

— Да, мой сын, сегодня все было прекрасно. Пища великолепна, разговор занимателен.

Ксеркс рассеянно взял с подноса наполненный бокал и понес

его ко рту. В самый последний миг, когда губы уже коснулись золотого ободка, царь вдруг вспомнил, что вино еще не пробовал Вкуситель. Неспешно, чтобы не заметили гости, Ксеркс поставил бокал на поднос и кивком головы велел находящемуся за троном слуге передать вино Вкусителю. Вкуситель принял бокал и сделал большой глоток. Ксеркс отчетливо видел, как дернулся поросший курчавыми волосами кадык. Выразив сладким вздохом восторг по поводу опробованного напитка, Вкуситель вернул бокал на поднос и, покачнувшись, рухнул. Вначале Ксеркс не понял, что произошло. Лишь увидев на губах Вкусителя розовую пену, царь осознал, что был на волосок от гибели. Кожа мгновенно покрылась жирной испариной. Яд! Ошеломленные не менее чем царь, гости остолбенело взирали на бездыханного Вкусителя. Первым опомнился Гистасп.

— Стража! Перекрыть все входы и выходы! Никого не выпускать! Немедленно сюда начальника первой тысячи!

Выкрикивая все это, Гистасп вскочил со своего места и, оттеснив растерявшегося слугу, встал за царским троном, готовый защитить повелителя.

Прошло несколько томительных мгновений, и в обеденную залу с мечом в руке вбежал Дитрав, сопровождаемый несколькими бессмертными. Он бросил быстрый взгляд на лежащего на полу человека и все сразу понял.

— Ты, — палец Дитрава уткнулся в одного из бессмертных, — возьмешь десять, нет, двадцать воинов и схватишь поваров! Ты, — палец перескочил на второго, — арестуешь всех, кто работает в винном погребе! Ты, — третий воин подобострастно вытянулся, прижав к телу щит и золоченое копье, — собери слуг, подававших на стол! А ты созови сюда всех сотников!

Четвертый воин стремглав бросился за своими товарищами.

Убедившись, что секироносцы стоят неподалеку и жизни царя ничто не угрожает, Дитрав позволил себе опустить меч. Он подошел к распластавшемуся Вкусителю и потрогал его побагровевшее, обезображенное гримасой лицо.

— Горячий, как огонь, — констатировал бессмертный. — Похоже, его кровь вскипела.

Ответом было молчание, внезапно нарушенное царевичем Дарием.

— Я думаю, в вино подмешали слюну розовой медузы, которые иногда попадаются в сети у берегов Кипра. Говорят, этот яд вызывает мгновенную смерть.

Дарий еще говорил, а Ксеркс почувствовал, как в его плечо вдавился палец Гистаспа. Тогда царь поднял голову и воззрился на старшего сына. Тот не замечал тяжелого взгляда отца и продолжал разглагольствовать. Послышалось бряцанье оружия, в залу вбежали восемь или девять сотников. Дитрав отдал им еще несколько приказаний, велев, в частности, окружить и обыскать дворец, а также выставить караулы около казарм бессмертных.

Затем он вопрошающе взглянул на Ксеркса.

— Великий царь желает, чтобы я арестовал еще кого-нибудь кроме кухонных, винных и столовых слуг?

— Его! — словно пробуждаясь от спячки, вдруг выкрикнул Ксеркс и к великому изумлению присутствующих указал пальцем на наследника. — Схвати Дария! Я подозреваю его!

— Отец! — воскликнул юноша, пораженный страшным обвинением.

— Молчи! — завизжал Ксеркс. — Бессмертные, взять его!

Дитрав кивнул головой. Четверо сотников набросились на царевича и невзирая на отчаянное сопротивление в мгновение ока скрутили его.

— Заприте его в Желтой башне!

Услышав это повеление отца, Дарий успокоился и перестал вырываться. В Желтую башню сажали провинившихся вельмож и чиновников. Тех, кто покушался на жизнь царя, бросали в подземные казематы, где за них немедленно принимались палачи. Выходило, царь и сам еще не верил собственному обвинению.

Ключ от Желтой башни всегда хранился у Дитрава.

* * *

Покои Гистаспа располагались рядом с царскими и охранялись не менее тщательно. Их стерегли бессмертные Дитрава, а также сыщики хазарапата. Первые охраняли от явных врагов, прячущих под плащами мечи и кинжалы, вторые стерегли от врагов тайных, надеящихся на глаза и уши. В покоях Гистаспа можно было говорить спокойно, не опасаясь, что сказанные слова тут же станут известны царю. Но, право, троим, что собрались в небольшой, обитой малиновым бархатом комнате, нечего было таить от царя, ибо они были его первейшими слугами. Гистасп, Гаубарува и Дитрав сидели за столом, украшенным вазой с роскошным букетом цветов — в отличие от своего царственного брата Гистасп обожал цветы — и беседовали.

— Как вам это дело? — поинтересовался Гистасп.

— Загадка, — ответил хазарапат. — Мои люди пытаются добиться признания, но пока безрезультатно.

— А что вы думаете насчет царевича?

— Он не виноват, — мгновенно откликнулся Дитрав.

Гаубарува кивком головы выразил свое согласие с мнением начальника первой тысячи.

— Царевичу не следовало хвалиться своей ученостью и трепать языком насчет ядов.

— И не только это, — сказал Гистасп, но вдаваться в подробности не стал. — Так чьих же рук это дело?

Гаубарува ковырнул ногтем прыщик под носом. На кончике пальца осталась крохотная капелька крови, хазарапат внимательно рассмотрел ее, а затем облизал палец.

— Думаю, здесь не обошлось без Гидарна.

Гистасп вскинул смоляные брови.

— Царь говорил с ним и считает, что ни он, ни Артафрен, ни Мегабиз невиновны.

— Но мои сыщики подслушали, как они говорили против царя.

— Что ж, может, они и правы, — не стал перечить хазарапату Гистасп. — Царь чрезмерно доверчив, нам надо бы присмотреть за ними.

Гаубарува кивнул, соглашаясь с предложением Гистаспа.

— Я прикажу моим людям.

— А я, — вмешался Дитрав, — усилю охрану дворца.

— Тоже нелишне. — Гистасп подпер голову рукой и задумчиво произнес:

— В последнее время мне кажется, что в воздухе веет чем-то недобрым. Сырой и тошнотворный запах.

— Кровь, — негромко произнес Дитрав. — Так пахнет кровь.

— Наверно. Послушай, — Гистасп оживился, на обрамленных рыжими волосами губах его заиграла усмешка, — а правду говорят, что было время, когда царь делал то, что хотел ты.

От такого вопроса хазарапат втянул голову в плечи, словно суслик, пытающийся забиться в нору. Подобный разговор, подслушай его кто-нибудь, мог стоить головы. Однако Дитрав совершенно не смутился.

— Правду. — Бессмертный сделал небольшую паузу. — Во время великого похода я был близок к Артабану. Думаю, вам известно, что в тот год Артабан совершенно отстранил Ксеркса от дел, верша его именем все государственные дела. Когда Артабан отлучался, его заменял я, за что в конце концов едва не поплатился жизнью. Наутро после таинственного исчезновения Артабана был страшный бой. Ксеркс приказал мне возглавить атаку на холм, где стояли проклятые спартиаты. Гидарн хорошо помнит ее, он едва не сложил там голову. Во время схватки я убил спартанского царя, но тот успел ударить меня мечом по руке и отсек два пальца. Вот эти. — Дитрав продемонстрировал свою изуродованную руку и тут же отдернул ее, спрятав между коленями. Ни для кого не было тайной, что начальник первой тысячи тщательно скрывает свой телесный недостаток.

— Ну и что было дальше? Царь простил тебя?

— Когда я швырнул к его ногам тело спартанского царя, ему не оставалось ничего иного, как обласкать меня. Я остался начальником царской стражи и даже был награжден. Какое-то время, памятуя о прошлом, царь избегал меня, а потом все стало на свои места. Я нужен ему, он нужен мне, между нами нет никаких недоразумений.

Гистасп хитро прищурился.

— Знаешь, если выбирать человека, заинтересованного в смерти Ксеркса, то одним из первых будешь ты.

— Поосторожнее, — проворчал Дитрав. — Не вздумай ска-

зать нечто подобное в присутствии чужих. Запомни, царь вполне устраивает меня! Куда больше, чем царевичи, один из которых напоминает мне глупого льва, а второй — подлую змею.

— Ну-ну, не сердись! Я ведь просто так, рассуждаю.

— Избери для своих рассуждений кого-нибудь другого. И уж если ты такой хитрый, лучше придумай, как нам найти того, кто подлил яд в царскую чашу.

— Нет ничего проще. Издревле повелось: не бывает такого заговора, в котором не участвовали бы царские евнухи. Поговори с Кобосом. Если он захочет, ты сможешь узнать много интересного.

— Захочет, — процедил Дитрав. — Еще как захочет! Я не дам им убить царя. Они ставят на Дария, а тот желает начать войну на западе.

— Да, ты прав. Наша жизнь может стать беспокойной. Вот если бы престол перешел к Артаксерксу...

— Только не этот льстивый мозгляк! Я первый сверну ему шею!

— Не бросайся словами, — посоветовал Гистасп.

— Побежишь доносить на меня?

— Нет, но будь осторожней.

Дитрав исподлобья взглянул на царского брата, встретился с ним взглядом и изобразил на лице улыбку.

— Хорошо, сиятельный, буду. Сейчас я пойду и найду Кобоса.

Начальник первой тысячи поднялся. Следом выскочил хазарапат.

— А я узнаю, как обстоят дела у палачей.

— Ну а мне остается лишь составить компанию нашему перепуганному владыке.

Все трое усмехнулись.

Перед тем, как расстаться, Дитрав отдал брату царя небольшой серебряный ключ.

— Я доверяю тебе больше, чем другим. Это ключ от Желтой башни. Теперь царевич в твоих руках. Если с царем и со мной что-то случится, освободи его.

Гистасп поцеловал начальника первой тысячи в губы.

— Польщен твоим доверием. Я так и поступлю.

Когда вельможи вышли в полутемный коридор, Дитраву показалось, что в самом конце его мелькнула неясная тень.

* * *

Придворные за глаза называли Артаксеркса фитюлькой, насмехались над его неразумностью и юношеской неуклюжестью. Да, он казался глуповатым — это было выгодно. Кто поверит, что дурачок зарится на царский трон. Да, он казался неуклюжим, а меж тем орудовал мечом и кинжалом не хуже бывалого воина, а стрелял, словно скиф. Только мало кто ведал про это.

Несмотря на нежный возраст царевич вовсю лакомился девками, что убирали его покои. Но и это он тщательно скрывал. Лишь немногие, на которых он мог полностью положиться, знали его истинное лицо. Для встреч с этими немногими Артаксеркс имел укромный уголок. Неподалеку от комнат, где помещались его слуги, была небольшая, совершенно изолированная зала, в которой прежде хранился всякий хлам. Артаксеркс велел очистить ее, сказав, что будет держать здесь свои вещи. Грязь убрали, стены и потолок обили деревянными планками, пол выложили плиткой. Дворцовый краснодеревщик изготовил изящный столик, шесть выгнутых кресел и пару дифров, обив их алым шелком. По этой причине Артаксеркс именовал эту залу Алой. Алая зала была местом нежных свиданий и деловых встреч. Последние случались гораздо чаще, порой по несколько раз в день.

Едва вернувшись с окончившегося трагедией обеда, царевич кликнул слугу и велел тому тайно — способ слуга знал — связаться с Гидарном и пригласить его в Алую залу. Слуга исполнил все в точности. Придя в назначенное место, начальник бессмертных застал там встревоженно расхаживающего из угла в угол Артаксеркса.

Гидарн низко поклонился.

— Ваше высочество...

— Мы в опасности, Гидарн! — отрывисто бросил царевич, даже не предложив вельможе кресло. — Тебе известно, что произошло сегодня во время обеда.

— Как и всему дворцу, ваше высочество.

— Какому идиоту вздумалось опробовать на царе этот яд?

— Не знаю, ваше высочество.

Царевич прекратил свою беготню и подозрительно посмотрел на Гидарна.

— Так это не твоих рук дело?

— Нет, ваше высочество. Я верный слуга великого царя.

— Это я уже сегодня слышал. И, надо признать, твои слова звучали столь искренне, что еще немного и я поверил бы им.

Гидарн позволил себе усмехнуться, после чего многозначительно произнес:

— Я предан своему повелителю, ваше величество.

— Ну-ну, поосторожней, я еще не царь.

— Пока еще не царь.

Царевич неопределенно кивнул и с размаху уселся на один из дифров. Не дожидаясь приглашения, начальник бессмертных последовал его примеру. Какое-то время оба молчали, посматривая друг на друга, затем Артаксеркс спросил:

— Кто это сделал?

— Не знаю. Ни я, ни один из моих людей не причастны к этому. Нужно искать того, кому это выгодно.

— Мне, но я этого также не делал.

— Еще.

— Тебе.

Гидарн энергично помотал головой, напрочь отвергая подобное предположение.

— Я бы воспользовался мечом.

— Неужели Дарий?

— Вполне может быть. У него есть вполне естественная причина ускорить уход отца в заоблачные выси Гародманы. Кроме того, здесь может быть замешана его жена, ненавидящая Ксеркса[1]. Фраорта вполне могла действовать руками мужа.

Артаксеркс лениво рассмеялся.

— Вот об этом я как-то не подумал. Тогда вариант с Дарием становится предпочтительным.

— Зато, могу покляться, об этом сразу подумал Ксеркс.

— Наверно, ты прав. Но кто бы это ни был, он спутал наши планы. Ведь так?

— Да. Теперь нам придется поторопиться.

— Когда?

— Будет день, будет ночь, — уклоняясь от прямого ответа, сказал Гидарн.

— Кто?

— Ваше величество хочет слишком много знать.

Губы царевича стали тонки, словно змеиное жало.

— Хорошо. Но предупреждаю: не знаю, сколько вас будет, но хочу лишь одного — не допустите промашки!

— Меня так же, как и ваше величество, это заботит более всего. Мне вовсе не хочется, чтобы жители Сард увидели мою голову на колу перед дворцовыми воротами.

Артаксеркс негромко хмыкнул.

— А занятное, должно быть, было бы зрелище!

Увидев, что лицо Гидарна напряглось, юноша поспешно добавил:

— Шучу. Кто-нибудь из твоих людей знает о моей причастности к этому делу?

— Никто, ваше величество. Они полагают, что царевич Артаксеркс — игрушка в руках коварного Гидарна.

— Пусть полагают.

— Пусть, — согласился начальник бессмертных.

Царевич погладил ладонью поросший пушком подбородок и с внезапной злобой процедил:

— Я хочу, чтобы это произошло сегодня же!

— Как будет угодно вашему величеству. Мы готовы.

— Но перед этим вы должны избавиться от моего брата. Это возможно?

— Нет ничего невозможного, — протянул Гидарн. — Но это очень трудно. Царя охраняют евнухи и бессмертные Дитрава. Их немного и, если напасть внезапно, мы разделаемся с ними. Но узкий, перегороженный решеткой вход в Желтую башню сторожат двадцать отборных воинов. Они расступятся лишь перед

царем или тем, кто предъявит серебряный ключ. А ключ этот — в руках Дитрава. Выходит, прежде, чем расправиться с царевичем, нужно убить Дитрава. А подобраться к начальнику первой тысячи весьма непросто!

— Делай что хочешь, но Дарий должен быть мертв!

Гидарн хотел что-то прибавить, но в этот миг в Алую залу вбежал преданный слуга Артаксеркса.

— Сиятельная Аместрида! — запинаясь, выдавил он.

Гидарн поспешно вскочил на ноги. В его планы совершенно не входила встреча с матерью царевича, коварной интриганкой, способной ради мимолетной прихоти донести обо всем увиденном Ксерксу.

— Спокойно! — велел Артаксеркс, не теряя хладнокровия. — Быстрей сюда!

Начальник бессмертных бегом последовал за царевичем, устремившимся к огромному, во всю стену гобелену с изображением леопардовой охоты. За яркой тканью скрывалась потайная дверь, о существовании которой Гидарн не подозревал. Отворив ее, Артаксеркс скороговоркой пробормотал:

— Этот лаз выведет тебя в коридор за моими покоями. Поспеши, я не хочу, чтобы старая тварь о чем-нибудь пронюхала!

Гидарн хотел этого еще менее. Кивнув, он поспешно юркнул в лаз, гобелен тут же опустился на прежнее место.

Однако вопреки приказу царевича вельможа не поспешил прочь. Судьба предоставила ему возможность подслушать, о чем будут разговаривать мать с сыном. Как истинный царедворец Гидарн не мог отказаться от подобного соблазна. Устроившись поудобней на холодном полу, вельможа затаил дыхание.

Сначала было тихо, но вскоре послышались тяжелые шаги и голос царевича.

— А, мама! Не ожидал увидеть тебя.

— Ты один? — басом осведомилась Аместрида, и Гидарн представил, как выпуклые глаза царицы обегают комнату, придирчиво ощупывая каждый угол.

— Конечно, один. Что привело тебя ко мне?

Аместрида ответила не сразу. Жалобно скрипнул дифр. Гидарн понял, что царица присела рядом с сыном. Потом она зашептала, точнее зашипела. Ее слова были наполнены такой лютой злобой, что вельможа невольно вздрогнул.

— Сколько ты еще намерен терпеть этого старого жирного ублюдка?

— Но мама...

— Молчи! Неужели тебе не надоело кланяться ему! Неужели ты не хочешь занять золотой трон и надеть на себя царский кидар в присутствии шести тысяч коленопреклоненных сановников в ападане!

— Мама, о чем ты говоришь!

— Мой мальчик, ты полагаешь, что можешь обмануть меня,

выдавая себя за неразумного юнца? Обмануть — да, но не меня. Я-то знаю, кто ты есть на самом деле. Ведь ты мой сын, моя кровь, твое сердце полно ненависти и коварства. Как ловко ты плеснул в чашу толстяка яд!

— Но...

— Молчи! Не говори ни слова! Твоя мама поможет тебе овладеть троном. А за это ты всегда будешь любить ее...

— Мама!

— Молчи!

Послышалось мокрое хлюпанье, затем шуршание одежды и скрип дифра. Гидарн с гадливым чувством прислушивался к этим звукам, ощущая как горячеют щеки, а в голове начинают стучать крохотные гулкие молоточки. Аместрида издала сладострастный стон. Этот звук вывел начальника бессмертных из оцепенения. Прижимая к себе меч, чтобы тот не звякнул, и цепляясь плечами за нависающий свод, Гидарн пополз прочь от Алой залы. Подслушанный разговор мог дорого обойтись ему, ведь если Артаксеркс или Аместрида узнают, что он был свидетелем происшедшего между сыном и матерью, то уж тогда голове Гидарна наверняка красоваться на медном шесте у входа во дворец. Обдирая колени, вельможа полз на четвереньках по узкому лазу, а в голове его звучали восторженные стоны царицы. Так он добрался до конца потайного хода, откинул деревянную панель, скрывавшую этот ход снаружи, и осторожно высунул голову, желая убедиться, нет ли кого поблизости. В этот миг две пары сильных рук подхватили парса под локти и вытянули на свет.

— Еще раз приветствую тебя, сиятельный Гидарн! — Голос Гистаспа был притворно-насмешлив. — Что это ты ползаешь, словно степной гад, вместо того, чтобы ходить как подобает человеку.

Начальник бессмертных угрюмо молчал, сознавая, что попался будто несмышленый мальчишка. Теперь он был полностью в руках царского брата, за спиной которого стояли шестеро косматых телохранителей-скифов. Можно было, конечно, попытаться выхватить меч и умереть в бою, а не на плахе. Можно было...

Брат царя потешался, глядя на растерявшегося вельможу.

— Что-то ты сегодня не столь разговорчив, как обычно. И плащ твой помят и изодран. И уже не вспоминаешь о славных предках, и не клянешься в верности повелителю. — Гистасп обернулся к своим скифам и приказал:

— Оставьте нас. Ступайте к моим покоям.

Проводив длинноволосых богатырей недоуменным взглядом, Гидарн воззрился на царского брата. Тот усмехнулся и, взяв вельможу за локоть, увлек его в сторону, противоположную той, куда ушли телохранители. В голосе Гистаспа звучала доверительность.

— Страшные времена настали, Гидарн. Приходится даже в

своем доме ходить в окружении вооруженных слуг. — И без всякого перехода. — Как поживает любимый богами Артаксеркс? — Гидарн не нашелся с ответом. Царский брат насмешливо хрюкнул. — А как дела у сиятельной Аместриды?

Начальник бессмертных безмолвствовал, лихорадочно размышляя, как следует себя вести. Гистасп, напротив, извергал потоки слов.

— Да, о нравы! Что сказал бы мудрый Заратустра, увидев все это! Мы катимся в пропасть. Куда подевалась былая простота! Где она, женская стыдливость и целомудренность! Суки совращают собственных щенков! Что ждет державу!

— Чего ты хочешь от меня? — наконец спросил Гидарн, бросая косой взгляд на говорливого сановника.

— Наконец-то ты соизволил собрать разбежавшиеся мысли! Хорошо, поговорим начистоту. Ты красиво говорил сегодня, Гидарн, но я не царь и я не поверил ни одному твоему слову.

— Почему ты тогда молчал?

— А что я должен был сказать? Что старый верблюд не вынесет перехода через Говорящую пустыню? Думаю, ты и сам давно понял это, как и то, что старому верблюду лучше оставаться в неведении относительно того, что думают окружающие его.

Гистасп закудахтал-засмеялся, драгоценная цепь на его груди отозвалась легким звоном.

— Говори, — прошептал Гидарн, — мне интересна твоя речь.

— Я хочу оказать тебе две маленькие услуги, а за это ты ответишь мне тем же. Видишь вот эту штуку... — Гистасп извлек из поясного кошеля серебряный ключ и показал его вельможе. — Он открывает одну очень крепкую дверь. По-моему, он тебе нужен.

— Допустим. Где ты его взял?

— А разве это имеет значение! Лови, он твой!

Гистасп подбросил ключ вверх. Начальник бессмертных ловко поймал его и зажал в кулаке.

— Что требуешь взамен?

— Хочу быть уверенным, что твои люди не появятся этой ночью в моих покоях.

— Даю тебе слово. Что ты еще можешь предложить мне?

— Я подскажу тебе место, где пройдет мой царственный брат, отправляясь на ужин.

Усмешка тронула губы Гидарна. Начальник бессмертных резко спросил:

— Яд подействовал слишком быстро?

Этот вопрос совершенно не смутил Гистаспа. Он также усмехнулся.

— Представляешь, это так огорчило главного хранителя царских погребов, что он вонзил себе в брюхо кинжал.

— Сколько же украденного вина вытекло! — воскликнул Ги-

дарн. Вельможи натянуто рассмеялись. — Что ты хочешь за вторую услугу?

— Я был бы рад, если б вслед за отцом последовали оба верблюжонка.

Гидарн покачал головой.

— Не выйдет. Один из них нужен мне.

— Ты делаешь глупость. Щенок не простит тебе смерти отца.

— Он сам повязан в этом деле.

— Все равно не простит. Становясь царями, наследники избавляются от отцеубийц. Он расправится с тобой тихо, по-семейному.

— Не выйдет, — упрямо стоял на своем Гидарн, и было непонятно, что он имеет в виду под этим «не выйдет».

Но царский брат понял.

— Тогда я не говорил тебе этого.

— Хорошо. Так где будет царь перед ужином?

— Он посетит меня, а возвращаться будет через старую галерею. Там десять глубоких ниш, в которых стоят треножники. Сегодня ночью их забудут зажечь.

— Забудут?

— Именно. Мои слуги порой страшно беспамятливы.

— А если он не захочет пойти к тебе?

— Захочет. Ты когда-нибудь чувствовал себя волком, которого гонят облавой? Примерно так ощущает себя наш толстячок. Ему нужна волчица, рядом с которой ему будет спокойно. Я и есть эта волчица.

— И старый верблюд пойдет к Гародману!

— Надеюсь.

— Ну хорошо. Я буду помнить об оказанных тобой услугах.

— Тогда прощай. Нехорошо, если нас увидят вместе. Надеюсь встретить тебя за ужином завтра, сиятельный хазарапат!

Гидарн кивнул и почти бегом бросился в покои Мегабиза, где дожидались известий прочие заговорщики. Минуло совсем немного времени, и у входа в Желтую башню появились трое закутанных в плащи вельмож. Шедший первым Гидарн показал начальнику караула ключ. Бессмертный внимательно рассмотрел его и кивнул своим воинам. Толстенная медная решетка со скрипом поползла вверх. Поднявшись по узкой винтовой лестнице, трое остановились перед обитой металлом дверью. Гидарн вставил в замочную скважину ключ. Послышался короткий скрежет и дверь распахнулась. Убийцы вошли внутрь.

* * *

Нелегко было выманить Кобоса из его владений, где он чувствовал себя весьма и весьма уверенно. Дитраву пришлось пойти на хитрость. Он послал за евнухом не бессмертного, как делал обычно в подобных случаях, а маленькую улыбчивую служаночку, чьей обязанностью было омывать ноги царским гостям.

Потрепав девушку по щеке, евнух осведомился, зачем он ей понадобился. Как и было велено, лукавая служанка ответила, что со старшим евнухом желает поговорить сиятельный Гидарн. Кобос не заподозрил ловушки. С некоторым промедлением, но он все-таки пришел туда, где по словам девушки должен был ждать начальник бессмертных, но застал вместо него Дитрава.

Когда их взгляды встретились, Кобос дернулся, словно желая бежать, однако не сделал ни шагу, прекрасно понимая, что толстому неповоротливому старику не спастись бегством от быстрого воина. Надев маску недоумения, евнух спросил:

— Как, это ты, почтенный Дитрав? А мне сказали, что меня хотел видеть начальник бессмертных.

— Девчонка оговорилась. Тебя хочу видеть я.

— Но...

— Не заставляй меня быть многословным. Ты ведь знаешь, что произошло сегодня во дворце. Так вот, великий царь позволил мне предпринимать любые меры против тайных врагов его величества. У меня есть основания считать, что ты относишься к числу подобных врагов.

— Но это оскорбление!

— Ты не дослушал! — перебил евнуха Дитрав, сладострастно поглаживая эфес меча. — Великий царь также дал мне разрешение допросить любого человека, которого я сочту причастным к этому убийству. Допросить, применяя любые средства! Ты понимаешь, что это означает?

Дитрав с кривой усмешкой посмотрел на моментально побледневшее лицо Кобоса. На деле начальник первой тысячи блефовал. Он не имел права говорить подобным образом с вельможей, входящим в ближайшее окружение царя, но зная трусливый характер Кобоса, Дитрав был уверен, что тот не отважится пожаловаться на него, и их разговор, чем бы он ни завершился, останется в тайне.

— Как видишь, — продолжал бессмертный, — я мог бы побеседовать с тобой в застенках хазарапата. Но я желаю уладить это дело полюбовно и потому пригласил тебя сюда. Здесь нам никто не помешает.

— Ну хорошо...

Кобос нерешительно вошел в комнату и остановился, прикидывая, куда бы устроить свой толстый зад. Однако Дитрав заблаговременно подготовился к этой встрече. Все кресла, за исключением того, в котором сидел начальник первой тысячи, и скамьи были вынесены. Евнуху не оставалось ничего иного как встать против бессмертного и пребывать в столь унизительном положении на протяжении всего разговора. Дитрав не торопился. Какое-то время он изучал свою трехпалую руку, затем перевел взгляд на грязный, в подтеках от зимних дождей потолок. Нервы Кобоса не выдержали.

— Говори, зачем звал.

Начальник первой тысячи лениво взглянул на евнуха.

— Ты куда-то спешишь?

— Да, у старшего евнуха всегда найдутся дела.

— У Гидарна тоже было много дел.

Кобос сглотнул слюну.

— Что с ним?

— Не знаю. Но в последний раз я видел его неподалеку от пыточного застенка. С ним были шестеро скифов и лично Гистасп. Думаю, он будет откровенен. — Кобос облизал губы. — А ты, толстяк?

— А при чем здесь я?

Дитрав ответил вопросом на вопрос.

— Ты ни о чем не желаешь рассказать мне?

— Я ничего не знаю.

— Ай-яй-яй! — Бессмертный укоризненно покачал головой. — Надеюсь, в руках палачей ты будешь откровенней. Сначала тебе вырвут ногти, потом тебя опустят в кипящее масло и ты будешь чувствовать, как мясо отстает от костей. Позже тебе вырвут чресла. Ну а в довершение раздавят голову![1]

Евнух обливался холодным потом.

— Я ничего не делал!

— Это ты скажешь палачам. Пойми, Кобос, — Дитрав придал голосу доверительные интонации, — я говорю с тобой здесь лишь по одной причине. Если бы не расположение к тебе государя, твое жирное тело уже давно б терзали раскаленные клещи. Но государь милостив и велел мне сначала переговорить с тобой с глазу на глаз.

— Это и вправду велел тебе великий царь?

— Конечно. — Лицо Дитрава лучилось искренностью. — Разве я осмелился бы говорить с тобой подобным тоном без дозволения государя? На тебя донес Мегабиз, схваченный сразу после царского обеда. Но царь не до конца поверил его словам и потому ты сейчас здесь, а не на дыбе. Если будешь откровенным, то, полагаю, царь помилует тебя. Ведь владыка всегда был снисходителен к твоим слабостям.

Неторопливо ведя речь, начальник первой тысячи зорко наблюдал за реакцией Кобоса и с удовлетворением убеждался, что евнух колеблется все более и более.

— О чем я должен рассказать?

— Ну хотя бы о том, что Гидарн замышлял против великого владыки. Кто его помощники? Какую роль в этом деле играешь ты? Ведь со слов Мегабиза можно подумать, что ты возглавляешь заговор.

— Мерзавец! — выдавил Кобос.

— Именно, — согласился Дитрав.

Евнух вытер подрагивающей рукой пот с жирных щек и начал свою исповедь.

— Главная роль принадлежит Гидарну. Он и Мегабиз замы-

слили убить великого царя и посадить на престол одного из царевичей. Помогают им в этом деле Артафрен, сын Гидарна Сисамн, а также Фарандат и еще многие вельможи, имен которых я не знаю.

— А Дарий? Он замешан?

— Не знаю.

— Допустим. Вот теперь я вижу, ты честен. Что должен был делать ты?

— Евнухам, которые охраняют царя, велено слушаться приказов Гидарна.

Дитрав задумчиво забарабанил двумя пальцами правой, изуродованной руки по подлокотнику кресла.

— Понятно. Как вы намеревались избавиться от царя?

Евнух рухнул на колени и пополз к Дитраву.

— Только не я, сиятельный начальник первой тысячи! Они заставили меня! Я не желаю зла владыке. Я уговаривал их сохранить ему жизнь и содержать под стражей в одном из отдаленных поместий. Но они хотят убить его!

— Все правильно.

Услыша эти слова, Кобос удивленно уставился на Дитрава, и тот поспешил поправиться.

— Все правильно в смысле — я так и предполагал. Когда?

— Что когда?

— Когда вы собирались напасть на великого царя?

— Не знаю! Клянусь здоровьем матери, не знаю!

Дитрав расхохотался.

— Ты б еще поклялся здоровьем детей! Иди сюда!

— Пощадите меня, великий начальник первой тысячи!

Кобос распростерся ниц, из глаз его текли слезы.

— Ладно, не хнычь! — велел Дитрав. — Сиди здесь и никуда не уходи. Я доложу царю, что ты донес мне по собственной воле. Твоя глупая голова уцелеет, особенно если ты скажешь, что присоединился к заговорщикам лишь для того, чтобы выведать их планы. Понял?

— Да, милосердный начальник первой тысячи!

— И еще одно. Ты всегда должен помнить о том, что здорово обязан мне.

— Я помню, сиятельный Дитрав!

Евнух подполз к бессмертному и стал тыкать мокрыми губами в его ладонь. Дитрав брезгливо отдернул руку.

— Сиди здесь и никуда не высовывайся!

Оставив хнычущего Кобоса в одиночестве, Дитрав покинул комнату с намерением направиться к хазарапату. Однако бессмертному не пришлось сделать и десяти шагов, как путь ему преградил какой-то человек. Невысокий и коренастый, он был облачен в белую, порядком замызганную хламиду, а в руке держал деревянную трость. Лицо человека было неведомо Дитраву, но во всем облике: фигуре, резко очерченном контуре скул, глазах,

узловатых сильных пальцах проглядывалось неуловимо знакомое, но пришедшее откуда-то издалека — за многие сотни парасангов или вереницу лет. Человек молча взирал на Дитрава, не выказывая враждебности, но в его взгляде было нечто такое, что заставило вельможу взяться за эфес меча. Серебристая полоска наполовину выползла из ножен, и только тогда Дитрав спросил:

— Я знаю тебя?

— Конечно, — ответил человек.

Блеснуло острие — и один из говоривших, всхрипнув, осел по стене вниз. На серых плитах разлилось яркое пятно крови.

Кобос слышал неясные звуки стремительной схватки, слышал как упало тело, но не осмелился оставить комнату. Близкий к обмороку, он сидел на полу, обнимая побелевшими руками кресло, словно оно могло спасти ему жизнь. Таким его и увидел вернувшийся Дитрав. В руке вельможи блестело окровавленное лезвие, узрев которое Кобос вскрикнул и спрятал голову под стул.

— Не визжи, толстяк! — обнажив зубы в ухмылке, проговорил Дитрав. — Я не причиню тебе вреда. Сиди здесь и не высовывайся. А это, — бессмертный бросил на пол полураздетое окровавленное тело, — пусть полежит у тебя. Не возражаешь?

Евнух затряс головой и пробормотал что-то нечленораздельное. Вновь засмеявшись, Дитрав убрал клинок в узкое лоно ножен.

— К тому же вы, кажется, знакомы!

Бессмертный толкнул ногой голову мертвеца, та дернулась, обратив синеющее лицо к Кобосу. Евнух издал ужасный крик и в тот же миг умер.

— Паршивое сердце, — констатировал Дитрав. Повесив меч через плечо, он взял в руку деревянную палку, на которую прежде опирался коренастый человек, и неторопливо, уверенным шагом двинулся туда, где начинались царские покои и где должен был разыграться финал фарса, именуемого человеческой жизнью.

* * *

День был ветрен, и корабли искали убежища в гаванях. В портовом кабачке Миунта за грязным, заваленным рыбьими головами и огрызками фруктов столиком сидели двое, чьи имена некогда были очень хорошо известны в этих и не только в этих краях.

Одного из них, с лицом, пересеченным несколькими старыми рваными шрамами, боялись все навархи, когда-либо плававшие во Фракийском, Эгейском, Финикийском и Кемтском морях. За свою жизнь этот человек захватил и пустил на дно бессчетное множество судов, доверху набив спрятанные в киликийских горах сундуки звонкой серебряной монетой и мешочками с золотым песком. Родители дали ему имя Сиеннесий, но большинство знали его как Белого Тигра, самого жестокого и отчаянного пирата из

тех, что жили когда-либо на этом свете. В былые времена Сиеннесий командовал целыми эскадрами судов; случалось, под его началом собиралось до сотни парусов, и тогда не было спасения от пиратской армады. Однако в последние годы афинская таласскоратия подорвала могущество киликийских пиратов. В непрерывных стычках погибли многие сотоварищи Сиеннесия, а сам он вернулся к тому, с чего начинал. Как и тридцать лет назад под его началом была одна-единственная эпактрида, стремительно растворяющаяся в морской дали при появлении эллинских триер.

История жизни человека, сидевшего напротив Белого Тигра, была еще более причудлива. Рок вознес его на самый верх, дав власть, равную власти самых могущественных государей, а затем со всего маху швырнул вниз. Кто не знал раньше имени Фемистокла, разгромившего парсийский флот при Саламине? Кто бы теперь смог признать Фемистокла в этом седом, с бедной аккуратностью одетом старике? И Сиеннесий не признал, если б сам Фемистокл не окликнул его на пристани, напомнив, что некогда они встречались при дворе Ксеркса. А еще раньше судьба сводила их при Артемиссии и Салимине, но тогда они не знали друг друга.

— Судьба! Судьба — странная штука! — говорил Фемистокл, прихлебывая кисловатое лидийское винцо, какое им подали с соленой жирной рыбкой, привезенной из Понта. — Она возносит высоко лишь для того, чтобы побольнее ударить о землю. Сколько великих имен: Мильтиад, Солон, Павсаний. Как высоко они взлетали и падали, разбиваясь о скалы. Судьба подлавливает человека в минуты величия, когда ему уже кажется, что он достиг таких вершин, где рок не властен над ним. И тогда судьба напоминает о себе, делая из героя предателя и изгнанника.

Сиеннесий кивнул и налил себе еще вина. Кому как не киликийцу судить об ударах судьбы.

— У меня было восемьдесят кораблей, а сейчас лишь остался один, — заметил он, обсасывая сочную голову рыбешки.

— Что такое восемьдесят пиратских посудин! — хмельно воскликнул Фемистокл. — У меня было двести триер, десять тысяч гоплитов, тысяча отборных всадников! В моем распоряжении была огромная казна в четыреста талантов и гостеприимно распахнутые сундуки сотни государств! Все они дрожали при одном упоминании моего имени. И все рухнуло в один миг. Зависть — вот что движет миром. Они завидовали великому Фемистоклу и мне пришлось уйти...

— Кто они?

— Кто? Сорок тысяч афинских граждан. Каждому хотелось быть Фемистоклом, но никто не понимал, сколько крови и пота мне пришлось пролить ради этого, сколько красивых слов пришлось бросить на алтарь людской глупости. Они изгнали меня, обвинив во вздоимстве.

— И много брал? — Забыв о вине, Белый Тигр с жадным

любопытством посмотрел на эллина. Фемистокл не стал лицемерить.

— По-всякому. Бывало и много. Но никогда — во вред Афинам. Ни разу деньги не подтолкнули меня к деяниям, способным навредить родной державе. Ни разу! О, горькая судьба изгнанника! — Фемистокл ударил чашей о стол, расплескав вино. — Я искал спасения в Аргосе, они преследовали меня и там. Мне не было покоя ни на Керкире, ни в Эпирских владениях. Подстрекаемые спартиатами и афинянами амфиктионы искали меня повсюду. Что было делать? И тогда я решил просить убежища у своих врагов, которых бил в бесчисленных сражениях — у парсов.

— Царь сразу принял тебя?

— Да. Изгнанник ожидал мучительной казни, но вместо этого был обласкан и получил титул эвергета. Немало лет провел я в Парсе, бардах, Сузах, пируя за столом великого владыки. Но недруги! Они нашлись и там! Эскадры эллинов год от года громили парсийский флот и царедворцы нашептывали великосердному Ксерксу, что у него за столом сидит виновник этого позора. Меня ожидала участь Демарата.

— Спартанский царь.

— Да. Изгнанник, как и я. Он провел много времени при великом царе, являясь его доверенным советником. Пять лет назад он умер. Лекари сказали, что у него был всплеск желчи. Но я видел тело Демарата, пока его еще не обмыли. На губах спартанского царя была розовая пена.

— Яд?

— И самый сильный. Его изготавливают финикияне. Демарат был неудобен многим — тем, что жаждали расплаты за обиды, нанесенные эллинами, и тем, что желали мира. А еще он был неудобен тем, что говорил правду. И потому он умер. Сразу после его смерти я пошел к царю и упросил его отпустить меня жить на море. Царь был добр и не отказал в моей просьбе. Он даже дал мне три города — на прокорм, одежду и вино. Три прекрасных города! Магнезия, Миунт и Лампсак, что в Пропонтиде.

— Выходит, ты богат?

— Был. Пока не пришли афиняне. Их эскадры захватили и разграбили Лампсак. Миунт и Магнезия объявили себя свободными после гибели парсийского флота. Теперь я живу здесь как частное лицо. И, видно, дни мои сочтены. Афиняне всюду ищут меня, требуя выдачи.

— Вернись к царю, — посоветовал Белый Тигр.

— Чтоб умереть от яда? Это я могу сделать и здесь, у моря. Так что прости, что не позвал тебя в свой дом. Мне не следует лишний раз напоминать миунтянам о своем существовании, принимая гостя. Здесь же на нас никто не обратит внимания.

— Какие обиды, Фемистокл! Прошли те года, когда я мог

позволить себе обижаться. Вот если б ты попался мне эдак лет пятнадцать назад!

Изгнанник усмехнулся.

— Пятнадцать лет назад я встречал тебя железом.

— Думаю, наш счет равен. Моя эскадра сократилась вполовину, но потопила сорок твоих кораблей.

— Да, были времена! — вздохнул Фемистокл, и глаза его на мгновенье затуманились. — Что привело тебя в этот городишко?

Белый Тигр немного помялся, но решил сказать правду.

— Я жду здесь одного человека.

— Он местный?

— Нет, он нанял меня в Иоппии[1], велев доставить сюда и ждать.

— И ты ждешь?

— Он платит золотом.

Эллин улыбнулся в бороду.

— Не узнаю пирата. Почему ты не помог ему расстаться со всем золотом сразу?

Сиеннесий задумчиво покачал головой.

— Он не из тех, кто легко расстается со своим золотом. Его деньги пахнут кровью.

— Ты испугался крови?

— Кровь бывает разной, эллин. Но когда человек платит деньгами, которые плавают в крови, я предпочитаю не ссориться с этим человеком.

Фемистокл растер рукой небольшую винную лужицу, багровым пятном протянувшуюся по столу.

— Ты заинтриговал меня, пират. Кто этот таинственный человек? Я знаю его?

— Может быть. Он невысок, сухощав, широк в кости. У него властное лицо и голубые глаза. И еще он никогда не расстается с посохом, хотя его ноги не нуждаются в дополнительной опоре. Он сказал, что ему нужно попасть в Сарды и обещал вернуться к восходу солнца.

— Ушел сегодня, чтобы вернуться утром! — Фемистокл расхохотался, невольно обращая на себя внимание окружающих. Испугавшись, что его узнают, изгнанник притих и зашептал:

— Он обманул тебя, пират. Даже имея самую лучшую лошадь невозможно обернуться до Сард и обратно одним днем. Ты имеешь дело с лжецом.

— Не мне судить. Он платит. А кроме того, он ушел туда пешком.

Фемистокл вновь собрался засмеяться, но передумал и утопил улыбку в чаше вина.

— Он придет к тебе завтра и будет плести, что побывал в Сардах, и ты ему поверишь?

— Он сказал, что принесет весть о смерти царя.

— Смерти царя?! — воскликнул Фемистокл. Сидящие за

соседними столиками люди вновь посмотрели на него. Эллин понизил голос до шепота. — Разве царь болен?

— Не знаю. Но этот человек сказал, что сегодня ночью царь Ксеркс умрет.

Изгнанник нахмурил брови.

— Ты говоришь странные вещи, пират. Мне не хотелось бы, чтобы все это оказалось правдой.

— Почему? Какое дело тебе до царя?

— Если Ксеркс умрет, завтра ты отправишься в море, а я к Ахерону. Царевичи ненавидят старика Фемистокла и жаждут его гибели.

— Так беги.

— Куда? За море? Везде рыщут корабли Кимона. И во всем мире нет державы, которая дала б приют изгнаннику Фемистоклу. Но все же я надеюсь, что твой гость — пустой бахвал.

— Мне жаль огорчать тебя, эллин, но он не из тех, кто бросается словами. — Сиеннесий допил бокал и перевернул его вверх дном. — Мне пора. Прощай и да будет милостлив к тебе Харон!

— Прощай, — едва слышно прошептал Фемистокл.

Вскоре он покинул корчму и вышел на берег моря, где долго смотрел на бушующую стихию, виновницу его великого взлета и ужасного падения. Он не говорил ни слова, а просто стоял, кутаясь в мокрый от соленых брызг, плащ, и смотрел...

И наступило утро. «Он принял самое благородное решение — положить своей жизни конец, ей подобающий. Он принес жертву богам, собрал друзей, подал им руку. По наиболее распространенному преданию, он выпил бычьей крови, а по свидетельству некоторых, принял быстро действующий яд и скончался... — Плутарх о Фемистокле.

* * *

— Мы можем дождаться тебя, дорогой брат!

— Нет-нет, ваше величество! Не утруждайте себя ненужным ожиданием! Я догоню великого царя по дороге.

И створки мягко, словно голос Гистаспа, сомкнулись за царской спиною...

Прежде Ксеркс ходил по дворцу, оберегаемый лишь четырьми евнухами, но сегодня его сопровождало не менее двадцати телохранителей, сверкающей цепочкой следовавших впереди и позади владыки. Страх гнал царя, не давая ему задержаться ни в одной из зал. Страх быть зарезанным, удушенным, отравленным. Страх...

После смерти Вкусителя палачи тут же принялись за работу. Они дробили суставы, жгли раскаленными щипцами члены, срезали кривыми ножами мясо с ребер. Потребовалось совсем немного времени, чтобы сразу пятеро слуг сознались в том, что пытались отравить царя, но ни один из них не смог объяснить где раздобыл яд и каким образом подсыпал его в царское вино. Еще

шестеро признались, что состоят в заговоре против владыки Парсы. Главою заговорщиков были названы Гидарн, Гистасп, Гаубарува и даже Мардоний, хотя кости последнего давно тлели в беотийской земле. Естественно, Ксеркс не поверил ни одному признанию мерзавцев и приказал продолжить дознание.

Одновременно были приняты дополнительные меры безопасности. По дворцу были расставлены многочисленные караулы из евнухов, бессмертных Дитрава, а также лучников-скифов, которым царь доверял более остальных. Воины встали на стенах, башнях, у четырех ворот, в коридорах и залах. Меж колонн шныряли сыщики хазарапата, пытавшиеся выведать какую-нибудь страшную тайну.

Дворец превратился в военный лагерь, насквозь пропитавшись звонким металлом, но на душе царя было неспокойно. Ксеркс вначале метался по своим покоям, затем попытался обрести душевное равновесие в гареме. Он был почти счастлив, когда к нему явился Гистасп, предложивший развлечься плясками рабынь, присланных из Согдианы. Крепкозадые, грудастые танцовщицы и беззаботная болтовня брата отвлекли Ксеркса от тяжких дум. Он даже выпил чашу вина, которую Гистасп предварительно пригубил на его глазах. Вино было превосходным. Ксеркс пил его мелкими глоточками и как-то незаметно забывал о кошмаре, который ему пришлось пережить во время обеда.

Уже смеркалось, когда владыка поднялся с мягкого ложа и выразил желание проследовать на ужин.

— Надеюсь, на этот раз обойдется без отравы!

Гистасп вежливо посмеялся, показывая, что оценил бравурную шутку повелителя. И створки двери сомкнулись за царской стеной...

Шаги мерно идущих людей гулким эхом разлетались по пустому коридору. Негромко позвякивали доспехи, потрескивали факелы в руках бессмертных. Их яркий огонь разжижал тьму и разрисовывал свод прыгающими комкообразными тенями, похожими на крылья летучих мышей. Эти тени были совсем нестрашны, от них даже веяло своеобразным уютом и Ксеркс тихонько посмеялся над своей былой трусостью.

— Наверняка всех убийц схватили и завтра они будут казнены! — пробормотал он еле слышно и повернул вслед за идущим впереди телохранителем-евнухом налево, к своим покоям. Здесь была галерея, некогда, при Крезе, украшенная уродливыми статуями лидийских витязей. Овладев Сардами, Кир повелел уничтожить изваяния и установить в нишах треножники. Наполненные конопляным маслом, они пылали ярким ровным огнем, подобным очам Ахурамазды. Здесь всегда было светло как днем. Всегда...

Ксеркс туповато уставился в широкую спину евнуха и внезапно сообразил, что в галерее непривычно темно. «Что такое?» — вопросила, мелко дрогнув, душа царя. И в этот миг все вокруг взорвалось ужасным грохотом.

Разом заорали множество голосов. Усиленные каменной теснотой, они уподобились громогласным воплям демонов, настигших свою добычу. Зазвенел металл, вскричали раненые и умирающие. Завопив от страха, Ксеркс прижался спиной к влажной поверхности стены. Повсюду в вспышках неверного света блестело оружие. Сражавшиеся — телохранители царя и напавшие на них люди в темных плащах — наносили друг другу удары и истошно кричали.

— К оружию! На царя напали! — кричали одни.

Ксеркс с вялым изумлением отметил, что примерно то же кричали и другие.

Все превратилось в хаос. Бойцы вонзали наугад мечи и копья, не зная точно враг перед ними или друг. Противно хлюпала кровь. Сразу в нескольких местах вспыхнули живые костры. Это факелы воспламенили одежду сражавшихся и теперь несчастные бросались от стены к стене, воя от ужасной боли.

Раздался короткий свист и рядом с головой Ксеркса ударилось тонкое лезвие кинжала, брошенного враждебной рукой. Царь скорчился, защищая лицо руками.

— Спасите царя! — завопил стоявший неподалеку бессмертный и тут же рухнул, сраженный мечом заговорщика. Выдергивая застрявший меж ребер клинок убийца чуть повернул голову, в тусклом свете гаснущего факела Ксеркс разглядел лицо Гидарна. Тот также увидел царя и, злобно ухмыляясь, устремился к нему. Ксеркс завизжал от ужаса, увидев как влажно блестящий меч падает на его голову. Однако клинок убийцы встретил на своем пути неожиданную преграду. Воин в длинных, до колен, доспехах парировал его мечом, зажатым в правой руке, а затем нанес сильный удар левой, державшей длинную палку. Кончик этой самой палки угодил Гидарну точно в переносицу. Закричав, вельможа выронил меч и схватился руками за лицо. Спаситель не терял времени. Вцепившись в царское плечо, он увлек Ксеркса вдоль по коридору обратно к покоям Гистаспа. Он расстался со своим мечом и парировал удары палкой, со звоном отбрасывавшей мечи и копья в разные стороны. Он был ловок и храбр, этот воин. Он сумел сделать то, что не удалось бы ни одному из парсийских витязей. Воин разбросал убийц и вытащил царя из кровавой свалки.

Они бежали по коридору, а позади топали ноги озлобленных неудачей заговорщиков. Спереди мелькали неясные тени и слышалось бряцанье оружия. Это могли быть бессмертные, спешащие на выручку царю, но это могли быть и убийцы. Воин, спасший Ксеркса, очевидно, подумал о том же. Поэтому он вышиб вдруг показавшуюся с правой стороны дверь и втащил царя в густую тьму с брезжущим вдалеке крохотным пятачком просвета. Они очутились в галерее, ведшей в одну из заброшенных сторожевых башен. Из последних сил, буквально вися на руке своего спасителя, Ксеркс одолел выщербленные ступени и мешком сва-

лился на пол. Звякнул наброшенный на дверь засов и в тот же миг снаружи заколотили мечи.

— Открывай! Мы все равно достанем тебя, жирный ублюдок!

Ксеркс узнал этот мерзкий, выкрикивающий угрозы, голос.

— Мегабиз! — выдохнул он, с трудом поднимаясь на ноги.

— Все верно, ваше величество.

Воин подкатил к двери огромный камень, неведомо откуда взявшийся в башне, и, поднатужившись, прислонил его к трещащим под ударами доскам.

— Теперь ее можно выбить только тараном.

Сказав это, спаситель повернул голову. Перед Ксерксом стоял Дитрав.

— Как, это ты?

Начальник первой тысячи усмехнулся.

— Кто, как не я должен оберегать великого царя от подобных злодейских покушений!

Ксеркс придержал рукой дергающуюся щеку и с некоторым смущением признался.

— А я всегда не доверял тебе.

— Напрасно. Предали все: Артаксеркс, Гидарн, Мегабиз, Артафрен, Кобос и даже Гистасп, но Дитрав остается верен до смерти.

С тревогой прислушиваясь к все усиливающимся ударам в дверь, Ксеркс забормотал:

— Я так обязан тебе. Если нам удастся спастись, ты станешь хазарапатом и самым богатым человеком в Парсе. Я дарую тебе привилегию сидеть в присутствии царя. Я...

— Спасемся! — бесцеремонно перебил Ксеркса начальник первой тысячи. Затем он странно взглянул на Ксеркса и прибавил:

— Это верно как пять моих пальцев!

Бессмертный резко разжал кулак правой рукой и поднес ее к лицу Ксеркса. Царь медленно повел глазами.

— Раз, два, три... пять... Пять? — пробормотал он. — Но ты не Дитрав!

— Точно.

— Тогда кто ты?

Взгляд Ксеркса упал на палку, которую спаситель держал в другой руке. В масляных глазах царя мелькнул страх.

— Я узнал тебя. Ты Артабан!

Пять стальных пальцев разом вонзились в заплывшее жиром горло. Лицо царя налилось кровью. Он суматошно замахал руками, пытаясь ударить убийцу по лицу.

— Тебе не обязательно называть вслух мое имя! — процедил спаситель и с силой ударил Ксеркса головой о каменную стену. Отпустив неподвижное, тело он преломил посох, извлекя тонкий, бурый от свернувшейся крови клинок. Острая сталь коснулась горла царя, но затем вдруг вернулась в свое деревянное укрытие.

— Я так много хотел сказать тебе перед тем, как отрезать твою глупую голову! — задумчиво прошептал спаситель. — И вдруг, когда ты оказался в моих руках, я понял, что не надо никаких слов. Просто твое время вышло. Так же, как и мое. Так пусть тебе свернут шею твои собственные слуги. Я не желаю больше участвовать в этом фарсе!

Бросив быстрый взгляд в сторону двери, которая в этот миг раскололась пополам, Дитрав подбежал к узкому окну и легко, словно до земли и не было двадцати футов, спрыгнул вниз.

Через несколько мгновений заговорщики вышибли дверь и ворвались в башню. Обнаружив на полу неподвижного Ксеркса, они немедленно вонзили в него мечи. Пол и темные одежды обагрились царской кровью. Затем труп выволокли во двор и бросили рядом с изуродованными до неузнаваемости телами Гаубарувы и царевича Дария. Гидарн, размахивая мечом, завопил:

— Царь умер!

И тут же, роняя с рук кровавые брызги, рухнул на колени перед бледным от волнения Артаксерксом.

— Да здравствует новый владыка Парсы!

Так пришла иная эпоха. Эпоха Эфиальта и Перикла, Сократа и Эсхида. Это была эпоха и Артаксеркса.

А вдалеке отсюда шел по скошенному полю человек. Странный человек, словно сотканный из противоречий. У него были глубокие глаза мудреца, а тяжелые руки таили силу великого воина. Шаги его были легки и неслышны, но человек почему-то опирался на посох.

Он шел к морю, где ждал корабль, который должен был увезти человека в новую жизнь.

И никто в этом мире не знал, что на закате солнца человек покончил с жизнью прежней.

Он умер. Умер, чтобы возродиться вновь.

Его время вышло. Настало время **его другого.**

«Многие умирают слишком поздно, а иные слишком рано. Еще странно звучит правило: «Умри вовремя!»

Умри вовремя: так учит Заратустра[1].

Странник шел к морю...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сто пятьдесят лет спустя. Парса

И пришел час расплаты...

Сарды, Вавилон и Сузы встречали македонского полководца как триумфатора, пышно и восторженно. Парса принимала его как захватчика — безмолвием, запыленными тоскливыми улицами, редкими, прячущими взгляд жителями.

Армия Запада, одержавшая великие победы при Гранике[1], Иссе[2], Гавгамеллах[3] блестящим потоком втягивалась в уродливо-бесконечные джунгли Парсы. Медленно печатали шаг педзэтайры[4], чьи сандалии впитали пыль Фригии и Лидии, Карии и Памфилии, Каппадокии и Киликии, Сирии и Кемта, Вавилонии и Армении, Мидии и вот теперь Персиды. Двадцать тысяч призванных к оружию крестьян, они по мановению руки македонского гения образовывали двадцатишестирядную фалангу, ощетиненную частоколом сагарисс[5] и не было в мире войска, способного прорвать эту бронзовую стену. Рядом шагали гипасписты,[6], чьи щиты серебряно блестели на солнце, легконогие агриане[7] и пеоны[8], эллинские наемники-гоплиты. Скакали на добрых конях отважные фессалийцы и могучие, закованные в тяжелые доспехи гетайры[9], стремительным натиском вырывавшие победу в сражениях.

Сам Александр, живой бог, царь Македонии и Азии, ехал во главе царской агемы[10] гетайров, среди друзей, неустрашимых в битвах и неуемно-разгульных на пирах. Птолемей, Филота, Клит, Кратер, Евмен, Пердикка — «старая гвардия» Александра, витязи, которые в свои неполные тридцать лет уже имели по тридцать шрамов, полученных в битвах. Одни из них вознесутся высоко и обретут собственные царства, другие погибнут в стычках или обвиненные в измене, любимец царя Гефестион умрет от лихорадки. Но все это будет потом, а сейчас они живы, бодры и счастливы, что достигли наконец цели, к которой стремились долгие четыре года.

Александр входил в Парсу победителем, но столица восточной империи отказывалась признать его таковым. И потому царь был мрачен, а славящееся белизной кожи лицо белело от гнева. Нет, не такого приема ждал он от этого города. Восторженные крики толпы, коленопреклоненные вельможи, столы для угощения воинов, расставленные прямо на улицах и площадях. Так было прежде и все это стало уже привычным. Так встречают победителя, так встречают нового владыку. Парса же облачилась в безмолвный плащ траура. Большая часть жителей скрывалась за стенами домов, лишь немногие стояли вдоль улиц, хмуро взирая на усталых, обожженных солнцем воинов. Ни единого приветливого жеста, ни единого цветка, брошенного на мосто-

вую. И жуткая, неестественная тишина, разрываемая лишь лязгом металла, цоканьем копыт и размеренным топотом тысяч ног.

Был полдень, но на Александра дохнуло холодом. Царь поплотнее запахнул плащ и дернул поводья, заставляя верного Букефала ускорить шаг. Конь, обеспокоенный мрачной тишиной, всхрапнув, перешел на галоп. Телохранители также подстегнули своих скакунов и устремились вслед за полководцем.

Двигаясь по широкой, вымощенной ровными брусками, улице всадники достигли платформы, на которой возвышался царский дворец.

За те полтора столетия, что минули со времен Фермопил и Саламина, резиденция парсийских владык претерпела значительные изменения. Каждый царь достраивал и реконструировал дворец, внося в него что-то новое, сообразно собственному вкусу. Свой прежний облик полностью сохранила лишь ападана, слишком грандиозная для того, чтобы быть перестроенной. Большинство старых строений, примыкавшим к тачарам, построенным Дарием и Ксерксом, были снесены, а на их месте возникли новые хоромы, порой совершенно несхожие по стилю с основным комплексом.

Более других уделял внимание дворцу Артаксеркс Долгорукий, сын великого Ксеркса. Ненавидя все эллинское, он проводил большую часть времени в Парсе и потому особенно заботился о благоустройстве царского жилища. Артаксеркс довершил возведение дворцового комплекса, придав ему окончательный вид, соответствующий традициям предков и архитектурным канонам древней Вавилонии — глухие стены, несметное изобилие разноцветной мозаики и изображений крылатых божеств. Потомки Артаксеркса: слабовольный Дарий 2, Артаксеркс 2 Мнемон, победитель спартиатов при Книде, и Артексеркс 3 по прозвищу Ох также приложили руку к украшению дворца, хотя предпочитали жить не в Парсе, а в Сузах, Вавилоне или Пасаргадах. Но эти, последние доделки были в значительной мере нелепы и нарушали великолепную архаичную архитектуру, преисполненную строгости и чистоты.

Огромный, богато отделанный мрамором и гранитом, драгоценными сортами дерева и посеребренными пластинами, мозаикой и фресками, дворец подавлял своей грандиозностью и восточным великолепием. Он был подобен медленной музыке, расплескавшей свои тяжелые формы по ложу террасы. Он походил на диковинный каменный лес, вонзающийся в небо остриями сотен колонн. Он подавлял своей монолитной мощью и еще раз напоминал о суетности всего живого пред незыблимой властью парсийских владык, осененной милостливым покровительством Ахурамазды.

Взобравшись по царской лестнице наверх, македоняне долго рассматривали священную обитель Ахеменидов.

— Мерзкое зрелище! — вымолвил, наконец молодой царь,

созерцая крылатых быков с человеческими лицами. — Уродливо, как и все у варваров. Я так долго стремился попасть сюда, но теперь мне даже не хочется входить в этот каменный ящик, напоминающий скорее склеп, чем жилище владыки мира.

— А мне хочется жрать, — сказал Гефестион.

— Ну что ж, тогда войдем, — решил Александр. — Посмотрим, хороши ли здешние повара.

Надсмехаясь над каменными изваяниями, македоняне прошли через портик Ксеркса и очутились в тачаре. Здесь, как и во всем городе, не было видно ни души. Александр помрачнел.

— Нет, так не встречают владыку! — едва слышно прошептал он, а вслух велел:

— Птолемей, найди кого-нибудь!

— Хорошо, Александр!

Прихватив с собой несколько гетайров, телохранитель исчез за медными дверьми. Чтобы убить время Александр принялся разглядывать внутреннее убранство покоев.

— А здесь не так-то дурно, как кажется на первый взгляд, — спустя несколько мгновений заметил он, обежав глазами покрытые множеством ковров стены, мозаичный стол, дорогую мебель, окна, полуприкрытые пурпурными занавесями.

— Да, — моментально согласился Гефестион, вообще неравнодушный к восточной роскоши. — Здесь можно неплохо повеселиться.

— Повеселимся! — зловеще процедил царь.

Гетайры разбрелись по зале, рассматривая и трогая разные безделушки. Кратер взял со стола роскошную тонкостенную вазу и с глупым смехом бросил ее на пол. Сосуд разлетелся на множество разноцветных кусочков. Македоняне насторожились и обратили взгляды на Александра. Тот криво усмехнулся, но ничего не сказал. Тогда Клит ударил о стену другой вазой, а могучий Евмен повалил мраморную статую. Зала наполнилась грохотом. Летели подбрасываемые ногами кресла, искрились осколки яркой посуды. Филота с остервенением потрошил мечом пуховые подушки.

— Хватит! — внезапно крикнул Александр. Гетайры застыли. Клит неохотно поставил на место вазу, а доблестный сын Пармениона[1] сунул в ножны меч. Эти старые рубаки ненавидели варварскую роскошь. Александр не хотел ссориться с ними по пустякам.

— Оставим до поры до времени дворец в покое. Я понимаю ваши настроения, друзья, но ведь он теперь принадлежит мне. Решим его судьбу позже. А вот и Птолемей! — обрадовался царь, поворачиваясь к вошедшему в залу телохранителю, следом за которым в окружении гетайров шли несколько богато одетых персов, согбенные фигуры которых выражали страх и раболепие. Признав в Александре царя, персы дружно пали ниц. Клит, Кратер и Филота, словно по команде презрительно усмехнулись,

но Александр и прочие македоняне восприняли этот жест вполне благосклонно.

— Кто вы? — спросил царь. Стоявший рядом с ним переводчик-эллин задал тот же вопрос на фарси.

Один из парсов, дородный старик с выкрашенной хною бородой, подполз к ногам Александра и быстро заговорил. Эллин перевел.

— Он один из дворцовых евнухов по имени Фарпорт, а остальные — слуги Дария.

— Почему они не встречают нас?! — резко бросил царь.

Переводчик залопотал на варварском языке, после чего старик принялся биться головой об пол и что-то причитать, вызвав усмешку эллина.

— Он говорит, что начальник дворца и все его помощники сбежали, а сам он не осмелился представить свою ничтожную персону взору непобедимого царя Македонии.

— Скажи ему, что владыка Азии назначает его начальником дворца. Он должен навести здесь порядок и приготовить все для пира. А сейчас пусть даст нам поесть!

Узнав, что желает царь Александр, перс оживился. Высокая милость, сказанная царем, обрадовала его. Ударившись еще несколько раз головой об пол, евнух быстро забормотал.

— Рыжебородый говорит, что все будет сделано и просит царя и его слуг проследовать за ним в царские покои, где для них накроют достойный царского величества стол.

Проголодавшиеся гетайры радостно загалдели. Александр велел:

— Пусть ведет! Птолемей! — Телохранитель предстал перед царем. — В этом городе нас плохо приняли. Доведи до сведения таксиархов[1], что я отдаю город на три дня в полное распоряжение воинов. Пусть отдыхают и веселятся. Золото, вино, женщины — все принадлежит им!

Птолемей кивнул головой и убежал, а Александр и его соратники проследовали за свежеиспеченным начальником дворца, который привел их в залу, где прежде трапезничали парсийские цари.

Трапеза была приготовлена с поразительной быстротой и отличалась варварским великолепием. Македоняне жадно поглощали пищу, запивая ее неразбавленным вином. Все шумели, смеялись и произносили громогласные здравницы. Время от времени входили командиры ил[2] и таксисов[3], тут же занимавшие место за столом и присоединявшиеся к трапезе. Дворцовые слуги с изумлением взирали на крикливых македонских вельмож, своим поведением столь несхожих со степенными парсийскими сановниками. Трапеза уже близилась к концу, когда вошедший Птолемей что-то прошептал царю на ухо. Александр выслушал телохранителя и тут же вышел. Вслед ему звучал хохот, от которого царь недовольно поморщился. Это Птолемей объявил причину, заставившую царя оставить стол.

Причиной была женщина, единственная женщина, сумевшая привлечь внимание Александра. Она была афинянкой и звали ее Таис.

* * *

О Таис дошло немного сведений. Известно лишь, что она была самой знаменитой афинской гетерой, как и самой дорогой; одна ночь любви ее стоила целое состояние. Известно, что она была подругой многих великих эллинов: философов, поэтов, демагогов, полководцев. Известно, что она была одной из образованнейших женщин Эллады. И главное — она считалась самой красивой женщиной своего времени.

И была ей.

Бывает, женщина кажется красивой оттого, что считается таковой. Клеопатру, дурнушку, пленившую двух триумвиров экзотикой неведомого Востока, считали неотразимой красавицей, и она сама поверила в это, заставив поверить в то же и нас, далеких потомков.

Но красота Таис не была надуманной, она была настоящей. Вообразите золотистокожую красавицу с изящным, словно у праксителевой Афродиты носиком и подобными лепесткам левантийской розы губками, то и дело приоткрывающими изумительные черточки ровных жемчужных зубов. Безупречный овал лица обрамляли локоны светло-желтоватых, с легкой рыжинкой волос, волной ниспадающих на хрупкие плечи и ниже — до изящной волнующей талии. Фигура Таис была столь великолепна, что при взгляде на ее точеные ножки и высокую нежную грудь у мужчин перехватывало дыхание. Но самым прекрасным были глаза — бездонные родники, наполненные самой чистой в мире водой, искрящиеся, переливающиеся, ликующие, смеющиеся; темно-синие, штормовые перед грозой и наполненные апельсиновым цветом в мгновения радости. Эти глаза манили, завораживали, пленили. От этих глаз невозможно было отвести взор.

Так случилось и с Александром. Великий полководец смотрел в глаза Таис и не мог вырваться из их сладкого плена. Тогда девушка опустила глаза и тихо засмеялась. Помотав головой, царь перевел взгляд левее изящной головки афинянки.

— Ты единственный неприятель, какому я смог бы проиграть битву, — признался он.

Таис продолжала улыбаться.

— Разве я неприятель?

— Нет... Я... — Царь македонян, бесстрашно смотревший в глаза мириадам врагов, неожиданно смутился. — Ты...

— Твои воины разоряют город.

— Да. — Александр обрел дар речи. — Парсы негостеприимно встретили нас. Я научу их быть радушными.

— Они пытаются разгромить храм Ахурамазды, — продолжала Таис. — Я только что оттуда. Жрецы затворили ворота и

собираются защищать священный огонь. Если македоняне потушат его, Персида, Мидия и Ариана поднимутся против тебя. И это будет уже война не за царский престол, а война за поруганные святыни. Это будет война на полное истребление. Ты, конечно, перебьешь этих людей, но половина македонской армии поляжет на обезлюдевших пространствах Азии.

Таис хотела прибавить еще что-то, но Александр уже все понял. То, о чем говорила гетера, было более, чем серьезно. И македонянин решил:

— Мне, конечно, стоило б проучить этих магов за поругание эллинских святынь, но ты права — в этом деле нельзя переступать известную грань. Я сейчас же кликну гетайров и освобожу этот храм. А вечером я приглашаю тебя к царскому столу.

Царь взглянул на Таллию, словно спрашивая: ты довольна? Девушка склонила голову, благодаря, и тут же прибавила:

— Если царь не против, я хотела бы пойти с ним.

— Царь не против. Обожди меня здесь.

Полы багряного плаща разлетелись по воздуху, Александр стремительно удалился в обеденную залу...

Вскоре группа гетайров во главе с царем и Таис уже стояла у восточного храма Ахурамазды, главного святилища Парсы. Здесь собралось несколько сот воинов, предпринимавших отчаянные попытки проникнуть сквозь храмовые ворота. Среди буянов было немало педзэтайров, несколько гипаспистов, но в большинстве своем сюда сбежались эллинские наемники, алчущие золота, которое по их мнению хранилось в храме.

Представ перед возбужденными воинами, Александр потребовал, чтобы они немедленно покинули храмовую площадь. Окружившие царя гетайры выразительно взялись за рукояти мечей. Воины были пьяны, и от них можно было ожидать чего угодно. Однако даже во хмелю они не осмелились возразить своему непобедимому царю, которого боготворили. Немного погудев, толпа растеклась по близлежащим улочкам, вламываясь в дома в поисках женщин, золота и вина. Александр положил руку на плечо стоящей рядом Таис.

— Они ушли. Ты довольна?

Повернув свою чудесную головку, афинянка взглянула на царя. Она была много ниже и оттого выглядела хрупкой и трогательно-беззащитной. В глазах девушки плескалась синева великоморья.

— Почти. Но теперь они пошли убивать и насиловать.

— Таков удел этого города. Парса — город-трутень, гнойник на теле Азии. Она не производит, а лишь пожирает произведенные другими богатства. Ее удел — умереть, угаснуть, превратиться в пустынную пыль!

— Однако, ты жесток.

Подобное признание скорей польстило Александру, легкая улыбка тронула его белые губы. Однако царь решился возра-

зить, заботясь о том, чтоб его слова были эффектны.

— Не более, чем моя эпоха.

Заметив, что гетайры прислушиваются к их разговору, Александр спросил:

— Ты будешь сопровождать меня во дворец?

Афинянка отрицающе качнула головой.

— Нет, я хочу побывать в храме.

— Тогда я пойду с тобой, — решил македонянин.

Он подошел к воротам храма и постучал в них кулаком.

— Открывайте! Царь Азии хочет осмотреть храм.

Ответом было молчание. Рассердившись, Александр забарабанил вновь, на этот раз рукоятью меча. И снова никакой реакции. Язвительный Филота невежливо хахакнул. Царь побледнел от гнева, жилы на его шее вздулись. Казалось, еще мгновенье и он прикажет гетайрам взять храм приступом. Однако Таис упредила подобный необдуманный поступок. Встав рядом с Александром, она заговорила звонким чистым голосом, который, по слухам ставил ей сам Демад[1], за что Таис расплачивалась с оратором любовью. Гетера произнесла лишь одну фразу, как показалось македонянам на фарси. Через миг двери распахнулись.

— Ты знаешь язык парсов! — воскликнул Александр. Вопрос этот не нашел ответа, так как Таис уже вошла в храм. Царю не оставалось ничего иного, как последовать за девушкой.

Оказалось, Таис знала не только фарси, но и местные обычаи. Минуя застывших у двери жрецов — их бесстрастные бритые лица и белоснежные одежды наталкивали на мысль о полной отрешенности от мира — гетера извлекла из-за пояса тонкий прозрачно-зеленоватый платок и обернула его вокруг головы таким образом, что совершенно скрыла нос и свой изящный ротик.

— Сделай то же самое, — велела она царю, не оборачиваясь.

Тот хотел было рассердиться, но передумал и стал осматриваться в поисках необходимого куска материи. Так как ничего подходящего под руку не попадалось, царь сбросил с плеч великолепный пурпурный плащ искусной работы Геликона, оторвал часть его и обернул драгоценной материей шлем, оставив свободными лишь глаза. Края ткани, небрежно завязанной на затылке свисали до середины спины, придавая царскому одеянию шутовской вид, и Александр почувствовал себя несколько неловко. Опасаясь, что гетайры заметят его смущение, царь швырнул остатки плаща на землю и поспешно шагнул вслед за Таис. Его примеру последовали Гефестион, Кратер и Птолемей, также пожертвовавшие своими плащами. Остальные предпочли остаться снаружи.

Внутри храма, который, как оказалось, представлял собой попросту огороженный высокой стеной двор, было пустынно. Здесь не было ни статуй, ни украшений, ни жертвенных чаш и посвящений, столь обычных для эллинских святилищ, не было

фресок и драгоценной посуды, а также изображений чудовищ, как в храмах Вавилонии, не было изящных каменных барельефов, обычных таинственным святилищам Кемта. Единственным культовым сооружением был расположенный посреди храма алтарь, на котором пылало девственно чистое пламя. Языки этого пламени были прозрачны настолько, что сквозь них были видны руки жреца, стоящего за алтарем. Как уверяли Александра переметнувшиеся на сторону македонян парсийские вельможи, силу этому огню давало горячее дыхание земли, вырывающееся из бездонных глубин, расположенных дальше бездн Тартара.

Таис остановилась у алтаря и завороженно устремила взор на огонь. Александр подошел к ней. Вначале он, как и девушка, глядел на пламя, протягивавшее скользкие языки вверх, словно пытаясь взвиться в манящее небо, затем перевел взгляд на Таис. В ее опушенных выгнутыми ресницами глазах плясал багровый вихрь. Мешаясь с аквамарином глазных яблок, он окрашивал очи девушки багровым туманом, в котором мелькали алые вспышки, подобные стремительным молниям. Эти молнии пронизывали глаза гетеры насквозь и оттого казалось, что они наполнены колдовской силой.

Раздался негромкий кашель. Александр и Таис одновременно повернули головы. Рядом с ними стоял неслышно подошедший маг. Лицо его было наполовину прикрыто повязкой, волосы блистали белизной. Парс отвесил поклон и произнес короткую фразу.

— Он благодарит тебя, царь, что ты спас храм Ахурамазды от поругания, — сказала Таис.

— Скажи ему, что владыка Азии заботится о любой вере, при условии, что эта вера признает его царскую власть.

Таис хотела перевести ответ царя, однако маг опередил ее.

— Не стоит утруждать себя, красавица, я знаю язык эллинов.

— Вот как! — Александр принял слегка напыщенную позу, скрестив на груди руки. — Я много слышал о твоей вере, маг!

— Мне ведомо, что идеи Заратустры известны эллинским мудрецам, в их числе и светлому разумом Аристотелю.

— Верно. Учитель не раз говорил мне, что знаком с учением Заратустры, но не захотел посвятить меня в его суть. Я так и не смог понять почему.

Вокруг глаз жреца появились морщинки, свидетельствовавшие о том, что парс улыбается.

— Он опасался, что ты увлечешься этими идеями и твой поход обретет совершенно иные цели.

— О чем ты?

— Пойдем. — Маг поманил царя рукой.

— Куда?

— В мой дом. Я объясню тебе суть сокровений, какую пытался скрыть от тебя Аристотель.

Александр заколебался.

— У меня были иные планы, жрец.

— Пойдем! — попросила Таис, коснувшись тонкими пальцами царской руки. — Я просто ужас как хочу узнать, что собирается рассказать нам этот маг. Говорят, они все великие волшебники!

— Не бойся, тебе не причинят вреда, — прибавил парс.

— Бояться? Мне? — Александр засмеялся. — Ступай вперед, жрец! Я лишь скажу своим гетайрам, чтоб ждали меня у ворот храма.

Александр подозвал к себе стоявших неподалеку друзей и что-то негромко сказал им. Глаза воинов посуровели, они с подозрением посмотрели на мага, однако перечить царю не осмелились. Придерживая мечи, македоняне пересекли храм и скрылись за воротами.

— Сюда, — сказал жрец и повел гостей в свой дом.

Право, мало кто б решился назвать это убогое жилище домом. Скорее, это было похоже на каморку раба, не имевшую ко всему прочему крыши. Ее заменяли небольшие, не шире фута карнизы, дававшие чисто символическую защиту от солнца и еще меньшую от дождя. Посреди «дома» располагался плоский камень, игравший роль стола, вокруг которого были разложены ветхие куски ткани, предназначенные для сидения. Демонстрируя неприхотливость, царь немедленно устроился на одном из них.

— Я знаком с философом Диогеном, самым бескорыстным из всех живущих. Домом ему служит винная бочка, одеждой — ветхое рубище, а питается он оливками и черствым хлебом. Когда я однажды спросил мудреца, желает ли он, чтобы я для него что-нибудь сделал, сей Диоген ответил: подвинься, ты загораживаешь мне солнце. Признаюсь, подобный ответ восхитил меня. Так вот, бочка, в которой живет сей мудрый старик, может показаться дворцом по сравнению с твоим жилищем.

Маг выслушал эту тираду и усмехнулся. Он уже избавился от своей лицевой повязки, так что гости могли рассмотреть его лицо. То было лицо аскета, познавшего сокровенный смысл жизни.

— Диоген — дешевый фигляр. Хотя ему нельзя отказать в мудрости и цинизме.

— Однако, ты дерзок, маг! — сердито проговорил Александр. — Как твое имя?

— У меня нет имени. Я ученик Заратустры. Зови меня так. — Меж слов маг извлек из груды тряпья глиняный сосуд и показал его царю. — Вина?

У Александра давно пересохло во рту, но царь не желал в этом сознаться. Вино предполагает долгий разговор, Александр же не думал задерживаться в этом странном месте.

— Если оно такое же, как твой дом, то не стоит.

— Важен не внешний облик, а содержание, — нравоучи-

тельно заметил маг. — Мой дом удобен мне. Здесь всегда веет свежий ветер, днем согревает солнце, а ночью я любуюсь звездами. Я не могу предложить золотых кубков, но смею заверить, мое вино куда лучше того, что хранится в дворцовых подвалах.

С этими словами парс наполнил золотистой жидкостью три убогих глиняных чаши. Александр осторожно пригубил напиток и нашел его превосходным.

— Действительно, твое вино отменно! — признался он.

— Может быть, царь желает разбавить его, как это делают эллины? У меня найдется чистейшая родниковая вода.

— Нет, я предпочитаю пить вино неразбавленным. В подтверждение своих слов царь осушил чашу до дна.

Хозяин одобрительно кивнул.

— Я тоже употребляю сей божественный напиток в чистом виде. Не стоит смешивать стихии. От этого они теряют свою первозданную силу.

Таис промолчала, но судя по выражению очаровательного лица, вино ей тоже пришлось по вкусу.

Какое-то время все трое уделяли должное прекрасному напитку, затем маг поставил чашу на пол и произнес:

— Теперь, если почтенные гости не против, пришло время посвятить вас в тайны учения Заратустры. — Царь утвердительно кивнул и надел маску задумчивости, словно желая показать, что он весь во внимании.

Маг взял прислоненный к стене бамбуковый посох и начертил на земляном валу круг, разделив его последующим движением надвое.

— Мир состоит из двух частей, противоположных по сути. Как день и ночь, огонь и вода, земля и воздух, живое и мертвое. И даже больше. Все то, что я перечислил подразумевает наличие полутонов: утро, вечер, пар, невесомая пыль, момент умирания, когда сердце не бьется, а мозг еще не лишился последних желаний. Мир же подобен этому кругу, разделенному на две половины, одна из которых черная, словно сажа, а другая — белее горного снега. И грань между ними столь тонка, что не содержит полутонов. Это есть грань! Мир есть противостояние двух враждебных сил, несовместимых друг с другом, мир есть противостояние добра и зла. Черное и белое. Ахурамазда и Ариман. Они вечно борются между собой и в этом заключена суть того мира, в котором мы живем. Наш мир и существует лишь благодаря этой борьбе. Как только она завершится, и злое начало исчезнет, в начале благом возникнет новая суть, осененная появлением совершенного человека, поборовшего зло ради добра. В этом суть истины.

— Я перебью тебя, маг, — лениво вставил Александр. — Мы, эллины, считаем иначе. Нет ни добра, ни зла. Есть провидение и человек, покорный этому провидению. И как провидению угодно, так и случится. А добро и зло столь сильно перемешаны

между собой, что трудно понять, что из них в том или ином случае одерживает верх.

— Мне ведомы идеи мудрецов Эллады. Мы черпаем немало премудростей из их учений, так же, как они используют мысли, порожденные устами Заратустры. Мы не отрицаем судьбу. Мы лишь именуем ее временем. Изначально время властвует над всем, но его власть ограничивается, когда возникает добро и зло. Эти силы составляют душу человека и в зависимости от того, какая одерживает верх, человек совершает добрые или злые поступки. Добро делает человека мудрым, зло делает его сильным. В наш век существует зло и это век силы, но когда данная сила породит человека, великого духом, подобно Заратустре, то она превратится в мудрость и наступит век добра. Лишь мудрый черпает силу от осознания своей мудрости. Лишь мудрый может подчинить себе пороки и слабости. Лишь мудрый искоренит жестокость и беззащитность. Придет сильный человек. Придет человек мудрый. Он будет схож с нами телесной оболочкой, но разниться по внутренней сути. Его не будут волновать ни золото, ни низменные страсти, ни власть. Он не будет подвластен ни похотливым женщинам, ни блеску царской короны, ни жажде славы. Он будет велик от осознания, что он тот, кому предназначено владеть миром, и он овладеет им...

Александр жадно внимал магу и в его глазах загорались демонические огоньки. Царь дрожал от возбуждения. Таис, скрывая усмешку, наблюдала за македонским Ахиллом.

— ...Настанет век великого; мудрого льва, переступающего через пропасть человеческого несовершенства. Он отметет когтистой лапой людской тлен. Исчезнут слабые и мир, покоренный мудростью, заполнят сильные люди. И порукой тому будет очищающий огонь, что вспыхнет на обломках мишурного величия. Он воспылает, когда сильный поймет суету этого мира и отречется от него ради мира грядущего. И говорящий орел сядет на его локоть, а говорящий лев ляжет у его ног. И тогда падут все царства, расположенные на севере, востоке, юге и западе. И весь мир склонится перед волей сильного. Ты внимаешь мне, царь?

Александр вздрогнул.

— Да, — ответил он поспешно. — Когда же придет время сильного?

— Когда человек отрешится от низменных мыслей о богатстве, славе, чувственной любви, бессмысленной мести. Когда он поймет, что золото, острая сталь, плотские успехи — ничто в сравнении с великой целью. Когда он, узря эту цель, обретет право сказать: я сильный! Я мудрый!

— А что это за цель?

— Мир. Сильный должен владычествовать над миром. Он должен овладеть им и наполнить его светом, ослепительным огнем Ахурамазды. И тогда он обретет волю, подобно которой

не имели самые могущественные боги. Ведь только владычествующий над миром вправе обладать подобной волей. Волей сильного. Волей мудрого. Так учил Заратустра.

— Ты хочешь, чтобы я покорил мир?

— Мало покорить. Поставленный на колени поднимется вспять. Нужно наполнить мир мудростью, испускающей силу. Нужно изменить человека, подчинить его своей мудрой и сильной воле, и высокой цели добра. Необходимо заставить его преисполниться благовением перед этой целью. И тогда великий, что обрел силу, первым воцарится над совершенным миром. В этот день вернется на землю Спитама — Заратустра. Я все сказал, царь!

Александр провел рукой по вьющимся, свободно падающим на лоб волосам, словно пытаясь обрести стройность мыслей.

— Ты мудр, маг. Я хочу, чтобы ты присоединился к моему войску. Тебе будет оказан надлежащий почет.

— Это невозможно, царь, — ответил жрец. — Я могу стать устами лишь сильного.

— А я по-твоему слаб?

— Пока да.

Александр бросил на парса высокомерный взгляд.

— Через три дня мое войско пойдет в Мидию. А дальше будут Гиркания, Ария, Согдиана, Бактрия. Тебе мало этого, маг?

— Это много для первого мага Персы, но недостаточно для ученика Заратустры. Ведь еще есть Индия, Карфаген, Ливия, Иберия, страны этрусков, самнитов, латинян и галлов. А кроме того есть скифы, геты, гунны, германцы, кельты, пикты.

— Я покорю и их!

— Вот тогда ты напомнишь мне о своем предложении и я склонюсь перед царем мира. И тогда придет Заратустра.

Александр вдавил побелевшие пальцы в виски.

— Бред! Ты сумасшедший, маг! У меня ужасно болит голова. Я устал. Прости, маг, но я оставлю тебя.

— Как будет угодно царю. Я провожу вас до ворот храма.

Хозяин, держа в руке посох, первым оставил свое убогое жилище. Александр и Таис вышли следом за ним. Они вновь прошествовали через храм, причем маг и афинянка спрятали оскверняющие дыханием священный огонь уста за тканью, а Александр совершенно забыл об этом. Он шел мимо алтаря, широко открыв невидящие глаза. Храмовые служки с негодованием смотрели на него.

Перед тем, как покинуть святилище Таис поклонилась священному огню, после чего бросила быстрый, почти неуловимый взгляд на мага. В ее зрачках плясали золотистые искорки, точно такие же заполняли глаза ученика Заратустры. Провожая гетеру за ворота, жрец незаметно коснулся рукой ее спины и крикнул вслед Александру:

— Помни, царь! Сила и мудрость. Лишь они знаменуют приход царства добра. Сила и...

И медные створки сомкнулись.

* * *

Пир был назначен в Тронном зале.

Подобно ападане этот зал поражал своей грандиозностью. Его монолитные стены были сложены из обожженного на солнце кирпича, покрытого поверх плотной, цвета выгоревшей травы штукатуркой. Впрочем, серо-зеленоватый оттенок можно было заметить наверху, у самых балок, так как ниже все было сплошь завешано коврами и плотными занавесями. Свод зала, сооруженный из мрамора, кедра и покрытой золотом бронзы был столь массивен, что для поддержания его строителям пришлось установить сто громадных колонн, отчего помещение стало похоже на диковинный каменный лес со сросшейся золотистой кроной. Посреди на высоком семиступенчатом пьедестале возвышался царский трон. В былые времена на нем восседали парсийские цари. Окруженные разодетыми вельможами и телохранителями, они принимали здесь сатрапов и иноземных послов. И не было зрелища более восхитительного, но ему уже не суждено было повториться.

Вернувшись из храма, Александр повелел освободить пьедестал. Трон был сброшен вниз и сволочен в казнохранилище, где юркие казначеи-эллины вели подсчет захваченных богатств. На его месте дворцовые слуги установили стол, за которым должны были пировать царь и его ближайшие друзья. Вокруг разместились множество других столов, предназначенных для гетайров, военачальников, а также парсийских вельмож, примкнувших к победителю. Столы были заставлены драгоценной утварью, исключительно золотой. Александр приказал Птолемею передать новоиспеченному начальнику дворца, что прикажет распять его, если обнаружит на столе хотя бы один серебряный кубок. Тысяча гостей — ровно столько пожелал видеть царь в день своего величия. И слуги водрузили на столы тысячу золотых кубков, две тысячи золотых блюд и немалое число кувшинов и сосудов для омовения рук, сделанных из того же драгоценного металла. Богатство Парсы было поистине неисчислимо.

Уже смеркалось, когда начали сходиться гости. Слуги зажгли сотни опитанных земляным маслом факелов, установив их в медные пальмообразные треножники. Ровный и яркий огонь заблистал на драгоценной посуде и доспехах воинов, алыми пятнами пробежал по пурпурным плащям вельмож и умер в ворсистом плену ковров. Гости расхаживали по залу, негромко переговариваясь. Все ждали появления царя, и наконец он появился.

Тронный зал имел четверо великолепных медных ворот, взиравших ослепительно-яркими створками на четыре стороны света. Владыки Парсы неизменно входили через восточные ворота. Завоеватель выбрал ворота западные. Они распахнулись, и в круге заходящего солнца возник темный силуэт царя. Он ворвался в залу столь стремительно, что всем показалось будто дохнуло свежим ветром. Следом шли верные гетайры, приближен-

ные к царю парсийские вельможи, а также мудрецы, актеры и гетеры, среди которых выделялась своей ослепительной красотою Таис. При появлении царя собравшиеся громко закричали, приветствуя победоносного вождя. Александр отвечал им белозубой улыбкой.

Промчавшись ослепительной молнией между столами и рукоплещущими людьми, царь вбежал на пьедестал и вскинул вверх правую руку.

Зал замер. Гетайры, из числа самых близких, уже успевшие взобраться на первую ступень, остановились, лишь Гефестион пытался подняться выше, но тяжелый взгляд Александра и внезапно установившаяся тишина принудила его застыть на месте.

— Друзья! — звонко воскликнул царь. — Соратники! Братья! — На каждое обращение Александра зал отвечал оглушительным эхом. — Все те, кто стояли бок о бок со мной в яростных схватках и шли рядом в трудных походах, и те, что присоединились ко мне лишь недавно! Я приветствую вас в этот великий день! Великий потому, что мы, наконец, достигли своей грандиозной цели. Мы пируем во дворце парсийских царей, откуда полтора столетия назад мидяне начали свой поход на Элладу. Тогда эллины не отдали врагам родных очагов, разбив их на суше и море. А сегодня мы свершили великую месть, справедливость которой предначертал сам Зевс-громовержец. Я, Александр, царь Македонский, сын Филиппа и потомок Геракла, исполнил заветы предков, при помощи ваших клинков и копий сокрушив великое парсийское царство и отомстив тем самым за поруганье эллинской земли! Радуйся, Эллада, твои сыны возвестили тебе благую весть!

Собравшиеся в зале исторгли ликующий вопль. Кричали гетайры и эллинские стратеги, падали ниц лицемерные парсийские вельможи, седые воины, сражавшиеся под началом Филиппа еще под Амфиполем, плакали от счастья. То был день их торжества, их ликования. Они кричали от восторга. Они, победители, возглавляемые непобедимым гением и богом, таким молодым и таким прекрасным.

Александр и вправду был ослепительно красив в эти мгновения своего триумфа. Освещенный исходящим снизу светом он был подобен драгоценной беломраморной, закованной в золотую чешую статуе, вдруг ожившей под резцом кудесника-камнереза. Глаза царя сверкали как карбункулы, темно-русые кудри развевались от дыхания теплого ветра. Воздушные потоки подхватывали царский плащ, скрепленный на плече драгоценной застежкой, и тот взмывал вверх подобно крыльям победоносной Нике, окрашивая золотистую статую кровавыми языками пурпура. Это был живой бог, бог победы и славы, и победители боготворили его.

Оглушительные крики продолжались до тех пор, пока Александр не подозвал к себе друзей. Это послужило сигналом к

началу пира. Приглашенные начали рассаживаться. Дождавшись когда все займут свои места, Гефестион поднял бокал и провозгласил первый тост.

— Я поднимаю кубок за царя Александра, первого воина среди присутствующих, первого полководца среди когда-либо живших. Я славлю его гений, дарующий нам победу в битвах. Я пью за великого воина, владыку Македонии, Азии и всего мира!

Раздался новый взрыв ликования. Все вскочили на ноги и громогласно славили своего царя.

Александр был бледен от волнения, глаза его сверкали. Поднявшись, он поднял Гефестиона и поцеловал его в уста. Сидевший напротив Филота ревниво усмехнулся.

Слуги внесли первую перемену блюд. Пир начался.

Эллины, особенно македоняне, пировали совершенно иначе, нежели парсы. Последние пили вино лишь в конце трапезы и занимали друг друга неспешной беседой. Завоеватели не знали воздержанности ни в питие, ни в разговорах. Вино лилось нескончаемой рекой. Вскоре глаза пирующих заблестели, речь стала несвязной и раскованной. Победители орали, смеялись, бесцеремонно окликали соседей. Звуки сливались в непрерывный, плотный гул, время от времени прерывавшийся здравицами в адрес царя или хвалебным словом македонскому оружию. Еще более пили без тостов, ударив кубком о кубок соседа. Слуги сбивались с ног, внося непочатые кувшины с вином.

Минуло совсем немного времени, а все уже были порядком хмельны. Кое-кто, особенно из числа непривыкших к подобным попойкам парсов, лежали под столами, некоторые пытались буянить и тогда их успокаивали охранявшие дворец гипастисты. Но большинство участников пира, свыкшиеся с обильными возлияниями, держались стойко. Пример тому подавал сам царь. Развалясь в просторном, обитом вишневым бархатом кресле, он разговаривал то с Гефестионом, то с сидевшим по другую руку Птолемеем, не забывая отдавать должное непрерывно подаваемым явствам и поднимать кубок, отвечая на тосты гетайров. Со стороны могло показаться, что Александр полностью увлечен празднеством, но меж тем, если внимательно присмотреться, можно было заметить, что на самом деле оно не слишком занимает его. Царь то и дело бросал быстрые взгляды на Таис, которую без особого успеха пытался завлечь в свои сети Клит. Афинской гетере, привыкшей к изящной беседе с мудрецами и поэтами, было скучно в компании грубых, не отличающихся остротой ума, воинов. Она и не пыталась скрыть этого, несколько раз позволив себе очаровательно зевнуть. Ухаживания Клита становились все более навязчивыми. Когда же он попытался перейти от слов к делу, Таис не выдержала. Она покинула стол и направилась прочь из Тронного зала. Клит также привстал, намереваясь последовать за ней, но в этот миг на его плечо легла тяжелая рука Птолемея, без слов понимавшего желания своего царя. Икнув,

Клит шлепнулся обратно в кресло. Зато поднялся Александр.

— Я скоро вернусь, — сказал царь, жестом руки запрещая Птолемею следовать за собой. Гетайры безмолвно переглянулись и как ни в чем не бывало наполнили кубки.

Александр догнал афинянку уже за пределами Тронного зала. Девушка стояла на краю огороженной невысоким барьером террасы и смотрела в расстилавшуюся перед ней темноту. Дул сильный ветер, уносивший крики гуляк в противоположную сторону, и оттого на террасе было довольно тихо. Александр встал рядом с гетерой, она не обратила на него ни малейшего внимания. От Таис веяло легким ароматом благовоний и неуловимо притягательным запахом, присущим красивым женщинам. Несмотря на бодрящий сердце хмель, Александр чувствовал легкую робость, которая обычно охватывала царя, когда он оказывался наедине с этой загадочной и прекрасной женщиной.

Устав смотреть в темноту, Таис перевела взгляд на небо, полное звезд, ослепительно-ярких в этих краях. Александр предался тому же занятию. Он рассматривал созвездие льва до тех пор, пока не зарябило в глазах. Тоненько свистевший ветер доносил из степи пряные запахи и цокот кузнечиков. Набравшись смелости, царь обнял талию девушки, с радостью отметив, что она не осталась безучастной к этому прикосновению. Кожа под тонкой тканью чуть дрогнула, дыхание, как показалось Александру, участилось. Наклонившись к уху Таис, царь прошептал:

— Тебе не понравился мой праздник?

Гетера ответила не сразу. Она повернула голову и долго рассматривала едва различимое во тьме лицо царя. В глазах ее светились кошачьи огоньки.

— Мне скучно, царь, — сказала она наконец.

— Чем я могу развеселить тебя?

Таис ушла от прямого ответа.

— Ночь, — едва слышно вымолвила она. — Ночь порождает во мне неясную грусть. Ночью мне хочется покоя и умиротворения, тихих слов и... — Таис не договорила, оборвав фразу на полуслове. — Такая ночь не для шумного пира. Тьма и мерцанье звезд. Огромных и таких холодных. Далеких! Развей тьму, царь, и тогда я буду веселиться.

— Я прикажу развести костер.

— Огромный костер! — подхватила Таис. — Чтоб его пламя взвилось до самых небес. Очищающее пламя!

— Дворец? — спросил Александр.

— Я хотела бы видеть пылающим весь город, весь мир, но сегодня мне будет достаточно и дворца.

Александр резко обернулся. Из-за медных дверей Тронного зала пробивались мятущиеся блики света, вычерчивавшие на земле замысловатые зигзаги.

— Пусть будет так, — прошептал он. — Этого хотели гетайры, маг, а теперь и ты. Значит этого хочет судьба. Каменный

монстр обречен. Он не вправе оставаться сердцем империи. Это склеп. И он был склепом уже в тот день, когда руки каменщиков положили на землю первую плиту. — Александр обнял рукой тонкую шею девушки. — Пойдем! Я сделаю для тебя самый величайший подарок, о котором только может мечтать женщина. Ты запалишь грандиозный костер и его багровые блики будут плясать в твоих колдовских глазах! Пойдем!

Последние слова царь иступленно кричал, заглушая вой степного ветра.

— Пойдем, — просто ответила Таис, подавая македонянину крохотную изящную руку. И они вернулись во дворец. И новый повелитель Парсы вложил в эту руку факел. Не обращая внимания на вопрошающие взгляды пирующих, Таис с улыбкой поднесла маслянистый огонь к ковру. И мгновенно вверх взметнулись языки пламени.

— Жги! Пусть сгинет прогнившее царство! — кричал Александр.

Захмелевшие гетайры с радостными криками повскакали с мест. Они хватали с треножников факелы и подносили их к креслам, кедровым панелям, тяжело спадающим на пол занавесям. Бушующее пламя взвилось сразу во многих частях зала. Оно с ревом рванулось вверх и принялось лизать перекрытия. Изумленные крики людей потонули в ужасном вое огненной стихии. Вид пылающих потоков, стремительно расползающихся по стенам и своду, протрезвил хмельные головы. Гости повскакали со своих мест и бросились вон из Тронного зала. Летели на пол переворачиваемые столы, звенело золото, разлетались вдребезги кувшины с вином. Кое-кто, даже пред лицом ужасной опасности сохранявшие самообладание, хватали драгоценные подносы и кубки, желая уберечь их от огня, но большинство думало в эти мгновения лишь о спасении собственной жизни.

Людские потоки устремились в распахнутые двери. У выходов началась давка. Гости и слуги сшибали друг друга с ног, беспощадно топча упавших. Те, что имели при себе оружие, не замедлили пустить его в ход, очищая себе путь для бегства. Пролилась кровь. Ее вид лишь раззадорил гетайров. Одни из них поджигали еще не тронутые пламенем ковры и занавеси, другие, выхватив мечи, рубили мебель и драгоценную посуду. Гефестион, давясь, пил из кувшина багряное вино, а затем, воя от восторженного бешенства, вылил остатки его на всклокоченную голову. Александр, со страшной улыбкой, памятной тем, кто видел ее на поле брани, наблюдал за гибелью дворца.

Обитель Ахеменидов была подобна бочке с вязкой смолою. Великое множество ковров и тяжелых драпировок, пересохшие за многие десятилетия панели, кедровые балки, из которых была сложена крыша, представляли великолепную пищу для огня.

Яркое пламя, треща, бежало вверх и в стороны. Огненные змейки пожирали ворс ковров, охватывали кольцом перекрытия,

заключали в светящийся ореол звероподобные протомы. Вскоре все стены были объяты пламенем, с пылающего свода падали камни и охваченные огнем куски дерева. Раскаленный воздух опалял горло, доспехи превратились в обжигающую чешую, на ладонях гетайров, сжимавших рукояти мечей, появились белесые пузыри. Лишь тогда они оставили охваченное огнем здание и вместе с Александром и Таис выбежали наружу.

Здесь расположилась бесчисленная толпа из спасшихся бегством пирующих, горожан, а также воинов, сбежавшихся спасать царя. Все они безмолвно взирали на гибнущий дворец.

Ревущий огонь завораживает своей грандиозной всепоглощающей силой, пред которой, порой кажется, не устоит ничто. Волна, порожденная океанской бездной, также могуча, но разве холод и влажный мрак, перемешанные с грудами песка могут сравниться с ослепительным белым огнем, пожирающим плоть и взвивающимся к небу. В этом пламени кусочек космоса, частичка танцующей звезды, пролетающей в стремительном вальсе перед тем как исчезнуть в черноте небытия. В огненных языках заключены мириады золотистых искорок, каждая из которых уже есть чудо, ибо живет лишь миг и взмывает в небо падающим метеоритом.

В своем преклонении пред духами и стихиями человек чаще всего выбирал пламя во всех его ипостасях — солнце, огонь, подземная стихия вулканов. Даже любимые человеком драгоценные камни — и те несут в себе частичку огненного света, и именно потому любимы.

Человек по натуре огнепоклонник. Во что бы он не верил, его мысль рано или поздно обращается к огню в образе ли Зевсовой молнии или огненного ямба Яхве. Огонь есть воплощение справедливости. Так считают последователи Заратустры. Все есть огонь, дарующий жизнь и несущий смерть — огонь Прометея и погребальный костер Геракла.

То был великий огонь, огонь очищения. Он не думал умерять свой пыл лишь Тронным залом. Багровые языки, словно щупальца осьминога, выскакивали сквозь проемы окон и швыряли горсти искр в сторону ападаны, тачары Дария, хозяйственных построек и казарм. Огонь грозил подобраться к казнохранилищу, где лежали бессчетные груды золота и серебра. И тогда Александр смирил свой буйный нрав, велев:

— Остановить!

Тысячи воинов бросились на борьбу с разбушевавшейся стихией. Они обрушивали тлеющие бревна, обливали водой раскаленные стены, отчего в ночное небо взвивались облака черного пара. Пожар потерял свою первозданную красоту. Теперь он походил на издыхающее чудовище, плюющее остатками былой ярости. Огонь еще хитрил и изворачивался. Он прорывался узкими, скользкими, раскаленными языками сквозь стены и тогда вспыхивала одежда воинов, а на коже образовывались багровые

волдыри. Кричали обожженные, и чумазые, задыхающиеся от дыма люди уносили прочь лишившихся чувств товарищей. Огонь действовал то подобно коварному гаду, проникая под землю и выпрыгивая оттуда искрящимися фонтанами, то словно разъяренный бык сокрушал стены ревом и ужасными ударами оранжевых смерчей.

Натиск огненного урагана был страшен. Обращались в пепел дерево и ткань, потом не выдерживал камень. Одна из кирпичных стен, докрасна раскаленная пламенем после того как ее облили водой снаружи, пошла длиннющими трещинами. Едва воины успели отбежать подальше, как она рассыпалась на множество дымящихся кусков. И тут же рухнул свод. Упали огромные каменные быки-протомы, невиданными светящимися бабочками спланировали в плюющееся искрами облако раскаленные медные пластины.

Это был последний всплеск ярости. Пламя взвилось вверх с такой силой, что казалось вот-вот поглотит остальные части дворца. Но то была агония. Золотистые языки медленно умерли, словно ушли под землю, над развалинами воцарились дым и влажный пар.

Встанет солнце, и руины окончательно распростятся с огненным жаром. И тогда на пепелище устремятся интенданты, которым поручено выискивать оплавленные лепешки золота.

Александр и Таис были в этот миг далеко — в опочивальне Дария. Пресытившись любовными ласками, они лежали на громадном пушистом ковре, сотканном из шерсти тонкорунных овец. Легонько поглаживая безволосую, словно у младенца, грудь царя, Таис с улыбкой говорила:

— Твой подарок был великолепен. Как жаль, что это был лишь миг.

Александр ответил с серьезностью государственного мужа:

— Я не мог допустить гибели своего дворца. Мы свершили свою месть, испепелив колыбель, в которой зарождалась власть царей-варваров. И ты зажгла самый огромный в мире костер. Но я не вправе позволить огню уничтожить казну или дворцовую кладовую. Мне нужно золото, мои воины нуждаются в продовольствии и вине. Кроме того, — царь усмехнулся, — нам же необходима крыша на эти три дня, что я думаю провести в Парсе. Ведь не станешь же ты уверять, что предпочла б дворцу шатер, разбитый посреди голой степи!

— Ты хочешь иметь дом?

Брови Александра задумчиво сдвинулись.

— Я привык к жизни воина, но порой я мечтаю о доме, — признался он.

— Владеющий миром не вправе иметь дом! — веско произнесла Таис.

— Когда придет время, я сожгу все дворцы, обретенные мной. Или, если хочешь, подарю их тебе.

— Мне не нужны дворцы. Весь мир — дворец.

— Мир есть храм, — задумчиво промолвил Александр. — Кажется, так сказал Заратустра.

Таис кивком головы подтвердила правоту этого предположения. Затем она легла щекой на руку царя и закрыла глаза.

— Мне нужен огонь.

— А мне нужна ты! — вдруг сказал Александр.

Прекрасные губы афинянки тронула легкая улыбка.

— Смешно и нелепо: величайшему царю мира связывать свою судьбу с гетерой, женщиной, побывавшей в объятиях многих мужчин.

— Мне все равно. Прими мои дворцы, мои сокровища и оставайся со мной.

— Лестное предложение. Любая женщина была б непомерно счастлива, получи она подобное.

— А ты?

— Я не нуждаюсь во дворцах. И мне не нужны сокровища. Я имею больше, чем мне может дать кто-либо. Я люблю огонь. Он очищает и сжигает груз прожитых лет. Этот огонь превращает человека в невинного ребенка, завороженно наблюдающего за его веселящимися искрящимися язычками. Он делает из порочной души чистый лист пергамента. Ты зажег этот огонь и тут же погасил его.

— И это все? — Александр привстал на локте. — Я тотчас же велю зажечь его вновь!

— Не нужно. Не стоит тревожить остывшие останки. А кроме того мне не хочется вставать с этого пушистого ковра. Так ты любишь меня?

— Да. — Александр склонился к Таис и в подтверждение своего признания поцеловал ее в губы.

— Ты говорил это каждой девке, с какими имел дело? — дерзко засмеялась гетера.

Вопреки ее ожиданию, Александр не выказал гнева, а его последующие слова поразили Таис откровенностью.

— Ты моя первая женщина.

— Как, неужели ты...

— Да, — ничуть не смущаясь, ответил на еще невысказанный вопрос великий македонянин. — Ты единственная женщина, которой я возжелал обладать. Это глупо?

— Нет, это необычно. — Приоткрыв глаза Таис с любопытством взглянула на Александра. — И прекрасно. Я недостойна такой любви.

— Позволь мне решать это.

— А ты недостоин моей, — быстро прибавила гетера.

— Как тебя понимать?

— Помнишь, что сказал маг? Он обещал прийти к тебе, когда ты покоришь мир. Я же буду твоей, когда ты наполнишь его очищающим пламенем. Пусть он вспыхнет во славу Таис!

— Ты безумна! — прошептал Александр, целуя чуть усталое лицо Таис.

— Быть может. Но не более других. — Афинянка ласково погладила царя по голове. — Бедный мальчик, взваливший на свои плечи ужасное бремя власти. Тебе никогда не покорить мир. Ты боишься огня, ты боишься истинного размаха, тебя пугает необъятность сущего. Ты решился покорить огромное царство, на что не отваживались другие. Но ведь это такая малость в сравнении с тем, что по плечу человеку. Ты пытаешься создать великую империю, не подозревая, что она рассыпется на куски через день после твоей смерти. Время подобных империй еще не настало. Ты опередил время, Александр! То, что ты затеял, по плечу героям будущего. Ты же живешь прежде своего времени. И строишь великие планы. Ты умрешь в тот миг, когда вдруг осознаешь всю тщетность своих надежд. И не потребуется ни яда, ни кинжала. Ты превратишься в маленького человечка и умрешь. Маленький смешной дурачок. И все же я люблю тебя. — Таис притянула Александра к себе и, обжигая его губы страстным дыханием, прошептала:

— Люби же и ты меня, царь... Царь!

И Александр утонул в нежных ласках голубоглазой колдуньи.

Он проживет еще восемь лет. Он выиграет немало битв и покорит множество царств. Он создаст империю, подобно которой не было в истории. Он создаст эту империю всего за какие-то десять лет. Подобного никогда и не будет. Спустя год после внезапной смерти империя Александра Великого распадется на эпигонские[1] королевства, яростно враждующие друг с другом. Ведь время империй еще не настало. Но все это будет через долгие восемь лет.

А пока Александр лежал в объятьях самой прекрасной в мире женщины и на его лице играли багровые сполохи огня. Огня отваги, победы и славы. Огня мести. Огня, зажженного полтора столетия назад рукой другого великого царя у фермопил.

Эпоха ВОИНА близилась к завершению. Впереди была эпоха ИМПЕРАТОРА.

Кратер

Имеется право Судьбы, небожителей вечных решенье,
Давнее временем, вечное, мощной скрепленное клятвой:
Если кто-либо убийством руки свои запятнает,
Или кто в распре с другим клятву преступно нарушит
(Кто-то из демонов-духов, жизнью своей долговечных),
Три мириады годов блуждать им вдали от блаженных,
В ходе времен воплощаясь в образы смертных созданий,
Жизни крутые дороги ежемгновенно меняя;
Ибо высокий эфир в море их гневно бросает,
Море их гонит на сушу, земля — к лучезарному свету
В небе светящего солнца, солнце же — снова к эфиру.
Так они гости везде, но равно их все ненавидят.
Один из низвергнутых — я, изгнанник богов и скиталец.
Гневным раздором влекомый...

ЭМПЕДОКЛ, из поэмы «Очищения»

Никто не мог сказать точно, когда это случилось. Никто не мог поручиться, что это было вообще. Смутные обрывки памяти донесли до нас лишь факт, что в тот год была Олимпиада. Но, может быть, ее и не было. Как не было и всей этой истории.

Дверь поздним гостям открыл заспанный Павсаний. Их было трое.

У первого было лицо аскета, оставившего людскую суету.

Второй был скроен по принципу домино. Глубокие голубые глаза его свидетельствовала о мудрости, а крупные мускулистые руки говорили о том, что в споре он скорей полагается на силу, нежели на ум. Трудно было встретить на земле человека, имевшего более противоречивые глаза и руки.

Третий был воин. И этим все сказано.

— Где философ? — спросил скроенный по принципу домино.

— Павсаний? — осведомился воин.

— Какой по счету? — ухмыльнулся воин.

Павсаний не успел ответить, так как из-за его спины появился сам Эмпедокл. Мудрец оглядел странную троицу и произнес:

— Я ждал вас.

— Мы пришли за тобой. Твоя миссия здесь закончена, — сказал аскет.

— Учитель, что это значит? — удивился Павсаний, любимый ученик философа.

— Помолчи, — велел Эмпедокл. — Принеси вино, сыр и фрукты.

— И мясо, — сказал воин.

— Нет, — Эмпедокл покачал головой. — В этом доме больше не едят мяса.

Воин огорчился.

— Тогда я буду ждать вас в таверне, что у перекрестка четырех дорог. Там подают рагу из косули.

Его спутники не возражали, и воин ушел.

Философ и гости сели за стол. Павсаний быстро принес вино и нехитрую снедь. Эмпедокл собственноручно наполнил чаши.

— Я знал, что рано или поздно это случится.

— Я знал, что это случится рано, — сказал аскет.

— За нас! — подытожил тот, чьи руки и глаза являли противоречие.

Эмпедокл покачал головой.

— Я не оставлю этот город. Я слишком прикипел к нему.

— Чепуха, — заметил аскет. — Рано или поздно ты должен будешь уйти. Философ не должен умирать в своем море.

— Мне шестьдесят, — задумчиво сказал Эмпедокл. — Полагаю, я уже искупил своими страданиями эту жизнь. Кратер Этны рядом.

Павсаний вздрогнул. На губах пришельцев появилась легкая улыбка.

— Умереть, чтобы вновь возродиться, умереть загадочно, — задумчиво произнес аскет. — Мудро.

— Ты не понял меня, — сказал Эмпедокл. — Я не уйду с вами.

— Но что мешает тебе? — спросил сотканный из противоречий.

— Вы полагаетесь лишь на силу. Я же руководствуюсь мудростью и гармонией.

Сильные пальцы аскета крошили сыр, размазывая крошки по выскобленному столу. Но он был далек от того, чтобы обращать внимание на жирные пятна, ложащиеся на дубовую поверхность.

— Сила и мудрость, — задумчиво вымолвил он. — Некогда я полагался на мудрость и проиграл. Выиграл он, чьим кличем была силы. — Аскет кивнул на своего товарища. — Затем я поставил на тайную силу и победил. Мир, сам о том не подозревая, лежал у моих ног. Но и это не принесло мне ни счастья, ни удовлетворения. Я чувствовал неутоленную страсть, словно сжигаемый похотью инкуб.

— Тебе не хватает...

— Погоди! — прервал Эмпедокла тот, что был соткан из противоречий. — Он верно сказал. Я поставил на явную силу. И удача долго сопутствовала мне. Я не нуждался в мудрости, ибо в душе был мудр, а тех, кем я повелевал, интересовала лишь сила. Но я проиграл, проиграл человеку, много более слабому по своим возможностям, чем я; человеку, которого я мог раздавить одним пальцем, человеку, который отказался от того, чтобы все разрешать силой. Сила оказалась ничем. Что ты скажешь на это?

— Друзья мои! — Было видно, что признания гостей взволновали философа. — Вы забыли о гармонии. Не мудрость и сила, а гармония и мудрость — вот что движет миром. На первое место я ставлю мудрость, но лишь потому, что она помогает мне осмысливать гармонию. Мудрость — это глубоко личное, присущее лишь немногим. И эти немногие должны править миром.

— Я ставил на мудрость, — сказал аскет. — А когда-то мы ставили на нее все вместе.

— Нет. — Противоречивый усмехнулся. — Что до меня, скажу честно, я всегда руководствовался лишь силой.

— Верно! — воскликнул философ. — Мы все руководствовались силой, лишь полагая, что нами движет разум. И потребовались долгие годы, чтобы я понял: то, чего мы хотим, возможно достичь лишь опираясь на мудрость и гармонию. И я отказался от силы. Я перестал есть кровавое мясо. Я прозрел власть — самое сладкое из всех наслаждений, — что мне бросали к ногам. Править может лишь мудрый, но он достаточно мудр, чтобы не править.

— Ты отказался от власти? — усмехнулся аскет.

— Да. Точнее говоря я отказался от той силы, как не понимают люди. Мне отвратительны блеск золота, рев труб и коленопреклоненные. Я властитель, но властвую лишь над умами людей. Я хочу наполнить их души гармонией. Гармония — вот чего нам всегда не хватало. Мы должны найти ту грань между Человеком и Вселенским Логосом, которая очистит мир от скверны.

— И что тогда? — спросил аскет.

Эмпедокл пожал плечами.

— Не знаю.

— Меня вовсе не прельщает перспектива посвятить жизнь поискам того, о чем я не знаю. Слишком коротка она, эта жизнь. Всего тридцать тысячелетий, разделенные на пятьсот перерождений. Так тебе сейчас шестьдесят? — спросил он у Эмпедокла.

— Считается, что да.

— Самый момент, чтобы уйти.

— Я не уйду с теми, кто поклоняется силе, — упрямо повторил Эмпедокл.

— Так ты полагаешь, что грань между Человеком и Логосом заключена в гармонии. Но что есть гармония для тебя? — Сила духа, презирающая жаждущую мяса и развлечений чернь. Точнее, полагающая, что презирает. Но не ты ли внимал рукоплесканиям этой черни? Не ради ли этих рукоплесканий ты творил чудеса и пророчествовал? Может быть, это и есть твоя гармония?

Философ нахмурился.

— Я не совершил ничего такого, за что мне было бы стыдно.

— Конечно. А я и не стыжу тебя.

Аскет замолчал, заговорил скроенный по принципу домино.

— Мы сейчас держим свой путь на север в нетронутые пороком девственные земли. Мы попытаемся еще раз создать мир, где будет править добро. Мы пришли за тобой. Или предпочтешь славу великого фигляра в Элладе?

— Но сила?

— Мы отказались от нее. По крайней мере в том виде, в каком принимали прежде, — сказал сотканный из противоре-

чий. — Попытаемся найти грань между разумом, силой и гармонией.

Внезапно аскет рассмеялся, заставив товарищей взглянуть на себя.

— А знаете, ведь кое-кто ее уже нашел!

— Кто? — спросил Философ.

— Кто? — спросил сотканный из противоречий.

— Тот, кто сейчас сидит в таверне и запивает вином мясо. Он не шел к людям с силой, он не пытался преподнести им разум и гармонию. Он вообще не любит забивать свою голову подобной чепухой и терзаться над разрешением вселенских проблем. Он просто отдал им себя, Человека. Очистительная жертва во имя нового, Человеческого мира.

— День очищения, — прошептал философ и решительно вскинул голову. — Идем! Я полагаю, сегодня Этна вполне раздула свою огненную печь.

— Учитель! — воскликнул Павсаний, о котором позабыли.

Эмпедокл посмотрел на своих гостей.

— А что делать с ним?

Скроенный по принципу домино усмехнулся.

— Он никому не расскажет.

— Только никакой крови!

— Ты странного мнения обо мне. Я вообще не переношу вида крови и никогда не проливал ее, если в этом не было особой необходимости. Спи! — велел он Павсанию и тихо добавил:

— И пусть тебе приснятся горы, лев и орел...

Павсаний уронил голову на стол и уснул.

— Он обо всем забудет. Обо всем, кроме слов своего учителя о кратере Этны. А теперь идем.

— Постойте! — Эмпедокл вышел из комнаты, чтобы вернуться с парой модных сандалий.

— Ты предусмотрителен, — заметил аскет. — Эта обувка выдержит не одну тысячу парасангов.

— Я и не собираюсь одевать их. Я лишь брошу одну из этих сандалий у кратера. Ведь не может же философ исчезнуть бесследно.

Сотканный из противоречий улыбнулся, а аскет сказал:

— Ты прав. Это прекрасно, когда смерть превращает жизнь человека в легенду. Философ Эмпедокл достоин легенды.

И они ушли, а Павсаний храпел, упершись лбом в стол.

Утром он проснулся и криком поведал гражданам Акроганта, что великий маг Эмпедокл сошел в кратер Этны.

Над ним смеялись, как над лжецом, но затем мальчишки нашли в горячем пепле медный сандалий философа, выброшенный ночным извержением. И люди задумались. Как же нужно любить жизнь, чтобы иметь смелость вот так расстаться с ней!

А Павсаний шептал:

— Он бог.

И приносил своему учителю жертвы, словно богу.

Кто-то позднее, ухмыляясь, говорил, что видел на рассвете Эмпедокла в сопровождении двух незнакомцев, идущими по дороге в гавань. И будто у перекрестка четырех путей их ждал могучий воин, иссеченный сотнями шрамов. И солнце играло на его невиданно длинном мече.

Но ученик философа не поверил.

Всю свою жизнь он надеялся, что послышатся шаги у входа и в дверь войдет учитель, познавший истину. Ведь познавшим истину даруется бессмертие.

И на смертном одре ему привиделся сон. Последний перед вечным.

На огромном квадрате солнечного белого мрамора стояли четверо.

Одним из них был учитель, облаченный в свой обычный пурпурный плащ. По левую руку от него стоял человек со строгим худощавым лицом аскета и бездонно-черными глазами, в которые не хотелось смотреть, а, заглянув, было почти невозможно выбраться из их омута. По правую — застыл муж, во взгляде его была мудрость, а руки были сильны; у ног его сидел орел, он был не очень умен, но безмерно предан. Напротив философа возвышалась громадная фигура воина, вся суть которого заключалась в том, что он воин и не мог быть никем иным.

Меж ними светился огромный золотистый шар, ослепительный, словно сгусток магмы из чрева кузни Гефеста. Пафсаний признал в нем истину.

Все четверо одновременно сделали шаг к шару и положили на него руки. И шар воспарил в эфире.

А воин запел.

То была победная песнь ВОИНА.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

стр. 40 [1] ПЕКИД — сельский староста.

стр. 43 [1] УЛЫБНУЛСЯ (УЛЫБНУЛАСЬ) — Родовое естество сфинкса неопределенно. У греков сфинкс — существо женского рода, у многих других народов — мужского.

стр. 66—123 [1] Выделенные фразы — цитаты из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».

стр. 136 [1] ЖАНДАРМЫ — род тяжелой кавалерии в французской армии, идентичен кирасирам.

[2] ВЕЛЛИНГТОН Артур Уэсли — английский военачальник. Командовал английскими войсками в сражениях против армий Наполеона на Пиренейском полуострове и в битве при Ватерлоо.

[3] БЛЮХЕР Гебхард Лебрехт — прусский военачальник. Командовал прусскими войсками в сражениях против армий Наполеона в 1813—1815 гг., в том числе в битве при Ватерлоо.

[4] «ВОРЧУНЫ» — так Наполеон называл солдат «старой» гвардии.

[5] БИТВА У ПИРАМИД — сражение между войсками Наполеона и мамлюкской армией неподалеку от Каира (1798 г.) Наполеон нанес мамлюкам сокрушительное поражение.

[6] МАРЕНГО — битва между французскими под командованием Наполеона и австрийскими войсками (1800 г.). После кровопролитного боя победу одержали французы.

[7] АУСТЕРЛИЦ — битва между русско-австрийской армией под командованием Кутузова и французской под командованием Наполеона (1805 г.). В силу стратегических просчетов русского командования Наполеон одержал блестящую победу.

[8] ИЕНА — двойное сражение между французскими и прусскими войсками (1806 г.). Французы под командованием Наполеона и маршала Даву одержали победу.

[9] ЭЙЛАУ, точнее ПРЕЙСИШ-ЭЙЛАУ — сражение между французской и русско-прусской армией (1807 г.). Отличалось крайним ожесточением.

[10] САРАГОСА — ожесточенный штурм французскими войсками испанского города Сарагоса (1808—1809 гг.).

[11] БОРОДИНО, БЕРЕЗИНА — сражения между русской и французской армиями (1812 г.).

[12] ЛЕЙПЦИГ (битва народов) — генеральное сражение между армией Наполеона и войсками австро-русско-прусской коалиции (1813 г.). Имея двукратное преимущество союзники одержали решительную победу, приведшую к отречению Наполеона.

стр. 137 [1] «СОЛДАТЫ, СОРОК ВЕКОВ СМОТРЯТ НА ВАС СЕГОДНЯ С ВЫСОТ ЭТИХ ПИРАМИД» — слова Наполеона к солдатам перед битвой у пирамид.

стр. 139 [1] СОБЕССКИЙ Ян — польский король (17 в.), мнократно побеждал турок.

[2] ИОАННИТЫ — члены рыцарского ордена св. Иоанна. В 1565 г. иоанниты разбили турецкое войско, пытавшееся захватить Мальту.

[3] «ЖЕЛЕЗНОБОКИЕ» — отборная конница, созданная О. Кромвелем. Сыграла решающую роль в войнах между английским парламентом и королем Карлом I.

[4] КЛЕБЕР — знаменитый французский генерал времен Великой французской революции и Директории.

[5] «ШАНГОРСТ» и «ГНЕЙЗЕНАУ» — немецкие крейсера, принявшие неравный бой против английской эскадры. Командовавший немецкими кораблями адмирал фон Шпее отказался спустить флаги и погиб вместе с 2000 матросов, среди которых были два его сына.

[6] Sic transit gloria mundi (лат.). ТАК ПРОХОДИТ ЗЕМНАЯ СЛАВА.

стр. 140 [1] ДИАДОХИ (последователи — гр.) — полководцы Александра Македонского, разделившие после смерти повелителя его державу.
[2] ТРИАРИИ — наиболее опытные воины, составлявшие третью линию римского легиона
[3] ГЕЛЬВЕТЫ, БЕЛЬГИ и т. д. — галльские племена, покоренные Юлием Цезарем.
[4] ФАРСАЛ, ТАПС, МУНД — битвы гражданской войны в Риме, в которых Юлий Цезарь разгромил своих основных противников.
[5] КОСОВО ПОЛЕ — место битвы между турецкой армией и объединенными силами сербов, боснийцев и албанцев. Турки одержали полную победу и захватили Сербию и ряд соседних государств.
[6] Terra incognita (лат.) — неведомая земля.
[7] A furore North mannorum lebera nos, Domine! (лат.) — спаси нас, Господи, от ярости норманнов.
[8] МУДЖАХЕДДИНЫ — исламские воины, ведущие священную войну против неверных.

стр. 141 [1] БАССАНО, ХОЛЛАБРУНН... — наиболее кровопролитные сражения наполеоновских войн.
[2] КЛАУЗЕВИЦ — виднейший военный теоретик. МОЛЬТКЕ — его ученик и последователь.

стр. 142 [1] ЛЕВКТРЫ — место сражения между пелопоннесским и фиванским войском (371 г. до н. э.) Фиванцы под командованием Эпаминонда нанесли врагу сокрушительное поражение.
[2] МЕЛИССИНО А. П. — русский гусар, командир полка. В 1813 году под Дрезденом совершил подвиг самопожертвования, бросившись верхом на коне на штыки неприятельского каре. Вражеский строй был прорван, Мелиссино получил несколько смертельных ран и скончался на месте.
[3] ЛАНН Жан — маршал Франции, один из известнейших полководцев французской армии. Командовал войсками во многих сражениях. Смертельно ранен в бою при Эслинге.
[4] КУРГАННАЯ ВЫСОТА, иначе батарея Раевского. — При атаке на это укрепление погибло множество французских кирасир во главе со своим командиром генералом Коленкуром.

стр. 144 [1] МЕТАГИТНИОН — у эллинов месяц, соответствующий августу—сентябрю.

стр. 146 [1] КАРНЕИ — дорийский праздник, посвященный Аполлону.

стр. 154 [1] ПЕЛИОН — гора в Фессалии.

стр. 157 [1] ГАМЕЛИОН — у эллинов месяц, соответствующий январю—февралю.

стр. 158 [1] ДЕРКЕТО — богиня западно-семитского пантеона. Во время торжественных церемоний жрецы Деркето подвергали себя жестокому бичеванию.

стр. 161 [1] ПОМОЧИЛСЯ В ВОДУ — осквернение воды у зороастрийцев величайший грех.
[2] АНАКСАГОР — легендарный лучник, пославший стрелу на 283 оргии (более 520 метров).

стр. 162 [1] «Походить на АБДЕРИТА», т. е. быть глупцом. Согласно древнеэллинской традиции жители города Абдера отличались непомерной глупостью.

стр. 168 [1] МИДИЙЦЫ — правильней было бы мидяне. Но так как эллины всех жителей Персидской империи именовали мидянами (см. примечание к стр. 235), то автор счел удобным назвать жителей сатрапии Мидия мидийцами.

стр. 170 [1] ПЕЛЬТАСТЫ — у эллинов легкие пехотинцы, вооруженные луками, дротиками и щитами-пельтами.

стр. 175 [1] АКАРНАНИЯ — область на западном побережье Средней Греции.

стр. 180 [1] ПЕНТЕКОСТИЯ — в спартанской армии подразделение из 50 человек.

стр. 181 [1] ОСМЕЛИВШИХСЯ СОКРУШИТЬ СВЯТЫНИ АХУРАМАЗДЫ В САРДАХ — главным официальным мотивом похода против Эллады было участие эллинов в сожжении Сард, где в пожаре погибли храмы персидских божеств.

стр. 182 [1] ЛОХ — в спартанской армии подразделение из 150 человек.

стр. 190 [1] СКИАФ — один из Спорадских островов.

стр. 192 [1] ЭРЕТРЕЯ — город на юго-западном побережье Евбеи.

стр. 193 [1] ЛАДА — остров близ Милета, где в 496 году произошло сражение между ионическим и персидским флотом.

стр. 195 [1] АМФИКТИОНЫ — представители эллинских племен, объединявшихся вокруг определенного храма. В данном случае речь идет о храме Деметры, расположенном неподалеку от Фермопил.

[2] АЛКМЕОН — сын Мегакла, родоначальник знатного афинского рода Алкмеонидов. Будучи в Лидии получил разрешение царя Креза унести из царской сокровищницы золота столько, сколько сможет. Находчивый Алкмеон набил золотым песком даже волосы и рот.

стр. 204 [1] КЛОН — в данном случае генетический слепок с человека.

[2] АРТЕФАКТ — в данном случае искусственное существо с определенным заданным набором качеств.

стр. 205 [1] СКИТАЛА — особый вид послания. На палку определенной толщины намытывали кожаный ремень, на который наносили запись. Затем ремень снимали и отправляли адресату. Прочесть послание мог лишь тот, кто обладал точно такой же палкой.

стр. 219 [1] КОЙНЕ — классический греческий язык.

стр. 241 [1] Из Пиндара.

[2] СОЛИМЫ — мифический народ.

[3] ОТ и ЭФИАЛЬТ — внуки Посейдона. Славились непомерной силой и гигантским ростом. Угрожали богам взгромоздить на Олимп Оссу и Пелион и достичь таким образом неба. Были убиты Аполлоном.

стр. 275 [1] ЗОПИР — персидский вельможа. Выдав себя за перебежчика, пострадавшего от царя Кира, помог персидской армии овладеть Вавилоном.

стр. 341 [1] ДИАТРЕМА — канал, пробитый в земной коре взрывом вулкана.

стр. 346 [1] ЛЕЗЕЙОН — выпуклый щит из кожи и металла.

стр. 350 [1] ПОЛИМЕДОВА СТАТУЯ — Полимед — известный аргосский скульптор 6-го века до н. э.

стр. 402 [1] КИФЕРОН — гора на границе Аттики и Беотии.

стр. 403 [1] Эсхил, «Персы»

стр. 406 [1] МОРА — отряд спартиатов численностью 400—900 человек.

[2] ПИТАНА — один из пяти округов Спарты.

стр. 412 [1] ЛОГОГРАФЫ — древние историки до Геродота включительно.

стр. 417 [1] АРДВИСУРА — богиня вод и плодородия у зороастрийцев.

стр. 418 [1] МИКАЛЕ — местность в западной части Малой Азии, место сражения между эллинами и персами (479 г. до н. э.). Высадившийся с эллинских кораблей десант во главе со спартанским царем Леотихидом захватил укрепленный персидский лагерь и уничтожил вытащенные на берег корабли.

стр. 424 [1] ГАУМАТА (иначе СМЕРДИС) — маг, захвативший персидский престол после смерти царя Камбиза. В результате заговора был убит семью вельможами, в числе которых был будущий царь Дарий I.

стр. 432 [1] Жена царевича Дария Фраорта была дочерью Масиста, казненного Ксерксом.

стр. 438 [1] РАЗДАВЯТ ГОЛОВУ — отравителей в Парсе казнили, раздавливая голову между каменными глыбами.

стр. 443 [1] ИОППИЯ — город в Иудее.

стр. 448 [1] Ф. НИЦШЕ «Так говорил Заратустра».

стр. 449 [1] ГРАНИК — река в Троаде (Малая Азия), место сражения между армией А. Македонского и персидскими войсками (334 г.

до н. э.). После долгого упорного боя победу одержали македоняне.

[2] ИССА — город в Киликии, место сражения между армиями Александра Македонского и Дария З. (333 г. до н. э.) Битва отличалась упорством, однако после бегства Дария персидская армия была наголову разгромлена.

[2] ГАВГАМЕЛЛЫ — небольшое поселение на берегу Тигра, место генерального сражения между македонской и персидской армиями (331 г. до н. э.). Проходило примерно по тому же сценарию, что и битва при Иссе.

[4] ПЕДЗЭТАЙРЫ — македонская пехота, составлявшая фалангу.

[5] САГАРИССА — длинное, до 4 метров копье, использовавшееся педзэтайрами.

[6] ГИПАСПИСТЫ — род македонской пехоты. Гипасписты имели более легкое вооружение по сравнению с подзэтайрами, использовались для войны в горах, во время быстрых маневров и т. д.

[7] АГРИАНЕ — воины из фракийского племени, жившего по р. Стримону. Славились как искусные стрелки из лука.

[8] ПЕОНЫ (ПЭОНЫ) — обитатели Пеонии, области в северной Македонии. Легковооруженные воины в войске Александра.

[9] ГЕТАЙРЫ — тяжелая кавалерия рыцарского типа.

[10] АГЕМА — конная гвардия, состоявшая из представителей высшей знати.

стр. 451 [1] ДОБЛЕСТНЫЙ СЫН ПАРМЕНИОНА — Филота. В 330 г. до н. э. будет обвинен в заговоре против Александра и казнен.

стр. 452 [1] ТАКИСАРХ — командир таксиса.

[2] ИЛА — подразделение гетайров из 200 человек.

[3] ТАКСИС — подразделение пехоты численностью 400 человек.

стр. 455 [1] ДЕМАД — известный афинский оратор, сторонник македонской партии.

стр. 469 [1] ЭПИГОНЫ (последователи — греч.) — так после смерти Александра Македонского именовали его соратников, поделивших между собой империю.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Скифская сага

Глава первая: «Черный город» 4
Глава вторая: «Красные горы» 22
Глава третья: «Четыре загадки Сфинкса». 38
Глава четвертая: «Высокий суд» 53
Глава пятая: «Дракон и Дракон» 69
Глава шестая: «В плену призрачного города» 87
Глава седьмая: «Медные трубы» 108
Глава восьмая: «Заоблачные горы» 124

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Последнее лето

Вместо пролога: «Когда умирает гвардия» 136
Глава первая: «Последний месяц лета» 144
Глава вторая: «Накануне» 157
Глава третья: «Противостояние» 168
Глава четвертая: «Судьбы» 184
Мифологическая библиотечка.
Эпитома десятая: «Отцы и дети. Загрей». 209
Глава пятая: «Гибель богов»-1 219
Глава шестая: «Гибель богов»-2 244
Глава седьмая: «Ночь» 269
Последний поход Конана, варвара из Киммерии 277
Глава седьмая: «Ночь» (Продолжение) 336
Глава восьмая: «Гибель богов»-3 340
Глава девятая: «Гибель богов»-4 363
Глава десятая: «Последний день лета» 388

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Глава первая: «Год спустя. Платеи» 402
Глава вторая: «Пятнадцать лет спустя. Сарды» 416
Глава третья: «Сто пятьдесят лет спустя. Парса» 449
Кратер 470

Примечания автора 475

Дж. Коуль

АТЛАНТЫ. ВОИН II

Зарубежная фантастика

Лицензия ЛР № 061382 от 03.07.92. Подписано в печать 16.05.95 г.
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 30 физ. печ. л.
Тираж 20 000 экз. Заказ 41.

ГФ «Полиграфресурсы», Москва, Петровка, 26.

ТОО «Транспорт», Москва, ул. Верхоянская, 6.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат», 170024, Тверь, пр. Ленина, 5.

Дж. КОУЛЬ · АТЛАНТЫ. ВОЙН II

МВ